

ЗАКАТ
и
ПАДЕНИЕ
РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ

История
упадка и разрушения
Великой
Римской Империи
ЭДУАРДА ГИББОНА

Народная библиотека
«ОГОНЬКА»

ЭДУАРД
ГИББОН

ЗАКАТ
И
ПАДЕНИЕ
РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ

Том IV

УДК 930.9
ББК 63.3(0)
Г46

Художник
С. ГЕРАСКЕВИЧ

Гиббон Э.

Г46 История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: В 7 т. Т. 4 / Пер. с англ. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2008. — 624 с.

ISBN 978-5-275-01704-5 (т. 4)

ISBN 978-5-275-01700-7

От битвы на Каталаунских полях и смерти Аттилы до появления Лангобардского королевства на земле Италии — таков отрезок европейской истории, ставшей предметом четвертого тома. Падение Римской империи, его причины, перенос центра жизни на восток, в Византию, император Юстиниан, его жена, партии цирка, восстание Ника, строительство, война с персами и варварскими королевствами, колонизация германцами Британии — вот основные сюжеты этой книги.

УДК 930.9
ББК 63.3(0)

ЭДУАРД ГИББОН
ЗАКАТ И ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В семи томах
Том четвертый

Редактор *Т. Чугунова*. Художественный редактор *О. Скочко*. Корректор *М. Лубнина*

Подписано в печать 20.11.07 г. Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,76. Уч.-изд. л. 39,92. Заказ № 0727200.

ТЕРРА—Книжный клуб. 127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-275-01704-5 (т. 4)
ISBN 978-5-275-01700-7

© ТЕРРА—Книжный клуб, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

К IV-й части издания in 4-to.

Я исполняю мое обещание и осуществляю мое намерение написать историю упадка и разрушения римского владычества и на Западе, и на Востоке. Она обнимает весь период времени от царствования Траяна и Антонинов до взятия Константинополя Мехмедом Вторым и включает в себе обзор Крестовых походов и положения Рима в средние века. Со времени издания первой части протекли двенадцать лет, которые, согласно моему желанию, были годами «здоровья, досуга и упорного труда». Теперь я могу поздравить себя с тем, что освободился от продолжительной и утомительной работы, но мое удовольствие будет чистым и полным только в том случае, если публика отнесется к последним частям моего сочинения с такой же благосклонностью, с какой она относилась к первым.

Сначала я намеревался собрать в одно целое сведения о тех писателях всех веков и всех наций, из которых я черпал материалы для этой истории, и я до сих пор остаюсь в том убеждении, что такую с виду хвастливую выставку учености мне извинили бы ради действительной пользы такого труда. Если же я отказался от этого намерения, если я уклонился от предприятия, получившего одобрение от великого знатока этого дела*, то извинением для меня может служить то сообщение, что было бы крайне трудно установить размеры такого каталога. Простой список имен и издателей не удовлетворил бы ни самого меня, ни моих читателей; на отличительные черты самых замечательных писателей, излагавших историю Рима и Византии, мне приходилось указывать мимоходом при изложении тех событий, которые были ими описаны; более подробные критические исследования, конечно, достойны усидчивой работы, но они наполнили бы толстый том, который мог бы мало-помалу разрастись в общий обзор всех исторических писателей. Поэтому я пока ограничусь повторением искреннего заверения, что я всегда старался черпать сведения из первоначальных источников; что моя любознательность, равно как чувство долга, всегда заставля-

* См. Предисловие Робертсона к его "Истории Америки".

ли меня изучать подлинники и что в тех случаях, когда я не был в состоянии отыскать этих подлинников, я аккуратно указывал на второстепенные свидетельства, которые были единственными поручиками за изложенные мною мнения или факты.

Я скоро снова увижу берега Женевского озера, с которыми я познакомился в ранней молодости и которые всегда так любил. Живя в досуге и в независимости под мягкой системой управления, среди прелестной природы и вежливого и образованного народа, я пользовался и, надеюсь, впредь буду пользоваться разнообразными наслаждениями уединения и общественной жизни. Но я всегда буду дорожить названием и достоинством англичанина: я горжусь тем, что родился в свободной и образованной стране, и одобрение моих соотечественников, было бы самой лучшей и самой почетной наградой за мой труд. Если бы я пожелал иметь другого патрона, кроме публики, то я посвятил бы это сочинение тому государственному человеку, который в течение своего продолжительного, бурного и в конце несчастного управления имел много политических противников, но едва ли хоть одного личного недруга, который, после своего падения, сохранил много верных и бескорыстных друзей и который под гнетом тяжелого недуга сохраняет привлекательную энергию своего ума и счастливое душевное спокойствие, свойственное его превосходному характеру. Лорд Норс позволит мне выразить чувство дружбы на языке искренности; но даже и искренность и дружба были бы безмолвны, если бы он был еще на том посту, с которого раздаются королевские милости.

В моем далеком уединении, тщеславие, быть может, не перестанет нашептывать мне на ухо, что мои читатели, вероятно, захотят знать, не простились ли я с ними навсегда, заканчивая это сочинение. Я расскажу им все, что я сам знаю, - все, что я мог бы поведать самому близкому другу. В настоящую минуту мотивы для деятельности и мотивы для бездействия уравниваются, а в глубине моей души я не нахожу ничего, что дало бы мне право решить, на которой стороне будет перевес. Я не могу от себя скрывать, что шесть больших томов должны были утомить, а может быть, и истощить снисходительное внимание публики, что при повторении подобных попыток писатель, имевший успех, может более потерять, чем выиграть, что моя жизнь уже клонится к закату

и что самые почтенные из моих соотечественников, те люди, примеру которых я желал бы подражать, положили в сторону перо историка почти в таком же периоде своей жизни. Тем не менее я соображаю, что летописи древних и новых времен представляют много богатых и интересных сюжетов, что я еще располагаю и здоровьем, и досугом, что благодаря привычке писать приобретаются в некоторой степени искусство и легкость и что я вовсе не чувствую, чтобы во мне ослабло горячее влечение к истине и к знанию. Для деятельного ума праздность более утомительна, чем труд, и первые месяцы моей свободы будут употреблены на занятия, способные удовлетворить мою любознательность и мои наклонности. Увлечения этого рода иногда отрывали меня от обязательной, хотя и приятной, работы, которую я добровольно наложил на себя; но впредь я буду полным хозяином моего времени, и все равно, буду ли я делать хорошее или дурное употребление из моей независимости, я уже не буду бояться ни упреков моей собственной совести, ни упреков со стороны моих друзей. Я имею полное право на целый год отдыха; будущее лето и затем зима пройдут очень быстро, и опыт решит, должен ли я предпочесть свободу и разнообразие занятий систематической работе, которая хотя и вносит оживление в ежедневные занятия писателя, но вместе с тем и вставляет их в определенные рамки. Мой выбор, быть может, будет зависеть от прихоти или от случайности, но извортливое самолюбие отыщет мотивы и для одобрения усидчивой деятельности, и для одобрения философского бездействия.

Даунинг-Стрит, 1 мая 1788.

P. S. Я пользуюсь этим случаем, чтобы сделать два замечания, касающихся отдельных слов, так как до сих пор они не приходили мне на ум. 1. Всякий раз, когда я говорю *по ту сторону* Альп, Рейна, Дуная и пр., я предполагаю, что я нахожусь сначала в Риме, а потом в Константинополе, и не обращаю никакого внимания на то, согласны ли такие условные географические указания с местом жительства читателя или автора. 2. При употреблении иностранных собственных имен, и в особенности тех, которые имеют восточное происхождение, я всегда буду стараться, чтобы их перевод на английский язык был верной копией с оригинала. Но мне придется нередко отступать от этого правила, основанного на стремлении к однообразию и точности, а исключения из него

будут более или менее часты сообразно с установившимися в языке обычаями и со вкусом переводчика. Наша азбука иногда оказывается недостаточной; неприятный звук и непривычная орфография могли бы оскорбить слух или зрение наших соотечественников, а некоторые явно извращенные названия вошли в употребление и как бы натурализовались в общеупотребительном языке. У пророка *Мухаммеда* уже нельзя отнять его знаменитого, хотя и неправильного, *Магомет**; хорошо всем известные города *Алеппо*, *Дамаск* и *Каир* были бы почти неузнаваемы под названиями *Галеба*, *Дамашка* и *Ал-Кагиры*; титулы и названия должностей в Восточной империи установлены трехсотлетней практикой; из трех китайских слогов "*Кон-фу-цзы*" мы сделали одно слово "*Конфуций*" и усвоили придуманное португальцами слово "*мандарин*". Но я желал бы употреблять то слово "*Зороастр*" то слово "*Зердуст*", смотря по тому, откуда я буду добывать нужные мне сведения, из Греции или из Персии; с тех пор как мы вступили в частые сношения с Индией, *Тимуру* был возвращен престол, захваченный *Тамерланом*; самые точные из наших писателей урезали у *Корана* излишнюю частицу *Аль*, а, чтоб избежать двусмысленного окончания, мы вместо слова *Mussulmen* употребляем во множественном числе слово *Moslem*. И в этих случаях, и в тысяче других различие оттенков часто бывает незначительно, а когда я не в состоянии указать мотивов моего выбора, я все-таки сознаю, что такие мотивы существуют.

* Мы всюду даем современную транскрипцию имени пророка-Мухаммеда, за исключением этого места. - Прим. ред.

455. Разграбление Рима вандалами
Император Авит
- 453-466. Характер короля вестготов Теодориха
456. Его экспедиция в Испанию
456. Авит низложен
457. Характер и возведение на престол Майориана
- 457-461. Его благотворные законы
Римские здания
457. Майориан готовится напасть на Африку
Гибель его флота
461. Его смерть
- 461-467. Рицимер царствует от имени Севера
Восстание Марцеллина в Далмации
„ Эгидия в Галлии
- 461-467. Морские экспедиции вандалов
- 462 и сл. Переговоры с Восточной империей
- 457-474. Восточный император Лев
- 467-472. Западный император Анфимий
Праздник Луперкалий
468. Приготовления к войне с африканскими вандалами
Неудачи экспедиции
- 462-472. Завоевания вестготов в Испании и Галлии
468. Суд Арванда
471. Раздоры между Анфимием и Рицимером
472. Западный император Олибрий
472. Разграбление Рима и смерть Анфимия
Смерть Рицимера
„ Олибрия
- 472-475. Западные императоры Юлий Непот и Гликерий
475. Патриций Орест
476. Его сын Августул, последний западный император
- 476-490. Король Италии Одоакр
- 476 или 479. Разрушение Западной империи
Августул сослан в Лукуллову виллу
Упадок римского мужества
- 476-490. Характер и царствование Одоакра
Бедственное положение Италии

Глава XXXVII

Происхождение, развитие и последствия монашеской жизни. —
Обращение варваров в христианство и в арианство. — Гонения,
возбужденные вандалами в Африке. — Уничтожение арианства
между варварами

132

Н. Э.

1. Введение монашества

Происхождение монахов

305. Антоний и египетские монахи
341. Распространение монашества в Риме
321. Иларион в Палестине
360. Василий в Понте
370. Мартин в Галлии

Причины быстрого распространения монашества
 Покорность монахов
 Их одежда и жилища
 Их воздержанный образ жизни
 Их ручные работы
 Их богатства
 Их уединенная жизнь
 Их благочестие и видения
 Обительные монахи и отшельники
 Симеон Столпник
 Чудеса и религия монахов
 Суеверия века

395-451.

II. Обращение варваров в христианство

360 и сл.

Апостол готов Ульфила

400 и сл.

Готы, вандалы, бургунды и пр. переходят
 в христианскую религию

Мотивы их верований

Последствия их обращения в христианство

Они вовлечены в арианскую ересь

Всеобщая веротерпимость

Вандалы начинают религиозные гонения в защиту
 арианства

429-477.

Гензерих

477.

Гуннерих

484.

Гундамунд

496.

Оразимунд

523.

Хильдерих

530.

Гелимер

Общий обзор религиозных гонений в Африке

Католические плутни

Чудеса

500-700.

Упадок арианских верований между варварами

577-584.

Восстание Герменегильда в Италии и его

мученическая смерть

586-589.

Обращение Рекареда и испанских вестготов
 в католическую веру

600 и сл.

Обращение живших в Италии лангобардов

612-712.

Гонение живших в Испании евреев

Заключение

Глава XXXVIII

Царствование Хлодвиг и его обращение в христианство. — Его победы над алеманнами, бургундами и вестготами. — Основание франкской монархии в Галлии. — Законы варваров. — Положение римлян. — Вестготы в Испании. — Завоевание Британии саксами 186

Н. Э.

476-485.

Переворот, происшедший в Галлии

481-511.

Король вестготов Эврик

486.

Король франков Хлодвиг

Его победа над Сиагрием

496. Поражение алеманнов и их изъявление покорности
 496. Обращение Хлодвига в христианство
 497 и сл. Покорение армориканцев и римские войска
 499. Война с бургундами
 500. Победа Хлодвига
 532. Окончательное завоевание Бургундии франками
 507. Война с готами
 Победа Хлодвига
 508. Франки завоевывают Аквитанию
 510. Консульство Хлодвига
 536. Окончательное утверждение франкской монархии
 в Галлии
 Политическое разномыслие
 Законы варваров
 Денежные пени за убийство
 Суд Божий
 Судебные поединки
 Разделение земель между варварами
 Домэны и бенефиции при Меровингах
 Частные захваты земельной собственности
 Личное рабство
 Пример Оверни
 История Аттала
 Привилегии, которыми пользовались римляне
 в Галлии
 Анархия между франками
 Вестготы в Испании
 Законодательные собрания в Испании
 Кодекс вестготов
 Переворот в Британии
 449. Высадка саксов
 455-582. Основание саксонской Гептархии
 Положение британцев
 Их сопротивление
 Их бегство
 Слава Артура
 Опустошение Британии
 Рабство британцев
 Нравы »
 Малоизвестное или баснословное положение Британии
 Падение римского владычества на Западе

Общие замечания касательно упадка римского владычества на Западе

Глава XXXIX

Восточные императоры Зенон и Анастасий. — Происхождение, воспитание и первые подвиги остгота Теодориха. — Он нападает на Италию и завоевывает ее. — Готское королевство в Италии. — Положение Запада. — Военное и гражданское управление. — Сенатор Бозций. — Последние дела и смерть Теодориха 280

Н. Э.	Рождение и воспитание Теодориха
455-475.	Царствование Зенона
474-491.	Царствование Анастасия
491-518.	Служба Теодориха и его восстание
475-488.	Он предпринимает завоевание Италии
489.	Его поход
489-490.	Три поражения Одоакра
493.	Его капитуляция и смерть
493-526.	Царствование короля Италии Теодориха
	Дележ земель
	Отделение готов от италийцев
	Иностранная политика Теодориха
	Его оборонительные войны
509.	Его морские вооружения
	Гражданское управление Италией согласно с римскими законами
	Благосостояние Рима
500.	Посещение Рима Теодорихом
	Цветущее положение Италии
	Теодорих исповедует арианскую веру
	Веротерпимость по отношению к католикам
	Дурные стороны его управления
	Его вызывают на преследование католиков
	Характер, ученые занятия и почетные отличия Бозция
	Его патриотизм
	Он обвинен в измене
524.	Его тюремное заключение и смерть
525.	Смерть Симмаха
526.	Угрызения совести Теодориха и его смерть

Глава XL

Возведение на престол Юстина Старшего. — Царствование Юстиниана. — I. Императрица Феодора. — II. Партии цирка и мятеж в Константинополе. — III. Торговля и шелковые мануфактуры. — IV. Финансы и подати. — V. Воздвигнутые Юстинианом здания. — Церковь Св. Софии. — Укрепления и границы Восточной империи. — Упразднение афинских школ и римского консульства 327

Н. Э.	Рождение императора Юстиниана
482-483.	Возведение на престол и царствование его дяди Юстина I
518-527.	Усыновление Юстиниана и его вступление на престол
520-527.	Царствование Юстиниана
527-565.	Характер Прокопия и его два исторических сочинения
	Разделение Юстинианова царствования
	Происхождение и пороки императрицы Феодоры
	Ее брак с Юстинианом
	Ее тирания
	Ее добродетели
548.	И смерть

Партии цирка

В Риме

Они нарушают внутреннее спокойствие Константинополя и Востока

Юстиниан доброжелательствует синим

532. Восстание в Константинополе, известное под названием *Ники*

Затруднительное положение Юстиниана

Мужество Феодоры

Мятеж подавлен

Земледелие и мануфактуры в Восточной империи

Употребление шелка у римлян

Ввоз шелка из Китая сухим путем и морем

Доставка шелковичных червей в Грецию

Положение государственной казны

Корыстолюбие и расточительность Юстиниана

Вредная бережливость

Прощение недоимок

Налоги

Монополии

Продажность

Завещания

Юстиниановы министры

Иоанн Каппадокийский

Юстиниановы постройки и архитекторы

Церковь Св. Софии

Ее описание

Мраморы

Богатства

Церкви и дворцы

Укрепления в Европе

Безопасность Азии после победы над исаврами

Укрепления империи от Евксинского моря до границ

Персии

Смерть персидского царя Пероза

Война с Персией

Укрепления Дары

Каспийские, или Иберийские, ворота

Афинские школы

Они закрыты Юстинианом

Прокл

Его преемники

Последние философы

Римское консульство уничтожено Юстинианом

488.

502-505.

485-529.

541.

Глава XLI

Завоевания Юстиниана на Западе. — Характер Велисария и его первые походы. — Он нападает на Вandalское королевство в Африке и завоевывает его. — Его триумф. — Война с готами. — Велисарий отнимает у них Сицилию, Неаполь и Рим. — Осада Рима готами. — Их отступление и потери. Взятие Равенны. — Слава Велисария. — Его семейные несчастья и позор

ри. - Взятие Равенны. - Слава Велисария. - Его семейные несчастья и позор.

- Н. Э.
 533. Юстиниан решается напасть на Африку
 523-530. Положение вандалов. Хильдерих
 530-534. Гелимер
 Прения касательно африканской войны
 Характер Велисария и его назначение
 главнокомандующим
 529-532. Его услуги в войне с персами
 533. Приготовления к африканской войне
 Отплытие флота
 Велисарий высаживается на африканский берег
 Поражение вандалов в первой битве
 Взятие Карфагена
 Окончательное поражение Гелимера и вандалов
 534. Завоевание Африки Велисарием
 Бедственное положение и взятие в плен Гелимера
 Возвращение и триумф Велисария
 535. Он один назначен консулом
 Конец Гелимера и вандалов
 Нравы и поражение мавров
 Нейтралитет вестготов
 550-620. Завоевания римлян в Испании
 534. Велисарий угрожает жившим в Италии остготам
 522-534. Управление и смерть королевы Италии Амаласунты
 535. Ее ссылка и смерть
 Велисарий вторгается в Сицилию и завоевывает ее
 534-536. Царствование и бессилие готского короля Италии Феодата
 537. Велисарий вторгается в Италию и овладевает Неаполем
 536-540. Король Италии Витигес
 536. Велисарий вступает в Рим
 537. Готы осаждают Рим
 Храбрость Велисария
 Оборона Рима
 Общий приступ готов отражен
 Вылазки Велисария
 Бедственное положение города
 Ссылка папы Сильвера
 Освобождение города
 Велисарий овладевает многими городами Италии
 538. Готы снимают осаду Рима
 Теряют Римини
 Удаляются в Равенну
 Зависть римских полководцев
 Смерть Константина
 Евнух Нарсес
 Твердость и влияние Велисария
 538-539. Франки вторгаются в Италию
 Разрушение Милана
 Велисарий осаждает Равенну

539. Завоевывает все, что принадлежало готам в Италии
Взятие в плен Витигеса
540. Возвращение и слава Велисария
Тайная история его жены Антонины
Ее любовник Феодосий
Гнев Велисария и его сына Фотия
Преследование ее сына
Опала и покорность Велисария

Глава XLII

Положение варварских стран. — Поселение лангобардов на Дунае. — Славянские племена и их нашествия. — Происхождение турок, их могущество и посольства. — Бегство авар. — Персидский царь Хосров I, или Ануширван. — Его благополучное царствование и войны с римлянами. — Война в Колхиде, или Лазике. — Эфиопы 498

- Н. Э.
- 527-565. Слабость Юстиниановой империи
Положение варваров
Гепиды
Лангобарды
Славонцы
Их вторжения
545. Происхождение турок и основанная ими в Азии монархия
Авары бегут от турок и приближаются к границам империи
558. Они отправляют послов в Константинополь
- 569-582. Посольства от турок и от римлян
- 500-530. Положение Персии
- 531-579. Царствование Ануширвана, или Хосрова
Его склонность к ученым занятиям
- 533-539. Мир и война с римлянами
540. Он вторгается в Сирию
И разрушает Антиохию
541. Велисарий защищает восточные провинции
Описание Колхиды, Лазики, или Мингрелии
Нравы туземцев
Перевороты в Колхиде
Под владычеством Персов до 500 года до Р. Х.
Под владычеством Римлян до 60 г. до Р. Х.
530. Посещение этих стран Аррианом
522. Обращение лазов в христианство
- 542-549. Восстание и раскаяние жителей Колхиды
- 549-551. Осада Петры
- 549-556. Война в Колхиде, или Лазике
- 540-561. Переговоры о мире и мирный договор между Юстинианом и Хосровом
522. Победы над абиссинцами
533. Их союз с Юстинианом

Глава XLIII

Восстания в Африке. — Тотила восстанавливает владычество готов. — Рим взят готами и снова отнят у них. — Окончательное покорение Италии Нарсесом. — Слава остготов совершенно угасает. — Поражение франков и алеманнов. — Последняя победа, опала и смерть Велисария. — Смерть Юстиниана и его характер. — Кометы, землетрясения и морская язва..... 562

Н. Э.

- 535-545. Волнения в Африке
 543-558. Восстание мавров
 540. Восстание готов
 541-544. Победы короля Италии Тотилы
 Противоположность между пороками греков и добродетелями готов
 544-548. На Велисария вторично возлагают звание главнокомандующего в Италии
 546. Рим осажден готами
 Попытка Велисария спасти Рим
 Рим взят готами
 547. Снова взят Велисарием
 548. Окончательное отозвание Велисария
 549. Рим снова взят готами
 549-551. Приготовления Юстиниана к войне с готами
 552. Характер евнуха Нарсеса и его экспедиция
 Поражение и смерть Тотилы
 Взятие Рима Нарсесом
 553. Поражение и смерть последнего готского короля Тея
 Вторжение франков и алеманнов в Италию
 554. Поражение франков и алеманнов Нарсесом
 554-568. Положение Италии
 559. Вторжение болгар
 Последняя победа Велисария
 561. Его опала и смерть
 565. Смерть и характер Юстиниана
 531-539. Кометы
 Землетрясения
 542. Чума - ее происхождение и свойства
 542-594. Размеры и продолжительность

В конце каждой главы дается примечание.

ИСТОРИЯ УПАДКА И РАЗРУШЕНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

ГЛАВА XXXV

**Вторжение Аттилы в Галлию. — Он отражен
Аэцием и вестготами. — Аттила вторгается в
Италию и очищает ее. — Смерть Аттилы,
Аэция и Валентиниана Третьего.**

Маркиан держался того мнения, что войн следует избегать, пока есть возможность сохранять надежный мир без унижения своего достоинства; но он вместе с тем был убежден, что мир не может быть ни почетным, ни прочным, если монарх обнаруживает малодушное отвращение к войне. Это сдержанное мужество и внушило ему ответ, данный на требования Аттилы, который нагло торопил его уплатой ежегодной дани. Император объявил варварам, что они впредь не должны оскорблять достоинство Рима употреблением слова "дань", что он готов с надлежащей щедростью награждать своих союзников за их преданность, но что, если они позволят себе нарушать общественное спокойствие, они узнают по опыту, что у него есть достаточно и войск, и оружия, и мужества, чтобы отразить их нападения. Таким же языком выражался, даже в лагере гуннов, его посол Аполлоний, смело отказавшийся от выдачи подарков, пока не будет допущен до личного свидания с Аттилой, и обнаруживший по этому случаю такое сознание своего достоинства и такое презрение к опасности, каких Аттила никак не мог ожидать от выродившихся римлян¹⁾. Аттила грозил, что накажет опрометчивого Феодосиева преемника, но колебался, на которую из двух империй прежде всего направить свои неотразимые удары. Между тем как человечество с трепетом ожидало его решения, он отправил к дворам равеннскому и константинопольскому послов, которые обратились к двум императорам с одним и тем же высокомерным заявлением: "И мой и твой повелитель Аттила приказывает тебе немедленно приготовить дворец для его приема"²⁾. Но так как варварский монарх презирал или делал вид, что презирает восточных римлян, кото-

рых так часто побеждал, то он скоро объявил о своей решимости отложить легкое завоевание до тех пор, пока не доведет до конца более блестящего и более важного предприятия. Когда гунны вторгались в Галлию и в Италию, их естественным образом влекли туда богатство и плодородие тех провинций; но мотивы, вызвавшие нашествие Аттилы, можно объяснить лишь тем положением, в котором находилась Западная империя в царствование Валентиниана или, выражаясь с большей точностью, под управлением Аэция³⁾.

После смерти своего соперника Бонифация, Аэций из предосторожности удалился к гуннам и был обязан их помощи и своей личной безопасностью, и тем, что власть снова перешла в его руки. Вместо того чтобы выражаться умоляющим тоном преступного изгнанника, он стал просить помилования, ставши во главе шестидесяти тысяч варваров; а императрица Платидия доказала слабостью своего сопротивления, что ее снисходительность должна быть приписана не милосердию, а ее бессилию и страху. Она отдала и себя, и своего сына Валентиниана, и всю Западную империю в руки дерзкого подданного и даже не была в состоянии оградить Бонифациева зятя, добродетельного и преданного ей Себастиана⁴⁾, от неумолимого преследования, которое заставило его переходить из одной провинции в другую до тех пор, пока он не лишился жизни на службе у вандалов. Счастливый Аэций, немедленно вслед за тем возведенный в звание патриция и три раза удостоивавшийся отличий консульского звания, был назначен главным начальником кавалерии и пехоты и сосредоточил в своих руках всю военную власть; а современные писатели иногда давали ему титул герцога или военачальника западных римлян. Скорее из благоразумия, чем из сознания своего долга, он оставил порфиру на плечах Феодосиева внука, так что Валентиниан мог наслаждаться в Италии спокойствием и роскошью, в то время как патриций выдвигался вперед во всем блеске героя и патриота, в течение почти двадцати лет поддерживавшего развалины Западной империи. Готский историк простодушно утверждает, что Аэций был рожден для спасения Римской республики⁵⁾, а следующий портрет, хотя и нарисован самыми привлекательными красками, тем не менее, как кажется, содержит в себе больше правды, чем лести. "Его мать была богатая и знатная итальянка, а его отец Гауденций, занимавший вы-

дающееся место в скифской провинции, мало-помалу возвысился из звания военного слуги до должности начальника кавалерии. Их сын, почти с самого детства зачисленный в гвардию, был отдан в качестве заложника сначала Алариху, а потом гуннам и мало-помалу достиг при дворе гражданских и военных отличий, на которые ему давали право его высокие личные достоинства. Обладая приятной наружностью, Аэций был небольшого роста; но его сложение вполне отвечало требованиям физической силы, красоты и ловкости, и он отличался особенным искусством в воинских упражнениях, - в верховой езде, стрельбе из лука и метании дротика. Он мог терпеливо выносить лишение пищи и сна, и как его ум, так и его тело были одинаково способны к самым напряженным усилиям. Он был одарен тем неподдельным мужеством, которое способно презирать не только опасности, но и обиды, а непоколебимую честность его души нельзя было ни подкупить, ни ввести в заблуждение, ни застрашать⁶⁾. Варвары поселившиеся в западных провинциях на постоянное жительство, мало-помалу привыкли уважать добросовестность и мужество патриция Аэция. Он укрощал их страсти, применялся к их предрассудкам, взвешивал их интересы и сдерживал их честолюбие. Своевременно заключенный им с Гензерихом мирный договор предохранил Италию от нашествия вандалов; независимые британцы молили его о помощи и сознавали всю цену оказанного им покровительства; в Галлии и в Испании императорская власть была восстановлена, и он заставил побежденных им на поле брани франков и свевов сделаться полезными союзниками республики.

И из личных интересов, и из признательности он старательно поддерживал дружеские сношения с гуннами. В то время как он жил в их палатках в качестве заложника и в качестве изгнанника, он был в коротких отношениях с племянником своего благодетеля - самим Атилией; эти два знаменитых антагониста, как кажется, были связаны узами личной дружбы и военного товарищества, которые были впоследствии скреплены обоюдными подарками, частыми посольствами и тем, что сын Аэция Карпилион воспитывался в лагере Атили. Изъявлениями своей признательности и искренней привязанности патриций старался прикрывать опасения, которые внушал ему скифский завоеватель, угрожавший обеим империям своими бесчисленными армиями. Тре-

бования Аттилы Аэций или удовлетворял, или устранял под благовидными предложениями. Когда тот заявил свои притязания на добычу завоеванного города - на какие-то золотые сосуды, захваченные обманным образом, - гражданский и военный губернаторы Норика были немедленно командированы с поручением удовлетворить его желания⁷⁾, а из разговора, происходившего у них в царской деревне с Максиминим и Приском, видно, что ни мужество, ни благоразумие Аэция не спасли западных римлян от позорной необходимости уплачивать дань. Впрочем, изворотливая политика Аэция породила пользование выгодами мира, а многочисленная армия гуннов и аланов, которым он успел внушить личную к себе привязанность, помогала ему в обороне Галлии. Две колонии этих варваров он предусмотрительно поселил на территориях Валенсии и Орлеана⁸⁾, а их ловкая кавалерия оберегала важные переправы через Рону и Луару. Правда, эти варварские союзники были не менее страшны для подданных Рима, чем для его врагов. Они расширяли свои первоначальные поселения путем необузданных насилий, а провинции, через которые они проходили, терпели все бедствия неприятельского нашествия⁹⁾. Не имея ничего общего ни с императором, ни с республикой, поселившиеся в Галлии аланы были преданы лишь честолюбивому Аэцию и, хотя он мог опасаться, что в случае борьбы с самим Аттилой они снова станут под знамя своего национального повелителя, патриций старался не разжигать, а сдерживать их ненависть к готам, бургундам и франкам.

Королевство, основанное вестготами в южных провинциях Галлии, мало-помалу окрепло и упрочилось, а поведение этих честолюбивых варваров, как в мирное, так и в военное время, требовало постоянной бдительности со стороны Аэция. После смерти Валлии готский скипетр перешел к сыну великого Алариха¹⁰⁾.

Теодориху, а благополучное, продолжавшееся более тридцати лет царствование Теодориха над буйным народом может быть принято за доказательство того, что его благоразумие опиралось на необычайную энергию, и умственную, и физическую. Не довольствуясь тесными пределами своих владений, Теодорих пожелал присоединить к ним богатый центр управления и торговли - Арл; но этот город был спасен благодаря благовременному приближению Аэция; а после

того как готский царь был вынужден снять осаду не без потерь и не без позора, его убедили принять приличную субсидию с тем условием, что он направит воинственный пыл своих подданных на войну в Испании. Тем не менее Теодорих выжидал благоприятную минуту для возобновления своей попытки и, лишь только она представилась, немедленно ею воспользовался. Готы осадили Нарбонну, между тем как бельгийские провинции подверглись нападению бургундов, и можно бы было подумать, что враги Рима сговорились одновременно напасть на империю со всех сторон. Но деятельность Аэция и его скифской кавалерии оказала со всех сторон мужественное и успешное сопротивление. Двадцать тысяч бургундов легли на поле сражения, и остатки этого племени смиренно согласились поселиться среди гор Савойи в зависимости от императорского правительства¹¹⁾. Стены Нарбонны сильно пострадали от осадных машин, и жители уже были доведены голодом до последней крайности, когда граф Литорий неожиданно подошел к городу и, приказав каждому кавалеристу привязать к седлу по два мешка муки, пробился сквозь укрепления осаждающих. Готы немедленно сняли осаду и лишились восьми тысяч человек в более решительном сражении, успех которого приписывался личным распоряжениям самого Аэция. Но в отсутствие патриция, торопливо отозванного в Италию какими-то общественными или личными интересами, главное начальство перешло к графу Литорию; его самоуверенность скоро доказала, что для ведения важных военных действий требуются совершенно иные дарования, чем для командования кавалерийским отрядом. Во главе армии гуннов он опрометчиво приблизился к воротам Тулузы с беспечным пренебрежением к такому противнику, который научился в несчастиях осмотрительности и находился в таком положении, что был доведен до отчаяния. Предсказания авгуров внушили Литорию нечестивую уверенность, что он с триумфом вступит в столицу готов, а доверие к его языческим союзникам побудило его отвергнуть выгодные мирные условия, которые были неоднократно предложены ему епископами от имени Теодориха. Король готов, напротив того, выказал в этом бедственном положении христианское благочестие и умеренность и только для того, чтобы готовиться к бою, отложил в сторону свою власяницу и пепел, которым посыпал свою голову. Его солдаты, воодуше-

вившись и воинственным, и религиозным энтузиазмом, напали на лагерь Литория. Борьба была упорна, и потери были значительны с обеих сторон. После полного поражения, которое могло быть приписано только его неспособности и опрометчивости, римский полководец действительно прошел по улицам Тулузы, но не победителем, а побежденным; а бедствия, испытанные им во время продолжительного нахождения в позорном плену, возбуждали сострадание даже в варварах¹²). В стране, давно уже истощившей и свое мужество, и свои финансы, было нелегко загладить такую потерю, и готы, в свою очередь воодушевившиеся честолюбием и жаждой мщения, водрузили бы свои победоносные знамена на берегах Роны, если бы присутствие Аэция не ободрило римлян и не восстановило между ними дисциплину¹³).

Обе армии ожидали сигнала к решительной битве; но каждый из главнокомандующих сознавал силу своего противника и не был уверен в своем собственном превосходстве; поэтому они благоразумно вложили свои мечи в ножны на самом поле сражения и их примирение было прочным и искренним. Король вестготов Теодорих, как кажется, был достоин любви своих подданных, доверия своих союзников и уважения человеческого рода. Его трон был окружен шестью храбрыми сыновьями, с одинаковым старанием изучавшими и упражнения варварского лагеря, и то, что преподавалось в галльских школах: изучение римской юриспруденции познакомило их по меньшей мере с теорией законодательства и отправления правосудия, а чтение гармонических стихов Вергилия смягчило врожденную суровость их нравов¹⁴). Две дочери готского короля были выданы замуж за старших сыновей тех королей свевов и вандалов, которые царствовали в Испании и в Африке; но эти блестящие браки привели лишь к преступлениям и к раздорам. Королеве свевов пришлось оплакивать смерть мужа, безжалостно убитого ее братом. Вандальская принцесса сделалась жертвой недоверчивого тирана, которого она называла своим отцом. Жестокосердный Гензерих заподозрил жену своего сына в намерении отравить его; за это воображаемое преступление она была наказана тем, что у нее отрезали нос и уши и несчастная дочь Теодориха была с позором отправлена назад в Тулузу в этом безобразном виде. Этот бесчеловечный поступок, который показался бы неправдоподобным в цивилизованном веке,

вызывал слезы из глаз каждого зрителя; но Теодорих, и как отец, и как царь, захотел отомстить за такое непоправимое зло. Императорские министры, всегда радовавшиеся раздорам между варварами, охотно снабдили бы готов оружием, кораблями и деньгами для африканской войны, и жестокосердие Гензериха могло бы оказаться губительным для него самого, если бы хитрый вандал не привлек на свою сторону грозные силы гуннов. Его богатые подарки и настоятельные просьбы разожгли честолюбие Атиллы, и вторжение в Галлию помешало Аэцию и Теодориху привести в исполнение их намерения¹⁵).

Франки, до тех пор еще не успевшие расширить пределов своей монархии далее окрестностей Нижнего Рейна, имели благоразумие упрочить за знатным родом Меровингов¹⁶) наследственное право на престол. Этих монархов поднимали на щите, который был символом военачальства ¹⁷), а обыкновение носить длинные волосы было отличительным признаком их знатного происхождения и звания. Их тщательно расчесанные белокурые локоны развевались над спиной и плечами, между тем как все их подданные были обязаны, в силу или закона, или обычая, выбривать свои затылки, зачесывать волосы наперед и довольствоваться ношением небольших усов¹⁸). Высокий рост франков и их голубые глаза обнаруживали их германское происхождение; их узкое платье обрисовывало формы их тела; они носили тяжелый меч, висевший на широкой перевязи, и прикрывали себя большим щитом; эти воинственные варвары с ранней молодости учились бегать, прыгать и плавать, учились с удивительной меткостью владеть дротиком или боевой секирой, не колеблясь нападать на более многочисленного неприятеля и, даже умирая, поддерживать воинскую репутацию своих предков¹⁹). Первый из их длинноволосых королей - Клодион, имя и подвиги которого имеют историческую достоверность, имел постоянное местожительство в Диспаргуме²⁰) - деревне или крепости, находившейся, по всей вероятности, между Лувеном и Брюсселем. От своих шпионов король франков узнал, что вторая Бельгия, при своем беззащитном положении, не будет в состоянии отразить самое слабое нападение его храбрых подданных. Он отважно проник сквозь чашу и болота Карбонарийского леса²¹), занял Дорник и Камбрэ - единственные города, существовавшие там в пятом столетии, и рас-

пространил свои завоевания до реки Соммы, над безлюдной местностью, которая только в более позднее время была возделана и населена²²⁾. В то время как Клодион стоял лагерем на равнинах Артуа²³⁾ и праздновал с тщеславной беззаботностью чье-то бракосочетание, быть может бракосочетание своего сына, свадебное пиршество было прервано неожиданным и неуместным появлением Аэция, перешедшего через Сомму во главе своей легкой кавалерии. Столы, расставленные под прикрытием холма вдоль берегов живописной речки, были опрокинуты; франки были смяты прежде, нежели успели взяться за оружие и выстроиться для битвы, и их бесполезная храбрость оказалась гибельной лишь для них самих. Следовавший за ними обоз доставил победителю богатую добычу, а случайности войны отдали невесту и окружавших ее девушек в руки новых любовников. Этот успех, достигнутый Аэцием благодаря его искусству и предприимчивости, мог бы набросить некоторую тень на воинскую предусмотрительность Клодиона, но король франков скоро восстановил свои силы и свою репутацию и удержал за собой обладание Галльским королевством от берегов Рейна до берегов Соммы²⁴⁾. В его царствование, по всей вероятности, вследствие неусидчивого характера его подданных, три столицы - Майнц, Трир и Кельн испытали на себе вражеское жестокосердие и алчность. Бедственное положение Кельна продолжалось довольно долго вследствие того, что он оставался под властью тех самых варваров, которые удалились из разрушенного Трира, а Трир, в течение сорока лет подвергшийся четыре раза осаде и разграблению, старался заглушить воспоминание о пережитых бедствиях пустыми развлечениями цирка²⁵⁾. После смерти Клодиона, царствовавшего двадцать лет, его королевство сделалось театром раздоров и честолюбия двух его сыновей. Младший из них, Мероверей²⁶⁾, стал искать покровительства Рима; он был принят при императорском дворе как союзник Валентиниана и как приемный сын патриция Аэция и возвратился на родину с великолепными подарками и с самыми горячими уверениями в дружбе и в готовности оказать ему помощь. Его старший брат в его отсутствие искал с таким же рвением помощи Атилы, и царь гуннов охотно вступил в союз, облегчавший ему переправу через Рейн и доставлявший ему благовидный предлог для вторжения в Галлию²⁷⁾.

Когда Атила объявил о своей готовности вступить за своих союзников вандалов и франков, этот варварский монарх, увлекаясь чем-то в роде романтического рыцарства, в то же время выступил в качестве любовника и витязя принцессы Гонории. Сестра Валентиниана воспитывалась в Равеннском дворце; а так как ее вступление в брак могло в некоторой мере грозить опасностью для государства, то ей был дан титул Августы ²⁸⁾ для того, чтобы никто из подданных не осмеливался заявлять притязаний на ее сердце. Но едва успела прекрасная Гонория достигнуть пятнадцати лет, как ей стало невыносимо докучливое величие, навсегда лишавшее ее наслаждений искренней сердечной привязанности; Гонория томила среди тщеславной и не удовлетворявшей ее роскоши и, наконец, отдавшись своим природным влечениям, бросилась в объятия своего камергера Евгения. Признаки беременности скоро обнаружили тайну ее вины и позора (такова нелепая манера выражаться, усвоенная деспотизмом мужчин): но бесчестие императорского семейства сделалось всем известным вследствие непредусмотрительности императрицы Плацидии, которая подвергла свою дочь строгому и постыдному затворничеству, а затем отправила ее в ссылку в Константинополь. Несчастливая принцесса провела лет двенадцать или четырнадцать в скучном обществе сестер Феодосия и их избранных подруг, не имея никакого права на украшавший их венец целомудрия и неохотно подражая монашескому усердию, с которым они молились, постились и присутствовали на всенощных бдениях. Соскучившись таким продолжительным и безвыходным безбрачием, она решилась на странный и отчаянный поступок. Имя Атилы было всем хорошо знакомо в Константинополе и на всех наводило страх, а часто приезжавшие гуннские послы постоянно поддерживали сношения между его лагерем и императорским двором. Своим любовным влечениям или, вернее, своей жажде мщения дочь Плацидии принесла в жертву и свои обязанности, и свои предубеждения; она предложила отдаться в руки варвара, который говорил на незнакомом ей языке, у которого была почти нечеловеческая наружность и к религии и нравам которого она питала отвращение. Через одного преданного ей евнуха она переслала Атиле кольцо в залог своей искренности и настоятельно убеждала его предъять на нее свои права как на свою законную невесту, с ко-

торой он втайне помолвлен. Однако эти непристойные заискивания были приняты холодно и с пренебрежением, и царь гуннов не переставал увеличивать число своих жен до тех пор, пока более сильные страсти - честолюбие и корыстолюбие не внушили ему любовного влечения к Гонории. Формальное требование руки принцессы Гонории и следующей ей доли из императорских владений предшествовало вторжению в Галлию и послужило для него оправданием. Предшественники Атилы, древние танжу, нередко обращались с такими же высокомерными притязаниями к китайским принцессам, а требования царя гуннов были не менее оскорбительны для римского величия. Его послам был сделан решительный отказ, но в мягкой форме. Хотя в пользу наследственных прав женщин и можно бы было сослаться на недавние примеры Платидии и Пульхерии, эти права были решительно отвергнуты, и на притязания скифского любовника было отвечено, что Гонория уже связана такими узами, которые не могут быть расторгнуты ²⁹⁾. Когда ее тайные сношения с царем гуннов сделались известны, преступная принцесса была выслана из Константинополя в Италию как такая личность, которая может возбуждать лишь отвращение; ее жизнь пощадили, но, после совершения брачного обряда с каким-то незнатным и номинальным супругом, она была навсегда заключена в тюрьму, чтобы оплакивать там те преступления и несчастья, которых она избегла бы, если бы не родилась дочерью императора³⁰⁾.

Галльский уроженец и современник этих событий, ученый и красноречивый Сидоний, бывший впоследствии клермонским епископом, обещал одному из своих друзей написать подробную историю войны, предпринятой Атилой. Если бы скромность Сидония не отняла у него смелости продолжать этот интересный труд³¹⁾, историк описал бы нам с безыскусственной правдивостью те достопамятные события, на которые поэт лишь вкратце намекал в своих неясных и двусмысленных метафорах³²⁾. Цари и народы Германии и Скифии, от берегов Волги и, быть может, до берегов Дуная, отозвались на воинственный призыв Атилы. Из царской деревни, лежавшей на равнинах Венгрии, его знамя стало передвигаться к западу и, пройдя миль семьсот или восемьсот, он достиг слияния Рейна с Неккаром, где к нему присоединились те франки, которые признавали над собой власть его союзни-

ка, старшего из сыновей Клодиона. Легкий отряд варваров, бродя в поисках добычи, мог бы дожидаться зимы, чтобы перейти реку по льду; но для бесчисленной кавалерии гуннов требовалось такое громадное количество фуража и провизии, которое можно было добыть только в более мягком климате; Герцинианский лес доставил материалы для сооружения плавучего моста, и мириады варваров разлились с непреодолимой стремительностью по бельгийским провинциям³³⁾. Всю Галлию объял ужас, а традиция прикрасила разнообразные бедствия, постигшие ее города, рассказами о мучениках и чудесах³⁴⁾. Труа был обязан своим спасением заслугам св. Лупа; св. Серваций переселился в другой мир для того, чтобы не быть свидетелем разрушения Тонгра, а молитвы св. Женевьевы отклонили наступление Атилы от окрестностей Парижа. Но так как в галльских городах большей частью не было ни святых, ни солдат, то гунны осаждали их и брали приступом, а на примере Меца³⁵⁾ они доказали, что придерживались своих обычных правил войны. Они убивали без разбора и священников у подножия алтарей, и детей, которых епископ спешил окрестить ввиду приближавшейся опасности; цветущий город был предан пламени, и одинокая капелла в честь св. Стефана обозначила то место, где он в ту пору находился. От берегов Рейна и Мозели Атила проник в глубь Галлии, перешел Сену подле Оксера и после продолжительного и трудного похода раскинул свой лагерь под стенами Орлеана. Он желал обеспечить свои завоевания приобретением выгодного поста, господствующего над переправой через Луару, и полагался на тайное приглашение короля аланов Сангибана, обещавшего изменой выдать ему город и перейти под его знамя. Но этот заговор был открыт и не удался; вокруг Орлеана были возведены новые укрепления, и приступы гуннов были с энергией отражены храбрыми солдатами и гражданами, защищавшими город. Пастырское усердие епископа Аниана, отличавшегося первобытной святостью и необыкновенным благоразумием, истощило все ухищрения религиозной политики на то, чтобы поддержать в них мужество до прибытия ожидаемой помощи. После упорной осады городские стены стали разрушаться от действия метательных машин; гунны уже заняли предместья, а те из жителей, которые были неспособны носить оружие, проводили время в молитвах. Аниан, тревожно считавший дни и ча-

сы, отправил на городской вал надежного гонца с приказанием посмотреть, не виднеется ли что-нибудь вдаль. Гонец возвращался два раза, не принося никаких известий, которые могли бы внушить надежду или доставить утешение; но в своем третьем донесении он упомянул о небольшом облачке, которое виднелось на краю горизонта. "Это помощь Божия!" — воскликнул епископ тоном благочестивой уверенности, и все присутствовавшие повторили вслед за ним: "Это помощь Божия!" Отдаленный предмет, на который были устремлены все взоры, принимал с каждой минутой более широкие размеры и становился более ясным; зрители стали мало-помалу различать римские и готские знамена, а благоприятный ветер, отнеся в сторону пыль, раскрыл густые ряды эскадронов Аэция и Теодориха, спешивших на помощь к Орлеану.

Легкость, с которой Аттила проник в глубь Галлии, может быть приписана столько же его вкрадчивой политике, сколько страху, который наводили его военные силы. Свои публичные заявления он искусно смягчал приватными заверениями и попеременно то успокаивал римлян и готов, то грозил им; а дворы Равеннский и Тулузский, относившиеся один к другому с недоверием, смотрели с беспечным равнодушием на приближение их общего врага. Аэций был единственным охранителем общественной безопасности; но самые благоразумные из его распоряжений встречали помеху со стороны партии, господствовавшей в императорском дворце со смерти Плацидии; итальянская молодежь трепетала от страха при звуке военных труб, а варвары, склонявшиеся из страха или из сочувствия на сторону Аттилы, ожидали исхода войны с сомнительной преданностью, всегда готовой продать себя за деньги. Патриций перешел через Альпы во главе войск, которые по своей силе и по своему числу едва ли заслуживали названия армии³⁶). Но когда он прибыл в Арль или в Лион, его смутило известие, что вестготы, отказавшись от участия в обороне Галлии, решились ожидать на своей собственной территории грозного завоевателя, к которому они выказывали притворное презрение. Сенатор Авит, удалившийся в свои имения в Оверн после того, как с отличием исполнял обязанности преторианского префекта, согласился взять на себя важную роль посла, которую исполнил с искусством и с успехом. Он поставил Теодориху на вид, что стремившийся к всемирному владычеству честолюбивый завое-

ватель может быть остановлен только при энергичном и единомышленном противодействии со стороны тех государей, которых он замышлял низвергнуть. Полное огня красноречие Авита воспламенило готских воинов описанием оскорблений, вынесенных их предками от гуннов, которые до сих пор с неукротимой яростью преследовали их от берегов Дуная до подножия Пиренеев. Он настоятельно доказывал, что на каждом христианине лежит обязанность охранять церкви Божии и мощи святых от нечестивых посягательств и что в интересах каждого из поселившихся в Галлии варваров оберегать возделанные ими для своего пользования поля и виноградники от опустошения со стороны скифских пастухов. Теодорих преклонился перед очевидной основательностью этих доводов, принял те меры, которые казались ему самыми благоразумными и согласными с его достоинством, и объявил, что, в качестве верного союзника Аэция и римлян, он готов рисковать и своей жизнью, и своими владениями ради безопасности всей Галлии³⁷⁾. Вестготы, находившиеся в ту пору на вершине своей славы и своего могущества, охотно отозвались на первый сигнал к войне, приготовили свое оружие и коней и собрались под знаменем своего престарелого царя, который решился лично стать во главе своих многочисленных и храбрых подданных вместе с своими двумя старшими сыновьями Торизмундом и Теодорихом. Примеру готов последовали некоторые другие племена, или народы, сначала, по-видимому, колебавшиеся в выборе между готами и римлянами. Неутомимая деятельность патриция мало-помалу собрала под одно знамя воинов галльских и германских, которые когда-то признавали себя подданными, или солдатами, республики, а теперь требовали награды за добровольную службу и ранга независимых союзников; то были леты, арморикане, бреоны, саксы, бургунды, сарматы, или аланы, рипуарии и те из франков, которые признавали Меровея своим законным государем. Таков был разнохарактерный состав армии, которая, под предводительством Аэция и Теодориха продвигалась вперед форсированным маршем для выручки Орлеана и для вступления в бой с бесчисленными полчищами Атиллы³⁸⁾.

При ее приближении царь гуннов немедленно снял осаду и подал сигнал к отступлению для того, чтобы отозвать свои передовые войска, грабившие город, в который они уже успе-

ли проникнуть³⁹⁾. Мужеством Аттилы всегда руководило его благоразумие, а так как он предвидел пагубные последствия поражения в самом центре Галлии, то он обратно перешел через Сену и стал ожидать неприятеля на равнинах Шалона (на Каталаунских полях, Северо-Восточная Галлия. - *Прим. ред.*), которые благодаря своей гладкой и плоской поверхности были удобны для операций его скифской кавалерии. Но во время этого беспорядочного отступления авангард римлян и их союзников постоянно теснил поставленные Аттилой в арьергарде войска, а по временам и вступал с ними в борьбу; среди ночной темноты колонны двух противников, вероятно, нечаянно сталкивались одна с другой вследствие сбивчивости дорог, а кровопролитное столкновение между франками и гепидами, в котором лишились жизни пятнадцать тысяч⁴⁰⁾ варваров, послужило прелюдией для более общего и более решительного сражения. Окружавшие Шалон Каталаунские поля⁴¹⁾, простиравшиеся, по приблизительному вычислению Иордана, на сто пятьдесят миль в длину и на сто миль в ширину, обнимали всю провинцию, носящую в настоящее время название Шампани⁴²⁾. Впрочем, на этой обширной равнине встречались местами неровности, и оба военачальника поняли важность одного возвышения, господствовавшего над лагерем Аттилы, и оспаривали друг у друга обладание им. Юный и отважный Торизмунд первый занял его; готы устремились с непреодолимой силой на гуннов, старавшихся взобраться на него с противоположной стороны, и обладание этой выгодной позицией воодушевило и войска, и их вождя уверенностью в победе. Встревоженный Аттила обратился за советом к своим гаруспикам. Рассказывают, будто гаруспики, рассмотрев внутренности жертв и оскоблив их кости, предсказали ему, в таинственных выражениях, его поражение и смерть его главного противника и что этот варвар, узнавши, какое его ожидает вознаграждение, невольно выразил свое уважение к высоким личным достоинствам Аэция. Но обнаружившийся между гуннами необыкновенный упадок духа заставил Аттилу прибегнуть к столь обычному у древних полководцев средству - к попытке воодушевить свою армию воинственной речью, и он обратился к ней с такими словами, какие были уместны в устах царя, так часто сражавшегося во главе ее и так часто одерживавшего победы⁴³⁾. Он напомнил своим воинам об их прежних славных подвигах, об опасно-

стях их настоящего положения и об их надеждах в будущем. Та же самая фортуна, говорил он, которая очистила перед их безоружным мужеством путь к степям и болотам Скифии и заставила столько воинственных народов преклониться перед их могуществом, поберегла *радости* этого достопамятного дня для довершения их торжества. Осторожные шаги и тесный союз их врагов, равно как занятие выгодных позиций он выдавал за результат не предусмотрительности, а страха. Одни вестготы составляют настоящую силу неприятельской армии, и гунны могут быть уверены в победе над выродившимися римлянами, которые обнаруживают свой страх, смыкаясь в густые и плотные ряды, и неспособны выносить ни опасностей, ни трудностей войны. Царь гуннов старательно проповедовал столь благоприятную для воинских доблестей теорию предопределения, уверяя своих подданных, что воины, которым покровительствуют Небеса, остаются невредимыми среди неприятельских стрел, но что непогрешимая судьба поражает свои жертвы среди бесславного спокойствия. "Я сам, - продолжал Атила, - брошу первый дротик, а всякий негодяй, который не захочет подражать примеру своего государя, обречет себя на неизбежную смерть". Присутствие, голос и пример неустрашимого вождя ободрили варваров, и Атила, уступая их нетерпеливым требованиям, немедленно выстроил их в боевом порядке. Во главе своих храбрых и лично ему преданных гуннов он занял центр боевой линии. Подвластные ему народы ругии, герулы, тюрингцы, франки и бургунды разместились по обеим сторонам на обширных Каталаунских полях; правым крылом командовал царь гепидов Ардарих, а царствовавшие над остготами три храбрых брата поместились на левом крыле, напротив родственного им племени вестготов. Союзники при распределении своих военных сил руководствовались иным принципом. Вероломный царь аланов Сангибан был поставлен в центре, так как там можно было строго следить за всеми его движениями и немедленно наказать его в случае измены. Аэций принял главное начальство над левым крылом, а Теодорих над правым, между тем как Торизмунд по-прежнему занимал высоты, как кажется, тянувшиеся вдоль фланга скифской армии и, может быть, охватывавшие ее арьергард. Все народы от берегов Волги до Атлантического океана собрались на Шалонской равнине; но многие из этих народов были

разъединены духом партий, завоеваниями и переселениями, и внешний вид одинакового оружия и одинаковых знамен у людей, готовых вступить между собой в борьбу, представлял картину междоусобицы.

Военная дисциплина и тактика греков и римлян составляли интересную часть их национальных нравов. Внимательное изучение военных операций Ксенофонта, Цезаря и Фридриха Великого, когда эти операции описаны теми же гениальными людьми, которые их задумали и приводили в исполнение, могло бы способствовать усовершенствованию (если только желательно такое усовершенствование) искусства истреблять человеческий род. Но битва при Шалоне может возбуждать наше любопытство только своим важным значением, так как ее исход был решен смелым натиском варваров, а описывали ее пристрастные писатели, которые по своим профессиям принадлежали к разряду гражданских или церковных должностных лиц и потому вовсе не были знакомы с военным искусством. Впрочем, Кассиодор дружелюбно беседовал со многими из участвовавших в этой достопамятной битве готских воинов; она была, по их словам, "ужасна, долго нерешительна, упорно-кровопролитна и вообще такова, что другой подобной не было ни в те времена, ни в прошлые века". Число убитых доходило до ста шестидесяти двух тысяч, а по сведениям из другого источника, до трехсот тысяч⁴⁴⁾; эти неправдоподобные преувеличения, вероятно, были вызваны действительно громадными потерями в людях, оправдывавшими замечание одного историка, что безрассудство царей может стирать с лица земли целые поколения в течение одного часа. После того как обе стороны неоднократно осыпали одна другую метательными снарядами, причем скифские стрелки из лука могли выказать свою необыкновенную ловкость, - кавалерия и пехота обеих армий вступили между собой в яростный рукопашный бой. Сражавшиеся на глазах своего царя гунны пробились сквозь слабый и не вполне надежный центр союзников, отрезали их оба крыла одно от другого и, быстро повернув влево, направили все свои силы на вестготов. В то время как Теодорих проезжал вдоль рядов, стараясь воодушевить свои войска, он был поражен насмерть дротиком знатного остгота Андага и свалился с лошади. Раненого царя сдавили со всех сторон среди общего смятения; его собственная кавалерия топтала его ногами сво-

их коней, и смерть этого знатного противника оправдала двусмысленное предсказание гаруспиков. Аттіла уже ликовал в уверенности, что победа на его стороне, когда храбрый Торизмунд спустился с высот и осуществил остальную часть предсказания. Вестготы, приведенные в расстройство бегством или изменой аланов, мало-помалу снова выстроились в боевом порядке, и гунны, бесспорно, были побеждены, так как Аттіла был вынужден отступить. Он подвергал свою жизнь опасности с опрометчивой отвагой простого солдата; но его неустрашимые войска, занимавшие центр, проникли за пределы боевой линии; их нападение было слабо поддержано; их фланги не были защищены, и завоеватели Скифии и Германии спаслись от полного поражения только благодаря наступлению ночи. Они укрылись позади повозок, служивших укреплениями для их лагеря, и смешавшиеся эскадроны приготовились к такому способу обороны, к которому не были приспособлены ни их оружие, ни их привычки. Исход борьбы был сомнителен, но Аттіла приберег для себя последнее и неунизительное для его достоинства средство спасения. Мужественный варвар приказал устроить погребальный костер из богатой конской сбруи и решился, - в случае если бы его укрепленный лагерь был взят приступом, - броситься в пламя и тем лишить своих врагов той славы, которую они приобрели бы умерщвлением Аттілы или взятием его в плен⁴⁵).

Но его противники провели ночь в таком же беспорядке и в такой же тревоге. Увлечшись своим неосмотрительным мужеством, Торизмунд продолжал преследование неприятеля до тех пор, пока не очутился в сопровождении немногих приверженцев посреди скифских повозок. Среди суматохи ночного боя готский принц был сброшен с лошади и погиб бы подобно своему отцу, если бы не был выведен из этого опасного положения своей юношеской энергией и неустрашимой преданностью своих сотоварищей. Слева от боевой линии сам Аэций, находившийся вдалеке от своих союзников, ничего не знавший об одержанной ими победе и тревожившийся об их участи, точно таким же образом натолкнулся на рассеянные по Шалонской равнине неприятельские войска; спасшись от них, он, наконец, добрался до лагеря готов и постарался укрепить его до рассвета лишь легким валом из сложенных щитов. Императорский главнокомандующий скоро

убедился в поражении Аттилы, не выходявшего из-за своих укреплений, а когда он обозрел поле сражения, он с тайным удовольствием заметил, что самые тяжелые потери понесены варварами. Покрытый ранами труп Теодориха был найден под грудой убитых: его подданные оплакивали смерть своего царя и отца; но их слезы перемешивались с песнями и радостными возгласами, а его погребение было совершено на глазах побежденного врага. Готы, бряцая своим оружием, подняли на щите его старшего сына Торизмунда, которому основательно приписывали честь победы, и новый царь принял на себя обязанность отмищения, как священную долю отцовского наследства. Тем не менее сами готы были поражены тем, что их грозный соперник все еще казался бодрым и неустрашимым, а их историк сравнил Аттилу со львом, который, лежа в своей берлоге, готовится с удвоенной яростью напасть на окруживших его охотников. Цари и народы, которые могли бы покинуть его знамена в минуту несчастья, были проникнуты сознанием, что гнев их повелителя был бы для них самой страшной и неизбежной опасностью. Его лагерь непрестанно оглашали воинственные звуки, как будто вызывавшие врагов на бой, а передовые войска Аэция, пытавшиеся взять лагерь приступом, были или остановлены, или истреблены градом стрел, со всех сторон летевших на них из-за укреплений. На военном совете было решено осадить царя гуннов в его лагере, не допускать подвоза провианта и принудить его или заключить постыдный для него мирный договор, или возобновить неравный бой. Но нетерпение варваров не было в состоянии долго подчиняться осторожным и мешкотным военным операциям, а здравые политические соображения внушили Аэцию опасение, что после совершенного истребления гуннов республике придется страдать от высокомерия и могущества готской нации. Поэтому патриций употребил влияние своего авторитета и своего ума на то, чтобы смягчить гневное раздражение, которое сын Теодориха считал своим долгом; с притворным доброжелательством и с непритворной правдивостью он поставил Торизмунду на вид, как было бы опасно его продолжительное отсутствие, и убедил его разрушить своим быстрым возвращением честолюбивые замыслы своих братьев, которые могли бы овладеть и тулузским троном, и тулузскими сокровищами⁴⁶). После удаления готов и разъединения союзниче-

ской армии Атиллы был поражен тишиной, которая воцарилась на Шалонских равнинах; подозревая, что неприятель замышляет какую-нибудь военную хитрость, он несколько дней не выходил из-за своих повозок, а его отступление за Рейн было свидетельством последней победы, одержанной от имени западного императора. Меровей и его франки, державшиеся в благоразумном отдалении и старавшиеся внушить преувеличенное мнение о своих силах тем, что каждую ночь зажигали многочисленные огни, не переставали следовать за аррьергардом гуннов, пока не достигли пределов Тюрингии. Тюрингцы служили в армии Атиллы; они и во время наступательного движения, и во время отступления проходили через территорию франков и, может быть, именно в этой войне совершали те жестокости, за которые отомстил им сын Хлодвиг почти через восемьдесят лет после того. Они умерщвляли и заложников, и пленников; двести молодых девушек были преданы ими пытке с изысканным и неумолимым бесчеловечием; их тела были разорваны в куски дикими конями, их кости были искрошены под тяжестью повозок, а оставленные без погребения их члены были разбросаны по большим дорогам на съедение собакам и ястребам. Таковы были те варварские предки, которые, в цивилизованные века, вызывали похвалы и зависть своими мнимыми добродетелями⁴⁷⁾.

От неуспеха галльской экспедиции не ослабели ни мужество, ни военные силы, ни репутация Атиллы. В следующую весну он возобновил требование руки принцессы Гонории и ее доли наследства. Это требование было снова отвергнуто или отклонено и раздраженный любовник немедленно выступил в поход, перешел через Альпы, вторгнулся в Италию и осадил Аквилею с бесчисленными сонмищами варваров. Этим варварам не был знаком способ ведения правильной осады, который, даже у древних, требовал некоторого теоретического или по меньшей мере практического знакомства с механическими искусствами. Но руками многих тысяч провинциальных жителей и пленников, жизнь которых не ценилась ни во что, можно было совершать самые трудные и самые опасные работы. Римские знатоки этого дела, быть может, соглашались трудиться из-за денег на гибель своей родины. Стены Аквилеи были окружены множеством таранов, подвижных башен и машин, метавших камень, стрелы и за-

жигательные снаряды⁴⁸⁾, а царь гуннов то прибегал к обещаниям и запугиваниям, то возбуждал соревнование и затрагивал личные интересы, чтобы сломить единственную преграду, замедлявшую завоевание Италии. Аквилея была в ту пору одним из самых богатых, самых многочисленных и самых сильно укрепленных городов Адриатического побережья. Готские вспомогательные войска, как кажется служившие под начальством своих туземных князей Алариха и Анталы, сообщили свою неустранимость городским жителям, которые еще не забыли, какое славное и удачное сопротивление было оказано их предками свирепому и неумолимому варвару, унижавшему величие римских императоров. Три месяца были безуспешно потрачены на осаду Аквилеи, пока недостаток в провианте и ропот армии не принудили Аттилу отказаться от этого предприятия и неохотно сделать распоряжение, чтобы на следующий день утром войска убрали свои палатки и начали отступление. Но в то время как он объезжал верхом городские стены, погрузившись в задумчивость и скорбя о постигшей его неудаче, он увидел аиста, готовившегося покинуть вместе со своими детенышами гнездо в одной из башен. С прозорливостью находчивого политика он понял, какую пользу можно извлечь из этого ничтожного факта при помощи суеверия, и воскликнул громким радостным голосом, что такая ручная птица, обыкновенно живущая в соседстве с людьми, не покинула бы своего старого убежища, если бы эти башни не были обречены на разрушение и безлюдие⁴⁹⁾. Благоприятное предзнаменование внушило уверенность в победе; осада возобновилась и велась с новой энергией; широкая брешь была пробита в той части стены, откуда улетел аист; гунны бросились на приступ с непреодолимой стремительностью, и следующее поколение с трудом могло отыскать развалины Аквилеи⁵⁰⁾. После этого ужасного отмщения Аттила продолжал свое наступательное движение и мимоходом обратил в груды развалин и пепла города Альтинум, Конкордию и Падую. Лежавшие внутри страны города Виченца, Верона и Бергамо сделались жертвами алчной жестокости гуннов. Милан и Павия подверглись без сопротивления утрате своих богатств и превозносили необычайное милосердие, предохранившее от пожара общественные и частные здания и пощадившее жизнь многочисленных пленников. Есть основание не доверять народным преданиям каса-

тельно участи Кома, Турина и Модены, однако эти предания в совокупности с более достоверными свидетельствами могут быть приняты за доказательство того, что Атилла распространил свои опустошения по богатым равнинам Ломбардии, прорезываемым рекой По и окаймляемым Альпами и Апенниннами⁵¹). Когда он вошел в Миланский императорский дворец, он был поражен и оскорблен при виде одной картины, на которой Цезари были изображены восседающими на троне, а скифские государи распростертыми у их ног. Атилла отомстил за этот памятник римского тщеславия мягким и остроумным способом. Он приказал одному живописцу изобразить фигуры и положения в обратном виде: император был представлен на том же самом полотне приближающимся в позе просителя к трону скифского монарха и выкладывающим из мешка золото в уплату дани⁵²). Зрители должны были поневоле знать, что такая перемена вполне основательна и уместна, и, может быть, припоминали по этому случаю хорошо известную басню о споре между львом и человеком⁵³).

То была вполне подходящая к свирепому высокомерию Атилы поговорка, что трава переставала расти на том месте, где ступил его конь. Тем не менее этот варварский опустошитель ненамеренно положил основание республики, воскресившей в века феодализма дух коммерческой предприимчивости. Знаменитое название Венеции, или Венетии⁵⁴), первоначально обозначало обширную и плодородную провинцию, простиравшуюся от пределов Паннонии до реки Аддуи и от берегов реки По до Рецийских и Юлийских Альп. До нашествия варваров пятьдесят венецианских городов процветали в мире и благоденствии; Аквилея занимала между ними самое выдающееся положение; древнее величие Падуи поддерживалось земледелием и промышленностью, и собственность пятисот ее граждан, принадлежавших к сословию всадников, доходила, по самым точным расчетам, до одного миллиона семисот тысяч фунт. стерл. Многие семейства из Аквилеи, Падуи и соседних городов, спасаясь от меча гуннов, нашли хотя и скромное, но безопасное убежище на соседних островах⁵⁵). В глубине залива, где Адриатическое море слабо подражает приливам и отливам океана, около сотни небольших островков отделяются от континента неглубокими водами и охраняются от морских волн узкими полосами земли, между которыми есть секретные узкие проходы для

кораблей⁵⁶⁾. До половины пятого столетия эта глухая местность оставалась без культуры, без населения и едва ли носила какое-нибудь название⁵⁷⁾. Нравы венецианских изгнанников, их деятельность и форма управления мало-помалу приняли определенный отпечаток, соответствовавший новым условиям их существования, а одно из посланий Кассиодора⁵⁸⁾, в котором он описывает их положение почти через семьдесят лет после того, может считаться за первый письменный памятник республики. Министр Теодориха сравнивает их на своем изысканном и напыщенном языке с морскими птицами, свившими свои гнезда на поверхности волн, и, хотя он допускает, что в венецианских провинциях сначала было много знатных семейств, он дает понять, что теперь они уже низведены несчастиями на один общий уровень бедности. Рыба была обычной и почти единственной пищей людей всех званий; их единственное богатство состояло в избытке соли, которую они добывали из моря, а этот столь необходимый для человеческого питания продукт заменял на соседних рынках ходячую золотую и серебряную монету. Народ, о жилищах которого трудно было положительно сказать, построены ли они на земле или на воде, скоро освоился и со вторым из этих элементов, а вслед за требованиями необходимости возникли и требования корыстолюбия. Островитяне, которые от Градо до Хиоззы были связаны между собой самыми тесными узами, проникли внутрь Италии посредством безопасного, хотя и не легкого, плаванья по рекам и внутренним каналам. Их суда, постоянно увеличивавшиеся размерами и числом, посещали все гавани залива, и ежегодно празднующийся брак Венеции с Адриатическим морем был заключен ею в ранней молодости. В своем послании к морским трибунам преторианский префект Кассиодор убеждает их мягким начальственным тоном внушать их соотечественникам усердие к общественной пользе, которая требует их содействия для перевозки запасов вина и оливкового масла из Истрии в императорскую столицу Равенну. Двойственность официальных обязанностей этих должностных лиц объясняется преданием, которое гласит, что на двенадцати главных островах ежегодно назначались путем народного избрания двенадцать трибунов или судей. Тот факт, что Венецианская республика существовала в то время, когда Италия находилась под властью готских королей, опирается на до-

стоверное свидетельство того же писателя, который разбивает ее надменные притязания на первобытную и никогда не прекращавшуюся независимость⁵⁹⁾.

Итальянцы, давно уже отказавшиеся от военного ремесла, были поражены, после сорокалетнего спокойствия, приближением грозного варвара, которого они ненавидели не только как врага республики, но и как врага их религии. Среди общего смятения один Аэций был недоступен чувству страха; но без всякого содействия с чьей-либо стороны он не мог совершить таких военных подвигов, которые были бы достойны его прежней репутации. Защищавшие Галлию варвары отказались идти на помощь Италии, а подкрепления, обещанные восточным императором, были и далеки и ненадежны. Так как Аэций вел борьбу во главе одних туземных войск, затрудняя и замедляя наступательное движение Атилы, то он никогда еще не был так велик, как в то время, когда невежество и неблагодарность порицали его поведение⁶⁰⁾. Если бы душа Валентиниана была доступна для каких-либо возвышенных чувств, он взял бы такого военачальника за достойный подражания образец и подчинился бы его руководству. Но трусливый внук Феодосия, вместо того чтобы делить с ним опасности войны, избегал боевых тревог, а его торопливый переезд из Равенны в Рим, из неприступной крепости в ничем не защищенную столицу, обнаружил его тайное намерение покинуть Италию, лишь только приближение неприятеля станет грозить его личной безопасности. Впрочем, такое позорное отречение от верховной власти было приостановлено, благодаря тем колебаниям и отсрочкам, которые неразлучны с малодушием и даже иногда ослабляют его пагубные влечения. Западный император, с согласия римского сената и народа, принял более полезное решение смягчить гнев Атилы отправкой к нему торжественного посольства с просьбой о пощаде. Это важное поручение принял на себя Авиен, занимавший между римскими сенаторами первое место по знатности своего происхождения, по своему консульскому званию, по многочисленности своих клиентов и по своим личным дарованиям. Благодаря таким блестящим отличиям и врожденному коварству Авиен⁶¹⁾ был более всякого другого способен вести переговоры как о частных интересах, так и об общественных делах; его сотоварищ Тригений был одно время преторианским префектом Италии, а

римский епископ Лев согласился подвергнуть свою жизнь опасности для спасения своей паствы. Гений Льва⁶²⁾ развился и оказался среди общественных бедствий, и он заслужил название *Великого* благодаря успешному усердию, с которым он старался распространять свои убеждения и свое влияние под внушительным названием православной веры и церковного благочиния. Римские послы были введены в палатку Аттилы в то время, как он стоял лагерем там, где медленно извивающийся Минчио теряется в пенящихся волнах озера Бенака⁶³⁾, и в то время, как он попираля ногами своей скифской кавалерии мызы Катутла и Вергилия⁶⁴⁾. Варварский монарх выслушал послов с благословенным и даже почтительным вниманием, и освобождение Италии было куплено громадным выкупом, или приданым, принцессы Гонории. Положение его армии, быть может, облегчило заключение мирного договора и ускорило его отступление. Ее воинственный дух ослабел среди удобств и праздности, к которым она привыкла в теплом климате. Северные пастухи, привыкшие питаться молоком и сырым мясом, с жадностью набросились на хлеб, вино и мясные кушанья, которые готовились римскими поварами с разными приправами, и между ними стали развиваться болезни, в некоторой мере отомстившие им за зло, которое они причинили итальянцам⁶⁵⁾. Когда Аттила объявил о своем намерении вести свою победоносную армию на Рим, как его друзья, так и его враги напомнили ему, что Аларих ненадолго пережил завоевание вечного города. Его душа, недоступная для страха перед действительной опасностью, была поражена воображаемыми ужасами, и он не избежал влияния тех самых суеверий, которые так часто служили орудием для исполнения его замыслов⁶⁶⁾. Красноречивая ностойчивость Льва, его величественная наружность и священнические одеяния внушили Аттиле уважение к духовному отцу христиан. Появление двух апостолов, св. Петра и св. Павла, грозивших варвару немедленной смертью, если он не исполнит просьбы их преемника, составляет одну из самых благородных легенд церковной традиции. Спасение Рима было достойно заступничества со стороны небесных сил, и мы должны относиться с некоторой снисходительностью к такому вымыслу, который был изображен кистью Рафаэля и резцом Альгарди⁶⁷⁾.

Прежде чем удалиться из Италии, царь гуннов пригрозил, что возвратится еще более страшным и неумолимым, если его невеста, принцесса Гонория, не будет выдана его послам в установленный договором срок. Однако в ожидании этого события Аттила успокоил свою сердечную тревогу тем, что к списку своих многочисленных жен прибавил прекрасную девушку, которая звалась Ильдико⁶⁸). Бракосочетание было совершено с варварской пышностью и весельем в деревянном дворце по ту сторону Дуная, и отягощенный винными парами монарх, которого сильно клонило ко сну, удалился поздно ночью с пира в брачную постель. В течение большей части следующего дня его прислуга опасалась прервать его наслаждения или его отдых, пока необычайная тишина не возбудила в ней опасений и подозрений; несколько раз попытавшись разбудить Аттилу громкими криками, она, наконец, вломилась в царский апартамент. Ее глазам представилась дрожащая от страха молодая супруга, которая, сидя у постели и закрывши покрывалом свое лицо, оплакивала и свое собственное опасное положение, и смерть царя, испутившего дух в течение ночи⁶⁹). У него внезапно лопнула одна из артерий, а так как Аттила лежал навзничь, то его задушил поток крови, который, вместо того чтобы найти себе выход носом, залил легкие и желудок. Его труп был положен посреди равнины, под шелковым павильоном, и избранные эскадроны гуннов совершали вокруг него мерным шагом военные маневры, распевая надгробные песни в честь героя, который был славен во время своей жизни и непобедим даже в смерти, который был отцом для своего народа, бичом для своих врагов и предметом ужаса для всего мира. Согласно со своими племенными обычаями, варвары укоротили свои волосы, обзобразили свои лица искусственными ранами и оплакивали своего отважного вождя так, как он того стоил, проливая над его трупом не женские слезы, а кровь воинов. Смертные останки Аттилы, заключенные в три гроба - один золотой, другой серебряный и третий железный, были преданы земле ночью: часть захваченной им у побежденных народов добычи была положена в его могилу; пленники, вырывавшие могилу, были безжалостно умерщвлены, и те же самые гунны, которые только что предавались такой чрезмерной скорби, закончили эти обряды пиром, на котором предавались необузданному веселью вокруг только что закрывшейся могилы

своего царя. В Константинополе рассказывали, что в ту счастливую ночь, когда он испустил дух, Маркиан видел во сне, что лук Атилы переломился пополам, а этот слух может служить доказательством того, как часто образ этого грозного варвара представлялся воображению римских императоров⁷⁰).

Переворот, ниспровергнувший владычество гуннов, упрочил славу Атилы, который одним своим гением поддерживал это громадное и неплотно сложенное здание. После его смерти самые отважные из варварских вождей заявили свои притязания на царское достоинство; самые могущественные из королей не захотели подчиняться чьей-либо высшей власти, а многочисленные сыновья, прижитые покойным монархом со столькими женами, поделили между собой и стали оспаривать друг у друга, как частное наследство, верховную власть над германскими и скифскими племенами. Отважный Ардарих понял, как был постыден такой дележ, и протестовал против него; а его подданные, воинственные гепиды, вместе с остготами, предводимыми тремя храбрыми братьями, поощряли своих союзников поддерживать свои права на свободу и на самостоятельность верховной власти. В кровопролитном и решительном сражении, происходившем на берегах реки Нетада в Паннонии, были употреблены в дело частью для борьбы одних с другими, частью для поддержки одними других, копья гепидов, мечи готов, стрелы гуннов, пехота свевов, легкое вооружение герулов и тяжелые боевые орудия аланов, а победа Ардариха сопровождалась избиением тридцати тысяч его врагов. Старший сын Атилы Эллак лишился и жизни, и престола в достопамятной битве при Нетаде: храбрость, которой он отличался с ранней молодости, уже возвела его на трон акатциров, - покоренного им скифского народа, а его отец, всегда умевший ценить высокие личные достоинства, позавидовал бы смерти Эллага⁷¹). Его брат Денгизих с армией из гуннов, наводивших страх даже после своего бегства и расстройтва, держался в течение почти пятнадцати лет на берегах Дуная. Дворец Атилы и древняя Дакия, простиравшаяся от Карпатских гор до Евксинского моря, сделались центром нового государства, основанного королем Гепидов Ардарихом⁷²). Земли, завоеванные в Паннонии от Вены до Сирмия, были заняты остготами, а поселения тех племен, которые так мужественно отстояли

свою свободу, были распределены между ними соразмерно с силами каждого из них. Окруженный и теснимый массами бывших подданных его отца, Денгизих властвовал только над лагерем, окруженным повозками; его отчаянная храбрость побудила его вторгнуться в Восточную империю, он пал в битве, а позорная выставка его головы в ипподроме доставила константинопольскому населению приятное зрелище. Атила ласкал себя приятной или суеверной надеждой, что младший из его сыновей - Ирнак поддержит блеск его рода. Характер этого наследника, старавшегося сдерживать опрометчивость своего брата Денгизиха, был более подходящ к упадку, в который пришло могущество гуннов, и Ирнак удался, вместе с подчиненными ему ордами, внутрь Малой Скифии. Эти орды скоро были подавлены потоком новых варваров, двигавшихся вперед по тому самому пути, который был проложен их предками. Геуги, или авары, жившие, по словам греческих писателей, на берегах Океана, увлекли вслед за собой соседние племена; но в конце концов вышедшие из холодных сибирских стран, доставляющих самые дорогие меха, игуры разлились по всей степи, до Борисфена (Борисфен - античное греческое название Днепра. - *Прим. ред.*) и Каспийского моря и окончательно ниспровергли могущество гуннов⁷³⁾.

Эти события могли способствовать безопасности Восточной империи под управлением такого монарха, который, поддерживая дружеские сношения с варварами, вместе с тем умел внушать им уважение. Но царствовавший на Западе слабый и распутный Валентиниан, достигший тридцати четырех лет, а все еще не приобретший ни разума, ни самообладания, воспользовался этим непрочным спокойствием для того, чтобы поколебать основы своего собственного могущества умерщвлением патриция Аэция. Из низкой зависти он возненавидел человека, которого все превозносили за то, что он умел держать в страхе варваров и был опорой республики, а новый фаворит Валентиниана, евнух Гераклий, пробудил императора от его беспечной летаргии, которую можно было оправдать при жизни Плацидии⁷⁴⁾ сыновней преданностью. Слава Аэция, его богатства и высокое положение, многочисленная и воинственная свита из варварских приверженцев, влиятельные друзья, занимавшие высшие государственные должности, и надежды его сына Гауденция, уже

помолвленного с дочерью императора Евдокией, - все это возвышало его над уровнем подданных. Честолюбивые замыслы, в которых его втайне обвиняли, возбуждали в Валентиниане и опасения, и досаду. Сам Аэций, полагаясь на свои личные достоинства, на свои заслуги и, быть может, на свою невинность, как кажется, вел себя с высокомерием и без надлежащей сдержанности. Патриций оскорбил своего государя выражением своего неодобрения, усилил эту обиду, заставив его подкрепить торжественной клятвой договор о перемирии и согласии, обнаружил свое недоверие, не позаботился о своей личной безопасности и в неосновательной уверенности, что недруг, которого он презирал, не был способен даже на смелое преступление, имел неосторожность отправиться в римский дворец. В то время как он - быть может, с чрезмерной горячностью - настаивал на бракосочетании своего сына, Валентиниан обнажил свой меч, до тех пор еще ни разу не выходявший из своих ножен, и вонзил его в грудь полководца, спасшего империю; его царедворцы и евнухи постарались превзойти один другого в подражании своему повелителю, и покрытый множеством ран Аэций испустил дух в присутствии императора. В одно время с ним был убит преторианский префект Боэций, и, прежде чем разнесся об этом слух, самые влиятельные из друзей Аэция были призваны во дворец и перебиты поодиночке. Об этом ужасном злодеянии, прикрытом благовидными названиями справедливости и необходимости, император немедленно сообщил своим солдатам, своим подданным и своим союзникам. Народы, не имевшие никакого дела с Аэцием или считавшие его за своего врага, великодушно сожалели о постигшей героя незаслуженной участи; варвары, состоявшие при нем на службе, скрыли свою скорбь и жажду мщения, а презрение, с которым давно уже народ относился к Валентиниану, внезапно перешло в глубокое и всеобщее отвращение. Такие чувства редко проникают сквозь стены дворцов; однако император был приведен в замешательство честным ответом одного римлянина, от которого он пожелал услышать одобрение своего поступка: "Мне неизвестно, Ваше Величество, какие соображения или обиды заставили вас так поступить; я знаю только то, что вы поступили точно так же, как тот человек, который своей левой рукой отрезал себе правую руку"⁷⁵).

Царившая в Риме роскошь, как кажется, вызывала Валентиниана на продолжительные и частые посещения столицы, где поэтому его презирали более, чем в какой-либо другой части его владений. Республиканский дух мало-помалу оживал в сенаторах по мере того, как их влияние и даже их денежная помощь становились необходимыми для поддержания слабой правительственной власти. Величие, с которым держал себя наследственный монарх, было унинительно для их гордости, а удовольствия, которым предавался Валентиниан, нарушали спокойствие и оскорбляли честь знатных семей. Императрица Евдокия была такого же, как и он, знатного происхождения, а ее красота и нежная привязанность были достойны тех любовных ухаживаний, которые ее ветреный супруг расточал на непрочные и незаконные связи. У бывшего два раза консулом богатого сенатора из рода Анициев Петрония Максима была добродетельная и красивая жена: ее упорное сопротивление лишь разожгло желания Валентиниана, и он решился удовлетворить их путем или обмана, или насилия. Большая игра была одним из господствовавших при дворе пороков; император, выигравший с Максима случайно или хитростью значительную сумму, неделикатно потребовал, чтобы тот отдал ему свое кольцо в обеспечение уплаты долга; это кольцо Валентиниан послал с доверенным лицом к жене Максима с приказанием от имени ее мужа немедленно явиться к императрице Евдокии. Ничего не подозревавшая жена Максима отправилась в своих носилках в императорский дворец; эмиссары нетерпеливого влюбленного отнесли ее в отдаленную и уединенную спальню, и Валентиниан без всякого сострадания нарушил законы гостеприимства. Когда она возвратилась домой, глубокая скорбь и ее горькие упреки мужу, которого она считала соучастником в нанесенном ей позоре, возбудили в Максиме желание мщения; этому желанию служило поощрением честолюбие, так как он мог основательно надеяться, что свободный выбор сената возведет его на престол всеми ненавидимого и презираемого соперника. Валентиниан, не веривший ни в дружбу, ни в признательность, так как сам был неспособен к ним, имел неосторожность принять в число своих телохранителей нескольких слуг и приверженцев Аэция. Двое из них, по происхождению варвары, склонились на убеждение исполнить свой священный и честный долг, наказав смертью того,

кто убил их покровителя, а их неустрашимое мужество долго ожидало благоприятной минуты. В то время как Валентиниан развлекался на Марсовом поле зрелищем военных игр, они внезапно устремились на него с обнаженными мечами, закололи преступного Гераклия и поразили прямо в сердце самого императора без всякого сопротивления со стороны его многочисленной свиты, по-видимому радовавшейся смерти тирана. Таков был конец Валентиниана III⁷⁶⁾, последнего римского императора из дома Феодосия. Он отличался точно таким же наследственным слабоумием, как его двоюродный брат и двое дядей, но он не унаследовал кротости, душевной чистоты и невинности, которые заставляли прощать им отсутствие ума и дарований. Валентиниан не имел таких же прав на снисходительность, так как при своих страстях не имел никаких добродетелей; даже его религия сомнительна, и хотя он никогда не вовлекался в заблуждения еретиков, он оскорблял благочестивых христиан своей привязанностью к нечестивым занятиям магией и ворожбой.

Еще во времена Цицерона и Варрона римские авгуры держались того мнения, что *двенадцать коршунов*, которых видел Ромул, обозначали двенадцать *столетий*, по истечении которых окончится существование основанного им города⁷⁷⁾. Это предсказание, быть может оставшееся в пренебрежении в эпоху силы и благосостояния, внушило народу самые мрачные опасения, когда ознаменовавшееся позором и бедствиями двенадцатое столетие приближалось к концу⁷⁸⁾, и даже потомство должно не без некоторого удивления сознаться, что произвольное истолкование случайного или вымышленного факта вполне оправдалось падением Западной империи. Но это падение предвещали более верные предзнаменования, чем полет коршунов; римское правительство становилось с каждым днем все менее страшным для своих врагов и все более ненавистным и притеснительным для своих подданных⁷⁹⁾. Подати увеличивались вместе с общей нищетой; бережливостью все более и более пренебрегали по мере того, как она становилась более необходимой, а незнание с чувством справедливости богачи переложили с самих себя на народ несоразмерное с его силами бремя налогов и обратили в свою пользу все те сложения недоимок, которые могли бы иногда облегчать народную нужду. Строгие расследования, кончавшиеся конфискацией имуществ и со-

проводившиеся пыткой обвиняемых, заставляли подданных Валентиниана предпочитать более простодушную тиранию варваров, укрываться среди лесов и гор или вступать в низкое и презренное звание наемных слуг. Они отказывались от внушавшего им отвращение названия римских граждан, которое служило в былое время целью для честолюбия всего человечества. Лига багаудов привела армориканские провинции Галлии и большую часть Испании в положение анархической независимости, и императорские министры тщетно прибегали к изданию строгих законов и к оружию, чтобы подавить восстание, которое они сами вызвали⁸⁰). Если бы все варварские завоеватели могли быть стерты с лица земли в одно мгновение, то и совершенное их истребление не восстановило бы Западной империи, а если бы Рим пережил это событие, он пережил бы вместе с тем утрату свободы, мужества и чести⁸¹).

1) См. Приска, стр. 39-72.

2) Александрийская, или Пасхальная, Хроника, относящая это дерзкое требование к тому времени, когда еще был жив Феодосий, могла ошибиться указанием времени; но тупоумный летописец не был способен подделаться под обличительный тон Атилы.

3) Вторая книга "Histoire Critique de l'Etablissement de la Monarchie Française", ч I, стр. 189-424, бросает яркий свет на положение Галлии в то время, когда она подверглась нашествию Атилы; но ее остроумный автор аббат Дюбо слишком часто запутывается в разных системах и догадках.

4) Виктор Витенский (Victor Vitensis (de Persecut. Vandal., кн. 1, гл. 6, стр. 8, изд. Рюинара) называет его acer consilio et strenuus in bello; но когда его постигли несчастья, его мужество считалось за безрассудную опрометчивость, и Себастиану дали, быть может, заслуженное прозвание проесепс. (Сидон. Апполинар. Carmen IX, 181). О его похождениях в Константинополе, в Сицилии, Галлии, Испании и Африке лишь слегка упоминается в хрониках Марцеллина и Идация. В то время, когда он находился в бедственном положении, его постоянно сопровождали многочисленные приверженцы, так как он был в состоянии опустошать берега Гелеспонта и Пропонтиды и овладеть городом Барселоной.

5) Reipublicae Romanae singulariter natus, qui super biam Suevorum Francorumque barbariem immensis caedibus servire imperio Romano coegisset. Иордан, de Rebus Geticis, гл. 34, стр. 660.

6) Автор этой характеристики - Ренат Профутур Фригерид, современный историк, известный только по некоторым отрывкам, которые сохранились у Григория Турского (кн. 2, гл. 8, том II, стр. 163). Ренат превозносил достоинства Аэция, вероятно, или по обязанности, или по меньшей мере из личных интересов, но с его стороны бы-

ло бы более прилично не настаивать на терпеливости Аэция и его готовности прощать обиды.

7) Это посольство состояло из графа Ромула, из президента Норики Промота и военного герцога Романа. Их сопровождал знатный гражданин из находившегося в той же провинции города Петавио Татулл, отец Ореста, женатого на дочери графа Ромула. См. Приска, стр. 57, 65. Кассидор (*Variar.* кн. 4) упоминает о другом посольстве, которое состояло из его отца и Аэциева сына Карпилиона; а так как в ту пору Аттилы уже не было в живых, то послы могли безопасно хвастаться неустрашимостью, оказанной ими при свидании с царем гуннов.

8) *Deserta Valentinae urbis rura Alanis partienda traduntur.* "Хроника" Проспера Тиро в *Historiens de France*, том I, стр. 639. Несколькоими строками ниже Проспер замечает, что для аланов были отведены земли в Галлии *ulterior*. Основательное предположение, что существовали две колонии или два гарнизона аланов, подтвердит доводы Дюбо и устранил его возражения, не требуя согласия на его поправки (том 1, стр. 300).

9) См. Просп. Тиро, стр. 639. Сидоний (*Panegyric. Avit.* 246) высказывает следующие жалобы от имени своей родины Оверна:

*Litorius Scythicos equites tunc forte subacto
Celsus Aremorico, Geticum raplebat in agmen
Per terras, Arverne, tuas, qui proxima quaeque
Discursu, flammis, ferro, feritate, rapinis,
Delebant; pacis fallentes nomen inane.*

Другой поэт, Павлин из Перигора, подтверждает эти жалобы:

Nam socium vix ferre queas, qui durior hoste.

См. Дюбо, том 1, стр. 330.

10) Сын Теодориха I, Теодорих II, объявил Авиту о своей решимости исправить или загладить ошибки, сделанные его дедом.

*Quae noster peccavit avus, quem fuscet id unum,
Quod te, Roma, capit.*

Сидон. *Panegyric. Avit.* 505.

Эти черты, применимые только к великому Алариху, устанавливают генеалогию готских царей, но до сих пор оставались без внимания. (Нет никаких указаний на то, что Аларих оставил после себя сына, а употребленное Сидонием выражение так неопределенно, что из него нельзя делать такого вывода. Феодосий I был пожилой человек в 451 году, когда он пал в битве при Шалоне* ("*matura senectute*", Иорд. гл. 40.) Если бы он был законным наследником престола, его не заменил бы в 410 г. его дядя Адольф, а в 415 г. Валлия. - *Издат.*)

11) У Аммиана Марцеллина впервые встречается название *Saraudia*, от которого произошло название Савойи, а *Notitia* удостоверяют, что в этой провинции содержались два военных поста; в Гренобле, в Дофинэ, стояла одна когорта, а в Эбрэдунуме, или Ивердуне, стоял флот из мелких судов, господствовавший на Невшательском озере. См. Валуа, *Notit. Galliarum*, стр. 503. Анвилль, *Notice de l'Ancienne Gaule*, стр. 284-579.

12) Сальвиан попытался объяснить нравственное управление Божества; чтобы выполнить эту задачу, стоит только предположить, что бедствия, постигающие негодных людей, суть обвинительные приго-

воры, а бедствия, постигающие людей благочистивых, суть испытания.

13) ...Capto terrarem damna patebant
Litotio, in Rhodanum proprios producere fines,
Theudoridae fixum; nec erat pugnare necesse,
Sed migrare Getis; rabidam trux asperat Iram
Victor; quod sensit Scythicum sub moenibus hostem
Imputat, et nihil est gravius, si forsitan unquam
Vincere contingat, trepido...
Panegyр. Avit. 300 и сл.

Затем Сидоний, по долгу панегириста, приписывает все заслуги не Аэцию, а его министру Авиту.

14) Теодорих II уважал в лице Авиты своего наставника.
Mihi Romula dudum

Per te jura placent: parvumque ediscere jussit
Ad tua verba pater, docili quo prisca Maronis
Carmine molliret Scythicos mihi pagina mores.
Сидон. Panegyр. Avit. 495 и сл.

15) При описании царствования Теодориха I авторитетами служат для нас: Иордан, *de Rebus Geticis*, гл. 34-36, "Хроники" Идация и два Проспера, произведения которых помещены в I томе "*Historiens de France*", стр. 612-640. К этим источникам мы можем прибавить Сальвиана, *de Gubernatione Dei*, кн. 7, стр. 243-245 и написанный Сидонием "Панегирик" Авита.

16) *Reges Crinitos se creavisse de prima, et ut ita dicam nobiliore suorum familia* (Григ. Турск., кн. 2, гл. 9, стр. 166 во втором томе "*Historiens de France*"). Сам Григорий не упоминает имени Меровингов, которое, однако, было с начала седьмого столетия отличительным названием королевского семейства и даже французской монархии. Один остроумный критик утверждал, что Меровинги происходили от великого Марободуя, и ясно доказал, что этот монарх, давший свое имя первому королевскому роду, был древнее Хильдерихова отца. См. *Mémoires de l'Académie des Inscriptions*, том XX, стр. 52-90; том XXX, стр. 557-587. (Этот "остроумный критик" был герцог Нивернуа. О наследственном праве рода на верховную власть уже было упомянуто в главе XXXI как об одном из очень древних готских обычаев или законов. Поэтому весьма вероятно, что это право существовало у Франков еще во времена Марободуя. Но оно подверглось у них изменениям, так что территория умершего монарха делилась поровну между его сыновьями. Мнения, высказанные об этом предмете Гиббоном в другом примечании (см. стр. 12), можно сопоставить с мнениями Галлама (ч. 1, стр. 5), который приходит к тем же выводам. Ссора между Меровеєм и его братом, вероятно, была вызвана спорами о доле каждого из них. - *Издат.*)

17) Этот германский обычай можно проследить со времен Тацита до времен Григория Турского; в конце концов он был усвоен константинопольскими императорами. На основании одной рукописи десятого столетия, Монфокон описал подобную церемонию, которую по невежеству того времени относили к царю Давиду. См. *Monumens de la Monarchie Française*, том I, *Discours Préliminaire*.

18) *Caesaries proluxa... crinium flagellis per terga dimissis, etc.* См. предисловие к третьей части "*Historiens de France*" и Диссертацию аббата ле Бефа (том III, стр. 47-79). О существовании этого обычая Меровингов свидетельствуют и туземные, и иностранные писатели. Приск (том I, стр. 608), Агафий (том II, стр. 49) и Григорий Турский (кн. III, 18; VI, 24; VIII, 10; том II, стр. 196, 278, 316).

19) См. оригинальное описание внешности, одеяния, вооружения и характера древних франков у Сидония Аполлинария (*Panegy. Majorian.* 238-254); такие описания, хотя и грубы, но имеют существенное внутреннее достоинство. Отец Даниель (*Hist. de la Milice Française*, том 1, стр. 2-7) пояснил это описание.

20) Дюбо, *Hist. Critique etc.*, том 1, стр. 271, 272. Некоторые географы полагали, что Диспаргум находился на германской стороне Рейна. См. примечание Бенедиктинских издателей к "*Historiens de France*", том II, стр. 166.

21) Карбонарийский лес составлял ту часть большого Арденнского леса, которая лежит между Шельдой и Маасом. Валуа, *Notit. Gall.*, стр. 126.

22) Григор. Турск., кн. 2, гл. 9 во II томе, стр. 166, 167. Фредегар. *Epitom.* гл. 9, стр. 395. *Gesta Reg. Francor.*, кн. 5, том II, стр. 544. *Vit. St. Remig. ab Hincmar*, том III, стр. 373.

23) ...*Francus qua Cloio patentes*

Atrebatum terras pervaserat...

Panegy. Majorian. 212.

Это был город или деревня, носившая название *Vicus Helena*; новейшие географы отыскивали и это название и это место в Ленсе (*Lens*). См. Валуа, *Notit. Gall.*, стр. 246. Лонгерю, *Description de la France*, том II, стр. 88.

24) См. неясный рассказ об этом сражении у Сидония в "*Panegy. Majorian.*", 212-230. Французские критики, торопившиеся основать свою монархию в Галлии, извлекали сильный аргумент из молчания Сидония, не осмеившегося заметить, что побежденные франки были вынуждены обратно перейти за Рейн. Dubos, том I, стр. 322.

25) Сальвиан (*de Gubernat. Dei*, кн. 6) описал туманным и напыщенным слогом бедствия этих трех городов, ясно рассказанные у Маску в его "Истории Древних Германцев", IX, 21. (Трир был резиденцией императоров и, вероятно, должен был более других городов пострадать от опустошительных нашествий. Если же он подвергся четырем таким нашествиям в течение сорока лет, то, вероятно, или быстро от них оправился, или не представлялось повода для возобновления этих нападений. Тот факт, что там был цирк и находились денежные средства для устройства в нем игр, не может служить доказательством его бедственного положения, которое становится еще более сомнительным ввиду того, что своим безуспешным сопротивлением он попытался остановить наступление Атиллы (Шмидт, 1, 175). Касательно древнего великолепия Трира см. Виттенбаховы "Римские древности города Трира", издание Даусона Тёрнера, in 8-vo, Лонд. 1839.-Издат.)

26) Приск, описывая эту вражду, не называет двух братьев по именам; второго из них он видел в Риме безбородым юношей с длинными развевающимися волосами (*Historiens de France*, том 1, стр. 607,

608). Бенедиктинские издатели склоняются к тому мнению, что это были сыновья какого-нибудь неизвестного короля франков, царствовавшего на берегах Неккера; но аргументы Фонсеманья (Mém. de l'Académie, том VIII, стр. 464), по-видимому, доказывают, что наследство Клодиона оспаривалось его двумя сыновьями и что младший из этих сыновей был отец Хильдериха Меровей.

27) Под управлением рода Меровингов престол был наследственный, но все сыновья умершего монарха имели право на равную долю из его сокровищ и из его территориальных владений. См. "Диссертации" Фонсеманья в шестом и восьмом томах Mém. de l'Académie.

28) До сих пор сохранилась медаль с изображением красавицы Гонории, украшенной титулом Августы; на оборотной стороне медали, вокруг монограммы Христа, сделана неуместная надпись: *Salus Reipublicae*. См. Дюканжа "Famil. Byzantin.", стр. 67-63. (Экгель (VIII, стр. 189) энергично порицает лживые надписи на ее медалях, которые, вероятно, были вычеканены в то время, когда ей было только три года. - *Издат.*)

29)) См. Приск, стр. 39, 40. Можно бы было основательно сослаться на тот факт, что если бы лица женского пола могли вступать по наследству на императорский престол, то сам Валентиниан, будучи женат на дочери и наследнице младшего Феодосия, мог бы предъявить свои права на Восточную империю.

30) Приключения Гонории поверхностно описаны Иорданом (*de Successione Regn.*, гл. 97 и *de Reb. Get.*, гл. 42 стр. 674) и в "Хрониках" Проспера и Марцеллина; но в этих приключениях не было бы ни последовательности, ни правдоподобия, если бы мы не отделили любовную интригу Гонории с Евгением от ее обращения к Атилле промежутком времени и места.

31) *Exgeras mihi, ut promitterem tibi, Attilae bellum stylo me posteris intimatum... coeperam scribere, sedo peris arrepti fasce perspecto, taeduit inchoasse.* Сидон. Аполл., кн. 8, epist. 15, стр. 246.

32) ... *Subito cum rupta tumultu*

*Barbaries totas in te transfuderat Arctos,
Gallia. Pugnacem Rugum comitante Gelono
Gepida trux sequitur; Scyrum Burgundio cogit:
Chunus, Belonotus, Neurus, Basterna, Toringus,
Bructerus, ulvosa vel quem Nicer abluit unda
Prorumpit Francus. Cecidit cito secta bipenni
Hercynia in lintres, et Rhenum texuit alno.
Et jam terrificis diffuderat Attila turmis
In campos se, Belgas, tuos. -*

Panegy. Avit. 319 и сл.

33) Самое достоверное и подробное описание этой войны находится у Иордана (*de Reb. Geticis*, гл. 36-41, стр. 662-672), который иногда сокращал, а иногда переписывал более подробный рассказ Кассиодора. Считаю нужным заметить один раз навсегда, что произведения Иордана следует исправлять и объяснять при помощи Григория Турского, кн. 2, гл. 5-7 и "Хроник" Идация, Исидора и двух Просперов. Все древние свидетельства собраны и помещены в "Historiens de France"; но читателя следует предупредить, что он должен с ос-

торожностью относиться к мнимому извлечению из "Хроники" Идация (в числе отрывков Фредегария, том II, стр. 462), которое часто не сходится с подлинным текстом галльского епископа. (Многочисленные шайки, находившиеся под начальством Атилы, должно быть, перешли через Рейн в нескольких местах. Тонгр, Вормс, Майнц, Трир, Шпейер и Старсбург были взяты приступом почти одновременно (Шмидт, 1, 175). Вблизи от Ренена в голландском Гвельдерланде, вершина высокой горы окружена старинной стеной, которая до сих пор сохранила название De Hunnen-Schants - "гуннского укрепления". Она, вероятно, была сооружена и снабжена гарнизоном, для того чтобы держать в страхе батавов, над островом которых она господствовала. - *Издат.*)

34) Древние сочинители легенд заслуживают некоторого внимания, потому что они были вынуждены примешивать к своим вымыслам исторические факты своего времени. См. жизнеописание св. Луна, св. Аниана, епископов Мецских, св. Женевьевы и др. в "Histotriens de France", том I, стр. 644 645, 649, том III, стр. 369.

35) Сомнения, которые высказывает граф де Бюа (Hist. des Peuples, том VII, стр. 539, 540), не могут быть согласованы ни с каким принципом здравого смысла или здоровой критики. Разве Григорий Турский не точен и не положителен в своем описании разрушения Меца? Разве по прошествии только ста лет, он мог ничего не знать и другие могли ничего не знать о судьбе, постигшей город, который был резиденцией их государей, королей Австразии? Ученый граф, как будто вознамерившись написать апологию Атилы и варваров, ссылается на ложного Идация (parcens civitatibus Germaniae et Galliae) и забывает, что настоящий Идаций положительно говорит "plurimae civitates effractae", в числе которых он называет и Мец.

36) ... Vix liquerat Alpes

Aetius, - tenue, et rarum sime milite ducens

Robur, in auxillis Geticum male credulus agmen

Incassum propriis praesumens adfore castris.

Panegy. Avit. 328 и сл.

37) Политика Атилы, Аэция и вестготов неудовлетворительно описана в "Панегирике" Авита, и в тридцать шестой главе Иордана. И поэт, и историк подчинялись влиянию личных или племенных предрассудков. Первый из них превозносит личные достоинства и значение Авита: "orbis, Avite, salus! etc"; а последний старается выставить готов в самом благоприятном свете. Впрочем, если понимать как следует то, в чем они сходятся, их единомыслие может быть принято за доказательство их правдивости.

38) Состав армии Аэция описан Иорданом (гл. 36, стр. 664, изд. Гроц, том II, стр. 23 в "Historiens de France" с примечаниями Бенедиктинского издателя). Леты были смешанная раса варваров, родившихся в Галлии; название *рипариев* или *рипуариев* происходило от занимаемой ими территории на берегах трех рек: Рейна, Мааса и Мозеля; *арморикане* занимали независимые города между Сеной и Луарой. Одна колония *саксов* была поселена в округе Байе; *бургунды* жили в Савойе, а бреоны были воинственное племя ретов, жившее на восточной стороне Костанского озера. (Иордан ставит бургундов в число племен, входивших в состав армии Аэция, тогда как цитата из Си-

дония, приведенная в одном из предшествующих примечаний (прим. 32), ставит их под начальство Атиллы. Франков разъединяли внутренние раздоры и потому было основание ставить одних на одну сторону, а других на другую. Но бургундов не разъединяли подобные раздоры. Свидетельство историка во всяком случае более надежно, чем свидетельство поэта. Кассиодор находился в таком положении, что мог получить положительные сведения от кого-нибудь из тех, кто был свидетелем битвы. Сидоний, вероятно, не нашел в своем списке такого имени, которое имело бы нужное для его стиха число слогов; поэтому он употребил на удачу имя бургундов. - *Издат.*)

39) Aurelia nensis urbis obsidio, oppugnatio, irruptio, nec direptio, кн. 5. Сидон. Аполлин. кн. 8, посл. 15, стр. 246. Спасение Орлеана нетрудно было приписать чуду, которое святой епископ вымолил и предсказал.

40) В большей части изданий стоит цифра XCM; но основываясь на авторитете некоторых манускриптов (а в настоящем случае всякий авторитет может считаться достаточным), мы считаем более правдоподобной цифру XVM.

41) Шалон, называвшийся сначала Duro-Catalaunum, а впоследствии Catalauni, составлял первоначально часть территории Реймса, от которого отстоит только на двадцать семь миль. См. Вал. Notit. Gall., стр. 136. Анвиль, Notice de l'Ancienne Gaule, стр. 212, 279. (Нибур (Лекция, 3,340) говорит: "Эта великая битва обыкновенно называется Шалонской, с чем я не могу вполне согласиться. Вся Шампань носила название Campi Catalaunici; но она так велика, что битва, быть может, происходила в некотором расстоянии от Шалона". - *Издат.*)

42) Название Кампании или Шампани часто встречается у Григория Турского; эта обширная провинция, имевшая столицей Реймс, управлялась герцогом. Вал. Notit, стр. 120-123.

43) Мне хорошо известно, что подобные воинственные речи обыкновенно сочиняются самими историками; но служившие под начальством Атиллы престарелые остготы могли сообщить Кассиодору содержание его речи; идеи и даже самые выражения носят на себе оригинальный скифский отпечаток, и я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из живших в шестом столетии итальянцев мог придумать такую фразу: *hujus certaminis gaudia*.

44) Выражения Иордана или, верней, Кассиодора очень энергичны: "*Bellum atrox, multiplex, immane, pertinax, cui simile nulla usquam narrat antiquitas: ubi tanta gesta referuntur, ut nihil esset quod in vita sua conspiciere potuisset egregius, qui hujus miraculi privaretur aspectu*". Дюбо (Hist. Critique, том 1, стр. 392, 393), стараясь согласовать цифру в сто шестьдесят две тысячи, указанную Иорданом, с тремястами тысячами, о которых говорится у Идация и Исидора, предполагает, что в более крупную цифру входят все погибшие во время войны, как-то: умершие от болезней, подвергшиеся избиению безоружные жители и пр.

45) Граф де Бюа (Hist. des Peuples, etc., том VII, стр. 554-573), все еще ссылаясь на *мнимого* Идация и отвергая свидетельство настоящего Идация, разделил поражение Атиллы на две большие битвы, из которых первая, будто бы, происходила подле Орлеана, а вторая в

Шампани; в первой из них был убит Теодорих, а во второй состоялось отмщение за эту смерть.

46) Иордан, *de Rebus Geticis*, гл. 41, стр. 671. И политика Аэция, и образ действий Торизмунда вполне естественны, а по словам Григория Турского (кн. 2, гл. 7, стр. 163), патриций отделался от короля франков, внушив ему точно такие же опасения. Мнимый Идаций сообщает странную подробность, - будто Аэций тайне посетил ночью царей гуннов и вестготов и от каждого из них взял взятку в десять тысяч золотых монет за то, чтобы не препятствовать их отступлению.

47) Эти жестокости с негодованием оплакивал сын Хлодвиг Теодорих (Григорий Турский, кн. 3, гл. 10, стр. 190); они согласны с духом времени и с другими подробностями нашествия Атилы. Его пребывание в Тюрингии долго подтверждалось народными преданиями, и он, как полагают, созывал *couroultai*, или сейм, на территории Эйзенаха. См. Маску, IX, 30, который описывает с замечательной точностью пределы древней Тюрингии и производит ее название от готского племени тервингов. (Мы вправе не верить рассказанным здесь жестокостям, пока они не будут удостоверены каким-нибудь неопровержимым свидетельством. Единственным авторитетом, на который опирается это важное обвинение, был Григорий Турский, который писал по прошествии более ста лет после вторжения Атилы в Галлию и не имел в своих руках никаких письменных свидетельств, а только повторял предание, будто бы повторенное сыном Хлодвиг, когда Григория еще не было в живых. Касательно того, как мало доверия заслуживают его рассказы о жестокостях, см. что говорит о нем Галлам (ч. III, стр. 356); а что касается его легковерия, см. его собственный рассказ о чудесах Мартина, Андрея и других. Автор его биографии, помещенной в *Biographie Universelle*, хотя и гордится тем, что его отечество имело такого историка для описания царствования его первых королей, однако сознается, что эта история отличается "невежеством без простодушия и легковерием без дара фантазии". За недостатком более надежных свидетельств мы вправе не верить рассказам о таких ужасах, которые противны и природе, и здравому смыслу, и человеколюбию. - *Издат.*)

48) *Machinis constructis, omnibusque tormentorum generibus adhibitis*. Иордан, гл. 42, стр. 673. В тринадцатом столетии монголы осаждали китайские города при помощи больших машин, которые были сооружены находившимися у них на службе мусульманами или христианами и которые метали камень весом от ста пятидесяти до трехсот фунтов. При защите своего отечества китайцы употребляли порох и даже бомбы за сто с лишним лет перед тем, как эти средства разрушения сделались известны в Европе; но даже эти небесные или адские средства оказались недостаточными для защиты малодушного населения. См. Gaubil, *Hist. des Mongous*, стр. 70, 71, 155, 157 и сл.

49) Ту же историю рассказывают и Иордан, и Прокопий (*de Bell. Vandal.*, кн. I, гл. 4, стр. 187, 188), и трудно решить, который из этих двух рассказов оригинальный. Впрочем, греческий историк сделал непростительную ошибку, сказав, что осада Аквилеи происходила после смерти Аэция.

50) Почти через сто лет после того Иордан утверждал, что Аквилея была до такой степени разрушена, *"ita ut vix ejus vestigia, ut*

appareant, reliquerint." См. Иордана, *de reb. Geticis*, гл. 42, стр. 673. Пав. Диак. кн. 2, гл. 14, стр. 785. Лиутпранд, *Ист.*, кн. 3, гл. 2. Название Аквилеи иногда относили к *Forum Julii* (*Civitas del Friuli*), - более новой столице венецианской провинции.

51) При описании этой войны, которая так достопамятна, но о которой так мало достоверных сведений, я принял в руководители двух ученых итальянцев, изучавших этот предмет при особо выгодных условиях. Сигония (*de Imperio Occidentali*, кн. 13, в собрании его произведений, том 1, стр. 495-502) и Муратори (*Annali d'Italia*, том IV, стр. 229-236, изд. in 8-vo).

52) Этот анекдот можно найти в смешанной компиляции Свидаса в двух различных статьях (*mediolanon u koykos*).

53) *Leo respondit, humana hoc pictum manu:*

Videres hominem dejectum, si pingere

Leones scirent.

Appendix in Phaedrum. Fab. 25.

У Федра Лев безрассудно обращается от картины к амфитеатру, и мне очень приятно заметить, что Ла Фонтен (кн. 3, басня 10), благодаря своему врожденному изящному вкусу, опустил это плохое и ничего не выражающее заключение.

54) Павел Диакон (*de Gestis Langobard.*, кн. 2, гл. 14, стр. 784) описал положение итальянских провинций в конце восьмого столетия: "*Venetia non solum in paucis insulis quas nunc Venetias dicimus, constat; sed ejus terminus a Pannoniae finibus usque Adduam fluvium protelatur*". История этой провинции до времен Карла Великого составляет первую и самую интересную часть в "*Verona Illustrata*" (стр. 1-388), в которой маркиз Сципион Маффеи выказал свою способность и к широким взглядам, и к мелким исследованиям. (Италийские венецы были кельтское племя, жившее в тех провинциях, через которые протекают По, Аджиж и Брента до своего впадения в Адриатическое море. На своем собственном языке они назывались *Avainach* - то есть людьми, живущими на берегах рек или на воде, а латины дали этому названию форму *Venetl.* - *Издат.*)

55) Это переселение не подтверждено никаким свидетельством современников, но самый факт переселения доказывается возникшими из него последствиями, а его подробности могли быть сохранены преданием. Жители Аквилеи удалились на остров Град, жители Падуи на *Rivus Altus*, или Риальто, где впоследствии была выстроена Венеция, и т.д. (Эти острова, по всей вероятности, не существовали в тот период времени, о котором идет речь. Мальте-Брэн (VII. 598) заключает из собранных им данных, что с шестнадцатого столетия море ежегодно отступало в этом месте от берегов более чем на 233 фута; он говорит далее, что "ввиду приносимых Брентой наносов, нет ничего невероятного в том, что Венецию постигнет такая же участь, какая постигла Адрию", которая в настоящее время находится в восьми милях от берега, хотя когда-то омывалась волнами залива. Самые отдаленные от материка острова, должно быть, образовались от самых поздних наносов и не могли быть обитаемы в пятом столетии, даже если они уже поднимались в то время над поверхностью вод. Ни один из древних географов не упоминает о них. Те небольшие острова, на которых укрылись жители Аквилеи, образова-

лись от многочисленных протоков, на которые делятся реки перед своим впадением в море. Таким образом, Padus (По) и Medoacus (Брента), вместе с разделяющими их потоками, соединялись между собой во времена Плиния. Н.№. 3, 21. - *Издат.*)

56) Топография и древности венецианских островов от Града до Клодии, или Хиоджии, тщательно описаны в *Dissertatio Chorographica de Italia Medii Aevi*, стр. 151-155.

57) Ученый граф Figliasi доказал в своих *Memoire de' Veneti primi e seconde*, том VI, Венеция, 1796, что "с самых древних времен этот народ, занимавший страну, которая впоследствии получила название "континентальных венецианских провинций", жил также на разбросанных близ берегов островах и что отсюда произошли названия *Venetia prima* и *secunda*; первое из этих названий относилось к континенту, а второе к островам и лагунам. Со времен пелазгов и трусков, первые из этих венетов, жившие в плодородной и прелестной стране, занялись земледелием, а вторые, жившие среди каналов вблизи от устьев рек, так что могли поддерживать сношения и с островами Греции, и с плодородными итальянскими провинциями, занялись мореплаванием и торговлей. И те и другие подчинились римлянам незадолго перед второй Пунической войной, но только после победы, одержанной Марием над кимврами, их родина была обращена в римскую провинцию. Под управлением императоров, первые из этих венетов не раз заслуживали своими несчастьями внимания историков... но жители приморской провинции были заняты рыбной ловлей, добычиванием соли и торговлей. Римляне считали их недостойными занимать какое-либо место в истории и оставляли их в неизвестности". Они жили там до той поры, когда их острова доставили убежище их разоренным соотечественникам, обратившимся в изгнанников. *Hist. des Republ. ital. du moyenage* par Simonde Sismonde, том 1, стр. 313. - *Гизо*).

(Острова, составившие, по словам Сизмонда, Вторую Венецианскую провинцию, были образованы разветвлениями рек; ничего другого нельзя заключить из письма, которое Кассиодор писал в то время, как был преторианским префектом; а он занимал эту должность от 534 до 538 г. н. э.. (Клинтон, F.R. 1, 761.). Так как жители этих спокойных пристанищ умножались числом, то они стали подыматься вверх по течению реки, обрабатывать плодородные равнины и строить города. Между этими городами главным был *Patavium* (теперешняя Падуга), который во времена Страбона (кн. 5) был в северной Италии центром внешней торговли. Около седьмого столетия плавание по Бренте сделалось затруднительным, а внешние песчаные наносы обратились в острова, на которых было легче найти удобные пристанища для рыбаков, моряков и торговцев. Туда была перенесена торговля Падуи и таким образом возникла Венеция. Но до начала девятого столетия главные поселения находились на острове Маломокко. См. *Галлама*, 1.470. - *Издат.*).

58) Кассиодор, *Variar.* кн. 12, послан. 24. Маффеи (*Verona Illustrata*, ч. 1, стр. 240-254) перевел и объяснил это интересное письмо в духе ученого антиквария и верного подданного, считавшего Венецию за единственное законорожденное детище Римской республики. Он относит послание Кассиодора, а следовательно, и занятие им долж-

ности префекта к 532 г., и мнение маркиза имеет особый вес потому, что он приготовил издание сочинений Кассиодора и недавно написал диссертацию о настоящей орфографии его имени. См. *Osservazioni Letterarie*, том 11, стр. 290-339.

59) См. перевод знаменитого Squittinio во втором томе *Histoire du Gouvernement de Venise par Amelot de la Houssaie*. Эту книгу восхваляли более, чем она того стоит, так как в каждой ее строчке проглядывает недобросовестное недоброжелательство, внушаемое духом партий; но в ней собраны все как подлинные, так и подложные свидетельства, а читатель без труда отыщет между ними надлежащую средину.

60) Сизмунд (Not. ad Sidon. Apollin., стр. 19) напечатал интересное место из Хроники Проснепа: *Attila, redintegratis viribus, quas in Gallia amiserat, Italiam ingredi per Pannonias intendit; nihil duce nostro Aetio secundum prioris belli oper prospiciente, etc.* он обвиняет Аэция в небрежности, с которой он относился к защите Альп, и в намерении покинуть Италию; но это опрометчивое обвинение по меньшей мере уравнивается благоприятными для Аэция свидетельствами Идация и Исидора.

61) См. подлинные портреты Авиена и его соперника Василия, нарисованные и противопоставленные один другому в посланиях (кн. 9, стр. 22) Сидония. Он изучил характеры двух главных членов сената: но он расположился к Василию, как к более надежному и бескорыстному другу.

62) С характером и принципами Льва нас знакомит сто сорок одно оригинальное послание, которые проливают свет на всю историю церкви во время его продолжительного и богатого событиями первосвященства с A.D. 440 до 461 См. Dupin, *Bibliothèque Ecclesiastique*, том III, часть 2, стр. 120-165. (Лев выставлен в настоящем свете Галламом (2,228) и Неандером (3,246; 4,218). В течение пятнадцати лет он с неограниченной властью господствовал над умом слабого Валентиниана III, но не сдержал в нем ни одной порочной склонности, не посеял в его душе семян ни одной добродетели и не возбудил в нем никакого желания что-либо предпринять для спасения разрушавшейся империи. Он употреблял свое влияние только на то, чтобы упрочить владычество церкви, и с этой целью убедил Валентиниана III издать императорские эдикты, которые вызывают со стороны вышеупомянутых писателей основательное и строгое порицание. Лев занимает передовое место между теми, кто содействовал разрушению Римской империи и наложению рабских оков на Европу. - *Издат.*)

63) ... tardis ingens ubi flexibus errat
Mincius, et tenera praetexit arundine ripas
Anne lacus tanton, te lari maxime, teque
Fluctibus et fremitu assurgens Benace marino.

64) Маркиз Маффеи (*Verona Illustrata*, ч. 1, стр. 95, 129, 211; ч. 2, стр. 2, 6) с вкусом и знанием дела осветил эту интересную топографию. По его мнению, свидание Атиллы со св. Львом происходило неподалеку от Ариолики, или Арделики, теперешней Пескиеры при слиянии реки с озером; он говорит, что вилла Катутла находилась на прелестном полуострове, Сармио и находит Вергилиевы Анды в деревне

Bandes, в том самом месте, где *se subducere colles incipiunt*, где Веронские возвышенности незаметным образом спускаются к Мантуанской равнине. (Здесь декан Мильман приписывает Гиббону "странную ошибку" и говорит, что "Минций вытекает из Бенака, подле Песиеры, а не вливается в него". Но слова Гиббона не относятся к направлению течения, а только значат, что в глазах того, кто подъезжает со стороны Мантуи, Минций теряется курс в Бенаке; это выражение не значит, что река исчезает в озере, через которое она только протекает. Рейн не исчезает в Констанском озере, и Рона не исчезает в Женевском. Быть может, неточный перевод Гизо вызвал порицание, которого не заслуживает подлинник. - *Издат.*)

65) *Si stacim infesto agmine urbem petissent, grande discrimen esset: sed in Venetia quo fere tractu Italia mollissima est, ipsa soli coelique clementia robur elanguli. Ad hoc panis usu carnisque coctae, et dulcedine vini mitigatos, ets.* Эти слова Флора (III,3) более применимы к гуннам, чем к кимврам, и могут служить комментарием для небесной язвы, которую Идалий и Исидор ниспослали на войска Аттилы.

66) Историк Приск положительно упоминает о впечатлении, которое произвел на Аттилу этот пример. Иордан, гл. 42, стр. 673. (Шмидт (1, 176), как кажется, понял настоящую причину отступления Аттилы: его войска были довольны награбленной добычей и желали укрыть ее в безопасном месте, не подвергая ни ее, ни себя новым опасностям. - *Издат.*)

67) Картина Рафаэля находится в Ватикане, а *basso* (или, быть может, *alto*) *relievo* работы Альгарди находятся на одном из алтарей св. Петра. См. Dubos, *Reflexions sur la Poesie et sur la Peinture*, том 1, стр. 519, 520. Бароний (Annal, Eccles. A.D. 452, № 57, 58) храбро утверждает, что это явление не вымышленно, хотя его действительность отвергается самими учеными и самими благочестивыми католиками.

68) *Attila, ut Priscus historicus refert, extinctionis suae tempore, puellam Ildico nomine, decoram valde, sibi matrimonium post innumerabiles uxores... socians.* Иордан, гл. 49, стр. 683, 684. Он далее прибавляет (гл. 50, стр. 686): *Filli Attilae, quorum per licentiam libidinis roene populus fuit.* Многоженство существовало у татар во все века. Ранг, который занимали незнатные жены, определялся только их личными прелестями, и матрона с увядшей красотой безропотно приготовляла постель для своей красивой соперницы. Но в царских семействах дочери ханов передавали своим сыновьям преимущественное право на отцовское наследство. См. "Генеалогическую Историю", стр. 406-408.

69) До Константинополя дошел слух о ее виновности, о которой там составили себе совершенно иное понятие, и Марцеллин заметил, что господствовавший над Европой тиран погиб ночью от руки и от ножа женщины. Корнель, придерживавшийся в своей трагедии исторической истины, описал кровотечение в сорока напыщенных стихах и вложил в уста рассвирепевшего Аттилы следующие нелепые слова: *...S'il ne veut s'arreter* (кровотечение), *(Dit-il) on me payera ce qu'il m'en va coûter.*

70) Интересные подробности смерти и погребения Аттилы рассказаны Иорданом (гл. 49, стр. 683-685) и, вероятно, переписаны из сочинений Приска.

71) См. Иордана, *de Redus Geticis*, гл. 50, стр. 685-688. Отличие, которое он придает национальному оружию, и интересно и важно: *Nam ibi admirandum reor fuisse spectaculum ubi cernere erat cunctis, pugnantem Gothum ense furem. Gepidam in vulnere suorum cuncta tela frangentem Suevum pede, Hunnum sagitta praesumere, Alanum gravi, Herulum levi armatura aciem instruere.* Мне не известно в точности, где находилась река Нетад.

72) (Откуда взялись гепиды? Мы видим, что в течение почти целого столетия они играют деятельную роль в событиях того времени, а затем совершенно исчезают; более этого мы ничего о них не знаем. Однако и эти немногие сведения заставляют древних писателей придумывать для них то одно, то другое происхождение; а из всех этих выдумок самая баснословная та, которая принадлежит Иордану (стр. 39). Это, очевидно, было какое-нибудь готское племя, которое на время выделилось для самостоятельного существования, а потом слилось с остготами. - *Издат.*)

73) Два новейших историка сообщили много новых сведений о разрушении и раздроблении империи Аттилы: *de Buat* благодаря своим тщательным и подробным исследованиям (том VIII, стр. 3-31, 68-94) и *de Guignes* благодаря своему близкому знакомству с китайским языком и с китайскими писателями. См. *Hist. des Huns*, том II, стр. 315-319.

74) Плацидия умерла в Риме 27 ноября 450 г. Она была похоронена в Равенне; ее гробница и даже ее труп, посаженный на стуле из кипарисового дерева, сохранялись в течение многих столетий. Императрица получила много похвал от православного духовенства, а св. Петр Хризолог уверял ее, что за свою преданность Св. Троице она была награждена августейшей троицей детей. См. Тильемона *Hist. des Emp.* том VI, стр. 240.

75) *Aetium Placidus mactavit semivir amens* - таково выражение Сидония (Panegyrg. Avit. 359). Поэт хорошо знал свет и не был расположен лстить министру, оскорбившему или разжаловавшему Авита и Майориана, которые были героями песнопений Сидония. (Нибур (Лекции, III, 324) ссылается на латинского поэта того времени Меробода, произведения которого он отыскал в неполной рукописи в Сент-Галле. Этот поэт был восторженным поклонником Аэция, подобно тому как служивший для него образцом Клавдиан был восторженным поклонником Стихихона; он воспевал Аэция в полных воодушевления стихах. Воспитание героя, бывшего в своей молодости заложником в лагере Алариха, объясняет нам, в какой школе было подготовлено его будущее величие. Аэций воспитался вдали от тех пагубных влияний, которые убивали энергию римлян. Он, конечно, не мог приобрести серьезных познаний среди таких наставников, но там он развивал свою неустранимость и свой полный ресурсов ум. Это сделало его способным бороться со всеми случайностями и привело к тому высокому положению, которого он впоследствии достиг. - *Издат.*)

76) В том, что касается причины и подробностей смерти Аэция и Валентиниана, наши сведения неясны и неполны. Прокопий (*de Bell. Vandal.*, кн. 1, гл. 4, стр. 186-188) рассказывает басни, когда заходит речь о таких событиях, о которых он сам ничего не помнит. Поэтому приходится пополнять и исправлять его рассказ при помощи пяти

или шести хроник, из которых ни одна не была написана в Риме или в Италии и которые только излагают в отрывочном виде слухи, ходившие среди народа в Галлии, Испании, Африке, Константинополе и Александрии.

77) Это истолкование, сделанное знаменитым авгуром Веттием, цитировано у Варрона в восемнадцатой книге его "Древностей". Цензорин de Die Natali, гл. 17, стр. 90, 91, изд. Гаверкампа. (Скептицизм Нибура относит и Ромула, и Нуму к числу вымышленных существ. Предсказание по поводу двенадцати коршунов, конечно, также отнесено к числу вымыслов, и время основания города (выражаемое буквами A.U.C.), как бы оно ни казалось впоследствии удобным для вычисления времени, становится вместе с тем крайне сомнительным. Во времена Варрона и Цицерона исследование правильности летосчисления ввело бы страшную путаницу, и хотя Цицерон мог в интимной беседе насмеяться над авгурами, он оскорбил бы народное суеверие, если бы открыто высказал свое недоверие к древним суевериям. - Издат.)

78) По мнению Варрона, двенадцатое столетие оканчивалось в 447 году после Р.Х.; но так как время основания Рима не может быть с точностью определено, то в указываемом Варроном году можно сделать или небольшую прибавку, или небольшую убавку. Произведения поэтов того времени, Клавдиана (de Bell. Getico, 265) и Сидония (Panegy. Avit., 357) могут считаться за надежное свидетельство того, какое господствовало на этот счет общее мнение:

Jam reputant annos, interceptoque volatu
Vulturis, incidunt properatis saecula metis,

Jam prope fata tui blissenas vulturis alas
Implebant; scis namque tuos, scis Roma, labores.

См. Dubos, Hist. Critique, том I, стр. 340-346.

79) Пятая книга Сальвиана наполнена трогательными жалобами и резкой бранью. Его чрезмерные вольности служат доказательством как слабости, так и нравственной испорченности римского правительства. Его книга была издана после утраты Африки (439 г.) и перед войной с Атилией (451 г.).

80) Об испанских багаудах, вступавших в правильный бой с римскими войсками, неоднократно упоминает хроника Идация. Сальвиан описал их бедственное положение и восстание в энергичных выражениях: Itaque nomen civium Romanorum... nunc ultro repudiatur ac fugitur, nec vile tamen sed etiam abominabile poene habetur... Et hinc est ut etiam hi qui ad barbaros non confugiunt, barbari tamen esse coguntur, scilicet ut est pars magna Hispanorum et non minima Gallorum... De Bagaudis nunc mihi sermo est, qui per ma'os judices et cruentos spoliati, afflicti, necati, postquam jus Romanae liberatatis amiserant, etiam honorem Romani nominis perdiderunt... Vocamus rebelles, vocamus perditos, quos esse compulimus criminosos. De Gubernat. Dei, кн. 5, стр. 158, 159.

81) (Гиббон высказал здесь с энергией такую истину, которая подтверждается другими историками. См. Шмидта (1, 188) и Лекции Нибура (3, 343). - Издат.)

ГЛАВА XXXVI

Разграбление Рима царем вандалов Гензерихом. — Его морские разбои. — Последние западные императоры: Максим, Авит, Майориан, Север, Анфимий, Олибрий, Гликерий, Непот, Августул. — Существование Западной империи окончательно прекращается. — Царствование первого варварского короля Италии Одоакра.

Гордость и величие Рима были унижены потерей или разорением провинции от океана до Альпов, а его внутреннее благосостояние было безвозвратно разрушено отделением Африки. Жадные вандалы конфисковали родовые имения сенаторов и прекратили регулярную доставку припасов, употреблявшихся на облегчение нужд бедных плебеев и на поощрение их праздности. Бедственное положение римлян скоро ухудшилось от неожиданного нападения, и та самая провинция, которая так долго возделывалась для их пользы руками трудолюбивых и послушных подданных, восстала против них по воле честолюбивого варвара. Вандалы и аланы, следовавшие за победоносным знаменем Гензериха, приобрели богатую и плодородную территорию, простиравшуюся вдоль морского побережья от Танжера до Триполи более чем на девяносто дней пути; но узкие пределы этой территории стеснялись с одной стороны песчаной степью, а с другой — Средиземным морем. Отыскивание и покорение черных обитателей жаркого пояса не могли возбуждать честолюбие рассудительного Гензериха; но он обратил свое внимание на море, задумал создать морские силы, и этот смелый замысел был приведен в исполнение с непреклонной и неутомимой настойчивостью. Атласские горы доставляли ему неистощимые запасы корабельного леса; его новые подданные были опытны в мореплавании и кораблестроении; он воодушевил своих отважных вандалов мыслью, что этот способ войны сделает доступными для их оружия все приморские страны; мавров и африканцев прельщала надежда грабежа, и после шестисотлетнего упадка флоты, которые стали выходить из карфагенской гавани, снова заявили притязание на владычество над Средиземным морем. Успехи вандалов, завоевание Сицилии, разграбление Палермо и частые высадки на бере-

гах Лукании встревожили мать Валентиниана и сестру Феодосия. Они стали заключать союзы и приступили к дорогим и бесполезным вооружениям для отражения общего врага, приберегавшего свое мужество для борьбы с такими опасностями, которых его политика не была в состоянии ни предотвратить, ни избежать. Этот враг неоднократно расстраивал замыслы римского правительства своими лукавыми требованиями отсрочек, своими двусмысленными обещаниями и притворными уступками, а вмешательство его грозного союзника, царя гуннов, заставило двух императоров отложить в сторону помыслы о завоевании Африки и позаботиться о безопасности своих собственных владений. Дворцовые перевороты, оставившие Западную империю без защитника и без законного монарха, рассеяли опасения Гензериха и разожгли его корыстолюбие. Он тотчас снарядил многочисленный флот, взял с собой вандалов и мавров и стал на якорь у устьев Тибра почти через три месяца после смерти Валентиниана и после возведения Максима на императорский престол.

На частную жизнь сенатора Петрония Максима¹⁾ часто ссылались как на редкий пример человеческого благополучия. Он был благородного и знатного происхождения, так как был родом из дома Анициев; он обладал соответствовавшим его знатности наследственным состоянием в землях и в капиталах, а к этим преимуществам присоединялись хорошее образование и благородные манеры, которые служат украшением для неопценных даров гения и добродетели, а иногда отчасти заменяют их. Роскошь его дворца и стола отличалась и гостеприимством, и изяществом. Всякий раз, как Максим появлялся в публике, его окружала толпа признательных и покорных клиентов²⁾, между которыми он, быть может, успел приобрести истинных друзей. За свои личные достоинства он был вознагражден благосклонностью и своего государя, и сената: он три раза занимал должность преторианского префекта Италии, был два раза почтен отличиями консульства и получил звание патриция. Эти гражданские почести не были несовместны с наслаждениями, требующими досуга и спокойствия; все его минуты были акуратно распределены по указанию водяных часов между удовольствиями и деловыми занятиями, а эта бережливая трата времени может считаться за доказательство того, что Максим вполне

сознавал и ценил свое счастье. Нанесенное ему императором Валентинианом оскорбление, по-видимому, толкало на самое жестокое отмщение. Как философ, он мог бы руководствоваться тем соображением, что если сопротивление его жены было непритворное, то ее целомудрие оставалось ненарушимым; если же она согласилась удовлетворить желания прелюбодея, то это целомудрие уже не могло быть восстановлено. Как патриот, он должен был долго колебаться, прежде чем подвергать и самого себя, и свое отечество тем неизбежным бедствиям, которые должны были произойти от пресечения царственного рода Феодосия. Непредусмотрительный Максим пренебрег этими полезными соображениями; он постарался удовлетворить и свое желание отомстить за себя, и свое честолюбие; он видел лежавший у его ног окровавленный труп Валентиниана и слышал, как единомышленные возгласы сената и народа приветствовали его званием императора. Но день его восшествия на престол был последним днем его благополучия. Дворец (по энергичному выражению Сидония) показался ему тюрьмой, а после того, как он провел бессонную ночь, он стал сожалеть о том, что достиг исполнения всех желаний, и стал помышлять только о том, чтобы спуститься с того опасного положения, до которого возвысился. Изнемогая под тяжестью диадемы, он сообщил свои тревожные мысли своему другу и квестору Фильгенцию и, вспоминая с бесплодным сожалением о беззаботных удовольствиях своей прежней жизни, воскликнул: "О счастливый Дамокл³), твоё царствование и началось, и кончилось одним и тем же обедом!" Фульгенций впоследствии повторил этот для всякого понятный намек как поучительное наставление и для монархов, и для подданных.

Царствование Максима продолжалось около трех месяцев. Он уже не мог располагать своим временем, и его беспрестанно тревожили то угрызения совести, то опасения за свою жизнь, а его трон потрясали восстания солдат, народа и варварских союзников. Бракосочетание его сына Палладия со старшей дочерью покойного императора могло бы упрочить за его семейством наследственную передачу императорского достоинства; но насилие, которому он подвергнул императрицу Евдокию, могло быть вызвано лишь слепым влечением к похоти или к мщению. Его жена, бывшая причиной этих трагических событий, очень кстати для него скончалась, а

вдова Валентиниана была вынуждена нарушить приличия, налагаемые трауром, и, быть может, заглушить свою не-притворную скорбь, чтобы перейти в объятия самоуверенного узурпатора, которого она подозревала в убийстве своего мужа. Максим скоро оправдал эти подозрения неосторожным признанием в своем преступлении и тем навлек на себя ненависть супруги, которая вышла за него замуж против воли и никогда не позабывала своего царского происхождения. С востока Евдокия не могла ожидать никакой надежной помощи; ее отец и ее тетка Пульхерия умерли; ее мать томилась в Иерусалиме в опале и в изгнании, а скипетр Константинополя находился в руках не знакомого ей человека. Поэтому она обратила свои взоры на Карфаген, втайне стала призывать к себе на помощь царя вандалов и убедила Гензериха воспользоваться этим удобным случаем, чтобы прикрыть свои корыстолюбивые замыслы под благовидными названиями чести, справедливости и сострадания⁴⁾. Каковы бы ни были дарования, выказанные Максимом на подначальном посту, он оказался неспособным управлять империей, и, хотя он мог бы легко узнать о морских приготовлениях, делавшихся на африканском берегу, он ожидал в беспечном бездействии приближения врага, не делая никаких распоряжений ни для обороны, ни для ведения переговоров, ни для благовременного отступления. Когда вандалы высадились близ устья Тибра, императора внезапно пробудили из его усыпления вопли дрожавшей от страха и поставленной в безвыходное положение народной толпы. Пораженный удивлением, Максим не нашел другого средства спасения, кроме торопливого бегства, и посоветовал сенаторам последовать примеру их государя. Но лишь только Максим показался на улицах, на него посыпался град камней; один римский или бургундский солдат заявил притязание на то, что ему принадлежит честь нанесения первой раны; искалеченный труп императора был с позором брошен в Тибр; жители Рима радовались тому, что подвергли заслуженному наказанию виновника общественных бедствий, а служители Евдокии выказали свое усердие в отмщении за свою госпожу⁵⁾.

На третий день после этой суматохи Гензерих смело выступил из порта Остии и подошел к воротам беззащитного города. Вместо римского юношества, готового вступить в борьбу с неприятелем, из городских ворот вышла безоруж-

ная и внушительная процессия, в которой участвовал епископ вместе с подчиненным ему духовенством⁶⁾. Бесстрашие Льва, его авторитет и красноречие еще раз смягчили свирепость варварского завоевателя; царь вандалов обещал, что будет щадить безоружную толпу, что запретит поджигать дома и не позволит подвергать пленников пытке, и, хотя эти приказания не были даны вполне серьезно и не исполнялись в точности, все-таки заступничество Льва покрыло его славой и было в некоторой мере полезно для его отечества; тем не менее Рим и его жители сделались жертвами бесчинства вандалов и мавров, которые, удовлетворяя свои страсти, отмщали за старые унижения, вынесенные Карфагеном. Грабеж продолжался четырнадцать дней и ночей, и все, что было ценного в руках общественных учреждений и частных людей, все сокровища как духовенства, так и мирян были тщательно перенесены на Гензериховы корабли. В числе добычи находились драгоценные украшения двух храмов или, вернее, двух религий, представлявшие достопамятный пример того, каким превратностям подвергается судьба всего - и человеческого и божественного. Со времени уничтожения язычества Капитолий утратил свою святость и оставался в пренебрежении, но к статуям богов и героев все еще относились с уважением и великолепная из позолоченной бронзы крыша уцелела для того, чтобы перейти в хищнические руки Гензериха⁷⁾. Священные орудия еврейского богослужения⁸⁾, золотой стол и золотые с семью рожками подсвечники, которые были сделаны по данному самим Богом указанию и были поставлены в храмовом святилище, были с хвастовством выставлены напоказ во время торжественного въезда Тита в Рим. Они были впоследствии перенесены в храм Мира, а по прошествии четырехсот лет эта вывезенная из Иерусалима добыча была отправлена из Рима в Карфаген по распоряжению варвара, который вел свое происхождение с берегов Балтийского моря. Эти древние памятники могли возбуждать как любостяжание, так и любознательность. Но христианские церкви, обогащенные и украшенные преобладавшим в ту пору суеверием, представляли более обильную добычу для святотатства, а благочестивая щедрость папы Льва, расплавившего подаренные Константином шесть серебряных сосудов, в каждом из которых было сто фунтов весу, служит доказательством того, как велики были потери, которые он

старался загладить. В течение сорока пяти лет, истекших со времени нашествия готов, в Риме в некоторой мере ожила прежняя пышность и роскошь и нелегко было обмануть или удовлетворить жадность завоевателя, у которого было достаточно досуга, чтобы обирать столицу, и достаточно кораблей, чтобы увезти награбленную добычу. Украшения императорского дворца, великолепная императорская мебель и гардероб, буфеты, наполненные посудой из цельного золота и серебра, - все это сваливалось в кучу с неразборчивой жадностью; стоимость награбленного золота и серебра доходила до нескольких тысяч талантов; тем не менее варвары с усердием переносили на свои корабли даже медь и бронзу. Сама Евдокия, вышедшая навстречу к своему другу и освободителю, скоро стала оплакивать неблагоразумие своего поведения. У нее грубо отобрали ее драгоценные камни, и несчастная императрица вместе с двумя дочерьми, единственными оставшимися в живых потомками великого Феодосия, была вынуждена следовать в качестве пленницы за надменным вандалом, который немедленно пустился в обратный путь и после благополучного плавания возвратился в карфагенский порт⁹⁾.

Несколько тысяч римлян обоего пола, от которых можно было ожидать какой-нибудь пользы или удовольствия, были против воли увезены на кораблях Гензериха, а их бедственное положение еще ухудшалось от бесчеловечности варваров, которые при распределении пленников разлучали жен с мужьями и детей с родителями. Благотворительность карфагенского епископа Деограция¹⁰⁾ была их единственным утешением и опорой. Он великодушно распродал золотую и серебряную церковную посуду для того, чтобы иных выкупить из плена, иным облегчить их рабское положение и оказать помощь в нуждах и болезнях многочисленных пленников, здоровье которых сильно пострадало от лишений, вынесенных во время переезда из Италии в Африку. По его приказанию две просторные церкви были обращены в госпитали: больные были размещены на удобных постелях и в избытке снабжены пищей и медикаментами, а престарелый епископ посещал их и днем и ночью с таким усердием, которое было выше его физических сил, и с таким деликатным вниманием, которое еще увеличивало цену его услуг. Пусть сравнят эту сцену с тем, что происходило на поле битвы при Каннах,

и пусть делают выбор между Ганнибалом и преемником св. Киприана¹¹⁾.

Смерть Аэция и Валентиниана ослабила узы, державшие галльских варваров в покое и повиновении. Морское побережье стали опустошать саксы; алеманны и франки подвинулись от Рейна к Сене, а честолюбивые готы, по-видимому, помышляли о более обширных и более прочных завоеваниях. Император Максим сделал такой благоразумный выбор главнокомандующего, который слагал с него самого бремя забот об этих отдаленных провинциях: оставив без внимания настоятельные увещания своих друзей, он внял голосу молвы и вверил иностранцу главное начальство над военными силами в Галлии. Этот иностранец, по имени Авит¹²⁾, так щедро вознагражденный за свои личные достоинства, происходил от богатой и почтенной семьи из Овернского диоцеза. Смуты того времени заставили его брать на себя с одинаковым усердием и гражданские, и военные должности, и неутомимый юноша смешивал занятия литературой и юриспруденцией с упражнениями воина и охотника. Тридцать лет своей жизни он с честью провел на государственной службе; он выказывал свои дарования то в войне, то в ведении мирных переговоров, и, после того как этот солдат Аэция исполнил, в качестве посла, несколько важных дипломатических поручений, он был возведен в звание преторианского префекта Галлии. Потому ли, что заслуги Авита возбуждали зависть, или потому, что он по скромности характера пожелал насладиться покоем, он удалился в свое имение, находившееся в окрестностях Клермона. Широкий поток, выходявший из гор и круто падавший вниз шумными и пенявшимися каскадами, изливал свои воды в озеро, шумевшее около двух миль в длину, а вилла была живописно расположена на краю озера. Бани, портики, летние и зимние апартаменты были приспособлены к требованиям удобства и пользы, а окружающая местность представляла разнообразное зрелище лесов, пастбищ и лугов¹³⁾. В то время как Авит жил в этом уединении, проводя свое время в чтении, в деревенских развлечениях, в земледельческих занятиях и в обществе друзей¹⁴⁾, он получил императорскую грамоту, назначавшую его главным начальником кавалерии и пехоты в Галлии. Лишь только он вступил в командование армией, варвары прекратили свои опустошения, и, каковы бы ни были средства, к которым он прибегал,

каковы бы ни были уступки, которые он нашелся вынужденным сделать, население стало наслаждаться внутренним спокойствием. Но судьба Галлии была в руках вестготов, и римский военачальник, заботившийся не столько о своем личном достоинстве, сколько об общей пользе, не счел унижительным для себя посетить Тулузу в качестве посла. Царь готов Теодорих принял его с любезным гостеприимством, но в то время как Авит закладывал фундамент для прочного союза с этой могущественной нацией, он был поражен известием, что император Максим убит и что Рим разграблен вандалами. Вакантный престол, на который он мог бы вступить без преступления и без опасности, расшевелил его честолюбие ¹⁵⁾, а вестготы охотно согласились поддерживать его притязания своим могущественным влиянием. Им нравилась личность Авиты, они уважали его добродетели и не были равнодушны как к пользе, так и к чести, которую им доставило бы назначение западного императора. Приближалось то время, когда открывалось в Арле собрание представителей от семи провинций; на их совещания, быть может, повлияло присутствие Теодориха и его воинственных братьев; но их выбор естественным образом должен был упасть на самого знатного из их соотечественников. После приличного сопротивления Авит принял императорскую диадему от представителей Галлии, и его избрание было одобрено и варварами, и провинциальными жителями. Восточный император Марциан дал согласие, о котором его просили; но сенат, Рим и Италия хотя и были унижены в своей гордости недавними бедствиями, однако не без тайного ропота преклонились перед самонадеянностью галльского узурпатора.

Теодорих, которому Авит был обязан императорской порфирой, достиг престола убийством своего старшего брата Торизмунда и оправдывал это ужасное преступление тем, что его предместник намеревался разорвать союз с империей ¹⁶⁾. Такое преступление, быть может, не следует считать несовместимым с добродетелями варвара; впрочем Теодорих был от природы мягкого и человеколюбивого характера, и потомство могло без отвращения смотреть на оригинальный портрет готского царя, которого Сидоний близко изучил в его мирных занятиях и в общественной жизни. В послании, написанном во время пребывания при тулузском дворе, оратор удовлетворил любознательность одного из своих друзей сле-

дующем рассказом¹⁷⁾: "Своей величественной осанкой Теодорих внушает уважение даже тем, кто не знаком с его личными достоинствами, и, хотя он родился на ступенях трона, он и в положении частного человека возвышался бы благодаря этим достоинствам над общим уровнем. Он среднего роста, скорее полон, чем толст, а при пропорциональном сложении членов его тела развязанность мускулов соединяется с силой¹⁸⁾. Если вы станете рассматривать его наружность, вы найдете высокий лоб, широкие щетинистые брови, орлиный нос, тонкие губы, два ряда ровных белых зубов и хороший цвет лица, который переходит в румянец чаще от скромности, чем от гневного раздражения. Я вкратце опишу его обычное препровождение времени, насколько оно доступно для глаз публики. Перед рассветом он отправляется в сопровождении небольшой свиты в свою дворцовую капеллу, где церковная служба совершается арианским духовенством; но в глазах тех, кому ближе знакомы его тайные помыслы, это благочестивое усердие есть результат привычки и расчета. Остальные утренние часы он посвящает на дела управления. Его тронное кресло окружают несколько лиц военного звания, отличающихся приличной наружностью и пристойными манерами; шумная толпа его варварских телохранителей остается в зале, где даются аудиенции, но ей не позволяют проникать за покрывало или за занавес, который скрывает залу совещаний от глаз проходящих. Послы от различных племен вводятся к нему один вслед за другим: Теодорих выслушивает их с вниманием, отвечает им в сдержанных и кратких выражениях и, смотря по роду дел, или объявляет им свое окончательное решение, или откладывает его до другого времени. Около восьми часов (то есть второго часа его препровождения времени) он встает со своего трона и отправляется осматривать или свои сокровища, или свои конюшни. Когда он отправляется на охоту или только упражняется в верховой езде, один из состоящих при нем избранных юношей держит его лук; но когда он увидит издали дичь, он собственноручно натягивает этот лук и редко не попадает в свою цель: как царь, он пренебрегает ношением оружия для такой бесславной борьбы, но как солдат он покраснел бы от стыда, если бы принял от других такую военную услугу, которую может оказать себе сам. Его ежедневный обед не отличается от обеда частных людей; но каждую

субботу почетные гости приглашаются к царскому столу, который в этих случаях отличается изяществом, которое заимствовано от греков, изобилием, которое в обычае у галлов, порядком и исправностью, которым научились у итальянцев¹⁹⁾.

Золотая и серебряная посуда отличается не столько своим весом, сколько блеском и замечательной отделкой; изящество вкуса удовлетворяется без помощи заимствуемой от иностранцев и дорого стоящей роскоши; размеры и число винных кубков соразмеряются со строгими требованиями воздержания, а господствующее почтительное молчание прерывается только серьезными и поучительными разговорами. После обеда Теодорих иногда впадает в непродолжительное усыпление; лишь только он проснется, он приказывает принести столы и игральные кости, позволяет своим друзьям позабыть о присутствии монарха и очень доволен, когда они, не стесняясь, выражают душевное волнение, возбуждаемое случайностями игры. В этой забаве, которая ему нравится потому, что напоминает собой войну, он попеременно обнаруживает то свой пыл, то свое терпение, то свой веселый нрав. Когда он проигрывает, он смеется; но он скромен и молчалив, когда выигрывает. Однако, несмотря на это кажущееся равнодушие, его царедворцы выжидают той минуты, когда ему благоприятствует фортуна, чтобы просить у него милостей, и я сам, когда мне приходилось о чем-нибудь просить царя, извлекал некоторую пользу из моих проигрышей²⁰⁾. Когда наступает девятый час (три часа пополудни), деловые занятия возобновляются и продолжаются без перерыва до солнечного заката; затем подается сигнал для царского ужина, разгоняющий докучливую толпу просителей и ходатаев. За ужином допускается более свободы и развязности; иногда появляются буфоны и пантомимы для того, чтобы развлекать, а не оскорблять своими забавными островами; но женское пение и сладкая сладострастная музыка строго запрещаются, так как для слуха Теодориха приятны только те воинственные звуки, которые возбуждают в душе жажду ратных подвигов. Теодорих встает из-за стола и немедленно вслед за тем расставляют ночные караулы у входов в казнохранилище, во дворце и во внутренние апартаменты".

Поощряя Авита облечься в порфиру, царь вестготов предлагал ему в качестве преданного слуги республики²¹⁾ и свое

личное содействие и содействие своей армии. Военные подвиги Теодориха скоро доказали всему миру, что он не утратил воинских доблестей своих предков. После того как готы утвердились в Аквитании, а вандалы отправились в Африку, поселившиеся в Галлии свевы задумали завоевать Испанию, и можно было опасаться, что они уничтожат слабые остатки римского владычества. Пострадавшие от неприятельского нашествия жители провинции Карфагенской и Таррагонской обратились к правительству с просьбой защитить их от угрожавших им бедствий. Граф Фронтон был командирован от имени императора Авита с выгодными предложениями мира и союза, а Теодорих, вмешавшийся в дело в качестве посредника, объявил, что если его деверь, король свевов, не отступит немедленно, он, Теодорих, будет вынужден вступить с оружием в руки за справедливость и за Рим. "Скажите ему, - возразил высокомерный рекиарий, - что я презираю и его дружбу и его военные силы, но что я скоро попытаюсь узнать, осмелится ли он ожидать моего прибытия под стенами Тулузы".

Этот дерзкий вызов побудил Теодориха предупредить смелые замыслы врага: он перешел через Пиренеи во главе вестготов; под его знамена стали франки и бургунды, и, хотя он выдавал себя за покорного слугу Авита, он втайне выговорил в пользу себя и своих преемников безусловное обладание всеми землями, которые он завоеует в Испании. Две армии или, вернее, две нации сошлись на берегах реки Урбика почти в двенадцати милях от Асторги, и решительная победа готов, по-видимому, уничтожила и могущество, и самое имя свевов. С поля битвы Теодорих направился в главный город провинции - Брагу, еще сохранявший роскошные следы своей прежней торговли и своего величия²²⁾. Его вступление в завоеванный город не было запятнано кровью, и готы не оскорбляли целомудрия своих пленниц, в особенности тех из них, которые принадлежали к числу девственниц, посвятивших себя на служение Богу; но большая часть духовенства и народа была обращена в рабство, и даже церкви и алтари не избегли общего разграбления. Несчастный король свевов, спасаясь от врага, достиг одного приморского порта, но неблагоприятные ветры помешали его бегству; он попал в руки своего неумолимого соперника, и так как он и не просил, и не ожидал пощады, то он с мужественной твердостью пре-

терпел смертную казнь, которой, вероятно, сам подвергнул бы Теодориха, если бы победа была на его стороне. После того как Теодорих принес эту кровавую жертву своей политике или своей ненависти, он проник со своей победоносной армией до главного города Лузитании Мерида, не встретив никакого другого сопротивления, кроме того, которое оказала ему чудотворная сила св. Евлалии; но он был вынужден приостановить свое победоносное наступление и покинуть Испанию, не успевши упрочить свою власть над завоеванными странами. Во время своего отступления к Пиренеям он выместил свою досаду на той стране, через которую проходил, и при разграблении Палланции и Асторги выказал себя и жестокосердным врагом и ненадежным союзником. В то время как царь вестготов сражался и побеждал от имени Авита, царствование этого последнего уже кончилось, и как честь, так и материальные интересы Теодориха были глубоко затронуты несчастьем друга, которого он возвел на престол Западной империи²³⁾.

Настоятельные просьбы сената и народа побудили императора Авита поселиться на постоянное жительство в Риме и принять на следующий год звание консула. В первый день января его зять Сидоний Аполлинарий восхвалил его в панегирике из шестисот стихов; но, хотя он и был награжден за это сочинение медной статуей²⁴⁾, оно, как кажется, не отличается ни даровитостью, ни правдивостью. Поэт - если только нам будет дозволено унизить в этом случае это священное название - преувеличивал личные достоинства своего государя и тестя, а его предсказание продолжительного и славного царствования было скоро опровергнуто ходом событий. В такое время, когда на долю императора выпадала лишь главная роль в борьбе с общественными бедствиями и опасностями, Авит предавался наслаждениям итальянской изнеженности; годы не заглушили в нем любовных влечений, и его обвиняли в том, что он оскорблял неосторожными и унижительными насмешками тех мужей, чьи жены не устояли против его ухаживаний или против его насилий²⁵⁾. Но римляне вовсе не были расположены ни извинять его пороки, ни ценить его добродетели. Входявшие в состав империи разнохарактерные народы с каждым днем все более и более чуждались друг друга, и галльский чужеземец сделался предметом общей ненависти и презрения. Сенат заявил о своем законном

праве избирать императоров, а его авторитет, опиравшийся первоначально на старинные государственные учреждения, извлек для себя новые силы из бессилия приходившей в упадок монархической власти. Впрочем, даже эта власть могла бы не поддаваться воле безоружных сенаторов, если бы их недовольство не было поддержано или, быть может, возбуждено графом Рицимером, одним из главных начальников трех варварских войск, на которых была возложена оборона Италии. Дочь царя вестготов Валлии была матерью Рицимера, но с отцовской стороны он происходил от свевов²⁶⁾; он был затронут в своей гордости или в своем патриотизме несчастиями своих соотечественников и неохотно повиновался такому императору, избрание которого состоялось без его ведома. Его преданность интересам государства и его важные заслуги в борьбе с общественным врагом еще усилили его громадное влияние²⁷⁾, а после того как он уничтожил близ берегов Корсики флот вандалов, состоявший из шестидесяти галер, он с триумфом возвратился в Рим и был прозван Освободителем Италии. Он воспользовался этой минутой, чтобы объявить Авиту, что его царствованию настал конец, и бессильный император, находившийся вдалеке от своих готских союзников, был вынужден отречься от престола после непродолжительного и безуспешного сопротивления. Из милосердия или из презрения Рицимер²⁸⁾ дозволил ему перейти с престола на более привлекательную должность, епископа Плаценции; но этим не удовлетворилась ненависть сенаторов, и они осудили его на смертную казнь. Авит бежал по направлению к Альпам не с целью убедить готов вступить за него, а в скромной надежде, что ему удастся найти и для себя, и для своих сокровищ безопасное убежище в святилище одного из чтимых в Оверне святых - Юлиана²⁹⁾. Он погиб на пути от болезни или от руки палача; впрочем, его смертные останки были перевезены с надлежащими почестями в Бриас, или в Бриуду, в ту провинцию, которая была его родиной, и были погребены у ног его святого патрона³⁰⁾. После Авита осталась только одна дочь, находившаяся в замужестве за Сидонием Аполлинарием, который наследовал от своего тестя его родовое имение и скорбел о том, что рушились все его ожидания и общественной, и личной пользы. С досады он присоединился к галльским мятежникам или по меньшей мере стал их поддерживать; это вовлекло его в такие

проступки, за которые ему пришлось уплачивать новую дань лести следующему императору³¹⁾.

В преемнике Авита мы с удовольствием видим одну из таких благородных и геройских личностей, какие иногда появляются в эпохи упадка для того, чтобы поддержать достоинство человеческого рода. Император Майориан был и для современников, и для потомства предметом заслуженных похвал, а эти похвалы энергично выражены в следующих словах здравомыслящего и беспристрастного историка: "Он был добр для своих подданных и страшен для своих врагов, и в каждой из своих добродетелей превосходил всех тех, кто прежде него царствовал над римлянами"³²⁾. Это свидетельство по меньшей мере может служить оправданием для панегирика Сидония и мы можем с уверенностью полагать, что хотя раболепный оратор стал бы восхвалять с таким же усердием и самого недостойного монарха, но в этом случае необыкновенные достоинства предмета его похвал заставляли его не выходить из пределов правдивости³³⁾. Дед Майориана с материнской стороны командовал в царствование великого Феодосия войсками на иллирийской границе. Он выдал свою дочь за Майорианова отца - пользовавшегося общим уважением чиновника, который заведовал в Галлии государственными доходами с знанием дела и бескорыстием и благородно предпочитал дружбу Аэция заманчивым предложениям вероломного императорского двора. Его сын, будущий император, посвятив себя военному ремеслу, обнаруживал с ранней молодости неустрашимое мужество, несвойственное его летам благоразумие и безграничную щедрость, несоразмерную с его небольшим состоянием. Он сражался под начальством Аэция, содействовал его успехам, разделял с ним, а иногда и помрачал его славу, и в конце концов возбудил зависть в патриции или, вернее, в его жене, которая и принудила его оставить службу³⁴⁾. После смерти Аэция, Майориан был снова приглашен на службу и повышен чином, а его дружеская связь с графом Рицимером была той ступенькой, с которой он прямо достиг престола Западной империи. Во время междоусобицы, наступившего вслед за отречением Авита, честолюбивый варвар управлял Италией с титулом патриция, так как его происхождение преграждало ему путь к императорскому званию; он уступил своему другу видный пост главного начальника кавалерии и пехоты, а через несколько

месяцев одобрил единодушное желание римлян, расположение которых Майориан приобрел недавней победой над алеманнами³⁵⁾. Майориан был облечен в порфиру в Равенне, а послание, с которым он обратился к сенату, лучше всего знакомит нас и с его положением, и с его образом мыслей. "Ваш выбор, отцы сенаторы, и воля самой храброй из всех армий сделали из меня вашего императора³⁶⁾. Молю Бога, чтобы он направил и увенчал успехом все мои начинания согласно с вашей пользой и с общим благом! Что касается меня, то я не стремился к престолу, а вступил на него по обязанности, так как я нарушил бы долг гражданина, если бы с постыдной неблагодарностью и себялюбием отказался от бремени тех забот, которые возложила на меня республика. Поэтому помогите монарху, которого вы избрали; принимайте участие в исполнении обязанностей, которые вы возложили на него, и будем надеяться, что наши совокупные усилия приведут к благосостоянию империи, которую я принял из ваших рук. Будьте уверены, что справедливость снова вступит в свои прежние права и что за добродетель не только не будут преследовать, но будут награждать. Пусть доносы³⁷⁾ будут страшны только для тех, кто их сочиняет; я не одобрял их как поданный, а как государь буду строго за них наказывать. Наша собственная бдительность и бдительность нашего отца, патриция Рицимера, будут руководить всеми делами военного управления и заботиться о безопасности римского мира, который мы спасли от его внешних и внутренних врагов³⁸⁾. Вам теперь известны принципы моего управления, и вы можете положиться на преданность и искренние уверения такого монарха, который некогда жил с вами одной жизнью, делил с вами опасности, до сих пор гордится названием сенатора и постарается, чтобы вы никогда не раскаивались в решении, постановленном в его пользу". Император, снова заговоривший среди развалин римского мира о законности и свободе в таких выражениях, от которых не отказался бы и Траян, должен был извлекать такие благородные чувства из своего собственного сердца, так как ему не могли внушить их ни обычаи его времени, ни примеры его предместников³⁹⁾.

До нас дошли лишь очень поверхностные сведения о том, как вел себя Майориан в частной и в общественной жизни; но изданные им законы, отличаясь оригинальностью и мыслей, и выражений, верно изображают характер государя, ко-

торый любил свой народ, скорбел о его бедственном положении, изучал причины упадка империи и был способен употреблять для излечения общественных недугов самые разумные и самые действенные средства (насколько это излечение было возможно)⁴⁰). Его постановления по части финансов явно клонились к тому, чтобы устранить или по меньшей мере ослабить то, что лежало самым тяжелым бременем на народе. I. С первых минут своего царствования он позаботился (я употребляю его собственные выражения) об облегчении положения провинциальных жителей, имения которых пришли в упадок под совокупным давлением индикций и супериндикций⁴¹). В этих видах он даровал всеобщую амнистию — окончательное и безусловное освобождение от всех недоимок и долгов, с требованием которых могли бы обратиться к народу сборщики податей. Это благоразумное отречение от устарелых, притеснительных и бесплодных взысканий улучшило и очистило источники государственных доходов, а подданные, выйдя из прежнего отчаянного положения, стали с бодростью и с признательностью трудиться и для своей пользы, и для пользы своего отечества. II. В распределении и собирании налогов Майориан восстановил обычную юрисдикцию провинциальных должностных лиц и отменил назначение экстраординарных комиссий, действовавших или от имени самого императора, или от имени преторианских префектов. Любимцы, которым раздавались такие чрезвычайные полномочия, были наглы в своем обхождении и самовольны в своих требованиях; они обнаруживали презрение к подначальным трибуналам и были недовольны, если их личные доходы и барыши не превышали той суммы, которую они соглашались внести в государственное казначейство. Вот один пример их вымогательств, который показался бы невероятным, если бы его достоверность не была засвидетельствована самим законодателем. Они требовали уплаты всей суммы податей золотом, но не брали ходячей в империи монеты, а принимали только те монеты, на которых были вычеканены имена Фаустины или Антонинов. Те подданные, которые не были в состоянии добыть этих редких монет, были принуждены вступать в сделки с корыстолюбивыми сборщиками податей; если же им это удавалось, то размер уплачиваемых ими налогов удваивался соразмерно с весом и ценностью старых денег⁴²). III. "Муниципальные корпорации (го-

ворит император), или маленькие сенаты (как их основательно называли в древности), достойны того, чтоб их называли душой городов и мускулами республики, а между тем они в настоящее время низведены несправедливостями должностных лиц и продажных сборщиков податей до такого положения, что многие из членов искали для себя убежища в отдаленных провинциях, отказавшись и от своего звания, и от своей родины". Он настоятельно убеждает их и даже приказывает им возвратиться в их города; но вместе с тем он устраняет те причины неудовольствия, которые заставили их уклониться от исполнения их муниципальных обязанностей. Майориан возлагает на них прежнюю обязанность собирать подати под руководством провинциальных должностных лиц; но, вместо того чтобы возложить на них ответственность за взнос всей суммы налогов, которыми обложен их округ, требует от них только правильного отчета о собранных ими деньгах и списка лиц, оставшихся в долгу перед государственной казной. IV. Но Майориану было хорошо известно, что эти корпорации были слишком расположены мстить за вынесенные ими несправедливости и угнетения, и потому он восстановил полезную должность *городских защитников*. Он приглашает городских жителей выбирать на общих и ничем не стесняемых сходах благоразумных и бескорыстных людей, которые стали бы смело отстаивать их привилегии, заявлять о причинах их неудовольствия, охранять бедных от тирании богатых и извещать императора о злоупотреблениях, совершенных под прикрытием его имени и авторитета.

При виде развалин древнего Рима нетрудно впасть в заблуждение и приписать вине готов и вандалов то зло, которого они не имели ни времени, ни силы, ни, быть может, даже намерения совершить. Буря войны может повалить на землю несколько высоких башен, но разрушение, проникшее до самого фундамента стольких громадных зданий, совершалось медленно и без шума, в течение десяти столетий, а те личные интересы, которые впоследствии действовали в том же направлении без всякого стыда и без всякого контроля, были на время сдержаны строгими мерами императора Майориана благодаря его разборчивому вкусу и его энергии. С упадком города мало-помалу утрачивали свою цену и публичные здания. Цирк и театры еще существовали, но они редко удовлетворяли влечение народа к публичным зрелищам;

храмы, уцелевшие от религиозного усердия христиан, уже не служили местом жительства ни для богов, ни для людей; поредевшие толпы римлян терялись на громадном пространстве, которое занимали бани и портики, а обширные библиотеки и залы судебных заседаний сделались бесполезными для беспечного поколения, редко нарушавшего свой покой учеными или деловыми занятиями. Памятники консульского и императорского величия уже не внушали благоговейного уважения как бессмертные свидетели прошлой славы; они ценились только в качестве неистощимого запаса строительных материалов, более дешевых и более удобных чем те, которые добывались из отдаленных каменоломен. Римские чиновники снисходительно удовлетворяли беспрестанно поступавшие к ним прошения о дозволении брать из разваливавшихся зданий камни и кирпичи; самые красивые произведения архитектуры обезображивались под предлогом ничтожных или мнимых починок, и выродившиеся римляне, стараясь извлекать личную выгоду из воздвигнутых предками зданий, разрушали эти здания своими нечестивыми руками. Майориан, часто со скорбью взиравший на такое опустошение столицы, прибегнул к строгим мерам против беспрестанно возрастающего зла⁴³⁾. Он предоставил исключительному усмотрению государя и сената те экстренные случаи, когда можно было допустить разрушение какого-нибудь древнего здания, наложил денежный штраф в пятьдесят фунтов золота (в две тысячи фунт. стерл.) на каждое должностное лицо, которое осмелилось бы выдать такое противозаконное и постыдное разрешение, и грозил, что будет наказывать низших чиновников за преступную снисходительность ударами плети и отсечением обеих рук. Что касается этого последнего постановления, то можно было бы подумать, что законодатель в этом случае упустил из виду соразмерность между преступлением и наказанием; но его рвение истекало из благородного принципа, и Майориан заботился о сбережении памятников тех веков, в которые он желал бы и был достоин жить. Император понимал, что увеличение числа его подданных согласно с его собственными интересами и что на нем лежит обязанность охранять чистоту брачного ложа; но средства, к которым он прибегнул для достижения этих благотворных целей, были сомнительного достоинства и даже едва ли достойны похвалы. Благочестивым девушкам, желавшим

посвятить свою девственность Христу, не было дозволено поступать в монашеское звание, пока они не достигнут сорока лет. Еще не достигшие этого возраста вдовы должны были вступать в новый брак в течение пяти лет со смерти первого мужа, иначе у них отбирали половину состояния или в пользу их ближайших родственников, или в пользу государства. Неравные браки запрещались или признавались недействительными. Конфискация и ссылка были признаны столь недостаточными наказаниями за прелюбодеяния, что если виновный возвращался в Италию, то его можно было безнаказанно убить вследствие положительного на то разрешения со стороны Майориана⁴⁴).

В то время как император Майориан усердно заботился о том, чтобы возвратить римлянам и прежнее благосостояние, и прежние добродетели, ему пришлось вступить в борьбу с Гензерихом, который был самым грозным из их врагов и по своему характеру, и по своему положению. Вандалы и мавры высадились у устьев реки Лиры или Гарильяно; но императорские войска напали врасплох на бесчинные толпы варваров, которых обременяла добыча, собранная в Кампании; варвары были прогнаны на свои корабли с большими потерями, и в числе убитых оказался начальствовавший экспедицией деверь готского царя⁴⁵). Такую бдительную заботливость можно было считать за предзнаменование того, каков будет отличительный характер нового царствования; но и самой строгой бдительности и самых многочисленных военных сил было бы недостаточно для охранения длинного итальянского побережья от опустошений, причиняемых морскими войнами. Общественное мнение налагало на гения Майориана более высокую и более трудную задачу. От него одного Рим ожидал восстановления своего владычества над Африкой, и задуманный им план напасть на вандалов в их новых поселениях был результатом смелой и благоразумной политики. Если бы неустрашимый император мог влить свое собственное мужество в душу итальянской молодежи; если бы он мог воскресить те благородные воинские упражнения на Марсовом поле, в которых он всегда одерживал верх над своими сверстниками, тогда он мог бы выступить против Гензериха во главе римской армии. Такое преобразование национальных нравов могло бы быть предпринято подраставшим поколением, но несчастье государей, старающихся

поддержать разваливающуюся монархию, и заключается именно в том, что они вынуждены поддерживать и даже умножать самые вредные злоупотребления ради какой-нибудь немедленной пользы или во избежание какой-нибудь неминуемой опасности. Подобно самым слабым из своих предметников, Майориан был вынужден прибегать к постыдной замене своих невоинственных подданных наемными варварами, а свои высокие дарования он мог выказать только в силе и ловкости, с которыми владел этим опасным орудием, столь способным наносить раны той самой руке, которая употребляет его в дело. Кроме союзников, уже состоявших у него на службе, слух о его щедрости и храбрости привлек под его знамена воинов с берегов Дуная, Борисфена и, быть может, Танаиса (Танаис - река Дон. - *Прим. ред.*). Многие тысячи самых отважных подданных Аттилы - гепидов, остготов, ругиев, бургундов, свевов и аланов собрались на равнинах Лигурии, а от опасности, которой могли угрожать их громадные силы, служила охраной их взаимная вражда⁴⁶). Они перешли через Альпы среди суровой зимы. Император шел в полном вооружении впереди, измеряя своей длинной тростью глубину льда и снега и весело ободряя жаловавшихся на невыносимый холод скифов обещанием, что они останутся довольны африканской жарой. Лионские граждане осмелились запретить перед ним городские ворота: они скоро были вынуждены молить Майориана о пощаде и узнали на собственном опыте, как велико его милосердие. Он одержал победу над Теодорихом и затем принял в число своих друзей и союзников царя, которого не считал недостойным того, чтобы лично вступать с ним в борьбу. Благотворное, хотя и не прочное присоединение большей части Галлии и Испании к римским владениям было столько же плодом убеждений, сколько результатом военных действий⁴⁷), а независимые багауды, не испытывавшие на себе тирании предшествовавших царствований или с успехом с ней боровшиеся, изъявили готовность положиться на добродетели Майориана. Его лагерь был наполнен варварскими союзниками; его трон поддерживала ревностная преданность народа; но император хорошо понимал, что не было возможности предпринять завоевание Африки, не имея флота. В первую Пуническую войну республика выказала такую невероятную предприимчивость, что через шестьдесят дней после того, как раздался в лесу первый удар топора, уже гор-

до стоял на якоре готовым к выступлению в море флот из ста шестидесяти галер⁴⁸). При менее благоприятных обстоятельствах, Майориан не уступил древним римлянам ни в мужестве, ни в настойчивости. Леса Апеннинов были срублены; арсеналы и фабричные заведения Равенны и Мисена были приведены в исправность; Италия и Галлия старались превзойти одна другую в щедрых пожертвованиях на общую пользу, и императорский флот, состоявший из трехсот больших галер и соответствующего числа транспортных и мелких судов, собрался в безопасной и обширной карфагенской гавани в Испании⁴⁹). Неустрашимость Майориана внушала его войскам уверенность в победе, а, - если можно полагаться на свидетельство историка Прокопия, - его храбрость иногда увлекала его за пределы благоразумия. Горю нетерпением увидеть собственными глазами, в каком положении находятся вандалы, он, постаравшись скрыть цвет своих волос, посетил Карфаген в качестве своего собственного посла, и Гензерих был очень раздосадован, когда узнал, что принимал у себя и отпустил домой императора римлян. Такой анекдот можно считать за неправдоподобный вымысел, но вымыслы этого рода создаются воображением только в том случае, если речь идет о герое⁵⁰).

Гензериху и без личного свидания были хорошо известны и дарования, и замыслы его противника. Он по своему обыкновению прибегнул к разным хитростям и проволочкам, но все его старания были безуспешны. Его мирные предложения становились все более и более смиренными и, быть может, все более и более искренними; но непреклонный Майориан придерживался старинного правила, что нельзя считать безопасность Рима обеспеченной, пока Карфаген находится с ним во вражде. Король вандалов не полагался на храбрость своих подданных, изнежившихся под влиянием роскоши юга⁵¹), он не доверял преданности побежденного народа, который ненавидел в нем арианского тирана, а отчаянные меры, с помощью которых он обратил Мавританию в пустыню⁵²), не могли служить препятствием для римского императора, который мог выбирать для высадки своих войск любое место на африканском побережье. Но Гензериха спасло от неминуемой гибели предательство некоторых влиятельных Майориановых подданных, завидовавших удачам своего государя или почему-либо опасавшихся последствий этих

удач. Руководствуясь их тайными указаниями, Гензерих напал врасплох на беспечно стоявший в Карфагенской бухте флот, частью потопил, частью захватил, частью сжег много кораблей и в один день уничтожил приготовления, на которые было потрачено три года⁵³). После этого происшествия, оба соперника доказали, что они стояли выше всяких случайностей фортуны. Вандал, вместо того чтобы возгордиться от этой случайной победы, немедленно возобновил свои мирные предложения. Западный император, который был одинаково способен и замышлять великие предприятия, и выносить тяжелые разочарования, согласился на заключение мирного договора или, верней, на перемирие в полной уверенности, что прежде, нежели он успеет создать новый флот, найдется немало основательных поводов для возобновления войны. Возвратившись в Италию, Майориан снова принялся за работу, которой требовала общая польза; а так как его совесть была спокойна, то он мог долго ничего не знать о заговоре, который грозил опасностью его трону и его жизни. Случившееся в Карфагене несчастье омрачило славу, ослеплявшую глаза народа своим блеском; почти все гражданские и военные должностные лица были крайне недовольны реформатором, так как все они извлекали личные выгоды из тех злоупотреблений, которые он старался искоренить, а патриций Рицимер старался восстановить варваров против монарха, которого он и уважал, и ненавидел. Добродетели Майориана не могли предохранить его от буйного мятежа, вспыхнувшего в лагере близ Тортоны, у подножия Альп. Он был вынужден отречься от престола; через пять дней после его отречения он, как рассказывали, умер от кровавого поноса⁵⁴), а воздвигнутая над его смертными останками скромная гробница была освящена уважением и признательностью следующих поколений⁵⁵). В домашней жизни характер Майориана внушал любовь и уважение. Злобная клевета и насмешки возбуждали в нем негодование; если же они были направлены против него самого, он относился к ним с презрением; но он не стеснял свободного выражения мнений, и в те часы, которые он проводил в интимной беседе с друзьями, он предавался своей склонности к шутливым остротам, никогда не унижая величия своего звания⁵⁶).

Рицимер, быть может, не без сожаления принес своего друга в жертву интересам своего честолюбия; но при вторичном

выборе императора он решился не отдавать неблагоразумного предпочтения высоким добродетелям и личным достоинствам. По его приказанию раболепный сенат возвел в императорское звание Либия Севера, который даже с вступлением на престол Западной империи не вышел из той неизвестности, в которой жил частным человеком. История едва удостоила своим вниманием его происхождение, возвышение, характер и смерть. Север окончил свое существование, лишь только оно оказалось невыгодным для его патрона⁵⁷⁾, и было бы совершенно бесполезно расследовать продолжительность его номинального царствования в том шестилетнем промежутке времени, который отделяет смерть Майориана от возведения на престол Анфимия. Тем временем управление находилось в руках одного Рицимера, и, хотя этот воздержанный варвар отказывался от королевского титула, он накапливал сокровища, организовал отдельную армию, заключал приватные союзы и управлял Италией с такой же самостоятельностью и деспотической властью, какой впоследствии пользовались Одоакр и Теодорих. Но его владения не простирались далее Альп, и два римских генерала Марцеллин и Эгидий, оставаясь верными республике, с пренебрежением отвергли тот призрак, которому он давал титул императора. Марцеллин исповедовал старую религию, а благочестивые язычники, втайне нарушавшие постановления церкви и светской власти, превозносили его необыкновенные дарования в искусстве ворожбы. Впрочем, он обладал более ценными достоинствами учености, добродетели и мужества⁵⁸⁾; знакомство с латинской литературой развило в нем вкус к изящному, а своими воинскими дарованиями он снискал уважение и доверие великого Аэция, в гибель которого и был вовлечен. Марцеллин спасся бегством от ярости Валентиниана и смело отстаивал свою самостоятельность среди смут, потрясавших Западную империю. За свое добровольное или вынужденное преклонение перед властью Майориана он был награжден званием губернатора Сицилии и начальника армии, расположенной на этом острове для нападения на вандалов, или для того, чтобы препятствовать их высадкам; но после смерти императора его варварские наемники были вовлечены в восстание коварной щедростью Рицимера. Во главе отряда верных приверженцев неустрашимый Марцеллин занял Далмацию, присвоил себе титул западного патриция,

снискал любовь своих подданных мягким и справедливым управлением, построил флот, который был в состоянии господствовать на Адриатическом море, и стал угрожать то берегам Италии, то берегам Африки⁵⁹). Главный начальник войск в Галлии Эгидий, ни в чем не уступавший героям древнего Рима⁶⁰) или по меньшей мере старавшийся им подражать, объявил, что до конца своей жизни будет мстить убийцам своего возлюбленного повелителя. К его знаменам была привязана храбрая и многочисленная армия, и, хотя происки Рицимера и угрозы вестготов помешали ему двинуться на Рим, он поддержал свое самостоятельное владычество по ту сторону Альп и прославил имя Эгидия как мирными, так и военными подвигами. Франки, наказавшие Хильдерика изгнанием за его юношеские безрассудства, избрали своим королем римского генерала; это странное отличие удовлетворяло не столько его честолюбие, сколько его тщеславие, а по прошествии четырех лет, когда франки раскаялись в оскорблении, нанесенном роду Меровингов, он беспрекословно уступил престол законному государю. Владычество Эгидия окончилось только с его жизнью, а огорченные его смертью легковверные галлы были уверены, что он погиб от яда или от тайного насилия по распоряжению Рицимера, характер которого оправдывал такие подозрения⁶¹).

Под управлением Рицимера королевство Италийское (до этого названия была мало-помалу низведена Западная империя) беспрестанно подвергалось хищническим нашествиям вандалов⁶²). Весной каждого года они снаряжали в Карфагенской гавани сильный флот, и сам Гензерих, несмотря на свои преклонные лета, принимал личное начальство над самыми важными экспедициями. Его намерения хранились в непроницаемой тайне до самой минуты отплытия. Когда кормчий обращался к нему с вопросом, в какую сторону следует держать путь, он отвечал с благочестивой наглостью: "Предоставьте этот выбор ветрам; они принесут нас к тому преступному берегу, жители которого провинились перед божеским правосудием". Но когда сам Гензерих снисходил до более определенных приказаний, то самое богатое население считалось за самое преступное. Вандалы неоднократно посещали берега Испании, Лигурии, Тосканы, Кампании, Лукании, Бруттия, Апулии, Калабрии, Венеции, Далмации, Эпира, Греции и Сицилии; они попытались завоевать остров

Сардинию, занимающий столь выгодное положение в самом центре Средиземного моря, и навели своими опустошениями ужас на всех прибрежных жителей от Геркулесовых Столбов до устьев Нила. Так как они гонялись не столько за славой, сколько за добычей, то они редко нападали на укрепленные города и редко вступали в открытое поле в борьбу с регулярными войсками. Благодаря быстрой своих передвижений они могли почти в одно и то же время угрожать самым отдаленным одна от другой местностям, способным возбуждать в них корыстолюбивые желания; а так как они всегда увозили на своих кораблях достаточное число лошадей, то немедленно, вслед за высадкой на берег, их легкая кавалерия принималась опустошать объятую ужасом страну. Однако, несмотря на пример самого короля, коренные вандалы и аланы стали мало-помалу уклоняться от таких утомительных и опасных военных предприятий; отважное поколение первых завоевателей почти совершенно вымерло, а родившиеся в Африке их сыновья наслаждались банями и садами, которые им доставило мужество их отцов. Их место охотно заняли разнохарактерные толпы мавров и римлян, пленников и ссыльных, а эти отчаянные негодяи, уже понесшие наказание за нарушение законов своего отечества, усерднее всех других совершали те зверские жестокости, которые наложили пятно позора на победы Гензериха. В обхождении со своими несчастными пленниками он иногда руководствовался любопытством, иногда искал удовлетворения для своего жестокосердия, а за избиение пятисот знатных граждан Закинфа, или Занте, обезображенные трупы которых он побросал в Ионическом море, общее негодование возлагало ответственность даже на самых отдаленных его потомков.

Никакие обиды не могли служить оправданием для таких преступлений; но война, которую король вандалов вел с Римской империей, была вызвана благовидными и даже основательными мотивами. Валентинианова вдова Евдокия, которую он отправил пленницей из Рима в Карфаген, была единственной представительницей дома Феодосия; ее старшая дочь Евдокия была выдана против воли замуж за старшего Гензерихова сына Гуннериха, и грозный тесть заявил такие законные притязания, которые было нелегко ни отвергнуть, ни удовлетворить: он потребовал приходящейся на ее долю части императорского наследства. Восточный импера-

тор купил необходимый для него мир уплатой соразмерного или по меньшей мере значительного денежного вознаграждения. Евдокия и ее младшая дочь Платидия возвратились с почетом в Константинополь, и вандалы ограничили свои опустошения пределами Западной империи. Италийцы, за неимением флота, который один только и мог бы охранять их берега, обратились с просьбами о помощи к более счастливым восточным народам, когда-то признававшим над собой верховенство Рима и в мире, и в войне. Но вследствие непрерывного разобщения у каждой из двух империй возникли особые интересы и влечения; просителям отвечали ссылкой на обязанности, налагаемые только что заключенным мирным договором, и нуждавшиеся в войсках и кораблях западные римляне не получили никакой другой помощи, кроме холодного и бесплодного посредничества. Высокомерный Рицимер, так долго боровшийся с трудностями своего положения, наконец нашел вынужденным обратиться к константинопольскому двору со смирением подданного, и Италия купила и обеспечила союз с восточным императором тем, что согласилась подчиниться избранному им повелителю⁶³). Я не предполагал подробно излагать византийскую историю ни в этой главе, ни даже в этом томе; но краткий очерк царствования и характера императора Льва объяснит нам, каковы были крайние меры, к которым прибегали для спасения разваливавшейся Западной империи⁶⁴).

После смерти Феодосия Младшего внутреннее спокойствие Константинополя не нарушалось ни внешними войнами, ни междоусобицами. Пульхерия, избрав в мужа скромного и добродетельного Марциана, вверила ему скипетр Востока; из признательности он относился с уважением к ее высокому званию и к ее девственному целомудрию, а после смерти подал своему народу пример религиозного поклонения этой святой императрице⁶⁵). Поглощенный заботами о своих собственных владениях, Марциан, по-видимому, равнодушно взирал на бедствия Рима, а упорство, с которым этот храбрый и деятельный государь отказывался обнажить свой меч против вандалов, приписывалось тайному обещанию, исторгнутому от него в то время, когда он находился в плену у Гензериха⁶⁶). Смерть Марциана после семилетнего царствования подвергла бы Восточную империю опасностям, сопряженным с народными выборами, если бы преобладающее

влияние одного семейства не было способно склонить весы на сторону того кандидата, которого оно поддерживало. Патриций Аспар мог бы возложить диадему на свою собственную голову, если бы согласился принять Никейский символ веры⁶⁷⁾. При трех поколениях восточные армии находились под главным начальством то его отца, то его самого, то его сына Ардабурия; его варварские телохранители представляли такую военную силу, которая держала в страхе и дворец, и столицу, а благодаря щедрой раздаче своих громадных сокровищ Аспар сделался столько же популярен, сколько он был могуществен. Он предложил в императоры военного трибуна и своего главного дворецкого Льва Фракийского, имя которого не пользовалось никакой известностью. Выбор Льва был единогласно одобрен сенатом, и слуга Аспара принял императорскую корону из рук патриарха или епископа, которому было дозволено выразить одобрение Божества посредством этой необычайной церемонии⁶⁸⁾. Титул Великого, которым император Лев был отличен от монархов, царствовавших после него под тем же именем, служит доказательством того, что константинопольские императоры внушили грекам очень скромное понятие о том, каких совершенств можно искать в героях или по меньшей мере в императорах. Впрочем, спокойная твердость, с которой Лев противился тирании своего благодетеля, доказывала, что он сознавал и свой долг, и свои права. Аспар был очень удивлен тем, что уже не мог бы повлиять даже на выбор какого-нибудь константинопольского префекта; он осмелился упрекнуть своего государя в нарушении данного слова и, дерзко встряхивая его порфиру, сказал: "Тому, кто носит это одеяние, неприлично навлекать на себя обвинение во лжи". - "Также неприлично, - возразил Лев, - чтобы монарх подчинял и свою собственную волю, и общественные интересы воле своего подданного"⁶⁹⁾. После этой необыкновенной сцены, примирение между императором и патрицием не могло быть искренним или по меньшей мере не могло быть прочным и продолжительным. Армия, втайне набранная из исавров⁷⁰⁾, была введена в Константинополь, а между тем как Лев подкапывался под авторитет Аспарова семейства и подготавливал его гибель своим мягким и осторожным обхождением, он удерживал членов этого семейства от опрометчивых и отчаянных попыток, которые могли бы быть гибельны или для них самих,

или для их противников. Этот внутренний переворот отразился на действиях правительства и в том, что касалось его мирной политики, и в том, что касалось вопросов о войне. Пока Аспар унижал своим влиянием достоинство верховной власти, он держал сторону Гензериха и из тайного религиозного сочувствия, и из личных интересов. Когда же Лев сбросил с себя эту позорную зависимость, он стал с сочувствием внимать жалобам италийцев, вознамерился уничтожить тиранию вандалов и объявил о своем вступлении в союз со своим сотоварищем Анфимием, которого он торжественно облек в диадему и в порфиру западного императора.

Добродетели Анфимия, вероятно, были преувеличены, как была преувеличена и знатность его рода, который будто бы происходил от целого ряда императоров, тогда как между его предками не было ни одного императора, кроме узурпатора Прокопия⁷¹). Но благодаря тому, что его ближайшие родственники отличались и личными достоинствами, и почетными званиями, и богатством, Анфимий принадлежал к числу самых знатных подданных Восточной империи. Его отец Прокопий по возвращении из своего посольства в Персию был возведен в звание генерала и патриция, а свое имя Анфимий получил от своего деда с материнской стороны, от того знаменитого префекта, который с таким искусством и успехом управлял империей во время малолетства Феодосия. Внук бывшего префекта возвысился над положением простого подданного благодаря своей женитьбе на дочери Марциана Евфимии. Такой блестящий брак, который мог бы восполнить даже недостаток личных достоинств, ускорил последовательное повышение Анфимия в звание графа, главного начальника армии, консула и патриция; а благодаря своим дарованиям или своему счастью, Анфимий покрыл себя славой победы, которую одержал над гуннами неподалеку от берегов Дуная. Зять Марциана нельзя было упрекнуть в безрассудном честолюбии за то, что он надеялся наследовать своему тестю; но обманувшийся в своих ожиданиях Анфимий перенес это разочарование с мужеством и с терпением, а когда он был возведен в звание западного императора, все одобряли этот выбор, так как считали его достойным царствовать до той минуты, когда он вступил на престол⁷²). Западный император выступил из Константинополя в сопровождении нескольких графов высшего ранга и отряда телохранителей,

почти столь же сильного и многочисленного, как целая армия; он совершил торжественный въезд в Рим, и выбор Льва был одобрен сенатом, народом и варварскими союзниками Италии⁷³). Вслед за воцарением Анфимия состоялось бракосочетание его дочери с патрицием Рицимером, и это счастливое событие считалось за самую прочную гарантию целостности и благосостояния государства. Богатство двух империй было по этому случаю выставлено напоказ с тщеславным хвастовством, и многие из сенаторов довершили свое разорение чрезмерными усилиями скрыть свою бедность. Все деловые занятия были прекращены во время этого празднества; залы судебных заседаний были закрыты; улицы Рима, театры и места публичных и частных увеселений оглашались свадебными песнями и танцами, а высокая новобрачная, в шелковом платье и с короной на голове, была отведена во дворец Рицимера, заменившего свой военный костюм одеянием консула и сенатора. Сидоний, так жестоко обманувшийся в своих прежних честолюбивых ожиданиях, выступил в этом достопамятном случае в качестве оратора от Оверня в числе провинциальных депутатов, прибывших для поздравления нового императора или для изложения ему своих жалоб⁷⁴). Наступили январские календы, и продажный поэт, когда-то выражавший свою преданность Авиту и свое уважение к Майориану, согласился, по настоянию своих друзей, воспеть в героических стихах достоинства, счастье, второе консульство и будущие триумфы императора Анфимия. Сидоний произнес с самоуверенностью и с успехом панегирик, который сохранился до сих пор, и каковы бы ни были несовершенства содержания или изложения, услужливый льстец был немедленно награжден должностью римского префекта; это звание ставило его наряду с самыми знатными сановниками империи до тех пор, пока он из благоразумия не предпочел более почетных отличий епископа и святого⁷⁵).

Греки из честолюбия восхваляют благочестие и католические верования императора, которого они подарили Западной империи; они также не забывают обращать внимание на тот факт, что перед своим отъездом из Константинополя он превратил свой дворец в благотворительное учреждение, устроив там публичные бани, церковь и больницу для стариков⁷⁶). Однако некоторые факты внушают недоверие к чистоте богословских убеждений Анфимия. Из своих бесед с

приверженцем македонской секты Филофеем он извлек сочувствие к принципам религиозной терпимости, и римские еретики могли бы безнаказанно устраивать свои сходки, если бы смелое и энергическое неодобрение, высказанное в церкви Св.Петра папой Гиларием, не принудило императора отказать от такой снисходительности, которая оскорбляла народные верования⁷⁷⁾. Равнодушие или пристрастие Анфимия даже внушало тщетные надежды немногочисленным и скрывавшимся во мраке язычникам, а его странное дружеское расположение к философу Северу, которого он возвел в звание консула, приписывалось тайному намерению восстановить старинное поклонение богам⁷⁸⁾. Эти идолы уже были разбиты вдребезги, а мифология, которая когда-то служила для стольких народов религией, впала в такое общее пренебрежение, что христианские поэты⁷⁹⁾ могли пользоваться ею без всякого скандала или по меньшей мере не возбуждая никаких подозрений. Однако следы суеверий еще не были совершенно изглажены, а праздник Луперкалий (Луперкалии (от лат. *lupus* - "волк") - праздник очищения и плодородия в Древнем Риме, праздновавшийся 15 февраля в честь бога Луперка (Фавна), защитника стад и пастухов, и введенный, по преданию, еще Ромулом. Жертвоприношение - козлы и козы - совершалось с соблюдением особого ритуала, хранившего следы далекой первобытной эпохи. - *Прим. ред.*), учреждение которого предшествовало основанию Рима, еще справлялся в царствование Анфимия. Его дикие и безыскусные обряды соответствовали тому состоянию, в котором находятся человеческие общества до своего знакомства с искусствами и земледелием. Боги, присутствовавшие при работах и увеселениях поселян, Пан, Фавн и состоявшие при них сатиры, были именно таковы, какими их могла создать фантазия пастухов, - веселы, игривы и сладострастны; их власть была ограничена, а их злоба безвредна. Коза была той жертвой, которая всего лучше соответствовала их характеру и атрибутам; ее мясо жарилось на ивовых прутьях, а юноши, стекавшиеся шумными толпами на праздник, бегали голыми по полям с кожаными ремнями в руках и били этими ремнями женщин, воображавших, что они от этого народят много детей⁸⁰⁾. Алтарь Пана был воздвигнут - быть может аркадийцем Эвандром - подле Палатинского холма, в уединенном месте среди рощи, по которой протекал никогда не высыхав-

ший ручей. Предание, гласившее, что в этом самом месте Ромул и Рем были вскормлены волчицей, придавало ему особую святость в глазах римлян, а с течением времени это жилище лесного бога было окружено великолепными зданиями форума⁸¹). После обращения императорской столицы в христианскую веру христиане не переставали ежегодно справлять в феврале месяце праздник Луперкалий, которому они приписывали тайное и мистическое влияние на плодородие и животного, и растительного царства. Римские епископы пытались уничтожить нечестивый обычай, столь противный духу христианства; но их религиозное усердие не поддерживалось авторитетом светской власти; укоренившееся злоупотребление существовало до конца пятого столетия, а папа Гелазий, очистивший Капитолий от последних остатков идолопоклонства, нашелся вынужденным произнести нарочно написанную по этому случаю защитительную речь, чтобы укротить ропот сената и народа⁸²).

Во всех своих публичных заявлениях император Лев относился к Анфимию с авторитетом отца и выражал свою привязанность к нему как к сыну, с которым он разделил управление миром⁸³). По своему положению, а может быть, и по своему характеру, Лев не чувствовал расположения подвергать свою особу трудностям и опасностям африканской войны. Но он с энергией употребил в дело все ресурсы Восточной империи для защиты Италии и Средиземного моря от вандалов, и Гензериху, так долго владычествовавшему на суше и на море, стало со всех сторон грозить страшное нашествие. Кампания открылась смелым и удачным предприятием префекта Гераклия⁸⁴). Войска, стоявшие в Египте, Фиваиде и Ливии, были посажены на суда под его главным начальством, а арабы, запасшиеся лошадьми и верблюдами, прокладывали путь в пустыню. Гераклий высадился близ Триполи, завладел врасплох городами этой провинции и для соединения с императорской армией под стенами Карфагена предпринял такой же трудный переход, какой был уже прежде него совершен Катонем⁸⁵). Известие об этой потере заставило Гензериха прибегнуть к коварным заискиваниям мира, которые оказались безуспешными; но его еще более встревожило примирение Марцеллина с обоими императорами. Пользовавшийся самостоятельной властью патриций согласился признать законные права Анфимия и сопровождал его во

время поездки в Рим; долматийскому флоту был открыт доступ в итальянские гавани; предприимчивый и мужественный Марцеллин выгнал вандалов с острова Сардинии, и вялые усилия Запада в некоторой степени увеличили важность громадных приготовлений, которые были сделаны на Востоке. Расходы на снаряжение морских сил, высланных Львом для войны с вандалами, были вычислены с точностью, а этот интересный и поучительный расчет знакомит нас с денежными средствами приходившей в упадок империи. Из императорских поместий или из личной казны императора было израсходовано семнадцать тысяч фунтов золота; сорок семь тысяч фунтов золота и семьсот тысяч фунтов серебра были собраны в виде налога и внесены в государственное казначейство преторианскими префектами. Но города были доведены до крайней бедности, а тот факт, что денежные пени и конфискации считались за важный источник доходов, не говорит в пользу справедливости и мягкости тогдашней администрации.

Все расходы на африканскую экспедицию, какими бы способами они ни были покрыты, доходили до ста тридцати тысяч фунтов золота, то есть почти до пяти миллионов двухсот тысяч фунтов стерлингов в такое время, когда ценность денег - судя по сравнительной цене зернового хлеба - была несколько выше их теперешней ценности⁸⁶). Флот, отплывший из Константинополя в Карфаген, состоял из тысячи ста тринадцати судов, а число солдат и матросов превышало сто тысяч человек. Главное начальство было поручено брату императрицы Верины Василиску. Находившаяся в супружестве за Львом его сестра преувеличила его прежние подвиги в войне со скифами. Но только в африканской войне вполне обнаружилось его вероломство или полное отсутствие дарований, и, чтобы спасти его воинскую репутацию, его друзья нашлись вынужденными уверять, что он втайне условился с Аспаром щадить Гензериха и разрушить последние надежды Западной империи.

Опыт доказал, что успех нападающего в большом числе случаев зависит от энергии и быстроты его движений. Первые впечатления страха утрачивают свою силу и остроту от мешкотности; здоровье и бодрость солдат чахнут в непривычном климате; морские и военные силы, стоившие таких громадных усилий, которые, быть может, уже никогда не повторятся, истрачиваются без всякой пользы, и с каждым ча-

сом, проведенным в переговорах, неприятель все более и более приучается спокойно рассматривать и анализировать те ужасы, с которыми он с первого взгляда не считал себя способным бороться. Грозный флот Василиска благополучно совершил переезд из Фракийского Босфора до берегов Африки. Войска высадились близ мыса Боны, или Меркурия, милях в сорока от Карфагена⁸⁷). Армия Гераклия и флот Марцеллина или присоединились к военным силам императорского наместника, или оказывали им содействие, а вандалы, пытавшиеся остановить их наступление, были побеждены и на море, и на суше⁸⁸). Если бы Василиск воспользовался первыми минутами общего смятения и смело направился к столице, Карфаген был бы принужден сдаться, и владычество вандалов было бы уничтожено. Гензерих не упал духом при виде опасности и увернулся от нее со своей обычной ловкостью. Он заявил в самых почтительных выражениях о своей готовности подчинить и самого себя, и свои владения воле императора; но он попросил пятидневного перемирия для того, чтобы сговориться об условиях, на которых готов покориться, а в общественном мнении того времени сложилось убеждение, что тайные подарки способствовали успеху этих переговоров. Вместо того чтобы упорно отказывать в просьбе, на которой так горячо настаивал противник, преступный или легковверный Василиск согласился на роковое перемирие, а своей неблагоразумной беззаботностью как будто хотел доказать, что уже считает Африку завоеванной. В этот короткий промежуток времени ветры приняли направление, благоприятное для замыслов Гензериха. Он посадил самых храбрых мавров и вандалов на самые большие из своих кораблей, привязав к этим последним множество больших лодок, наполненных зажигательными снарядами. Среди ночного мрака ветер понес эти разрушительные лодки на флот беспечных римлян, пробудившихся из своего усыпления только тогда, когда уже нельзя было избежать гибели. Так как римские корабли стояли густыми рядами, то огонь переходил с одного на другой с непреодолимой быстротой и стремительностью, а ужас этого ночного смятения еще увеличился от ветра, от треска горевших кораблей и от бессвязных криков солдат и матросов, лишенных возможности ни давать, ни исполнять приказания. Между тем как они старались увернуться от зажигательных лодок и спасти хоть часть флота, Гензериховы галеры напа-

дали на них со сдержанным и дисциплинированным мужеством, и многие из римлян, спасшихся от ярости пожара, были убиты или захвачены в плен победоносными вандалами. Среди бедствий этой злополучной ночи один из высших генералов Василиска - Иоанн спас свое имя от забвения благодаря своей геройской или, вернее, отчаянной храбрости. В то время как корабль, на котором он храбро сражался, был почти совершенно объят пламенем, он презрительно отверг предложение сдаться, с которым к нему обратился из уважения или из сострадания Гензерихов сын Гензо; Иоанн бросился в полном вооружении в море и исчез в волнах, воскликнув, что ни за что не отдастся живым в руки этих нечестивых негодяев. А Василиск, занявший такой пост, где ему не могла угрожать никакая опасность, воодушевлялся совершенно иными чувствами; он в самом начале сражения обратился в позорное бегство, возвратился в Константинополь, потеряв более половины своего флота и своей армии, и укрыв свою преступную голову в святилище св.Софии до тех пор, пока его сестра не вымолила слезами и просьбами его помилование у разгневанного императора. Гераклий совершил свое отступление через песчаную степь; Марцеллин удалился в Сицилию, где был убит одним из подчиненных ему офицеров, быть может по наущению Рицимера, а царь вандалов выразил и свое удивление, и свое удовольствие по поводу того, что римляне сами отправили на тот свет самого страшного из всех его противников⁸⁹). После неуспеха этой великой экспедиции Гензерих снова сделался полным властелином на морях; берега Италии, Греции и Азии снова сделались жертвами его мстительности и корыстолюбия; Триполи и Сардиния снова подпали под его власть; он присоединил к своим владениям Сицилию, и, прежде, чем он окончил свою жизнь в глубокой старости и в блеске славы, он сделался свидетелем окончательного распада Западной империи⁹⁰).

Во время своего продолжительного и богатого событиями царствования африканский монарх старательно поддерживал дружеские сношения с европейскими варварами, которые оказывали ему полезные услуги своими нападениями то на одну, то на другую из двух империй. После смерти Атилы он снова вступил в союз с жившими в Галлии вестготами, а сыновья старшего Теодориха, царствовавшие один вслед за другим над этим воинственным племенем, согласились из

личных интересов позабыть жестокое оскорбление, которое Гензерих нанес их сестре⁹¹⁾. Смерть императора Майориана сняла с Теодориха II узы страха и, быть может, узы чести: он нарушил только что заключенный с римлянами договор, а обширная Нарбонская территория, которую он прочно прикрепит к своим владениям, послужила немедленной наградой за его вероломство. Из себялюбивых расчетов Рицимер убедил его напасть на провинции, находившиеся во владении его соперника Эгидия; но этот деятельный граф спас Галлию обороной Арля и победой под Орлеаном и в течение всей своей жизни препятствовал успехам вестготов. Их честолюбие скоро снова воспламенилось, и план освобождения Галлии и Испании из-под римского владычества был задуман и почти вполне приведен в исполнение в царствование Эврика, который умертвил своего брата Теодориха и с более необузданным нравом соединял выдающиеся дарования полководца и государственного человека. Он перешел через Пиренеи во главе многочисленной армии, завладел городами Сарагоссой и Пампелуной, разбил в сражении воинственное дворянство Тарраконской провинции, перенес свое победоносное оружие внутрь Лузитании и дозволил свевам владеть Галлией под верховенством царствовавших в Испании готских монархов⁹²⁾. Военные действия Эврика в Галлии были ведены с не меньшей энергией и увенчались не меньшим успехом: на всем пространстве от Пиренеев до Роны и Луары Берри и Овернь были единственными городами или округами, отказавшими ему в покорности⁹³⁾. При защите своего столичного города Клермона жители Оверня вынесли с непреклонным мужеством бедствия войны, моровой язвы и голода; вынужденные снять осаду, вестготы отказались на время от этого важного приобретения. Провинциальную молодежь воодушевляла геройская и почти невероятная храбрость сына императора Авита Экдиция⁹⁴⁾, который сделал отчаянную вылазку во главе только восемнадцати всадников, смело напал на готскую армию и после легких схваток с неприятелем возвратился в Клермон, не понеся никаких потерь. Он был столько же благотворителен, сколько храбр: во время неурожая он кормил на свой счет четыре тысячи бедных и благодаря своему личному влиянию собрал армию из бургундов для защиты Оверня. Только от его доблестей могли бы галльские граждане ожидать спасения и свободы, но и

этих доблестей было недостаточно для предотвращения гибели их страны, так как они ожидали, чтобы он своим собственным примером указал им, что следует предпочесть - изгнание или рабскую покорность⁹⁵). Правительство утратило всякое доверие; государственная казна была истощена и жители Галлии имели полное основание думать, что царствовавший в Италии Анфимий не был способен охранять своих заальпийских подданных. Слабый император не мог доставить им никакой другой помощи, кроме двенадцатитысячного отряда британских вспомогательных войск. Один из независимых королей, или вождей, этого острова по имени Риотам согласился перевезти свои войска в Галлию; он поднялся вверх по Луаре и избрал для своей главной квартиры Берри, а местное население страдало под гнетом этих союзников до тех пор, пока они не были истреблены или рассеяны вестготами⁹⁶).

Одним из последних актов юрисдикции римского сената над галльскими подданными был суд и приговор над преторианским префектом Арвандом. Сидоний, радовавшийся тому, что жил в такое царствование, когда дозволялось жалеть и защищать государственного преступника, откровенно описал ошибки своего нескромного и несчастного друга⁹⁷). Опасности, которых избежал Арванд, не сделали его осмотрительным, а лишь внушили ему самоуверенность, и таково было постоянное неблагоразумие его поведения, что его возвышение должно казаться гораздо более необычайным, чем его падение. Его вторичное назначение префектом, состоявшееся по прошествии пяти лет, совершенно уничтожило заслуги и популярность его прежнего управления. При нетвердости характера он легко поддавался влиянию льстецов и легко раздражался от всякого противоречия; чтобы удовлетворять своих докучливых кредиторов, он нашел вынужденным обирать вверенную ему провинцию; его причудливые дерзости оскорбляли галльскую знать, и он погиб под бременем всеобщей ненависти. Указ об его увольнении предписывал ему явиться в сенат, чтобы дать отчет о своем поведении; он переехал через Тосканское море с попутным ветром, в котором он ошибочно видел предзнаменование ожидавших его успехов. К его званию префекта соблюдалось должное уважение, и после своего прибытия в Рим Арванд был отдан не столько под надзор, сколько на гостеприимное попечение

жившего в Капитолии графа священных щедрот Флавия Азелла⁹⁸). Его горячо преследовали его обвинители - четыре депутата от Галлии, все отличавшиеся и знатностью своего происхождения, и своим высоким званием, и своим красноречием. От имени обширной провинции и согласно с формами римского судопроизводства они предъявили гражданский иск и возбудили уголовное преследование, требуя взыскания таких сумм, которые вознаградили бы частных людей за понесенные убытки, и постановления такого обвинительного приговора, который удовлетворил бы общественную справедливость. Их обвинения в корыстолюбивых вымогательствах были многочисленны и вески, но они более всего рассчитывали на перехваченное ими письмо, которое было написано под диктовку самого Арванда по свидетельству его секретаря. Автор этого письма старался отклонить короля готов от заключения мира с *греческим* императором, возбуждал его к нападению на живших по берегам Луары бретонцев и советовал ему разделить Галлию, согласно с законами всех народов, между вестготами и бургундами⁹⁹). Только ссылками на тщеславие и неблагоразумие Арванда его друг мог оправдывать такие вредные для государства замыслы, которые могли бы послужить поводом для обвинения в государственной измене, а депутаты намеревались не предъявлять самого грозного из своих обвинений, пока не наступит решительная минута. Но усердие Сидония обнаружило этот замысел. Он немедленно известил ничего не подозревавшего преступника об угрожавшей ему опасности и откровенно попрекнул его, без малейшего гнева, за высокомерную самоуверенность, с которой он отвергал благотворные советы своих друзей и даже обижался ими. Не сознававший трудностей своего положения, Арванд показывался в Капитолии в белом одеянии кандидата, принимал неразборчивые приветствия и предложения услуг, рассматривал в лавках шелковые материи и драгоценные камни, иногда с равнодушием простого зрителя, а иногда с вниманием покупателя, и жаловался то на нравы своего времени, то на сенат, то на государя, то на судебные проволочки. Поводы к его жалобам были скоро устранены. Для разбирательства его дела был назначен неотдаленный срок, и Арванд предстал вместе со своими обвинителями перед многочисленным собранием римских сенаторов. Траурное одеяние, в которое облеклись эти обвинители, воз-

буждало сострадание в судьях, находивших совершенно неместными блеск и роскошь, с которыми был одет Арванд; а когда бывшему префекту вместе с главным из галльских депутатов было предложено занять места на сенаторских скамьях, в их манере себя держать обнаружился такой же контраст гордости со скромностью. На этом достопамятном судебном разбирательстве, живо напоминавшем старинные республиканские обычаи, галлы изложили с энергией и с полной свободой жалобы своей провинции, а лишь только умы сенаторов были достаточно возбуждены, они прочли роковое послание. Упорство Арванда было основано на странном предположении, что подданного нельзя обвинять в государственной измене, если он не составлял заговора с целью возложить на себя императорскую корону. Когда его письмо было прочитано, он неоднократно во всеуслышание признавался, что оно было продиктовано им самим, и он был столько же удивлен, сколько огорчен, когда сенат единогласно признал его виновным в государственной измене. В силу сенатского декрета он был разжалован из звания префекта в низкое звание плебея и был с позором препровожден под надзором рабов в публичную тюрьму. По прошествии двух недель сенат снова собрался для постановления смертного приговора; но в то время как Арванд ожидал на острове Эскулапии истечения той тридцатидневной отсрочки, которая была дарована одним старинным законом даже самым низким преступникам¹⁰⁰), его друзья стали ходатайствовать за него, император Анфимий смягчился, и галльский префект был приговорен к более мягкому наказанию ссылкой и конфискацией. Заблуждения Арванда еще могли внушать некоторое сострадание, но безнаказанность Сероната была позором для римского правосудия до тех пор, пока он не был осужден и казнен вследствие жалоб населения Оверня. Этот гнусный чиновник, бывший для своего времени и для своего отечества тем же, чем когда-то был Катилина, вел тайные сношения с вестготами с целью предать в их руки провинцию, которую он угнетал; его деятельность была постоянно направлена на придумывание новых налогов и на открытие давнишних недоборов, а его сумасбродные пороки заслуживали бы презрения, если бы не возбуждали страха и отвращения¹⁰¹).

Такие преступники не были недосыгаемы для правосудия; но каковы бы ни были преступления Рицимера, положение этого могущественного варвара было таково, что он мог по своему произволу вступать и в борьбу, и в переговоры с монархом, с которым он соблаговолил породниться. Мирное и благополучное царствование, обещанное Анфимием Западной империи, скоро омрачилось несчастьями и внутренними раздорами. Из нежелания признавать над собою чью-либо власть или из опасений за свою личную безопасность Рицимер переехал из Рима на постоянное жительство в Милан, откуда можно было с большим удобством и призывать к себе на помощь, и отражать воинственные племена, жившие между Альпами и Дунаем¹⁰²⁾. Италия мало-помалу оказалась разделенной на два самостоятельных и враждебных одно к другому государства, а лигурийские дворяне, дрожавшие от страха при мысли о неизбежности междоусобной войны, пали к ногам патриция и молили его пощадить их несчастное отечество. "Что касается меня, - отвечал им Рицимер тоном притворной умеренности, - то я готов войти в дружеские сношения с Галатом¹⁰³⁾, но кто же возьмется укротить его ярость или смягчить его гордость, которые только усиливаются от наших изъявлений покорности?" Они сказали ему, что павийский¹⁰⁴⁾ епископ Епифаний соединял мудрость змия с невинностью голубя и выразили ему свою уверенность, что красноречие такого уполномоченного непременно одержит верх над самым энергическим сопротивлением, все равно будет ли сопротивление внушено личными интересами или страстями. Их предложение было одобрено, и принявший на себя благотворную роль посредника Епифаний немедленно отправился в Рим, где был принят со всеми почестями, на которые ему давали право и его личные достоинства, и его репутация. Нетрудно догадаться, каково было содержание речи, произнесенной епископом в пользу мира: он доказывал, что при каких бы то ни было обстоятельствах прощение обид есть акт или милосердия, или великодушия, или благоразумия, и настоятельно убеждал императора избегать борьбы с свирепым варваром, которая может быть гибельна для него самого и непременно будет разорительна для его владений. Анфимий сознавал основательность этих соображений, но он со скорбью и с негодованием отзывался о поведении Рицимера, и его раздражение придавало его выраже-

ниям особое красноречие и энергичность. "В каких милостях (воскликнул он с жаром) отказывал я этому неблагодарному? Каких обид не выносил я от него? Не заботясь о величии императорского дома, я выдал мою дочь за гота; я жертвовал моею собственною кровью для блага республики. Щедрость, которая должна бы была навсегда упрочить преданность Рицимера, только восстановила его против того, кто делал ему добро. Каких войн не возбуждал он против империи? Сколько раз он возбуждал и поддерживал ожесточение враждебных нам народов? После этого разве я могу принять его коварные предложения дружбы? Разве я могу надеяться, что тот, кто уже нарушил обязанности сына, будет соблюдать обязательства мирного договора?" Но гнев Анфимия испарился в этих гневных восклицаниях; он мало-помалу согласился на предложения Епифания, и епископ возвратился в свою епархию в приятной уверенности, что он обеспечил спокойствие Италии путем примирения¹⁰⁵), на искренность и продолжительность которого едва ли можно было полагаться. Император по слабости простил виновного, а Рицимер отложил в сторону свои честолюбивые замыслы до той поры, когда будут втайне приготовлены те средства, с помощью которых он намеревался ниспровергнуть трон Анфимия. Только тогда он сбросил с себя личину миролюбия и умеренности. Рицимер подкрепил свою армию многочисленными отрядами бургундов и восточных свевов, отказался от повиновения греческому императору, прошел от Милана до ворот Рима и стал лагерем на берегах Аниони, с нетерпением поджидая Олибрия, которого он прочил в императоры.

Сенатор Олибрий, происходивший от рода Анициев, сам мог бы считать себя законным наследником престола. Он женился на младшей дочери Валентиниана Плацидии после того, как она была выпущена на свободу Гензерихом, который все еще удерживал ее сестру Евдокию в качестве супруги или, вернее, пленницы своего сына. Царь вандалов поддерживал угрозами и просьбами основательные притязания своего римского родственника и указывал, как на один из поводов к войне, на отказ сената и народа признать его законным государем и на незаслуженное предпочтение, оказанное ими чужеземцу¹⁰⁶). Дружба с общественным врагом могла только усилить непопулярность Олибрия в Италии; но когда Рицимер задумал низложить императора Анфимия, он попытался

соблазнить предложением диадемы такого кандидата на престол, который мог оправдать свое восстание знатностью своего имени и своими родственными связями. Супруг Платидии, пользовавшийся, подобно большинству своих предков, званием консула, мог бы спокойно наслаждаться своим блестящим положением в своей мирной константинопольской резиденции; к тому же он, как кажется, не был одарен таким гением, который не может найти для себя никакого другого развлечения или занятия, кроме управления империей. Тем не менее Олибрий уступил настояниям своих друзей или, быть может, своей жены; он опрометчиво вовлекся в опасности и бедствия междоусобной войны и, с тайного одобрения императора Льва, принял италийскую корону, которая и давалась, и отнималась по прихоти варвара. Он высадился, не встретив никакого сопротивления (так как Гензерих властвовал на море), или в Равенне, или в порту Остии и немедленно отправился в лагерь Рицимера, где его встретили как повелителя западного мира¹⁰⁷).

Патриций, занявший своими войсками все пространство от Аниона до Мильвийского моста, уже овладел двумя римскими кварталами, Ватиканом и Яникулом, которые отделяются от остального города Тибром¹⁰⁸), и есть основание предполагать, что на собрании нескольких сенаторов, перешедших в оппозицию, Олибрий был провозглашен императором с соблюдением всех форм законного избрания. Но большинство сенаторов и население непоколебимо держали сторону Анфимия, а более действенная помощь готской армии дала ему возможность продлить свое царствование и общественные бедствия трехмесячным сопротивлением, которое сопровождалось неизбежными в подобных случаях голодом и моровой язвой. В конце концов Рицимер неистово напал на мост Адриана, или Сан-Анжело, а готы защищали этот узкий проход с такой же отчаянной храбростью, пока не был убит их вождь Гилимер. Тогда победоносные войска Рицимера, преодолевши все препятствия, проникли с непреодолимой стремительностью внутрь столицы, и Рим (по выражению тогдашнего папы) сделался жертвой взаимной ненависти Анфимия и Рицимера¹⁰⁹). Несчастливого Анфимия вытащили из места, где он скрывался, и безжалостно умертвили по приказанию его зятя, таким образом прибавившего к числу своих жертв третьего или, быть может, четвертого императора.

Солдаты, соединявшие ярость мятежников с дикостью варваров, стали без всяких стеснений удовлетворять свою склонность к грабежу и убийствам; толпы рабов и плебеев, относившихся равнодушно к исходу борьбы, находили свою выгоду в возможности грабить всех без разбора, и внешний вид того, что делалось в городе, представлял странный контраст между непреклонным жестокосердием и разнузданною невоздержанностью¹¹⁰). Через сорок дней после этого бедственного происшествия, в котором преступления не оставили ни малейшего места для славы, тяжелая болезнь избавила Италию от тирана Рицимера, завещавшего главное начальство над своей армией своему племяннику Гундобальду, одному из бургундских князей. В том же году сошли со сцены все главные действующие лица, участвовавшие в этом важном перевороте, а все царствование Олибрия, смерть которого не носит на себе никаких признаков насилия, вмещается в семимесячном промежутке времени. После него осталась дочь, прижитая от брака с Пладицией, и пересаженный с испанской на константинопольскую почву род великого Феодосия не прекращался в женской линии до восьмого поколения¹¹¹).

В то время как итальянский престол был предоставлен на произвол бесчинных варваров¹¹²), император Лев серьезно обсуждал вопрос об избрании нового соправителя. Императрица Верина, усердно заботившаяся о величии своих родственников, выдала одну из своих племянниц за Юлия Непота, который владел доставшейся ему по наследству от его дяди Марцеллина Далмацией; это была более прочная власть, чем та, которую он приобрел, согласившись принять титул западного императора. Но меры, принятые византийским двором, были так вялы и нерешительны, что прошло много месяцев после смерти Анфимия и даже после смерти Олибрия, прежде чем их преемник получил возможность показаться своим итальянским подданным во главе сколько-нибудь значительных военных сил. В этот промежуток времени, Гундобальд возвел в звание императора одного из своих незнатных приверженцев, по имени Гликерий; но бургундский князь не был в состоянии или не желал поддерживать это назначение междоусобной войной; его личное честолюбие заставило его удалиться за Альпы¹¹³), а его клиенту было дозволено променять римский скипетр на митру салонского епископа. Когда этот соперник был устранен, Непота при-

знали императором и сенат, и жители Италии, и галльские провинции; тогда его нравственные достоинства и воинские дарования сделались предметом громких похвал, а те, кому его возвышение доставляло какие-либо личные выгоды, стали пророческим тоном предсказывать восстановление общего благоденствия¹¹⁴). Их надежды (если только они действительно существовали) были разрушены в течение одного года, и мирный договор, уступавший вестготам Оверн, был единственным событием этого непродолжительного и бесславного царствования. В интересах своей личной безопасности италийский император жертвовал интересами самых преданных ему галльских подданных¹¹⁵), но его спокойствие было скоро нарушено неистовым мятежом варварских союзников, которые двинулись из Рима к Равенне под предводительством своего генерала Ореста. Испуганный Непот, вместо того чтобы положиться на неприступность Равенны, торопливо перебрался на свои корабли и переехал в свои далматийские владения, на противоположный берег Адриатического моря. Благодаря этому постыдному отречению он влачил свою жизнь около пяти лет в двусмысленном положении не то императора, не то изгнанника, пока не был умерщвлен в Салоне неблагоприятным Гликерием, который - быть может, в награду за совершенное им злодеяние - был перемещен на должность миланского архиепископа¹¹⁶).

Народы, отстаивавшие свою независимость после смерти Атили, занимали, по праву владения или по праву завоевания, обширные страны к северу от Дуная или жили в римских провинциях между этой рекой и Альпами. Но самые храбрые из их молодых людей вступали в армию союзников, которая и защищала Италию, и наводила на нее ужас¹¹⁷), а в этом разнохарактерном сборище, как кажется, преобладали имена герулов, скирров, аланов, турцилингов и ругиев. Примеру этих воинов подражал Орест, сын Татулла и отец последнего западного императора из римлян¹¹⁸). Орест, о котором мы уже имели случай упоминать ранее, никогда не отделял своих интересов от интересов своей родины. По своему происхождению и по своей блестящей карьере он был одним из самых знатных подданных Паннонии. Когда эта провинция была уступлена гуннам, он, поступив на службу к своему законному государю Аттиле, был назначен его секретарем и неоднократно был посылаем в Константинополь в ка-

честве представителя своего надменного повелителя для передачи его приказаний. Смерть этого завоевателя возвратила Оресту свободу, и он мог без нарушения правил чести отказать следовать за сыновьями Аттилы в глубь скифских степей и отказаться от повиновения остготам, захватившим в свои руки Паннонию. Он предпочел службу при итальянских монархах, царствовавших после Валентиниана; а так как он отличался и мужеством, и деятельностью, и опытностью, то он подвигался быстрыми шагами вперед в военной профессии и наконец, благодаря милостивому расположению Непота, был возведен в звание патриция и главного начальника войск. Эти войска издавна привыкли уважать личность и авторитет Ореста, который подделывался под их нравы, разговаривал с ними на их собственном языке и долго жил с их вождями в дружеской интимности. По его настоянию они восстали с оружием в руках против ничем не прославившегося грека, который заявлял притязания на их покорность; а когда Орест, из каких-то тайных мотивов, отказался от императорского звания, они так же охотно согласились признать западным императором его сына Августула. С отречением Непота Орест достиг осуществления всех своих честолюбивых надежд; но не прошло и года, когда он убедился, что бунтовщик, вынужденный поучать клятвопреступлению и неблагодарности, точит оружие на самого себя и что непрочному властелину Италии приходится выбирать одно из двух - или быть рабом своих варварских наемников, или сделаться их жертвой. Опасный союз с этими чужеземцами уничтожил последние остатки и римской свободы, и римского величия. При каждом перевороте их жалованье и привилегии увеличивались; но их наглость этим не довольствовалась и выходила из всяких границ; они завидовали счастьем своих соотечественников, которым удалось приобрести силу оружия независимые и наследственные владения в Галлии, Испании и Африке - и, наконец, предъявили решительное требование, чтобы третья часть итальянской территории была немедленно разделена между ними в собственность. Орест предпочел вступить в борьбу с рассвирепевшими варварами, чем согласиться на разорение невинного населения, и выказал в этом случае такое мужество, которое дало бы ему право на наше уважение, если бы его собственное положение не было плодом незаконного захвата власти. Он от-

вергнул дерзкое требование, а его отказ был на руку честолюбивому Одоакру, отважному варвару, уверявшему своих ратных товарищей, что, если они соединятся под его начальством, они добудут силой то удовлетворение, которого им не дали на их почтительную просьбу. Увлеченные таким же недовольством и такими же надеждами, варварские союзники стали стекаться из всех лагерей и гарнизонов Италии под знамя этого популярного вождя, а подавленный силою этого потока несчастный патриций торопливо укрылся за укреплениями города Павии, служившего епископской резиденцией для святого Епифания. Павия была немедленно осаждена, ее укрепления были взяты приступом, и город был разграблен; и хотя епископ с большим усердием и не без успеха старался спасти церковную собственность и целомудрие попавшихся в плен женщин, однако одна только казнь Ореста могла прекратить мятеж¹¹⁹⁾. Его брат Павел был убит в одном сражении подле Равенны, и беспомощный Августул, не будучи в состоянии внушить Одоакру уважение, был вынужден прибегнуть к его милосердию.

Этот победоносный варвар был сын того Эдекона, который был помощником самого Ореста в некоторых важных дипломатических поручениях, о которых подробно говорилось в одной из предыдущих глав. Почетное звание посла должно бы было устранять всякое подозрение в измене, а Эдекон согласился участвовать в заговоре против жизни своего государя. Но он загладил это преступное увлечение своими заслугами или раскаянием; он занимал высокое и видное положение и пользовался милостивым расположением Атиллы, а войска, которые в свою очередь охраняли под его начальством царскую деревню, состояли из скирров - его наследственных подданных. После смерти Атиллы, когда подвластные ему племена возвратились к прежней независимости, скирры оставались под властью гуннов, а через двенадцать с лишним лет после того, имя Эдекона занимало почетное место в истории их неравной борьбы с остготами, окончившейся, после двух кровопролитных сражений, поражением скирров, которые после того рассеялись в разные стороны¹²⁰⁾. Их храбрый вождь, не переживший этого национального бедствия, оставил двух сыновей Онульфа и Одоакра, которым пришлось бороться с разными невзгодами и содержать в изгнании своих верных приверженцев, как могли и умели, то

грабежом, то службой в качестве наемников. Онульф отправился в Константинополь, где запятнал славу своих военных подвигов умерщвлением своего благодетеля. Его брат Одоакр вел скитальческую жизнь между варварами Норики и как по своему характеру, так и по своему положению был готов на самые отчаянные предприятия; а лишь только он избрал определенную цель, он из благочестия отправился в келью популярного местного святого по имени Северин чтобы испросить его одобрение и благословение. Дверь в келью была низка, и отличавшийся высоким ростом Одоакр должен был нагнуться, чтобы войти в нее; но, несмотря на эту смиренную позу, святой усмотрел предзнаменования его будущего величия и обращаясь к нему пророческим тоном, сказал: "Преследуйте вашу цель; отправляйтесь в Италию; вы скоро сбросите с себя эту грубую кожаную одежду, и ваша счастливая судьба будет соответствовать величию вашей души"¹²¹). Варвар, одаренный такой отвагой, что был способен поверить этому предсказанию и оправдать его на деле, поступил на службу Западной империи и скоро занял почетную должность между телохранителями. Его манеры мало-помалу сделались приличными, его воинские способности развились, а союзники Италии не выбрали бы его своим начальником, если бы военные подвиги Одоакра не внушали высокого мнения о его мужестве и дарованиях¹²²). Они провозгласили его королем; но в течение всего своего царствования он воздерживался от употребления порфиры и диадемы¹²³) из опасения возбудить зависть в тех князьях, чьи подданные образовали путем случайного соединения сильную армию, которая при хорошем управлении могла с течением времени превратиться в великую нацию.

Варвары уже давно свыклись с королевским достоинством, и смиренное население Италии было готово безропотно подчиниться власти, которую Одоакр соблаговолил взять на себя в качестве наместника западного императора. Одоакр решил упразднить бесполезное и дорого стоившее императорское звание, а сила старых предрассудков еще была так велика, что нужна была некоторая смелость и прозорливость, чтобы взяться за столь легкое предприятие. Несчастливого Августаула сделали орудием его собственного падения; он заявил сенату о своем отречении от престола, а это собрание - в своем последнем акте повиновения римскому монарху - все еще дела-

ло вид, как будто руководствуется принципами свободы и придерживается форм конституции. В силу единогласного решения оно обратилось с посланием к зятю и преемнику Льва Зенону, только что снова вступившему на византийский престол после непродолжительного восстания. Сенаторы формально заявили, что они не находят нужным и не желают сохранять в Италии преемственный ряд императоров, так как, по их мнению, величия одного монарха достаточно для того, чтобы озарять своим блеском и охранять в одно и то же время и Восток и Запад. От своего собственного имени и от имени населения они соглашались на то, чтобы столица всемирной империи была перенесена из Рима в Константинополь и из низости отказывались от права выбирать своего повелителя, от этого единственного остатка той власти, которая когда-то предписывала законы всему миру. "Республика (они не краснели, все еще произнося это слово) может с уверенностью положиться на гражданские и военные доблести Одоакра, и они униженно просят императора возвести его в звание патриция и поручить ему управление италийским *диоцезом*". Депутаты от сената были приняты в Константинополе с изъявлениями неудовольствия и негодования, а когда они были допущены на аудиенцию к Зенону, он грубо упрекнул их за то, как они обошлись с императорами Анфимием и Непотом, которых Восточная империя дала Италии по ее же просьбе. "Первого из них, - продолжал Зенон, - вы умертвили, а второго вы изгнали; но этот последний еще жив, а пока он жив, он ваш законный государь". Но осторожный Зенон скоро перестал вступаться за своего низложенного соправителя. Его тщеславие было польщено титулом единственного императора и статуями, которые были воздвигнуты в честь его в нескольких римских кварталах; он вступил в дружеские, хотя и двусмысленные, сношения с патрицием Одоакром и с удовольствием принял внешние отличия императорского звания и священные украшения трона и дворца, которые варвар был очень рад удалить от глаз народа¹²⁴).

В течение двадцати лет, протекших со смерти Валентиниана, девять императоров один вслед за другим исчезли со сцены, а юный сын Ореста, отличавшийся только своей красотой, имел бы менее всех других права на память потомства, если бы его царствование, ознаменовавшееся окончательным

уничтожением римского владычества на Западе, не заканчивало достопамятной эры в истории человеческого рода¹²⁵). Патриций Орест был женат на дочери графа *Ромула*, который был родом из Петовио, в Норики; имя *Августа* часто давалось в Аквилее, как очень обыкновенное прозвище, несмотря на то, что это очень не нравилось императорам; таким образом имена великих основателей города и монархии случайно соединились в лице последнего из их преемников¹²⁶). Сын Ореста усвоил и опозорил имена Ромула и Августа, но первое из этих имен было извращено греками в *Момила*, а второе изменено латинами в презрительное уменьшительное *Августул*. Одоакр из великодушного сострадания пощадил жизнь этого безобидного юноши, выпроводил его вместе со всем его семейством из императорского дворца, приказал выдавать ему ежегодное содержание в шесть тысяч золотых монет и назначил местом его ссылки или уединенной жизни виллу Лукулла, в Кампании¹²⁷). Лишь только римляне перевели дух после тяжелых усилий, вызванных войнами с Карфагеном, они увлеклись красотами и наслаждениями Кампании, а загородный дом старшего Сципиона в Литерне долгое время представлял образчик их деревенской простоты¹²⁸). Прелестные берега Неапольского залива покрылись виллами, и Сулла хвалил мастерский выбор своего соперника (Гая Мария Старшего, вождя популяров в нач. I в. до н. э., победителя Югурты (105 г.), тевтонов (102 г.), кимбров (101 г.), консула (107, 104 - 100 гг. до н. э.); политическое соперничество между Гаем Марием и Луцием Корнелием Суллой усилилось в конце 90-х - 80-х гг. до н. э. в связи с войной Рима с понтийским царем Митридатом VI, ведение которой сенат поручил Сулле, и обострением социально-политической борьбы в Риме. - *Прим. ред.*), поселившегося на возвышенном Мисенском мысу, откуда открывался вид на сушу и на море, окаймлявшийся горизонтом¹²⁹). Лукулл купил, по прошествии нескольких лет, виллу Мария, цена которой возросла с двух тысяч пятисот фунтов стерлингов более чем до восьмидесяти тысяч¹³⁰). Новый владелец украсил ее произведениями греческого искусства и вывезенными из Азии сокровищами; тогда дома и сады Лукулла заняли выдающееся место в списке императорских дворцов¹³¹). Когда вандалы стали наводить страх на прибрежных жителей, расположенная на Мисенском мысу Лукуллова вилла мало-по-

малу принялаи внешний вид и название укрепленного замка и, наконец, послужила убежищем для последнего западного императора. Лет через двадцать после этого великого переворота она была превращена в церковь и монастырь, и там были сложены смертные останки св. Северина. Среди полуразрушившихся трофеев, напоминавших победы над кимврами и армянами, они покоились там до начала десятого столетия, когда укрепления были скрыты неапольским населением из опасения, чтобы они послужили убежищем для Сарацинов¹³²).

Одоакр был первый варвар, царствовавший в Италии над тем народом, перед которым когда-то преклонялся весь человеческий род. Унижение, до которого дошли римляне, до сих пор возбуждает в нас почтительное сострадание, и мы были бы готовы сочувствовать скорби и негодованию их выродившихся потомков, если бы в душе этих последних действительно возникали такие чувства. Но пережитые Италией общественные бедствия заглушили гордое сознание свободы и величия. В века римской доблести провинции подчинялись оружию республики, а граждане - ее законам до той поры, когда эти законы были ниспровергнуты внутренними раздорами, а город и провинции сделались раболепною собственностью тирана. Конституционные формы, смягчавшие или прикрывавшие их гнусное рабство, были уничтожены временем и насилием; итальянцы сетовали то на присутствие, то на отсутствие монархов, которых они или ненавидели, или презирали, и в течение пяти столетий пережили все бедствия, порождаемые своеволием армии, прихотями деспотизма и тщательно выработанной системой угнетений. В тот же самый период времени варвары вышли из своей неизвестности и из своего ничтожества; германские и скифские воины были допущены внутрь римских провинций сначала как слуги, потом как союзники и, наконец, как повелители римлян, которых они то оскорбляли, то охраняли. Ненависть народа сдерживалась страхом; он уважал за мужество и за блестящие подвиги воинственных вождей, на которых возлагались высшие должности империи, и судьба Рима долго зависела от меча этих страшных пришельцев. Грозный Рицимер, попиравший своими ногами остатки прежнего величия, пользовался властью короля, не присваивая себе соответствующего титула, и терпеливые римляне были мало-помалу подготов-

лены к признанию королевской власти Одоакра и его варварских преемников.

Король Италии не был недостойн того высокого положения, до которого его возвысили мужество и счастье; грубость его манер сгладилась от привычки к общественной жизни, и, несмотря на то что он был завоеватель и варвар, он относился с уважением к учреждениям своих подданных и даже к их предрассудкам. После семилетнего перерыва Одоакр восстановил должность западного консула. Из скромности или из гордости он отклонил от себя почетное звание, от которого еще не отказывались восточные императоры; но куриальные (куриалы - высшее сословие городов Римской империи. Куриалы составляли городской совет и ведали городским управлением). Кресла были заняты, одним вслед за другим, одиннадцатую самыми знатными сенаторами¹³³), а этот список имен украшен почтенным именем Василия, снискавшего своими добродетелями дружбу и признательные похвалы своего клиента Сидония¹³⁴). Изданные императорами законы строго исполнялись, а гражданское управление было вверено преторианскому префекту и подчиненным ему чиновникам. Одоакр возложил на римских должностных лиц ненавистную и притеснительную обязанность собирать государственные доходы, но он удержал за собою право облегчать по своему усмотрению тяжесть налогов и приобретать этим путем популярность¹³⁵). Подобно всем другим варварам, он был воспитан в арианской ереси, но он относился с уважением к лицам монашеского и епископского звания, а молчание католиков свидетельствует о религиозной терпимости, которою они пользовались под его управлением. Его префект Василий вмешивался в избрание римского первосвященника только для того, чтобы охранять внутреннее спокойствие столицы, а декрет, запрещавший духовенству отчуждать свои земли, имел в виду пользу народа, благочестие которого было бы обложено сборами на покрытие церковных расходов¹³⁶). Италию охраняло оружие ее завоевателя, а так долго издевавшиеся над малодушными потомками Феодосия галльские и германские варвары не осмеливались переступить ее границ. Одоакр переехал через Адриатическое море для того, чтобы наказать убийц императора Непота и приобрести приморскую провинцию Далмацию. Он перешел через Альпы для того, чтобы вырвать остальную часть Норика из рук короля

ругиев Фавы, или Фелефея, жившего по ту сторону Дуная. Этот король был разбит в сражении и отведен в плен; Одоакр переселил в Италию многочисленную колонию из пленников и вольных людей, и Рим, после длинного ряда поражений и унижений, мог присвоить себе триумф своего варварского повелителя¹³⁷⁾.

Несмотря на благоразумие и успехи Одоакра, его королевство представляло печальное зрелище нищеты и разорения. Со времен Тиберия слышались основательные жалобы на упадок земледелия в Италии и на то, что жизнь римского населения зависела от случайного направления ветров и от бушевания морских волн¹³⁸⁾. С тех пор как империя разделилась и стала приходить в упадок, Рим лишился подати, которая взыскивалась с Египта и с Африки зерновым хлебом; вместе с уменьшением средств пропитания стало уменьшаться число его жителей, и страна истощилась от невознагражденных потерь, причиненных ей войнами, голодом¹³⁹⁾ и эпидемиями. Св. Амвросий оплакивал разорение многолюдного округа, для которого когда-то служили украшением цветущие города Болонья, Модена, Регий и Плаценция¹⁴⁰⁾. Папа Гелазий, принадлежавший к числу подданных Одоакра, утверждает, впадая в сильное преувеличение, что в Эмилии, Тоскане и соседних провинциях население почти совершенно вымерло¹⁴¹⁾. Римские плебеи, получавшие свое пропитание от своего повелителя, погибли или исчезли, лишь только прекратились его щедрые подаяния; упадок искусств довел трудолюбивых граждан до праздности и нищеты, а сенаторы, которые были способны равнодушно взирать на разорение своего отечества, оплакивали утрату своих личных богатств и своей роскошной обстановки. Из их обширных имений, когда-то считавшихся причиной разорения Италии¹⁴²⁾, третья часть была отобрана в пользу завоевателей. К материальным убыткам присоединялись личные оскорбления; сознание настоящих зол становилось еще более горьким от опасения еще более страшных несчастий; а так как правительство не переставало отводить земли для приходивших толпами новых варваров, то каждый из сенаторов имел основание опасаться, чтобы руководствовавшиеся личным произволом межевщики не приблизились к его любимому или к самому доходному из его поместий. Всех менее несчастливы были те, которые безропотно преклонялись перед властью, с

которой не были в состоянии бороться. Так как они желали жить, то они должны были относиться с некоторой признательностью к тирану, который щадил их жизнь; а так как этот тиран был полным хозяином их собственности, то они должны были принимать оставленную в их руках часть этой собственности за настоящий и добровольный дар¹⁴³). Бедственное положение Италии было облегчено благоразумием и человеколюбием Одоакра, обязавшегося, в вознаграждение за свое возвышение, удовлетворять требования бесчинных и буйных шаек. Варварские короли нередко встречали сопротивление со стороны своих туземных подданных, которые иногда низвергали их с престола, иногда убивали; а отряды италийских наемников, собиравшиеся под знаменем избранного ими военачальника, требовали для себя более широкого права бесчинствовать и грабить. Монархия, у которой не было ни этнического единства, ни наследственного перехода власти, приближалась быстрыми шагами к своему падению. После четырнадцатилетнего царствования Одоакр должен был преклониться перед более высоким гением короля остготов Теодориха - такого героя, который соединял с дарованиями полководца мудрость правителя, который восстановил внутреннее спокойствие и благоденствие и имя которого до сих пор справедливо останавливает на себе внимание человечества.

1) Сидоний Аполлинарий написал тринадцатое послание своей второй книги в опровержение парадокса своего друга Серрана, который обнаруживал хотя и благородный, но странный энтузиазм к покойному императору. При некоторой снисходительности это послание может считаться за изящное произведение; оно бросает яркий свет на характер Максима.

2) *Clientum, praevia, pedisequa, circum fusa, populositas* - так описывает Сидоний (кн. 1, *послан.* 9) свиту, окружавшую другого сенатора консульского ранга.

3) *Districtus ensis cui super impia
Cervice pendet, non Siculae dapes
Dulcem elaborabunt saporem,
Non avium citharaeque cantus
Somnum reducet.*

Горац. *Carm.* 3.1.

Сидоний оканчивает свое письмо историей Дамокла, которую Цицерон (*Tusculan.* V, 20, 21) рассказал таким неподражаемым образом.

4) Несмотря на свидетельство Прокопия, Эвагрия, Идация, Марцеллина и др., ученый Муратори (*Annali d' Italia*, том IV, стр. 249) сомне-

вается в действительности этого приглашения и очень основательно замечает: *Non si puo dir quanto sia facile il popolo a sognare e spacciar voci false*. Но вследствие истекшего с тех пор огромного промежутка времени и вследствие изменения местных условий его аргумент оказывается чрезвычайно слабым. Винные ягоды, выросшие подле Карфагена, были доставлены в римский сенат через три дня после того, как они были сорваны.

5) ...*Infidoque tibi Burgundio ductu
Extorquet trepidas mactandi principis iras.*
Сидоний, *Panegy. Avit.* 442.

Эти замечательные строчки заставляют думать, что бургундские наемные войска изменили Риму и Максиму.

6) Кажущийся успех папы Льва может быть удостоверен тем, что нам сообщают Проспер и "*Historia Micsellan*"; но неправдоподобное сообщение Барония (A.D. 455, № 13), что Гензерих пощадил три апостольские церкви, не подтверждается даже сомнительным свидетельством "*Liber Pontificalis*".

7) Расточительность Катула, впервые позолотившего крышу Капитолия, не всеми одобрялась (Плин. *Hist. Natur.*, XXXIII, 18), но она была далеко превзойдена расточительностью императоров, и наружная позолота здания обошлась Домициану в двенадцать тысяч талантов (2 400 000 фунт. ст.). Выражения Клавдиана и Рутилия (*luce metalli oemula... fastigia astris, et confundunt que vagos delubra micantia visus*) ясно доказывают, что эта великолепная крыша не была снята ни христианами, ни готами. (См. "*Roma Antiqua*" Доната, кн. 2, гл. 6, стр. 125) Следует полагать, что крыша Капитолия была украшена позолоченными статуями и изображениями колесниц с запряженными в каждую из них четверьмя конями.

8) Любопытный читатель может обратиться к ученому и тщательно обработанному трактату Адриана Реланда "*De Spoliis Templi Hierosolymitani in Arcu Titiano Romae conspicuis*", in 12-мо, *Trajecti ad Rhenum*, 1716.

9) Корабль, на котором перевозилась добыча, награбленная в Капитолии, был единственный из всего флота, потерпевший кораблекрушение. Какой-нибудь зараженный ханжеством языческий софист, упоминая об этом факте, мог бы порадоваться тому, что эта нечестивая кладь потонула.

10) *Victor Vitensis de Persecut. Vandal.*, кн. I, гл. 8, стр. 11, 12 изд. Рюинара. Деограций управлял карфагенской церковью только три года. Если бы он не был похоронен секретно, его труп был бы разорван в куски безрассудным благочестием народа. (Слова "*Deo Gratias*" были обычным приветствием между первобытными христианами. Они редко употреблялись как имя собственное, но добрый карфагенский епископ, носивший это имя, сделал его почетным. В течение пятнадцати лет ни одно лицо духовного звания не осмеливалось поселиться среди страшных вандалов, и епископская должность оставалась вакантной. Наконец, Деограций принял на себя сопряженные с ней опасности и обязанности. Гиббон, указывая на противоположность между ними и Ганнибалом, похвалил его не столько, сколько он того стоил. Он оказывал помощь, не делая никакого различия между людьми различных верований: он был арианин, а жертвы Гензерихо-

ва нашествия принадлежали к числу приверженцев Никейского символа веры. Вот почему православные писатели холодно отзывались о его благотворительности, а его собственная секта укоряла его за нежную заботливость об еретиках. Гиббон возвысил бы его гораздо более, если бы указал на контраст между его принципами и тем, как поступал точно в таком же случае Лев, прозванный Великим. Между африканцами, искавшими убежища в Риме в то время, как вандалы осаждали Карфаген, было много манихеев и последователей учения Пелагия. Вместо того чтобы выказать сострадание к этим несчастным изгнанникам, Лев приказал строго расследовать их верования, заставил подчиненное ему духовенство и истинных верующих не вступать в сношения с еретиками и исходатайствовал издание императорского декрета, в силу которого эти еретики или подвергались ссылке, или заключались в тюрьму, или подвергались иным самым жестоким строгостям. ("Lexicon" Зедлера, 17, стр. 155. Неандер, "Ист. Христ.", IV, 489, 490). Имя Деограция должно бы было стоять выше имени Льва, но оно редко встречается у древних писателей и едва ли находит для себя место у новейших церковных писателей или в биографиях замечательных людей. Впрочем, одна попытка напомнить о нем уже заслуживает благодарности. - *Издат.*)

11) О смерти Максима и разграблении Рима вандалами говорится у Сидония (Panegyг. Avit. 441-450), у Прокопия (de Bell. Vandal., кн. 1, гл. 4, 5, стр. 188, 189 и кн. 2, гл. 9, стр. 255), у Эвагрия (кн. 2, гл. 7), у Иордана (De Reb. Geticis, гл. 45, стр. 677) и в "Хрониках" Идация, Проспера, Марцеллина и Феофана под соответствующими годами.

12) Сведения о частной жизни и о возвышении Авита приходится извлекать с надлежащей осмотрительностью из панегирика, произнесенного Сидонием Аполлинарием, который был и его подданным, и его зятем.

13) По примеру Плиния Младшего Сидоний (кн. 2, гл. 2) сочинил цветистое многословное и неясное описание виллы, которая носила имя Авита (Avitacum) и составляла его собственность. Место, где она находилась, точно не указано. Впрочем, можно справиться с примечаниями Саварона и Сирмунда.

14) Сидоний (кн. 2, *послан.* 9) описал деревенскую жизнь галльской знати во время своего пребывания у одного приятеля, жившего в своем имении в окрестностях Нима. Утренние часы проводились или в том месте, которое устраивалось для игры в мяч (sphoeristerium), или в библиотеке, снабженной светскими и духовными латинскими писателями, из которых первые предназначались для мужчин, а вторые для дам. Стол накрывался два раза - для обеда и для ужина; подавались горячие блюда (вареное и жареное мясо) и вино. В промежутках или ложились спать, или катались верхом, или брали теплые ванны.

15) Семьдесят строк панегирика (505 - 575), рассказывающие о том, как Теодорих и представители Галлии старались преодолеть скромное сопротивление Авита, совершенно уничтожаются тремя словами добросовестного историка: Romanum ambisset imperium. (Григ. Турск., кн. 2, гл. II, том II, стр. 168.)

16) Архиепископ Севильский Исидор, который сам происходил от готских царей, сознает и почти оправдывает (Hist. Goth., стр. 718)

преступление, о котором раболепный Иордан из низости умалчивает (гл. 43, стр. 673).

17) Это тщательное описание (кн. 1, посл. 2, стр. 2-7) было внушено какими-нибудь политическими соображениями. Оно предназначалось для публики; друзья Сидония читали его многим, прежде чем оно было помещено в сборнике его посланий. Первая книга вышла отдельно. См. Тильемона, *Mémoires Ecclési.*, том XVI, стр. 264.

18) В этой характеристике Теодориха я выпустил несколько мелких подробностей и технических выражений, которые могли бы быть понятны только тем, кто, подобно соотечественникам Сидония, посещал рынки, на которых выставлялись для продажи голые рабы. Dubos, *Hist. Critique*, том 1, стр. 404.

19) *Videas ibi elegantiam Graecam, abundantiam Gallica nam, celeritatem Italiam; publicam pompam, privatam diligenciam, reglam disciplinam.*

20) *Tunc etiam ego aliquid obsecraturus feliciter vincor, et mihi tabula perit ut causa salvetur.* Сидоний, который был уроженцем Оверня, не принадлежал к числу подданных Теодориха; но ему, вероятно, пришлось искать при тулузском дворе справедливости или милостей.

21) Сам Теодорих торжественно и добровольно обещал свою преданность, и об этом обещании знали и в Галлии, и в Испании.

... *Romae sum, te duce, Amicus,*

Principe te, Miles.

Сидон. *Panegy. Avit.* 511.

22) *Quaeque sinu pelagi jactat se Bracara dives.* - Авзон. *De Claris Urbibus*, стр. 245. Из намерения короля свевов следует заключить, что между портами Галиции и берегами Средиземного моря поддерживались сношения морем. Корабли, выходившие из Бракары, или Браги, осторожно пробирались вдоль берегов, не отваживаясь пускаться в Атлантическое море. (Урбик называется в настоящее время Орбегой; эта река вытекает из гор Астурии, направляется к югу, и к ней присоединяется Эсла, а затем совокупное течение этих рек, пробежав по провинции Леону, впадает в Дуро при Заморе. Брага, принадлежащая в настоящее время к числу самых значительных городов Португалии, носила римское название *Bracara Augusta*. Местом, где Рекиарий сел на корабль, вероятно, было *Calle*, у устья Дуро; теперь там находится хорошо известная гавань Оporto. - *Издат.*)

23) Описание этой войны со свевами составляет самую достоверную часть хроники Идация, который, будучи епископом в *Iria Flavia*, сам был ее свидетелем и пострадал от нее. Иордан (кн. 44, стр. 675-677) охотно входит в подробности, говоря о победе готов. (Идаций провел три месяца в плену у свевов в то время, как они находились под властью Фрумария. Палланция, которую он называет *Palantina civitas*, носит теперь название Поленции; она лежит к северу от Вальядолида. Селение Падрон, находящееся на юге от Сантьяго-де-Компостелла, носило в древности название *Iria Flavia*. - *Издат.*)

24) Эта статуя была поставлена в одном из портиков или галерей, принадлежавших к библиотеке Траяна, в числе статуй знаменитых писателей и ораторов. Сидон. *Аполл.*, кн. 9, *послан.* 16, стр. 284. *Carm.* 8, стр. 350.

25) *Luxuriose agere volens a senatoribus projectus est* - таково сжатое выражение Григория Турского (кн. 2, гл. 11, том II, стр. 168). Одна древняя хроника (том II, стр. 649) упоминает о неприличной шутке Авита, по-видимому применимой скорее к Риму, чем к Триру.

26) Сидоний (*Panegyг. Anthem. 302* и сл.) восхваляет царственное происхождение Рицимера и даже намекает на то, что его следует считать законным наследником престолов и готского, и свевского.

27) См. "Хронику" Идация. Иордан (гл. 44, стр. 676) называет его не без некоторого основания *virum egregium, et poene tunc in Italia ad exercitum singularem*.

28) *Parcens Innocentiae Aviti* - в таких словах, отзывающихся и состраданием, и презрением, выражается Виктор Тунисский (*Victor Tunnunensis, in: Chron. apud Scaliger. Eused.*). В другом месте он называет его *vir totius simplicitatis*. Это - более скромная похвала, но она более основательна и более искренна, чем похвалы Сидония.

29) Он претерпел мученичество, как полагают, во время гонений Диоклетиана. (Тильмон, *Mém. Ecclés.*, том V, стр. 279, 696.) Питавший к нему особое уважение Григорий Турский посвятил восхвалению Юлиана Мученика целую книгу (*De Gloria Martyrum*, кн. 2, In *Max. Biblioth. Patrum*, том XI, стр. 861-871), в которой описывает около пятидесяти нелепых чудес, совершенных мощами этого святого.

30) Григорий Турский (кн. 2, гл. II, стр. 168) кратко, но верно описывает царствование своего соотечественника. Выражения Идация *caret imperio, caret et vita* заставляют думать, что смерть Авита была насильственная; но это насилие, должно быть, было совершено в тайне, так как Эвагрий (кн. 2, гл. 7) высказывает предположение, что Авит умер от моровой язвы.

31) Вслед за скромной ссылкой на примеры своих собратьев Вергилия и Горация, Сидоний чистосердечно сознает свой долг и обещает уплатить его:

Sic mihi diverso nuper sub Marte cadenti

Jussisti placido victor ut essem animo.

Serviat ergo tibi servati lingua poetae,

Atque meae vitae laus tua sit pretium.

Сидон. Аполл. *carm. 4*, стр. 308.

См. *Dubos, Hist. Critique*, том I, стр. 448 и сл.

32) Слова Прокопия стоят того, чтоб их цитировать...

(*De Bell. Vandal.*, кн. 1, гл. 7, стр. 194); - вот сжатое, но выразительное определение царских добродетелей.

33) Этот панегирик был произнесен в Лионе в конце 458 года, в то время как император еще был консулом. В нем видно более искусства, чем гения, и более труда, чем искусства. Украшения или натянуты, или тривиальны, выражения или слабы, или многословны, и у Сидония видно неумение выставить главную фигуру в ярком и ясном свете. Описание частной жизни Майориана занимает около двухсот строк, 107-305.

34) Она настоятельно требовала его казни и не была вполне удовлетворена его опалой. Аэций, подобно Велисарию и Марльборо, как кажется, во всем подчинялся влиянию своей жены, которая отличалась пылким благочестием, хотя и совершавшим чудеса (Григ. Тур.

кн. 2, гл. 7, стр., 162), но тем не менее уживавшимся с низкими и кроважными замыслами.

35) Алеманны перешли через Рецийские Альпы и были разбиты на Campi Canini или долине Беллинцона, по которой течет Тессин, направляясь с гор Адулы к Лаго Маджоре (Клюв. Italia Antiq., том 1, стр. 100, 101). Восхваление победы, одержанной над девятьюстами варварами (Panegyг. Majorian. 373 и сл.), обнаруживает крайнее истощение Италии.

36) Imperatorem me factum P.C. electionis vestrae arbitrio, et fortissimi exercitus ordinatione agnoscite (Novell. Majorian. тит. 3, стр. 34, ad calcem Cod. Theodos). Сидоний говорит о единодушном желании всей империи:

... Postquam ordine vobis

Ordo omnis regnum dederat; plebs, curia, miles,

Et collega simul. . . . 386.

Эти выражения носят на себе отпечаток старины и уважения к конституции; мы можем также заметить, что духовенство еще не считалось за особое сословие в государстве. (Неточные выражения поэта не дают права на такой определенный вывод. В общепринятом смысле слов христианское духовенство давно уже составляло "особое сословие в государстве". Это вполне доказано Неандром ("Ист. Христ.", ч. 3, стр. 195, 197, 207.) И нельзя сказать, чтоб вышеприведенные выражения Сидония были согласны с конституцией. Конституция императорского Рима никогда не давала ни народу, ни армии права участия в избрании императоров; это право было предоставлено сенату, и, хотя сенат на самом деле не всегда мог им пользоваться, оно с формальной стороны уважалось до конца. Что касается Авита, то miles, которым он был обязан своим возведением на престол, были готские солдаты Теодориха; а в пользу Майориана могли бы подавать голоса лишь наемные чужеземцы, вмешательство которых не могло быть допущено конституцией. - Издат.)

37) Можно читать dilationes и delationes; но в последнем слове более смысла и выразительности; потому я отдал ему предпочтение.

38) "Ab externo hoste et a domestica clade liberavimus"; под этими последними словами Майориан, должно быть, разумел тиранию Авита; стало быть, он считал казнь Авита за похвальное дело. Касательно этого предмета Сидоний выражается и боязливо, и неясно; он распространяется о двенадцати Цезарях, об африканских народах и пр. для того, чтобы избежать необходимости произносить опасное имя Авита (305-369).

39). См. содержание этого Майорианова эдикта или послания к сенату в Novell., тит. 4, стр. 34. Впрочем, выражение regnum nostrum носит на себе некоторый отпечаток того времени и не гармонирует с часто употребляемым словом respublica.

40) См. постановления Майориана (их только девять, но они очень длинны и разнообразного содержания) в конце "Кодекса" Феодосия, Novell. кн. 4, стр. 32-37. Годефруа не присовокупил никаких комментариев к этим добавочным актам.

41) Fessas provincialium varia atque multiplici tributorum exactione fortunas, et extraordinariis fiscalium solutionum oneribus attritas, etc. Novell. Majorian., тит. 4, стр. 34.

42) Ученый Гривс (Greaves, ч. 1, стр. 329-331), открыл путем старательных исследований, что ауре Антонинов весили сто восемнадцать английских гранов, а такие же монеты пятого столетия только шестьдесят восемь. Майориан приказал принимать в уплату все монеты старинного чекана, за исключением только *Galic solidus*, не потому, что его вес был недостаточен, а потому, что его проба была не надлежащая.

43) Весь этот эдикт (Novell. Majorian., тит. 6, стр. 35) интересен: *Antiquarum aedium dicipatur speciosa constructio; et ut aliquid reparetur, magna diruuntur. Hincjam occasio nascitur, ut etiam unusquisque privatum aedificium construens, per gratiam iudicum... prae sumere de publicis locis necessaria, et transferre non dubitet, etc.* - Петрарка высказывал в четырнадцатом веке те же жалобы с таким же жаром, но не с такой же энергией (*Vie de Petrarque*, том 1, стр. 326, 327). Если я доведу до конца эту историю, я не забуду упадка и разрушения Рима, так как это очень интересный сюжет, которым я первоначально предполагал ограничиться.

44) Император обращается к консулу Тосканы Рогациану за его снисходительность с такими язвительными упреками, которые отзываются личным озлоблением (Novell., тит. 9, стр. 37). Закон Майориана, подвергавший наказанию упорствовавших вдов, был скоро отменен его преемником Севером (Novell., тит. 1, стр. 37).

45) Сидон. Panegyrg. Majorian. 385-440.

46) Смотр армии и переход через Альпы составляют содержание тех частей Панегирика, которые более других сносны (470-552). *De Buat* (*Hist. des Peuples, etc.*, том VIII, стр. 49-55), как комментатор, более удовлетворителен, чем Саварон или Сирмунд.

47) Таково основательное и резкое отличие, на которое указывает Приск (*Excerpt. Legat.*, стр. 42) в коротеньком отрывке, бросающем яркий свет на историю Майориана. Иордан умолчал о поражении вестготов и о заключении с ними союза, хотя об этом было объявлено в Галиции во всеобщее сведение и об этом говорится в хронике Идация.

48) *Florus*, кн. 2, гл. 2. Он забавляет себя поэтическим вымыслом, будто деревья внезапно превратились в корабли; действительно, весь ход этого дела, в том виде как он описан в первой книге Полибия, слишком мало похож на обычный ход человеческих дел.

49)

*Interea duplici tæxib. dum littore classem
Inferno superoque mari, cadit omnis in æquor
Sylva tibi. etc...*

Сидон. Panegyrg. Majorian. 441-461.

Число кораблей, доходившее, по словам Приска, до трехсот, было преувеличено неопределенным сравнением с флотом Агамемнона, Ксеркса и Августа.

50) Прокопий, *de Bell. Vandal.*, кн. 1, гл. 8, стр. 194. Когда Гензерих привел в карфагенский арсенал гостя, настоящее имя которого он не знал, то сложенное там оружие стало само собою ударяться одно о другое. Майориан выкрасил свои белокурые волосы в черный цвет.

51)... *Spoliisque potitus*

Immensis, robur luxu jam perdidit omne,

Quo valuit dum pauper erat.

Panegyг. Majorian. 330.

Затем он, как кажется, без всякого основания приписывает Гензериху пороки его подданных.

52) Он сжег селения и отравил родники (Приск, стр. 42). Дюбо (Hist. Critique, том 1, стр. 475) замечает, что от его разрушительных поисков могли спастись те запасы, которые закапывались маврами в землю. Мавры имели обыкновение выкапывать на одном поле по двести или триста ям, в каждой из которых умещалось, по меньшей мере по четыреста четвериков зернового хлеба. "Путешествия" Шо (Shaw), стр. 139.

53) Идаций, живший в Галиции вне сферы влияния Рицимера, смело и добросовестно говорит: *Vandali per proditores admoniti*, etc. Впрочем, он не называет изменника по имени.

54) Прокоп. de Bell. Vandal., кн. 1, гл. 8, стр. 194. Свидетельство Идация отличается откровенностью и беспристрастием: *Majorianum de Gallitis Romam redeuntem, et Romano Imperio vel nomini resnecessarias ordinantem, Richimer livore percitus, et invidiorum consilio fultus, fraude interficit circumventum*". Некоторые читают *Suevorum*, а я готов бы был оставить оба эти слова, так как они указывают на различных сообщников, участвовавших в заговоре против Майориана.

55) См. "Эпиграммы" Эннодия, № 135, в Собрании сочинений Сирмунда, том 1, стр. 1903. Они бесцветны и туманны; но Эннодий был назначен епископом в Павию через пятьдесят лет после смерти Майориана, и его похвалы заслуживают доверия и внимания.

56) Сидоний вяло описывает (кн.1, послан. II, стр. 25-31) ужин в Арле, на который пригласил его Майориан незадолго до своей смерти. Он не имел намерения хвалить покойного императора; но следующее, случайно высказанное, беспристрастное замечание: *Subrisit Augustus; uteral, auctoritateservata, cum se communioni dedisset, joci plenus* - перевешивает шестьсот строк его продажного панегирика.

57) Сидоний (Panegyг. Anthem. 317) отправляет его прямо на небеса. *Auxerat Augustus naturae lege Severus*

Divorum numerum...

А в старинном списке императоров, составленном во времена Юстиниана, восхваляется его благочестие и говорится, что его резиденцией был Рим. (Sirmond, Not.ad Sidon., стр. 111, 112.)

58) Тильмон, которого всегда приводят в негодование рассказы о добродетелях людей, не верующих во Христа, приписывает это благоприятное описание личности Марцеллина (которое дошло до нас благодаря Свидасу) пристрастному усердию какого-нибудь языческого историка. Hist. des Empereurs, том VI, стр. 330.

59) Прокопий, de Bell. Vandal., кн. 1, гл.6, стр.191. В том, что касается различных подробностей жизни Марцеллина, не легко согласовать греческого историка с латинскими хрониками того времени.

60) Я полагаю, что следует относить к Эгидию похвалы, расточаемые Сидонием (Panegyг. Majorian. 553) безымянному военачальнику, который командовал арьергардом у Майориана. Идаций, на основании слухов, хвалит его за христианское благочестие, а Приск (стр.42) говорить о его воинских доблестях.

61) Григ. Тур., кн. 2, гл. 12, том 11, стр. 168. Отец Даниил, обладавший поверхностными историческими сведениями, которые он приобрел не из первоначальных источников, высказал некоторые возражения против истории Хильдериха (*Hist. de France*, том 1, *Preface Historique*, стр. 78 и сл.), но их основательно опровергли: Дюбо (*Hist. Critique*, том 1, стр. 460-510) и два писателя, состязавшиеся из-за премии, назначенной Суассонской академией (стр. 131-177, 310-339). Что касается продолжительности изгнания Хильдериха, необходимо или продлить жизнь Эгидия более того времени, которое указано хроникой Идация, или исправить текст Григория, заменив слова *octavo anno* словами *quarto anno*.

62) О том, как вел Гензерих морские войны, рассказывают: Приск (*Excerpta Ledation.*, стр. 42), Прокопий (*de Bell. Vandal.*, кн. 1, гл. 5, стр. 189, 190 и гл. 22, стр. 228), Виктор Витенский (*de Persecut. Vandal.*, кн. 1, гл. 17, Рюинар, стр. 467-481) и три панегирика Сидония, хронологический порядок которых странно перепутан в изданиях Саварона и Сирмунда. (*Avit. Carm.* 7, 441-451; *Majorian. Carm.* 5, 327-350, 385-440. *Anthem. Carm.* 2, 348-386.) В одном месте поэт как будто воодушевляется своим сюжетом и выражает сильную мысль в живописной форме:

... Hinc Vandalus hostis

Urget; et in nostrum numerosa classe quotannis

Militat excludium; conversoque ordine Fat

Forrida Caucaseos infert mihi Byrsa furores.

63) Даже поэт был вынужден сознаться, что положение Рицимера было очень затруднительное:

Praeterea invictus Ricimer, quem publica fata

Respiciunt, proprio solus vix Marte repellit

Piratam per rura vagum...

Италия обращается со своими жалобами к Тибру, а Рим, по просьбе речного бога, отправляется в Константинополь, отказывается от своих старинных притязаний и ищет дружбы восточной богини Авроры. Этими мифологическими вымыслами пользовался и злоупотреблял гений Клавдиана, а для музы Сидония они служат постоянным и жалким ресурсом.

64) Оригинальные произведения, в которых шла речь о царствовании Маркиана, Льва и Зенона, дошли до нас в урезанных отрывках; поэтому для восполнения пробелов приходится прибегать к позднейшим компиляциям Феофана, Зонары и Цедрена.

65) Св. Пульхерия кончила жизнь в 453 г., то есть за четыре года до смерти своего номинального супруга; новейшие греки празднуют ее память 10 сентября; она завещала громадное состояние на дела благочестия или на пользу церкви. См. *Memoires Eccles.* Тильемона, том XV, стр. 181, 184.

66) См. Прокопия, *de Bell. Vandal.*, кн. 1, гл. 4, стр. 185. (Рассказы о нахождении Маркиана в плену и о данном им обещании, похожи на правду. Хотя он в ту пору не был в таких молодых летах, в каких Аэций жил среди готов, он, подобно Аэцию, приобрел от своих грубых наставников качества, сделавшие его способным исполнять обязанности достигнутого им высокого положения с таким достоинством, которое затмевало выродившихся потомков Феодосия. И нель-

зя сказать, чтобы он выносил то грубое обхождение, которому будто бы подвергался всякий, кто попадал в плен к вандалам. Однажды, когда он отдыхал на открытом воздухе под жгучими солнечными лучами, проходивший мимо Гензерих увидел орла, парившего над спавшим пленником. Король вандалов принял это за счастливое предзнаменование, разбудил любимца фортуны и дал ему свободу, предварительно взяв с него торжественную клятву, что, когда он будет императором, он не будет предпринимать войн с вандалами. Этот анекдот бросает на характер Гензериха отпечаток мягкости, очищает его манеру вести войны от тех ужасов, которыми ее обезображивали, и еще раз доказывает, что сношения с грубыми варварами скорее способствовали, чем препятствовали, цивилизации. - *Издат.*)

67) Из того, что это служило препятствием для возведения Аспара на престол, можно заключить, что пятно *раскола* было вечным и неизгладимым, между тем как пятно *варварства* исчезало во втором поколении.

68) Феофан, стр. 95. Это, как кажется, был первый пример того обряда, который впоследствии исполнялся всеми христианскими монархами и из которого духовенство извлекло самые опасные результаты.

69) Cedrenus (стр. 345, 346), который был знаком с писателями более блестящей эпохи, сохранит для нас следующие замечательные слова Аспара: *Basileu ton tauten ten alurgida peribebllimenon on Chre diapseudestha*; (греч.)

70) Могущество исавров тревожило Восточную империю при двух следующих императорах - Зеноне и Анастасии, но оно окончилось истреблением этих варваров, сохранявших свою самостоятельность в течение почти двухсот тридцати лет.

71)...*Tall tu civis ab urbe*

Procopio genitore micas; cui prisca propago

Augustis venit a proavis.

Вслед за тем поэт (Сидон. *Panegy. Anthem.* 67-306) описывает частную жизнь и судьбу будущего императора, с которым он, должно быть, был очень мало знаком.

72) Сидоний не без остроумия уверяет, что это разочарование придало новый блеск добродетелям Анфимия (210 и сл.), отказавшегося от одного престола и неохотно вступившего на другой (22 и сл.).

73) Поэт также воспевает единодушие всех сословий (15-22), а "Хроника" Идация говорит о военных силах, которые сопровождали нового императора.

74) *Interveni autem nuptiis patricii Ricimeris, cui filla perennis Augusti in spem publicae securitatis copulabatur.* Путешествие Сидония от Лиона до Рима и римские празднества описаны довольно живо. Кн. I, *послан.* 5, стр. 9-13; *послан.* 9, стр. 21.

75) Сидоний (кн. 1, *послан.* 9, стр. 23, 24) откровенно описывает мотивы своего образа действий, свои труды и полученную награду: *Hicipse Panegyricus, sinon iudicium, certe eventum, boni operis accepit.* Он был назначен Клермонским епископом в 471 г. *Mém. Eccles. Тильмона*, том XVI, стр. 750.

76) Дворец Анфимия стоял на берегу Пропонтиды. В девятом столетии, зять императора Феофила Алексий получил позволение купить

эту землю и кончил свою жизнь в монастыре, основанном им на этом живописном месте. Дюканж, Constantinopolis Christiana, стр.117-152.

77) Папа Hilarus... apud beatum Petrum Apostolum, palam ne id fieret, claravoce constrinxit, in tantum ut non ea facienda cum interpositione juramenti idem promitteret Imperator. Гелазий, Epistol. ad Andronicum, apud Baron. A.D. 467, № 3. Кардинал замечает с некоторым удовольствием, что было гораздо легче ввести какую-нибудь ересь в Константинополь, чем в Рим.

78) Дамаский, в "Жизнеописании философа Исидора", apud Photium, стр.1049. Дамаский, живший в царствование Юстиниана, написал другое сочинение, заключающее в себе пятьсот семьдесят сверхъестественных рассказов о духах, демонах, видениях и других бреднях платоновского язычества.

79) В поэтических произведениях Сидония, которые он впоследствии сам признавал негодными (кн. 9, посл. 16, стр. 285), баснословные боги являются главными действующими лицами. Если Иероним был больно высечен ангелами только за то, что читал Вергилия, то епископ Клермонский стоил того, чтобы Музы еще более высекли его за рабское подражание.

80) Овидий (Fast., кн.2, стр. 267-452) забавно описал безрассудства древних, еще внушавшие такое уважение, что важный сановник, бегавший голым по улицам, не возбуждал ни удивления, ни смеха.

81) См. Дионис. Галикарн. Кн.1, стр.25-65, изд. Гудсона. Римские антиквариации Донат (кн.2, гл.18, стр.173, 174) и Нардини (стр.386, 387) старались в точности определить место Луперкала.

82) Бароний издал извлеченное им из рукописей Ватикана послание папы Гелазия (A.D. 496, № 28-45), которое носит следующее заглавие: Adversus Andromachum Senatorem, caeterosque Romanos, qui Lupercalla secundum morem pristinum colenda constiuebant. Гелазий постоянно держится предположения, что его противники только по имени христиане, и, чтобы не отставать от них в нелепости предрассудков, приписывает этим безвредным празднествам все общественные бедствия того времени.

83) Itaque nos quibus totius mundi regimen commisit superna provisio... Pius et triumphator semper Augustus filius noster Anthemius, licet Divina Majestas et nostra creatio pietati ejus plenam Imperii commiserit potestatem, etc... Таков возвышенный слог Льва, которого Анфимий почтительно называет Dominus et Pater meus Princeps sacratissimus Leo. См. Novell. Anthem., тит. 2, 3, стр. 38, ad calcem God.Theod.

84) Об экспедиции Гераклия до нас дошли сбивчивые сведения (Тильмон, Hist. des Empereurs, том VI, стр. 640), и нужна большая осмотрительность, чтобы при передаче сообщаемых Феофаном подробностей не впасть в противоречие со свидетельством Прокопия, которое заслуживает большего доверия.

85) Переход Катона из Береники, находившейся в провинции Кирен, был гораздо длиннее, чем переход Гераклия из Триполи. Он прошел через песчаную степь в тридцать дней и кроме обыкновенных съестных припасов должен был взять с собою множество наполненных водой кожаных мешков и нескольких Psylli, обладавших, как полага-

ли, искусством высасывать яд из ран, нанесенных укушением местных змей. См. Плутарха in Caton.Uticens., том IV, стр. 275. Страбон, "География", кн.17, стр.1193.

86) Общая сумма расходов с точностью указана Прокопием (de Bell.Vandal. кн.1, гл.6, стр.191); входившие в ее состав части, о которых Тильемон (Hist. des Empereurs, том VI, стр.396) старательно извлек сведения из произведений византийских писателей, менее точно определены и менее интересны. Историк Малх оплакивал общую нищету (Excerpt. ex Suida in Corp. Hist. Byzant., стр. 58); но он, конечно, был не прав, когда обвинял Льва в накоплении сокровищ, собранных вымогательством с народа.

87) Этот мыс находится в сорока милях от Карфагена (Прокоп., кн.1, гл.6, стр.192) и в двадцати лье от Сицилии. (Shaw's Travels, стр.89). Сципион высадился, глубже войдя в залив, - у мыса Красивого; см. оживленное описание Ливия, XXIX, 26,27.

88) Феофан (стр.100) утверждает, что у вандалов было потоплено много кораблей. Слова Иордана (de Successione Regn.), что Вассилиск напал на Карфаген, должны быть истолкованы в очень измененном смысле.

89) Damasclus in Vit. Isidor. apud Phot., стр.1048. Из сравнения трех кратких хроник того времени можно заключить, что Марцеллин сражался вблизи от Карфагена и что он был убит в Сицилии.

90) Касательно африканской войны см. Прокопия (de Bell. Vandal. кн.1, гл.6, стр.191-193), Феофана (стр.99-101), Цедрена (стр.349, 350) и Зонару (том II, кн.14, стр.50, 51). Монтестье (Considerations sur la Grandeur etc., гл.20, том III, стр.497) высказал основательное мнение о неуспехе этих обширных морских вооружений.

91) Иордан служит для нас самым надежным руководителем при описании царствований Теодориха II и Эврика (De Rebus Geticis, гл.44-47, стр.675-681). Идаций кончает свой рассказ слишком рано, а Исидор очень скуп на те сведения, которые он мог бы доставить нам о ходе дел в Испании. События, касающиеся Галлии, тщательно выяснены в третьей книге аббата Дюбо. Hist. Critique, том I, стр.424-620.

92) См. Mariana, Hist. Hispan., том I, кн.5, гл.5, стр.162.

93) Неполное, но оригинальное описание Галлии, и в особенности Оверня, можно найти у Сидония, который был глубоко заинтересован в судьбе своего отечества сначала в качестве сенатора, а впоследствии в качестве епископа. См. кн.5, послан. 1, 5, 9 и сл.

94) Сидоний, кн.3, посл.3, стр.65-68. Григор. Тур. кн.2, гл.24, том II, стр.174. Иордан, гл.45, стр.675. Быть может, Эдидий был сын жены Авита от ее первого мужа.

95) Sinullae a republica vires, nulla praesidia, si nullae, quantum rumor est, Anthemii principes opes, statuit, te auctore, nobilitas seu patriam dimittere, seu capillos (Сидон., кн. 2, послан. 1, стр. 33). Под этими последними словами (Sirmond, Not., стр.25) можно также разуметь посвящение в духовный сан, которое состоялось по желанию самого Сидония.

96) Историю этих британцев можно проследить по сочинениям Иордана (гл.45, стр.678), Сидония (кн.3, послан.9, стр.73, 74) и Григория Турского (кн.2, гл.18, том II, стр.170). Сидоний (называющий эти на-

емные войска *argutos, armatos, tumultuosos, virtute, numero, contubernio, contumaces*) обращается к их главнокомандующему в дружеском и фамильярном тоне. (Британцы, отстаивающие в ту пору свою собственную независимость, не могли прислать вспомогательный отряд из 1200 человек под начальство одного из своих королей на помощь к разрушавшейся империи, которую они сами незадолго перед тем так жалобно молили о помощи. Эти мнимые британцы были жившие в Арморике бретонцы. В опровержение такого мнения нельзя найти ни одного слова в кратком рассказе Иордана; с другой стороны, это мнение подтверждается тем, что пишет Сидоний. Послание "Rlothamo suo" было, очевидно, адресовано не к какому-нибудь прибывшему издалека иноземцу, а к такому человеку, с которым писатель давно уже поддерживал дружеские сношения во время своих странствий по Галлии; и в этом послании и в некоторых других случаях (*посл. кн. 1, 7 и кн. 9, 9*) он так отзывается о "Britannos", что делавший к его сочинениям заметки Сирмунд (*Not. стр. 16*) считает их за "Britones Gallicos", Armoricos и предостерегает читателя, чтобы он не принял их за пришельцев с острова Британии. - *Издат.*)

97) См.: Сидоний, кн. 1, послан. 7, стр. 15-20 с примечаниями Сирмунда. Это письмо делает честь и его сердцу, и его уму. Хотя проза Сидония и страдает от дурного вкуса и натянутости, она все-таки гораздо лучше его пошлых стихов.

98) Когда Капитолий перестал считаться за храм, его приспособили для помещения гражданских должностных лиц, и он до сих пор служит местом жительства для одного из римских сенаторов. Странствующим торговцам дозволяли выставлять их ценные товары под портиками.

99) Haec ad regem Gothorum chartav idebatur emitti, pacem cum Graeco Imperatore dissuadens, Britannos super Ligerim sitos impugnari oportere demonstrans, cum Burgundionibus jure gentium Gallias dividi debere confirmans.

100) Senatus consultum Tiberianum (Sirmond *Not.*, стр. 17); впрочем, этот закон назначал только десятидневный промежуток времени между смертным приговором и его исполнением; остальные двадцать дней были прибавлены в царствование Феодосия. (Этот дополнительный закон был издан Феодосием в виде охраны от взрывов гнева вроде тех, которые были причиной резни в Фессалонике. См. гл. 27, ч. 3, стр. 259. - *Издат.*)

101) Catilina seculi nostri. Сидоний, кн. 2, послан. 1, стр. 33; кн. 5, послан. 13, стр. 143; кн. 7, послан. 7, стр. 185. Он с отвращением отзывается о преступлениях Сероната и одобряет его казнь, быть может, с негодованием добродетельного гражданина, а быть может, и с мстительностью личного врага.

102) В царствование Анфимия Рицемер разбил и убил короля аланов Беоргора (Иордан, гл. 45, стр. 678). Его сестра была замужем за королем бургундов, и он поддерживал дружеские сношения с колонией свевов, поселившейся в Паннонии и в Норике.

103) Galatam concitatum. Сирмунд (в своих примечаниях к сочинениям Эннодия) относит это прозвище к самому Анфимию. Император, вероятно, был родом из провинции Галатии; ее галло-греческое на-

селение, как полагали, соединило пороки дикарей с пороками цивилизованных, но развращенных народов.

104) Епифаний был епископом в Павии в течение тридцати лет (467-497 гг.; см. Тильемона: *Mém. Ecclés.*, том XVI, стр. 788). И его имя, и его деяния остались бы неизвестными для потомства, если бы один из его преемников - Эннодий не написал его биографию (*Sirmond, Opera*, том. 1, стр. 1647-1692), в которой представляет его одним из самых великих людей того времени. (События того времени, по-видимому, подтверждают то, что говорит об Епифании его биограф. Это была если не блестящая, то симпатичная личность. Он из своих собственных доходов помогал исправлению поврежденных в Павии зданий, выкупал пленных из рабства, охотно содействовал восстановлению мира и иногда мирил враждовавших вождей. Тот факт, что другие церковные писатели не упоминают его имени, говорит в его пользу; он не прославил себя никаким актом религиозной нетерпимости, за который мог бы удостоиться сопричисления к лику святых. - *Издат.*)

105) Эннодий (стр. 1659-1664) описал это посольство Епифания, и, хотя его рассказ многословен и сбивчив, он все-таки уясняет некоторые интересные подробности касательно распада Западной империи.

106) Приск, *Excerpt. Legation.*, стр. 74. Прокопий, *de Bell. Vandal.*, кн. 1, гл. 6, стр. 191. Евдокия и ее дочь были возвращены из плена после смерти Майориана. Быть может, Олибрий получил консульское звание (A. D. 464) в качестве свадебного подарка.

107) Время прибытия Олибрия определяется (что бы ни думал Пажи) продолжительностью его царствования. О тайной потачке со стороны Льва говорят и Феофан, и "Пасхальная Хроника". Нам неизвестны мотивы Льва, но наше незнание распространяется даже на самые важные и публично совершавшиеся события того времени.

108) Из четырнадцати частей, или кварталов, на которые Рим был разделен Августом, только один Яникул находится на тосканской стороне Тибра. Но в пятом веке Ватиканское предместье равнялось своими размерами значительному городу; а при церковном разделении города на части, которые было сделано недавно по распоряжению папы Симплиция, два из семи римских кварталов, или приходов, были приписаны к церкви Св. Петра. См. "*Roma Antica*" Нардини, стр. 67. Мне пришлось бы писать очень длинную и скучную диссертацию, если бы я захотел выяснить все те пункты, в которых я уклоняюсь от топографии этого ученого римлянина.

109) *Nuper Anthemii et Ricimeris civili furore subversa est.* Gelasius, in *Epist. ad Andromach.* apud Baron. A. D. 496, № 42, Сироний (том 1, кн. 14 de *Occidentali Imperio*, стр. 542, 543) и Мупатори (*Annali d'Italia*, том IV, стр. 308, 309) выяснили подробности этого кровавого события при помощи более полного манускрипта, см.: *Historia Miscella*.

110) Такова была *saeva ac deformis urbe tota facies*, когда войска Веспасиана напали на Рим и взяли его приступом (См. "Истор." Тацита, III, 82, 83); с тех пор все поводы для причинения вреда ближнему значительно усилились. Во все века случаются перевороты, сопровождаемые такими же общественными бедствиями, но не во все века появляются Тациты для описания этих переворотов.

111) См. Дюканжа, *Familiae Byzantin.*, стр. 74, 75. Ареобинд, который, как кажется, был женат на племяннице императора Юстиниана, был восьмым потомком старшего Феодосия.

112) Последние перевороты, происходившие в Западной империи, слегка упомянуты у Феофана (стр. 102), у Иордана (гл. 45, стр. 679), в хронике Марцеллина и в отрывках анонимного автора, которые Валуа поместил в конце произведения Аммиана (стр. 716, 717). Если бы Фотий не был, к сожалению, так краток, мы могли бы извлечь много сведений из современных ему историй Малха и Кандида. См. его *Извлечения*, стр. 172-179.

113) Григ. Турск., кн. 2, гл. 28, том II, стр. 175. Dubos, *Hist. Critique*, том 1, стр. 613. Вследствие смерти или умерщвления двух его братьев Гундобальд сделался единственным владельцем Бургундского королевства, разрушение которого ускорили их раздоры.

114) Julius Nepos armis pariter summus Augustus ac moribus. Сидоний, кн. 5, посл. 16, стр. 146. Непот дал Экдицию титул патриция, который был ему обещан Анфимием, - *decessoris Anthemii fidem absolvit*. См. кн. 8, посл. 7, стр. 224.

115) Епифаний был отправлен от Непота послом к вестготам с целью установить *fines Imperii Italici*. (Эннодий, in: Sirmond, том 1, стр. 1665-1669.) Его трогательная речь не выдала постыдной тайны, которая вскоре вслед за тем вызвала основательные и горькие жалобы со стороны епископа клермонского.

116) Malchus, apud Phot., стр. 172. Энод. *Эпиграм.* 1. 82, in Sirmond *Opus.*, том 1, стр. 1879. Впрочем, есть некоторое основание сомневаться в том, что император и архиепископ были одно и то же лицо. (По словам Зедлера, на которого можно положиться, потому что его авторитет всегда оказывается надежным, экс-император Гликерий умер епископом салонским в 480 году (Lexicon, 10, 1729). Но (ib. 23, 1750) он подстрекал на умерщвление Юлия Непота. Марцеллин (Chron. ad cons. Basilii) говорит, что это преступление было совершено двумя из его *comites* - Виатором и Овидой. Кассиодор называет этого последнего Овдий. - *Издат.*)

117) Наши сведения о наемниках, ниспровергнувших Западную империю, заимствованы от Прокопия (*De Bell. Gothico*, кн. 1, гл. 1, стр. 308). И общее распространенное мнение и новейшие историки выставляют Одоакра в ложном свете *иностранца и короля*, вторгнувшегося в Италию с армией из чужеземцев, его подданных по рождению.

118) Orestes, qui eo tempore quando Attila ad Italiam venit, se illi junxit, et ejus notarius factus fuerat. Аноним, автор у Валуа, стр. 716. Он ошибается в указании времени, но мы можем верить ему в том, что секретарь Атилы был отцом Авгулула.

119) См.: Эннодий (in: Vit. Epiphan. Sirmond, том 1, стр. 1669, 1670). Он придает еще более достоверности рассказу Прокопия, хотя мы и сомневаемся в том, что действительно дьявол внушил мысль об осаде Павии для того, чтобы сделать неприятность епископу и его пастве.

120) Иордан, гл. 53, 54, стр. 692-695. Де Бюа (*Hist. des Peuples de l'Europe*, том VIII, стр. 221-228) удовлетворительно объяснил факты, касающиеся происхождения и приключений Одоакра. Я почти готов

верить, что он был тот, кто ограбил Анжер и начальствовал над флотом саксов, занимавшихся грабежом на океане. Григ. Тур., кн. 2, гл. 18, том II, стр. 170.

121) *Vade ad Italiam, vade vilissimis nunc pellibus cospertis: sed multis cito plurima largiturus.* Anonym. Vales., стр. 717. Он делает ссылки на биографию св. Северина, которая дошла до нас и в которой есть много малоизвестных и ценных исторических фактов; она была написана его учеником Евгиппием (A.D. 511) через тридцать лет после его смерти. См. Тильемона, *Mém. Ecclés.*, том XVI, стр. 168-181.

122) Феофан, называющий его готом, утверждает, что он был воспитан и вскормлен (*traphentos*) в Италии (стр. 102), а так как это энергичное выражение нельзя принимать в буквальном смысле, то под ним следует понимать продолжительную службу в императорской гвардии.

123) *Nomen regis Odoacer assumpsit, cum tamen neque purpura nec regalibus uteretur insignibus.* Кассиодор, in: *Chron.* A. D. 476. Он, как кажется, принял отвлеченный титул короля, не относя его ни к какой особой нации или стране. (Утверждали, будто Одоакр никогда не пользовался своим правом чеканить монеты. Одна из его серебряных монет находится в венском императорском музее. Она принадлежит к числу тех нумизматических сокровищ, которые были открыты в Венгрии в 1797 и 1805 гг. и описаны в 1826 г. преемником Эггеля Штейнбухелем. См. примечания издателя сочинений Эггеля: *Num. Vet.*, часть VIII, стр. 82-203. - *Издат.*)

124) Благодаря Малху, произведения которого, к сожалению, утрачены, до нас дошли (in *Excerpt. Legat.*, стр. 93) сведения об этой чрезвычайной отправке послов от сената к Зенону. Отрывок анонимного автора (стр. 717) и извлечение из произведений Кандида (*apud Phot.*, стр. 176) также могут быть полезны.

125) Год, в котором окончилось существование Западной империи, трудно определить с точностью. Подлинные хроники, по-видимому, принимают A. D. 476 год. Но на основании двух указаний времени, которые находятся у Иордана (гл. 46, стр. 680), следовало бы отнести это великое событие к 479 году; и хотя де Бюа не обратил внимания на его свидетельство, однако он приводит (том VIII, стр. 261-288) несколько побочных соображений, подтверждающих то же мнение. (Клинтон, F. R. 1, 684, ссылается на Иордана (*Get.* гл. 44 и *de Regn.*, стр. 709) как на такой авторитет, который в совокупности с авторитетом "Хроники" Кассиодора говорит в пользу 476 года. На этот год указывает второе консульство Василиска, узурпация которого прекратилась в 477 г. У Эггеля (8, 203) нет монет Ромула, которые относились бы к более позднему времени, чем 22 авг. A. D. 476. - *Издат.*)

126) См. его медали у Дюканжа (*Fam. Byzantin.*, стр. 81), Приск (*Excerpt. Legat.*, стр. 56) и Маффеи (*Osservazioni Letterarie*, том II, стр. 314). Мы можем указать другой знаменитый пример такого же рода. Самые незнатные подданные Римской империи принимали блестящее название *patricius*, которое перешло к целой нации вследствие обращения Ирландии в христианство. (На медалях Орестова сына значится только имя Ромула, а название Августа служит только обычным императорским титулом. В этом случае не было ни одного необычайного усваивания каких-либо имен. Названия Авгу-

стул, Момул или Момил были насмешливые прозвища, в которых выражалось презрение его подданных; эти названия никогда не упоминались на монетах (Экгель, 8, 203). Гиббон не имел основания ссылаться на такое же присваивание блестящего имени Патриция. Апостол Ирландии не был подданным Римской империи. Он родился, как уже было ранее замечено в 30-й главе, в Шотландии и в первые годы своей жизни был известен только под именем Succoth'a. Принятое им впоследствии имя Патриция едва ли могло возвысить его в глазах ирландцев, которые не могли понимать его смысла. - *Издат.*

127) *Ingredivens autem Ravennam deposuit Augustulum de regno, cujus infantiam misertus concessit eisanguinem; et quia pulchererat, tamen donavit ei redditum sex millia solidos, et misiteum intra Campaniam cum parentibus suis libere vivere.* Anonym. Vales., стр 716. Иордан говорит (гл. 46, стр. 680): *in Lucullano Campaniae castello exilli poena damnavit.*

128) См. красноречивую болтовню Сенеки (послан. 86) Этот философ не должен был забывать, что всякая роскошь сравнительна и что старший Сципион, нравы которого были очищены учеными занятиями и частыми сношениями с другими людьми, вызвал со стороны своих грубых современников обвинение точно в таком же пороке (Ливий, XXIX, 19).

129) Сулла языком солдата хвалил его *peritlia castrametandi*. (Плин., Hist. Natur. XVIII, 7.) Федр, сделавший из тенистых аллей (*loeta viridia*) виллы сцену нелепой басни (II, 5), так описывает ее местоположение:

*Caesar Tiberius quum petens Neapolim,
In Misenensem villam venisset suam;
Quae moute summo posita Luculli manu
Prospectat Siculum et prospicit Tuscum mare.*

130) С семи с половиною мириад драхм до двухсот пятидесяти мириад. Но даже в руках Мария вила была роскошным местом жительства. Римляне насмехались над его ленью, но им скоро пришлось скорбеть от его предприимчивости. См. Плутарха, in: Mario, том II, стр. 524.

131) У Лукулла было несколько других вилл, не менее великолепных, хотя и убранных иначе, а именно в Байях, Неаполе, Тускуле и др. Он хвастался тем, что мог, подобно аистам и журавлям, переноситься из одного климата в другой. Плутарх, in: Lucull., том III, стр. 193.

132) Северин кончил жизнь в Норике, A. D. 482. Через шесть лет после того его поклонники перенесли в Италию его тело, которое творило на пути чудеса. Благодаря благочестию одной неапольской дамы, святой был перенесен в Лукуллову виллу взамен Августула, которого, вероятно, уже не было в живых. См. что говорят Бароний (Annal. Eccles. A. D. 496, № 50, 51) и Тильемон (Mém. Ecclés., том XVI, стр. 178-181), руководствуясь подлинной биографией, которая была написана Евгиппием. Рассказ о последнем переселении Северина в Неаполь также представляет неподдельное произведение.

133) Консульские Фасты можно найти у Пажи и у Муратори. Консулы, которые были назначены Одоакром или, быть может, римским сенатом, как кажется, были признаны в этом звании в Восточной империи.

134) Сидоний Аполлинарий (кн. 1, посл. 9, стр. 22, изд. Сирмунда) делал сравнение между двумя влиятельными сенаторами своего времени (A. D. 468) Геннадием Авиеном и Цециной Василием. Первому из них он приписывал те добродетели общественной и частной жизни, которые более блестящи, а второму те, которые более солидны. В 480 году был консулом Василий Младший, быть может, сын последнего из этих двух сенаторов.

135) Епифаний ходатайствовал за жителей Павии, и король сначала облегчил бремя податей на пять лет, а потом избавил городское население от угнетений со стороны преторианского префекта Пелагия. (Эннодий, *In Vit. St. Epiphani. In Sirmond. Oper.* том 1, стр. 1670, 1672.)

136) См. Барония, *Annal. Eccles. A. D. 483, № 10-15*. Через шестнадцать лет после того неправильные действия Василия были осуждены папой Симмахом на Римском соборе. (Папу Симмаха не следует смешивать с его современником, сенатором того же имени и тестем Бозция. Усердие и энергия, с которыми этот первосвященник старался расширить влияние церкви, ясно описаны в "Лексиконе" Зедлера, 41, 711. - *Издат.*)

137) О войнах, которые вел Одоакр, вкратце упоминают Павел Диякон (*de Gest. Langobard.*, кн. 1, гл. 19, стр. 757, изд. Гроц.) и две хроники, Кассиодора и Куспиниана. Написанная Евгиппием биография св. Северина, которую тщательно изучил де Бюа (*Hist. des Peuples etc.*, том VIII, гл. 1, 4, 8, 9), содержит некоторые сведения о развалинах Норики и о баварских древностях. (В эту эпоху разрушение Римской империи вполне завершилось; это видно и из того, что ее варварский завоеватель, как утверждают, предполагал уничтожить самое ее название и намеревался обессмертить свое собственное имя, переименовав древнюю столицу в Одоакрию (Зедлер, 25, 502). А между тем страна не покрылась мраком, и никакие безжалостные грабители не обратили ее в обширную пустыню. Напротив того, положение Италии до такой степени улучшилось, что безопасность заменила постоянный страх за свою жизнь, и правильное, даже более мягкое управление заменило прихотливый гнет обедневших тиранов. Если "печальное зрелище нищеты и разорения" еще обезображивало сцену действия, оно не было последствием совершившегося великого переворота; оно существовало много веков перед тем и не могло мгновенно очиститься от своих мрачных красок. - *Издат.*)

138) Тацит, *Летоп.*, III, 53. В "*Recherches sur l'Administration des Terres chez les Romains*" (стр. 351-361) ясно обрисован прогресс внутреннего разложения.

139) Голод, от которого страдала Италия во время нашествия короля герулов Одоакра, красноречиво описан в прозе и в стихах одним французским поэтом (*Les Mois*, том II, стр. 174-206, изд. in 12-мо). Мне неизвестно, откуда черпал этот поэт свои сведения, но я вполне убежден, что он рассказывает некоторые факты, несогласные с исторической истиной.

140) См. тридцать девятое послание св. Амвросия в том виде, как оно цитировано у Муратори: *Sopra le Antichità Italiane*, том 1, Диссерт. 21, стр. 354.

141) Aemilia, Tuscia, ceteraeque provinciae in quibus hominum prope nullus existit. Gelasius, Epist. ad Andromachum, ap. Baronium, Annal Eccles. A. D. 496, № 36.

142) Verumque confidentibus, latifundia perdidere Italiam. Плин. Hist. Natur. XVIII, 7.

143) Таковы мотивы, с помощью которых Цицерон (ad Familiares, кн. 9, послан. 17) утешал своего друга Папирия Пета в эпоху военного деспотизма Цезаря или, вернее, старался убедить его, что следует быть терпеливым. Впрочем, слова vivere pulcherrimum duxi более уместны в обращении к римскому философу, который мог свободно делать выбор между жизнью и смертью.

ГЛАВА XXXVII

Происхождение, развитие и последствия
монашеской жизни. — Обращение варваров в
христианство и в арианство. — Гонения,
возбужденные вандалами в Африке. —
Уничтожение арианства между варварами.

Неразрывная связь между делами мирскими и церковными уже заставила меня рассказать, как распространялось христианство, каким оно подвергалось гонениям, как оно упрочилось, какие происходили в его среде раздоры, как оно окончательно восторжествовало, и, наконец, как его характер стал мало-помалу извращаться. Но я намеренно откладывал описание двух религиозных событий, представляющих большой интерес при изучении человеческой природы и игравших важную роль в упадке и разрушении Римской империи: I. Введения монашества¹⁾ и II. Обращения северных варваров в христианство.

I. Среди благоденствия и внутреннего спокойствия возникло различие между *обыкновенными* христианами и христианами *отшельниками*²⁾. Неточное и неполное исполнение требований религии удовлетворяло совесть большинства. Монарх и чиновник, воин и купец, согласовали свое религиозное рвение и свою слепую веру с требованиями своей профессии, с погоней за своими личными выгодами и с удовлетворением своих страстей; но аскеты, руководствовавшиеся и злоупотреблявшие суровыми евангельскими правилами, вдохновлялись тем диким энтузиазмом, который выдает людей за преступников, а Бога за тирана. Они совершенно отказывались от деловых занятий и светских удовольствий, не употребляли ни вина, ни мяса, не вступали в браки, мучили свое тело, заглушали всякое чувство привязанности к другим людям и обрекали себя на нищенское существование в надежде, что купят этой ценой вечное блаженство.

В царствование Константина аскеты, чтобы не иметь никакого дела с этим миром, полным нечестия и разврата, или жили в постоянном одиночестве, или вступали в религиозные общества. Подобно первым иерусалимским христианам³⁾, они отказывались от пользования или от обладания своими мирскими богатствами, основывали правильно орга-

низованные общины из лиц одного пола и одинаковых наклонностей и принимали названия *пустынников*, *монахов* и *отшельников*, обозначавшие их удаление в естественную или искусственно созданную пустыню. Они скоро снискали уважение того мира, который презирали, и самые горячие похвалы стали сыпаться на эту "*божественную философию*"⁴⁾, превзошедшую, без помощи учености и разума, все добытые с таким трудом правила нравственности, которым поучали в греческих школах.

Действительно, монахи могли бы состязаться со стоиками в презрении к богатствам, к физическим страданиям и к смерти; молчаливая покорность пифагорейцев снова ожила в правилах их рабской дисциплины, и они так же решительно, как циники, пренебрегали общественными обычаями и приличиями. Но приверженцы этой божественной философии старались подражать более чистому и более совершенному образцу. Они шли по стопам пророков, удалявшихся в пустыню⁵⁾, и стали жить такой же благочестивой и созерцательной жизнью, какой жили эссены (эссены, ессеи - иудейская секта, сведения о которой сохранились у авторов I в. н. э. - Иосифа Флавия (Иудейская война. II, 8, 2-13), Плиния Старшего (Естеств. история. V, 15, 17, 73), Филона Александрийского.

Эссены жили уединенно, образуя замкнутые общины, в которых не было женщин, поскольку ессеи отвергали плотскую любовь, был обязательным физический труд. Эссены осуждали рабство, у них, как правило, не было частной собственности, в некоторых общинах запрещалась торговля, не употреблялись деньги) в Палестине и в Египте. При философском складе своего ума Плиний был поражен и удивлен, когда узнал о существовании отшельников, которые жили среди пальмовых деревьев подле Чермного (Красного) моря, обходились без денег, размножались без жен и которым отвращение к жизни и дела покаяния постоянно доставляли новых добровольных пришельцев⁶⁾.

Плодовитый прародитель суеверий - Египет представил первый пример монашеской жизни. Уроженец Нижней Фиваиды, совершенно необразованный⁷⁾ юноша Антоний⁸⁾, разделил свое наследственное имение между бедными⁹⁾, покинул свое семейство и родительский дом и подверг себя *монашескому* покаянию с оригинальным и неустрашимым фана-

тизмом. После продолжительного и мучительного искуса среди гробниц и развалин одной башни он смело проник в глубь степи на три дня пути к востоку от Нила, выбрал уединенное место, представлявшее те выгоды, что там можно было находить и тень, и воду, и окончательно поселился на горе Колзиме неподалеку от Чермного моря, где был впоследствии основан монастырь, который до сих пор носит имя и увековечивает славу святого¹⁰⁾. Любознательное благочестие христиан преследовало его внутрь пустыни¹¹⁾, а когда он был вынужден показаться в Александрии, он поддержал свою репутацию со скромностью и с достоинством.

Он пользовался дружбой Афанасия, учение которого одобрял, и, несмотря на то что был простой египетский крестьянин, почтительно отклонил почтительное приглашение императора Константина. Этот почтенный патриарх (Антоний дожил до ста пяти лет) мог собственными глазами видеть в своей старости, как многочисленно потомство, вскормленное его личным примером и его наставлениями. Плодовитые колонии монахов быстро размножались в песчаных степях Ливии, на утесах Фиваиды и в городах, лежавших неподалеку от Нила. К югу от Александрии, на горе Нитрия и в прилежавшей к ней пустыне, жили пять тысяч отшельников, и до сих пор еще путешественник может видеть развалины пятидесяти монастырей, которые были основаны на этой бесплодной почве последователями Антония¹²⁾. В Верхней Фиваиде, необитаемый остров Табени¹³⁾ был занят Пахомием и тысячью четырьмястами монахами. Этот святой настоятель основал один за другим девять мужских монастырей и один женский, а в праздник Пасхи там иногда собиралось до пятидесяти тысяч благочестивых посетителей, которые подчинялись установленным им ангельским правилам церковного благочиния¹⁴⁾.

Великолепный и многолюдный город Оксиринх, бывший центром христианского православия, посвятил свои храмы, публичные здания и даже городские стены на благочестивые и благотворительные цели, а местный епископ, имевший в своем распоряжении двенадцать церквей, насчитывал десять тысяч женщин и двадцать тысяч мужчин, посвятивших себя монашеской профессии¹⁵⁾. Гордившиеся этим чудесным переворотом египтяне надеялись и были готовы верить, что число монахов равнялось числу остального населения¹⁶⁾, а

их потомство могло повторять поговорку, которая первоначально относилась к священным животным той же страны, - что в Египте менее трудно встретить бога, чем встретить человека.

Афанасий познакомил Рим с монашеской жизнью и в теории, и на практике, и последователи Антония, сопровождавшие своего первосвященника до священного порога Ватикана, открыли там преподавание этой новой философии. Странная и дикая наружность этих египтян сначала внушала отвращение и презрение, а в конце концов вызвала сочувствие и усердное подражание. Сенаторы и в особенности матроны стали превращать свои дворцы и виллы в священные обители, а монастыри, построенные на развалинах древних языческих храмов и посреди римского форума¹⁷⁾, совершенно затмили скромное учреждение *шести* весталок. Увлеченный примером Антония, сирийский юноша Иларион¹⁸⁾ избрал для своего мрачного уединения песчаную отмель промеж моря и болота, милях в семи от Газы. Суровая епитимья, которой он подчинял себя в течение сорока восьми лет, доставила ему множество восторженных приверженцев, и всякий раз, как этот святой человек посещал многочисленные палестинские монастыри, его сопровождала свита из двух или трех тысяч отшельников. Св. Василий¹⁹⁾ сделал свое имя бессмертным в истории восточного монашества. Будучи одарен умом, который был знаком с афинской ученостью и афинским красноречием, и отличаясь таким честолюбием, которого не могла удовлетворять должность кесарийского архиепископа, св. Василий удалился в одну из диких пустынь Понта и соблаговолил в течение некоторого времени руководить колониями набожных людей, которые он рассеял в значительном числе вдоль берегов Черного моря. На западе Мартин Турский²⁰⁾ - солдат, пустынный, епископ и святой - основал галльские монастыри; его тело сопровождали до могилы две тысячи последователей, а красноречивый автор его жизнеописания утверждает, что степи Фиваиды, несмотря на более благоприятные климатические условия, никогда не видели столь доблестного поборника христианства. Размножение монахов было не менее быстро и повсеместно, чем размножение христиан. В каждой провинции и с течением времени в каждом городе Римской империи появились они толпами, постоянно увеличивавшимися числом; эти пустынь-

ники избрали местом своей добровольной ссылки мрачные и бесплодные островки Тосканского моря, начиная с Леринских и кончая Липарскими.

Удобные и постоянные морские и сухопутные сообщения поддерживали связь между римскими провинциями, и на жизни Илариона видно, с какой легкостью бедный палестинский отшельник мог перебраться через Египет, отплыть в Сицилию, спастись бегством в Эпир и, наконец, поселиться на острове Кипре²¹⁾. Латинские христиане заимствовали от Рима свои религиозные учреждения. Посещавшие Иерусалим пилигримы строго придерживались в самых отдаленных странах образца монашеской жизни. Последователи Антония проникли за тропики во все части Эфиопии, где исповедовалось христианство²²⁾. Банхорский монастырь²³⁾ во Флинтишере, служивший приютом почти для двух тысяч монахов, выслал многочисленных поселенцев к ирландским варварам²⁴⁾, а один из Гебридских островов, Иона, расчищенный под пашню ирландскими монахами, озарил северные страны смешанными лучами знания и суеверия²⁵⁾.

Эти отрекшиеся от общественной жизни несчастные действовали под влиянием мрачного и неукротимого духа суеверий. Их настойчивость поддерживалась примером миллионов людей обоего пола, всех возрастов и всякого звания, и каждый из вступающих в монашество новообращенный был убежден, что он вступает на тот трудный тернистый путь, который ведет к вечному блаженству²⁶⁾.

Но влияние этих религиозных побуждений видоизменялось сообразно с характером и положением верующих; иногда оно подчинялось голосу рассудка, иногда совершенно заглушалось страстями; всего легче оно овладело слабыми умами детей и женщин; оно усиливалось от тайных угрызений совести и случайных несчастий и находило некоторое содействие в мирских расчетах, внушаемых тщеславием и личными интересами. Было весьма естественно предполагать, что благочестивые и смиренные монахи, отказавшиеся от мирской суеты для спасения своей души, более всякого другого способны быть духовными руководителями христиан. Отшельников стали насильно отрывать от их келий и возводить в епископское звание при громких одобрительных возгласах народной толпы; монастыри египетские, галльские и восточные сделались постоянными рассадниками святых и еписко-

пов, и честолюбцы скоро поняли, что это был самый верный путь к богатствам и почестям²⁷⁾. Популярны монахи, сознавая, что их собственное влияние зависит от репутации и успехов их сословия, усердно старались умножать число своих сотоварищей - затворников. Они втирались в знатные и богатые семьи и употребляли в дело лесть и разные приманки, чтобы приобретать таких новообращенных, которые вносили в монашескую профессию богатство и знатность. Отец с негодованием оплакивал утрату своего единственного сына; увлеченная тщеславием, легковверная девушка нарушала законы природы, а стремившаяся к воображаемому совершенству матрона отказывалась от добродетелей семейной жизни²⁸⁾. Павла, увлекшись убедительным красноречием Иеронима²⁹⁾ и нечестивым титулом Божией тещи³⁰⁾, посвятила Богу девственность своей дочери Евстохии. По совету и в сопровождении своего духовного руководителя Павла покинула Рим и своего малолетнего сына, удалилась в священную Вифлеемскую деревню, основала госпиталь и четыре монастыря и приобрела своими подаяниями и своим покаянием высокое и видное положение в католической церкви. Такие редкие и знатные кающиеся выдавались за украшение той эпохи и за достойные подражания образцы; но монастыри были наполнены незнатными и презренными плебеями³¹⁾, приобретавшими в затворничестве гораздо более того, чем они жертвовали, отрекаясь от мирских благ. Крестьяне, рабы и ремесленники меняли бедность и общее презрение на покойную и почетную профессию, в которой им приходилось выносить кажущиеся лишения, смягчавшиеся обычаями, всеобщим одобрением и тайным ослаблением дисциплины³²⁾. Римские подданные, которым приходилось отвечать своей личностью и состоянием за невзнос неравномерно распределенных и обременительных налогов, уклонялись этим путем от притеснений императорского правительства, а малодушное юношество предпочитало монастырское покаяние опасностям военной службы. Бежавшие при приближении варваров провинциальные жители находили там приют и пропитание; целые легионы были погребены в этих священных убежищах, и то, что служило для отдельных лиц облегчением в их страданиях, истощало силы и ресурсы империи³³⁾.

В древности³⁴⁾ поступление в монашеское звание было добровольным актом благочестия. Изменившему свои намере-

ния фанатику грозили вечным мщением того Бога, которого он покидал; но двери монастыря оставались отворенными перед кающимися. Те монахи, которым удалось заглушить угрызения совести при помощи рассудка или страстей, могли беспрепятственно снова поступать в разряд обыкновенных людей и граждан, и даже Христовы невесты могли законно переходить в объятия простых смертных³⁵). Несколько скандальных происшествий и усиливавшиеся суеверия внушили убеждение в необходимости более строгих стеснений. После достаточного испытания покорность новообращенного была обеспечена торжественной клятвой, связывавшей его на всю жизнь; а принятое им на себя пожизненное обязательство было признано неотменяемым и в силу церковных, и в силу государственных законов. Провинившегося беглеца преследовали, задерживали и возвращали в его вечную тюрьму, а вследствие вмешательства светского чиновника уничтожалась заслуга добровольной покорности, в некоторой степени смягчавшая унижительное раболепие монастырской дисциплины³⁶). Во всех своих действиях, во всех своих словах и даже во всех помыслах монахи обязаны были сообразоваться с установленными неизменными правилами³⁷) или с прихотями своего настоятеля; за самый легкий проступок его наказывали позором или тюремным заключением, чрезвычайным постом или жестоким бичеванием; неповиновение, ропот и медлительность в исполнении приказаний относились к разряду самых ужасных прегрешений³⁸). Слепое подчинение воле настоятеля, как бы она ни была, по-видимому, сумасбродна или даже преступна, было руководящим принципом и главной добродетелью египетских монахов, а их терпеливость нередко подвергалась самым странным испытаниям. Им приказывали сдвинуть с места громадный камень, аккуратно поливать воткнутую в землю сухую палку, так чтобы через три года она пустила ростки и расцвела, как настоящее дерево, - приказывали влезать в затопленную печь или бросать своих детей в наполненную водой глубокую яму, и многие святые или сумасшедшие обессмертили себя в истории монашества своим тупоумным и бесстрашным послушанием³⁹). Умственная свобода - этот источник всех благородных и разумных стремлений - была подавлена привычкой к легковерию и к повиновению, и заразившийся рабскими пороками монах всей душой предавался верованиям и страстям

своего духовного тирана. Спокойствие восточной церкви нарушалось толпами фанатиков, не знакомых ни с чувством страха, ни со здравым смыслом, ни с человеколюбием, а императорские войска со стыдом сознавались, что им казалась менее страшной борьба с самыми свирепыми варварами⁴⁰⁾.

Фантастическая одежда монахов⁴¹⁾ нередко придумывалась и освящалась суеверием, но ее кажущаяся оригинальность иногда происходила от желания монахов придерживаться простого и первобытного образца, который сделался смешным вследствие перемен, происшедших в манере одеваться. Основатель Ордена Бенедиктинцев решительно отвергал всякую мысль о выборе или предпочтении и благоразумно советовал своим последователям держаться грубой и простой манеры одеваться, какая была в обычаях той страны, где им приходилось жить⁴²⁾. В древности монахи меняли свои одежды сообразно с климатом и с образом жизни и были совершенно равнодушны к тому, что надеть - овчину ли египетского крестьянина или плащ греческого философа. В Египте они позволяли себе носить белье, которое было дешевым продуктом местного производства, но на Западе они отказывались от такого дорогого предмета чужеземной роскоши⁴³⁾. Монахи имели обыкновение обрезать или сбривать волосы на голове; они закрывали лица капюшоном, для того чтобы их глаза не вовлекали их в соблазн, только в сильный зимний холод носили обувь и при своей медленной нерешительной походке опирались на длинную палку. Вид настоящего отшельника внушал отвращение и омерзение: все, что возбуждало в людях неприятное ощущение, считалось приятным для Бога, а ангельский Табеннский устав осуждал благотворное обыкновение обмывать тело водой и мазать его маслом⁴⁴⁾. Самые суровые монахи спали на земле, на грубой рогоже или на жесткой постели, и одна и та же связка пальмовых листьев служила для них днем скамьей, а ночью подушкой. Их кельи были сначала низенькие и тесные лачуги из самых непрочных материалов; благодаря тому, что они строились в одну линию, из них составлялись улицы и большие селения, заключавшие в своих стенах церковь, госпиталь, иногда библиотеку, необходимые службы, сад и родник или резервуар свежей воды. От тридцати до сорока монахов составляли семью, жившую по своим особым правилам дис-

циплины и воздержания, а большие египетские монастыри состояли из тридцати или сорока таких семей.

Удовольствие и преступление были синонимами на языке монахов, и они убедились на собственном опыте, что строгие посты и воздержанность всего лучше предохраняют от грязных плотских похотей⁴⁵). Установленные ими правила воздержания не были неизменными и не всегда исполнялись на практике: радостному празднованию Троицына дня служили противовесом чрезвычайные лишения, которым монахи подвергали себя во время великого поста; в новых монастырях усердие мало-помалу ослабевало, а прожорливые галлы не были в состоянии подражать выносливости и воздержанности египтян⁴⁶). Последователи Антония и Пахомия довольствовались ежедневно⁴⁷) двенадцатью унциями хлеба или, вернее, сухарей⁴⁸), которые они разделяли на два раза - на обед и на ужин. Считалось похвальным и почти обязательным воздерживаться от вареных овощей, которые подавались в монастырской столовой; но снисходительный настоятель иногда позволял им есть сыр, фрукты, салат и мелкую рыбу, которую добывали в Ниле и сушили⁴⁹). Мало-помалу было допущено употребление в пищу морской и речной рыбы; но употребление в пищу мяса долго дозволялось лишь больным и путешественникам, а когда оно было введено в менее взыскательных европейских монастырях, вместе с тем было установлено странное различие, что дикая и домашняя птица менее нечестива, чем живущие в полях более крупные животные. Вода была чистым и невинным напитком первых монахов, и основатель Бенедиктинского ордена сожалел о том, что невоздержанность его времени заставила его разрешить каждому монаху полпинты вина в день⁵⁰). Такую скромную порцию легко доставляли итальянские виноградники, а когда его победоносные последователи перешли за Альпы, за Рейн и за Балтийское море, они потребовали, взамен вина, соразмерного количества крепкого пива или меда.

Люди, желавшие жить по евангельскому образцу нищеты, отвергали при самом вступлении в общину понятие и даже название всякой отдельной или исключительной собственности⁵¹). Монахи жили трудом своих рук; на них возлагали обязанность работать, потому что считали труд за исполнение епитимьи, за полезное физическое упражнение и вместе с тем за самый похвальный способ добывать свое ежедневное

пропитание⁵²⁾. Их руками тщательно возделывались сады и поля, расчищенные ими из-под лесов и болот. Они без отвращения исполняли низкие обязанности рабов и слуг, а в больших монастырях занимались различными ремеслами, необходимыми для снабжения их одеждой и домашней утварью и для устройства их жилищ. Ученые занятия монахов большей частью клонились к тому, чтобы сгущать мрак суеверия, а не к тому, чтобы его разгонять. Тем не менее некоторые из образованных пустынножителей изучали из любознательности не только церковные науки, но даже светские, и потомство должно с признательностью сознаться, что благодаря их неумолимому трудолюбию многие из памятников греческой и римской литературы дошли до нас в многочисленных копиях⁵³⁾. Но более скромная предприимчивость монахов, в особенности тех, которые жили в Египте, довольствовалась молчаливыми сидячими занятиями, заключавшимися в том, что они выделывали деревянные сандалии или плели из пальмовых листьев циновки и корзинки. Излишек шел в продажу для удовлетворения различных нужд общины; суда, отправлявшиеся из Табенна и из других монастырей Фиваиды, спускались по Нилу до Александрии, а святость работников, быть может, увеличивала на христианских рынках действительную стоимость их изделий.

Но ручная работа сделалась с течением времени ненужной. Послушник склонялся к убеждению передать все свое достояние тем святым людям, в среде которых он решил провести остаток своей жизни, а пагубная снисходительность законодательства позволяла ему принимать в пользу этих святых людей все, что могло ему достаться по завещанию или по наследству после его поступления в монастырь⁵⁴⁾. Мелания отдала им свою столовую посуду (в которой было триста фунтов серебра), а Павла сделала огромный долг для того, чтобы помочь своим любимым монахам, великодушно разделившим с богатой и щедрой грешницей те духовные блага, которые они приобретали молитвами и покаянием⁵⁵⁾.

Разбросанная по селениям и городам недвижимая собственность популярных монастырей непрерывно увеличивалась с течением времени, но редко уменьшалась от каких-нибудь несчастных случайностей, а в первом веке их существования язычник Зосим злорадно заметил, что для пользы бедняков христианские монахи довели большую часть чело-

веческого рода до нищенства⁵⁶⁾. Пока в них не угасало первоначальное религиозное рвение, они были честными и милостивыми раздавателями тех щедрот, которые вверялись их попечению. Но их дисциплина ослабела от материального благосостояния; они стали гордиться своими богатствами и, наконец, стали расходовать эти богатства. Их траты на общую пользу можно было оправдывать их желанием придать особый блеск богослужению и тем благовидным предлогом, что для такого учреждения, которое должно существовать вечно, нужны и прочные здания. Но во все века церковной истории обнаруживалась нравственная распушенность выродившихся монахов, совершенно позабывших о первоначальной цели своего существования, предававшихся чувственным мирским наслаждениям, от которых они отреклись⁵⁷⁾, и позорно употреблявших во зло богатства, которые были приобретены суровыми добродетелями основателей монастырей⁵⁸⁾. Их естественный переход от таких тягостных и вредных для здоровья добродетелей к свойственным всему человечеству порокам едва ли способен возбуждать в душе философа чувство скорби или негодования.

Жизнь первобытных монахов проходила в покаянии и в уединении, не прерывавшихся теми разнообразными занятиями, которые наполняют время и развивают способности людей рассудительных, деятельных и привыкших жить в обществе себе подобных. Всякий раз, как им дозволялось переступить за порог монастыря, они выходили не иначе как вдвоем, наблюдали друг за другом и доносили друг на друга, а по возвращении домой должны были забыть или, по меньшей мере, молчать о том, что видели и слышали вне монастырских стен. Исповедовавшие православную веру чужеземцы находили гостеприимный приют в особых комнатах, но вступать с ними в опасную беседу могли только избранные престарелые монахи, отличавшиеся испытанной скромностью и преданностью. Иначе как в присутствии этих последних не мог принимать своих друзей или родственников тот добровольный невольник, который запирался в монастыре, и считалось в высшей степени достойным похвалы, если он огорчал нежно любящую сестру или престарелого отца упорным отказом говорить с ними и видеть их⁵⁹⁾. Сами монахи проводили свою жизнь без всяких личных привязанностей в обществе людей, которых свела случайность и кото-

рых удерживала в одной и той же тюрьме неволя или пред-
рассудок. У отрекшихся от мира фанатиков немного было та-
ких мыслей или чувств, которые они желали бы разделить с
другими; особыми разрешениями настоятеля определялись
время и продолжительность их взаимных посещений, а за
трапезой они сидели молча, закутавшись в свои капюшоны,
недоступными и почти неузнаваемыми друг для друга⁶⁰). Ум-
ственная работа служит главным ресурсом для тех, кто жи-
вет в уединении; но ремесленники и крестьяне, которыми
наполнялись монастыри, не были подготовлены своим воспи-
танием к каким-либо ученым занятиям. Они могли бы зани-
маться каким-нибудь ремеслом; но тщеславная уверенность
в своем нравственном совершенстве заставляла их относить-
ся с пренебрежением к ручному труду; да и не может ремес-
ленник быть деятельным и предприимчивым, если он не на-
ходит поощрения в личной выгоде.

Время, которое монахи проводили в своих кельях, прохо-
дило в изустных или в мысленных молитвах, смотря по вере
и по усердию каждого; они собирались по вечерам и вставали
по ночам для публичного богослужения в монастыре. Их со-
зывали по указанию звезд, которые редко застилаются туча-
ми на безоблачном египетском небе, и простой рог или тру-
ба, подававшая сигнал к делам благочестия, ежедневно
дважды нарушала тишину обширной пустыни⁶¹). Даже сон -
это последнее убежище несчастных - разрешался им в строго
определенном размере; часы досуга монах проводил без за-
нятий и без развлечений, и, прежде чем кончался день, он не
раз жалел о медленном течении солнца⁶²). При таком безот-
радном положении суеверие не переставало преследовать и
терзать своих жалких приверженцев⁶³). Покой, которого они
искали в затворничестве, нарушался запоздалыми угрызени-
ями совести, нечестивыми сомнениями и преступными жела-
ниями, и так как они считали всякое природное влечение за
непростительный грех, то они постоянно трепетали при мыс-
ли, что стоят на краю пылающей и бездонной пропасти. От
тягостной борьбы со страданиями и с отчаяньем эти несчаст-
ные избавлялись смертью, а иногда и умопомешательством,
и в шестом столетии был основан в Иерусалиме госпиталь
для небольшого числа кающихся, которые лишились рассуд-
ка⁶⁴). Призраки, посещавшие их перед тем, как они дошли до
такого крайнего и явного безумия, служили обильным мате-

риалом для рассказов о сверхъестественных событиях. Они были твердо убеждены, что воздух, которым они дышали, был населен невидимыми врагами, бесчисленными демонами, которые принимали различные внешние формы и пользовались всяким удобным случаем, чтобы запугивать их и главным образом чтобы вводить их в соблазн. Их воображение и даже их рассудок делались жертвами иллюзий, порождаемых крайним фанатизмом, и, когда читавший свои ночные молитвы отшельник невольно впадал в усыпление, он легко мог подумать, что видел наяву те страшные или привлекательные призраки, которые представлялись ему в сновидениях⁶⁵).

Монахи разделялись на два разряда, на *обительных*, подчинявшихся общим правилам дисциплины, и на *отшельников*, живших в одиночестве и дававших полную волю своему фанатизму⁶⁶). Между ними самые благочестивые или самые честолюбивые отказывались от монастырей точно так же, как они отказались от света. Самые усердные к вере монастыри египетские, палестинские и сирийские были окружены Лаврой⁶⁷), то есть уединенными кельями, расположенными в некотором отдалении от них в форме круга, а одобрение и соревнование служили отшельникам стимулом для сумасбродных подвигов покаяния⁶⁸). Они изнемогали под тяжестью крестов и цепей и сковывали свои исхудалые члены кольцами, запястьями, рукавицами и ножными латами из массивного железа. Они презрительно отвергали заботу об одежде, а некоторые дикие святые обоего пола славились тем, что нагота их тела была прикрыта только их длинными волосами. Они старались снизойти до того грубого и жалкого положения, в котором человеческая тварь едва ли чем-либо отличается от других животных, а одна многочисленная секта отшельников вела свое название от того, что паслась на полях Месопотамии вместе со скотом⁶⁹). Они нередко поселялись в логовище какого-нибудь дикого зверя, которому старались подражать, или заживо погребали себя в какой-нибудь мрачной пещере, продолбленной в утесе человеческими руками или руками самой природы, а мраморные каменоломни Фиваиды до сих пор сохранили на себе надписи, свидетельствующие об их благочестивых подвигах⁷⁰). Высшее достоинство пустынников заключалось в том, чтобы провести несколько дней без пищи, несколько ночей без сна

или несколько лет, не сказавши ни слова, и особенную славу приобретал тот человек (если будет позволено так злоупотреблять этим именем), которому удавалось построить такую келью или создать такое место жительства, что ему приходилось держать себя в самой неудобной позе и выносить все перемены погоды.

Между этими героями монашества имя и гений Симеона Столпника⁷¹⁾ приобрели бессмертие благодаря оригинальной выдумке совершать покаяние в воздушном пространстве. Когда этому сирийцу было тринадцать лет, он отказался от профессии пастуха и поступил в один из тех монастырей, где соблюдалась самая суровая дисциплина. После продолжительного и тягостного искуса, во время которого Симеон неоднократно покушался из благочестия на самоубийство, он поселился на горе в тридцати или сорока милях к востоку от Антиохии. Внутри одной *mandra*, или груды камней, к которым он прикрепил себя тяжелой цепью, он взобрался на столб, который с вышины в десять футов мало-помалу достиг вышины в шестьдесят футов⁷²⁾. На этой высоте сирийский отшельник выдерживал в течение тридцати лет и летнюю жару, и зимний холод. Привычка и упражнение научили его держаться на этом опасном посту без опасения свалиться и без головокружения и попеременно становиться в различные благочестивые позы. Иногда он молился с руками сложенными крестом; но всего чаще он сгибал свой тощий скелет так, что голова почти касалась ног, а любознательный зритель, насчитавший тысяча двести сорок четыре таких поклона, отказывался от счета, которому не предвиделось конца. Язва, образовавшаяся на бедре⁷³⁾, сократила его жизнь, но не прекращала его святых подвигов, и терпеливый отшельник испустил дух, не сходя со своего столба. Монарх, который вздумал бы кого-нибудь осудить на такую пытку, прослыл бы за тирана, но и власть тирана не была бы в состоянии принудить жертву своей жестокости долго вести такую ужасную жизнь. Это добровольное мученичество должно было мало-помалу довести и душу, и тело до бесчувственности, и нет возможности допустить, чтобы фанатик, терзавший самого себя, мог питать сострадание к другим. Жестокосердная бесчувственность была отличительной чертой монахов во все века и во всех странах; их суровое бессердечие, редко смягчавшееся под влиянием личной дружбы, усиливалось от ре-

лигиозной ненависти, а учреждение инквизиционного суда доставило им случай выказать все их беспощадное усердие.

Монашеская святость, возбуждающая в философе лишь презрение и сожаление, служила предметом глубокого уважения и едва ли не обожания для монархов и народов. Толпы пилигримов, приходившие из Галлии и из Индии, преклонялись перед божественным столбом Симеона; племена сарацинов с оружием в руках оспаривали одно у другого честь его благословения; царицы Персии и Аравии с признательностью отдавали должную дань его сверхъестественным добродетелям, а младший Феодосий обращался к святому отшельнику за советами в самых важных церковных и государственных делах. Его смертные останки были перенесены с торжественной процессией патриархом, главным начальником восточных армий, шестью епископами, двадцать одним графом или трибуном и шестью тысячами солдат с горы Телениссы в Антиохию, которая считала его мощи за самое почетное из своих украшений и за самый надежный оплот своей безопасности. Слава апостолов и мучеников стала мало-помалу меркнуть перед славой этих новых и популярных отшельников; весь христианский мир стал падать ниц перед их подвигами, а чудеса, которые приписывались их мощам, превзошли — по меньшей мере числом и долговечностью — те духовные подвиги, которые были совершены ими при жизни. Но блестящие легенды об их жизни⁷⁴⁾ были разукрашены коварством и легковерием их заинтересованных собратьев, а в века веры нетрудно было заставить думать, что было достаточно малейшего каприза какого-нибудь египетского или сирийского монаха, чтобы прервать действие неизменных законов вселенной. Эти любимцы небес имели обыкновение излечивать застарелые болезни одним прикосновением, одним словом или пересылкой своего благословения отсутствующим страждущим; они изгоняли самых упорных демонов из той души и из того тела, в которых те засели; они могли безопасно подходить к жившим в пустыне львам и змеям и повелительно давать им приказания; они сообщали растительную силу высохшим пням, заставляли железо держаться на поверхности воды, переезжали через Нил на спине крокодилов и освежались в растопленной печи. Эти нелепые рассказы, носившие на себе отпечаток поэтической фантазии, но не поэтического гения, очень вредно повлияли и на разум,

и на верования, и на нравственность христиан. Своим легковерием христиане унижали и извращали свои умственные способности; они заражали фальшью свидетельство истории и мало-помалу затмили своими суевериями свет философии и знаний. Все виды религиозного поклонения, бывшие в употреблении между святыми, все таинственные догматы, в которые они верили, опирались на санкцию божественного откровения, и все благородные доблести были подавлены унижительным господством монахов. Если бы мы могли измерить расстояние между философскими произведениями Цицерона и священной легендой Феодорета, между характером Катона и характером Симеона, мы получили бы верное понятие о достопамятном перевороте, совершившемся в Римской империи в пятисотлетний период времени.

II. Успехи христианства ознаменовались двумя блестящими и решительными победами: одна из них была одержана над образованными и изнеженными римскими гражданами, а другая над воинственными варварами Скифии и Германии, ниспровергнувшими империю и принявшими римскую религию. Готы занимали первое место между этими дикими новообращенными и были обязаны своим переходом в христианство одному из своих соотечественников или по меньшей мере одному из своих подданных, достойному стать в один ряд с теми изобретателями полезных искусств, имя которых произносится с благодарностью потомством. Шайки готов, опустошавшие Азию во времена Галлиена, увели с собой в рабство множество римских провинциальных жителей, между которыми было много христиан и несколько лиц духовного звания. Эти невольные миссионеры, рассеянные в качестве рабов по селениям Дакии, стали заботиться о спасении души своих повелителей. Посеянные ими семена евангельского учения стали мало-помалу пускать ростки, и ранее конца столетия это благочестивое предприятие было доведено до конца усилиями Ульфила, предки которого переселились за Дунай из одного небольшого каппадокийского городка.

Епископ и апостол готов Ульфила⁷⁵⁾ снискал любовь и уважение своих соотечественников безупречной жизнью и неутомимым усердием, и они со слепым доверием усвоили теории истины и добродетели, которые он проповедовал и применял на практике. Он исполнил трудную задачу перевода св. Писания на их родной язык, который был одним из диа-

лектов языка германского, или тевтонского; но он благоразумно исключил четыре "Книги Царств" из опасения, чтобы они не усилили свирепость и кровожадность варваров. Грубое и бедное наречие солдат и пастухов, вовсе негодное для выражения религиозных идей, было усовершенствовано и модулировано его гением, а прежде чем приступить к переводу, Ульфилла нашелся вынужденным составить новую азбуку из двадцати четырех букв, из которых четыре были им придуманы для выражения особых звуков, не встречающихся ни в греческом, ни в латинском произношении⁷⁶⁾. Но благоденствие готской церкви было скоро нарушено войной и внутренними раздорами, а готские вожди, в былое время ссорившиеся между собой только из-за личных интересов, стали ссориться и из-за религии. Живший в дружбе с римлянами Фритигерн был обращен Ульфиллой в христианство, между тем как высокомерный Афанарих не хотел стать ни под ярмо империи, ни под ярмо Евангелия. Возбужденные им преследования подвергли преданность новообращенных тяжелым испытаниям. По его приказанию возили с торжественной процессией по улицам лагеря уродливое изображение Тора или, быть может, Водена, а те мятежники, которые отказывались поклоняться Богу своих предков, немедленно предавались сожжению вместе со своими палатками и со своими семействами. Своими личными достоинствами Ульфилла снискал уважение восточного двора, при котором дважды появлялся в качестве мирного посредника; он ходатайствовал за готов в то время, как несчастья заставили их прибегнуть к покровительству Валента и прозвание Моисея было дано духовному вождю, который провел свой народ через глубокие воды Дуная в Обетованную Землю⁷⁷⁾. Преданный ему и всегда готовый исполнять его волю пастушеский народ охотно поселился у подножия Мизийских гор в такой местности, которая была богата лесами и пастбищами и доставляла им средства для приобретения покупкой зернового хлеба и вина из соседних провинций. Эти безвредные варвары спокойно размножались в неизвестности, исповедуя христианскую веру⁷⁸⁾.

Их более гордые соотечественники, грозные вестготы, усвоили религию римлян, с которыми их беспрестанно приводили в соприкосновение то войны, то союзы, то завоевания. Во время своего продолжительного и победоносного передвижения от берегов Дуная к берегам Атлантического океана

они обращали в христианство своих союзников и воспитывали новое поколение, а благочестие, господствовавшее в лагере Алариха и при тулузском дворе, могло бы послужить примером или укором для дворов римского и константинопольского⁷⁹⁾. В тот же период времени христианская вера была принята почти всеми варварами, основавшими независимые государства на развалинах Западной империи, - бургундами в Галлии, свевами в Испании, вандалами в Африке, остготами в Паннонии, равно как разнохарактерными отрядами наемников, возведших Одоакра на италийский престол. Франки и саксы еще придерживались языческих заблуждений, но франки достигли владычества над Галлией благодаря тому, что последовали примеру Хлодвига, а завоевавшие Британию саксы отучались от своих варварских суеверий под влиянием римских миссионеров. Эти новообращенные варвары выказали пылкое и успешное усердие в деле распространения христианства. Короли из рода Меровингов и их преемники Карл Великий и Оттоны расширили своими законами и завоеваниями владычество креста. Англия дала Германии ее апостола, и свет Евангелия мало-помалу озарил все страны от берегов Рейна до берегов Эльбы, Вислы и Балтийского моря⁸⁰⁾.

Нелегко с точностью указать разнообразные мотивы, повлиявшие на рассудок или на страсти новообращенных варваров. Такими мотивами, нередко возникавшими из прихоти или от случайности, были: сон, предзнаменование, рассказ о чуде, пример какого-нибудь духовного лица или какого-нибудь героя, прелести благочестивой супруги, а главным образом успех молитвы или обета, с которыми они обратились, в минуту опасности, к Богу христиан⁸¹⁾. Предрассудки, внушенные с детства воспитанием, незаметным образом сглаживались от привычки подчиняться влиянию господствующих идей; нравственные принципы Евангелия находили для себя опору в сумасбродных добродетелях монахов, а богословские догматы поддерживались чудотворной силой мощей и пышностью богослужения. Но миссионеры, трудившиеся над обращением неверующих, вероятно, иногда прибегали и к тому остроумному способу убеждать, который был указан одному популярному святому саксонским епископом⁸²⁾. "Допускайте, - говорит этот прозорливый полемизатор, - все, что они будут вам рассказывать о баснословном плотском происхождении своих богов и богинь, расплодившихся один от

другого. Из этого положения делайте вывод, что натура таких богов так же несовершенна и брэнна, как натура человеческая, что если они родились, то, вероятно, когда-нибудь и умрут. Когда именно, каким способом и по какой причине появились на свете самые древние из их богов или богинь? Продолжают ли они плодиться или перестали? Если перестали, то потребуйте от вашего антагониста, чтобы он объяснил вам причину такой странной перемены. Если не переставали, то число богов должно увеличиваться до бесконечности, и разве в этом случае мы не подвергались бы опасности прогневить одного из высших богов тем, что по неосмотрительности стали бы поклоняться какому-нибудь из подчиненных ему низших божеств? Видимые небеса и земля и вся система вселенной, насколько она доступна для человеческого понимания, были ли созданы или существовали вечно? Если они были созданы, то как и где могли существовать сами боги до создания вселенной? Если они существовали вечно, то каким образом боги могли приобрести власть над миром, который существовал до них и независимо от них? Развивайте эти аргументы с хладнокровием и умеренностью, при случае указывайте на истину и красоту христианского откровения и старайтесь пристыжать неверующих, но не раздражать их". Это метафизическое рассуждение, быть может, было слишком утонченно для германских варваров, но оно находило более грубую подпору в авторитете власти и в общем одобрении. Мирские выгоды уже были не на стороне язычества и перешли на сторону христианства. Даже римляне - этот самый могущественный и самый образованный из всех народов земного шара - отказались от своих старинных суеверий, и, хотя упадок их могущества, по-видимому, не говорил в пользу новой религии, это несчастье уже было заглажено обращением в христианство победоносных готов. Храбрые и счастливые в своих предприятиях варвары, завоевавшие западные провинции, сначала увлеклись этим назидательным примером, а потом стали оправдывать его на самих себе. Еще до времен Карла Великого христианские народы Европы могли похвастаться тем, что в их исключительном обладании находились все страны с умеренным климатом и все плодородные земли, производящие хлеб, вино и оливковое масло, между тем как дикие язычники, вместе со своими беспомощными идолами, должны были довольствоваться оконеч-

ностями земного шара - мрачными и холодными северными странами⁸³).

Христианство, растворив перед варварами врата небесные, вместе с тем произвело важную перемену в нравственных и политических условиях их существования. Они приобрели вместе с христианством знакомство с письменностью, столь необходимой для изучения религии, догматы которой содержатся в священных книгах, а в то время как они знакомились с божественными истинами, их ум незаметным образом расширялся, знакомясь с историей, с природой, с искусствами и с обществом. Способствовавший их обращению в христианство перевод св. Писания на их родной язык должен был возбуждать в их духовенстве желание прочесть оригинальный текст, понять содержание литургии и проследить в писаниях отцов церкви связь церковных традиций. Эти духовные сокровища хранились в греческом и латинском изложении, то есть на тех самых языках, знание которых могло познакомить с неоцененными памятниками древней учености. Бессмертные произведения Вергилия, Цицерона и Ливия, сделавшись доступными для перешедших в христианство варваров, установили умственную связь между поколениями, жившими в промежутки времени от царствования Августа до времен Хлодвиг и Карла Великого. Воспоминания о более совершенном состоянии общества поощряли к соревнованию, и священный огонь знания незаметным образом поддерживался для того, чтобы согреть и осветить западный мир в его зрелом возрасте. Как бы ни был извращен настоящий дух христианства, варвары могли обучаться справедливости из законов и человеколюбию из *Евангелия*, и, хотя знания своих обязанностей не было достаточно для того, чтобы руководить их действиями или обуздывать их страсти, их нередко сдерживали угрызения совести и нередко мучило раскаяние. Впрочем, непосредственное влияние религии не было так благотворно, как священные узы, связывавшие их с их христианскими братьями духовным единением. Влияние этих чувств удерживало их от нарушения долга в то время, как они состояли на службе у римлян или в союзе с ними; оно смягчало ужасы войны, сдерживало наглость завоевателей и в эпоху упадка империи постоянно поддерживало уважение к имени и к учреждениям Рима. В века язычества галльские и германские жрецы властвовали над народом и

контролировали действия светской власти, а ревностные к вере новообращенные стали относиться с такой же или еще с большей покорностью к христианским священнослужителям. Священному характеру епископов придавали особый авторитет их мирские богатства; они занимали почетные места в законодательных собраниях, состоявших из воинов и свободных граждан, и как из личных интересов, так и по долгу смягчали своими миролюбивыми советами свирепость варваров. Постоянные сношения между членами латинского духовенства, частые странствования богомольцев в Рим и в Иерусалим и возраставшее влияние пап скрепляли единство христианской республики и мало-помалу создали однообразие в нравах и в юриспруденции, которым отличаются от остального человеческого рода независимые и даже враждебные одна к другой нации современной нам Европы.

Но действие этих причин приостановилось и замедлилось от одной несчастной случайности, влившей смертельный яд в чашу спасения. Каковы бы ни были первоначальные влечения Ульфила, его сношения с империей и с церковью завязались во время господства арианских верований. Апостол готов принял символ веры, установленный на соборе в Римини; он не стесняясь и, быть может, с искренним убеждением проповедовал, что *Сын* не равен или не единосущен с *Отцом*⁸⁴⁾, передал эти заблуждения духовенству и народу и заразил весь варварский мир ересью⁸⁵⁾, которую Феодосий Великий осудил и искоренил между римлянами. Ни по характеру, ни по умственному развитию новообращенные не были способны заниматься такими метафизическими тонкостями, но они упорно держались за то, что с благочестием приняли за чистое и подлинное христианское учение. Успехам проповеднической деятельности Ульфила и его преемников содействовало то преимущество, что они могли проповедовать и объяснять св. Писание на тевтонском языке, и они посвятили в звание епископов и пресвитеров достаточное число людей, способных распространять христианские истины между другими родственными племенами. Те из остготов, бургундов, свевов и вандалов, которые имели случай слышать красноречивые поучения латинского духовенства⁸⁶⁾, предпочитали более доступные для их ума поучения своих домашних наставников, и арианство сделалось народной религией воинственных новообращенных, водворившихся на

развалинах Западной империи. Это непримиримое религиозное разномыслие сделалось постоянным источником взаимного недоверия и ненависти, а укоризненное название варвары сделалось еще более оскорбительным от присовокупления к нему отвратительного прозвища *еретики*. Северные герои, неохотно поверившие тому, что все их предки попали в ад, были поражены удивлением и скорбью, когда узнали, что и сами они лишь изменили способ обрекать себя на вечные мучения⁸⁷). Вместо лстивых одобрений, к которым приучили христианских королей преданные им прелаты, арианские монархи стали встречать со стороны православных епископов и их духовенства постоянное противодействие, которое нередко доходило до преступлений и в некоторых случаях могло сделаться опасным⁸⁸). Церковная кафедра - это безопасное и священное орудие мятежа - оглашалась именами Фараона и Олоферна⁸⁹); неудовольствие народа разжигалось надеждой или обещаниями славного избавления, а мятежные святые вовлекались в такие поступки, которые могли способствовать осуществлению их собственных предсказаний. Несмотря на эти поводы к раздражению, и в Галлии, и в Испании, и в Италии католики пользовались под владычеством ариан свободным и спокойным исповедованием своей религии. Их высокомерные повелители уважали религиозное усердие многочисленного населения, готового умереть у подножия своих алтарей, а пример такой благочестивой твердости вызывал со стороны самих варваров удивление и подражание. Однако из опасения вызвать оскорбительный упрек в трусливости завоеватели приписывали свою веротерпимость мотивам, основанным на требованиях рассудка и человеколюбия, а в то время, как они старались говорить языком истинного христианства, они мало-помалу проникались и его духом.

Внутреннее спокойствие Церкви по временам нарушалось. Католики были несдержанны, а варвары были нетерпеливы; но некоторые отдельные акты строгости или несправедливости, совершавшиеся по совету арианского духовенства, были преувеличены православными писателями. В религиозных гонениях можно обвинять короля вестготов Эврика, который запретил духовенству или по меньшей мере епископам исполнять их обязанности и наказал популярных аквитанских епископов тюремным заключением, ссылкой и конфиска-

цией⁹⁰). Но жестокосердное и безрассудное намерение насильствовать убеждения целого народа было задумано одними вандалами.

Сам Гензерих отказался с ранней молодости от православного вероисповедания, а в качестве вероотступника он и не был способен миловать других, и не мог ожидать для себя помилования. Он был раздражен тем, что бежавшие от него с поля битвы африканцы осмеливались оказывать ему неповиновение на соборах и в церквях, а по своей врожденной свирепости он не был доступен ни для страха, ни для сострадания. Его католические подданные подверглись притеснительным требованиям и произвольным наказаниям. Гензерих выражался гневно и грозно; его намерения, которые он ни от кого не скрывал, могли служить оправданием для самого неблагоприятного истолкования его поступков, и ариан стали считать виновниками частых казней, позоривших и дворец, и владения тирана. Впрочем, господствующими страстями этого властелина морей были война и честолюбие. Но его бесславный сын Гуннерих, по-видимому унаследовавший от отца лишь одни пороки, преследовал католиков с той же непреклонной яростью, которая была гибельна для его брата, для его племянников, для друзей и любимцев его отца и даже для арианского патриарха, который был безжалостно сожжен живым посреди Карфагена.

Притворное перемирие предшествовало религиозной войне и подготовило ее; религиозные гонения сделались серьезным и главным занятием вандальского двора, а отвратительная болезнь, ускорившая смерть Гуннериха, отомстила за нанесенные им Церкви оскорбления, нисколько не облегчив ее положения. Африканский трон был занят одним за другим двумя племянниками Гуннериха - Гундамундом, который царствовал около двенадцати лет, и Фразимундом, который стоял во главе народа в течение двадцати семи с лишним лет. Под их управлением православная партия подвергалась постоянным притеснениям. Гундамунд как будто хотел подражать жестокосердию своего дяди и даже превзойти его, и, хотя в конце концов он раскаялся, возвратил епископов из ссылки и позволил приверженцам св. Афанасия исповедовать их религию, его преждевременная смерть уничтожила все плоды его запоздалой снисходительности. Его брат Фразимунд был самым великим и самым добродетельным из всех

вандалских царей, которых он превосходил и красотой, и благоразумием, и величием своей души. Но эти благородные черты характера были запятнаны его религиозной нетерпимостью и притворной снисходительностью. Вместо угроз и пыток он употреблял в дело более мягкие, но более целесообразные средства обольщения. Богатства, почести и царские милости служили наградой за вероотступничество; провинившиеся в нарушении законов католики могли покупать свое помилование отречением от своих верований, а всякий раз, как Фразимунд замышлял какие-нибудь строгие мероприятия, он терпеливо выжидал, чтобы невоздержанность его противников доставила ему благовидный предлог. Ханжество было то чувство, которое заговорило в нем перед самой смертью, и он потребовал от своего преемника торжественной клятвы никогда не давать воли последователям св. Афанасия. Но его преемник, кроткий сын свирепого Гуннериха Хильдерих, предпочел долг человеколюбия и справедливости тем обязанностям, которые налагала на него нечестивая клятва, и его вступление на престол ознаменовалось восстановлением общего спокойствия и свободы. Троном этого добродетельного, но слабохарактерного государя противозаконно овладел его двоюродный брат Гелимер, который был ревностным приверженцем арианского учения; но, прежде чем он успел воспользоваться или злоупотребить своей властью, его монархия была ниспровергнута оружием Велисария, и православная партия отомстила за вынесенные ею обиды⁹¹⁾.

Страстные декламации католиков, которые были единственными историками этого гонения, не представляют последовательного описания причин и событий или сколько-нибудь беспристрастной оценки характеров действующих лиц и руководивших ими мотивов; но самые выдающиеся из тех фактов, которые заслуживают нашего доверия или внимания, могут быть подведены под следующие рубрики. - I. В дошедшем до нас⁹²⁾ законе Гуннерих положительно утверждает - и его утверждение, как кажется, было вполне основательно, - что он с точностью переписал постановления и кары императорских эдиктов, направленные против уклонявшихся от установленной религии еретических конгрегаций духовенства и населения. Если бы совесть имела в этом деле право голоса, то католики должны бы были или осудить свое

прежнее поведение, или одобрить строгость, с которой их преследовали. Но они по-прежнему не признавали за другими тех прав, которых требовали для самих себя. В то самое время как они трепетали от страха под плетью гонителей, они превозносили похвальную строгость самого Гуннериха, предавшего сожжению или отправившего в ссылку множество манихеев⁹³), и с отвращением отвергали постыдное предложение признать за последователями Ария и св. Афанасия одинаковое право на веротерпимость во владениях римлян и вандалов⁹⁴). II. Введенное католиками обыкновение созывать соборы для осуждения и наказания их упорных противников было обращено в оружие против них самих⁹⁵). По приказанию Гуннериха в Карфаген съехались четыреста шестьдесят шесть православных епископов; но когда они пришли в залу заседаний, они были глубоко оскорблены при виде воссевшего на патриаршеском престоле арианина Кирилла. Противников разлучили после того, как они обменялись обычными взаимными упреками за неуместный шум и за упорное молчание, за излишнюю медлительность и за несвоевременную торопливость, за искание поддержки у вооруженной силы и у народных сходок. Между католическими епископами были выбраны один мученик и один исповедник; двадцать восемь спаслись бегством, а восемьдесят восемь отречением от прежних верований; сорок шесть были отправлены на остров Корсику, чтобы рубить там лес для царского флота, а триста два были размещены по различным африканским провинциям, где ничто не ограждало их от оскорблений врагов и где они были лишены всех мирских и духовных благ⁹⁶). Страдания, вынесенные в течение десятилетней ссылки, естественно, должны были сократить их число, и если бы они исполняли закон Фразимунда, запрещающий им посвящать других в епископское звание, то существование православной церкви в Африке окончилось бы вместе с жизнью ее членов. Но они не подчинились этому закону и за свое непослушание были наказаны вторичной ссылкой двухсот двадцати епископов в Сардинию, где эти несчастные томились пятнадцать лет до вступления на престол кроткого Хильдериха⁹⁷). Злоба их арианских тиранов была удовлетворена выбором для ссылки Корсики и Сардинии; жалкое положение первого из этих островов оплакивал по собственному опыту и преувеличивал Сенека⁹⁸), а плодородие второго находило противовес в не-

здоровом климате⁹⁹). III. Религиозное рвение, побуждавшее Гензериха и его преемников заботиться об обращении католиков в арианство, должно было сделать их еще более заботливыми о сохранении арианского учения во всей его чистоте. Было запрещено показываться на улицах в одежде варваров, прежде нежели будут заперты церкви, а того, кто осмеливался нарушить это царское приказание, тащили за его длинные волосы домой¹⁰⁰). Служивших в царских войсках офицеров с позором лишали почетных отличий и должностей, если они не хотели исповедовать религию своего государя; их ссылали в Сардинию и в Сицилию или же осуждали на низкие работы на полях Утики вместе с крестьянами и рабами. В тех округах, которые были предоставлены вандалам в исключительную собственность, отправление католического богослужения было еще более строго воспрещено, и как миссионеров, так и соvrращенных ими с истинного пути подвергали жестоким наказаниям. Благодаря этим средствам верования варваров сохранялись неизменными, а их усердие к религии воспламенялось; они с благочестивой яростью исполняли обязанности шпионов, доносчиков и палачей, а всякий раз как их кавалерия выступала в поход, ее любимое развлечение заключалось в том, что она оскверняла церкви и оскорбляла духовенство противной партии¹⁰¹). IV. Воспитанных в римской роскоши граждан отдавали с изысканной жестокостью в руки живших в пустыне мавров. Неизвестно, за какое преступление Гуннерих приказал удалить из их родины множество епископов, пресвитеров и дьяконов вместе с четырьмя тысячами девяносто шестью лицами, принадлежавшими к их пастве. Ночью их держали взаперти, как стадо рогатого скота, посреди их собственных испражнений; днем их заставляли идти пешком по жгучему степному песку, если же они падали в обморок от жары и усталости, их подгоняли или тащили силой, пока они не выпускали дух под руками своих мучителей¹⁰²). Достигши мавританских хижин, эти несчастные изгнанники могли возбуждать сострадание народа, в котором врожденное человеколюбие еще не было ни усилено рассудком, ни извращено фанатизмом; но если им удавалось избежать опасностей, встречающихся в жизни среди дикарей, им приходилось выносить все лишения этой жизни. V. Виновник религиозных гонений должен предварительно обдумать, намерен ли он поддерживать их до по-

следней крайности. Гонитель раздувает то самое пламя, которое желал бы потушить, и скоро бывает вынужден наказывать виновного не только за ослушание, но и за упорство.

Неспособность или нежелание преступника уплатить денежный штраф подвергает ответственности его личность, а его пренебрежение к легким взысканиям вызывает более строгие уголовные наказания. Сквозь туман вымыслов и декламаций мы ясно видим, что католиков подвергали самым жестоким и самым позорным наказаниям, в особенности в царствование Гуннериха¹⁰³). Почтенных граждан, знатных матрон и посвященных Богу девственников раздевали догола и подымали на воздух на блоках, привязавши к их ногам какую-нибудь тяжесть. В то время как они находились в этом мучительном положении, их обнаженные тела разрывали на клочки ударами плети или жгли самые нежные части раскаленным железом. Ариане отрезали у католиков уши, нос, язык и правую руку, и хотя нет возможности с точностью определить число пострадавших, однако не подлежит сомнению, что право на венец мученичества приобрели очень многие, и в том числе один епископ¹⁰⁴) и один проконсул¹⁰⁵). Такой же чести удостоился граф Себастиан за то, что держался никейского символа веры с непоколебимой твердостью; а Гензерих, быть может, был рад случаю преследовать за ересь храброго и честолюбивого изгнанника, которого считал за опасного соперника¹⁰⁶). VI. Для обращения еретиков в истинную веру арианское духовенство придумало новое средство, с помощью которого можно было подавлять сопротивление людей малодушных и наводить страх на трусливых. Оно стало крестить католиков в арианскую веру путем обмана или насилия и стало наказывать их за вероотступничество, если они не подчинялись последствиям так гнусно и святотатственно совершенного обряда, нарушавшего свободу воли и единство таинства крещения¹⁰⁷). Уже прежде того каждая из враждовавших сект формально признала законную силу крещения, совершенного ее противниками, а это нововведение, за которое так упорно держались вандалы, может быть приписано лишь примеру и советам донатистов. VII. Арианское духовенство превосходило в религиозном жестокосердии и самого царя, и его вандалов; но оно не было способно возделывать духовный вертоград, которым так желало завладеть. Можно было посадить арианина на карфагенский

патриаршеский престол¹⁰⁸); можно было заместить в нескольких главных городах епископские должности арианами; но по своей немногочисленности и по незнанию латинского языка¹⁰⁹ варвары не были способны управлять обширной Церковью, и, когда африканцы лишились своих православных пастырей, они вместе с тем лишились возможности публично исповедовать христианство. VIII. Императоры были естественными покровителями приверженцев Homoousion'a, а преданные им жители Африки, и в качестве римлян, и в качестве католиков, предпочитали их законную власть узурпации варварских еретиков. В промежуток мира и дружеских сношений Гуннерих реставрировал Карфагенский собор по ходатайству Зенона, который царствовал на Востоке, и Платидии, которая была дочерью одного императора, вдовой другого и сестрой царицы вандалов¹¹⁰). Но такая деликатная снисходительность была непродолжительна, и высокомерный тиран обнаружил свое презрение к господствовавшей в империи религии тем, что старательно выставил кровавые свидетельства гонений на главных улицах, по которым должен был проезжать римский посол на пути ко дворцу¹¹¹).

От собравшихся в Карфагене епископов он потребовал клятвы, что они признают его преемником его сына Хильдериha и что они не будут поддерживать никаких внешних или заморских сношений. Хотя такое обязательство, по-видимому, не противоречило нравственным и религиозным обязанностям духовенства, самые прозорливые¹¹²) из собравшихся епископов не захотели принять его на себя. Их отказ, слегка прикрашенный тем предлогом, что христианину не дозволяется клясться, должен был возбудить подозрения в недоверчивом тиране.

Угнетаемые царской властью и военной силой католики далеко превосходили своих противников и своим числом, и своим образованием. Тем же самым оружием, которое отцы греческой¹¹³) и латинской церкви употребляли в борьбе с арианами, они неоднократно заставляли молчать гордых и необразованных преемников Ульфила. Сознание собственного превосходства должно бы было внушать им пренебрежение к уловкам и страстным увлечениям религиозной борьбы. Однако, вместо того чтобы проникнуться таким благородным чувством гордости, православные богословы, увлекшись уве-

ренностью в безнаказанности, стали изобретать вымыслы, которые следует заклеить названиями мошенничеств и подлогов. Они стали приписывать свои собственные полемические сочинения самым почтенным именам христианской древности; Вигилий и его последователи¹¹⁴⁾ стали неловко подражать Афанасию и Августину, и есть основание полагать, что именно от этой африканской школы¹¹⁵⁾ ведет свое начало знаменитое учение, так ясно излагающее мистерии Троицы и Воплощения. Даже содержание св. Писания было извращено их опрометчивыми и святотатственными руками. Знаменитый текст, удостоверяющий единство *трех*, свидетельствующих на небесах¹¹⁶⁾, осужден общим молчанием и православных отцов церкви, и древних переводов, и подлинных рукописей¹¹⁷⁾. На него впервые сослались католические епископы, созванные Гуннерихом на совещания в Карфаген¹¹⁸⁾. Аллегорическое объяснение - быть может, в форме примечания, написанного на полях книги - проникло в текст латинских библий, переписывавшихся и исправлявшихся в тысячелетний период мрака¹¹⁹⁾. После изобретения книгопечатания¹²⁰⁾ издатели Нового Завета на греческом языке увлеклись своими собственными предрассудками или предрассудками своего времени¹²¹⁾, и благочестивый подлог, с одинаковым рвением усвоенный и в Риме, и в Женеве, размножился до бесконечности во всех странах и на всех языках новейшей Европы.

Этот подлог, естественно, должен возбуждать в нас недоверие, и мы поступим более благоразумно, если припишем не явному покровительству Небес, а рвению африканских католиков те мнимые чудеса, при помощи которых они отстаивали истину своих верований. Тем не менее историк, рассматривающий эту религиозную борьбу без всякого пристрастия к той или к другой стороне, может снизойти до того, чтобы упомянуть только об одном сверхъестественном событии, которое послужит назиданием для людей благочестивых и возбудит удивление в неверующих. Приморская колония Мавритании Типаза¹²²⁾, основанная в шестнадцати милях к востоку от Кесарии, отличалась во все века рвением своих жителей к православию. Они не боялись ярости донатистов¹²³⁾ и не преклонялись перед тиранией ариан или умели уклониться от нее. С приездом еретического епископа город опустел; большинство жителей, добывши морские суда, переехало на

испанский берег, а оставшиеся в городе несчастные, отказывавшиеся от всяких сношений с узурпатором, осмелились по-прежнему собираться на свои благочестивые, но запрещенные законом сходбища. Их непослушание вывело жестокосердного Гуннериха из терпения. Из Карфагена был командирован в Типазу военный граф: он собрал католиков на форуме и на глазах всей провинции приказал отрезать у каждого из виновных правую руку и язык. Но святые мученики не перестали говорить и после того, как лишились языка; об этом чуде свидетельствует африканский епископ Виктор, написавший историю этого гонения в течение двух лет, которые непосредственно следовали за описываемыми событиями¹²⁴⁾ "Если бы, - говорит Виктор, - кто либо усомнился в истине этого происшествия, пусть он отправляется в Константинополь и послушает, как ясно и отчетливо говорит один из этих славных мучеников поддьякон Реститут, живущий теперь во дворце императора Зенона и пользующийся уважением благочестивой императрицы". К нашему удивлению, мы находим в Константинополе хладнокровного, ученого и безукоризненного свидетеля, который не руководствовался в том, что писал, ни личными интересами, ни страстями. Философ платоновской школы Эней из Газы подробно описал свои собственные наблюдения над африканскими мучениками: "Я видел их собственными глазами; я слышал их разговор; я старательно доискивался, каким способом можно издавать такие членораздельные звуки голоса без помощи языка; я старался проверить моими глазами то, что слышал ушами; я открывал их рты и видел, что языки были вырезаны у них до самого корня; это такая операция, которую все доктора признают смертельной"¹²⁵⁾. Свидетельство Энея из Газы в избытке подкрепляется Вечным эдиктом Юстиниана, хроникой того времени, написанной графом Марцеллином, и папой Григорием I, жившим в ту пору в Константинополе в качестве представителя римского первосвященника¹²⁶⁾.

Все они жили в том веке, когда случилось это необыкновенное происшествие; все они ссылались в удостоверение чуда или на то, что сами видели, или на то, что всеми признавалось за истину; это чудо повторялось неоднократно; оно совершалось на самой обширной сцене, какая только была в мире, и в течение многих лет подвергалось хладнокровной проверке при помощи чувственных органов. Эта сверхъесте-

ственная способность африканских мучеников говорить, не имея языка, не вызовет протеста со стороны тех и только тех, кто верит, что они выражались чистым языком православия. Но упорный ум неверующего охраняется от заблуждений скрытной и неизлечимой подозрительностью, и ни арианин, ни социнианин, сознательно отвергнувшие учение о Троице, не поколеблются в своих убеждениях, несмотря на самые благовидные свидетельства в пользу чудес, совершавшихся последователями Афанасия.

Вандалы и остготы исповедывали арианскую веру до окончательного падения царств, основанных ими в Африке и в Италии. Жившие в Галлии варвары подпали под владычество православных франков, а Испания снова вступила в лоно католической церкви вследствие добровольного обращения вестготов в католическую веру.

Этому благотворному перевороту¹²⁷⁾ содействовал пример царственного мученика, который, при более беспристрастной оценке его образа действий, мог бы быть назван неблагодарным мятежником. Царствовавший в Испании над готами Леовигильд снискал уважение своих врагов и любовь своих подданных; католики пользовались самой широкой веротерпимостью, а его арианские соборы пытались без большого успеха примирить обе партии путем отмены непопулярного обряда *вторичного* крещения. Его старший сын Герменегильд, получивший от отца королевскую диадему вместе с прекрасным Бетическим княжеством, вступил в брак с православной меровингской принцессой, дочерью короля Австразии Зигберта и знаменитой Брунегильды. Прекрасная Ингунда, которой было только тринадцать лет, была радушно принята при арианском дворе в Толедо, умела снискать общее расположение, но подверглась гонениям за свои верования; ей пришлось отстаивать свои религиозные убеждения и против ласковых настояний, и против насилий готской королевы Гоисвинты, злоупотреблявшей двойными правами материнской власти¹²⁸⁾. Раздраженная сопротивлением католической принцессы, Гоисвинта схватила ее за ее длинные волосы, повалила ее на пол, избивала ее до крови, и, наконец приказала раздеть ее и бросить в пруд или в садок¹²⁹⁾. И любовь и честь должны были внушить Герменегильду желание отмстить за оскорбление, нанесенное его невесте, и он мало-помалу пришел к убеждению, что Ингунда пострадала за бо-

жественную истину. Ее трогательные жалобы и веские аргументы севильского архиепископа Леандера довершили его обращение в католицизм, и наследник готской монархии был посвящен в Никейский символ веры путем торжественных обрядов конфирмации¹³⁰).

Опрометчивый юноша, увлекшийся религиозным рвением и, быть может, честолюбием, нарушил обязанности и сына, и подданного, а испанские католики, хотя не имевшие никакого основания жаловаться на притеснения, одобрили его благочестивый мятеж против еретического отца. Междоусобная война затянулась вследствие упорного и продолжительного сопротивления Мерида, Кордовы и Севильи, горячо принявших сторону Герменегильда. Он стал приглашать православных варваров, свевов и франков к нашествию на его родину; он стал искать опасного содействия римлян, владевших Африкой и частью испанских берегов, а его благочестивый посол архиепископ Леандер лично и с успехом вел переговоры с византийским двором. Но надежды католиков были разрушены деятельным монархом, в распоряжении которого находились войска и сокровища Испании, и преступный Герменегильд, тщетно пытавшийся сопротивляться или спастись бегством, был вынужден отдаться в руки разгневанного отца. Леовигильд, еще не позабывший, что преступник был его родной сын, лишил его королевского звания, но позволил ему исповедовать католическую веру в приличном изгнании. Но неоднократные и безуспешные изменнические попытки Герменегильда в конце концов вывели из терпения готского короля, который, по-видимому, неохотно подписал смертный приговор и приказал втайне привести его в исполнение в севильской цитадели. Непреклонная твердость, с которой св. Герменегильд отказывался спасти свою жизнь переходом в арианство, может служить оправданием тех почестей, которые воздавались его памяти. Его жена и малолетний сын были подвергнуты римлянами позорному тюремному заключению, а это семейное несчастье, омрачившее славу Леовигильда, отравило последние минуты его жизни.

Его сын и преемник Рекаред, который был первым католическим королем Испании, усвоил веру своего несчастного брата, но поддерживал ее с большим благоразумием и успехом. Вместо того чтобы бунтовать против отца, Рекаред терпеливо выжидал его смерти. Вместо того чтобы осуждать его

память, он из благочестия распустил ложный слух, что Леовигильд отрекся перед смертью от арианских заблуждений и посоветовал сыну позаботиться об обращении готов в католическую веру. Для достижения этой благотворной цели Рекарעד созвал арианское духовенство и дворянство, объявил себя католиком и пригласил их последовать примеру государя. Тщательное объяснение сомнительных текстов и любознательная проверка метафизических аргументов возбудили бы бесконечные споры, и монарх благоразумно предложил своим необразованным слушателям принять в соображение два существенных и для всякого понятных аргумента - свидетельство земли и свидетельство небес. *Земля* преклонила перед постановлением Никейского собора; и римляне, и варвары, и жители Испании единодушно исповедовали одну и ту же православную веру, и почти только одни вестготы не разделяли убеждений всего христианского мира. Век суеверий был достаточно подготовлен к тому, чтобы почтительно принимать за свидетельство *Небес* и сверхъестественные исцеления, которые совершались искусством или святостью католического духовенства, и купель в Оссете, в Бетике¹³¹⁾, которая ежегодно сама собой наполнялась водой накануне Пасхи¹³²⁾, и чудотворную раку св. Мартина Турского, которая уже обратила в католичество короля свевов и жителей Галиции¹³³⁾. Католический король встретил некоторые затруднения при этой перемене национальной религии.

Против его жизни был составлен заговор по подстрекательству вдовствующей королевы, и два графа возбудили опасное восстание в Нарбоннской Галлии. Но Рекарעד расстроил замыслы заговорщиков, разбил мятежников, подвергнул виновных строгим наказаниям и тем доставил арианам повод, в свою очередь, обвинять его в религиозном гонении. Восемь епископов, имена которых обнаруживают их варварское происхождение, отреклись от своих заблуждений, и все книги арианского богословия были обращены в пепел вместе с домом, в котором они были собраны для этой цели. Все вестготы и свевы вступили в лоно католической церкви или по убеждению, или поневоле; но вера нового поколения была горяча и искренна, и благочестивая щедрость варваров обогатила испанские церкви и монастыри. Семьдесят епископов, собравшихся на соборе в Толедо, приняли от своих победителей изъявления покорности, а религиозное усердие

испанцев усовершенствовало Никейский символ веры, установив происхождение св. Духа как от Отца, так и от Сына, - весьма важный догмат, вызвавший, много времени спустя после того, разрыв (острые противоречия между западной и восточной христианскими церквями выявились на IV Константинопольском соборе, в 869-870 гг. Его решения были направлены против церковной политики константинопольского патриарха Фотия; V Константинопольский собор их отменил (879-880 гг.). Православие и католицизм, оформившиеся в XI в., по-разному оценивают IV Константинопольский собор: католицизм - как VIII Вселенский, православие не признает его таковым. - *Прим. ред.*) между церквями греческой и латинской¹³⁴). Царственный новообращенный тотчас обратился с приветствиями и с изъявлениями покорности к папе Григорию, прозванному Великим, - ученому и благочестивому прелату, царствование которого ознаменовалось обращением еретиков и неверующих. Послы Рекареда почтительно поднесли ему на священном пороге Ватикана богатые подарки из золота и драгоценных камней и считали за выгодный обмен полученные ими волосы св. Иоанна Крестителя, крест, в котором был вделан небольшой кусочек Креста Господня, и ключ, в котором было несколько железных опилок от цепей св. Петра¹³⁵).

Тот же самый Григорий, обративши в христианство Британию, поощрял благочестивую королеву лангобардов Теоделинду распространять Никейский символ веры между победоносными дикарями, которые запятнали свое недавнее обращение в христианство арианскими еретическими верованиями. Ее благочестивые усилия, однако, оставили достаточно места для предприимчивости и для успешных подвигов будущих миссионеров, и во многих городах Италии еще не прекращалась борьба между епископами враждующих партий. Но дело ариан мало-помалу гибло под тяжестью истины, личных интересов и примера высокопоставленных лиц и распря, возникшая в Египте из Платонова учения, прекратилась, после трехсотлетней борьбы, вместе с окончательным обращением в католицизм живших в Италии лангобардов¹³⁶).

Первые миссионеры, проповедовавшие между варварами, ссылались на свидетельство рассудка и требовали для себя веротерпимости¹³⁷). Но лишь только они успели утвердить

свое владычество над умами, они принудили христианских монархов искоренять без всякого милосердия остатки римских или варварских суеверий. Преемники Хлодвиг назначили сто ударов плети в наказание крестьянам, отказывавшимся от уничтожения своих идолов; приношение жертвы демонам было подвергнуто англосаксонскими законами еще более тяжелым наказаниям тюрьмой и конфискацией, и даже мудрый Альфред счел своим неизбежным долгом придерживаться чрезмерной строгости Моисеевых законов¹³⁸). Но и наказания и преступления мало-помалу прекратились среди обратившегося в христианство населения; богословским спорам не давало никакой пищи невежество, а религиозная нетерпимость, по невозможности отыскать ни язычников, ни еретиков, была вынуждена довольствоваться преследованием евреев. Эта нация изгнанников основала несколько синагог в галльских городах, а в Испании она развела со времен Адриана множество колоний¹³⁹). Богатства, накопленные ими торговлей и искусными финансовыми операциями, возбуждали жадность в их повелителях, а притеснять их можно было безопасно, так как они утратили и способность владеть оружием, и даже все, что могло бы напоминать им о военном ремесле. Царствовавший в начале седьмого столетия готский король Зизебут прямо приступил к самым строгим мерам¹⁴⁰). Девяносто тысяч евреев были вынуждены принять таинство крещения; у упорствовавших неверующих отбирали собственность, подвергали их пыткам, и еще остается нерешенным, было ли им дозволено покидать родину. Даже испанское духовенство старалось сдерживать чрезмерное рвение католического короля и торжественно постановило следующее несообразное со здравым смыслом правило: нельзя насильно заставлять принимать таинства, но, ради достоинства церкви, следует заставлять уже окрестившихся евреев исполнять внешние обряды религии, - в которую они не верили и которая была им противна. Частые уклонения от этого правила побудили одного из преемников Зизебута изгнать весь народ из своих владений, а Толедский собор издал декрет, обязывавший всех готских королей приносить клятву, что они никогда не отменят этого благотворного распоряжения. Но тиранам не хотелось выпускать из своих рук несчастных, которых им так нравилось пытать, - не хотелось лишить самих себя трудолюбивых рабов, которых они могли угнетать с

денежными для себя выгодами. Поэтому евреи не покидали Испании и жили в ней под гнетом тех самых гражданских и церковных законов, которые были в той же самой стране целиком перенесены в кодекс инквизиции. Готские короли и епископы в конце концов поняли, что угнетения порождают ненависть и что эта последняя рано или поздно найдет случай для отмщения. Народ, питавший тайную или явную вражду к христианам, не переставал размножаться в рабстве и в страданиях, а интриги евреев содействовали быстрому успеху арабских завоевателей¹⁴¹).

Лишь только варвары перестали оказывать непопулярной арианской ереси свое могущественное покровительство, она впала в презрение и в забвение. Но греки все еще сохраняли свою склонность к философским отвлеченностям и к болтливости; всякое вновь возникавшее учение возбуждало новые вопросы и новые споры, и всякий честолюбивый прелат или фанатичный монах был в состоянии нарушить внутреннее спокойствие церкви и даже империи. Историк может оставить без внимания эти споры, не проникавшие за пороги школ и соборов. Манихеи, старавшиеся согласовать религию Христа с религией Зороастра, тайно проникли внутрь провинций; но эти чужеземные сектанты были вовлечены в гибель, постигшую гностиков, и изданные против них императорские декреты приводились в исполнение всеобщей к ним ненавистью. Рациональные теории последователей Пелагия (Пелагий - христ. имя английского монаха Моргана, жившего на рубеже IV-V вв., основавшего в 384 г. школу в Риме. Его учение тяготело к античной философии ("свобода выбора" человека в достижении *спасения*), а потому было встречено в штыки ортодоксами. Пелагий был обвинен в ереси, предан анафеме и изгнан. - *Прим. ред.*) проникли из Британии в Рим, в Африку и в Палестину и незаметным образом исчезли в веке суеверий. Но спокойствие Востока было нарушено спорами последователей Нестория и Евтихия (Несторий - константинопольский патриарх в 428-431 гг. Основатель несторианства (признание Христа человеком, преодолевшим человеческую слабость и ставшего *мессией*), осужденного как ересь на Третьем Вселенском соборе (Эфесском) в 431 г. Несторий был низложен, осужден как еретик и сослан в Египет. Евтихий - константинопольский архимандрит, основатель монофизитства (признание Христа Богом, а

не богочеловеком). Учение Евтихия было осуждено как ересь Константинопольским собором 448 г., он сам низложен), пытавшихся объяснить тайну воплощения и ускорившими падение христианства в той самой стране, где оно зародилось. Эти споры впервые возникли в царствование Феодосия Младшего, но их важные последствия заходят далеко за пределы того, что должно служить содержанием этого тома. Нить метафизических аргументов, распри честолюбивого духовенства и их политическое влияние на упадок Византийской империи могли бы служить интересным и поучительным сюжетом для истории, обнимающей период времени от созыва Вселенских соборов Эфесского и Халкедонского до завоевания Востока преемниками Мухаммеда.

1) Томассен (Thomassin, *Discipline de l'Eglise*, том 1, стр. 1419-1426) и Гелио (Helyot, *Hist. des Ordres Monastiques*, том 1, стр. 1-66) тщательно исследовали происхождение монашества. Эти писатели обладают большой ученостью и достаточной добросовестностью, а их разномыслия освещают предмет со всех сторон. Впрочем, осторожный протестант, не доверяющий никаким католическим авторитетам, может обратиться к седьмой книге "Христианских Древностей" Бингама. 2) См. Евсев. *Demonstrat. Evangel.* (кн. 1, стр. 20, 21, edit. Graec. Rob. Stephani, Париж, 1545). В своей "Церковной Истории", изданной через двенадцать лет после "*Demonstration*", Евсевий (кн. 2, гл. 17) вступает за христианские верования терапевтов; но ему, кажется, не было известно, что такое же учреждение существовало в ту пору в Египте. (Неандер (Ист. Христ., ч. III, стр. 323) основательно замечает, что "не следует считать склонность к аскетизму за явление, свойственное одному христианству и истекающее прямо из духа этой религии. Нечто подобное встречается и в других религиях". Можно прибавить, что не только в других религиях, но и в самой человеческой природе. Среди бесконечного разнообразия темпераментов и характеров всегда найдутся такие, которые более или менее расположены к удалению от мира. Люди работающие, люди измученные, гонимые, разочарованные или пресытившиеся наслаждениями искали такого уединения, где могли избегать тревог общественной жизни. Христианство, бесспорно, поощряло такие наклонности, возбуждая в тех, кто им предавался, желание избежать заразы разврата. Мозрейм (*Institutes*, 1, 167) полагает, что это явление было почти одновременно с возникновением христианства и что оно коренилось в желании первых греческих христиан не отставать от тогдашних последователей Пифагора и Платона, отличавшихся суровой строгостью нравов и необыкновенным достоинством своего поведения. Подобно им, и усердные новообращенные старались возвыситься до такого положения, которое ставило бы их выше законов природы, и старались доказать, что имели полное право на то нравственное превосходство, на которое заявляли притязания. Связь между пер-

вобытным христианством и философией вообще отвергается Мозгеймом, но высказанная им мысль служит дополнительным подтверждением факта, который ясно вытекает из других соображений. Впрочем, система монашества (особый вид правильно организованного аскетизма) не приобрела бы такой прочности и такого значения, если бы церковная иерархия не заметила, что эти святоши могут служить не только оборонительной, но и наступательной силой для укрепления и расширения ее власти. - *Издат.*)

3) Кассиан (Collat., XVIII, 5) приписывает такое происхождение учреждению так называемых "Обительных" монахов, которое мало-помалу приходило в упадок, пока не было восстановлено Антонием и его последователями.

4) Так выражается Созомен, подробно и занимательно описывающий (кн. 1, гл. 12-14) происхождение и развитие этой иноческой философии. (См. Suicer. Thesaur. Eccles., том II, стр. 1441.) Некоторые из новейших писателей, как-то: Липсий (том IV, стр. 448, Manuduct. ad Philos. Stoic., III, 13), и Ла-Мот ле Вейе (том IX, de la Vertu des Payens, стр. 228-262) сравнивали кармелитов с пифагорейцами, а циников с капуцинами.

5) Кармелиты ведут свое происхождение в прямой линии от пророка Илии. (См. "Диссертацию" Безье, 1682, у Бейля в "Nouvelles de la Republique des Lettres, Oeuvres", том I, стр. 82 и сл. и написанную анонимным автором длинную сатиру на монашеские Ордена, (том I, стр. 1-433, Берлин, 1751). Рим и испанская инквизиция заставили умолкнуть нечестивую критику Фландрских иезуитов (Helyot., Hist. des Ordres Monastiques, том I, стр. 282-300), и статуя кармелита Илии была поставлена в церкви Св. Петра (Voyages du P. La bat., том III, стр. 87).

6) Плиний, Hist. Natur., V, 15. Gens sola, et in toto orbe praeter caeteras mira, sine ulla femina, omni venere abdicata, sine pecunia, socia palmarum. Ita per seculorum millia (Incredibile dictu) gens aeterna est in qua nemo nascitur. Tam foecunda illis aliorum vitae poenitentia est. По его словам, они жили на таком расстоянии от моря, какое было необходимо для того, чтобы избежать влияния вредных испарений и называет Энгадди и Мазадзу самыми близкими от них городами. Лавра или монастырь Св. Савы, должно быть, находился неподалеку оттуда. См. Reland. Palestin., том 1, стр. 295; том II, стр. 763-874, 880-890.

7) См. Opera св. Афанасия, том II, стр. 450-505 и Vit. Patrum, стр. 26-74 с примечаниями Розвейда. Первое - греческий подлинник, а второе - очень древний латинский перевод, сделанный другом св. Иеронима Эвагрием.

8) Grammata men mathein oyk enescheto (греч.). Афанас, том II, in Vit. St. Anton., стр. 452; мнение, что он был совершенно необразованный человек, разделяли многие из древних и новейших писателей. Но Тильемон (Mem. Eccles., том VII, стр. 666) доказывает при помощи некоторых правдоподобных аргументов, что Антоний умел читать и писать на своем родном коптском языке и что он только не был знаком с греческой литературой. Философ Синезий (стр. 51) находил, что природный гений Антония не нуждался в помощи научных познаний. (Неандер (ч. III, стр. 323) сообщает более точные сведения о

мотивах, руководивших Антонием в начале его деятельности и о происхождении правильно организованной монашеской жизни: "В четвертом столетии существовало разномыслие насчет того, кого следует считать за основателя монашества, Павла или Антония. Если под словом "основателя" разуметь того, кто *распространил* этот образ жизни, то это название, бесспорно, должно принадлежать второму из них, так как хотя Павел и был первым христианским пустынником, однако без содействия Антония он оставался бы неизвестным для христианского мира и не имел бы последователей. До Антония, вероятно, было немало людей, которые по склонности или по стечению обстоятельств обрекали себя на этот род жизни; но о них никто не знал. Первый из них, о котором сохранилось предание, был вышеупомянутый Павел - хотя в этом случае предания не заслуживают большого доверия и были извращены вымыслами.

Гонения Деция, как рассказывают, заставили его, когда он еще был молодым человеком, переселиться в отдаленную пещеру. Он не изменял этого образа жизни, а соседнее пальмовое дерево доставляло ему пищу и одежду. Услышавши о нем, Антоний посетил его и познакомил с ним других". Рассказав эту историю, Неандер задается вопросом, достоверна ли она. Однако Афанасий, в своем жизнеописании Антония, говорит, что этот легко воспламенявшийся юноша "узнал по слухам, что на краю соседней деревни живет почтенный старец, который ведет образ жизни отшельника. Он посетил этого старца и принял его за образец". Для нас не имеет никакого значения, назывался ли этот старец Павлом или нет; мы во всяком случае узнаем, каким образом ранняя склонность Антония к уединению приняла решительное направление. Он первый вдохнул душу в безжизненные формы аскетизма, а Афанасий, всегда спешивший воспользоваться представлявшейся выгодой, ускорил это движение, урегулировал его и дал ему определенное направление. Если александрийский патриарх не был настоящим прародителем монашества, то был его крестным отцом и покровителем. - *Издат.*)

9) *Arurae autem erant ei trecentae uberes, et valde optimae.* (Vit. Patr., кн. 1, стр. 36.) Если *arura* была квадратной мерой в сто египетских локтей (*Rosweyde, Onomasticon ad Vit. Partrum*, стр. 1014, 1015), а египетский локоть во все века равнялся двадцати двум английским дюймам (*Greaves*, ч. 1, стр. 233), то *arura* должна равняться почти трем четвертям английского акра.

10) Монастырь описан Иеронимом (том 1, стр. 248, 249, in Vit. Hilarion) и О. Сикаром (*Missions du Levant*, том V, стр. 122-200). Их описания не всегда можно согласовать одно с другим: отец Церкви описывал его по фантазии, а иезуит по тому, что сам видел.

11) Гонения Диоклетиана много содействовали населению пустыни спасавшимися бегством христианами, предпочитавшими пустынную жизнь мученичеству. Планк. "История Христианской Церкви", том 1, гл. 14, §3 - Гизо. (К этому можно прибавить, со слов Неандера, что Антоний родился в 251 году и, стало быть, имел более пятидесяти лет от роду, когда были изданы Диоклетиановы декреты. Поэтому весьма правдоподобно, что его пример побудил многих искать безопасности в таких же убежищах. В 311 году он уже так славился своей святостью, что, когда ему пришлось посетить Александрию,

рию во время гонений, возобновленных Максимом, "другие пришедшие в город монахи скрывались, а Антоний показывался публично, и никто не осмелился наложить на него руку". - *Издат.*)

12) Иероним, том I, стр. 146, ad Eustochium Hist. Lausiac., гл. 7, in Vit. Patrum, стр. 712. О. Сикар (Missions du Levant, том II, стр. 29-79) посетил и описал пустыню, в которой теперь четыре монастыря и двадцать или тридцать монахов. См. Анвилль, Description de l'Egypte, стр. 74.

13) Табенн - маленький островок на Ниле в округе Тентиры или Дендеры между новейшим городом Гирге и развалинами древней Фивы (Анвилль, стр. 194). Тильемон сомневается, точно ли это был остров; но из фактов, которые он сам приводит, я заключаю, что первоначальное название было перенесено на большой монастырь в Бо или Пабо (Mém. Ecclés., том VII, стр. 678-688).

14) См. в "Codex Regularum" (изданном Лукою Голштениусом, Рим, 1661) Предисловие св. Иеронима к его латинскому переводу церковных уставов Пахомия., том. 1, стр. 61.

15) Rufin., гл. 5, in Vit. Patrum, стр. 459. Он называет этот город *civitas ampla, valde et populosa* и говорит, что в нем было двенадцать церквей. Страбон (кн. 17, стр. 1166) и Аммиан (XXII, 16) хорошо отзываются об Оксиринхе, жители которого боготворили маленькую рыбку в великолепном храме.

16) *Quantl populi habentur in urbibus, tantae paene habentur in desertis multitudines monachorum.* Rufin., гл. 7, Vit. Patrum, стр. 461. Он радуется этой счастливой перемене.

17) Иероним (том I, стр. 119, 120, 199) упоминает лишь мимоходом о введении монашества в Риме и в Италии. (В первое время своего возникновения монашество было многим обязано энергии и представлению Афанасия. Написанная им биография Антония доказывает, что он относился к монахам с горячим участием и служил для них руководителем. В 352 году он приказал патриарху аскетизма, которому было в ту пору сто лет, побывать в Александрии для того, чтобы содействовать уничтожению арианства, которое поддерживал император Констанций. Знаменитый друг архиепископа произвел своим появлением такое сильное впечатление, что даже язычники толпами сходились в церкви, чтобы посмотреть на "Божия человека", а больные теснились вокруг него, стараясь прикоснуться до его одеяния в надежде исцелиться. В течение проведенных им там нескольких дней в христианство и в православие обратилось более людей, чем прежде обращалось в течение целого года. (Неандер, 3, стр. 231.) Следующие шесть лет своего изгнания (356 - 361) Афанасий провел в пустынях Фиваиды. Антония уже не было в живых, а египетский архиепископ все еще находил радушный прием и приют в многочисленных монастырях этой провинции, и не подлежит сомнению, что он старался вводить в них дисциплину и устав Пахомия. Во всех случайностях его жизни, монахи были его верными телохранителями, ловкими эмиссарами и надежными поверенными. Он ввел монашество на Западе и содействовал его распространению. Сначала оно не встретило там большого сочувствия, но его влиятельное вмешательство скоро доставило ему общее расположение. "В то время как изгнанный из восточных провинций Афанасий жил на Западе,

он впервые ввел там более близкое знакомство с восточным монашеством. В этом деле имел большое влияние его очерк жизни монаха Антония, переведенный на латинский язык вскоре после своего появления" (Неандер, III, 367). Он объяснил епископам, какие выгоды они могут извлекать из этого учреждения, и самые выдающиеся отцы Западной церкви не переставали поддерживать монашество в течение следующих восьмидесяти лет. И Евсевий Верчеллийский, и Амвросий Миланский, и Мартин Турский, и Иероним, и Августин - все "старались пробуждать и усиливать это направление ума между христианами и в Италии, и в Галлии, и в Африке". - *Издат.*

18) См. биографию Илариона, написанную св. Иеронимом (том. 1, стр. 241, 252). Написанные тем же автором рассказы о Павле, Иларионе и Малхе очень хорошо изложены, и единственный недостаток этих интересных произведений заключается в отсутствии правдивости и здравого смысла.

19) Первоначально он удалился в небольшую деревню, находившуюся на берегах Ириса, неподалеку от Неокесарии. Десять или двенадцать лет его монашеской жизни прерывались продолжительными и частыми отлучками. Некоторые критики оспаривали достоверность его аскетических уставов, но все внешние данные говорят в пользу этой достоверности и служат доказательством того, что это был плод настоящего или притворного энтузиазма. См. Тильмон. *Mém. Ecclés.*, том IX, стр. 636-644. Helyot, *Hist. des Ordres Monastiques*, том 1, стр. 175-181.

20) См. его *жизнеописание* и три Диалога Сульпиция Севера, который утверждает (*Dialog.* 1. 16), что римские книгопродавцы были очень довольны быстрой распродажей его популярного сочинения.

21) Когда Иларион отплыл из Паретония к мысу Пахину, он предложил в уплату за переезд один том Евангелий. Посетивший Египет галльский монах Поступий нашел торговое судно, отправлявшееся из Александрии в Марсель, и совершил этот переезд в тридцать дней (Сульп. Сев. *Dialog.* 1, 1). Афанасий, рассылавший свою биографию св. Антония иностранным монахам, был вынужден торопиться окончанием своего сочинения, для того чтобы оно было готово ко времени отплытия кораблей (том II, стр. 451).

22) См.: Иероним (том 1, стр. 126), Ассемании (*Bibliot. Orient.*, том IV, стр. 92, 857-919) и Геддес (*История Эфиопской церкви*, стр. 29-31). Абиссинские монахи очень строго придерживались первоначальных постановлений.

23) "Britannia" Кемдена, ч. 1, стр. 666, 667.

24) Все, что могла извлечь ученость из мусора веков мрака, собрано архиепископом Ушером в его "*Britannicarum Ecclesiarum Antiquitates*", гл. 16, стр. 425-503.

25) Маленький, но не совершенно бесплодный островок Иона, Гай или Колумбкилль, имеет две мили в длину и одну в ширину. На нем находились: 1) монастырь Св. Колумбы, который был основан в 566 г. и управлялся аббатом, юрисдикции которого были подчинены каледонские епископы; 2) классическая библиотека, в которой, может быть, находилось Полное собрание сочинений Ливия, и 3) гробницы шестидесяти шотландских, ирландских и норвежских королей, покоившихся в освященной почве. См.: Ушер (стр. 311, 360-370) и Буханан

(*Reg. Sest.* кн. 2, стр. 15, изд. Руддимана). (Подлинный рассказ о Колумбе и о его монастыре можно найти в *Chron. Sax. A. D.* 565 и у Беда в его "Церк. Ист.", кн. III, гл. 4 (изд. Бона, стр. 113, 114, 313). Колумбиль было название не острова, а святого (*ib.*, стр. 248). Некоторые смешивали его с его современником Колумбаном, основавшим монастыри в Луксовии (*Luxovium*), в Галлии и в Бобие (*Bobium*), в Ломбардии. Клинтон, *F. R.* II, 484. - *Издат.*)

26) Златоуст (в первом томе бенедиктинского издания) посвятил три книги на восхваление и защиту монашеской жизни. Ссылаясь на пример ковчега, он считает себя вправе думать, что никто не может спастись, кроме избранных, то есть монахов (кн. 1, стр. 55, 56). Впрочем, в другом месте он высказывает более милосердия (кн. 3, стр. 83, 84) и допускает различные степени величия сообразно с тем, как различны солнце, луна и звезды. В своем сравнении короля с монахом (кн. 3, стр. 116-121) он говорит (что едва ли справедливо), что король будет менее щедро награжден и более строго наказан.

27) Томассен (*Discipline de l'Eglise*, том 1, стр. 1426-1469) и Мабильон (*Oeuvres Posthumes*, том II, стр. 115-158). Монахи мало-помалу были приняты в состав церковной иерархии.

28) Доктор Миддлетон (ч. 1, стр. 110) очень нападает на поведение и на сочинения Златоуста, который был одним из самых красноречивых поборников монашества.

(Первоначальные постановления касательно организации монастырей воспрещали такие злоупотребления: ни один из двух супругов не мог поступить в монашеское звание без согласия другого (св. Василий, *Reg. maj.*, qu. XII); малолетний ребенок не мог туда поступить без согласия родителей (*I b.* qu. XV, *Conc. Gangr.*, гл. 16), а раб без согласия своего господина (*Conc. Chalced.*, гл. 4). Но император Юстиниан отменил эти стеснения и позволил рабам, детям и женам поступать в монастыри, не спрашиваясь своих господ, родителей или мужей. *Novell.* V, гл. 2; *Кодекс Юстин.*, кн. 1, тит. 3, зак. 53-55. - (*Гизо.*))

29) Похвалы благочестивых женщин занимают очень значительное место в произведениях Иеронима; особенно замечателен в этом отношении трактат, озаглавленный "Эпитафия Павлы" (том I, стр. 169-192); это тщательно обработанный и нелепый панегирик. Вступление отличается странной напыщенностью: "Если бы все части моего тела обратились в языки и если бы все мои члены могли заговорить человеческим голосом, я все-таки не был бы в состоянии" и т.д.

30) *Socrus Dei esse coepisti* (Иероним, том I, стр. 140, *ad Eustochium.*). Руфин (*in Hieronym. Op.*, т. IV, стр. 223) приведен в негодование при чтении этих слов и обратился к своему противнику с вопросом: у какого языческого поэта он выкрал такое богохульное и нелепое выражение?

31) *Nunc autem veniunt plerumque ad hanc professionem servitutis Dei, et ex conditione servilli, vel etiam liberati, vel propter hoc a Dominis liberati sive liberandi; et ex vita rusticana, et ex opificum exercitatione, et plebeio labore.* Аврустин, *de Oper. Monach.*, гл. 22, *ap. Thomassin, Discipline de l'Eglise*, том III, стр. 1094. Порицавший Арсения египтянин сознавался, что вел более комфортабельную жизнь

монахом, чем когда был пастухом. Тильефон, *Mém. Ecclés.*, том XIV, стр. 679.

32) Один доминиканский монах (*Voyages du P. Labat*, том I, стр. 10), поселившийся на время в монастыре своих братьев, говорит, что их покой никогда не прерывался ночным богослужением, "хотя и не переставали звонить в колокола для назидания публики".

33) См. очень дельное предисловие Луки Голштениуса к "*Codex Regularum*". Императоры старались поддерживать исполнение обязанностей и в общественной, и в частной жизни; но эти слабые препоны были снесены потоком суеверия, и Юстиниан превзошел все ожидания монахов в том, что касалось исполнения их желаний. (Thomassin, том I, стр. 1782 - 1799 и Bingham, кн. 7, гл. 3 стр. 253.) (Так, например, император Валент издал следующий закон: *Contra ignaviae quosdam sectatores, qui, desertis civitatum muneribus, captant solitudines ac secreta, et specie religionis, cum coetibus monachorum congregantur.* Код. Феод., кн. XII, тит. 1, зак. 63. - Гизо). (Законы, церковные правила и уставы, на которые ссылается Гизо и в этом примечании и в предыдущем, как на палиативные меры против существовавшего зла, были скоро отменены благодаря влиянию и настояниям духовенства. - Издат.)

34) Следующие четыре любознательных и благочестивых путешественника описывали монашеские учреждения, в особенности египетские, в том виде, в каком они находились около 400 года: Rufinus, *Vit. Patrum*, кн. 2, 3, стр. 424-536, Posthumian (Сульп. Сев. *Dialog.* 1), Palladius (*Hist. Lausiaca* in *Vit. Patrum*, стр. 709-863) и Cassian (см. в томе VII "*Bibliothec. Max. Patrum*" его первые четыре книги "Институтов" и двадцать четыре "Беседы").

35) Пример Малха (Иероним, том I, стр. 256) и намерение Кассиана и его приятеля (Беседа 24, 1) служат неопровержимыми доказательствами их свободы, которая изящно описана Эразмом в "Биографии св. Иеронима". См. Chardon, *Hist. des Sacremens*, том VI, стр. 279-300.

36) См. законы Юстиниана (*Novel.* 123, № 43) и св. Людовика (в "Собрании французских историков", том VI, стр. 427) и теперешнюю французскую юриспруденцию у Дениссара (*Decisions* и пр., том IV, стр. 855 и сл.).

37) Древний "*Codex Regularum*", собранный реформатором монашества в начале девятого столетия Бенедиктом Анианином и изданный в семнадцатом столетии Лукою Голштениусом, содержит в себе тридцать различных уставов для мужчин и для женщин. Среди этих уставов семь сочинены в Египте, один на Востоке, один в Каппадокии, один в Италии, один в Африке, четыре в Испании, восемь в Галлии или во Франции и один в Англии.

38) Устав Колумбана, пользовавшийся таким уважением на Западе, назначает сто ударов плетью за самый легкий проступок (*Cod. Reg.*, ч. 2, стр. 174). До Карла Великого аббаты позволяли себе калечить подчиненных им монахов и вырывать у них глаза; однако это наказание было гораздо менее жестоко, чем придуманное после того *Vade in pace* (подземная тюрьма или могила). См. превосходную Диссертацию ученого Мабильона (*Oeuvres Posthumes*, том II, стр. 321-336), который, как кажется, воодушевился по этому поводу духом челове-

колюбия. За такое усилие я способен простить ему то, что он говорит о святой слезе Вендома (стр. 361-399).

39) Sulp. Sever. Dialog. 1, 12, 13, стр. 532 и сл. Cassian., Institut., кн. 4, гл. 26, 27. Praecipua ibi virtus et prima est obedientia. Между Verba Seniorum (in Vit. Patrum, кн. 5, стр. 617) в четвертой сатире или диссертации идет речь о повиновении, а иезуит Розвейд, издавший для монастырей этот громадный труд, собрал все его разбросанные отрывки в своих двух обширных указателях.

40) Dr. Jortin (Примеч. к "Церк. Ист.", ч. IV, стр. 161) обращает внимание на скандальную храбрость каппадокийских монахов, обнаружившуюся во время изгнания Златоуста.

41) Кассиан безыскусственно, но вместе с тем подробно описал одежду египетских монахов (Institut., кн. 1), которая, по словам Созомена (кн. 3, гл. 14), имела аллегорическое значение и особые достоинства.

42) Regul. Benedict. № 55, in Cod. Regul., ч. 2, стр. 51.

43) См. "Уставы" епископа Узесского Ферреола (№ 31, in Cod. Regul., ч. 2, стр. 136) и епископа Севильского Исидора (№ 13, in Cod. Regul., ч. 2, стр. 214).

44) Иногда делалось исключение в пользу рук и ног: Totum autem corpus nemo uiguet nisi causa infirmitatis, nec lavabitur aqua nudo corpore, nisi languor perspicuus sit. (Regul. Pachom. 92, ч. 1, стр. 78).

45) Св. Иероним говорит о главной пользе постов и воздержания в энергичных, но нескромных, выражениях: Non quod Deus universitatis Creator et Dominus, intestinorum nostrorum rugitu, et inanitate ventris, pulmonisque ardore delectetur, sed quod aliter pudicitia tuta esse non possit. (Op., том 1, стр. 137, ad Eustochium). См. двенадцатую и двадцать вторую "Беседу" Кассиана "de Castitate" и "de Illusionibus Nocturnis".

46) Edacitas in Graecis gula est, in Gallis natura. (Dialog. 1, гл. 4, стр. 521). Кассиан откровенно сознается, что в Галлии нет возможности вполне придерживаться правил воздержания по причине aegrum temperies и qualitas nostrae fragilitatis. (Institut., IV, II). Между западными монастырскими уставами самый строгий - устав Колумбана; этот святой воспитывался в Ирландии в такой бедности, которая, быть может, так же сурова и взыскательна, как воздержанность египтян. Устав Исидора Севильского самый мягкий из всех: он позволяет мясо по праздникам.

47) "Кто пьет только воду и не употребляет питательных крепких напитков, тот должен получать по меньшей мере полтора фунта (двадцать четыре унции) хлеба в день". "Положение Тюрем" Гоуарда, стр. 40.

48) См. Кассиана Collat., кн. 2, стр. 19-21. Маленьким кусочкам хлеба или сухарей, из которых каждый весил шесть унций, дали название *raximacia* (Rosweyde, Onomasticon, стр. 1045). Впрочем, Пахомий допускал для своих монахов некоторую свободу в том, что касалось количества пищи, но заставлял их работать соразмерно с тем, сколько они съели. (Pallad., in Hist. Lausiaca., гл. 38, 39, in Vit. Patrum, кн. 8, стр. 736, 737.) (Настоящее название для каждого из этих кусочков в шесть унций было *raximatium*. См. Du Cange, 5, 307. Он дает этому слову значение *panis subcinericius vel recocatus*. Стало быть, было бы правильно называть их *сухарями*. Свидас производит это название

от некоторого Паксамуса, который, как уверяют, изобрел такие сухари. - *Издат.*)

49) См. описание обеда, на который пригласил Кассиана (Collation VIII, 1) один из египетских настоятелей, по имени Серен.

50) См. "Устав" Св. Бенедикта, № 39, 40 (in Cod. Reg., ч. 2, стр. 41, 42). Licet legamus vinum omnini monachorum non esse, sed quia nostris temporibus id monachis persuaderi non potest; он разрешает им римскую hemina, размер которой можно узнать из таблиц Арбютно.

51) Такие выражения, как "моя" книга, "мой" плащ, "мои" башмаки (Cassian., Institut., кн. 4, гл. 13) были не менее строго воспрещены западным монахам (Cod. Regul., ч. 2, стр. 174, 235, 288), а "Устав" Колумбана наказывал тех, кто их произнес, шестью ударами плети. Злоязычный автор сочинения "Ordres Monastiques", насмехающийся над нелепой придирчивостью новейших монастырских правил, по видимому, не знает того, что старинные уставы были не менее нелепы.

52) Два великих знатока церковной науки - о. Томассен (Discipline de l'Eglise. том III, стр. 1090-1139) и о. Мабильон (Etudes Monastiques, том 1, стр. 116-155) серьезно описывали ручные занятия монахов, на которые первый из этих писателей смотрел, как на личную заслугу, а второй, как на исполнение долга.

53) Мабильон (Etudes Monastiques, том 1, стр. 47-55) собрал много интересных подробностей в доказательство того, что его предшественники и на Востоке, и на Западе занимались литературой. Книги переписывались и в старинных египетских монастырях (Cassian. Institut., кн. 4, гл. 12), и последователями св. Мартина (Сулп. Север in Vit. Martin. гл. 7, стр. 473), Кассиодор дал большой простор ученым занятиям монахов, и нас не должен возмущать тот факт, что их перо нередко переходило от Златоуста и Августина к Гомеру и Вергилию.

54) Томассен (Discipline de l'Eglise, том III, стр. 188, 145, 146, 171-179) исследовал перемены, происходившие в светских и церковных законах. Современная нам Франция признает гражданскую смерть, которой добровольно подвергли сами себя монахи, и основательно лишает их всех наследственных прав.

55) См. Иероним, том 1, стр. 176-183. Монах Памбо прекрасно ответил Мелании, пожелавшей определить ценность ее приношения: "Кому приносите вы этот дар, мне или Богу? Если Богу, то тот, кто взвешивает на своих весах горы, не имеет надобности справляться о весе вашей столовой посуды". (Pallad. Hist. Lausiac., гл. 10, in Vit. Patrum, кн. 8, стр. 715).

56).....

Зосим, кн. 5, стр. 325. Однако богатство восточных монахов было далеко превзойдено царственным величием бенедиктинцев.

57) Шестой вселенский собор (Quinisext in Trullo, Canon 47, у Бевериджа, том 1, стр. 213) запрещает женщинам проводить ночи в мужских монастырях, а мужчинам в женских. Седьмой Вселенский собор (второй Никейский, Canon 20, у Бевериджа, том 1, стр. 325) запрещает основывать смешанные монастыри для лиц обоего пола; но из того, что пишет Бальзамон, видно, что запрещение не исполнялось. Касательно недозволенных духовенству и монахам удовольствий и расходов см.: Томассен, том III, стр. 1334-1368.

58) Я где-то слышал или читал, что один бенедиктинский аббат сделал следующее признание: "Мой обет бедности доставил мне ежегодный доход в сто тысяч крон; мой обет повиновения возвысил меня до положения самодержавного государя". Не помню, что доставил ему обет целомудрия.

59) Египетский монах Приор позволил своей сестре посетить его, но во все время ее посещения он не открывал своих глаз. См. Vit. Patrum, кн. 3, стр. 504. Можно привести немало таких примеров.

60) Устав Пахомия (статья 7, 8, 29, 30, 31, 34, 57, 60, 86 и 95) налагает самые невыносимые стеснения касательно молчания и умерщвления плоти.

61) Дневные и ночные молитвы монахов подробно описаны Кассианом в третьей и четвертой книгах его "Учреждений"; он постоянно высказывал свое предпочтение к литургии, которую ангел продиктовал для Таббенских монастырей.

62) Кассиан описывает по собственному опыту *acedia* или оцепенение ума и тела, овладевающее монахом, когда он тоскует от одиночества. *Saepius pue egreditur et ingreditur cellam, et solem velut ad occasum tardius properantem crebrius intuetur.* (Institut., X, I.)

63) Соблазны и страдания Стагирия были рассказаны этим несчастным юношей его другу Златоусту. См. "Сочин." Миддлетона, ч. 1, стр. 107-110. Нечто подобное случалось почти со всеми святыми в начале их жизни, а знаменитый основатель Ордена иезуитов Иниго, или Игнаций (Vie d'Inigo de Gulpuscoa, том I, стр. 29-38), представляет достопамятный пример таких страданий.

64) Fleury, Hist. Ecclésiastique, том VII, стр. 46. Я где-то читал в "Vitae Patrum", но не припомню в каком месте, - что *некоторые* или даже *многие* из монахов, не сообщившие настоятелю о своих искушениях, совершили преступление самоубийства.

65) См. седьмую и восьмую "Беседы" Кассиана, который серьезно рассматривает вопрос, почему демоны стали менее предприимчивы и менее многочисленны со времен св. Антония. Обширный указатель, приложенный Розвейдом к "Vitae Patrum", указывает на множество разнообразных адских сцен. Черты были особенно страшны, когда принимали вид женщин.

66) Касательно различия между "обительными" монахами и "отшельниками", в особенности в Египте, см. Иеронима (том I, стр. 45, ad Rusticum), первый "Диалог" Сульпиция Севера; Руфина (гл. 22, in Vit. Patrum, кн. 2, стр. 478); Палладия (гл. 7, стр. 69, in Vit. Partum, кн. 8, стр. 712, 758) и в особенности восемнадцатую и девятнадцатую беседы Кассиана. Эти писатели, сравнивая жизнь в обществе других людей с жизнью в уединении, обнаруживают вред и опасности последней.

67) Suicer, Thesaur. Ecclesiast., том II стр. 205, 218. Томассен (Discipline de l'Eglise, том I, стр. 1501, 1502) подробно описал эти кельи. Когда Герасим основал свой монастырь в иорданской пустыне, вокруг монастыря образовалась Лавра из семидесяти келий.

68) Феодорет собрал в обширном томе (Philotheus, in Vit. Patrum, кн. 9, стр. 793-863) жизнеописания и чудеса тридцати отшельников. Эвагрий (кн. I, гл. 12) хвалит палестинских монахов и отшельников, не вдаваясь в большие подробности.

69) Созомен, кн. 6, гл. 33. Великий святой Ефрем написал панегирик в честь этих *boskoi* (греч.) или питавшихся травой монахов (Тилье-мон, Мем. Eccles., том VIII, стр. 292).

70) О. Сикар (*Missions du Levant*, том II, стр. 217-223) описывал пещеры Нижней Фиваиды с восторгом и с благочестием. Надписи сделаны были на старом сирийском языке, на котором говорили жившие в Абиссинии христиане.

71) См. произведения Феодорета (*In Vit. Patrum*, кн. 9, стр. 848-854), Антония (*In Vit. Patrum*, кн. 1, стр. 107-177), Косма (*Cosmas, in Asseman. Biblioth. Oriental.*, том 1, стр. 239-253), Эваргия (кн. 1, гл. 13, 14) и Тильемона (Мем. Eccles., том XV, стр. 347-392).

72) По словам Эваргия, вершина столба имела окружность в два локтя, или в три фута; но такой незначительный размер противоречит и здравому смыслу, и фактам, и правилам архитектуры. Глядя на нее снизу, легко было впасть в заблуждение.

73) Я не должен умалчивать о скандальном происшествии, которое, по старинным преданиям, было причиной этой язвы. Рассказывали, будто черт, принявший внешний вид ангела, пригласил Симеона сесть подобно Илии в огненную колесницу. Святой слишком опрометчиво поспешил поднять свою ногу, а сатана воспользовался этим случаем, чтобы наказать его за тщеславие.

74) Я затрудняюсь в выборе или в преимущественном указании чудес, содержащихся в "*Vitae Patrum*" Розвейда, так как они далеко превосходят своим числом тысячу страниц этого объемистого издания. Избранные образчики этих чудес можно найти в "Диалогах" Сульпиция Севера и в написанной им биографии св. Мартина. Он относится с большим уважением к египетским монахам, но унижает их своим замечанием, что они никогда не воскрешали мертвых, между тем как епископ Турский воскресил троих.

75) Касательно Ульфилы и обращения готов в христианство см. Созомена, кн. 6, гл. 37; Сократа, кн. 4, гл. 33; Феодорета, кн. 4, гл. 37; Филосторгия, кн. 2, гл. 5. Филосторгий, как кажется, располагал более обширными сведениями благодаря тому, что был еретиком. (И древние писатели, и многие из новейших были до такой степени заняты вопросами, был ли Ульфил арианин, и если был, то почему, был ли он современником Константина или современником Валента, и был ли он в действительности изобретателем азбуки, употреблявшейся им при переводе св. Писания, - что опустили из виду самые назидательные поучения, которые можно извлечь из того, что нам достоверно о нем известно. Эти исследования можно найти у Неандера в его "Ист. Христ." ч. III, стр. 177 и в "Северн. Древн." Маллз с примеч. епископа Перси, стр. 223, изд. Бона. Настоящее имя Ульфилы Wolfel или Wolfel, очевидно, готское происхождения. Однако, по мнению Неандера, хотя он и принадлежал к семейству, которое было родом из Каппадокии, он мог принять это имя из желания угодить Мизийской колонии, среди которой он родился и долго жил. Он, бесспорно, приобрел большое влияние на своих соотечественников, а своим переводом св. Писания на их язык отметил начало новой эры в истории их умственного развития. Это была первая книга, которую они читали. Рукопись, о которой упоминает Гиббон, была найдена в Верденском аббатстве, в Вестфалии и, как полагают, была точной копией

с перевода Ульфила. Она хранится в Упсальской библиотеке и носит название "Codex Argenteus", так как в ней все буквы из серебра, а заглавные буквы из золота на веленовой бумаге фиолетового цвета. Они оттиснуты металлическим шрифтом, точно так же, как и заголовки на обороте книги, из чего можно заключить, что уже в эту отдаленную эпоху было почти изобретено книгопечатание. Другие отрывки, найденные в Вольфенбюттельской библиотеке и кардиналом Май в Риме, дали возможность составить полное издание, вышедшее в свет в Лейпциге, в 1836 году. В этих рукописях буквы несколько не похожи на рунические, и епископ Перси полагает, что они были изобретены Ульфиллой, как это положительно утверждают древние писатели. Нибур (*Лекции*, 3, 317) приписывает им более раннее происхождение, так как он говорит, что, когда вестготы переправились в царствование императора Валента через Дунай, "у них была своя собственная национальная цивилизация и они уже имели свою азбуку, составленную для них Ульфиллой". Впрочем, никакие разногласия не могут скрыть от наших глаз того факта, который более всех других достоин нашего внимания. Благодаря своим сношениям с Римской империей готы сделали тот первый шаг, который служит подготовкой ко всякому образованию и просвещению, и сделались способными к приобретению и распространению знаний. Этим фактом вполне опровергается их мнимая неспособность и отвращение к научным занятиям. Впрочем, препятствия, встреченные ими на пути, были так велики, что гений готов должен был бороться с ними в течение тысячи лет со смерти Ульфила, пока не вступил в обладание своим прирожденным правом развиваться без всяких стеснений. - *Издат.*)

76) Искорженная копия четырех евангелий в переводе на готский язык была издана в 1665 г. и считается за самый древний памятник тевтонского языка, хотя Ветштейн и пытается, при помощи шатких догадок, отнять у Ульфила честь этого труда. Две из четырех добавочных букв выражают W или английское Th. См. Simon, *Hist. Critique du Nouveau Testament*, том II, стр. 219-223. Mill, *Prolegom.* стр. 151, изд. Кюстера; Wetstein, *Prolegom.*, том 1, стр. 114.

77) Филосторгий ошибочно относит этот переход к царствованию Константина, но я очень склонен думать, что он предшествовал великому переселению готов.

78) Мы обязаны Иордану (*de Reb. Get.*, гл. 51, стр. 688) кратким и живым описанием этих готов низшего разряда: *Gothi minores, populus immensus, cum suo Pontifice ipsoque primate Wulfila*. Последние слова, если только их не следует считать за повторение сказанного, заставляют предполагать существование чего-то вроде светской юрисдикции.

79) *At non ita Gothi, non ita Vandali; malis licet doctoribus instituti, meliores tamen etiam in hac parte quam nostri*. Salvian, *de Gubern. Dei*, кн. 7, стр. 243.

80) Мозгейм слегка обрисовал распространение христианства на севере с четвертого до четырнадцатого столетия. Этот сюжет доставил бы достаточно материалов не только для церковной истории, но даже для истории философии.

81) Этому мотиву Сократ (кн. 7, гл. 30) приписывал обращение в христианство бургундов, благочестие которых восхваляет Орозий (кн. 7, гл. 19).

82) См. подлинное и интересное послание первого Винчестерского епископа Даниила (Beda, Hist. Eccles. Anglorum, кн. 5, гл. 18, стр. 203, изд. Шмита) к св. Бонифацию, проповедовавшему Евангелие между дикарями Гессена и Тюрингии. Epistol. Bonifacii, 67, в "Maxima Bibliotheca Patrum", том XIII, стр. 93. (Даниил был первым Винчестерским епископом после разделения Вессекса на две епархии и после учреждения отдельной епископской епархии в Шерборне около 705 года. До того времени было пять Винчестерских епископов. Bede, Eccl. Hist., кн. III, гл. 7; IV, гл. 12, стр. 119, 191, изд. Бона. - Издат.)

83) Меч Карла Великого подкрепил силу этого аргумента; но в то время как Даниил писал это послание (723 г.), властвовавшие от Индии до Испании мусульмане могли бы обратить этот аргумент против христиан.

84) Мнения Ульфила и готов склонялись к полуарианству, так как они не утверждали, что Сын был *создан*, хотя и вступали в духовное общение с теми, кто придерживался этой ереси. Их апостол отзывался об этом спорном вопросе как о мелочной подробности, которой придали важное значение страсти духовенства. Феодорет, кн. 4, гл. 37.

85) Арианские верования готов приписывались вине императора Валента: Ita que justo Dei judicio ipsi eum vivum incenderunt, qui propter eum etiam mortui, vitio erroris arsurus sunt. Орозий, кн. 7, гл. 33, стр. 554. Этот жестокий приговор подтвержден Тильемоном (Mém. Eccles., том VI, стр. 604-610), который хладнокровно замечает: un seul homme entraîna dans l'enfer un nombre infini de Septentrionaux, etc. Salvian (de Gebern. Dei, кн. 5, стр. 150, 151) сожалеет об их невольном заблуждении и извиняет им его.

86) Орозий утверждал в 416 году (кн. 7, гл. 41, стр. 580), что христианские (то есть католические) церкви наполнены гуннами, свевами, вандалами и бургундами.

87) Король фрисландцев Радбод был так шокирован этим опрометчивым заявлением одного миссионера, что вынул назад ногу, уже опущенную в купель. См. Fleury, Hist. Eccles., том IX, стр. 167.

88) Послания Сидония, бывшего клермонским епископом под владычеством вестготов, и послания Авита, бывшего епископом Виенны под владычеством бургундов, объясняют, хотя и не всегда в ясных выражениях, каково было общее настроение умов между католиками. История Хлодвиг и Теодориха познакомит нас с некоторыми отдельными фактами.

89) Гензерих оправдывал эти сравнения той строгостью, с которой он наказывал за эти нескромные намеки. Victor Vitensis, кн. 7, стр. 10.

90) Таковы жалобы Сидония, который был в то время епископом в Клермоне (кн. 7, гл. 6, стр. 182 и сл., изд. Сирмунда). Григорий Турский, ссылавшийся на это послание (кн. 2, гл. 25, в томе II, стр. 174), утверждает без всяких доказательств, что из девяти вакантных епископских должностей в Аквитании некоторые очистились вследствие мученичества епископов.

- 91) Подлинные свидетельства о предпринятом вандалами гонении находятся в пяти книгах "Истории" Виктора Витенского (Victor Vitensis, de Persecutione Vandallica), одного из епископов, отправленных Гуннерихом в ссылку; в жизнеописании св. Фульгенция, прославившегося во время гонений Фразимунда (in Biblioth. Max. Patrum, том IX, стр. 4-16) и в первой книге "Вандальской Войны" беспристрастного Прокопия (гл. 7, 8, стр. 196-199). Последний издатель произведений Виктора Рюинар разъяснил весь этот вопрос пространными и учеными примечаниями и дополнением (Париж, 1694).
- 92) Виктор, IV, 2, стр. 65. Гуннерих отказывает приверженцам Homoousion'a в названии католиков. Он выдает за настоящих Divinae Majestatis cultores приверженцев своей партии, исповедующих такую веру, которая была признана более чем тысячею епископами на соборах в Римини и в Селевкии.
- 93) Виктор, II, 1, стр. 21, 22. Laudabilior... videbatur. В рукописях, где опущено первое из этих слов, это место становится совершенно непонятным. См. Рюинар, *Прим.*, стр. 164.
- 94) Виктор, II, 2, стр. 22, 23. Карфагенское духовенство называло эти условия periculosae, и действительно, они, как кажется, были предложены с целью поймать католических епископов в западню.
- 95) См. описание этого совещания и обхождения с епископами у Виктора, II, 13-18, стр. 35-42, и во всей четвертой книге, стр. 63-171. Третья книга, стр. 42-62, включает в себе лишь апологию или изложение их верований.
- 96) См. список африканских епископов у Виктора, стр. 117-140 и примечания Рюинара, стр. 215-397. Раскольническое имя Donatus встречается там нередко, и они, как кажется, усвоили (подобно нашим фанатикам нового времени) благочестивые прозвища Deodatus, Deogratias, Quidvultdeus, Habetdeum и т.п.
- 97) Фульгенций, Vit., гл. 16-29. Фразимунд любил, чтобы его хвалили за скромность и за ученость, и Фульгенций посвятил три тома религиозной полемики арианскому тирану, которого он называет pilissime Rex. Biblioth. Max. Patrum, том IX, стр. 41. В жизнеописании Фульгенция говорится только о шестидесяти сосланных епископах; Виктор Тунисский (Victor Tunnunensis) и Исидор увеличивают их число до ста двадцати; но оно доходит до двухсот двадцати в "Historia Miscella" и в одной краткой и подлинной хронике того времени. См. Рюинар, стр. 570, 571.
- 98) См. злобные и пошлые жалобы этого стоика, который не был в состоянии выносить ссылку с большим мужеством, чем Овидий. Если Корсика и не производила хлеба, вина и оливкового масла, не может быть, чтобы в ней не было ни овощей, ни воды, ни даже огня.
- 99) Si ob gravitatem coeli interissent, vile damnum. Тацит, Анн., II, 85. Фразимунд охотно согласился бы на то, чтобы эти слова читались, согласно с желанием некоторых критиков, utile damnum.
- 100) Об этих прелюдиях к общему гонению можно найти сведения у Виктора, II, 3, 4, 7 и в двух эдиктах Гуннериха, кн. 2, стр. 35; кн. 4, стр. 64.
- 101) См. Прокопий, de Bell. Vandal., кн. 1, гл. 7, стр. 197, 198. Один мавританский монарх постарался умиловить Бога христиан тем, что постарался изгладить следы святотатств, совершенных вандалами.

102) См. эти факты у Виктора, II, 8-12, стр. 30-34. Виктор описывает страдания этих мучеников, как человек, который видел их собственными глазами.

103) См. пятую книгу Виктора. Его страстные сетования подтверждаются добросовестным свидетельством Прокопия и публичным заявлением императора Юстиниана (Код., кн. 1, тит. 27).

104) Виктор, II, 18, стр. 41.

105) Виктор, V, 4, стр. 74, 75. Он назывался Викторианом и был одним из богатых граждан Адрумета; он пользовался доверием царя, по милости которого получил должность или по меньшей мере титул проконсула Африки.

106) Виктор, I, 6, стр. 8, 9. Вслед за рассказом об упорном сопротивлении и о ловком ответе графа Себастиана он прибавляет: *quare alio generis argumento postea bellicosum virum occidit*.

107) Виктор, V, 12, 13. Тильефон, Мém. Ecclés., том VI, стр. 609.

108) К Карфагенскому епископу более шел титул "примаса"; но различные секты и народы называли своих высших духовных сановников "патриархами". См. Thomassin, Discipline de l'Eglise, том I, стр. 155, 158.

109) Патриарх Кирилл сам публично заявил, что не знает латинского языка (Виктор, II, 18, стр. 42): *Nescio Latine*; он мог с достаточной легкостью говорить на этом языке, но не был в состоянии вести диспуты или произносить проповеди. Подчиненное ему вандальское духовенство было еще более невежественно, а от тех африканцев, которые переходили в арианство из католичества, нельзя было многого ожидать.

110) Виктор, II, 1, 2, стр. 22.

111) Виктор, V, 7, стр. 77. Он ссылается на свидетельство самого посла, который носил имя Урания.

112) *Astutiores*, Виктор, IV, 4, стр. 70. Он ясно дает понять, что их ссылка на слова Евангелия: *Non jurabitis in toto* была только предлогом, чтобы избежать стеснений неудобной клятвы. Отказавшиеся от клятвы сорок шесть епископов были сосланы на остров Корсику, а те триста два епископа, которые согласились дать клятву, были размещены по африканским провинциям.

113) Епископ Руспы, в Визаценской провинции, Фульгенций принадлежал к сенаторской семье и получил хорошее образование; он знал наизусть все произведения Гомера и Менандра прежде, нежели ему позволили изучать его родной латинский язык (Vit. Fulgent., гл. 1). Многие из африканских епископов знали греческий язык и произведения многих греческих богословов были переведены на латинский язык.

114) Сравн. два предисловия к "Диалогу" Вигилия из Фапса (стр. 118, 119, изд. Chiflet.). Он, может быть, хотел позабавить своих образованных читателей безвредным вымыслом; но сюжет был слишком серьезен, а африканцы были слишком необразованны.

115) О. Кеснель высказал это мнение, и оно встретило благосклонное одобрение. Но следующие три истины, как бы они не были поразительны, теперь уже всеми признаны. (Gerard Vossius, том VI, стр. 516-522. Tillemont, Мém. Ecclés., том VIII, стр. 667-671.) 1. Св. Афанасий не был автором того символа веры, который так часто читается в

наших церквах. 2. Этот символ, как кажется, не существовал в первое столетие, следовавшее за его смертью. 3. Он был первоначально сочинен на латинском языке и, стало быть, в западных провинциях. Константинопольский патриарх Геннадий был так поражен этим необыкновенным произведением, что откровенно признал его делом пьяного человека. Petav. Dogmat. Theologica, том II, кн. 7, гл. 8, стр. 687.

116) Св. Иоанн, V, 7. См. Simon, Hist. Critique du Nouveau Testament, ч. 1, гл. 18, стр. 203-218 и ч. 2, гл. 9, стр. 99-121 и тщательно обработанные Prolegomena и примечания докт. Милля и Ветштейна в изданном ими на греческом языке Новом Завете. В 1689 году папист Симон постарался сделаться свободным человеком; в 1707 году протестант Милль пожелал быть рабом, а в 1751 г. последователь Арминиева учения Ветштейн воспользовался свободой своего времени и своей секты.

117) Из всех дошедших до нас восьмидесяти с лишним рукописей, в числе которых есть такие, которые были написаны тысячу двести лет тому назад (Ветштейн, ad loc.), Православные копии - Ватиканская, Полиглотта Хименеса и Роберта Стефенса - сделались недоступными, а обе рукописи, Дублинская и Берлинская, не стоят того, чтобы составлять исключение. См. "Сочинения" Эмлина, ч. II, стр. 227-255, 269-299 и четыре остроумных письма Мисси (Missy) в VIII и IX томах "Journal Britannique".

118) Или, вернее, *четыре* епископа, сочинившие и выпустившие в свет эти догматы от имени своих собратьев. Они называют этот текст luce clarius (Victor Vitensis, de Persecut. Vandal. кн. 3, гл. II, стр. 54). Его вскоре вслед за тем цитируют африканские оппоненты Вигилий и Фульгенций.

119) В одиннадцатом и в двенадцатом столетиях занимались исправлением библий: архиепископ Кентерберийский Ланфранк и кардинал и библиотекарь римской церкви Николай secundum orthodoxam fidem (Ветштейн, Prolegom., стр. 84, 85). Несмотря на такие исправления, этого места нет в двадцати пяти латинских рукописях (Ветштейн, ad loc.), самых старинных и самых лучших; эти два достоинства редко соединяются вместе иначе как в рукописях.

120) Изобретенное в Германии искусство было применено в Италии к изданию светских римских и греческих писателей. Подлинный греческий текст Нового Завета был издан почти в то же самое время (1514, 1516, 1520 гг.) стараниями Эразма и щедростью Кардинала Хименеса. Издание, вышедшее на нескольких языках в Алкале-Де-Генаресе (древн. Complutum), обошлось кардиналу в пятьдесят тысяч дукатов. (Mettairie. Annal. Typograph., том II, стр. 2-8, 125-133, и Wetstein, Prolegomena, стр. 116-127.)

121) Три свидетельства были признаны в наших греческих изданиях Ветхого и Нового Завета благодаря предусмотрительности Эразма, честному ханжеству тех издателей, которым помог Хименес, типографскому подлогу или ошибке Роберта Стефенса, поставившего скобку, и сознательному плутовству или странному искажению Теодора Безы. (В своем издании Нового Завета, в 1539 г., Роберт Стефенс поставил в скобках слова "на небесах - на земле" с целью обозначить, что этого нет в латинской рукописи; но в издании 1550 года

поставлено в скобках, как сомнительное, не все это место, как бы следовало, а только слова "на небесах". - *Немецк. издат.*) (Всякое дальнейшее исследование этого предмета сделалось излишним после появления письма Порсона к Травису, вполне подтверждающего мнение Гиббона, что стих касательно "трех свидетельств" был вставлен впоследствии. - *Издат.*)

122) Плин., *Hist. Natural.* V, l. Itinerar. Весселинга, стр. 15. Целларий, *Geograph. Antiq.*, том II, ч. 2, стр. 127. Эта Типаза (ее не следует смешивать с другим городом того же имени в Нумидии) была довольно значительным городом, так как Веспасиан даровал ей право латинов.

123) Optatus Milevitanus de Schism. Donatist., кн. 2, стр. 38.

124) Victor Vitensis, V, 6, стр. 76. Ruinart, стр. 483-487.

125) Aeneas Gazaeus in Theophrasto, in *Biblioth. Patrum*, том VIII, стр. 664, 665. Он был христианин и написал кроме дошедших до нас двадцати пяти посланий этот диалог (*Феофраст*) о бессмертии души и о воскресении мертвых. См. Cave (*Hist. Litteraria*, стр. 297) и Фабриция (*Bibl. Graec.*, том 1, стр. 422).

126) Юстиниан, *Кодекс*, кн. 1, тит. 27. Марцеллин, *Хроника*, стр. 45, in *Thesaur. Temporum Scaliger*. Прокопий, de Bell. Vandal. кн. 1, гл. 7, стр. 196. Gregor. Magnus, *Dialog.* 3, 32. Ни один из этих свидетелей не назвал числа мучеников, которое определено в одном старинном календаре (apud Ruinart, стр. 486) в шестьдесят человек. Двое из них лишились языка в наказание за прелюбодеяние; чудо становится еще более поразительным вследствие того обстоятельства, что один мальчик стал говорить только с тех пор, как у него вырезали язык.

127) См. две полные истории Испании: Марианы (*Hist. de Rebus Hispaniae*, том I, кн. 5, гл. 12-15, стр. 182-194) и Ферреры. (Французский перевод, том II, стр. 206-247.) Мариана почти совершенно забывает, что он иезуит и пишет слогом и в духе римских классиков. Феррера был старательный компилятор; он проверял факты, описанные Марианой, и исправлял его хронологию.

128) Гоисвинта была в браке за двумя королями вестготов: за Афанигильдом, от которого родила мать Ингунды Брунегильду, и за Леовигильдом, который имел от своего первого брака двух сыновей - Герменегильда и Рекареда.

129) Iracundiae furore succensa, adprehensam per comam capitis puellam in terram conludit, et diu calcibus verberatam, ac sanguine cruentatam, jussit exspoliari, et piscinae immergi. Григор. *Typ.*, кн. 5, гл. 39, том II, стр. 255. Произведения Григория служат для нас самым лучшим источником сведений касательно этой исторической эпохи.

130) Католики, допускавшие крещение еретиков, повторяли обряд, или, как они впоследствии его называли, таинство конфирмации, которому они приписывали множество мистических и чудесных prerogativ, как видимых, так и невидимых. См. Chardon, *Hist. des Sacremens*, том 1, стр. 405-552.

131) Оссет, или Julia Constantia, находился напротив Севильи, на северной стороне реки Бетия (Плин. *Hist. Natur.*, III, 3); а свидетельство Григория Турского (*Hist. Francor.*, кн. 6, гл. 43, стр. 288) заслуживает большего доверия, чем название Лузитании (de Gloria Martyr.,

гл. 24), которое было принято тщеславными и суеверными португальцами (Ferreras, Hist. d'Espagne, том II, стр. 166).

132) Это чудо совершалось очень ловко. Один арианский король запер двери церкви и приказал выкопать вокруг нее глубокую канаву, но, несмотря на это, купель все-таки наполнилась водой накануне Пасхи.

133) Феррера (том II, стр. 168-175, A.D. 550), разъяснил все затруднения касательно времени и подробностей обращения свевов в католическую веру. Незадолго перед тем Леовигильд присоединил их к числу готских подданных в Испании.

134) Эта прибавка к Никейскому или, вернее, Константинопольскому символу веры была сделана впервые на восьмом Толедском соборе, в 653 г., но она была выражением общепринятого верования (Gerard Vossius, том VI, стр. 527, de tribus Symbolis).

135) См. Григор. Вел., кн. 7, посл. 126, apud Baronium, Annal. Ecclés., A.D. 599, № 25, 26.

136) Поль Варнефрид (de Gestis Langobard. кн. 4, гл. 44, стр. 853, изд. Гроц.) соглашается с тем, что арианство еще господствовало в царствование Ротариса (636-652 гг.). Этот благочестивый дьякон не пытается в точности определить время обращения всего народа в католичество; однако это обращение совершилось до конца седьмого столетия.

137) Quorum fidei et conversioni ita congratulatus esse rex perhibetur, ut nullum tamen cogeret ad Christianismum... Didicerat enim a doctoribus auctoribusque suae salutis, servitium Christi voluntarium non coactitium esse debere. Bedae, Hist. Ecclesiastic., кн. I, гл. 26, стр. 62, изд. Шмит.

138) См. Historiens de France, том IV, стр. 114 и Wilkins, Leges Anglo-Saxonicae, стр. 11, 31. Si quis sacrificium immolaverit praeter Deo soli morte moriatur.

139) Евреи утверждают, что они поселились в Испании благодаря флотам Соломона и победам Навуходоносора, что Адриан перевез туда сорок тысяч семейств из племени Иуды и десять тысяч из племени Вениамина и пр. Basnage, Hist. des Juifs, том VII, гл. 9, стр. 240-256

140) Исидор, бывший в ту пору архиепископом Севильским, упоминает о религиозном рвении Зизебута, за которое и хвалит его, и порицает (Chron. Goth., стр. 728). Бароний (A. D. 614, № 41) определяет число пострадавших на основании свидетельства Эмоина (кн. 4, гл. 22), но это свидетельство не имеет, большого веса, и я не был в состоянии проверить эту цитату (Histor. de France, том. III, стр. 127).

141) Баснаж (том VIII, гл. 13, стр. 338-400) верно описал положение евреев; но он мог бы извлечь из постановлений испанских соборов и из законов вестготов много дополнительных интересных фактов, которые находятся в тесной связи с сюжетом его сочинения, но не имеют связи с сюжетом моего.

Глава XXXVIII

Царствование Хлодвиг и его обращение в христианство. — Его победы над алеманнами, бургундами и вестготами. — Основание франкской монархии в Галлии. — Законы варваров. — Положение римлян. — Вестготы в Испании. — Завоевание Британии саксами.

Галлы¹⁾, с нетерпением выносившие иго римлян, получили достопамятный урок от одного из Веспасиановых военачальников, разумные наставления которого приобрели изящную форму под гениальным пером Тацита²⁾. "Покровительство республики избавило Галлию от внутренних раздоров и от нашествий внешних врагов. С утратой национальной независимости вы приобрели название и привилегии римских граждан. Вы вместе с нами пользуетесь прочными выгодами гражданского управления, а благодаря вашей отдаленности от нас вы менее нас терпите от случайных злоупотреблений тирании. Вместо того чтобы пользоваться правами завоевателей, мы удовольствовались обложением вас такими налогами, какие необходимы для сохранения вашей собственной безопасности. Спокойствие не может быть обеспечено без армии, а армия должна содержаться на счет населения. Для вашей, а не для нашей пользы мы охраняем рейнскую границу от свирепых германцев, которые так часто пытались и всегда будут стараться променять свои леса и болота на богатые и плодоносные земли Галлии. Падение Рима было бы пагубно для провинций, и вы были бы погребены под развалинами того величественного здания, которое было воздвигнуто мужеством и мудростью восьми столетий. Ваша воображаемая свобода была бы нарушена и подавлена варварским повелителем, и за изгнанием римлян последовали бы непрестанные вторжения варварских завоевателей"³⁾. Этот благотворный совет был принят галлами, а это странное предсказание оправдалось на деле. Сражавшиеся с Цезарем отважные галлы незаметным образом слились, в четырехсотлетний период времени, с общей массой римских граждан и подданных, Западная империя разрушилась, а перешедшие Рейн германцы с яростью напали на Галлию и возбудили в ее мирном и образованном населении презрение и отвращение.

С той сознательной гордостью, которая почти всегда внушается более высоким образованием и материальным благосостоянием, галлы насмехались над обросшими волосами гигантскими северными варварами, над их грубыми манерами, над их диким весельем, над их прожорливостью и над их отвратительной внешностью, одинаково неприятной и для глаз, и для обоняния. В школах отенской и бордоской еще занимались изучением древних писателей, и галльскому юношеству был хорошо знаком язык Цицерона и Вергилия. Слух этого юношества был неприятно поражен грубыми и новыми для него звуками германского диалекта, и оно остроумно скорбело о том, что испуганные музы обращались в бегство при звуках бургундской лиры. Галлы были одарены всеми преимуществами, какие даются искусством и природой, но так как у них не доставало мужества для самообороны, то им пришлось подчиниться и даже льстить победоносным варварам, от ненадежного милосердия которых зависели их собственность и жизнь⁴⁾.

Лишь только Одоакру удалось ниспровергнуть Западную империю, он стал искать дружбы самых могущественных варваров. Новый государь Италии уступил королю вестготов Эврику все римские завоевания по ту сторону Альп до берегов Рейна и океана⁵⁾, а сенат мог одобрить эту щедрость с некоторым удовлетворением для своего тщеславия и без всякого ущерба для доходов или для могущества государства. Законность притязаний Эврика основывалась на честолюбии и на успехе и под его управлением готское племя было вправе стремиться к владычеству над Испанией и Галлией. Арль и Марсель преклонились перед его военным могуществом, он отнял свободу у Оверня, а местный епископ согласился купить свое возвращение из ссылки ценою справедливых, но недобровольных похвал. Сидоний ждал аудиенции перед воротами дворца в толпе послов и просителей, а разнообразные дела, привлечшие эту толпу в Бордо, свидетельствовали о могуществе и славе короля вестготов. Герулы, жившие на отдаленных берегах океана и окрашивавшие свое обнаженное тело в его синеватый цвет, искали у этого короля покровительства, а саксы не осмеливались нападать на приморские провинции монарха, у которого не было никакого флота. Великорослые бургунды подчинялись его власти и он отпустил на волю пленных франков только после того, как принудил

это гордое племя заключить с ним мирный договор на выгодных для него условиях. Жившие в Африке вандалы искали его полезной дружбы, а жившие в Паннонии остготы опирались на его могущественную помощь в своей борьбе с соседними гуннами. Север (по выражению поэта) приходил в волнение или успокаивался, смотря по тому, как кивнет головой Эврик; могущественный персидский царь обращался к орakuлу Запада за советами, а престарелый бог Тибра находил покровителя в мужавшем гении Гаронны⁶⁾. Судьба нации нередко зависит от случайностей, и Франция может приписывать свое величие ранней смерти готского короля, приключившейся в такое время, когда его сын Аларих был беспомощным ребенком, а соперник Алариха Хлодвиг⁷⁾ был честолюбивым и отважным юношей.

В то время как отец Хлодвига Хилдерих жил изгнанником в Германии, он пользовался гостеприимством как королевы, так и короля тюрингов. Когда он снова вступил на престол, Базина покинула супружеское ложе, чтобы броситься в объятия любовника, откровенно объявив, что, если бы она встретила мужчину более умного, более энергичного и более красивого, чем Хильдерих, она отдала бы ему предпочтение⁸⁾. Хлодвиг был плодом этой случайной любовной связи, и, когда ему было не более пятнадцати лет, он вследствие смерти своего отца, стал во главе салических франков. Его небольшое королевство состояло только из острова батавов и из древних диоцезов Дорникского и Аррасского¹⁰⁾, а во время крещения Хлодвига число его воинов не превышало пяти тысяч. Родственные с франками племена, поселившиеся вдоль бельгийских рек Шельды, Мааса, Мозеля и Рейна, управлялись независимыми королями из рода Меровингов, жившими то в дружбе, то во вражде с салическим монархом. Но германцам, подчинявшимся в мирное время наследственной власти их вождей, ничто не мешало поступать во время войны на службу к какому-нибудь популярному и победоносному военачальнику, и вся их конфедерация, проникнувшись уважением к необыкновенным личным достоинствам Хлодвига, стала под его знамя. Когда он впервые выступил в поход, в его казнохранилище не было ни золота ни серебра, а в его магазинах ни вина ни хлеба¹¹⁾; но он взял за образец Цезаря, который в одной и той же стране добыл золото мечом, а солдат плодами своих завоеваний. После каждой победы или

удачной экспедиции вся добыча поступала в общий дележ; каждый воин получал свою долю соразмерно со своим рангом, и сам король, отказываясь от своих прерогатив, подчинялся справедливому распределению добычи, установленному военными законами. Непривыкшие к повиновению варвары знакомились этим путем с выгодами регулярной дисциплины¹²⁾. Во время смотра, происходившего ежегодно в марте месяце, их оружие тщательно осматривалось, а когда они проходили по нейтральной территории, им не позволяли сорвать листика травы. В своем правосудии Хлодвиг был неумолим, и его солдаты немедленно наказывались смертью за всякую небрежность или неповиновение. Говорить о храбрости галлов было бы излишне, а храбростью Хлодвига руководило хладнокровное благоразумие¹³⁾. Во всех своих сношениях с людьми он принимал в соображение их интересы, страсти и мнения, а во всем, что делал, сообразовался то с кровожадными наклонностями германцев, то с более мягким духом Рима и христианства. Смерть, постигшая его на сорок пятом году, положила конец его завоеваниям, но в свое тридцатилетнее царствование он уже успел упрочить существование французской монархии в Галлии.

Первым подвигом Хлодвига была победа над сыном Эгидия Сиагрием, и есть основание полагать, что поводом к этой борьбе послужили не одни только общественные интересы, но также и личная вражда. Слава отца затрагивала самолюбие Меровингов, а могущество сына должно было раздражать завистливое честолюбие короля франков. Сиагрий получил в наследство от отца город Суассон вместе с округом того же имени, жалкие остатки второй Бельгии - Реймс и Труа, Бовэ и Амиен - должны были естественным образом подчиняться власти графа или патриция¹⁴⁾, а после распада Западной империи этот патриций мог бы царствовать с титулом или по меньшей мере с авторитетом короля римлян¹⁵⁾. В качестве римлянина он получил образование, познакомившее его и с риторикой, и с юриспруденцией; но благодаря случайности или политическим расчетам он научился хорошо владеть языком германцев. Независимые варвары обращались к трибуналу иностранца, обладавшего редкой способностью объяснять на их родном языке требования здравого смысла и справедливости. Усердие и приветливость судьи доставили ему популярность; беспристрастная мудрость его

приговоров встречала добровольное повиновение со стороны варваров, и владычество Сиагрия над франками и бургундами, по-видимому, вносило в эту среду коренные учреждения гражданского общества¹⁶⁾. Среди этих мирных занятий Сиагрий получил и смело принял вызов Хлодвига, который с рыцарским великодушием и почти в таких же выражениях, которые употреблялись рыцарями, приглашал своего соперника назначить день и место¹⁷⁾ сражения. Во времена Цезаря Суассон мог бы выставить армию из пятидесяти тысяч всадников, а три городских арсенала или мануфактуры могли бы в избытке снабдить эту армию шлемами, кирасами и военными машинами¹⁸⁾. Но галльская молодежь давно уже утратила свое мужество и значительно уменьшилась числом, а те недисциплинированные отряды волонтеров, или наемников, которые выступили в поход под знаменем Сиагрия, были неспособны бороться с врожденным мужеством франков. При недостатке более точных сведений о силах и ресурсах Сиагрия было бы несправедливо осуждать его за быстрое обращение в бегство, после поражения он искал убежища при отдаленном тулузском дворе. Слабое правительство малолетнего Алариха не было в состоянии поддержать или защитить несчастного беглеца, малодушные¹⁹⁾ готы испугались угроз Хлодвига, и римский король, после непродолжительного тюремного заключения, был отдан в руки палача. Бельгийские города подчинились королю франков, и его владения расширились с восточной стороны присоединением обширного Тонгрского²⁰⁾ диоцеза, которым Хлодвиг овладел на десятом году своего царствования.

Название *алеманны* ошибочно производилось от их мнимого поселения на берегах озера Лемана²¹⁾. Эта прекрасная местность была заселена бургундами²²⁾ на всем пространстве между названным озером с одной стороны, Аваншем и горами Юры - с другой. Северная часть Гельвеции действительно была покорена свирепыми алеманнами, которые собственными руками уничтожили плоды своего завоевания. После того как эта провинция расцвела и цивилизовалась под управлением римлян, ее снова обратили в дикую пустыню, а некоторые остатки великолепия Виндониссы до сих пор встречаются в плодородной и густонаселенной долине Аара²³⁾. От истоков Рейна и до его слияния с Майном и Мозелем грозные толпы варваров владычествовали по обеим сторонам реки по

праву древнего владения или недавних побед. Они рассеялись в Галлии по тем провинциям, которые носят в настоящее время название Эльзаса и Лотарингии, а их смелое вторжение в Кельнское королевство заставило Салийского монарха вступить за своих союзников - рипуарских франков. Хлодвиг встретился с врагами Галлии на Тольбиакской равнине²⁴⁾, почти в двадцати четырех милях от Кельна, и два самых воинственных германских народа воодушевились воспоминанием о своих прежних подвигах и надеждой на будущее величие. После упорной борьбы франки стали подаваться назад, а алеманны устремились с победными возгласами за ними в погоню. Но битва возобновилась благодаря мужеству, личной распорядительности и, может быть, благочестию Хлодвигу, и исход этого кровопролитного сражения навсегда решил вопрос, быть ли франкам повелителями или рабами. Последний король алеманнов пал на поле сражения, а его подданных убивали и преследовали до тех пор, пока они не бросали свое оружие и не стали молить о пощаде. При отсутствии всякой дисциплины они не были способны снова собраться с силами, они презрительно разрушили стены и укрепления, которые могли бы защитить их в несчастии; а враги, не менее их самих предприимчивые и неустрашимые, преследовали их в самую глубь их лесов. Великий Теодорих поздравил с победой Хлодвигу, на сестре которого Альбофледе незадолго перед тем женился, но вместе с тем он выступил ходатаем за просителей и беглецов, искавших его покровительства. Находившиеся во власти алеманнов галльские земли сделались наградой победителя, и высокомерный народ, с успехом боровшийся против военных сил Рима и никогда не подчинявшийся его власти, признал верховенство Меровингских королей, которые милостиво дозволили ему сохранять местные нравы и учреждения под управлением должностных лиц, а в конце концов под управлением наследственных герцогов. После завоевания западных провинций одни франки поддерживали свои старинные поселения по ту сторону Рейна. Они мало-помалу подчинили себе и цивилизовали разоренные страны до самой Эльбы и до Богемских гор, и спокойствие Европы было обеспечено покорностью германцев²⁵⁾.

До тридцатилетнего возраста Хлодвиг постоянно поклонялся богам своих предков²⁶⁾. Его недоверие или, вернее,

пренебрежение к христианству позволяло ему без угрызений совести грабить христианские церкви на неприятельской территории, но его галльские подданные пользовались полной свободой в своих религиозных верованиях, а епископы возлагали более надежд на язычника, чем на еретиков. Меровингский король имел счастье вступить в брак с прекрасной племянницей бургундского короля Клотильдой, которая была воспитана в католической вере, в то время как жила при дворе арианского государя. И личные интересы, и чувство долга заставляли ее позаботиться об обращении²⁷⁾ ее языческого супруга в христианство, и Хлодвиг стал мало-помалу внимать голосу любви и религии. Он дал свое согласие (быть может, так было условлено перед вступлением в брак) на то, чтобы его старший сын крестился, и, хотя внезапная смерть ребенка возбудила в нем суеверные опасения, он склонился на убеждения повторить этот опасный опыт над своим вторым сыном. В опасный момент Тольбиакской битвы Хлодвиг стал громко взывать к Богу Клотильды и христиан, а победа расположила его выслушать с почтительной признательностью красноречивые²⁸⁾ доводы Реймского епископа Ремигия²⁹⁾, который объяснил ему, какие духовные и мирские выгоды доставит ему обращение в христианскую веру. Король объявил, что он убедился в истине католической религии, а политические мотивы, которые могли бы на время замедлить оглашение этой перемены, были устранены благочестивыми и верноподданническими возгласами франков, высказавших свою готовность следовать за своим геройским вождем и в поход, чтобы сражаться, и в купель, чтобы креститься. Этот важный обряд был совершен в Реймском соборе с таким великолепием и с такой торжественностью, какие были способны внушить грубым новообращенным благоговейное уважение к новой религии³⁰⁾. Новый Константин был немедленно окрещен вместе с тремя тысячами своих воинственных подданных, а их примеру последовали остальные стоворчивые варвары, которые, исполняя волю победоносного прелата, стали поклоняться кресту, который прежде жгли, и стали жечь идолов, которым прежде поклонялись³¹⁾.

Душа Хлодвига была доступна для мимолетных взрывов религиозного рвения, он пришел в сильное негодование при трогательном рассказе о страданиях и смерти Христа, и, вместо того чтобы оценить по достоинству благотворные послед-

ствия этого таинственного самопожертвования, он с неблагоприятным гневом воскликнул: "Будь я там с моими храбрыми франками, я отмстил бы за нанесенные Ему обиды"³²⁾. Но варварский завоеватель Галлии не был способен взвесить доказательства религии, основанные на тщательной проверке исторических фактов и богословских умозрений. Он еще менее был способен подчиняться кротким евангельским правилам, которые проникают в убеждение и очищают сердца искренних новообращенных. Все дела его царствования были внушены честолюбием и были постоянным нарушением требований христианской нравственности и христианского долга, его руки были запятнаны кровью как в военное, так и в мирное время, и немедленно вслед за тем, как он распустил собор галликанского духовенства, он хладнокровно приказал умертвить всех принцев из рода Меровингов³³⁾. Впрочем, это не мешало королю франков воздавать искреннее поклонение христианскому Богу, как Существу более совершенному и более могущественному, чем его национальные боги, а достопамятное избавление от неминуемой опасности и победа при Тольбиаке побуждали Хлодвигу и впредь полагаться на покровительство Бога Ратных Сил. Самый популярный из их святых, Мартин, славился по всему Западу чудесами, беспрестанно совершавшимися у его гробницы в Туре. Он оказывал явное или тайное покровительство щедрому и православному королю, а нечестивое замечание самого Хлодвигу, что дружба св. Мартина обходится ему очень дорого³⁴⁾, не следует принимать за признак серьезного или рационального скептицизма. И небо, и земля радовались обращению франков в христианскую веру. В тот достопамятный день, когда Хлодвиг вышел из купели, он во всем христианском мире оказался единственным монархом достойным имени и прерогатив католика. Император Анастасий был заражен некоторыми опасными заблуждениями касательно характера божеского воплощения, а жившие в Италии, Африке, Испании и Галлии варвары были вовлечены в арианскую ересь. Старший или, вернее, единственный сын церкви был признан духовенством за его законного государя и славного освободителя, и военные предприятия Хлодвигу были поддержаны усердием и доброжелательством католической партии³⁵⁾.

Под римским владычеством епископы пользовались значительным, а иногда даже опасным влиянием благодаря своим

богатствам и обширной юрисдикции, благодаря своему священному характеру, своей несменяемости, своим многочисленным приверженцам, популярному красноречию и провинциальным съездам³⁶⁾. Это влияние усиливалось вместе с распространением суеверий, и основание французской монархии может быть в некоторой мере приписано единодушию сотни прелатов, властвовавших над мятежными и независимыми городами Галлии. Непрочные основы Армориканской республики неоднократно потрясались или были ниспровергнуты, но этот народ все еще сохранял свою свободу, поддерживал достоинство римского имени и храбро отражал как хищнические набеги, так и регулярные нападения Хлодвигу, пытавшегося распространить свои завоевания от Сены до Луары. Удачное сопротивление армориканцев доставило им почетный союз с франками на равных правах. Франки уважали армориканцев за их храбрость³⁷⁾, а армориканцев примирял с франками переход этих последних в христианскую веру. Войска, расположенные в Галлии для ее защиты, состояли из сотни различных кавалерийских и пехотных отрядов, которые пользовались названиями и привилегиями римских солдат, но постоянно пополнялись варварской молодежью. Пограничные укрепления и разбросанные обломки империи еще охранялись их храбростью без всякой надежды на успех. Им было отрезано отступление, и они не имели возможности сноситься одни с другими, царствовавшие в Константинополе греческие императоры оставляли их без всякой помощи, а их благочестие не позволяло им вступать в дружеские сношения с арианскими узурпаторами Галлии. Но они не краснея и даже охотно согласились на выгодную капитуляцию, которую им предложил католический герой, и это частью законное, частью незаконное потомство римских легионов отличалось в следующие века от других войск и своим вооружением, и своими знаменами, и своими мундирами, и своими уставами. Тем не менее силы нации увеличились благодаря этому добровольному присоединению, и соседние королевства стали бояться не только храбрости франков, но также их многочисленности. Приобретение северных провинций Галлии не было результатом одной удачной битвы, а, как кажется, совершалось постепенно, то путем завоеваний, то путем мирных договоров, и Хлодвиг приводил в исполнение каждый из своих честолюбивых замыс-

лов при помощи таких усилий или таких уступок, какие были соразмерны с ожидаемой выгодой. Его дикий нрав и доблести Генриха IV дают нам самые противоположные понятия о человеческой натуре; тем не менее есть некоторое сходство в положении двух королей, подчинивших себе Францию личным мужеством, политикой и тем, что вовремя приняли настоящую религию³⁸).

Королевство Бургундское окаймлялось течением двух галльских рек, Саоны и Роны, и простиралось от Вогезских гор до Альп и до моря, на берегу которого стоит Марсель³⁹). Скипетр находился в руках Гундобальда. Этот храбрый и честолюбивый принц уменьшил число кандидатов на престол умерщвлением двух своих братьев, из которых один был отцом Клотильды⁴⁰); но по недостатку предусмотрительности он дозволил младшему из своих братьев Годегезилю владеть независимым Женевским княжеством. Арианский монарх был основательно встревожен, узнав, какую радостью и какими надеждами воодушевило его епископов и подданных обращение Хлодвига в католическую веру, и Гундобальд созвал в Лионе собор с целью примирить религиозные и политические разногласия духовенства. Между представителями двух партий происходили бесплодные совещания. Ариане укоряли католиков в поклонении трем богам, католики защищались с помощью богословских отвлеченностей, и обычные в этих случаях аргументы, возражения и опровержения высказывались обеими сторонами с упорной горячностью, пока король не обнаружил своих тайных опасений, обратившись к православным епископам с неожиданным, но требовавшим положительного ответа вопросом: "Если вы действительно исповедуете христианскую религию, то почему же вы не удерживаете короля франков? Он объявил мне войну и вступает в союз с моими врагами с целью погубить меня. Кроважность и властолюбие не могут считаться за признаки искреннего обращения в христианство: пусть он выкажет свою веру в своих делах". Ответ епископа Виенны Авита, говорившего от имени своих собратьев, был произнесен ангельским голосом и с таким же выражением лица: "Нам неизвестны ни мотивы, ни намерения короля франков, но нам известно из св. Писания, что государства, отказывающиеся от исполнения божеских законов, нередко гибнут и что со всех сторон восстают враги на тех, кто сам стал во вражду с

Богом. Возвратись вместе с твоим народом к исполнению закона, данного Богом, и Он ниспошлет твоим владениям спокойствие и безопасность". Так как король Бургундский не соглашался на то, что католики считали главным условием мирного договора, то он сначала откладывал, а потом и совсем закрыл заседания духовенства, попрекнувши своих епископов за то, что их друг и новообращенный Хлодвиг втайне пытался вовлечь его брата в восстание⁴¹⁾.

Его брат уже окончательно нарушил долг верноподданничества, а готовность, с которой Годагезиль стал со своими женовскими войсками под королевское знамя, много содействовала успеху заговора. В то время как франки и бургунды боролись с одинаковым мужеством, его измена решила исход сражения, а так как Гундобальда слабо поддерживали не любившие его галлы, то он не устоял против усилий Хлодвиг и торопливо отступил с поля битвы, происходившей, как кажется, между Лангром и Дижоном. Он не полагался на неприступность Дижона, несмотря на то что эта построенная в форме четырехугольника крепость была окружена двумя реками и стеной в тридцать футов вышины, в пятнадцать футов толщины и имела четверо ворот и тридцать три башни⁴²⁾; он предоставил Хлодвигу беспрепятственно осаждать важные города Лион и Виенну, а сам бежал в Авиньон, находившийся на расстоянии двухсот пятидесяти миль от поля сражения. Продолжительная осада и искусно веденные переговоры убедили короля франков в опасностях и трудностях его предприятия. Он обложил бургундского короля данью, заставил его простить и наградить измену брата и самодовольно возвратился в свои владения с добычей и пленниками из южных провинций. Этот блестящий триумф был скоро омрачен известием, что Гундобальд нарушил принятые на себя обязательства и что несчастный Годагезиль, оставленный в Виенне с гарнизоном из пяти тысяч франков⁴³⁾, был осажден, застигнут врасплох и умерщвлен своим безжалостным братом. Такое оскорбление могло бы вывести из терпения самого миролюбивого государя, однако завоеватель Галлии скрыл свое раздражение, отменил уплату дани и принял от бургундского короля предложение союза и военной службы. Хлодвиг уже не имел на своей стороне тех выгод, которые обеспечили успех предшествовавшей войны, а его соперник, научившийся в несчастьи быть более благоразумным, нашел но-

вые ресурсы в любви своего народа. Галлы и римляне были очень довольны мягкими и беспристрастными законами Гундобальда, ставившими их почти на один уровень с их завоевателями. Епископов примиряла и льстила надежда на его скорое обращение в католичество, которую он искусно в них поддерживал, и хотя он уклонялся от осуществления этой надежды до последних минут своей жизни, его умеренность обеспечивала внутреннее спокойствие и замедлила падение Бургундского королевства⁴⁴⁾.

Я хочу скорее покончить с падением этого королевства, происшедшим в царствование Гундобальдова сына Сигизмунда. Католик Сигизмунд был почтен званием святого и мученика⁴⁵⁾, но руки этого царственного святого были запятнаны кровью его невинного сына, которого он безжалостно принес в жертву гордости и ненависти мачехи. Он скоро убедился, что был введен в заблуждение, и стал оплакивать эту невозвратимую потерю. В то время как Сигизмунд обнимал труп несчастного юноши, он получил строгий выговор от одного из лиц своей свиты: "Не его положение, а твое собственное заслуживает сожаления и сострадания". Впрочем, он заглушил свои угрызения совести щедрыми пожертвованиями в пользу монастыря Агаунумского, или св. Маврикия, в Вalezском округе, основанного им самим в честь мнимых мучеников Фиванского легиона⁴⁶⁾. Благочестивый король ввел там постоянное пение псалмов, стал усердно исполнять строгие правила монашеской жизни и смиренно молил Небо, чтобы оно наказало его в этой жизни за его прегрешения. Его мольбы были услышаны; мстители были наготове, и армия победоносных франков обрушилась на бургундские провинции. После потери одного сражения, Сигизмунд, желавший продлить свою жизнь для того, чтобы долее заниматься делами покаяния, укрылся в пустынном месте, облекшись в одежду лиц духовного звания, его подданные, старавшиеся угодить своим новым повелителям, отыскиали его и выдали. Пленный монарх был отправлен в Орлеан вместе с женой и двумя детьми и заживо погребен в глубоком колодце по приказанию Хлодвиговых сыновей, для жестокосердия которых можно найти некоторое оправдание в принципах и в примерах того варварского времени. Честолюбие, заставлявшее их стремиться к окончательному завоеванию Бургундии, и воспламенялось, и прикрывалось сыновней привязанностью, а

Клотильда, святость которой не заключалась в забвении обид, настоятельно требовала, чтобы они выместили смерть ее отца на семействе его убийцы. Мятежным бургундам - так как они попытались разорвать свои цепи - было дозволено жить под их национальными законами с обязательством уплачивать подати и нести военную службу, и меровингские князья стали спокойно владеть королевством, слава и величие которого были впервые ниспровергнуты оружием Хлодвига⁴⁷⁾.

Первая победа Хлодвига была оскорблением для самолюбия готов. Они с завистью и страхом следили за его быстрыми успехами, и слава юного Алариха была омрачена более высокими дарованиями его соперника. На границе их смежных владений возникли неизбежные несогласия, и после продолжительных и бесплодных переговоров обоими королями было принято предложение личного свидания. Соповещения между Хлодвигом и Аларихом происходили на небольшом острове Луары неподалеку от Амбуаза. Они обнялись, дружески разговаривали, вместе пировали и обменялись на прощание самыми горячими уверениями в миролюбии и в братской любви. Но их кажущееся взаимное доверие прикрывало мрачные подозрения во враждебных и изменнических замыслах, и вследствие своих обоюдных изъявлений неудовольствия они то требовали заключения формального договора, то уклонялись от него, то совершенно отказывались. По возвращении в Париж, который уже считался Хлодвигом за столицу, король франков объяснил на собрании принцев и воинов, какие мотивы заставляли его предпринять войну против готов. "Мне прискорбно видеть, что ариане все еще владеют лучшею частью Галлии. Пойдем на них с помощью Божьей, и, когда победим еретиков, мы приобретем и поделим их плодородные провинции"⁴⁸⁾.

Франки, воодушевлявшиеся своей врожденной храбростью и недавно усвоенным религиозным рвением, одобрили благородный замысел своего монарха, выразили свою решимость победить или умереть, так как и смерть, и победа были бы одинаково выгодны, и торжественно заявили, что не будут стричь свои бороды до тех пор, пока победа не освободит их от этого стеснительного обета. И публично, и втайне Клотильда поощряла франков на это предприятие. Она напоминала своему супругу, как было бы полезно основать какое-

нибудь благочестивое учреждение, чтобы снискать благоволение Божества и его служителей, и христианский герой, взбросив искусной и сильной рукой свою боевую секиру, воскликнул: "На том месте, где упадет моя Франциска⁴⁹⁾, я сооружу церковь в честь святых апостолов". Это явное доказательство благочестия укрепило и оправдало преданность католиков, с которыми он находился в тайных сношениях, а их благочестивые пожелания мало-помалу созрели в грозный заговор. Жители Аквитании были встревожены нескромными упреками своих готских тиранов, которые основательно обвиняли их в том, что они предпочитали владычество франков, а их ревностный единомышленник епископ Родезский⁵⁰⁾ Квинтиан оказался более полезным для них проповедником в изгнании, чем в своей епархии. Чтобы побороть этих внешних и внутренних врагов, находивших для себя опору в союзе с бургундами, Аларих собрал свои войска, которые далеко превосходили своим числом военные силы Хлодвига. Вестготы снова принялись за военные упражнения, которыми они пренебрегали среди продолжительного спокойствия и достатка⁵¹⁾; избранный отряд храбрых и сильных рабов следовал за своими господами на поле битвы⁵²⁾, а галльские города были вынуждены оказывать им невольное и ненадежное содействие. Царствовавший в Италии король остготов Теодорих старался поддерживать внутреннее спокойствие Галлии и с этой целью принял на себя роль беспристрастного посредника. Но этот прозорливый монарх опасался усиливавшегося могущества Хлодвига и потому твердо решился отстаивать национальные и религиозные интересы готов.

Случайные или искусственные чудеса, которыми ознаменовалась экспедиция Хлодвига, были приняты в век суеверий за явное доказательство божеского благоволения. Хлодвиг выступил в поход из Парижа, и, в то время как он проходил с приличным благоговением по священной Турской епархии, его душевное беспокойство побудило его обратиться за советом к святилищу и оракулу Галлии - раке св. Мартина. Его посланцам было приказано запомнить слова псалма, который будет пропет в ту минуту, когда они войдут в церковь. К счастью, в этих словах говорилось о мужестве и торжестве поборников небес, и их нетрудно было применить к новому Иисусу Навину, к новому Гедеону, выступившему на бой с врагами Божиими⁵³⁾. Обладание Орлеаном обеспечивало

франкам переход по мосту через Луару, но на расстоянии сорока миль от Пуатье их наступательное движение было приостановлено чрезвычайным возвышением реки Вигенны, или Виенны, а противоположный берег был покрыт лагерными стоянками вестготов. Проволочки всегда опасны для варваров, совершенно опустошающих страну, по которой проходят, и даже если бы Хлодвиг имел достаточно времени и необходимые материалы для постройки моста, он едва ли был бы в состоянии довести до конца такую работу и перейти через реку в виду более многочисленного неприятеля. Но преданные ему поселяне, с нетерпением ожидавшие своего освободителя, могли указать ему тайный и незащищенный брод; чтобы увеличить важность такой находки, был употреблен в дело обман, или вымысел, и белая лань необычайного роста и красоты, как рассказывают, направляла и воодушевляла католическую армию. Вестготы действовали нерешительно и без единодушия. Толпа горевших нетерпением воинов, уверенная в превосходстве своих сил и считавшая за позор отступление перед германскими хищниками, убеждала Алариха выказать себя достойным потомков того, кто завоевал Рим. Более осторожные вожди советовали ему уклониться от первого натиска франков и дожидаться в южных провинциях Галлии прибытия закаленных в боях и непобедимых остготов, которых уже выслал к нему на помощь король Италии.

Решительные минуты прошли в бесплодных совещаниях; готы, быть может, слишком торопливо покинули выгодную позицию, а вследствие медлительности и беспорядка в своих передвижениях они пропустили удобный случай для безопасного отступления. Перейдя через брод, который до сих пор носит название Лани, Хлодвиг стал смело и быстро продвигаться вперед с целью воспрепятствовать отступлению неприятеля. По ночам его движениями руководил яркий метеор, висевший над собором города Пуатье; этот сигнальный огонь, быть может, был выставлен по предварительному уговору с православным преемником св. Гилария, но его сравнивали в то время с огненным столбом, руководившим израильтянами при переходе через пустыню. В третьем часу дня, почти в десяти милях по ту сторону Пуатье, Хлодвиг настиг и тотчас атаковал готскую армию, поражение которой уже было подготовлено страхом и смятением. Впрочем, в момент крайней опасности готы напрягли все свои усилия, а шумно

требовавшая битвы воинственная молодежь не захотела пережить позорного бегства. Два короля вступили в рукопашный бой. Аларих пал от руки своего соперника, а победоносный франк был обязан доброкачественности своих лат и быстроте своего коня тем, что спасся от двух отчаянных готов, гнавшихся за ним по пятам с целью отмстить за смерть своего государя. Неясное выражение "горы убитых" доказывает, что убитых было много, но не дает определенного понятия об их числе, но Григорий Турский не позабыл отметить, что его храбрый соотечественник, сын Сидония Аполлинарий, был убит во главе дворян Оверни. Быть может, эти внушавшие недоверие католики были поставлены впереди именно для того, чтобы на них обрушился первый неистовый натиск врага, или, может быть, их личная преданность и воинская честь взяли верх над влиянием религии⁵⁴). Такого могущество Фортуну (если нам будет позволено по-старому прикрывать наше невежество этим общеупотребительным словом), что почти одинаково трудно и предсказать исход войны, и объяснить ее разнообразные последствия. Приобретенная с большим пролитием крови и полная победа иногда не доставляла ничего другого, кроме обладания полем битвы, а иногда бывало достаточно потери десяти тысяч человек, чтобы уничтожить в один день работу многих столетий. Последствием решительной битвы при Пуатье было завоевание Аквитании. Аларих оставил, умирая, малолетнего сына, незаконнорожденного претендента на престол, мятежное дворянство и готовый к измене народ, а оставшиеся в целости военные силы готов или были парализованы общим смятением, или тратились на междоусобицы. Победоносный король франков безотлагательно приступил к осаде Ангулема. При звуке его труб городские стены последовали примеру Иерихона, и немедленно разрушились; это блестящее чудо можно объяснить тем, что преданные духовенству инженеры втайне подвели подкоп под городской вал⁵⁵). В сдавшемся без сопротивления Бордо Хлодвиг остался на зимних квартирах и из благоразумной бережливости перевез туда из Тулузы королевские сокровища, хранившиеся в столице монархии. Завоеватель проник до пределов Испании⁵⁶), восстановил честь католической церкви, поселил в Аквитании колонию франков⁵⁷) и возложил на своих полководцев нетрудную задачу покорить или истребить племя вестготов. Но вестготам покрови-

тельствовавший мудрый и могущественный монарх Италии. В то время как весы еще не склонялись ни на чью сторону, Теодорих, как кажется, медлил с присылкой остготов, но, после своего прибытия, остготы с успехом сдерживали честолюбие Хлодвига, и союзная армия франков и бургундов была вынуждена снять осаду Арля, потеряв, как рассказывали, тридцать тысяч человек. Эти превратности фортуны побудили гордого Хлодвига согласиться на заключение мирного договора. Во владении вестготов была оставлена Септимания, узкая полоса земли, тянувшаяся вдоль морского побережья от берегов Роны до Пиренеев; но обширная Аквитанская провинция, простиравшаяся от этих гор до Луары, была неразрывно связана с французским королевством⁵⁸).

После успешного окончания войны с готами Хлодвиг принял почетные отличия римского консульства. Император Анастасий из честолюбивых расчетов облек титулом и отличиями этого высокого звания самого могущественного из соперников Теодориха; однако по какой-то не известной нам причине имя Хлодвига не было внесено в *Fasti* ни на Востоке, ни на Западе⁵⁹). В этот торжественный день галльский монарх возложил на свою голову диадему и вслед за тем был облечен в церкви Св. Мартина в пурпуровую тунику и в такую же мантию. Оттуда он отправился верхом в Турский собор и, проезжая по улицам, собственноручно бросал золотые и серебряные монеты в народную толпу, которая радостно приветствовала его названиями *Консула и Августа*. Ни действительная, ни законная власть Хлодвига не могла получить никакого приращения от консульского звания. Это был не более как титул, как тень власти, как выставка тщеславия, и, даже в том случае если бы завоеватель заявил притязания на старинные prerogatives этого высокого звания, эти prerogatives прекратились бы по истечении одного года. Но римляне любили выказывать в лице своих повелителей уважение к этому древнему титулу, который соглашались носить даже императоры; принявший его варвар как будто вместе с тем принимал священную обязанность уважать величие республики, а преемники Феодосия, ища его дружбы, тем самым извиняли и в некоторой степени одобряли узурпацию Галлии.

Через двадцать пять лет после смерти Хлодвига эта важная уступка была закреплена более формальным путем - путем

договора между сыновьями Хлодвига и императором Юстинианом. Итальянские остготы, не будучи в состоянии охранять своих дальних завоеваний, уступили франкам города Арль и Марсель - Арль, который все еще пользовался тем преимуществом, что служил местопребыванием для преторианского префекта, и Марсель, который обогатился торговлей и мореплаванием⁶⁰). Эта сделка была утверждена императорской властью, и Юстиниан, великодушно уступив франкам верховную власть над заальпийскими странами, уже находившимися в их руках, освободил местное население от присяги на подданство и утвердил трон Меровингов если не на более прочном, то на более законном фундаменте⁶¹).

С этих пор они стали пользоваться правом устраивать праздничные игры в Пральском цирке, и вследствие странной привилегии, в которой было отказано даже персидскому монарху, было допущено в империи обращение *золотой* монеты, на которой были вычеканены их имена и изображения⁶²).

Один греческий историк того времени восхвалял семейные и общественные добродетели франков с пристрастным восторгом, который не оправдывался их летописями⁶³). Он превозносит их вежливость и обходительность, их правильно организованное управление и православную религию и смело утверждает, что эти варвары отличались от римских подданных только своей одеждой и языком. Быть может, франки уже тогда обнаруживали ту склонность к общежитию и ту привлекательную живость характера, которыми во все века прикрывались их недостатки, а иногда и совершенно скрывались от глаз наблюдателя их настоящие достоинства. Или, быть может, Агафий и греки того времени были ослеплены их быстрыми военными успехами и блеском их могущества. Со времени завоевания Бургундии вся Галлия, только за исключением готской провинции Септимании, находилась во власти сыновей Хлодвига. Они уничтожили самостоятельность королевства Тюрингского, и их неопределенное владичество, простиравшееся за Рейн, проникало в глубь тех самых лесов, которые были их родиной. Алеманны и баварцы, занявшие на юге от Дуная римские провинции Рецию и Норрику, признавали себя покорными вассалами франков, а слабая альпийская преграда не могла препятствовать их често-

любивыми замыслам. Когда тот из сыновей Хлодвиг, который пережил всех своих братьев, соединил под своей властью все наследственные и вновь приобретенные владения Меровингов, его королевство было гораздо обширнее теперешней Франции. Однако таковы были успехи искусств и науки государственного управления, что теперешняя Франция далеко превосходит богатством, многолюдностью и могуществом обширные, но дикие страны, повиновавшиеся Лотаю или Дагоберту⁶⁴).

Франки, или французы, - единственный народ в Европе, который может сослаться на непрерывный ряд предков, связывающий его с завоевателями Западной империи. Но вслед за тем как они завоевали Галлию, наступили десять веков анархии и невежества. При возрождении знаний образовавшиеся в афинских и римских школах ученые пренебрегали своими варварскими предками, и прошло немало времени, прежде чем появились старательные исследования, которые заключали в себе материалы, способные удовлетворить или, вернее, возбудить любознательность более просвещенной эпохи⁶⁵). В конце концов и критика, и философия обратили свое внимание на древности Франции, но даже философы не могли предохранить себя от заразы предрассудков и страстей. Тогда стали опрометчиво придумывать и упорно защищать не допускавшие никаких исключений системы, в которых шла речь или о личном рабстве галлов, или об их добровольном и равноправном союзе с франками, а невоздержанные спорщики стали обвинять друг друга в заговоре или против прерогатив короны и значения дворянства, или против народной свободы. Тем не менее эти горячие споры служили полезным упражнением и для учености, и для гения, и в то время как антагонисты то побеждали, то были побеждены, мало-помалу искоренялись старые заблуждения и выяснялись интересные истины.

Беспристрастный чужеземец, познакомившийся с их открытиями, с их спорами и даже с их заблуждениями, в состоянии описать по тем же подлинным материалам положение римских провинциальных жителей, после того как Галлия подчинилась военному могуществу и законам Меровингских королей⁶⁶).

В каком бы грубом или рабском положении ни находилось человеческое общество, это положение все-таки регулирует-

ся какими-нибудь постоянными и общими установлениями. Когда Тацит изучал германцев в их первобытной простоте, он нашел и в их общественной, и в их частной жизни некоторые прочно установленные принципы или обычаи, которые верно сохранялись преданиями до введения в употребление письменности и латинского языка⁶⁷). Перед избранием меровингских королей самое могущественное из франкских племен, или народов, поручило четверем всеми уважаемым вождям составить Салические законы⁶⁸); эта работа была рассмотрена и одобрена на трех собиравшихся одна вслед за другой народных сходках. После своего крещения Хлодвиг изменил в этих законах некоторые статьи, казавшиеся несогласными с христианством; Салический закон был еще раз изменен его сыновьями, и, наконец, весь кодекс был пересмотрен и обнародован в его теперешней форме в царствование Дагоберта, через сто лет после основания французской монархии.

В тот же период времени были изложены письменно и обнародованы обычаи "Рипуариев", и сам Карл Великий - этот законодатель своего времени и своей страны - тщательно изучил оба национальных законодательства, еще имевшие обязательную силу у франков⁶⁹). Заботливость меровингских королей распространилась и на племена, находившиеся в вассальной от них зависимости; они тщательно собрали и утвердили своею верховною властью грубые законы *алеманнов* и *баварцев*. *Вестготы* и *бургунды*, утвердившиеся путем завоеваний в Галлии прежде франков, обнаружили менее нетерпения приобрести одну из самых важных выгод, доставляемых цивилизацией. Эврик был первый из готских принцев, письменно изложивший законы и обычаи своего народа, а изложение бургундских законов было вызвано не столько требованиями справедливости, сколько политическим расчетом - желанием облегчить тяжелое положение и снова снизить любовь галльских подданных⁷⁰). Таким образом, составление грубых германских кодексов странным образом совпало с той эпохой, когда тщательно выработанная система римской юриспруденции достигла окончательной зрелости. В Салических законах и в Юстиниановых "Пандектах" мы можем сравнить грубые зачатки гражданской мудрости с ее полным расцветом, и каковы бы ни были предубеждения в пользу варваров, более беспристрастный взгляд на этот пред-

мет заставляет нас признать за римлянами превосходство не только в том, что касается научных познаний и умственного развития, но и в том, что касается человеколюбия и справедливости.

Однако законы варваров были приспособлены к их нуждам и влечениям, к их занятиям и способностям, и все они содействовали поддержанию мира и введению улучшений в общество, для пользы которого они были первоначально установлены. Меровинги не пытались подчинить своих разнохарактерных подданных однообразным правилам поведения, а дозволяли каждому жившему в их владениях народу и семейству, не стесняясь, придерживаться своих местных постановлений⁷¹⁾. Римляне также не были лишены общих благ этой юридической терпимости⁷²⁾. Дети держались закона своих родителей, жена держалась закона своего мужа, вольноотпущенный - закона своего патрона, а в тех случаях когда тяжущиеся были различных национальностей, истец или обвинитель должен был обращаться к трибуналу ответчика, в пользу которого всегда допускалось основательное предположение, что на его стороне и право и невинность. Допускалась и более широкая свобода, если правда, что каждый гражданин имел право заявить в присутствии судьи, под каким законом он желает жить и к какому национальному обществу он желает принадлежать.

Такая снисходительность должна была совершенно упразднить преимущества победителей, а жившие в завоеванных провинциях римляне должны были терпеливо выносить неприятности своего положения, так как от них самих зависело усвоить характеристические особенности вольных и воинственных варваров и тем приобрести одинаковые с этими последними привилегии⁷³⁾.

Когда правосудие неумолимо осуждает убийцу на смертную казнь, каждый гражданин видит в этом гарантию того, что его собственная личная безопасность охраняется и законами, и судьями, и всем обществом. Но в разнузданном германском обществе месть всегда считалась делом чести, и даже таким, которое достойно похвалы; независимый воин собственноручно наказывал или вымещал обиды, которые он нанес или которые были ему нанесены, и он мог опасаться только мщения со стороны сыновей или родственников врага, которого он принес в жертву своим интересам или своей

ненависти. Сознававший свое бессилие судья вмешивался в дело не с целью наказать, а с целью примирить и был доволен, если ему удавалось склонить или принудить убийцу к уплате, а обиженных к принятию скромной денежной пени, которая была признана достаточным вознаграждением за пролитую кровь⁷⁴).

Гордость франков не позволила бы им подчиниться более строгому приговору, и та же самая гордость заставляла их относиться с пренебрежением к столь легким наказаниям; а когда их наивные нравы развратились в Галлии под влиянием роскоши, общественное спокойствие беспрестанно нарушалось опрометчивыми насилиями или умышленными убийствами. При всякой системе управления, признающей требования справедливости, как за убийство крестьянина, так и за убийство знатного лица если не приводят в исполнение, то по меньшей мере назначают одинаковое наказание. Но национальное неравенство, введенное франками в их уголовную процедуру, было высшим оскорблением и злоупотреблением со стороны победителей⁷⁵). В спокойные минуты законодательной деятельности они формально постановили, что жизнь римлянина стоит дешевле, чем жизнь варвара. Antrustion⁷⁶), то есть франк самого знатного происхождения или звания, ценился в шестьсот золотых монет, тогда как знатного провинциального жителя, который обедал за королевским столом, закон позволял убить за триста таких монет. Двести монет считались достаточным вознаграждением за франка из простого звания; но жизнь римлян низшего звания подвергалась постоянной опасности вследствие назначенного за нее ничтожного вознаграждения в сто или даже в пятьдесят золотых монет. Если бы при составлении этих законов были приняты в руководство требования справедливости или здравого смысла, то охрана со стороны правительства усиливалась бы соразмерно с неспособностью к самообороне. Но законодатель взвешивал утрату солдата и утрату раба не на весах справедливости, а на весах политики; жизнь наглого и хищнического варвара охранялась тяжелой денежной пеней, а самым беспомощным подданным оказывалась самая ничтожная защита. Время мало-помалу ослабило и гордость завоевателей, и терпеливость побежденных, а самые надменные граждане узнали из опыта, что они более теряют, чем выигрывают, от безнаказанности преступлений.

По мере того как франки становились менее свирепыми, их законы становились более строгими, и Меровингские короли попытались подражать беспристрастной взыскательности вестготов и бургундов⁷⁷⁾. Под управлением Карла Великого за убийство стали наказывать смертью, и с тех пор уголовные наказания стали сильно размножаться в законодательствах новейшей Европы⁷⁸⁾.

Варвары снова стали соединять в одном лице профессии гражданскую и военную, которые были отделены одна от другой Константином. Грубые тевтонские названия должностей были заменены более благозвучными латинскими титулами герцогов, графов и префектов, и одно и то же должностное лицо принимало на себя в подчиненном ему округе и командование войсками, и отправление правосудия⁷⁹⁾. Но высокомерные и необразованные варварские вожди редко оказывались способными исполнять должность судьи, для которой требуется философский ум, обогащенный опытом и научными познаниями; их грубое невежество заставляло их искать какого-нибудь безыскусственного способа отстаивать интересы правосудия. Во всех религиях Божество призывалось на помощь, чтобы подкрепить истину или наказать лживость свидетельских показаний; но германские законодатели, по своей наивности, стали употреблять это могущественное орудие некстати и во зло. Обвиняемый считался оправданным, если мог выставить перед их трибуналом известное число таких свидетелей, которые формально заявляли, что они не сомневаются или уверены в его невинности. Легальное число этих свидетелей увеличивалось соразмерно с важностью обвинения; для оправдания поджигателя или убийцы требовалось семьдесят два благоприятных свидетельских показания, а когда было заподозрено целомудрие французской королевы, триста услужливых дворян без всяких колебаний поклялись, что новорожденный принц был сын ее умершего супруга⁸⁰⁾. Скандалы, происходившие от частых, очевидно, лживых свидетельских показаний, заставили судей устранить поводы для таких опасных соблазнов и заменить не достигавшие своей цели допросы свидетелей знаменитыми испытаниями огнем и водой. Эти экстраординарные судебные разбирательства были так причудливо организованы, что в иных случаях не было возможности доказать ни виновность, ни невинность подсудимого без помощи

какого-нибудь чуда. Обман и легковерие стали с готовностью снабжать суды такими чудесами; самые запутанные дела стали разрешаться этим легким и безошибочным способом, а буйные варвары, которые, быть может, отнеслись бы с пренебрежением к приговору судьи, стали смиренно подчиняться суду Божию⁸¹⁾.

Но разрешение споров путем поединков мало-помалу приобрело особое доверие и вес в среде такого народа, которому казалось невозможным, чтобы храбрец был достоин наказания, а трус был прав⁸²⁾.

И в гражданских, и в уголовных делах истец или обвинитель, ответчик или даже свидетель могли быть вызваны на бой таким противником, у которого не было никаких легальных доказательств, и они были вынуждены или признать свое дело проигранным, или публично защищать свою честь на боевой арене. Они сражались или пешими, или конными, смотря по тому, каков был обычай их нации⁸³⁾, а приговор меча или копья утверждался санкцией Небес, судьи и народа. Этот кровавый закон был введен в Галлии бургундами, а их законодатель Гундобальд⁸⁴⁾ соблаговолил дать следующий ответ на жалобы и возражения своего подданного Авита: "Разве вы не верите тому (сказал бургундский король, обращаясь к епископу), что исход национальных войн и поединков зависит от воли Божией и что Его Промысл нишпосылает победу тому, на чьей стороне справедливость?" Благодаря таким-то благовидным аргументам нелепые и варварские судебные поединки, первоначально бывшие в обыкновении у некоторых германских племен, распространились по всем европейским монархиям от Сицилии до Балтийского моря.

По прошествии десяти столетий еще не совершенно прекратилось господство этих легальных насилий, бесплодные порицания со стороны святых, пап и соборов могут считаться за доказательство того, что влияние суеверий ослабевает от их противоестественного сочетания с рассудком и человеколюбием. Судейские трибуналы пятнались кровью граждан, быть может, невинных и достойных общего уважения; законы, в настоящее время благоприятствующие богачам, в то время преклонялись перед физической силой; люди старые, слабые и дряхлые были вынуждены или отказываться от самых основательных исков и прав собственности, или подвер-

гаться опасностям неравного боя⁸⁵⁾, или полагаться на сомнительное усердие наемных бойцов. Этому притеснительному законодательству должны были подчиняться все жители галльских провинций, считавшие себя оскорбленными в своих личных или имущественных правах. Какова бы ни была их физическая сила или храбрость, они не могли равняться с варварами в склонности и в привычке к воинским упражнениям, и покорные римляне были вынуждены возобновлять поодиночке кровавую борьбу, которая уже привела к порабощению их родины⁸⁶⁾.

Сонмище из ста двадцати тысяч германцев когда-то перешло через Рейн под предводительством Ариовиста, опустошая все, что встречалось на пути. Они присвоили себе в собственность третью часть плодородных земель, находившихся во владении секванов; но победители скоро предъявили требование еще одной трети для поселения новой колонии из двадцати четырех тысяч варваров, которых они пригласили к участию в дележе богатой галльской добычи⁸⁷⁾. По прошествии пятисот лет отомстившие за поражение Ариовиста вестготы и бургунды также присвоили себе в собственность *две трети* завоеванных земель. Но такое распределение земельной собственности произошло не во всей провинции, а, вероятно, ограничивалось теми округами, в которых победители поселились или по собственному выбору, или по политическим соображениям своих вождей. В этих округах каждого варвара связывали узы гостеприимства с кем-нибудь из римских провинциальных жителей. Этим непрошеным гостям землевладельцы были вынуждены уступать две трети своей наследственной собственности; но германцы, которые были или пастухами, или охотниками, могли иногда довольствоваться обширными участками, состоявшими из лесов и пастбищ, и предоставлять менее обширные, но более ценные земельные участки трудолюбивым землепашцам⁸⁸⁾.

Вследствие того что древние и достоверные свидетели умалчивают об этом предмете, распространилось мнение, будто хищничество франков не сдерживалось и не прикрывалось никакими формами легального дележа, будто они расселялись по галльским провинциям без всякого порядка и контроля и будто каждый из победоносных грабителей отмерял своим мечом объем своих новых владений соразмерно со своими нуждами, со своей жадностью и со своими физическими

силами. Вдалеке от своего государя варвары действительно могли вовлекаться в такие самовольные захваты, но твердая и хитрая политика Хлодвига, без сомнения, старалась обуздать такое самоуправство, которое увеличило бы лишения побежденных и вместе с тем повредило бы единодушию и дисциплине завоевателей. Знаменитая суассонская ваза служит памятником и залогом правильного дележа галльской добычи. И долг, и личный интерес заставляли Хлодвига награждать армию за ее победы и доставить множеству людей места для поселения, не подвергая никаким стеснениям или бесцельным обидам преданных ему галльских католиков. Так как он мог вступить законным образом в обладание императорскими родовыми имениями, вакантными землями и тем, что было захвачено готами, то он не имел надобности прибегать к насилиям и к конфискациям, а смиренные провинциальные жители должны были терпеливее выносить равномерное и правильное распределение того, что у них отнимали⁸⁹). Богатство Меровингских королей заключалось в их обширных поместьях.

После завоевания Галлии они все еще придерживались сельской простоты своих предков; они равнодушно смотрели на малолюдство и упадок городов, а их монеты, хартии и соборы носят на себе названия тех вилл, или деревенских дворцов, где они попеременно жили. Сто шестьдесят таких дворцов (с этим громким названием отнюдь не следует соединять понятий об изяществе или роскоши) были разбросаны по различным провинциям их королевства, и хотя некоторые из них могли бы претендовать на почетное название крепостей, но большей частью это были не что иное, как доходные фермы. Жилища этих длинноволосых королей были окружены довольно просторным двором и помещениями для скота и домашней птицы; в саду разводились полезные овощи; на рабов возлагались не только различные ремесла и земледельческие работы, но даже охота и рыболовство; магазины наполнялись зерновым хлебом и вином частью для продажи, частью для собственного потребления, и все хозяйство велось по самым строгим правилам бережливости⁹⁰).

Эти обширные поместья снабжали Хлодвига и его преемников всем, что было нужно для широкого гостеприимства, и давали им возможность награждать храбрых ратных товарищей, состоявших при их особе для личных услуг и в мирное,

и в военное время. Вместо коня или воинских доспехов каждый ратный товарищ получал - соразмерно со своим рангом, личными достоинствами или королевской милостью - *бенефицию* (это было первоначальное название и самая простая форма феодальных владений). Эти пожалованные земли государь мог по своему произволу отбирать назад, а его ничтожные прерогативы приобретали новую силу благодаря влиянию, которое доставляла ему его щедрость. Но независимое и жадное французское дворянство мало-помалу уничтожило эту ленную зависимость⁹¹⁾ и превратило свои бенефиции в вечную наследственную собственность; этот переворот был благодеянием для земледелия, остававшегося в пренебрежении у таких хозяев, которые были лишь временными владельцами земли⁹²⁾. Помимо этих королевских бенефиций значительное количество галльских земель было разделено на алодиальные и салийские; и те и другие были освобождены от налогов, а салийские земли делились поровну между потомками франков мужского пола⁹³⁾.

Во время кровавых распрей и затем во время безмятежного увядания рода Меровингов в провинциях возник новый разряд тиранов, которые под именем *Seniores*, "Господ", присвоили себе право управлять теми, кто жил на их территории, и стали угнетать их. Их честолюбие иногда сдерживалось сопротивлением тех, кто пользовался одинаковой с ними властью; но законы совершенно утратили свою силу, и нечестивые варвары, дерзавшие навлекать на себя мщение святых и епископов⁹⁴⁾, конечно, не стесняясь, нарушали права собственности живших с ними в соседстве беззащитных мирян. Права, дарованные всем людям самой природой, всегда уважались римским законодательством⁹⁵⁾; но они были сильно оттеснены германскими завоевателями, страстно любившими охоту.

Присвоенное себе людьми неопределенное владычество над дикими обитателями земли, воздуха и вод сделалось исключительным достоянием немногих счастливых представителей человеческого рода. Галлия снова покрылась лесами, и предназначенным на пользу или на забаву господина животным ничто не мешало безнаказанно опустошать поля его трудолюбивых вассалов. Охота сделалась священной привилегией дворян и их домашней прислуги. Нарушавший эту привилегию плебей подвергался установленному законом

наказанию плетью и тюрьмой⁹⁶); а убить оленя или кабана внутри королевских лесов⁹⁷) считалось за самое ужасное преступление в таком веке, когда за убийство гражданина допущалось небольшое денежное вознаграждение.

По старинным правилам войны завоеватель делался законным господином врага, которого он победил и жизнь которого он пощадил⁹⁸); таким образом, почти совершенно уничтоженное мирным римским владычеством выгодное пользование личным рабством снова ожило и стало распространяться вследствие беспрестанных войн между независимыми варварами. Возвращавшийся из удачной экспедиции гот, бургунд или франк влачил за собой длинную вереницу овец, быков и пленников и обходился с ними с одинаковым зверским пренебрежением. Он предназначал для своей домашней службы молодых людей обоего пола, которые отличались красивой наружностью и смышленостью и которым приходилось выносить, в этом двусмысленном положении, то любовные, то гневные взрывы варварских страстей. Полезные ремесленники (кузнецы, плотники, портные, сапожники, повара, садовники, красильщики, золотых и серебряных дел мастера и пр.) работали на своего господина или доставляли ему своим трудом доход. А римских пленников, не знавших никакого ремесла, но способных работать, варвары заставляли, без всякого уважения к их прежнему общественному положению, ходить за скотом и пахать землю. Число наследственных рабов, прикрепленных к галльским поместьям, постоянно увеличивалось от беспрестанно прибывавших новых пленников, и эти невольники, смотря по положению и характеру своих господ, иногда достигали лучшего, хотя и непрочного, положения, но всего чаще изнемогали под гнетом капризного деспотизма⁹⁹). Эти господа пользовались безусловным правом жизни и смерти над своими рабами, а когда они выдавали замуж своих дочерей, они отправляли в качестве свадебного подарка в какую-нибудь отдаленную местность целую вереницу полезных домашних слуг, которых привязывали цепями к повозкам из опасения, чтобы они не убежали¹⁰⁰). Величие римских законов охраняло свободу каждого гражданина против тех опрометчивых поступков, в которые он мог быть вовлечен своим бедственным положением или отчаянием. Но подданные Меровингских королей могли отчуждать свою личную свободу, и эти вошедшие в

обыкновенные легальные самоубийства облекались в самую унизительную и оскорбительную для человеческого достоинства форму¹⁰¹). Бедняки приобретали право жить, принося в жертву все, что делает жизнь приятной; их примеру стали подражать люди слабые и благочестивые, малодушно искавшие, в эпохи общественных бедствий, убежища или в укрепленных замках могущественных вождей, или подле раки какого-нибудь популярного святого. Эти светские и духовные патроны принимали их в свое подданство, и опрометчиво заключенная сделка безвозвратно закрепляла в этом положении и их самих, и их отдаленное потомство. В течение пяти столетий после царствования Хлодвиги и законы, и нравы Галлии однообразно стремились к тому, чтобы усилить и упрочить личное рабство. Время и насилие почти совершенно уничтожили средние классы общества и образовали ничтожный и узкий промежуток между дворянином и рабом. Это самовольное и небывалое разделение людей на классы было превращено гордостью и предрассудками в национальное учреждение, которое Меровинги повсюду поддерживали и своим оружием, и своими законами. Дворяне, гордившиеся своим действительным или мнимым происхождением от независимых и победоносных франков, стали пользоваться и злоупотреблять неотъемлемыми правами завоевателей над распростертыми у их ног рабами и плебеями, которым они приписывали мнимый позор галльского или римского происхождения.

Тогдашнее положение *Франции* (имя, данное ей завоевателями) и происшедший в ней переворот можно объяснить на примере одной отдельной провинции, одного округа и одной сенаторской семьи. Оверн занимала в старину выдающееся место между провинциями и городами Галлии. Ее храбрые и многочисленные жители гордились оригинальным трофеем - мечом, выпавшим из рук Цезаря в то время, как он потерпел неудачу под стенами Герговии¹⁰²). Ввиду того что их предки, также как и предки римлян, были родом из Трои, они претендовали на братский союз с Римом¹⁰³), и если бы все провинции отличались таким же мужеством и такою же преданностью, как Оверн, то Западная империя уцелела бы или по меньшей мере не разрушилась бы так скоро. Они непоколебимо исполняли клятву в верности, поневоле данную вестготам; но после того как самые храбрые из их знати пали

в битве при Пуатье, они без сопротивления подчинились победоносному католическому монарху. Это легкое и выгодное завоевание было довершено старшим сыном Хлодвиги Теодорихом, под власть которого и поступила Оверн; но эту провинцию отделяли от полученной им в удел Австразии королевства Суассонское, Парижское и Орлеанское, доставшиеся после смерти отца трем его братьям. Короля Парижского Хильдеберга соблазнили соседство и красота Оверни¹⁰⁴).

Верхняя ее часть, простиравшаяся на юг до Севеннских гор, представляла роскошную и разнообразную перспективу лесов и пастбищ; скаты холмов были покрыты виноградниками, и на всех возвышениях красовались или виллы, или замки. В Нижней Оверни река Алье течет по красивой и обширной Лиманской равнине, а неистощимое плодородие почвы постоянно доставляло и до сих пор доставляет, без всяких перерывов или отдыха, обильную жатву¹⁰⁵). Внук Сидония Аполлинария помог Хильдеберту овладеть и городом Овернью, и всем округом, распуслав ложный слух, будто их законный государь убит в Германии. Хильдеберт был очень обрадован этой бесславной победой, а свободные воины Теодориха пригрозили ему, что покинут его знамя, если он увлечется желанием мщения за личную обиду в такое время, когда весь народ занят войной с бургундами. Но австразийские франки не устояли против красноречивых доводов своего короля. "Следуйте за мною, - сказал им Теодорих, - в Оверн; я приведу вас в такую провинцию, где вы соберете столько золота, серебра, рабов, скота и драгоценностей разного рода, сколько пожелаете. Даю вам слово, что предоставлю вам в добычу и жителей, и их богатства; вы все это перевезете, если пожелаете, домой". Исполнением этого обещания Теодорих лишил сам себя прав на преданность народа, обреченного им на гибель. Его войска, подкрепленные отрядом самых свирепых германских варваров¹⁰⁶), распространили опустошение по всей Оверни, и только два места - один сильно укрепленный замок и одна рака святого спаслись или откупились от их необузданной ярости. Метролиакский замок¹⁰⁷) стоял на высоком утесе, возвышавшемся над поверхностью равнины на сто футов, а стены его укреплений вмещали в себя обширный резервуар свежей воды и несколько участков годной для возделывания земли.

Франки с завистью и с отчаянием посматривали на эту неприступную крепость; но им удалось захватить пятьдесят остальных солдат, и так как их стеснял надзор за столькими пленниками, то они назначили незначительный за них выкуп и приготовились умертвить их в случае, если бы гарнизон отказался от уплаты выкупа. Когда другой отряд проник до Бриваса, или Бриуда, жители укрылись со своими ценными пожитками в святилище св. Юлиана. Церковные двери выдерживали напор осаждающих; но один смелый солдат пробрался через окно на церковные хоры и проложил путь для своих товарищей. Алтарь не защитил ни духовенство, ни народ, ни церковную, ни частную собственность, и нечестивый дележ добычи произошел неподалеку от города Бриуда. Но за этот нечестивый подвиг грабители были строго наказаны благочестивым сыном Хлодвига. Он казнил смертью самых свирепых грабителей; предоставил св. Юлиану отомстить их тайным сообщникам; возвратил свободу пленникам; приказал отдать награбленную добычу прежним владельцам и расширил права святилища на пять миль вокруг гробницы святого мученика¹⁰⁸).

Прежде чем вывести свою армию из Оверни, Теодорих, потребовал заложников в обеспечение преданности народа, ненависть которого могла быть сдержана только страхом. Юноши, выбранные между сыновьями самых знатных сенаторов, были выданы победителями в качестве поруки за неизменную преданность их соотечественников Хильдеберту. При первом известии о восстании или заговоре этих невинных юношей низводили в положение рабов, и один из них, по имени Аттал¹⁰⁹), о приключениях которого до нас дошли более подробные сведения, был вынужден ходить за лошадьми своего господина в Трирском диоцезе. Посланцы его деда, Лангрского епископа Григория, нашли его после долгих поисков за этим низким занятием; но его попытка выкупиться из рабства не имела успеха вследствие жадности варваров, требовавших громадной суммы в десять фунтов золота за свободу такого знатного пленника. Он был обязан своим освобождением смелости и предприимчивости одного из принадлежавших Лангрскому епископу рабов, по имени Лев, состоявшего на службе при епископской кухне¹¹⁰). Какой-то агент рекомендовал Льва тому же варвару, у которого служил рабом Аттал. Варвар купил Льва за двенадцать золотых

монет и был очень обрадован, когда узнал, что этот человек научился готовить кушанья для роскошных епископских обедов. "В будущее воскресенье (сказал ему франк) я созову моих соседей и родственников. Выкажи все твое искусство и заставь их сознаться, что они никогда не видавали и не едали таких блюд даже за королевским столом". Лев отвечал, что это желание будет исполнено, если ему дадут достаточное количество съестных припасов. Желавший блеснуть своим гостеприимством хозяин дома принял на свой собственный счет все похвалы, которые единогласно расточались его повару прожорливыми гостями, и ловкий Лев, мало-помалу вкравшийся этим путем в доверие к своему господину, стал заведовать всем его хозяйством. После длившегося целый год терпеливого выжидания он втайне сообщил Атталу свой план и сказал ему, чтобы он приготовился бежать в следующую ночь. В полночь невоздержанные гости встали из-за стола, а когда Лев вошел в комнату хозяйского зятя с обычным ночным напитком, тот шутя заметил ему, что он мог бы очень легко обмануть доверие своего господина. Неустрашимый раб, нисколько не смутившись от такой опасной шутки, вошел в спальню своего господина, спрятал его копье и щит, осторожно вывел из конюшни самых быстроногих из его коней, снял запоры с тяжелых ворот и пригласил Аттала, не теряя времени, спасать бегством и свою жизнь, и свою свободу. Из опасения быть настигнутыми они сошли с коней на берегах Мааса¹¹¹), переплыли через реку и пробродили три дня по соседним лесам, питаясь только плодами случайно попадавшихся на пути сливных деревьев. В то время как они лежали, спрятавшись в густой лесной чаще, они слышали ржание коней и с ужасом увидели гневное лицо своего господина, громко говорившего, что, если ему удастся изловить беглецов, одного из них он изрубит в куски своим мечом, а другого вздернет на виселицу. В конце концов Аттал добрался вместе со своим верным Львом до гостеприимного жилища одного реймского пресвитера, который подкрепил их ослабевшие силы хлебом и вином, укрыл их от поисков врага и благополучно проводил за границу Австразийского королевства до епископского двора в Лангр. Григорий плакал от радости, обнимая своего внука, из признательности снял иго рабства со Льва и со всего его семейства и подарил ему в собственность ферму, где он мог окончить свою жизнь в достат-

ке и на свободе. Быть может, это странное приключение,носящее в своих подробностях отпечаток правдоподобия и естественности, было рассказано самим Атталом его двоюродному брату или племяннику, который был первым историком франков.

Григорий Турский¹¹²⁾ родился почти через шестьдесят лет после смерти Сидония Аполлинария, но в положении и того, и другого было много сходства, так как оба они были уроженцы Оверни, оба были сенаторами и епископами. Поэтому различие в их слоге и образе мыслей может быть принято за доказательство упадка Галлии и за ясное указание того в какой мере человеческий ум утратил, в столь короткий промежуток времени, свою энергию и свое изящество¹¹³⁾.

Все вышеизложенное дает нам право относиться с пренебрежением к противоречивым и, быть может, преднамеренным искажениям, с помощью которых иные старались ослаблять, а иные преувеличивать угнетения, вынесенные под управлением Меровингов жившими в Галлии римлянами. Завоеватели никогда не издавали никакого *всеобщего* эдикта о рабстве или о конфискации; но выродившиеся туземцы, прикрывавшие свое слабодушие благовидными названиями благовоспитанности и миролюбия, были вынуждены подчиняться оружию и законам свирепых варваров, относившихся с презрительным пренебрежением и к их собственности, и к их свободе, и к их личной безопасности. Эти правонарушения не были повсеместными и совершались без всякой системы, и большинство римлян пережило этот переворот, сохранив за собою и отличительные особенности, и привилегии граждан. Значительная часть их земель была отобрана в пользу франков, но та, которая у них осталась, была освобождена от всяких налогов¹¹⁴⁾, и та же самая грубая сила, которая уничтожила в Галлии все, что принадлежало к сфере искусств и промышленности, уничтожила и сопряженную с большими расходами систему императорского деспотизма.

Провинциальным жителям, без сомнения, нередко приходилось тяготиться варварской юриспруденцией Салических или Рипуарских законов; но в своей частной жизни, в том, что касалось браков, завещаний и наследств, они по-прежнему руководствовались Кодексом Феодосия, и недовольный своим положением римлянин мог без всяких помех возвышаться или нисходить до названия и положения варвара.

Высшие государственные отличия были доступны для его честолюбия: по своему образованию и характеру римляне были в особенности годны для гражданской службы, а лишь только соревнование снова разожгло в них воинственный пыл, им было дозволено становиться не только в рядах, но даже во главе победоносных германцев. Я не берусь перечислять полководцев и высших должностных лиц, имена которых¹¹⁵⁾ свидетельствуют о великодушной политике Меровингов. Три римлянина занимали один вслед за другим должность высшего начальника Бургундии с титулом Патрициев, а последний из них и самый влиятельный, по имени Муммол¹¹⁶⁾, то спасавший, то ставивший в опасное положение монархию, заместил своего отца в должности графа Отенского и оставил после смерти сокровище из тридцати талантов золота и двухсот пятидесяти талантов серебра. Свирепые и необразованные варвары не допускались, в течение многих поколений, ни на церковные должности ни даже в духовное звание¹¹⁷⁾. Галльское духовенство состояло почти исключительно из туземных провинциальных жителей; высокомерные франки преклонялись к стопам своих подданных, украшенных епископскими титулами, и суеверие мало-помалу возвратило этим епископам влияние и богатства, уничтоженные войной¹¹⁸⁾. Во всех светских делах Кодекс Феодосия служил законом для духовенства, но варварская юриспруденция заботливо оберегала его личную безопасность: поддьякон оценивался наравне с двумя франками; antrustion и священник считались равноценными, а жизнь епископа ценилась гораздо выше, чем чья-либо другая, - в девятьсот золотых монет¹¹⁹⁾. Римляне сообщали своим завоевателям знакомство с христианской религией и с латинским языком¹²⁰⁾; но и их язык, и их религия уже утратили безыскусственную чистоту, которой отличались в эпоху Августа и во времена апостолов. Успехи суеверий и варварства были быстры и повсеместны; поклонение святым скрывало Бога христиан от глаз толпы, а грубый язык крестьян и солдат исказился под влиянием тевтонского языка и тевтонского произношения. Тем не менее эти религиозные и социальные узы искоренили различия, основанные на правах происхождения и победы, и жившие в Галлии племена мало-помалу слились в один народ под именем и под управлением франков.

После того как франки слились со своими галльскими подданными в одно целое, они могли бы наделить этих последних самым ценным из всех даров - духом и системой конституционной свободы. Под управлением наследственных, но облеченных ограниченной властью королей вожди и министры могли бы собираться на совещания в Париже, во дворце Цезарей; на соседнем поле, на котором императоры делали смотры своим легионам из наемников, было достаточно места для законодательного собрания, составленного из граждан и воинов, а этот грубый, набросанный в лесах Германии¹²¹⁾, модель мог бы быть исправлен и улучшен гражданской мудростью римлян. Но обеспеченные в своей личной независимости, беззаботные варвары пренебрегали трудами управления: ежегодно происходившие в марте месяце народные собрания незаметным образом вышли из обычновения, и завоевание Галлии почти совершенно уничтожило этническое единство победителей¹²²⁾. Монархия осталась без всякой правильной организации правосудия, военных сил и финансов. У преемников Хлодвиги не было достаточно энергии или силы, чтобы воспользоваться законодательной и исполнительной властью, от которой отказывался народ: королевские прерогативы отличались только более широкой привилегией грабежа и убийств, и любовь к свободе, которую так часто разжигало и унижало личное честолюбие, была низведена между своевольными франками до презрения к общественному порядку и до стремления к безнаказанности. Через семьдесят пять лет после смерти Хлодвиги его внук, бургундский король Гонтран, послал армию для завоевания готских владений в Септимании или Лангедоке. В надежде грабежа к ней присоединились войска из Бургундии, Берри, Оверни и из соседних местностей. Она подвигалась вперед без всякой дисциплины под знаменами германских или галльских графов; ее нападения были слабы и неудачны, но она опустошала с неразборчивой яростью и союзные, и неприятельские провинции. Поля, засеянные хлебом, селения и даже церкви предавались пламени; жителей или убивали, или уводили в плен, а во время беспорядочного отступления пять тысяч этих бесчеловечных дикарей погибли от голода или от внутренних раздоров. Когда благочестивый Гонтран стал упрекать вождей за их ошибки или небрежность и пригрозил, что подвергнет их наказанию не по судебному приговору, а не-

медленно и по собственному произволу, они стали оправдывать себя всеобщей и неизлечимой нравственной испорченностью народа. "Никто, - говорили они, - не боится и не уважает ни своего короля, ни своего герцога или графа. Каждый хочет делать зло и, не стесняясь, удовлетворять свои преступные наклонности. Самое легкое исправительное наказание немедленно вызывает мятеж, а тот опрометчивый начальник, который вздумал бы порицать или сдерживать своих непослушных подчиненных, едва ли уберег бы свою жизнь от их мстительности"¹²³). Той же самой нации было суждено доказать на ее пороках, до каких отвратительных крайностей может доходить злоупотребление свободой; ей же было суждено возместить утрату этой свободы теми чувствами чести и человеколюбия, которые в настоящее время смягчают и облагораживают ее покорность абсолютному монарху¹²⁴).

Вестготы уступили Хлодвигу большую часть своих владений в Галлии: но эта потеря была с избытком вознаграждена легким завоеванием испанских провинций и спокойным обладанием этими провинциями. Современные нам испанцы находят некоторое удовлетворение для своего национального тщеславия в могуществе готской монархии, скоро присоединившей к себе и Свевское королевство Галицию; но историка Римской империи ничто не побуждает и не обязывает рыться в их малоинтересных летописях¹²⁵).

Жившие в Испании готы были отделены от остального человеческого рода высокой цепью Пиренейских гор, а их нравы и учреждения, в том, что они имеют общего с германскими племенами, уже были нами описаны. В предыдущей главе я уже рассказал о самых важных событиях их церковной истории - о падении арианства и о преследовании евреев; мне остается только изложить некоторые интересные подробности касательно гражданской и церковной конституции Испанского королевства.

После того как франки и вестготы отказались и от идолопоклонства, и от арианской ереси, они изъявили готовность усвоить с одинаковой покорностью и присущий суеверию вред, и доставляемые им случайные выгоды. Но еще задолго перед тем, как пресекся род Меровингов, французские прелаты переродились в воинственных и страстно любивших охоту варваров. Они пренебрегали старинным обыкновением

созывать соборы, не соблюдали правил воздержания и целомудрия и, вместо того чтобы заботиться об общих интересах духовенства, старались удовлетворять свое личное честолюбие и склонность к роскоши¹²⁶). Напротив того, испанские епископы и уважали сами себя, и были уважаемы народом; их неразрывное единодушие прикрывало их пороки и укрепляло их влияние, а правила церковного благочиния вносили и в управление государством спокойствие, порядок и устойчивость. Со вступления на престол первого католического короля Рекареда до восшествия на престол непосредственного предместника несчастного Родериха, Витицы, было созвано шестнадцать национальных соборов. Шесть митрополитов, Толедский, Севильский, Меридский, Брагский, Таррагонский и Нарбоннский, председательствовали по порядку старшинства; собрание состояло из их викарных епископов, которые или являлись лично, или присылали вместо себя уполномоченных; сверх того отводилось одно место для самого благочестивого или для самого богатого из испанских аббатов. В первые три дня, когда обсуждались церковные вопросы о догматах и благочинии, мирян не пускали в залу заседаний, которые тем не менее велись с приличной торжественностью. Но утром четвертого дня двери растворялись перед высшими дворцовыми сановниками, провинциальными герцогами и графами, городскими судьями и готскими дворянами, и декреты Небес подкреплялись одобрением народа. Те же правила соблюдались на ежегодно собиравшихся провинциальных соборах, которые имели право выслушивать жалобы и исправлять злоупотребления; таким образом, легальное правительство находило опору в преобладающем влиянии испанского духовенства. Епископы, готовые при всяком перевороте льстить победителю и давить побежденных, усердно и с успехом старались раздувать пламя религиозных гонений и ставить митру выше короны. Однако на национальных Толедских соборах, на которых епископская политика сдерживала и направляла вольнодумство варваров, были утверждены некоторые благоразумные законы, одинаково полезные и для короля, и для народа. Вакантный престол замещался по выбору епископов и палатинов, а когда пресекался род Аллариха, право на королевское звание было предоставлено одним чистокровным готам. Духовенство, помазывавшее своего законного государя на царство, всегда ре-

комендовало и само иногда исполняло на деле долг верноподданничества, а церковные кары грозили обрушиться на тех нечестивых подданных, которые стали бы оказывать сопротивление его власти, стали бы составлять заговоры против его жизни или оскорбили бы непристойной связью целомудрие даже его вдовы. Но и сам монарх при вступлении на престол связывал себя клятвой перед Богом и перед народом, что будет верно исполнять возложенные на него важные обязанности. Действительные или мнимые ошибки его управления подвергались контролю могущественной аристократии, а епископов и палатинов охраняла важная привилегия, что их нельзя было подвергать ни разжалованию, ни тюремному заключению, ни пытке, ни смертной казни, ни ссылке, ни конфискации их имуществ иначе как по независимому и публичному судебному приговору, постановленному их пэрами¹²⁷).

Один из этих Толедских соборов рассмотрел и утвердил кодекс законов, который мало-помалу составляли готские короли, начиная со свирепого Эврика и кончая благочестивым Эгикой. Пока сами вестготы довольствовались грубыми обычаями своих предков, они не мешали своим аквитанским и испанским подданным жить по римским законам. Их успехи в искусствах, в политике и в конце концов в религии побудили их отменить эти иноземные постановления и по образцу этих последних составить кодекс гражданских и уголовных законов, годный для великого народа, соединившегося под одной правительственной властью. Всем народам испанской монархии были даны одинаковые права, и на всех их наложены одинаковые обязанности, а завоеватели, мало-помалу отучавшиеся от тевтонского языка, сами подчинились требованиям справедливости и возвысили римлян до пользования общей свободой. Положение, в котором находилась Испания под управлением вестготов, еще увеличивало достоинства такой беспристрастной политики. Провинциальных жителей уже давно оттолкнуло от их арианских государей непримиримое различие религиозных верований. После того как обращение Рекареда в православие успокоило совесть католиков, берега и океана, и Средиземного моря все еще оставались во власти восточных императоров, которые втайне подстрекали недовольное население сбросить с себя иго варваров и отстаять достоинство римских граждан. Конечно, ничто

так не упрочивает колеблющуюся преданность подданных, как их собственное убеждение, что от восстания они рискуют потерять более того, что могли бы выиграть от государственного переворота; но всегда казалось столь естественным угнетать тех, кого мы ненавидим или боимся, что противоположная система управления вполне достойна похвалы за мудрость и умеренность¹²⁸⁾.

В то время как франки и вестготы упрочивали свое владычество над Галлией и Испанией, саксы совершали завоевание третьего великого диоцеза Западной префектуры - Британии. Так как Британия уже была в ту пору отделена от Римской империи, то я мог бы, не вызывая упреков, уклониться от описания ее прошлого, которое так хорошо знакомо самым необразованным из моих читателей и так темно для самых ученых. Саксы, так хорошо владевшие веслом и боевой секирой¹²⁹⁾, вовсе не были знакомы с тем искусством, которое одно только и могло бы увековечить славу их подвигов; провинциальные жители, снова погрузившись в варварство, не позаботились описать гибель своей родины, а когда римские миссионеры озарили их светом знаний и христианства, их темные предания уже успели почти совершенно заглухнуть. Декламации Гильда, отрывки из сочинений или вымыслы Ненния, неясные намеки саксонских законов и хроник и религиозные сказки почтенного Беды¹³⁰⁾ были с тщанием собраны, а иногда и украшены фантазией позднейших писателей, произведения которых я не намерен ни критически разбирать, ни принимать за руководство¹³¹⁾. Однако со стороны историка Римской империй естественно желание следить за происходившими в римской провинции переворотами, пока он не потеряет их из виду, а со стороны англичанина естественно желание описать, как утвердились в Британии варвары, от которых он ведет свое имя, свои законы и, быть может, даже свое происхождение.

Почти через сорок лет после того, как прекратилось владычество римлян, Вортигерн, как кажется, достиг верховной, хотя и непрочной, власти над британскими князьями и городами. Этого несчастного монарха почти все единогласно обвиняли за его малодушную и вредную политику, побудившую его призвать¹³²⁾ грозных иноземцев для того, чтобы при помощи их отражать нашествия внутренних врагов. Самые серьезные историки рассказывают, что послы от Вортигерна

отправились к берегам Германии, что они обратились с трогательной речью к общему собранию саксов и что эти воинственные варвары решились помочь флотом и армией просителям с отдаленного и незнакомого им острова. Если бы Британия действительно была совершенно незнакома саксам, то чаша испытанных ею бедствий была бы менее полна. Но римское правительство не было в состоянии постоянно охранять эту приморскую провинцию от германских пиратов; самостоятельные и разрозненные мелкие государства, на которые она распалась, часто подвергались нападениям этих хищников, а саксы со своей стороны, вероятно, иногда вступали в формальные союзы или в тайные соглашения с скотами и пиктами с целью грабежа и опустошения. Вортигерн мог только делать выбор между многоразличными опасностями, со всех сторон грозившими его престолу и его народу, и едва ли было бы справедливо обвинять этого монарха в том, что он предпочел соглашение с теми варварами, которые были всех сильнее на море и потому были всех опаснее в качестве врагов и всех полезнее в качестве союзников. В то время как Генгист и Горса плыли с тремя кораблями вдоль восточного берега, их склонили обещанием большого жалованья принять участие в обороне Британии и, благодаря своей неустрашимости, они скоро избавили эту страну от вторжений каледонцев. Этим германским союзникам был отведен для поселения безопасный и плодородный остров Танет, и они были в изобилии снабжены, согласно договору, одеждой и съестными припасами. Этот любезный прием привлек еще пять тысяч воинов, прибывших вместе со своими семействами на семнадцати кораблях, и зарождавшееся влияние Генгиста усилилось благодаря столь значительным подкреплениям. Хитрый варвар убедил Вортигерна, что для него было бы очень выгодно завести в соседстве с пиктами колонию верных союзников - и третий флот из сорока кораблей, отплывший из Германии под предводительством сына и племянника Генгиста, опустошил Оркадские острова и высадил новую армию на берегах Нортумберланда или Лотия, на противоположной оконечности доставшейся им в добычу страны. Нетрудно было предвидеть, к каким это приведет пагубным последствиям, но не было возможности их предотвратить. Взаимное недоверие скоро возбудило раздоры между двумя народами и довело их до взаимного ожесточения.

Саксы преувеличивали все, что они сделали и вынесли для пользы неблагодарного народа, а бриты сожалели о щедрых наградах, которыми не могли насытить жадность этих высокомерных наемников. Взаимные опасения и ненависть разрослись в непримиримую вражду. Саксы взялись за оружие, и если правда, что они воспользовались беззаботностью праздничного веселья, чтобы изменнически умертвить своих противников, то они этим совершенно уничтожили то взаимное доверие, без которого невозможны международные сношения ни в мирное, ни в военное время¹³³).

Замышлявший завоевание Британии, Генгист убеждал своих соотечественников воспользоваться этой благоприятной минутой; он описывал им яркими красками плодородие почвы, богатство городов, трусливый нрав туземцев и выгодное положение обширного уединенного острова, со всех сторон доступного для саксонских кораблей. Колонии, которые основывались в Британии одна вслед за другой в течение ста лет переселенцами, выходившими из устьев Эльбы, Везера и Рейна, состояли преимущественно из трех храбрых германских племен или народов: из ютов, древних саксов и англов¹³⁴). Сражавшиеся под личным знаменем Генгиста, юты присваивали себе ту заслугу, что они проложили своим соотечественникам путь к славе и что они основали в Кенте первое независимое королевство. Честь этого предприятия принадлежала первым саксонским выходцам, и как законам, так и языку завоевателей было дано национальное имя того народа, который через четыреста лет дал Южной Британии ее первых монархов. Отличавшиеся своей многочисленностью и своими военными успехами англы присвоили себе ту честь, что дали постоянное название стране, большая часть которой находилась в их власти. Варвары, которых привлекала туда надежда грабежа на суше и на море, мало-помалу смешались с народами, входившими в этот тройственный союз; *фризы*, впавшие в искушение вследствие своего соседства с берегами Британии, в течение непродолжительного времени могли соперничать с могуществом и репутацией природных саксов; о *датчанах*, *пруссаках* и *ругиях* упоминают лишь слегка; а проникавшие до берегов Балтийского моря бродячие *гунны* могли отплыть на германских кораблях для завоевания новой для них страны¹³⁵). Но это трудное дело не было подготовлено или исполнено соединенными силами

всех этих народов. Каждый неустрашимый вождь набирал приверженцев в числе соразмерном с его репутацией и с его средствами, снаряжал флот из трех, а иногда и из шестидесяти кораблей, выбирал место для высадки и в дальнейшем образ действий сообразовался с ходом войны и с тем, что ему внушали его личные интересы. При вторжении в Британию многие из этих героев были побеждены и пали жертвами своего честолюбия; только семь победоносных вождей усвоили или по меньшей мере удержали за собою титул королей. Завоеватели основали саксонскую гептархию, состоявшую из семи самостоятельных государств, и семь семейств, из которых одно продолжалось в женском поколении до нашего теперешнего государя, вели свой священный род от бога войны Водена. Некоторые полагали, что эта республика королей управлялась генеральным советом и высшим сановником. Но такая искусственная система управления была бы несообразна с грубыми и буйными нравами саксов; их законы ничего об этом не говорят, а их неполные летописи представляют лишь мрачную картину кровавых внутренних распрей¹³⁶⁾.

Монах, взявшийся писать историю, несмотря на совершенное незнание условий человеческой жизни, представил в ложном свете положение, в котором находилась Британия во время своего отделения от Западной империи. Гильд¹³⁷⁾ описывает цветистым языком улучшенное положение земледелия, внешнюю торговлю, приносившую с каждым морским приливом свои дары в Темзу и в Северн, прочность и вышину публичных и частных зданий: он порицает порочную роскошь бритов, того самого народа, который, по словам того же писателя, не был знаком с самыми простыми искусстваами и не умел, без помощи римлян, ни строить каменных стен, ни делать железное оружие для защиты своей родины¹³⁸⁾. Под долгим владычеством римских императоров Британия мало-помалу превратилась в цивилизованную и раболепную римскую провинцию, безопасность которой охранялась чужеземцами. Подданные Гонория смотрели с удивлением и страхом на свободу, к которой они не привыкли; у них не было никакой, ни гражданской, ни военной, конституции, а у их нерешительных правителей не было ни умения, ни мужества, ни авторитета, чтобы направить общественные силы против общего врага. Прибытие саксов обнаружило их внутреннюю слабость и унизило характер и монарха, и народа. Их

смятение преувеличивало опасность; отсутствие единодушия уменьшало их ресурсы, а враждовавшие между собой политические партии, вместо того чтобы стараться помочь беде, заботились лишь о том, чтобы взвалить за нее ответственность на своих противников. Однако бриты не были и не могли быть незнакомы с фабрикацией оружия и с искусством им владеть: частые и беспорядочные нападения саксов заставили их одуматься, а военные удачи и неудачи прибавили к их врожденной храбрости дисциплину и опытность.

В то время как континент Европы и Африки подчинялся без сопротивления варварам, один британский остров выдерживал, без посторонней помощи, продолжительную, упорную, но не увенчавшуюся успехом борьбу со страшными пиратами, нападавшими на него почти одновременно и с севера, и с востока, и с юга. Города были хорошо укреплены и мужественно защищались; жители пользовались всеми выгодами местности - горами, лесами и болотами; завоевание каждого округа покупалось потоками крови, а о поражениях саксов ясно свидетельствует скромное молчание их летописцев. Генгист, был может, надеялся окончательно завоевать всю Британию; но в течение деятельного тридцатипятилетнего царствования его честолюбие должно было довольствоваться одним Кентом, а многочисленные колонисты, которых он поселил на севере, были истреблены мечом бритов. Монархия западных саксов была основана настойчивыми усилиями трех воинственных поколений. Один из самых храбрых потомков Водена, Кердик, употребил всю свою жизнь на завоевание Гампшира и острова Уайта¹³⁹⁾; но потери, понесенные им в битве при горе Бадонь, обрекли его на бесславный покой. Его храбрый сын Кенрик вторгнулся в Вильтшир, осадил Салисбюри, стоявший в ту пору на большом возвышении, и разбил армию, которая приближалась на помощь городу. В следовавшей затем битве при Марльборо¹⁴⁰⁾ его враги бриты выказали свое знание военного дела. Их войска были выстроены в три линии; каждая линия состояла из трех отдельных отрядов, а кавалерия, стрелки из лука и копьеносцы были расставлены по правилам римской тактики. Саксы напали одной густой колонной, смело отражали своими коротенькими мечами удары длинных британских пик и удержались на поле сражения до наступления ночи. Две решительные победы, смерть трех британских коро-

лей и взятие Чиренчестера, Баса и Глочестера упрочили славу и могущество Кердикова внука Кеолина, достигшего в своем наступательном движении до берегов Северна.

После войны, продолжавшейся целое столетие, независимые бриты еще занимали западный берег во всю его длину, от стены Антонина до оконечности Корнваллийского мыса, а главные города внутри страны еще не сдавались варварам. Соппротивление слабело, по мере того как число и отвага врагов увеличивались. Медленно и с трудом прокладывая себе путь, саксы, англы и их разнохарактерные союзники надвигались и с севера, и с востока, и с юга, пока их победоносные знамена не соединились в самом центре острова. По ту сторону Северна бриты еще отстаивали свою национальную независимость, которая пережила и гептархию, и даже саксонскую монархию. Самые храбрые из их воинов, предпочитавшие изгнание рабству, находили безопасное убежище в горах Валлиса; Корнваллис подчинился после сопротивления, продолжавшегося несколько столетий¹⁴¹⁾, а один отряд беглецов приобрел поселения в Галлии или благодаря своей собственной храбрости, или благодаря великодушию Меровингских королей¹⁴²⁾. Западный угол Арморики получил новые названия Корнваллиса и Малой Британии, а земли, оставшиеся вакантными после Озисмиев, были заселены чужеземцами, которые сохранили, под управлением своих графов и епископов, законы и язык своих предков. При слабых преемниках Хлодвиг и Карла Великого армориканские бриты отказались от уплаты обычной дани, подчинили себе соседние диодезы, Ваннский, Реннский и Нантский, и основали сильное, хотя и вассальное, государство, которое было впоследствии присоединено к наследственным владениям короля Франции¹⁴³⁾. Во время столетней борьбы, если не непрерывной, то по меньшей мере непримиримой, конечно, было потрачено на защиту Британии немало личной храбрости и искусства. Однако едва ли можно сетовать на то, что имена этих бойцов преданы забвению, так как даже в века невежества и нравственного упадка никогда не было недостатка в людях, славившихся своими кровавыми воинскими подвигами. Надгробный памятник Вортигернова сына Вортимера был поставлен на берегу моря, чтобы служить грозным предостережением для саксов, которых Вортимер трижды побеждал на полях Кента. Амвросий Аврелиан происходил от

знатной римской семьи¹⁴⁴); его скромность равнялась его храбрости, а его храбрость увенчивалась блестящими успехами, пока он не погиб на поле битвы¹⁴⁵). Но слава всех британских героев меркнет перед блестящим именем Артура¹⁴⁶), который был наследственным принцем силуров в Южном Валлисе и выборным королем или военным начальником нации. По самым умеренным рассказам, он разбил северных англов и западных саксов в двенадцати сражениях; но старость этого героя была отравлена народной неблагодарностью и семейными несчастьями. События его жизни не так интересны, как странные перемены, происходившие в оценке его подвигов. В течение пятисот лет предания об этих подвигах сохранялись и грубо разукрашивались ничтожными валлийскими и армориканскими бардами, которыми гнушались саксы и о которых ничего не знало остальное человечество. Из гордости и из любознательности норманнские завоеватели стали знакомиться с древней историей бритов; они с удовольствием выслушивали рассказы об Артуре и горячо восхваляли достоинства монарха, восторжествовавшего над их общими врагами саксами. Его жизнеописание, изложенное на плохом латинском языке Готфридом Монмутом и впоследствии переведенное на общеупотребительный язык того времени, было разукрашено разнообразными, но бессвязными прикрасами, какие только можно было извлечь из опыта, учености и фантазии двенадцатого столетия. Басня о фригийской колонии, перенесенной с берегов Тибра на берега Темзы, была без большого труда связана с баснословными рассказами "Энеиды", и царственные предки Артура стали вести свое происхождение из Трои и заявлять притязание на родство с Цезарями. Его трофеи украшались названиями завоеванных провинций и императорскими титулами, а его победы над датчанами считались отмщением за недавние бедствия его родины. Храбрость и суеверия этого британского героя, его празднества и турниры, равно как основание знаменитой рыцарской общины Круглого Стола, - все это было в точности скопировано с рыцарских нравов того времени, так что баснословные подвиги Утерова сына кажутся нам менее неправдоподобными, чем то, что было совершено предприимчивостью и мужеством норманнов. Странствования к Святым местам и священные войны проложили в Европу путь для чудес арабской магии. Феи и гиганты, летающие драко-

ны и волшебные дворцы примешались к более безыскусственным вымыслам Запада, и судьба Британии была поставлена в зависимость от искусства и от предсказаний Мерлина. Каждый народ стал усваивать и украшать популярный рассказ об Артуре и о рыцарях Круглого Стола; их имена прославлялись и в Греции, и в Италии, и объемистые сказки сэра Лансело и сэра Тристрама сделались любимым чтением князей и знати, пренебрегавших невымышленными героями и древними историками. В конце концов снова воссиял свет знания и разума; талисман утратил свою обаятельную силу; возведенное им призрачное здание улетучилось, и вследствие естественного, но неосновательного переворота в общественном мнении наше взыскательное время готово усомниться даже в *существовании* Артура¹⁴⁷⁾.

Если сопротивление не в состоянии спасти от бедствий, сопряженных с покорением страны чужеземцами, то оно лишь усиливает их; а саксы были самыми страшными и немилосердными из всех завоевателей, так как они ненавидели своих врагов за их храбрость, не исполняли никаких договоров и без всяких угрызений совести оскверняли самые священные предметы христианского поклонения. Почти во всех округах горы человеческих костей обозначали поля битв; осколки от разваливавшихся башен были покрыты кровью; бриты, без различия возраста и пола, подверглись поголовному избиению¹⁴⁸⁾ среди развалин Андериды¹⁴⁹⁾, а повторение таких общественных бедствий случалось нередко при саксонской гептархии. Искусства и религия, законы и язык, которые с таким тщанием вводились римлянами в Британию, были с корнем вырваны их варварскими преемниками. Когда главные церкви были разрушены, те из епископов, которые отклонили от себя венец мученичества, удалились с священными предметами культа в Валлис и в Арморику; их паства осталась без всякой духовной пищи; народ не только отучился от исполнения христианских обрядов, но даже утратил всякое воспоминание о христианстве, и британское духовенство могло находить для себя некоторое утешение только в том, что обрекало иноземных язычников на вечные мучения. Короли Франции охраняли привилегии своих римских подданных, а свирепые саксы относились с презрением к законам Рима и императоров. И порядки гражданского и уголовного судопроизводства, и почетные титулы, и служебные

должности, и сословные различия, и даже семейные супружеские права, вытекавшие из браков, как-то право завещать и наследовать, - все было окончательно уничтожено, и смешанная толпа рабов и благородного, и плебейского происхождения стала управляться грубыми традиционными обычаями, получившими силу законов между германскими пастухами и пиратами. Введенный римлянами научный, деловой и разговорный язык исчез среди общего разорения. Германцы усвоили несколько латинских и кельтских слов, необходимых для выражения их новых нужд и понятий¹⁵⁰⁾; но эти безграмотные язычники удержали и ввели в общее употребление свой национальный язык¹⁵¹⁾. Почти все названия высших церковных и государственных должностей ясно обнаруживают свое тевтонское происхождение¹⁵²⁾, и география Англии наполнилась иноземными буквами и названиями. Нелегко найти другой пример такой быстрой и такой полной перемены; но она возбуждает в нас основательное подозрение, что римская образованность пустила в Британии менее глубокие корни, нежели в Галлии и в Испании, и что природная грубость страны и ее обитателей была лишь слегка прикрыта внешним лоском итальянских нравов.

Ввиду этого странного переворота некоторые историки и даже философы пришли к убеждению, что жители Британии были совершенно истреблены и что свободные земли были сызнова заселены благодаря непрерывному наплыву и быстрому размножению германских пришельцев. На призыв Генгиста¹⁵³⁾ отозвались, как рассказывают, триста тысяч саксов; о совершенном переселении туда англов свидетельствовал во времена Беды пустынный вид их родины¹⁵⁴⁾, а из нашего собственного опыта нам известно, как быстро размножаются люди, поселившиеся на необитаемой плодородной земле, где ничто не стесняет их свободы и где они в изобилии находят средства пропитания. Саксонские королевства имели внешний вид недавно открытой и недавно возделанной земли: города были небольших размеров; селения были отдалены одни от других; земля обрабатывалась вяло и неискусно; четыре овцы стоили то же, что акр самой лучшей земли¹⁵⁵⁾; огромные пространства, находившиеся под лесами и болотами, были предоставлены во власть самой природы, а теперешнее епископство Дургамское, простиравшееся от Тайна до Тисы,

возвратилось в свое первобытное положение дикого необитаемого леса¹⁵⁶⁾.

Это немногочисленное население, вероятно, разрасталось в течение нескольких поколений от прилива поселенцев; но ни здравый смысл, ни исторические факты не оправдывают предположения, будто британские саксы остались единственными обитателями покоренной ими пустыни. После того как кровожадные варвары обеспечили свое владычество и удовлетворили свою злобу, их собственный интерес заставлял их охранять и домашний скот, и не оказывавших сопротивления поселян. При каждом новом перевороте это терпеливое стадо делалось собственностью своих новых повелителей, и благотворный обмен физического труда на средства пропитания совершался в силу необходимости. Апостол Суссекса¹⁵⁷⁾ Вильфрид принял в подарок от своего царственного новообращенного полуостров Селсей, вблизи от Чичестера, вместе с жившими на нем восьмьюдесятью семью семействами и всей их собственностью. Он тотчас освободил их от всякой духовной и мирской крепостной зависимости, и двести пятьдесят рабов обоего пола были окрещены своим снисходительным владельцем. Королевство Суссекское, простиравшееся от моря до Темзы, заключало в себе семь тысяч семейств; тысяча двести семейств были приписаны к острову Уайту; если же мы продолжим это приблизительное вычисление, то найдем, что Англия, по всему вероятно, возделывалась миллионом слуг или *villains*, которые были прикреплены к поместьям своих самоправных владельцев. Бедные варвары нередко продавали своих детей или самих себя в вечную крепостную зависимость¹⁵⁸⁾ даже чужеземцам; однако особые исключения, допускавшиеся в пользу *национальных* рабов¹⁵⁹⁾, с достаточной ясностью доказывают, что число этих рабов было гораздо менее значительно, чем число иностранцев и пленников, утративших свою свободу или поступивших во власть нового господина вследствие случайностей войны. Когда время и религия смягчили свирепый характер англосаксов, законы стали поощрять частое отпущение рабов на волю, а те из их подданных, которые были родом валлийцы или кембрийцы, занимали почтенное положение вольных людей низшего разряда, владели землями и пользовались всеми правами гражданского общества¹⁶⁰⁾. Такое человеколюбивое обхождение могло обеспечить им предан-

ность дикого народа, который жил на границах Валлиса и Корнваллиса и над которым они незадолго перед тем утвердили свое владычество. Законодатель Вессекса, мудрый Ина, связал оба народа узами внутреннего единения, и мы можем отметить тот факт, что четыре британских лорда из Сомерсетшира занимали почетные должности при дворе саксонского монарха¹⁶¹⁾.

Сохранившие свою независимость бриты, как кажется, снова впали в свое первобытное варварство, из которого их высвободили не вполне. Будучи отделены своими врагами от остального человеческого рода, они скоро сделались предметом скандала и отвращения для всего католического мира¹⁶²⁾. Христианская религия еще исповедовалась среди гор Валлиса, но и в том, что касалось *формы* возведения в духовное звание, и в том, что касалось дня празднования Пасхи, эти грубые отщепенцы упорно сопротивлялись повелительным требованиям римских первосвященников. Латинский язык мало-помалу вышел из употребления, и бриты лишились тех искусств и знаний, с которыми Италия познакомила своих новообращенных саксов. В Валлисе и Арморике национальный идиом Запада - кельтский язык сохранился и распространился, а *барды*, которые были в древности товарищами Друидов, пользовались даже в шестнадцатом столетии покровительством законов Елизаветы. Их начальник, занимавший почетное место при дворе в Пенгверне, Аберфро или Кемартене, сопровождал королевских служителей на войну; воспевая перед фронтом армии права бритов на владычество, он внушал им мужество и оправдывал их хищнические подвиги, а после победы требовал в награду за свое пение лучшую из захваченных у неприятеля телок. Подчиненные ему барды, преподававшие и изучавшие вокальную и инструментальную музыку, посещали в своих округах и королевские, и дворянские, и плебейские дома и своими назойливыми требованиями увеличивали бедность народа, который уже и без того был доведен жадностью духовенства до нищеты. Их ранги и достоинства определялись на торжественных состязаниях, а общая уверенность, что они вдохновлялись свыше, воспламеняла и воображение этих поэтов, и воображение их слушателей¹⁶³⁾. Оконечности Галлии и Британии, служившие последним убежищем для кельтской свободы, были годны не столько для земледелия, сколько для пастбищ; богат-

ство бритов заключалось в их стадах крупного и мелкого скота; молоко и мясо были их обыкновенной пищей, а хлеб считался за роскошь, от которой они иногда добровольно отказывались. Стремление к свободе населило горы Валлиса и болота Арморики; но их многолюдность приписывалась, из зложелательства, безнравственной привычке к многоженству, и, если верить рассказам, в доме каждого из этих распутных варваров жило по десяти жен и по несколько десятков детей¹⁶⁴). Они были вспыльчивого и раздражительного характера, отличались смелостью и на деле, и на словах¹⁶⁵), и так как они не были знакомы с тем, что служит украшением мирной жизни, то удовлетворяли свои страсти внешними и внутренними войнами. Кавалерия из Арморики, копьеносцы из Гвента и стрелки из Мерионета были одинаково страшны для врагов; но, по своей бедности, они редко были в состоянии добыть щиты или шлемы; к тому же это неудобное бремя было бы помехой для быстроты и ловкости их прихотливых эволюций. Один из греческих императоров просил, из любознательности, одного из величайших английских монархов доставить ему сведения о положении Британии, и Генрих II сообщил ему, на основании собственного опыта, что в Валлисе жила раса людей, не боявшихся голыми нападать на одетых в броню неприятелей¹⁶⁶).

Происшедший в Британии переворот сузил не только сферу римского владычества, но и сферу знаний. Туман невежества, прояснившийся благодаря открытиям финикиян и совершенно рассеявшийся благодаря военным подвигам Цезаря, снова сгустился над берегами Атлантического океана, и бывшая римская провинция снова исчезла в массе островов, о которых ходили баснословные рассказы. Лет через полтора после царствования Гонория самый серьезный из историков того времени¹⁶⁷) описывал чудеса далекого острова, восточная часть которого отделена от западной старинной стеной, составляющей рубеж между жизнью и смертью или, гораздо вернее, между истиной и вымыслом. "Восточная сторона, - говорит он, - представляет красивую местность, населенную цивилизованным народом: в ней воздух здоровый, вода чистая и в большом количестве, а земля регулярно приносит хорошую жатву. На западе, по ту сторону стены, воздух наполнен заразительными испарениями, земля покрыта змеями, и эта мрачная пустыня служит жилищем для душ

усопших, перевозимых туда с противоположного берега на настоящих гребных судах живыми гребцами. Несколько рыбацких семейств, состоящих во французском подданстве, освобождены от налогов в вознаграждение за таинственную службу, которую несут эти морские Хароны. Они поочередно дожидаются, чтобы наступила полночь, слышат голоса и даже имена теней, понимают, какое значение имеет каждая из них, и подчиняются влиянию какой-то неизвестной им и непреодолимой силы". Вслед за этими фантастическими грезами мы с удивлением читаем, что этот остров называется *Brittia*, что он лежит посреди океана напротив устьев Рейна и менее нежели в тридцати милях от континента, что он находится во владении трех племен - фризов, англов и бритов и что в Константинополе видели нескольких англов в свите французских послов. Может быть, от этих послов Прокопий узнал об одном странном и неправдоподобном происшествии, в котором обнаружилась не столько чувствительность одной английской героини, сколько ее храбрость. Она была помолвлена за Радигера, короля германского племени варнов, которое жило между берегами океана и берегами Рейна; но вероломный любовник предпочел, из политических расчетов, жениться на вдове своего отца, которая была сестрой короля франков Феодеберта¹⁶⁸). Вместо того чтобы оплакивать свой позор, покинутая принцесса англов отомстила за него. Ее воинственные подданные, как рассказывают, не только не умели сражаться верхом на конях, но даже никогда не видывали таких животных; но она не побоялась направиться от берегов Британии к устьям Рейна с флотом из четырехсот кораблей и с армией из ста тысяч человек. Разбитый в сражении и взятый в плен Радигер просил пощады у своей победоносной невесты, которая великодушно простила его, отослала свою соперницу и заставила короля варнов честно и верно исполнять обязанности супруга¹⁶⁹).

Этот блистательный подвиг был, как кажется, последним морским предприятием англосаксов. Искусство мореплавания, доставившее им владычество над Британией и на море, скоро впало в пренебрежение у беспечных варваров, отказавшихся от всех коммерческих выгод, какие доставляло им географическое положение их острова. Спокойствие семи самостоятельных королевств беспрестанно нарушалось внутренними раздорами, и *британский мир* редко входил в ка-

кое-либо мирное или враждебное соприкосновение с континентальными народами¹⁷⁰).

Теперь я довел до конца утомительный рассказ об упадке и разрушении Римской империи, который начинается со счастливого века Траяна и Антонинов и оканчивается совершенным прекращением римского владычества на Западе, происшедшим почти через пятьсот лет после начала христианской эры. В этот несчастный период времени саксы упорно боролись из-за обладания Британией с ее туземным населением; Галлия и Испания были разделены между могущественными монархиями франков и вестготов и зависимыми королевствами свевов и бургундов; Африка страдала от жестоких притеснений вандалов и от варварских нашествий мавров; а Рим и Италия, вплоть до берегов Дуная, находились под гнетом варварских наемников, разнузданная тирания которых уступила место владычеству остгота Теодориха. Все подданные империи, которым употребление латинского языка давало преимущественное право носить название и пользоваться привилегиями римлян, терпели унижения и бедствия, неизбежные при владычестве иноземцев, а победоносные германские народы вводили в западных странах Европы новые нравы и новую систему управления. Величие Рима отчасти олицетворялось в константинопольских монархах, этих слабых и мнимых преемниках Августа. Впрочем, они еще властвовали над Востоком от берегов Дуная до берегов Нила и Тигра; монархии, основанные готами и вандалами в Италии и в Африке, были ниспровергнуты победами Юстиниана, а история *греческих* императоров представляет нам длинный ряд поучительных примеров и интересных переворотов.

Общие замечания касательно упадка римского владычества на Западе

Когда Греция была обращена в римскую провинцию, греки приписывали победы Рима не достоинствам республики, а ее *фортуне*. Непостоянная богиня, так неразборчиво расточающая и отбирающая назад свои милости, наконец решилась (как выражалась завистливая лесь) поджечь свои крылья, спуститься со своего глобуса и навсегда утвердить свой трон на берегах Тибра¹⁷¹). Более прозорливый грек, писавший, с точки зрения философа, замечательную историю своего собственного времени, уничтожил это самообольщение своих соотечественников, объяснив им, в чем заключались прочные основы римского величия¹⁷²). Честность граждан в их отношениях друг к другу и их преданность государству укреплялись привычками воспитания и религиозными предрассудками. Честь и добродетель были принципами республики; честлюбивые граждане старались заслужить торжественные почести триумфа, а рвение римских юношей воспламенялось до деятельного соревнования всякий раз, как они обращали взоры на изображения своих предков¹⁷³). Умеренная борьба между патрициями и плебеями окончилась тем, что упрочила неизменное и справедливое равновесие государственных учреждений, при котором свобода народных собраний уживалась с авторитетом и мудростью сената и с исполнительной властью верховного сановника. Когда консул развертывал знамя республики, каждый гражданин обязывался под присягой сражаться за свою родину, пока не освободится от этой священной обязанности десятилетней военной службой. Благодаря этому мудрому постановлению под знамена постоянно стекались представители подраставшего поколения граждан и солдат, к которым присоединялось воинственное и многочисленное население тех италийских провинций, которые, после мужественного сопротивления, были завоеваны римлянами и сделались их союзницами. Прозорливый историк, который возбуждал бодрость в младшем Сципионе и созерцал развалины Карфагена¹⁷⁴), подробно описал их военную систему, их рекрутские наборы, оружие, упражнения, субординацию, походы, лагерные стоянки и непобедимый легион, превосходивший в изворотливости и в стойкости македонскую фалангу Филиппа и Александра. Этим мирным

и военным учреждениям Полибий приписывает мужество и могущество народа, которому не было доступно чувство страха и который тяготился покоем. Честолюбивое влечение к завоеваниям, которое могло бы быть сдержано своевременным соглашением между побежденными народами, было удовлетворено вполне, а постоянное нарушение справедливости находило опору в политических добродетелях, в благоразумии и мужестве. Армии республики, иногда терпевшие неудачу на поле битвы, но всегда оканчивавшие войну с успехом, достигли быстрыми шагами до берегов Евфрата, Дуная, Рейна и океана, а золотые, серебряные и медные изображения, которые могли бы служить олицетворением наций и их королей, были одно вслед за другим раздроблены железным владычеством Рима¹⁷⁵).

Судьба города, который мало-помалу разросся в империю, так необычайна, что останавливает на себе внимание философа. Но упадок Рима был естественным и неизбежным последствием чрезмерного величия. Среди благоденствия зрел принцип упадка; причины разрушения размножались вместе с расширявшимся объемом завоеваний, и лишь только время или случайность устранили искусственные подпорки, громадное здание развалилось от своей собственной тяжести. История его падения проста и понятна, и, вместо того чтобы задаваться вопросом, *почему* Римская империя распалась, мы должны бы были удивляться тому, что она существовала так долго. Победоносные легионы, усвоившие во время далеких походов пороки чужеземцев и наемников, сначала подавили свободу республики, а затем стали унижать величие императорского звания. Заботы о личной безопасности и об общественном спокойствии заставляли императоров прибегать к унижительным уловкам и, подрывая дисциплину, делать армию столько же страшной для ее государя, сколько она была страшна для врагов; прочность военной организации была поколеблена, а затем и окончательно уничтожена нововведениями Константина, и Римский мир был поглощен потоком варваров.

Упадок Рима нередко приписывали перемещению центра верховной власти; но мы уже видели из его истории, что правительственная власть скорей *разделилась*, чем *переместилась*. Константинопольский трон был воздвигнут на Востоке, а Запад все еще оставался во власти императоров, которые

имели свое местопребывание в Италии и заявляли притязание на одинаковую с восточными императорами наследственную власть над легионами и провинциями. Это опасное нововведение ослабило силы и умножило недостатки раздвоившейся правительственной власти; орудия угнетения и произвола размножались, и между выродившимися преемниками Феодосия возникло тщеславное соперничество не в личных достоинствах, а в роскоши. Крайняя опасность вызывает вольный народ на дружную борьбу с общим врагом, а в разрушающейся монархии она лишь разжигает борьбу партий. Взаимная вражда любимцев Аркадия и Гонория предавала республику в руки ее врагов, и византийский двор равнодушно и, быть может, даже с удовольствием взирал на унижение Рима, на бедствия, постигшие Италию, и на потерю западных провинций. При следующих императорах союз между двумя империями был восстановлен, но помощь восточных римлян была мешкотна, нерешительна и бесплодна, а этническая рознь между греками и латинами постоянно усиливалась вследствие различия нравов, интересов и даже религии. Впрочем, выбор Константина в некоторой мере оправдывался проистекавшими из него полезными последствиями. В течение продолжительного периода упадка его неприступная столица отражала победоносные армии варваров, охраняла богатые азиатские провинции и как в мирное, так и в военное время господствовала над важными проливами, соединяющими Евксинское море со Средиземным. Основание Константинополя не столько содействовало гибели Запада, сколько предохраняло от гибели Восток.

Так как главная цель религии - счастье в *будущей* жизни, то мы, конечно, не возбудим ни удивления, ни скандала, если скажем, что введение или по меньшей мере употребление во зло христианства имело некоторое влияние на упадок и разрушение Римской империи. Духовенство с успехом проповедовало теорию терпения и малодушия; добродетели, основанные на предприимчивости, считались бесполезными, и последние остатки воинственного духа были похоронены в монастырях; значительная часть общественного и частного достояния издерживалась на удовлетворение благовидных требований милосердия и благочестия, а деньги, которые должны бы были идти на жалованье солдатам, тратились на нужды праздной толпы из лиц обоего пола, у которой не бы-

до никаких достоинств, кроме воздержанности и целомудрия. Вера, рвение, любознательность и более мирские страсти - зложелательство и честолюбие разожгли пламя богословских распрей; не только церковь, но даже государство вовлекалось в религиозные раздоры, которые доходили до борьбы нередко кровопролитной и всегда непримиримой; внимание императоров отвлеклось от лагерей и сосредоточилось на соборах; Римский мир подвергся тирании нового рода, и гонимые сектанты сделались тайными врагами своего отечества. Впрочем, дух партий, как бы он ни был вреден и безрассуден, способствует столько же единению людей, сколько их разъединению. Епископы с тысячи восьмисот церковных кафедр поучали обязанности беспрекословно повиноваться законному и православному государю; их частые съезды и постоянная переписка поддерживали связь с отдаленными церквями, а религиозное единомыслие католиков усиливало благотворное влияние Евангелия, хотя вместе с тем ограничивало его узкими рамками. Благочестивая праздность монахов нашла многочисленных подражателей в эпоху раболепия и изнеженности; но если бы суеверие и не доставило недостойным римлянам такого приличного пристанища, их порочные наклонности все-таки заставили бы их покинуть знамя республики по каким-нибудь другим, более низким, мотивам. Требования религии охотно исполняются теми, кто находит в них удовлетворение и освящение своих естественных влечений; но чистый и подлинный дух христианства обнаружился в том благотворном, хотя и не полном, влиянии, которое он имел на новообращенных северных варваров. Если падение Римской империи и было ускорено обращением Константина в христианство, зато торжество его религии ослабило стремительность этого падения и смягчило свирепые нравы варваров.

Этот страшный переворот может служить поучительным примером для нашего времени. Конечно, на всяком патриоте лежит обязанность предпочитать и отстаивать исключительную пользу и славу своей родины; но философу может быть дозволено расширить свой кругозор и смотреть на Европу как на огромную республику, разнообразные обитатели которой достигли почти одинакового уровня благовоспитанности и умственного развития. Перевес будет на стороне то одной, то другой державы; благосостояние нашего или соседне-

го государства может то увеличиваться, то уменьшаться; но эти частные перемены не в состоянии нарушить нашего общего благосостояния, не в состоянии уничтожить тех искусств, законов и нравов, которые так возвышают европейцев и их колонии над остальным человечеством. Варварские народы - общие враги всякого цивилизованного общества, и мы, не без тревожного любопытства, задаемся вопросом, не могут ли обрушиться на Европу такие же бедствия, какие ниспровергли и военное могущество Рима, и его учреждения. Вызываемые этим вопросом размышления, быть может, выяснят нам и причины разрушения этой могущественной империи, и причины нашей теперешней безопасности.

I. Римляне не имели ясного понятия ни о том, как была велика угрожавшая им опасность, ни о том, как было велико число их врагов. По ту сторону Рейна и Дуная северные страны Европы и Азии были населены бесчисленными племенами охотников и пастухов - бедных, жадных, буйных, отважных на войне и нетерпеливо ожидавших случая присвоить себе плоды чужого трудолюбия. Влечение к военным предприятиям волновало весь варварский мир, и спокойствие Галлии и Италии было нарушено переворотами, происшедшими на далеких окраинах Китая. Бежавшие от победоносного врага, гунны направились к западу, и этот поток разрастался от беспрестанно присоединявшихся к нему пленников и союзников. Племена, спасавшиеся от гуннов бегством, в свою очередь, воодушевлялись жаждой завоеваний; бесконечные толпы варваров обрушивались на Римскую империю с постоянно возрастающей тяжестью, а если самые передовые из них были уничтожены, то вакантное место немедленно замещалось новыми хищниками. Наплыв таких грозных переселенцев с севера уже не может повториться, а продолжительное спокойствие, которое иные приписывали уменьшению народонаселения, есть благодатное последствие успехов в искусствах и в земледелии. Вместо бедных деревушек, кое-где разбросанных среди гор и болот, Германия имеет теперь две тысячи триста городов, обнесенных стенами; мало-помалу возникли христианские государства Датское, Шведское и Польское, а ганзейские купцы вместе с тевтонскими рыцарями распространили свои колонии вдоль берегов Балтийского моря до Финского залива. На пространстве между Финским заливом и Восточным океаном

Россия принимает форму могущественной и цивилизованной империи. Плуг, ткацкий станок и наковальня введены в употребление на берегах Волги, Оби и Лены, и самые свирепые татарские орды научились дрожать от страха и повиноваться. Господство независимого варварства ограничено в настоящее время узкими пределами, а остатки калмыков или узбеков, силы которых так незначительны, что их можно определить почти с положительной точностью, не могут возбуждать серьезных опасений в великой европейской республике¹⁷⁶). Однако, несмотря на эти внешние признаки безопасности, мы не должны забывать, что какое-нибудь ничтожное племя, занимающее едва заметное место на географических картах, может создать новых для нас врагов и подвергнуть нас неожиданным опасностям. Ведь арабы или сарацины, распространившие свои завоевания от Индии до Испании, жили в бедности и ничтожестве, пока Мухаммед не воодушевил этих дикарей религиозным фанатизмом.

II. Римская империя имела прочную опору в необычайном и полном объединении всех составных ее частей. Покоренные народы, отказывавшиеся от всякой надежды и даже от желания сделаться независимыми, старались усвоить себе все, что отличало римских граждан, и западные провинции неохотно подчинились варварам, оторвавшим их от общего отечества¹⁷⁷). Но это единение было куплено утратой национальной свободы и воинственного духа, и лишенные жизни и движения раболепные провинции ожидали своего спасения от наемных войск и от губернаторов, исполнявших приказанья отдаленного императорского двора. Благосостояние сотни миллионов подданных зависело от личных свойств одного или двух людей, а иногда одного или двух детей, умы которых были развращены воспитанием, роскошью и деспотической властью. Самые глубокие раны были нанесены империи во время малолетства сыновей и внуков Феодосия; а когда эти неспособные императоры, по-видимому, достигли возмужалости, они отдали церковь в руки епископов, государство в руки евнухов, а провинции в руки варваров. В настоящее время Европа разделена на двенадцать могущественных, хотя и неравных, монархий, три почтенных республики и множество мелких независимых государств; по крайней мере с увеличением числа ее правителей увеличились шансы на то, что между этими правителями появятся даровитые короли и

министры и что новый Юлиан или новая Семирамида будет царствовать на севере в то время, как на престолах южных государств будут снова дремать Аркадий и Гонорий¹⁷⁸). Злоупотребления тирании сдерживаются взаимным влиянием страха и стыда; республики ввели у себя внутренний порядок и приобрели прочность; монархии усвоили принципы свободы или по меньшей мере умеренности, и нравы нашего времени внесли некоторое чувство чести и справедливости в самые неудовлетворительные государственные учреждения. В мирное время успехи наук и промышленности ускоряются от соревнования стольких деятельных соперников; в военное время европейские армии ограничиваются сдержанной и нерешительной борьбой. Если бы из степей Тартарии вышел какой-нибудь варварский завоеватель, ему пришлось бы одолеть сильных русских крестьян, многочисленные германские армии, храбрых французских дворян и неустрашимых британских граждан, которые, быть может, все взялись бы за оружие для отражения общего врага. Если бы победоносные варвары внесли рабство и разорение во все страны до самых берегов Атлантического океана, то десять тысяч кораблей спасли бы остатки цивилизованного общества от их преследования и Европа ожила бы и расцвела в Америке, в которой уже так много ее колоний и ее учреждений¹⁷⁹).

III. Холод, бедность и привычка к опасностям и к утомительным трудам укрепляют физические силы и мужество варваров. Во все века они угнетали более образованных и миролюбивых жителей Китая, Индии и Персии, которые никогда не старались и до сих пор не стараются восполнить недостаток этих природных сил ресурсами военного искусства. Древние воинственные государства - Греция, Македония и Рим воспитывали воинов, развивали их физические способности, подчиняли их храбрость требованиям дисциплины, умножали их военные силы правильными военными эволюциями и превращали находившееся в их распоряжении железо в могущественное и удобное оборонительное оружие. Но эти превосходства мало-помалу исчезали по мере того, как портились законы и нравы, а малодушная политика Константина и его преемников научила варварских наемников, на гибель империи, владеть оружием и подчинять свою дикую храбрость требованиям дисциплины. Военное искусство совершенно изменилось с изобретением пороха, которое дает

человеку возможность подчинять своей воле две самые могущественные силы природы - воздух и огонь. К способу ведения войн были применены открытия, сделанные в математике, химии, механике и архитектуре, и борющиеся стороны стали противопоставлять одна другой самые сложные способы нападения и обороны. Историк может с негодованием заметить, что приготовления, которых требует осада, были бы достаточны для основания и поддержания цветущей колонии¹⁸⁰); тем не менее нельзя быть недовольным тем, что взятие города есть дело и дорого стоящее, и трудное, или тем, что деятельный народ находит для себя охрану в таких искусствах, которые переживают утрату воинских доблестей и восполняют их отсутствие. Пушки и укрепления составляют в настоящее время непреодолимую преграду для татарской конницы, и Европа не может опасаться нового нашествия варваров, так как, чтобы победить, им пришлось бы перестать быть варварами. Их успехи в военном искусстве непременно сопровождались бы - как это видно на примере России - соответствующими улучшениями в мирных занятиях и в делах гражданского управления, а тогда они сами сделались бы достойными занимать место наряду с теми образованными народами, которых они подчинили бы своей власти.

Если бы эти соображения показались сомнительными или ошибочными, то у нас все-таки остался бы более скромный источник утешения и надежд. Открытия, сделанные древними и новейшими мореплавателями, равно как внутренняя история или традиция самых образованных народов, представляют *дикого человека* с умом таким же голым, как голо его тело, и лишенным законов, искусства, идей и почти умения говорить¹⁸¹). Из этого низкого положения, которое, вероятно, было первобытным положением всего человечества, дикарь мало-помалу возвысился до того, что подчинил своей власти животных, стал возделывать землю, переезжать через океан и измерять небесные пространства. Его успехи в развитии и применении умственных и физических способностей¹⁸²) были и беспорядочны, и не везде одинаковы; вначале они были чрезвычайно медленны, а затем увеличивались с постоянно усиливавшейся быстротой; за веками успешных усилий следовали минуты быстрого упадка, и почти каждая из стран земного шара попеременно то озарялась светом просвещения, то погружалась во мрак. Тем не менее опыт четы-

рех тысяч лет должен укреплять в нас надежду и уменьшать наши опасения; мы не в состоянии решить, до какой высоты может достигнуть человечество в своем стремлении к совершенствованию, но можно основательно предполагать, что если внешний вид природы не изменится, то ни один народ не возвратится в свое первобытное варварство. На общественные улучшения можно смотреть с трех точек зрения. 1. Поэт или философ озаряет свой век и свою страну своим личным гением; но эти высшие способности ума или фантазии принадлежат к явлениям редким и случайным; гениальные дарования Гомера, Цицерона и Ньютона возбуждали бы в нас менее удивления, если бы их могли создавать приказания монарха или уроки воспитателя. 2. Выгоды, доставляемые законами и хорошей системой государственного управления, торговлей и промышленностью, искусствами и науками, более существенны и более прочны, и есть *немало* таких личностей, которые по своему образованию и воспитанию способны трудиться на общую пользу в различных сферах своей деятельности. Но такой порядок вещей есть результат искусства и труда, и вся эта сложная машина может с течением времени испортиться или пострадать от внешнего насилия. 3. К счастью для человеческого рода, самые полезные или по меньшей мере самые необходимые искусства не требуют ни высших дарований, ни общей субординации - ни гениальных дарований *одного* человека, ни совокупных усилий *многих* людей. Каждая деревня, каждое семейство, каждое отдельное лицо обладает и способностью, и желанием поддерживать употребление огня¹⁸³⁾ и металлов, размножение и употребление в дело домашних животных, умение охотиться и ловить рыбу, основные приемы мореплавания, разведение зерновых хлебов или других питательных растений и безыскусственное применение механических ремесел. И личная гениальность, и общественная предприимчивость могут исчезнуть, но эти полные жизни семена переживают всякую бурю и пускают вечные корни в самой неблагоприятной почве. Туман невежества омрачил блестящие дни Августа и Траяна, а варвары ниспровергли и римские законы, и римские дворцы. Но коса - это изобретение или эмблематическое изображение Сатурна¹⁸⁴⁾ - не переставала ежегодно косить жатву в Италии, а на берегах Кампании уже никогда не

возобновлялись пиры, на которых лестригоны¹⁸⁵⁾ питались человеческим мясом.

После того как были впервые изобретены механические искусства, эти неоценимые дары были распространены между дикарями Старого и Нового Света при помощи войн, торговли и религиозного усердия; затем они постоянно все более и более распространялись, и не могут быть никогда утрачены. Поэтому мы можем прийти к тому приятному заключению, что с каждым веком увеличивались и до сих пор увеличиваются материальные богатства, благосостояние, знания и, может быть, добродетели человеческого рода¹⁸⁶⁾.

1) В этой главе я буду заимствовать мои цитаты из *Recueil des Historiens des Gaules et de la France*, Paris, 1738-1767, изданного в одиннадцати томах in folio. Благодаря трудам Дом. Букэ и других бенедиктинцев все подлинные свидетельства до 1060 года расположены в хронологическом порядке и иллюстрированы учеными примечаниями. Этот национальный труд будет продолжен до 1500 года, он должен бы был возбудить в нас соревнование.

2) Тацит, *Ист.*, IV, 73, 74 в томе I, стр. 445. Чтобы сокращать Тацита, нужно быть очень самонадеянным, но я позволяю себе выбирать те общие соображения, которые он высказывает о тогдашнем положении Галлии и об ожидающих ее в будущем переворотах.

3) *Eadem semper causa Germanis transcendendi in Gallias libido atque avaritiae et mutandae sedis amor; ut relletis paludibus et solitudinibus suis, fecundissimum hoc solum vosque ipsos possiderent... Nam pulsus Romanis quid aliud quam bella omnium inter se gentium existent?*

4) Сидоний Аполлинарий подсмеивается с натянутым остроумием и шутливостью над трудностями своего положения (*Carin.* 12, в томе 1, стр. 811)

5) Прокопий, *de Bello Gothico*, кн. 1, гл. 12, том II, стр. 31. Характер Гроция заставляет меня предполагать, что он не заменил бы слово Rhone словом Rhine (*Hist. Gothorum*, стр. 175), если бы какая-нибудь рукопись не давала на это права.

6) Сидоний, кн. 8, *посл.* 3, 9, в томе 1, стр. 800. Иордан (*de Rebus Geticis*, гл. 47, стр. 680) в некоторой степени подтверждает это описание готского героя.

7) Я употребляю хорошо всем знакомое название Clovis, которое происходит от латинских Chlodovechus или Chlodovoeus. Но буквы Ch выражают лишь германское придыхание, а настоящее имя не многим отличается от Лудуина или Лудовика. *Mem. de l'Academie des Inscriptions*, том. XX, стр. 68) (Тевтонское Ch не придыхание, а сильный гортанный звук, свойственный всем языкам в их первоначальной форме. Хотя он служит отличительной принадлежностью языка новейших германцев, он в древности, как кажется, был более общеупотребителен. Даже на этом языке можно проследить, как постепенно смягчается произношение, чем и можно объяснить совер-

шенное отсутствие этого грубого гортанного звука во многих впоследствии развившихся отраслях готского языка. Изменения, происшедшие в имени короля франков, обозначены Клинтоном (F. R. П., стр. 571) в следующей последовательности: Chludwig - такова, вероятно, была первоначальная форма; Chothovecus, в актах Орлеанского собора, A. D. 511; Chlothoeus (у Арафия); Chlodoveus (у Фредегария); Loduin (у Кассиодора); Lodoïn, (у Иордана); Fludulcus (у Исидора); Ludovicus (по-латыни); Clovis (у новейших писателей); Louis (на новейшем французском языке). - *Издат.*)

8) Григ. Тур., кн. 2, гл. 12, в том I, стр. 168. Базила говорила языком природы; франки, знавшие ее в своей молодости, могли рассказывать о ней Григорию в своей старости, а Турский епископ не захотел бы бесславить мать первого христианского короля.

9) Аббат Дюбо (Hist. Critique de l'Etablissement de la Monarchie Francaise dans les Gaules, том I, стр. 630-650) оказал ту услугу, что выяснил первоначальные размеры Хлодвигова королевства и число его наследственных подданных.

10) Ecclesiam incultam ac negligentia civium paranorum praetermissam, veprium densitate oppletam etc. (Vit. St. Vedasti в томе III, стр. 372). Это описание заставляет думать, что Аппас находился во власти язычников задолго до крещения Хлодвиги.

11) Григорий Турский (кн. 5, гл. 1, в томе II, стр. 232) указывает на противоположность между бедностью Хлодвиги и богатством его преемников. Однако Ремигий (в томе IV, стр. 52) говорит, что его paternas opes были достаточны для выкупа пленных.

12) См. Григория (кн. 2, гл. 27, 37 в томе II, стр. 175, 181, 182). Знаменитая история о суассонской вазе служит объяснением и влияния, и характера Хлодвиги. Как сюжет полемики, она была странным образом извращена у Буленвилье, у Дюбо и у других антиквариев.

13) Герцог Нивернуа - государственный человек знатного происхождения, руководивший важными и щекотливыми переговорами, - остроумно объяснил (Met. de l'Acad. des Inscriptions, том XX, стр. 147-184) политическую систему Хлодвиги.

14) Biet (в диссертации, за которую получил от Соассонской академии премию, стр. 178-226) точно определил характер и объем королевства Сиагрия и его отца, но он напрасно полагался на неосновательное свидетельство Дюбо (том II, стр. 54-57), отнимая у этого королевства Бовэ и Амиен.

15) Я могу заметить, что Фредегарий в своем сокращенном изложении произведений Григория Турского (том II, стр. 398) благоразумно заменил титулом "Патриция" неправдоподобный титул Rex Romanorum.

16) Сидоний (кн. 5, посл. 5, в томе I, стр. 398), называя его Солоном и Амфионом варваров, обращается к этому мнимому королю тоном дружбы и равенства. И коварный Дейоцес достиг мидийского престола путем таких же предложений третейского посредничества. (Геродот, кн. I, гл. 96-100) (По словам Зедлера (Lexicon, 41, 527), жена Эгидия принадлежала по своему рождению к племени франков или к одному из тевтонских племен, дала своему сыну прозвище Siegreich (Победоносный), которое было латинизировано и потому приняло ту форму, в которой оно теперь нам известно. Она, вероят-

но, в ранней молодости научила его родному языку. Известность, которую он приобрел этим путем, доказывает, что даже в эту позднюю эпоху и после многих веков взаимных сношений, римляне все еще пренебрегали изучением языков, которыми говорили варвары. "Es wurde für was ausserordentliches gehalten, wenn ein Römer Deutsch lernte" (считалось чем-то необыкновенным, когда римлянин изучает немецкий язык), - говорит Шмидт (1, 184). - *Издат.*

17) *Campum sibi praeparari jussit*. Блет (стр. 226-251) старательно объяснил, что местом сражения было бенедиктинское аббатство Ногент, почти в десяти милях к северу от Суассона. Это место было окружено языческими гробницами, и Хлодвиг подарил реймской церкви соседние имения *Leuilli* и *Coucy*.

18) См. Цезаря, *Comment. de Bell. Gallic.*, II, 4, в томе I, стр. 220 и *Notitiae*, том I, стр. 126. Три суассонские мануфактуры назывались *Scutaria*, *Balistaria* и *Clinabaria*. Последняя из них поставляла полное вооружение для тяжелой кирасирской кавалерии. (Цезарь не говорит, что сам Суассон мог выставить такую армию, он говорит только, что жители (*Suessiones*) территории, на которой было двенадцать городов (*oppida numero duodecim*), обещали выставять 50 000 человек в качестве своего контингента при всеобщем наборе рекрутов. Впрочем, они не были страшными бойцами, так как были скоро обращены в бегство. Также трудно найти какие-нибудь признаки существования упомянутых арсеналов в этом периоде времени. Они, вероятно, были основаны во времена империи, когда главный город, в котором они были устроены, получил название *Augusta Suectionum*. (*Cellarius*, 1, 316). Гиббон неточно выяснил, какого рода оружие приготавлилось в третьей из этих военных мастерских. *Clunabulum* был маленький меч или кинжал (*pugio*), который носили пристегнутым на бедре (*ad clunem*), откуда он и получил свое название. Его иногда называли *clunaculum* или *clunaculum* (*Ducange*, II, стр. 704). Слово *clinabaria*, очевидно, значило *clunabaria* или "арсенал", в котором делали это оружие. - *Издат.*)

19) Этот эпитет основателен только в данном случае, и история не может сочувствовать французскому предрассудку Григория (кн. 2, гл. 27, в томе II, стр. 175) *ut Gothorum pavere mos est*.

20) Дюбо убедил меня (том, I, стр. 277-286), что Григорий Турский и его переписчики или его читатели постоянно смешивали германское королевство *Тюрингию*, находившееся по ту сторону Рейна, с галльским городом Тонгрия на Маасе, находившимся в старину в стране Эбюронов, а впоследствии принадлежавшим к Лютихскому округу.

21) *Populi habitantes iuxta Lemannum lacum, Allemanni dicuntur* (*Servius*, ad *Virgil. Georgic.*, IV, 278). Дом. Букэ (том, I, стр. 817) ссылался только на более новый и менее верный текст Исихора Севильского.

22) Григорий Турский отсылает св. Луниция *inter illa Jurensis deserti secreta, quae, inter Burgundiam Alamaniamque sita, Aventicae adjacent civitati*, в томе I, стр. 648. *Watteville* (*Hist. de la Confederation Helvetique*, том I, стр. 9, 10) тщательно определил гельвецийские пределы герцогства Алеманского и Бургундии по ту сторону Юры. В них входили округа Констанса и Авенша или Лозанны, которые до сих пор отличаются в современной нам Швейцарии

тем, что их население говорит или на немецком, или на французском языке.

23) Guilliman, de Rebus Helveticis, кн. I, гл. 3, стр. 11, 12. Внутри старинных стен Виндониссы попеременно возникали то Габсбургский замок, то Кнегсфельдское аббатство, то город Брук. Образованный путешественник может делать сравнение между памятниками римских завоеваний, феодальной, или австрийской, тирании, монашеских суеверий и предприимчивой свободы. Если он поистине философ, он поймет заслуги и счастье нашего времени.

24) Теперешний Цюльхний (Cellarius, I, 268). Галлам употреблял это новое название предпочтительно перед старым. - *Издат.*)

25) Григорий Турский (кн. 2, 30, 37, в томе II, стр. 176, 177, 182), Gesta Francorum (в томе II, стр. 551) и "Послание" Феодориха (Кассиодор. Variar., кн. 2, гл. 41, в томе IV, стр. 4) описывают поражение алеманнов. Некоторые из их племен поселились в Греции под покровительством Теодориха, преемники которого уступили и колонию, и ее территорию внуку Хлодвигу. Положение алеманнов под управлением Меровингских королей описано у Mascou ("Истор. Древних Германцев", XI, 8 и сл., Примечание 367) и у Guilliman (De Red, Helvet., кн. 2, гл. 19-12, стр. 72-80).

26) Клотильда или, вернее, сам Григорий полагает, что Хлодвиг поклонялся богам Греции и Рима. Этот факт неправдоподобен, а это ошибочное мнение лишь убеждает нас в том, что в течение менее ста лет национальная религия франков была вполне уничтожена и даже совершенно позабыта.

27) Григорий Турский описывает бракосочетание Хлодвигу и его обращение в христианство (кн. 2, гл. 28-31, в томе II, стр. 175-178). Даже Фредегарий или его безымянный Сократитель (в томе II, стр. 398-400), автор Gesta Francorum (в томе II, стр. 548-552) и сам Эмоин (кн. 1, гл. 13, в томе III, стр. 37-40) не заслуживают в этом случае пренебрежения. Быть может, предание долго сохраняло некоторые интересные подробности этих важных событий.

28) Один путешественник, возвращавшийся из Реймса в Оверн, украл у секретаря или у библиотекаря скромного архиепископа копию с его ораторских произведений (Сидоний Апполинар, кн. 9, посл. 7). Дошедшие до нас четыре послания Ремигия (в томе IV, стр. 51-53) не оправдывают чрезмерных похвал Сидония.

29) Один из преемников Ремигия, Гинкмар (A. D. 845-882), написал его биографию (в томе III, стр. 373-380). Авторитет старинных манускриптов реймской церкви мог бы внушать доверие, но оно подрывается себялюбивыми и смелыми вымыслами Гинкмара. Достоин внимания тот факт, что Ремигий, который был посвящен в епископское звание, когда ему было двадцать два года (A. D. 457), занимал эту должность в течение семидесяти четырех лет Pagi, Critica, in Baron., том II, стр. 384-572).

30) Скланка (Sainte Ampouille) со святым или, вернее, с небесным маслом была принесена белым голубем для крещения Хлодвигу, и она до сих пор употребляется и пополняется при коронации французских королей. Гинкмар (мечтавший о звании примаса Галлии) был первым автором этой басни (в томе III, стр. 377); аббат Vertot (Memoires de l'Academie des Inscriptions, том II, стр. 619-633) подко-

пался под ее непрочный фундамент с глубоким уважением и с замечательной ловкостью).

31) *Mitis depone colla, Sicamber; adora quod incendisti, incende quod adorasti.* Григ. Туп., кн. 2, гл. 31, в томе II, стр. 177.

32) *Si ego ibidem cum Francis meis fuisset, injurias ejus vindicasset.* Григорий благоразумно умолчал об этих опрометчивых словах, но они выдаются за достойное удивления излияние христианского рвения у Фредегария (*Epitome*, гл. 21, в томе II, стр. 400), у Эмоина (кн. 1, гл. 16, в томе III, стр. 40) и в *Chroniques de St. Denus* (кн. 1, гл. 20, в томе III, стр. 171).

33) Хладнокровно рассказавши о многочисленных преступлениях и о притворном раскаянии Хлодвиг, Григорий (кн. 2, гл. 40-43, в томе II, стр. 183-185), быть может неумышленно, преподает честолобцам такое наставление, которого они никогда не будут исполнять: *His ita transactis... obiit.*

34) После победы над готами Хлодвиг сделал богатые приношения св. Мартину Турскому. Он пожелал выкупить своего боевого коня за сто золотых монет, но околдованный конь никак не мог выйти из своего стойла, пока сумма выкупа не была удвоена. Это чудо заставило короля воскликнуть: *Vere B. Martinus est bonus in auxilio, sed carrus in negotio.* (*Gesta Francorum*, в томе II, стр. 554, 555).

35) См. послание папы Анастасия к царственному новообращенному (в томе IV, стр. 50, 51). Епископ Виенны Авит обратился по этому случаю к Хлодвигу с поздравлениями (стр. 49), и многие из латинских епископов выразили ему свое удовольствие и свою преданность.

36) Гиббон смягчил своими сдержанными выражениями ту правду, с которой не могло не познакомить его старательное изучение событий того времени. По его словам, сотня епископов *властвовала* над городами Галлии и отдавала светскую власть в руки того, кто был для них приятен. По словам Шмидта (1, 270), они поставили себя почти в полную независимость от светских законов. Сам Хлодвиг находил чрезмерно высокой цену, за которую он купил их содействие. На самом деле верховная власть находилась в их руках и была более абсолютна и непреодолима, чем власть самого сурового из тиранов, когда-либо царствовавших на земле. Как они обходились со своими рабами, видно из беспристрастного и спокойного рассказа такого историка, который стал бы охотнее хвалить, чем порицать. Вот как отзывался Мозгейм (*Inst. Vet.* 2, гл. 3, стр. 40) о духовенстве того времени: "Люди, взявшие на себя роль наставников народа, заботились только о том, чтобы умы этого народа пропитались невежеством, суеверием, уважением к духовенству и склонностью к пустым обрядам и чтобы они утратили всякое понятие об истинном благочестии". В этом случае низшие чины духовного звания только следовали примеру высших и приводили в исполнение их систему. Благодаря этому-то преднамеренному и правильно организованному преследованию того, что развивает ум, и наступили века невежества. В этих фактах обнаруживается настоящий характер прелатов того времени. Уважение слишком часто оказывается просто официальному положению лица. Оно должно бы было требовать хотя бы приличного наружного соблюдения обязанностей, налагаемых этим положением. Но украшенные митрами деспоты, за немногими исключения-

ми, редко снисходили даже до такого лицемерного исполнения долга. Так как они относились с пренебрежением к своим священным обязанностями и изменяли своему святому призванию, то они никогда не могли внушать к себе уважения, а так как они добивались всеми способами власти и были ненасытны в приобретении богатств, то они не *иногда*, а *всегда* были опасны. - *Издат.*)

37) Вместо находящегося в тексте Прокопия имени неизвестного народа Адриан де Валуа поставил *Artorvxoī*, и эта небольшая поправка была почти всеми одобрена. Однако непредубежденный читатель мог бы подумать, что Прокопий хотел описать германское племя, находившееся в союзе с Римом, а не конфедерацию галльских городов, свергнувшую с себя иго империи.

38) В этом важном отступлении Прокопий (*De Bell. Gothic.*, кн. I, гл. 12, в томе II, стр. 29-36) объясняет, как возникла французская монархия. Однако я должен заметить: 1) что греческий историк обнаруживает непростительное незнание географии Запада; 2) что от этих трактатов и привилегий должны были остаться какие-нибудь долговечные следы, но таких следов вовсе не видно ни в произведениях Григория Турского, ни в "Салической Правде".

39) *Regnum circa Rhodanum aut Ararim cum provincia Massiliensi retinebant*. Григ. Тур., кн.2, гл. 32, в томе II, стр. 178. Марсельская провинция была впоследствии уступлена вплоть до Дюрансы остготам, а подписи двадцати пяти епископов, как полагают, были ручательством за Бургундское королевство, A. D. 519 (*Concil. Epaon.*, в томе IV, стр. 104, 105). Однако я готов сделать исключение для Виндониисы. Епископ, живший под владычеством язычников алеманнов, натурально, прибегал к помощи соборов, созывавшихся в соседнем христианском королевстве. Маску (в своих первых четырех примечаниях) выяснил много подробностей касательно бургундской монархии. (В 35-й главе этого сочинения говорилось, что бургунды были почти совершенно истреблены Аэцием и что остатки этой нации смиренно согласились на зависимое существование среди гор Савойи. Менее чем через пятьдесят лет они снова являются многочисленным народом, занимающим обширную территорию, и настолько сильным, что он ведет тридцать с лишним лет борьбу с могущественным Хлодвигом и его храбрыми франками. Эта несообразность объясняет нам, насколько можно полагаться на древних писателей, так часто описывающих окончательное истребление того или другого народа. - *Издат.*)

40) Маску ("Ист. Германцев", XI, 10), основательно не доверяющий свидетельству Григория Турского, цитирует один отрывок из произведений Авита (посл. 5) в доказательство того, что Гундобальд делал вид, будто оплакивает трагическое происшествие, которым его поданные были, по-видимому, довольны.

41) См. подлинный отчет о епископских заседаниях (в томе IV, стр. 99-102). Главным действующим лицом и, вероятно, секретарем съезда был епископ Виенны Авит. Краткие сведения о его личности и произведениях можно найти у Дюпена (*Bibliothèque Ecclesiastique*, том V, стр. 5-10).

42) Григорий Турский (кн. 3, гл. 19, в томе II, стр. 197), описывая дижонскую цитадель, уже заслужившую названия города, увлекается

своим гением или, что вероятнее, повторяет слова какого-нибудь другого, более красноречивого писателя. Дижон был подчинен до двенадцатого столетия епископам Лангра, а впоследствии был столицей герцогов Бургундских. Longueue, *Description de la France*, ч. 1, стр. 280.

43) Сократитель Григория Турского (в томе II, стр. 401) дополнил произведение этого писателя указанием числа франков, но он опрометчиво полагал, что Гундобальд разбил их наголову. Благоразумный бургунд щадил жизнь Хлодвиговых солдат и отсылал этих пленников к королю вестготов, который селил их на тулузской территории.

44) В описании этой бургундской войны я придерживался Григория Турского (кн. 2, гл. 32, 33, в томе II, стр. 17., 179), рассказ которого кажется настолько не согласованным с рассказом Прокопия (De Bell. Goth., кн. 1, гл. 12, в томе II, стр. 31, 32), что некоторые критики предполагали две различные войны. Аббат Дюбо (Hist. Critique etc., том II, стр. 126-162) ясно изложил и причины войны, и ее подробности.

45) См. его жизнеописание или легенду (в томе III, стр. 402). Хорош мученик! Как странно был извращен первоначальный смысл этого слова, означавший обыкновенного свидетеля. Св. Сигизмунд отличался исцелением от лихорадок.

46) В конце пятого столетия, церковь Св. Маврикия и его фиванский легион сделали из Агаунума центр благочестивых пилигримств. Смешанная община из лиц обоего пола совершала некоторые темные дела, которым Сигизмунд положил конец (A. D. 515), основавши там правильно устроенный монастырь. Через пятьдесят лет после того монахи, которых Сигизмунд называл *ангелами света*, сделали ночную вылазку с целью убить епископа и состоявших при нем лиц духовного звания. См. в *Bibliothèque Raisonnée* (том XXXVI, стр. 435-438) интересное замечание одного ученого женевского библиотекаря.

47) Епископ Авенша Марий (хрон. в томе II, стр. 15) указал с достоверностью время самых важных событий в жизни Сигизмунда и в завоевании Бургундии, а Григорий Турский (кн. 3, гл. 5, 6, в томе II, стр. 188, 189) описал эти события. Прокопий (в томе II, стр. 34) и Агафий (в томе II, 49) обнаруживают неточность и неполноту своих сведений.

48) Григорий Турский (кн. 2, гл. 37, в томе II, стр. 181) сообщает содержание краткой, но красноречивой речи Хлодвигу. *Valde moleste fero, quod hi Ariani partem teneant Galliarum*, (автор *Gesta Francorum* в томе II, стр. 553 присовокупляет драгоценный эпитет *optimam*); *eamus cum Dei adiutorio, et, superatis eis, redigamus terram in ditionem nostram*.

49) *Tunc rex projecit a se in directum bipennem suam quod est Francisca, etc.* (*Gesta Franc.*, в томе II, стр. 554). Форма и употребление этого оружия ясно описаны Прокопием (в томе II, стр. 37). Примеры его *национального* названия на латинском и французском языках можно найти в "Словаре" Дюканжа и в объемистом "Диксионере" Trevoux. (Гораций рассказывает, как винделики оборонялись таким же оружием в Рецийских Альпах против Друза, а его слова были

скорее воспоминанием о действительном факте, чем поэтической вольностью.

...Vindelici, quibus
Mos Unde deductus per omne
Tempus Amazonia securi
Dextras obarmat, quaerere distuli.
Carm. IV, 4. - *Издат.*)

50) Довольно странно то, что некоторые важные и достоверные факты находятся в жизнеописании Квитиана, написанном рифмами на старинном *patois* Руэрга (Dubos, Hist. Critique, etc., том II, стр. 179).

51) *Quamvis Fortitudini vestrae confidentiam tribuat parentum vestrorum innummerabilis multitudo; quamvis Attilam potentem reminiscamini Visigotharum viribus inclinatum; tamen quia populorum ferocia corda longa pace mollescunt, cavete subito inaleam mittere, quos constat, tantis temporibus exercitia non habere.* Таковы были благотворные, но бесплодные, указания миролюбия, здравого смысла и самого Теодориха (Кассиодор, кн. 3, посл. 2).

52) Монтескье (*Esprit des Loix*, кн. 15, гл. 14) цитирует и одобряет закон вестготов (кн. 9, тит. 2, в томе IV, стр. 425), обязывавший всех рабовладельцев вооружать, высылать или лично вести в поход десятую часть принадлежавших им рабов.

53) Этот способ ворожбы, заключающийся в том, что принимались за предзнаменование первые священные слова, представлявшиеся зрению или слуху, был заимствован от язычников, а Псалтырь или Библия заменяли в этих случаях поэмы Гомера и Вергилия. С четвертого до четырнадцатого столетия эти *sortes sanctorum*, как их называли, неоднократно осуждались декретами соборов и постоянно практиковались королями, епископами и святыми. См. интересную диссертацию аббата Реснели в *Memoires de l'Academie*, том XIX, стр. 287-310.

54) Если мы исправим подлинный текст или извиним ошибочное указание Прокопия, будто поражение Алариха произошло близ Каркассона, мы будем вправе утверждать, на основании свидетельств Григория, Фортуната и автора *Gesta Francorum*, что сражение происходило *in campo Vocladensi*, на берегах Клена, почти в десяти милях к югу от Пуатье. Хлодвиг настиг и атаковал вестготов подле Вивонны, а победа была окончательно одержана подле селения, которое до сих пор носит название *Champagne St. Hilaire*. См. Диссертации аббата ле Бёфа, том I, стр. 304-33.

55) Ангулем лежит на дороге, которая идет из Пуатье в Бордо, и, хотя Григорий относит осаду к более позднему времени, я скорее готов верить тому, что он спутал порядок исторических событий, нежели тому, что Хлодвиг пренебрег правилами ведения войны.

56) *Pyrenaeos montes usque Perpinianum subiecit* - так выражается Рорико, доказывающий этими словами, что он писал много времени спустя, так как Перпиньян не существовал до десятого столетия (*Marca Hispanica*, стр. 458). Этот цветистый и фантастический писатель (может быть, монах из Амиеня, см. аб. ле Бёфф Мет. de l'Academie, том XVII, стр. 228-245) рассказывает аллегорическим языком пастуха историю своих соотечественников франков, но его рассказ оканчивается смертью Хлодвига.

57) Автор *Gesta Francorum* положительно утверждает, что Хлодвиг поселил отряд франков в Сентонже и в Бурдефле, а Рорико, конечно, следует его примеру, *electos milites atque fortissimos, cum parvulis atque mulieribus*. Однако эти поселенцы, как кажется, скоро смешались с жившими в Аквитании римлянами, которые были главными обитателями страны до тех пор, пока Карл Великий не поселил там более многочисленную и более сильную колонию (Dubos, *Hist. Critique*, том II, стр. 215).

58) При описании войны с готами я пользовался следующими источниками сведений, сообразно со степенью их достоверности. Четыре послания короля Италии Теодориха (Кассиодор, кн. 3, посл. 1-4, в томе IV, стр. 3-5), Прокопий (*De Bell. Goth.*, кн. I, гл. 12, в томе II, стр. 32, 33), Григорий Турский (кн. 2, гл. 35-37, в томе II, стр. 181-183), Иордан (*De Red. Geticis*, гл. 58, в томе II, стр. 28), Фортунат (*In Vit. St. Hilarii*, в томе III, стр. 380), Исидор (*In Chron. Goth.*, в томе II, стр. 702), "Сокращение" Григория Турского (в томе II, стр. 401), автор *Gesta Francorum* (в томе II, стр. 553-555), "Отрывки" Фредегария (в томе II, стр. 463), Эмоин (кн. I, гл. 20, в томе III, стр. 41, 42) и Рорико (кн. 4, в томе III, стр. 14-19).

59) Понятно, что итальянские *Fasti* не упоминали о консуле, который был врагом итальянского государя, но всякая остроумная гипотеза, с помощью которой постарались бы объяснить молчание Константинополя и Египта ("Хроники" Марцеллина и Пасхальная), нашла бы опровержение в таком же молчании епископа города Аванша Мария, который писал свои *Fasti* в королевстве Бургундском. Если бы свидетельство Григория Турского было менее веско и положительно (кн. 2, гл. 38, в томе II, стр. 183), я был бы готов верить, что Хлодвиг получил, подобно Одоакру, постоянный титул и отличия *Патриция* (*Patricius*, *Critica*, том II, стр. 474, 492).

60) Под управлением Меровингских королей Марсель еще вывозил с востока бумагу, вино, оливковое масло, полотно, шелк, драгоценные камни, пряности и пр. Галлы или франки вели торговлю с Сирией, а сами сирийцы иногда переселялись в Галлию. De Guignes, *Mem. de l'Academie*, том XXXVII, стр. 471-475.

61) ... Этого энергичного выражения Прокопия (*De Bell. Gothic.*, кн. 3, гл. 33, в томе II, стр. 41) почти достаточно для того, чтобы оправдать аббата Дюбо. (Галлам смотрит на этот предмет иначе, он говорит: "Позднейшие из писателей, критически изучавших французскую историю, вполне правы, считая безрассудной теорию Дюбо, который делает из Хлодвиг не что вроде императорского наместника, управлявшего перешедшими под его власть римскими подданными только по данному императорами полномочию. Тем не менее нет ничего неправдоподобного в том, что связь между ним и империей, равно как эмблемы римской магистратуры, которые он носил, примиряли побежденных с их новыми повелителями. Это было основательно выяснено герцогом Нивернуа в *Mem. de l'Acad. des Inscript.*, том XX, стр. 174" ("Европа в средние века", ч. 1, стр. 3, примеч.). Готовность побежденных повиноваться гораздо основательнее объясняется в следующей части этой главы тем, что их положение улучшилось под управлением новых повелителей. - *Издат.*).

62) Франки, вероятно пользовавшиеся монетными дворами Трира, Лиона и Арля, подражали манере римских императоров чеканить из одного фунта золота семьдесят две *solidi*, или монеты. Но так как франки допускали лишь десятичные доли золота и серебра, то их *solidus* может быть определен ценностью в десять шиллингов. Это был обыкновенный размер денежной пени у варваров, заключавший в себе сорок *denarii*, или серебряных монет в три пенса. Двенадцать таких денарий составляли *solidus* или шиллинг, который составлял по весу двадцатую часть ливра, или фунта серебра, который так странно понижен весом в новейшей Франции. См. Le Blanc, *Traite Historique des Monnoyes de France*, стр. 37-43 и сл. (Амаларих чеканил золотые монеты в Испании в то же самое время. Об *aureae monetae*, которые чеканились Эременигильдом во время его восстания (A. D. 580), упоминает Мариана (кн. 5, гл. 12). Эти монеты и в Испании, и в Галлии состояли главным образом из *trientes*, принадлежащих к очень интересному разряду. *Triens* равнялся одной трети византийского *solidus* (долго носившего в позднейшее время название *Bezant*); на нем было небольшое недурно исполненное изображение головы короля вместе с его именем, а иногда и с именем монетчика. На оборотной стороне был изображен крест с названием города, в котором была отчеканена монета. Humphrey, *Manual of Coins*, изд. Бона, стр. 517, 531. - *Издат.*)

63) Agathias, в томе II, стр. 47. Григорий Турский представляет совершенно иную картину. Может быть, было бы нелегко найти в истории того же периода времени более пороков и менее добродетелей. Нас постоянно поражает сочетание варварства и разврата. (В цитированном выше примечании Галлама говорится далее: "В шестом столетии греки, как кажется, не имели никакого понятия о соотечественниках Хлодвиг. Из слов Проконпия нельзя сделать никакого вывода, а у Агафия мы находим странное романическое описание франков, которое можно было бы принять за иронию". - *Издат.*)

64) Фонсемань (Foncemagne) определил в правильно составленной и изящной по форме диссертации (*Mem. de l'Academie*, том VIII, стр. 505-528) объем и пределы франкской монархии.

65) Аббат Дюбо (*Histoire Critique*. том I, стр. 29-36) верно и интересно описал медленное развитие этих знаний; он замечает, что произведения Григория Турского были только один раз напечатаны до 1560 года. Гейнеций (*Opera*, том III, *Sylloge* 3, стр. 248 и сл.) жаловался на то, что Германия равнодушно и с пренебрежением относилась к кодексам варварских законов, которые были изданы Герольдом, Линденбругием и др. В настоящее время и эти законы (в том, что касается Галлии), и история Григория Турского, и все памятники Меровингской расы появились в ясности и полноте в первых четырех томах "Историков Франции".

66) В течение тридцати лет (1728-1765) этим интересным сюжетом занимались: свободный ум графа Буленвилье (*Memoires Historiques sur l'Etat de France*, в особенности том I, стр. 15-49), ученое остроумие аббата Дюбо (*Histoire Critique de l'Etablissement de la Monarchie Françoise dans les Gaules*, два тома in 4-to), обширный гений Монтескье (*Esprit des Loix*, в особенности кн. 28, 30, 31), здравый

смысл и усердие аббата Мабли (*Observation sur l'Histoire de France*, 2 тома 12-мо.)

67) Я извлек много сведений из двух ученых сочинений Гейнеция: "История" и "Элементы" германского законодательства. В своем прекрасном Предисловии к "Элементом" он рассматривает и старается оправдать недостатки этой варварской юриспруденции.

68) Салические законы, как кажется, были первоначально написаны на латинском языке. Они были составлены, вероятно, в начале пятого столетия, прежде наступления той эры (A. D. 421), к которой относятся существование действительного или баснословного Фарамунда. В Предисловии названы те четыре округа, откуда были родом четыре законодателя; многие провинции, как-то: Франкония, Саксония, ГанOVER, Брабант и др., заявляли притязание на то, что они должны считаться родиной этих законодателей. См. превосходную "Диссертацию" Гейнеция de Lege Salica, том III, Sylloge 3, стр. 247-267.

69) Eginhard, in Vit. Caroli Magni, гл. 29, в томе V, стр. 100. Эти два закона считаются большею частью критиков за Салический и Рипуарский. Первый из них имел силу на пространстве от Карбонарийского леса до Луары (том IV, стр. 151), а второму, вероятно, подчинялись на всем пространстве от того же леса до Рейна (том IV, стр. 222). (Есть основание сомневаться в том, что "Салическая Правда" отличалась такою глубокою древностью, какую им приписывает Гиббон. Такого рода свод законов едва ли мог "сохраняться путем преданий до введения в употребление письменности и латинского языка". Вероятно, этим путем передавались обычаи, имевшие силу законов; но так как при приведении их в систему, они были изложены на латинском языке, то представляется более основательным мнение Галлама, что "они, по-видимому, были составлены каким-нибудь христианским государем после завоевания Галлии. Поэтому они не древнее самого Хлодвига. Не могут они быть отнесены и к более поздней эпохе, так как они были переделаны одним из его сыновей". О Рипуарских законах тот же автор говорит, что это был "Кодекс одного франкского племени, жившего у берегов Рейна, и что он отличался только по форме выражений, а не по содержанию, от Салического кодекса, для которого он служит иллюстрацией, "Средние века", 1, 145. - *Издат.*

70) См. древние и новейшие предисловия к различным кодексам в четвертом томе "Историков Франции". Подлинное Предисловие к "Салической Правде" выражает (хотя и на иностранном языке) природный характер франков более живо, чем все десять томов Григория Турского.

71) Рипуарский кодекс признает и объясняет эту снисходительность к истцу (тит. 31, в томе IV, стр. 240), и такая же терпимость или подразумевается или положительно выражена во всех кодексах, за исключением кодекса живших в Испании вестготов. *Tanta diversitas ledum (говорил Агобард в девятом столетии) quanta non solum in regionibus, aut civitatibus, sed etiam in multis domibus habetur, Nam plerumque contingit ut simul eaunt aut sedeant quinque homines, et nullus eorum communem legem cum altero habeat* (в томе IV, стр. 356). Он делает безрассудное предложение ввести однообразие в законы и в религию.

72) *Inter Romanos negotia casarum Romanis legibus praecipimus terminari.* Таковы выражения Конституции, обнародованной сыном Хлодвиг Лотарем, который был единственным государем франков (в томе IV, стр. 116) около 560 года.

73) Монтескье (*Esprit Loix*, кн. XXVIII, 2) искусно сослался на Конституцию Лотаря I, чтобы доказать, что действительно существовала такая свобода выбора (*Leg. Langobard.*, кн. 2, тит. 57, in *Codex Lindebrog.*, стр. 664), хотя этот пример относится к более поздней эпохе и не имеет характера всеобщности. Из одного варианта Салического закона (тит. 44, № 45) аббат Мабли (том I, стр. 290-293) вывел предположение, что сначала одни только варвары могли жить по закону франков, а что впоследствии это право было предоставлено всем (а следовательно, и римлянам). Я очень жалею, что нахожусь вынужденным опровергать то остроумное предположение и заметить, что точный смысл закона выражен в исправленной во времена Карла Великого рукописи словом *barbarum* и что это подтверждается рукописями Королевской и Волфенбютельской. Более широкое истолкование закона (*hominem*) допускается только Фульдской рукописью, которой придерживался Герольд в своем издании. См. четыре подлинных текста "Салической Правды" в томе IV, стр. 147, 173, 196, 220. (Галлам одобряет вывод, сделанный Монтескье из закона Лотаря и возбуждающий недоверие в Гиббоне. Слова, на которые ссылается Монтескье, совершенно ясны: *Volumus, ut cunctus populus Romanus interrogetur, quali lege vult vivere, ut tali, quali professi fuerint vivere velle, vivant.* (Нам угодно, чтобы каждый римлянин был спрошен, под каким законом желает жить, и чтобы он жил под тем законом, какой предпочтет.) Хотя этот закон был издан в 824 году, трудно поверить, чтобы в этот период времени была введена какая-либо перемена; более правдоподобно, что был утвержден лишь старый обычай. Завоеватели, никогда не имевшие обыкновения немедленно подчинять своим законам новых подданных, а всегда предоставлявшие им право жить по их собственным законам, не отказали бы им в праве, если бы они того пожелали, подчиниться кодексу своих повелителей. Этот кодекс стал мало-помалу преобладать, в особенности на севере от Луары, где феодальные обычаи наследования и денежные вознаграждения за преступления "способствовали искоренению римского законодательства". На юге Франции различие законов удерживалось долее. Галлам, I, 149. - *Издат.*).

74) В героические времена Греции за убийство уплачивалась денежная пеня в пользу родственников убитого (*Felthius, Antiquitat. Homerica.*, кн. 2, гл. 8). Гейнеций в своей Предисловии к "Элементарам" германского законодательства замечает в защиту этого закона, что в Риме и в Афинах человекоубийство наказывалось лишь ссылкой. Это правда; но ссылка была уголовным наказанием для граждан Рима и Афин. (Нибур вполне удовлетворительно выяснил (Лекции, I, стр. 316), смысл римского закона касательно этого предмета: "Существует общепринятое мнение, будто каждый римский гражданин имел право спастись изгнанием от смертного приговора. Если бы действительно так было, то пришлось бы удивляться, зачем римляне устанавливали уголовные наказания, которых так много в их старинных законах. Стоило свидетелям указать на *delictum*, и обвиняемого

немедленно задерживали и тащили к судье. Если это не было *delictum manifestum* и если обвиняемый был плебей, он обращался за помощью к трибуну и представлял обеспечение. Если ему удавалось получить этим способом личную свободу, он мог отказаться от своего обеспечения и отправиться в изгнание. Но если он был застигнут в *delictum manifestum in flagranti* и если *testes locupletes* заявляли, что они тут были, и этим удостоверили его личность, то не допускалось никакого судебного разбирательства, а его *oborto collo*, с накинутой на голову тогой, вели к судье, который тотчас постановлял приговор. Об этом можно найти сведения у Ливия и у Цицерона". - *Издат.*)

75) Эти размеры установлены и Салическим законом (тит. 44, в томе IV, стр. 147) и Рипуарским (тит. 7, 11, 36, в томе IV, стр. 237, 241), но последний из них не устанавливает никакого различия между римлянами разных званий. Впрочем, духовное сословие поставлено выше самих франков, а бургунды и алеманны поставлены между франками и римлянами. (Гиббон должен бы был прибавить к этому примечанию то, что он говорит впоследствии - что *weregild* за священника и за Антрустиона было назначено в равной мере в шестьсот золотых монет, а за епископа в девятьсот. Это лучший способ выяснить, какое место занимали те или другие лица на ступенях общественной лестницы и каким пользовались они влиянием. Следует также заметить, что почти все епископы и лица духовного звания были римляне и что, не занимая они этих церковных должностей, они были бы отнесены к самому низшему разряду. Галлам, ч. 1, стр. 147 и примеч. - *Издат.*)

76) *Antrustiones*, qui in *truste dominica* sunt, *leudi*, *fideles* - это, без сомнения, были представители высшего сословия у франков; но трудно решить, было ли их высокое положение личным или наследственным. Аббат Мабли (том 1, стр. 334-347) очень рад, что может унижить гордость людей знатного происхождения (*Esprit*, кн. 30, гл. 25) тем, что ведет начало французской знати с царствования Лотаря II (A.D. 615). Грубая еще не установившаяся форма правления того времени была, по основательному замечанию Шмидта, не более как стебелек, который должен был разрастись через несколько столетий в могучий дуб; этими словами Шмидт старался согласовать похвалы, которыми осыпает Гроций древние законы своих готских прародителей, и порицания Лейбница (*Geschichte der Deutschen*, I, 199). Только одно тщеславие могло бы отыскать там наследственное дворянство. Галлам, по очень основательным причинам (ч. I, стр. 157), полагает, что у франков явилось наследственное дворянство много времени спустя после их поселения в Галлии. Слово *Antrustion*, без сомнения, было у них самым высоким титулом; но оно было чисто личным отличием и не оставило даже тех признаков наследственности звания, какие видны в словах *Dux* и *Comes*. Дюканж (I, 539) придает этому слову значение *fidelis domino* и производить его от *Trustis*. Это последнее слово (6, 1325) он считает равнозначным с *fides* или *fiducia* и с латинизированной формой германского *Trost*. На этом пункте вмешивается в дело Аделунг и рассказывает нам (4, 1073), что, хотя это немецкое слово означает лишь *утешение*, в древние времена оно значило *Zuversicht*, *Vertrauen* (*доверие*) и очень инте-

ресно следовать за ним по всем этимологическим изворотам, благодаря которым (стр. 1032, 1054) он отыскивает его корень в прилагательном *treu*, которое Ульфила употреблял в грубой форме *triggwa*. Поэтому *Antrustion* был *доверенное лицо*, к которому король обращался в важных случаях за советами и которое имело сходство с те-перешними *privy councillor* или *cabinet councillor*. Очевидно, что это было *очень почетное* звание, но не только оно не было наследственным, а даже, по всему вероятно, утрачивалось, с той минуты как недовольный монарх находил эту особу *недостойной своего доверия*. - Издат.)

77) См. *Бургундские законы* (тит. 2, в томе IV, стр. 257), *Кодекс вестготов* (кн. 6, тит. 5, в томе IV, стр. 384) и *Конституцию Хильдеберта*, очевидно не парижского, а австразийского (том IV, стр. 112). Их преждевременная строгость была иногда опрометчива и чрезмерна. Хильдеберт наказывал смертной казнью не только убийц, но и воров: *quomodo sine lege involavit, dine lege moriatur*. Даже небрежный судья подвергался такому же наказанию. Лекаря, который не умел вылечить больного, вестготы отдавали во власть родственников умершего, *ut quod de eo facere voluerint habeant potestatem* (кн. 11, тит. 1, в томе IV, стр. 435).

78) См. в шестом томе сочинений Гейнеция *Elementa Juris Germanici*, кн. 2, стр. 2, № 261, 262, 280-283. До шестнадцатого столетия в Германии сохранялись следы таких соглашений о денежном вознаграждении за убийства.

79) Все, что касается германских судей и их юрисдикции, подробно изложено у Гейнеция (*Element. Jur. Germ.*, кн. 3, № 1-72). Я не мог найти никаких доказательств того, что, под управлением Меровингов, *scabini* или ассессоры выбирались народом.

80) Григ. Туп., кн. 8, гл. 9, в томе II, стр. 316. Монтескье замечает (*Esprit des Loix*, кн. 28, гл. 13), что "Салическая Правда" не допускала этих отрицательных *доказательств*, установленных всеми варварскими кодексами.

Однако эта незнатная наложница (Фредегунда), сделавшаяся женой Хлодвигова внука, очевидно исполняла требование "Салической Правды".

81) Муратори поместил в "Древностях Италии" две диссертации (38, 39) о *Суде Божиим*. Предполагалось, что *огонь* не будет жечь невинного и что чистота *воды* не допустит, чтобы в нее мог погрузиться виновный.

82) Монтескье (*Esprit des Loix*, кн. 28, гл. 17) соблаговолил объяснить и оправдать "*la maniere de penxer de nos peres*" касательно судебных поединков. Он проследил это странное учреждение со времен Гундобальда до времен св. Людовика и из философа иногда превращался в юриста-антиквария.

83) При описании достопамятного поединка, происходившего (A.D. 820) в Ахене в присутствии императора Людовика Благочестивого, его биограф замечает: *secundum legem propriam, utpote quia uterque Gothus erat, equestri pugna congressus est* (Vit. Lud. Pii, гл. 33, в томе VI, стр. 103). Ermoldus Nigellus (кн. 3, 543-628, стр. 48-50), описывая поединок, хвалит *ars nova* сражаться верхом, с которой не были знакомы франки.

84) В подлинном эдикте, обнародованном в Лионе (A.D. 501), Гундобальд устанавливает судебные поединки и доказывает их справедливость (Leg. Burgund., тит. 45, в томе II, стр. 267, 268). Через триста лет после того епископ Лионский Агобард просил Людовика Благочестивого отменить закон, изданный арианским тираном (в томе VI, стр. 356-358). Он передает содержание разговора, происходившего между Гундобальдом и Авитом.

85) Accidit (говорит Агобард) ut non solum valentes virbus sed etiam infirmi et senes lacessantur ad pugnam, etiam pro vilissimis rebus. Quibus foralibus certaminibus contingunt homicidia injusta; et crudeles ac perversi eventus judiciorum. В качестве осторожного ритора, он умалчивает о легальном праве нанимать бойцов.

86) Монтескье (Esprit des Loix, 28, гл. 14), хорошо понимающий, почему судебные поединки допускались бургундами, рипуариями, алеманнами, баварцами, лангобардами, тюрингами, фризонами и саксами, доволен (и Агобард, по-видимому, был того же мнения) тем, что они не дозволялись "Салической Правдой". Однако о существовании этого обычая по меньшей мере в делах об измене, упоминают: Ermoldus Nigellus (кн. 3, 543, в томе VVI, стр. 48) и анонимный биограф Людовика Благочестивого (гл. 46, в томе VI, стр. 112), который называет его mos antiquus Francorum, more Francis solito. Эти выражения так всеобщие, что не допускают исключения в пользу самого храброго из их племен.

87) Цезарь, de Bell. Gall., кн. 1, гл. 31, в томе I, стр. 213.

88) Монтескье (Esprit des Loix, кн. 30, гл. 7-9) искусно объяснил темные намеки на дележ земель, которые случайно встречаются в законах бургундов (тит. 54, № 1, 2 в томе IV, стр. 271, 272) и в законах вестготов (кн. 10, тит. 1, № 8, 9, 16, в томе IV, стр. 428-430). К этому я должен прибавить, что между готами дележ земель, как кажется, удостоверялся соседями, что варвары нередко присваивали и остальную треть и что римляне могли отстаивать свое право собственности перед судом, если не была пропущена пятидесятилетняя давность. (Овладевшие Галлией франки, как кажется, были большей частью отважные юноши, а не колонисты, сопровождаемые своими семьями и прислугой (Шмидт, 1., 192). Эту мысль разделял и Сизмонди (Hist. des Francais, 1, стр. 197), делавший из нее многообразные выводы. Ее не следует упускать из виду, так как она послужит объяснением многих особенностей, замечаемых в их законах, в их более зрелых учреждениях и в общих чертах характера, впоследствии обнаружившихся в населении Франции. - Издат.)

89) Довольно странно то, что Монтескье (Esprit des Loix кн. 30, гл. 7) и аббат Мабли (Observations, том 1, стр. 21, 22) ничего не возражают против предположения самовольных хищнических захватов. Граф Буэнвиле (Etat de la France, том 1, стр. 22, 23) обнаруживает проницательность своего ума сквозь туман невежества и предрассудков.

90) См. сельский эдикт или, вернее, кодекс Карла Великого, заключающий в себе семьдесят различных и мелочных постановлений этого великого монарха (в томе V, стр. 652-657). Он требует отчета о козлиных рогах и кожах, позволяет продавать свою рыбу и тщательно устанавливает, чтобы в самых больших фермах (Capitaneae) содержалось по сто кур и сто тридцать гусей, а в самых маленьких

(Mansionales) по пятидесяти кур и по двадцати гусей. Мабильон (de Re Diplomatica) познакомил нас с названием, числом и положением меровингских ферм. (По развалинам стены до сих пор можно указать место, где находилась одна из таких ферм - а именно в глубине леса, в нескольких милях к западу от Марбургского университета, в Гессен-Кассельских владениях. Она до сих пор носит название Dagobertshaus'a. В длинном списке ферм, составленном Мабильоном, нет такой фермы. Это, вероятно, был охотничий домик, так как, по словам Мабильона (стр. 273), при всяком королевском жилище было много служб, которые всегда строились (стр. 254) неподалеку от обширных лесов, в которых монарх мог бы охотиться. И Dagobertshaus, вероятно, был одной из служб, принадлежавших к одной из ферм, находившихся или во Франкфурте-на-Майне (стр. 293), или в Вазале, в Везеле, и в Сен-Гоаре (стр. 356). - Издат.)

91) Из одного места в бургундских законах (тит. 1, № 4, в томе IV, стр. 257) ясно, что достойный сын мог надеяться, что удержит за собой земли, полученные отцом от щедрот Гундобальда. Бургунды, как кажется, твердо отстаивали это право, а их пример мог служить поощрением и для владевших бенефициями франков.

92) Аббат Мабли удовлетворительно объяснил перемены, происходившие во владении бенефициями и ленными поместьями. Аккуратное указание времени, когда происходили эти перемены, составляет с его стороны такую важную заслугу, какой не оказал даже Монтескье.

93) См. "Салическая Правда" (тит. 62, в томе IV, стр. 156). Происхождение и особенности этих салийских земель были всем понятны во времена невежества, но в наше время ставят в крайнее затруднение самых ученых и прозорливых критиков. (Галлам (ч. 1, стр. 144-166) вполне удовлетворительно объяснил бывшие предметом споров выражения: *бенефиции, алодиальные и салийские земли*. "Не очень многочисленный народ, - говорит он, - расселился по обширным провинциям Галлии на тех землях, которые были ему отведены или которые он самовольно захватил"; он ссылается далее на слова Дюбо, что в армии Хлодвига было не более трех или четырех тысяч аранков. Тем не менее каждый солдат, из какого бы он ни был племени, получал в награду значительную поземельную собственность, и эти наделы в пользу *leuden*, или *народа*, получили название *алодиальных* в отличие от *фискальных* земель, составлявших собственность короля. Это были ни от кого не зависимые поместья, на которые владелец имел неотъемлемое право. Но для того, "чтобы можно было рассчитывать на военную службу каждого владельца", женщинам не дозволялось вступать по наследству во владение этими землями. Так как в ту пору лишь у немногих франков были семьи, об интересах которых они заботились, то это постановление было одобрено с общего согласия, но оно не распространялось на ту земельную собственность, которую они могли впоследствии приобрести каким-либо иным путем. Эта последняя также называлась *алодиальной*, а та, которая была первоначально отведена в надел безвозмездно, получила название салийской, сообразно с теми правилами наследственной передачи, которым она была подчинена. *Бенефиции* выделялись из *фискальных* земель и раздавались, как замечает Гиббон,

по воле государя; это было началом феодальной системы. Но Галлам (стр. 161) доказывает, что они были наследственными на известных условиях и отбирались назад, "если вассала можно было обвинить в каком-нибудь проступке." - *Издат.*)

94) Многие из двухсот шести чудес св. Мартина (Григ. Тур. in Maxima Bibliotheca Patrum, том XI, стр. 896-932) были совершены в наказание за святотатства. Епископ Турский рассказывает, как взбесились лошади, оттого что их загнали на церковный луг, и затем восклицает: Audite haec omnes potestatem habentes.

95) Heines. Element. Jur. Germ., кн. 2, стр. 1, N 8.

96) Орлеанский епископ Иона (A.D. 821-826. Cave, Hist. Literaria, стр. 443) порицает *легальную* тиранию дворян: Pro feris, quas cura hominum non aluit, sed Deus in commune mortalibus ad utendum comcessit, pauperes a potentioribus spoliuntur, flagellantur, ergastulis detruduntur, et multa alia patiuntur. Hoc enim qui faciunt, lege mundi se facere juste posse contendunt. De Institutione laicorum, кн. 2, гл. 23, apud Thomassin, discipline de l'Eglise, том III, стр. 1348.

97) Камергер бургундского короля Гонтрана Chundo был побит камнями только по подозрению в таком преступлении. (Григ. Тур., кн. 10, гл. 10, в томе II, стр. 369. Иоанн Салисбурский (Polycrat., кн., 1, гл. 4) вступает за естественные человеческие права и восстает против жестокосердных обычаев двенадцатого столетия. Гейнецций, Element. Jur. Germ. кн. 2 стр. 1, № 51-57.

98) Обыкновение обращать военнопленных в рабов совершенно исчезло в тринадцатом столетии благодаря преобладающему влиянию христианства; но на основании многих мест у Григория Турского можно доказать, что это обыкновение существовало при Меровингах, не вызывая порицаний; даже Гроций (de Jure Belli et Pacis, кн. 3, гл. 7) и его комментатор Барбейрак старались примирить его с законами природы и рассудка.

99) Сведения о положении, профессиях и пр. германских, итальянских и галльских рабов в средние века можно найти у Гейнецция (Element. Jur. German., кн. 1, № 28-47), у Муратори (Диссерт. 14, 15), у Дюканжа (Gloss, sub. voce Servi) и у аббата Мабли (Observations, том II, стр. 3 и сл., стр. 237, и пр.).

100) Григорий Турский (кн. 6, гл. 45, в томе II, стр. 289) рассказывает об одном замечательном случае, в котором Хильперик, по его словам, только употребил во зло личные права господина. Несколько семей, принадлежавших к его domus fiscales неподалеку от Парижа, были силою отправлены в Испанию.

101) Licentiam habeatis mihi qualemcunque volueritis disciplinam ponere: vel venumdare, aut quos vobis placuerit de me facere. Marculf. Formul. 1, 2, 28, в томе IV, стр. 497. Formula Линденброгия (стр. 559) и та, которая была в употреблении в Анжу (стр. 565), имели ту же цель. Григорий Турский (кн. 7, гл. 45, в томе II, стр. 311) говорит, что во время сильного голода многие продавали себя из-за пропитания.

102) Когда Цезарю показали этот меч, он рассмеялся (Плутарх, in Caesar., в томе I, стр. 409); однако он описывает свою неудачную осаду Герговии не с той откровенностью, какой можно бы было ожидать от великого человека, для которого победы не были редкостью. Впрочем, он сознается, что в одной атаке он потерял сорок шесть

центурионов и семьсот солдат (*De Bello Gallico*, кн. 6, гл. 44-53, в томе I, стр. 270-272).

103) *Audebant se quondam fratres Latio decere, et sanguine ab Iliaco populos computare* (Сидон. Аполлин., кн. 7, посл. 7, в томе I, стр. 799). Мне неизвестны ни степень, ни подробности этого баснословного родства.

104) Вследствие первого или второго раздела между сыновьями Хлодвиги Хильдеберт получил Берри (Григ. Тур., кн. 3, гл. 12, в томе II, стр. 192). *Velim* (говорит он) *Arvernam Limanem, quae tanta jocundetatis grata refulgere dicitur, oculis cernere* (кн. 3, гл. 9, стр. 191). Когда король Парижский въезжал в Клермон, вся окружающая местность была скрыта от его глаз густым туманом.

105) Касательно описания Оверни, см. Сидония (кн. 4, посл. 21, в томе I, стр. 793) с примечаниями Саварона и Сирмонда (стр. 279 и 51 в изданиях их сочинений), Булэнвилье (*Etat de la France*, том II, стр. 242-268) и аббата де ла Лонгерю (*Discription de la France*, ч. 1, стр. 132-139).

106) *Furorem gentium, quae de ulteriore Rheni amnis parte venerant, superare non poterat* (Григ. Тур., кн. 4, гл. 50, в томе II, стр. 229) - в таких выражениях другой король Австразии (A.D. 574) оправдывал опустошения, которые были совершены его войсками в окрестностях Парижа.

107) Принимая в соображение название и положение этой крепости, бенедиктинские издатели сочинений Григория Турского (в томе II, стр. 192) полагали, что она находилась в местности, называвшийся *Castel Merliac*, в двух милях от Мавриака в Верхней Оверни. В этом описании местности я перевожу слово *infra* так, как я перевел бы слово *intra*; Григорий или переписчики его сочинений постоянно смешивают эти два предлога и в этих случаях приходится принимать в руководство смысл фразы.

108) См. описание происходивших в Оверни переворотов и войн в сочинениях Григория Турского (кн. 2, гл. 37, в томе II, стр. 183 и кн. 3, гл. 9, 12, 13, стр. 191, 192, *de Miraculis St. Julian.*, гл. 13, в томе II, стр. 466). Он нередко обнаруживает пристрастие к своей родине. (Между всеми чудесами, совершавшимися в этом веке, не найдется ни одного, которое не имело бы целью охрану или увеличение богатств церкви. - *Издат.*)

109) История Аттала рассказана Григорием Турским (кн. 3, гл. 16, в томе II, стр. 193-195). Издатель его сочинений о. Рюинар смешивает этого Аттала, бывшего в 532 году юношей (*puer*), с другом Сидония, носившим то же имя и состоявшим в звании графа Отенского за пятьдесят или шестьдесят лет перед тем. Эту ошибку нельзя приписать невежеству; но ее можно в некоторой мере извинять ее собственной грубостью.

110) Этот Григорий был прадед Григория Турского (в томе II, стр. 197, 490); он прожил девяносто два года, из которых сорок провел в звании графа Отенского, а тридцать два в звании епископа Лангсского. По словам поэта Фортуната, он в обоих этих званиях обнаружил одинаковые личные достоинства.

*Nobilis antiqua decurrens prole parentum,
Nobilior gestis, nunc super astra manet.*

Arbiter ante ferox, bein pius ipse sacerdos,
Quos domuit iudex fovit amore patris.

111) Так как Валуа и о. Рюипар изменили находящееся в подлиннике слово *Mosella* в *Mosa*, то и я сообразовался с этим изменением. Однако, ближе ознакомившись с местностью, я пришел к убеждению, что слово *Mosella* более верно.

112) Родители Григория (*Gregorius Florentius Georgius*) были благородного происхождения (*natalibus... illustres*) и владели обширными поместьями (*latifundia*) и в Оверни, и в Бургундии. Он родился в 539 г., был возведен в звание Турского епископа в 573 г. и умер в 593 или 595 году, вскоре после того как довел до конца свою историю. См. его биографию, написанную епископом Ключийским Одоном (в томе II, стр. 129-135) и новую биографию в *Memoires de l'Academie* etc. том XXVI, стр. 598-637.

113) *Decedente at que immo potius pereunte ab urbebus Gallicanis Liberalium cultura literarum, etc.* (в предисловии к тому II, стр. 137) - таковы жалобы самого Григория, вполне оправдавшиеся на его собственных произведениях. В его слоге нет ни изящества, ни простоты. Несмотря на то что он занимал видное общественное положение, он оставался чуждым и для своего века, и для своей страны, а в своем объемистом сочинении (в последних пяти книгах рассказаны события за десять лет) он опустил почти все, чем могло бы интересоваться потомство. Скучное и утомительное чтение его произведений дало мне право высказать этот неблагоприятный отзыв. (Во время своего упадка Галлия была образчиком того, что происходило во всей империи. Одно и то же зрелище представляется на всем ее пространстве с той замечательной прибавкой, что внутреннее разложение совершалось с одинаковой быстротой и в юных, сильных, не задолго перед тем цивилизовавшихся провинциях, и в провинциях, начавших цивилизоваться за двенадцать или пятнадцать столетий перед тем. Стало быть, столь повсеместная перемена не была вызвана старческой немощью и не была последствием варварского нашествия. Шмидт говорит (1,184): "*Das Wahre und Schöne gewinnt nach und nach die Herrschaft, auch über die rauhesten Gemüther*" (то, что истинно и прекрасно, мало-помалу приобретает господство даже над самыми грубыми натурами); затем он доказывает, что этого не могло случиться с завоевателями Римской империи, так как при вступлении в нее они не нашли никого, кто или сам находил бы наслаждение в умственном просвещении, или мог бы внушать другим склонность к этому просвещению. В доказательство испорченности вкуса того времени он указывает на того же Сидония Аполлинария, в произведениях которого Гиббон видит начало того умственного упадка, который по прошествии шестидесяти лет обнаруживается еще ярче в более слабых и более пошлых произведениях Григория Турского. - *Издат.*)

114) Аббат Мабли (том 1, стр. 247-267) старательно подкрепил это мнение Монтескье (*Esprit des Loix*, кн. 30, гл. 13). (Мы уже видели, насколько улучшилось положение Испании под владычеством готов (гл. XXXI); то же самое произошло и в Галлии. Шмидт (1,192) доказывает, что прежнее население освободилось от обременительной тяжести налогов; а доказательством того, что его положение улучши-

лось, служит тот факт, что, хотя оно и было многочисленное своих повелителей, оно никогда не обнаруживало склонности к восстанию или к сопротивлению. - *Издат.*)

115) См. Dubos, Hist. Critique de la Monarchie Française, том II, кн. 6, гл. 9, 10. Французские антиквариисты считают за *принцип*, что римлян и варваров можно различать по их именам. Конечно, их имена могут считаться за основательные указания, однако, когда я читал сочинения Григория Турского, я заметил, что Gondulphus происходил от сенаторской семьи и, стало быть, был родом римлянин (кн. 6, гл. 11, в томе II, стр. 273), а имя Glaudius'a носил варвар (кн. 7, гл. 29, стр. 303).

116) Об Эвнии Муммолле Григорий Турский очень часто упоминает, начиная с четвертой (гл. 42, стр. 224) и до седьмой (гл. 40, стр. 310) книги включительно. Странно то, что он вычисляет состояние Муммолла талантами; но если Григорий употреблял это устарелое слово в его настоящем значении, то следует полагать, что сокровища Муммолла превышали стоимость ста тысяч фунтов стерлингов.

117) См. Fleury, Discours 3 sur L'Histoire Ecclesiastique.

118) Сам епископ Турский упоминает о жалобах Хлодвигова внука Хильперика: Ecce pauper remansit Fiscus noster ecce divitiae nostrae ad ecclesias sunt translatae; nulli penitus nisi soli episcopi regnant. (кн. 6, гл. 46, в томе II, стр. 291). (Церковная служба по-прежнему совершалась на латинском языке (Шмидт, 1, 185). Поэтому варвары не могли вступать в духовное звание, пока не приобретут знания этого языка; но никто не поощрял их на такую работу, и никто не помогал им в ней, да и не многие из них охотно брались за нее. Внезапно сделавшись хозяевами обширных владений, франки стали вдоволь наслаждаться всем, что доставляли им эти владения, и в особенности охотой, или готовились, в случае надобности, к исполнению своих воинских обязанностей. Их научили только одному - тому, что исполнением религиозных обрядов и принесением пожертвований к подножию алтарей они купят вечное спасение. Придя к такому убеждению, они с благоговением выслушивали слова, которых не понимали, и, чем менее они что-либо понимали, тем более они удивлялись и веровали. Поэтому епископы, не встречавшие на своем пути никаких препятствий, стали смело захватывать все, к чему влекло их честолюбие или корыстолюбие, и достигли того влияния, на которое жаловался Хильперик. Едва ли найдется историк, который не упомянул бы об усилении их власти в этот период времени; но ни один из них, ни даже сам Гиббон, не указал с достаточной ясностью на общий упадок умственных способностей, происшедший от того, что они приобрели столь огромную власть и затем расширили ее и сохранили. - *Издат.*)

119) См. "Рипуарский Кодекс" (тит. 36, в томе IV, стр. 241). Салический закон не заботится о личной безопасности духовенства; но, ввиду того что салийское племя было самым цивилизованным, мы можем предположить, что оно не допускало, чтобы нечестие могло доходить до умерщвления священника. Однако архиепископ Руанский Претекстат был умерщвлен, по приказанию королевы Фредегунды, в то время, как стоял перед алтарем (Григ. Тур., кн. 8, гл. 31, в томе II, стр. 326).

120) Бонами (Mem. de l'Academie des Inscriptions, том XXIV, стр. 582-670) доказал, что существовал Lingua Romana Rustica, который через посредство романского языка, мало-помалу очистился и принял теперешнюю форму французского языка. Под управлением Каролингов и французские короли, и французское дворянство еще понимали язык своих германских предков.

121) Ce beau systeme a ete trouve dans les bois. Монтеские, Esprit des Loix, кн. 11, гл. 6.

122) См. Observations etc. аббата Мабли, том I, стр. 34-56. Учреждение национальных собраний, возникшее одновременно с французской нацией, как кажется, никогда не соответствовало ее характеру.

123) Григорий Турский (кн. 8, гл. 30, в томе II, стр. 325, 326) с большим равнодушием рассказывает и об этих преступлениях, и об угрозах, и об оправданиях: Nullus regem metuit, nullus ducem, nullus comitem reveretur; et si fortassis alicui ista displicent, et ea pro longaevitae vitae vestrae, emendare conatur, statim seditio in populo statim tumultus exoritur, et in tantum unusquisque contra seniore saeva intentione grassatur, ut vix se credat evadere, si tandem silere nequiverit.

124) (В этих словах, написанных и появившихся в печати лет за десять до взрыва французской революции, уже можно усмотреть зародыши той точки зрения, с которой Гиббон смотрел на это событие. Они согласны со всем тем, что он впоследствии высказывал в своих *Мемуарах* (стр. 269) и во многих из своих писем (стр. 304 и сл.). - *Издат.*)

125) В эти века мрака, Испании особенно не посчастливилось. У франков был Григорий Турский, у саксов или англов - Беда, у лангобардов - Поль Варнефрид и пр. Но история вестготов изложена в кратких и неполных хрониках Исидора Севильского и Иоанна Биклара. (Там, где мало читателей, мало и писателей. Когда нет спроса на товар, нет и самого товара. Немногое, что было написано в эти века, было приурочено к умственному развитию, к легковерию и к целям лиц духовного и монашеского звания. Подлинных исторических материалов вовсе не было. Некоторые разрозненные факты можно было выбрать из хартий, дарственных записей и тому подобных документов. Но обычным источником сведений служили слухи, жалобы ограбленных беглецов, рассказы суеверных пилигримов, вымыслы бродячих торговцев и тому подобные, не заслуживающие никакого доверия рассказы. Писатели выбирали отсюда только то, что соответствовало их целям и, не стесняясь, выдумывали то, что им было нужно. Иоанн Биклар получил это прозвище потому, что он основал у подножия Пиренеев Бикларский монастырь. Впоследствии, когда он сделался епископом Герунды (Гироны), он стал носить название Герундийского. Mariana, de Rebus. Hisp., кн. 5, стр. 201. Его хроника обнимает период времени от 566 до 590 года. - *Издат.*)

126) Таковы жалобы германского апостола и галльского реформатора св. Бонифация, в томе IV, стр. 94. Восемьдесят лет нравственной распущенности и испорченности, о которых он горюет, заставляют думать, что варваров начали допускать в духовное звание около 660 года. (Первым английским епископом в Кентерберии был Бертвальд, A.D. 690; все его предместники присылались из Рима. Он был преж-

де того аббатом Рекульвера (Ghron. Sax., стр. 331, изд. Бона). И ранее того встречаются между епископами такие, которые носили саксонские имена. - *Издат.*)

127) Акты Толедских соборов до сих пор служат источником самых достоверных сведений об испанской церкви и об испанской конституции. Особенно важны следующие места: III, 17, 18; IV, 75; V, 2-5, 8; VI, II-14, 17, 18, VII, IXIII, 2, 3, 6. Я нашел, что Маску ("Ист. Древн. Германцев", XV, 29 и примеч. 26, 33) и Феррера (Hist. Generale de l'Espagne, том II) могут служить очень полезными и надежными руководителями.

128) Dom Bouquet (том IV стр. 273-460) издал подлинный Кодекс вестготов, разделенный на двенадцать книг. Монтескье отнесся к этому кодексу (Esprit des Loix, кн. 28, гл. 1) с чрезмерной строгостью. Мне не нравится слог этого документа и проглядывающий в нем дух суеверия; но я позволяю себе думать, что это гражданское законодательство свидетельствует о более цивилизованном и просвещенном состоянии общества, чем то, в котором находились бургунды и даже лангобарды.

129) Боевая секира не была оружием саксов. Несколькими страницами далее Гиббон описывает битву при Беранбириге, неподалеку от Марльборо, и говорит, что саксы дрались своим национальным оригинальным оружием - "коротенькими мечами". - *Издат.*)

130) Gildas, de Excidio Britanneae, гл. II-25, стр. 4-9, изд. Gale; Nennius, Hist. Britonum, гл. 28, 35-65, стр. 105-115, изд. Gale; Bede, Hist. Ecclesiast. Gentis Anglorum, кн. 1, гл. 12-16, стр. 49-53; гл. 22, стр. 58. изд. Smith; Chron. Saxonum, стр. 11-23 и сл. изд. Gibson. Англосаксонские законы были изданы Вилькинсом в 1731 г. в Лондоне, in folio, а Leges Walliosae в 1730 г., Воттоном и Кларком, в Лондоне, in folio.

131) Между новейшими писателями трудолюбивый Carte и прозорливый Whitaker были главными моими руководителями. Автор истории Манчестера обнимает под этим скромным названием почти все, что могло бы войти во всеобщую историю Англии. (Со времен Гиббона вышли в свет: изданная Инграмом "Саксонская Хроника" и ее перевод на английский язык Бона, изданные им же произведения Гильда, Ненния и Беды со многими поучительными примечаниями; (Истории Лингарда и Тернера; "Возникновение и развитие английской республики" сэра Ф. Пелгрева; "Англосаксонские Короли" Леппенберга, переведенные Торпом и много полезных сведений о наших саксонских предках в Тацитовой "Германии" докт. Латама, в "Трудах Археологического общества" и в других произведениях. - *Издат.*)

132) Факт этого призыва отчасти подтверждается некоторыми не вполне ясными выражениями, встречающимися у Гильда и у Беды; но живший в десятом столетии саксонский монах Витикинд сделал его сюжетом настоящего исторического повествования. (См. Cousin, Hist. de l'Empire d'Occident, том II, стр. 356). Рапин и даже Юм слишком легкомысленно положились на это сомнительное свидетельство Ненния: Interea venerunt tres Chiulae a Germania in exilio puosae, in quibus erant Hors et Hengist. (Поселение наших саксонских предков в Британии само по себе представляет такой важный факт, что не

нуждается в прикрасах басен или вымыслов. Во всей истории Великобритании нет другого события, столь же чреватого последствиями, имевшими влияние на судьбы всего мира. В двадцать пятой главе этого сочинения и в некоторых из следующих глав уже было описано, как они опустошали берега Британии своими хищническими набегами, между тем как другие родственные им племена беспокоили континентальные провинции империи. Когда они узнали об успешных вторжениях своих южных одноплеменников, им, конечно, захотелось приобрести и для себя такие же выгоды в лучше возделанных странах, которыми они тщетно старались до того времени овладеть. Чтобы толкнуть их на это предприятие не было надобности ни в призыве со стороны туземных жителей, ни в изгнании из собственной родины; все это ничем не доказанные предположения, которые вовсе не согласны с естественным ходом событий. - *Издат.*)

133) Ненний ставит саксам в вину умерщвление трехсот британских вождей; это преступление было возможно при дикости их нравов. Но мы не обязаны верить (см. *Jeffrey of Monmouth.*, кн. 8, гл. 9-12), что Stonehenge есть воздвигнутый в их память монумент, что этот монумент был сначала перенесен гигантами из Африки в Ирландию, а потом перевезен в Британию по приказанию Амвросия и благодаря искусству Мерлина.

134) (Один Беда (*Ecccl. Hist.*, стр. 24, издат. Бона) говорит, что приверженцами Генгиста были юты; ему слишком легко поверили в этом случае и Гиббон, и Тернер, и другие историки. Беда писал лишь через двести пятьдесят лет после события и, вероятно, ошибочно принял традиционный общий термин *Gothen* или *Guten* за его извращенную провинциальную форму *Juten*. Сверх того, он противоречит сам себе, так как говорит в начале той-же главы (кн. 1, гл. 15), что призыв был обращен к "нации англов или саксов", а затем указывает порядок их прибытия в следующих словах: "Те, которые пришли сюда из-за океана, были три из самых могущественных германских народов - саксы, англы и юты". В "Саксонской Хронике" (*Bohn*, стр. 309) говорится, что саксы дали название Суссекса и Вессекса первым королевствам, какие были основаны, и что они послали за англами. Не подлежит сомнению, что эти первые саксы были соотечественники своих кентских предшественников, успех которых внушил им желание последовать их примеру. Слухи о бессилии римлян, впервые заставившие их тронуться со своего места, конечно, достигли берегов Везера, Эльбы и Эйдера задолго до того, как они проникли в Ютландию. Вот почему первые устремившиеся на Британию саксы вышли из устьев этих рек. Известия об их удачах увлекли вслед за ними их северных соседей англов с "узкой земли", а затем и ютов с крайней оконечности длинного полуострова. В высшей степени неправдоподобно, чтобы к ним мог присоединиться какой-либо отряд гуннов, которые никогда не приучались владеть веслами. Напротив того, к ним легко могли присоединиться фризы из болотистых окрестностей Эмса. В настоящее время язык фризландцев имеет большое сходство с некоторыми английскими провинциальными диалектами. В более позднюю эпоху многочисленные толпы датчан явились туда с целью получить свою долю добычи. Затем норвежцы, или норманны, пустились на такие же предприятия и из своих поселений во Фран-

ции перешли наконец к нам, усиливая постоянный прилив готских элементов. Эти готские элементы, впитавши в себя остатки кельтских элементов, оттиснутых в северные, западные и южно-западные части нагорной страны, образовали тот национальный характер и послужили основой для тех национальных учреждений, которые так красноречиво описаны Галламом в начале той главы, где идет речь об истории английской конституции. - *Издат.*)

135) Все эти племена точно перечислены Бедой (кн. I, гл. 15, стр. 52, кн. 5, гл. 9, стр. 190), и, хотя я принял в соображение замечания Уайтекера (Hist. of Manchester, ч. II, стр. 538-543), я не нахожу ничего нелепого в предположении, что фризы и пр. смешались с англосаксами.

136) Беда перечислил семь королей, которые приобретали в гептархии один вслед за другим безграничное превосходство власти и славы и в числе которых были два сакса, один ют и четыре англа. Но они царствовали не в силу закона, а в силу завоевания. В тех же выражениях, в каких он объяснял характер их власти, он замечает, что один из них подчинил себе острова Мень и Энглези, а другой наложил дань на скотов и пиктов (Hist. Eccles., кн. 2, гл. 5, стр. 83).

137) Gildas, de Excidio Britanniae, гл. 1, стр. 1, изд. Gale.

138) Whitaker (History of Manchester, ч. II, стр. 503, 516) едко напал на эту бросающуюся в глаза нелепость, на которую не обратили внимания люди, занимавшиеся всеобщей историей Англии, так как они гонялись за более интересными и более важными фактами.

139) (Первая территория, которой овладел Кердик, была не Гемпшир, а Дорсетшир. Он высадился и впоследствии встречал свои подкрепления в Шармуте; теперь это небольшая гавань в устье реки Шара, а место, занимаемое близлежащей наносной равниной, когда-то было занято хорошо прикрытым портом (De Luc's Geological Travels in England, ч. II, стр. 87). Первоначальное саксонское название этого места Gernemuth (как это видно из Doomsday Book) было смешано одним невежественным монахом с Гернемутом, теперешним Ярмутом, находящимся у устья Norfolk Yare; вслед за ним длинный ряд старинных летописцев и новейших географов, антиквариев и историков ставили на нашем восточном берегу упоминаемый в *Саксонской хронике* (стр. 311, изд. Бона) Kerdecksores, где Кердик высадил в 495 году экипаж своих первых пяти кораблей и куда в 514 году его племянники Stuffa и Wihtgar привели еще три shipfuls с целью основать Вессекское королевство. Нелепость господствующего мнения и причина заблуждения объяснены в изданных в 1827 году в Норвиче "Геологических и Исторических исследованиях Восточных Долин Норфолька". - *Издат.*)

140) При Beran-berig или Barbury castle вблизи от Марльборо. *Саксонская хроника* указывает и название, и день. Кемден (Britannia, ч. 1, стр. 128) определяет место, а Henry of Huntingdon (Scriptores post Bedam, стр. 314) описывает подробности этого сражения. Эти подробности правдоподобны и характеристичны; может быть, историки двенадцатого столетия имели под рукой такие материалы, которые не дошли до нас.

141) Корнваллис был окончательно покорен Ательстаном (A. D. 927-941), который основал английскую колонию в Экзетере и оттеснил

бриттов по ту сторону реки Тамара. (William of Malmesbury, кн. 2, в *Scriptores post Bedam*, стр. 50). Вследствие рабской зависимости, корнваллийские рыцари утратили свое мужество, а из романа сэра Тристрама можно заключить, что их трусость почти обратилась в поговорку.

142) Факт поселения бриттов в Галлии был засвидетельствован в шестом столетии Прокопием, Григорием Турским, вторым Турским собором (A. D. 567) и теми из хроник и биографий святых, которые всех менее заслуживают недоверия. Подпись одного бретонского епископа на первом Турском соборе (A. D. 461 или скорей 481), армия Риотама и туманная декламация Гильда (*alii transmarinas petebant regiones*, гл. 25 стр. 8) могут быть приняты за доказательство того, что переселение происходило еще в половине пятого столетия. До этого времени имя армориканских бретонцев встречается лишь в романах, и я очень удивляюсь тому, что Уайтекер (*Genuine History of the Britons*, стр. 214-221) в точности повторяет грубую ошибку Карта, после того как он так строго относился к менее важным ошибкам этого писателя. (Гиббон как будто позабыл, что в главе XXVII он говорил, со слов архиепископа Ушера, что Арморика была населена в 383 году "благодаря эмиграции значительной части британской нации", в царствование Максима; а в главе XXXVI он говорит, что армия Риотама "была уничтожена или рассеяна оружием вестготов". Ошибочные понятия об этом предмете были указаны в этих обоих случаях, и сверх того в главе XXXI. Здесь Гиббон ссылается на другие авторитеты, которые доказывают только то, что в Арморике жили бретонцы, и ничего более. Что они вели свое происхождение из Великобритании и заимствовали от нее свое название и свой язык, не подтверждается никакими достоверными свидетельствами. Шарон Тернер, в своей "Истории" (ч. 1, стр. 161) отвергает как лишнее всякого основания переселение, будто бы происшедшее в царствование Максима; затем он высказывает предположение, что это переселение произошло позднее, и ссылается в подтверждение этого мнения на хронику аббатства Mont St. Michel в Бретани. Там сказано: A. D. 513 *venerunt transmarine Britannii In Armoricam, id est minorem Britanniam*. Допуская достоверность всего, что говорится в этой цитате, мы можем сделать тот вывод, что в названном году прибыло несколько беглецов; но мы не имеем основания утверждать, что эти беглецы прибыли в значительном числе, чтобы поселиться в этой стране, и такой факт был бы во всяком случае совершенно неправдоподобен. В этот период времени бритты еще владели почти всей территорией своего острова и вслед за тем в течение пятидесяти лет напрягали с "национальным самоотвержением", как выражается Тернер, (ib. 270) все свои усилия, чтобы отстоять свою независимость. Трудно предположить, чтобы они высылали из страны тех, чья помощь была им нужна. В приведенной цитате слова *Americam, id est minorem Britanniam* доказывают, что название Бретань существовало ранее и не было принесено новыми пришельцами. Арморика была исстари населена кельтами, между которыми были бретонцы; это была уединенная, совершенно изолированная территория, представлявшая удобное убежище для тех, кто не хотел подчиняться владычеству франков. Тот факт, что местное население долго сохраня-

ло свои национальные особенности и свой язык, представляется нам совершенно естественным, и его не следует считать за следствие каких-либо странных и необыкновенных событий. - *Издат.*)

143) Следующие писатели познакомили нас с древностями Бретани, которые были сюжетом даже политических споров: Адриан Валуа (*Notitia Galliarum, sub voce Britannia Cismarina*, стр. 98-100), Анвилль (*Notice de l'Ancienne Gaule, Corisopiti, Curiosolites Osesmii, Vorganium*, стр. 248, 258, 508, 720 и *Etats de l'Europe*, стр. 76-80), Лонгерю (*Description de la France*, том 1, стр. 84-94) и аббат де Верто (*Hist. Critique de l'Etablissement des Bretons dans les Gaules*, 2 вол. in 12-мо, Париж, 1720). Я могу приписать себе ту заслугу, что я проверил подлинные документы, на которые они ссылались.

144) Беда, который в своей хронике (стр. 28) относит Амвросия к царствованию Зенона (A.D. 474-491), замечает, что его родители были *purpura induti*, и объясняет это в своей "Церковной Истории" словами: *regium nomen et insigne ferentibus* (кн. 1, гл. 16, стр. 53). Выражение Ненния (гл. 44, стр. 110, изд. Gale) еще более странно: *Unus de consulibus gentis Romanicae est pater meus*.

145) По единогласному, но сомнительному, предположению наших антиквариев Амвросий был не кто иной, как Натанлеод, который (A.D. 506) сам лишился жизни и положил пять тысяч своих подданных в битве с западным саксом Кердиком (*Chron. Saxon.* стр. 17, 18).

146) Так как я вовсе не знаком с валлийскими бардами (которых зовут: *Myrdhin, Llomarch* и *Tallessin*), то все, что мне известно о существовании и подвигах Артура, основано главным образом на безыскусственном и подробном свидетельстве Ненния (*Hist. Brit.*, гл. 62, 63, стр. 114). Уайтекер (*Hist. of Manchester*, ч. II, стр. 31-71) написал интересный и даже правдоподобный рассказ о войнах Артура, хотя и нет возможности допустить действительное существование Круглого Стола.

147) Thomas Wharton описал с поэтическим изяществом и с мелочным усердием антиквария развитие романа и положение наук в средние века. Я извлек много сведений из двух ученых диссертаций, предпосланных первой части его "Истории Английской Поэзии".

148) Hoc ann'o (490) Aella et Cissa obsederunt Andredes-Ceaster et interfecerunt omnes qui id incoluerunt, adeo ut ne unus Brito ibi superstes fuerit (*Chron. Saxon.*, стр. 15); эти слова более страшны в своей простоте, чем все вялые и скучные сетования британского Иеремии. (Такие неполные и пристрастные рассказы об этих зверствах не могут считаться достаточным доказательством того, что эти зверства действительно совершались. У англосаксов не было никого, кто был бы в состоянии верно описать их образ действий. Все дошедшие до нас сведения были доставлены позднейшими временами, когда монастырские хроники были готовы повторять всякую клевету на язычников, хотя бы эти язычники были их предками. Британия, по-видимому, ничего не усвоила под римским владычеством, кроме некоторых улучшений по части земледелия и ухода за скотом. Некоторые удобства и улучшения, быть может, и были введены в колониях и в главных пунктах сосредоточения войск. Но не было никаких признаков общего благосостояния или роскоши частных лиц. Так как саксонские завоеватели были обмануты в своем ожидании найти

более богатую добычу, то, быть может, они прибегали к большим жестокостям в надежде добраться этим способом до спрятанных сокровищ. Сверх того, страна, как кажется, не была густо населена. Редко встречаются названия селений, а почти все теперешние названия наших деревенских приходов указывают на их англосаксонское происхождение. Собственники стад, вероятно, угоняли свой скот при приближении неприятеля, а земледельцы покидали свои фермы и поселялись вместе с побежденными воинами среди гор, где до тех пор земли оставались почти вовсе невозделанными. Некоторые из прежних жителей, без сомнения, оставались в своих домах, и то, что они не все были обращены в рабство, видно из слов *Waltons* (галльские или валлийские города, которых *Index Villaris* Адамса, стр. 370, насчитывает сорок семь), *Walshams* (*homes* тех же жителей), которые, вместе с названиями некоторых других мест, очевидно доказывают, что кельты жили там или владели ими во времена англосаксов. Завоеватели вступили во владение вакантными жилищами, переселили туда свои семейства, старались увеличить доходность приобретенных земель, размножились и мало-помалу заселили всю страну. - *Издат.*)

149) *Andredes-Ceaster*, или *Anderida*, находилась, по словам Кемдена (*Britannia*, ч. 1, стр. 258) в Невендене, на болотистой территории Кента, которая, быть может, была прежде покрыта морем, и на окраине большого леса (*Anderida*), покрывающего значительную часть Гампшира и Суссекса.

150) Докт. Джонсон утверждает, что лишь немногие английские слова имеют британское происхождение. Уайтекер, которому знаком язык бриттов, нашел более трех тысяч таких слов и составил им длинный список (ч. II. стр. 235-329). Действительно, нет ничего невозможного в том, что многие из этих слов были внесены в коренной язык бриттов из языков латинского или саксонского. (Во времена докт. Джонсона господствовала склонность к классицизму, в которой и сам он был воспитан, но он был очень поверхностно знаком с языками кельтов и готов. - *Издат.*)

151) В начале седьмого столетия франки и англосаксы понимали язык друг друга, так как язык и тех и других происходил от одного и того же тевтонского корня (Беда, кн. 1, гл. 25, стр. 60). (Гиббон придает важное значение такому факту, который теперь всем известен. После того как он писал свою "Историю", готский язык изучили лучше прежнего и стали более прежнего заниматься изучением этимологии. И Уайтекер, и Бекстер, и многие другие очень преувеличивали размеры того, что мы сохранили от наших британских предшественников. Тем не менее мы, бесспорно, обязаны им многими из находящихся у нас в употреблении слов, и в самом большем числе они находятся в нашей географии, в которой, по ошибочному утверждению Гиббона, их вовсе нет. Наш остров до сих пор носит название Великобритании. *Thames*, *Severn*, *Avons*, *Jares*, *Nars*, *Dees*, *Tees* и многие другие реки до сих пор носят, в видоизмененной форме, те же самые кельтические названия, которыми они обозначались вначале. Разделение нашего острова на графства было делом одного мудрого саксонского принца, от которого они, конечно, и получили свои названия, которые явно англосаксонские. Однако во многих из

них основное отличие взято из какого-нибудь кельтического корня, как, например, в названиях *Sumberland*, *Yorkshire*, *Lincolnshire*, *Kent*, *Berkshire* и в некоторых других. То же можно сказать о большей части наших древних городов. *Venta of the Belgae* сохранилось в названии *Winchester*, *Glevum* - в названии *Gloucester*, *Regulbium* в названии *Reculver*; а положение некоторых незначительных местечек у "слияния вод" обозначается какой-нибудь извращенной формой британского слова *Куммер*. Многие из наших озер и гор оставались во власти прежних жителей, и потому их названия не могут быть принимаемы в соображение. Вообще дух нашего языка существенно англосаксонский и свидетельствует о том, какой дух преобладает в нашем развитии. Самые слабые и ничтожные его части - те, которые заимствованы из латинского языка через посредство французского. - *Издат.*)

152) Вслед за первым поколением итальянских или шотландских миссионеров церковные должности замещались новообращенными саксами.

153) *Carte's History of England*, ч. 1, стр. 195. Он цитирует британских историков, но я сильно подозреваю, что единственным авторитетом служил для него Готфрид Монмутский (кн. 6, гл. 15). Авторитеты, на которые можно ссылаться при изложении истории этой эпохи, так неудовлетворительны и ненадежны, что мы можем верить только тому, что не противоречит другим известным фактам и не лишено правдоподобия. Нетрудно допустить, что саксонские переселенцы прибывали в большом числе в завоеванную страну с целью воспользоваться этим приобретением; но ни здравый смысл, ни достоверные факты не позволяют верить, что они оставили на своей родине "пустыню". Это опровергается тем фактом, что в следующие двести лет саксы были в состоянии противиться усилиям Карла Великого; а сохранившиеся до сих пор названия *Engeland* и *Ютландия* заставляют думать, что их сохранила та часть местного населения, которая осталась на родине. - *Издат.*)

154) *Bede, Hist. Ecclesiast.*, кн. 1, гл. 15, стр. 52. Этот факт правдоподобен и подтверждается надежными свидетельствами; однако германские племена так смешивались одни с другими, что в следующем периоде мы находим законы англов и германских варингов (*Линденброк, Кодекс*, стр. 478-486). (*Hoc est Thuringorum* - это объяснение находится в подлинной копии этого кодекса. Он был изложен письменно по приказанию Карла Великого (*Лейбниц, Introd. ad Script. Bruns.*) и найден в Фульдском аббатстве. Князь-аббат Вольфганг дозволил поместить его в 1557 году, в *Originum et Germanicarum Antiquitatum Libri*, которые издал *Basilius John Herold*. Гиббон был введен в заблуждение *Линденбромом*, который опустил или просмотрел это прибавление к заглавному титулу. Дальнейшие подробности об этом предмете можно найти в *Belgicum Romanum Бухерия* (кн. 13, гл. 1), в *Antiquitates Regni Thuringici Каспара Сагиттария* (кн. 1, гл. 4, стр. 95), в том же томе (стр. 336), в *Specimen Historiae Thuringorum novae Петра Албина* и у *Лейбница (Script. Bruns., ч. 1, стр. 83)*. Варинги и англы были два тюрингских племени; последние так назывались потому, что жили в *Engeland'e*, или на узкой полосе земли между реками *Unstrutt* и *Wippen* с одной стороны и горами *Гарца* - с другой. В той

местности сохранились эти оба названия, и было бы ошибкой смешивать этих энгелендеров, или англов, с теми англами, которые переселились в Британию и с которыми они не имели ничего общего. Ничего не зная о саксах, Тацит слышал об этих двух племенах, живших в соседстве одно с другим во внутренности страны, среди рек и лесов (Germ., 40); это, без сомнения, были те Pharodenoī и свевские Angelloi, о которых говорит Птолемей (II, 2); по его словам, последнее из этих племен жило внутри страны, там, где протекает средняя часть Эльбы. Незнакомый с этими данными, Адам Бременский (кн. 1) мог говорить о тюрингских *англах* только на основании предположения, что, когда племя, носившее это название, покинуло север, одна его часть переселилась в этом направлении, а другая в Британию. Докт. Latham (Germania of Tacitus, Epilog., стр. 107) открыл тот факт, что эти англбы были родом из Тюрингии, но он не понял его настоящего значения и не воспользовался им, чтобы исправить господствовавшие заблуждения. Сколько предположений и теорий, сколько заблуждений со стороны людей невежественных и сколько путаниц со стороны людей ученых были вызваны тем простым фактом, что издревле существовало отдельное племя *средиземных англов*! О них еще будет идти речь в главах LV и LVI. - *Издат.*)

155) См. полезную и ученую "Историю Великобритании" доктора Henry, ч. II, стр. 388.

156) Quicquid (говорит John of Tinemouth) inter Tynam et Tesam fluvios exitit soia eremi vastitudo tunc temporis fuit, et idcirco nullius ditioni servivit, eo quod sola indomitum et sylvestrium animalium spelunca et habitatio fuit (apud Carte, ч. I, стр. 195). От епископа Никольсона (English Historical Library, стр. 65, 98) я узнал, что в библиотеках Оксфордской, Ламбертской и других хранятся обширные коллекции Иоанна Тинемутского в очень хороших копиях. (Это случилось после опустошений, причиненных датчанами. См. Виллиама Мальмесбюриского, 1, гл. 3. Основанные в этой местности древние монастыри служат доказательством того, что она не была оставлена англосаксами в совершенном запустении. Там жил и писал Беда. - *Издат.*)

157) Касательно миссии Вильфрида и др. см. Hist. Eccles. Беды, кн. 4, гл. 13, 16, стр. 155, 156, 159.

158) По единогласному свидетельству Беды (кн. 2, гл. 1, стр. 78) и Виллиама Мальмесбюриского (кн. 3, стр. 102), англосаксы придерживались этого противоестественного обычая с самой глубокой древности и до позднейших времен. Их юношей публично продавали на римских рынках.

159) По законам, изданным Иною, их не позволялось продавать для отправки за моря.

160) Если Wallus или Cambricus homo, имевший в своем владении одну hybe земли, был убит, то его жизнь оценивалась в 120 шиллингов тем же законом (Ины, тит. 32, in Leg. Anglo-Saxon., стр. 20), который назначал 200 шил. за свободного сакса и 1200 шил. за знатного (Thane); см. Leg. Anglo-Saxon., стр. 71. При этом можно заметить, что эти законодатели - западные саксы и жители Мерции расширяли свои завоевания в Британии и после того, как перешли в христианство. Законы четырех кентских королей не снисходят до того, чтобы

упомануть о существовании каких-либо бриттов, принадлежавших к числу их подданных.

161) Carte, *Hist. of England*, ч. 1, стр. 178.

162) В конце своей истории (A. D. 731) Беда описывает положение христианской церкви и укоряет бриттов за их непримиримую, хотя и бессильную, ненависть к английской нации и к католической церкви (кн. 5, гл. 23, стр. 219).

163) Pennant, *Поездка в Валлис* (стр. 426-449); из этого сочинения я познакомился с одной интересной подробностью касательно валлийских бардов. В 1568 году, в Caerwys'e происходил съезд, по особому приказанию королевы Елизаветы, и пятидесяти пяти менестрелям были формально назначены их ранги по вокальной и инструментальной музыке. Семейство Mostyn присуждало награды (серебряные арфы).

164) *Regio longe lateque diffusa, milite, magis quam credibile sit, referta. Partibus equidem in illis miles unus quinquaginta generat, sortitus more barbaro denas aut amplius uxores.* Так выражается Guillaume de Poltiers (в *Historiens de France*, том XI, стр. 88); но бенедиктинские издатели находят неосновательным это обвинение.

165) Giraldus Cambrensis полагает, что этот дар смелого и находчивого красноречия был принадлежностью лишь римлян, франков и бриттов. Этот коварный валлиец старается внушить убеждение, что молчаливость англичан, вероятно, была последствием их рабского положения под владычеством норманнов.

166) Описание валлийских и армориканских нравов заимствовано от Гиральда (*Descript. Cambriae*, гл. 6-15, *Inter Script. Camden.*, стр. 886-891) и от писателей, которых цитирует аббат Верто (*Hist. Critique*, том II, стр. 259-266).

167) Прокопий, *de Bell. Gothic.*, кн. 4, гл. 20, стр. 620-625. Греческий историк сам до того сбив с толку чудесами, которые он рассказывает, что делает легкую попытку установить различие между островами Brittia и Britain, хотя сам отождествил их столькими нераздельными подробностями.

168) Внук Хлодвига и король Австразии Феодоберт был самым могущественным и самым воинственным из королей того времени; а это замечательное происшествие может быть отнесено к промежутку времени между 534 и 547 годами, так как это те годы, когда началось и когда кончилось его царствование. Его сестра Февдегильда удалилась в город Сенс, где занялась основанием монастырей и раздачей милостыни (см. примечания бенедиктинских издателей в томе II, стр. 216). Если верить похвалам Фортуната (кн. 6, *capit.* 5, в томе II, стр. 507), то следует полагать, что Радигер лишился самой лучшей из жен.

169) Может быть, она была сестра одного из тех принцев или вождей англов, которые высаживались в 527 и в следующих годах между Гумбером и Темзой и мало-помалу основали королевства Восточной Англии и Мерции. Английским писателям не известны ни ее имя, ни ее существование; но, быть может, от Прокопия заимствовал мистер Rowe характер и положение Родугуны в трагедии *Royal Convert*. (Во времена Прокопия в Британии не было таких англов, у которых могли бы оказаться такая принцесса, такой флот и такая армия. Эта бас-

ня подтверждает то, что говорилось ранее (стр. 191) о незнакомстве греческих писателей с западными народами. - *Издат.*)

170) В пространной истории Григория Турского мы не находим никаких признаков ни неприязненных, ни дружеских сношений между Францией и Англией, за исключением бракосочетания дочери короля Парижского Кариберта, *quam regis cujusdam in Cantia filius matrimonio copulavit* (кн. 9, гл. 26, в томе II, стр. 348). Епископ Турский окончил свою историю и свою жизнь почти перед тем, как совершилось обращение Кента в христианство.

171) Таковы иносказательные выражения Плутарха (*Opera*, т. II, стр. 318, изд. Wechel), которому, на основании свидетельства его сына Ламприаса (*Fabricius, Biblioth. Graec.*, том III, стр. 341), я могу смело приписать злобные слова: *Perites romaion tyches*. Такие же понятия господствовали у греков за двести пятьдесят лет до Плутарха, и Полибий откровенно высказывает намерение опровергнуть их (*Hist.*, кн. 1, стр. 90, изд. Gronov. Amstel. 1670).

172) См. неоценимые остатки шестой книги Полибия и некоторые другие места его "Всеобщей Истории", в особенности отступление в семнадцатой книге, в котором он делает сравнение между фалангой и легионом.

173) Саллюст., *de Bell. Jugurthin.*, гл. 4. Таковы были благородные чувства П. Сципиона и К. Максима. Латинский историк читал и, по всему вероятно, повторял слова Полибия, который был их современником и другом.

174) В то время как Карфаген был в пламени, Сципион повторял две строки из "Илиады" касательно разрушения Трои и сознавался своему другу и наставнику Полибию (*Полиб. in Excerpt. de Virtut. et. Vit.*, том II, стр. 1455-1465), что, помышляя о превратностях человеческой судьбы, он мысленно применял их к будущим бедствиям Рима (*Аппиан, in Libycis*, стр. 136, изд. Toll.)

175) См. Даниила II, 31-40. "А четвертое царство будет крепко, как железо, ибо как железо разбивает и раздробляет все, так и оно, подобно всесокрушающему железу, будет раздроблять и сокрушать". Остальная часть предсказания (о смешении железа с глиной) осуществилась, по словам св. Иеронима, в его время: *Sicut enim in principio nihil Romano Imperio fortius et durius, ita in fine rerum nihil imbecillius; quum et in bellis civilibus et adversus diversas nationes, aliarum gentium barbararum, auxilio indigemus* (*Opera*, том V, стр. 572).

176) Французские и английские издатели "Генеалогической Истории татар" присовокупили к своим изданиям интересное, хотя и неполное, описание их теперешнего положения. Независимость калмыков или элуфов может подлежать сомнению, так как они были недавно побеждены китайцами, завоевавшими в 1759 г. малую Бухарию и проникших внутрь Бадахтана почти до самых устьев Окса (*Memoires sur les Chinois*, том 1, стр. 325-400). Впрочем, эти завоевания не прочны, и я не решусь утверждать, что даже безопасность Китайской империи вполне обеспечена.

177) Прозорливый читатель сам взвесит, в какой мере это общее положение ослабляют: восстание исавров, независимость Британии и Арморики, мавританские племена и жившие в Галлии и Испании Багауды (ч. 1, стр. 357; ч. III, стр. 278, 343, 442).

178) (Эти слова очень оскорбили Людовика XVI и вызвали с его стороны гневные выражения неудовольствия (см. *Воспоминания о моей жизни* Гиббона, стр. 244). Они, очевидно, применимы к тогдашнему положению Европы, и сам Гиббон не мог этого отрицать. Вот что он говорит по этому поводу: "Я не буду ни отвергать намека, ни проверять сходства, но положение бывшего короля Франции устраняет всякое подозрение в лстивых заискиваниях, и я могу заявить, что заключительные замечания в моей третьей части (in 4-to) были написаны до его вступления на престол". Тем не менее автор, без всякого сомнения, предвидел, кем будет занят этот престол. - *Издат.*)

179) В Америке живут теперь около шести миллионов людей, которые или родились в Европе, или происходят от европейцев; а эта цифра постоянно увеличивается, по крайней мере на севере. Какие бы ни произошли перемены в их политическом положении, они все-таки сохраняют европейские нравы, и мы с удовольствием думаем о том, что употребление английского языка, вероятно, распространится по обширному и многолюдному континенту.

180) "Для осады Турина были привезены 140 пушек, и следует заметить, что каждая большая пушка вместе со своими принадлежностями обходится почти в 2300 экю; было привезено 110000 ядер, 106000 зарядов одного сорта и 300000 другого, 21000 бомб, 27700 гранат, 15000 земляных мешков; 30000 инструментов для пионеров и 1200200 фунтов пороху. Прибавьте к этим снарядам свинец, железо, жель, снасти и все, что нужно для минеров, - серу, селитру и орудия разного рода. Не подлежит сомнению, что расходы на эти приготовления к разрушительной работе были бы достаточны для основания многолюдной колонии и для приведения ее в цветущее состояние". (Вольтер, *Siecle de Louis XIV*, гл. 20, в Полном собрании его сочинений, том XI, стр. 391.)

181) Я взял бы на себя вовсе не трудную, хотя и скучную, задачу, если бы захотел цитировать то, что мы знаем по этому предмету от поэтов, философов и историков. Поэтому я ограничусь ссылкой на решительное и достоверное свидетельство Диодора Сицилийского (том I, кн. I, стр. II, 12; кн. 3, стр. 14 и сл., изд. Весселинга). Бродивших в его время вдоль берегов Черного моря иктиофагов, можно сравнить лишь с туземцами Новой Голландии (*Путешествия Дампиера*, ч. I, стр. 464-469). Однако воображение или даже рассудок может допустить такое крайнее и абсолютное природное состояние, которое еще ниже состояния этих дикарей, усвоивших некоторые искусства и умевших пользоваться некоторыми орудиями.

182) См. ученое и дельное сочинение президента Goguet, de l'Origine des Loix, des Arts et des Sciences. На основании фактов или догадок (ч. I, стр. 147-337, изд. in 12-mo) он описывает первые и самые трудные шаги, предшествовавшие человеческим изобретениям.

183) Достоверно хотя и странно, то, что многие народы не были знакомы с употреблением огня. Даже ловкие жители Отаити, не имевшие в своем распоряжении металлов, не придумали никаких земляных сосудов, способных выносить действие огня и сообщать теплоту налитой в них жидкости.

184) Плутарх, Quaest. Rom. в томе II, стр. 275. Макроб., Saturnal, кн. I, гл. 8, стр. 152, изд. Лондонск. Прибытие Сатурна (обычая воздавать ему религиозное поклонение) на корабле может быть принято за указание того, что дикие берега Лациума были впервые открыты и цивилизованы финикиянами.

185) В девятой и десятой книгах "Одиссеи" Гомер разукрасил рассказы трусливых и легковверных моряков, которые превратили италийских и сицилийских людоедов в страшных гигантов.

186) Заслуги изобретателей были слишком часто запятнаны корыстолюбием, жестокосердием и фанатизмом, а взаимные сношения между народами способствовали распространению физических болезней и предрассудков. Можно допустить замечательное исключение в пользу нашего времени и нашей страны. Пять далеких путешествий, которые были предприняты одно вслед за другим по приказанию ныне царствующего государя, не имели иного мотива, кроме чистой и благородной любви к науке и к человеческому роду. Тот же самый монарх, одинаково рассыпающий свои благодеяния на все слои общества, основал в своей столице школу живописи и познакомил островитян Южного океана с самыми полезными для человека растениями и животными.

ГЛАВА XXXIX

Восточные императоры Зенон и Анастасий. — Происхождение, воспитание и первые подвиги остгота Теодориха. — Он нападает на Италию и завоевывает ее. — Готское королевство в Италии. — Положение Запада. — Военное и гражданское управление. — Сенатор Боэций. — Последние дела и смерть Теодориха.

Пятидесятилетний промежуток времени между падением римского владычества на Западе и достопамятным царствованием Юстиниана лишь слегка отмечен негромкими именами и неполными летописями Зенона, Анастасия и Юстина, вступавших один за другим на константинопольский престол. В тот же период времени Италия ожила и расцвела под управлением готского короля, который был бы достоин того, чтобы ему поставили статую наряду с лучшими и самыми благородными из древних римлян.

Остгот Теодорих, происходивший в четырнадцатом колене от царственного рода Амалиев¹⁾, родился неподалеку от Вены²⁾, через два года после смерти Аттилы. Победа, одержанная незадолго перед тем остготами, восстановила их независимость, и три брата Валамир, Феодемир и Видимир, сообща управлявшие этим воинственным народом, жили отдельно друг от друга в плодородной, хотя и опустошенной, Паннонской провинции. Гунны все еще искали случая наказать этих возмущившихся подданных, но их опрометчивое нападение было отражено военными силами одного Валамира, а известие об этой победе было получено в отдаленном лагере Феодемира в ту счастливую для него минуту, когда его любимая наложница разрешилась от бремени сыном, который должен был наследовать своему отцу. Когда Теодориху было восемь лет, его отец неохотно расстался с ним ради общей пользы, отдав его в качестве заложника за соблюдение мирного договора, который был куплен восточным императором Львом ценой ежегодной субсидии в триста фунтов золота. Царственный заложник был воспитан в Константинополе с нежной заботливостью. Его тело было приучено ко всем военным упражнениям, а его ум развился от привычки проводить время в обществе образованных людей; он посещал

школы самых искусных преподавателей, но гнушался или пренебрегал греческими искусствами и до такой степени всегда оставался несведущим в начальных основах знания, что подпись безграмотного короля Италии обозначалась лишь грубыми условными знаками³⁾. Когда он достиг восемнадцатилетнего возраста, император возвратил его остготам в надежде, что этим актом великодушия и доверия приобретет их расположение. Валамир пал в сражении; младший из трех братьев, Видимир, направился во главе варварской армии в Италию и в Галлию, и весь народ признал своим королем Теодорихова отца. Его свирепые подданные восхищались физической силой и осанкой своего юного принца⁴⁾, который скоро доказал им, что он не утратил мужества своих предков. Он тайно вышел из лагеря во главе шести тысяч волонтеров и отправился искать приключений; спустившись по Дунаю до Сингидуна или Белграда, он скоро возвратился к отцу с добычей, собранной во владениях одного сарматского короля, которого он победил и убил. Впрочем, триумфы этого рода доставляли лишь славу, а непобедимые остготы были доведены до крайне стесненного положения тем, что нуждались и в одежде, и в пище. Они единодушно решились покинуть свои лагерные стоянки в Паннонии и смело проникнуть в теплые и богатые страны, окружавшие Византию, которая уже содержала в чести и в достатке несколько отрядов союзных готв. Когда неприязненные действия остготов убедили императора, что эти варвары могут быть опасными или по меньшей мере беспокойными врагами, он купил дорогой ценой их преданность; они приняли в подарок земли и деньги, и им была поручена защита Нижнего Дуная под начальством Теодориха, вступившего после смерти отца на наследственный престол Амалиев⁵⁾.

Герой, который вел свое происхождение от царского рода, должен был питать презрение к незнатному исавру, который был возведен на императорский престол, несмотря на то, что не имел никаких - ни умственных, ни физических - достоинств, не имел преимуществ царского происхождения и не отличался никакими выдающимися дарованиями. После пресечения Феодосиева рода выбор Пульхерии и сената мог быть в некоторой степени оправдан личными достоинствами Маркиана и Льва; но последний из этих императоров упрочил и опозорил свое царствование вероломным умерщвлени-

ем Аспара и его сыновей, которые слишком настойчиво требовали от него изъявлений признательности и покорности. Льву наследовал в звании восточного императора его малолетний внук, сын его дочери Ариадны, а муж Ариадны счастливый исавр Траскалиссей переменял свое варварское прозвище на греческое имя Зенон. После смерти своего тестя Льва он приближался к трону своего сына с притворным благоговением, смиренно принял за особую милость второй пост в империи и вскоре вслед за тем навлек на себя общие подозрения вследствие внезапной и преждевременной смерти его юного соправителя, жизнь которого уже не могла содействовать удовлетворению его честолюбия. В Константинопольском дворце господствовало влияние женщин и бушевали женские страсти; вдова Льва Верина, смотревшая на империю как на свою собственность, постановила приговор о низложении недостойного и неблагодарного слуги, который был обязан одной ей скипетром Востока⁶⁾. Лишь только до Зенона дошли слухи о восстании, он торопливо спасся бегством в горы Исаурии, а раболепный сенат единогласно провозгласил императором брата Верины Василиска, уже обесславившего себя африканской экспедицией⁷⁾. Но царствование узурпатора было и непродолжительно, и беспокойно. Василиск имел неосторожность умертвить любовника своей сестры и осмелился оскорбить любовника своей жены, тщеславного и наглого Гармация, который, живя среди азиатской роскоши, старался подражать Ахиллему в манере одеваться и себя держать и даже присвоил себе его имя⁸⁾. Вследствие составленного недовольными заговора Зенон был вызван из изгнания; измена отдала в его руки и армию, и столицу, и особу Василиска, и все семейство этого последнего было осуждено на продолжительные страдания от холода и голода по воле безжалостного победителя, у которого не было достаточно мужества ни для того, чтобы вступать в борьбу с врагами, ни для того, чтобы прощать их. Впрочем, высокомерная Верина по-прежнему не была способна подчиниться чужой власти и жить в покое. Своими происками она восстановила против императора одного из его любимых полководцев, и, лишь только этот полководец впал в немилость, она назначила нового императора над Сирией и Египтом, набрала семидесятитысячную армию и до конца своей жизни поддерживала бесплодное восстание, которое, по обыкновению

того времени, было предсказано христианскими пустынноиками и языческими колдунами. В то время как страсти Веринны волновали Восток, ее дочь Ариадна отличалась женскими добродетелями - кротостью и супружеской верностью; она сопровождала мужа в изгнание и, когда он снова вступил на престол, вымолила у него прощение для своей матери. После смерти Зенона, дочь, мать и вдова императора - Ариадна - отдала свою руку вместе с императорским титулом престарелому дворцовому служителю Анастасию, который пережил свое возвышение двадцатью семью с лишним годами и о характере которого свидетельствовали возгласы народа: "Царствуйте так же, как вы до сих пор жили!"⁹⁾

Зенон щедро награждал короля остготов всем, чего можно ожидать от страха или от милостивого расположения - и званиями патриция и консула, и главным начальством над Палатинскими войсками, и конной статуей, и несколькими тысячами фунтов золота и серебра, и названием сына, и обещанием богатой и знатной невесты. Пока Теодорих соглашался быть слугою, он с мужеством и с преданностью вступался за интересы своего благодетеля; его быстрое выступление в поход способствовало тому, что Зенон снова вступил на престол, а во время вторичного восстания так называемые *валамиры* преследовали и теснили азиатских мятежников так, что императорским войскам нетрудно было одержать решительную победу¹⁰⁾. Но этот верный слуга внезапно превратился в грозного врага, разливавшего пламя войны от Константинополя до Адриатического моря; много цветущих городов было обращено в груды пепла, а земледельческие занятия во Фракии почти совершенно прекратились от жестокосердия готов, отрезавших у взятых в плен крестьян правую руку, которая управляет плугом¹¹⁾. По этому поводу на Теодориха сыпались громкие и, по-видимому, основательные упреки в измене, неблагодарности и ненасытной алчности - упреки, в которых могли служить оправданием лишь трудности его положения. Он царствовал не как монарх, а как уполномоченный свирепого народа, который не утратил в рабстве своего мужества и который был раздражен действительными или мнимыми оскорблениями. Бедность готов была неизлечима, потому что они скоро истрачивали на пустую роскошь самые щедрые подарки и оставляли невозделанными самые плодородные земли; они презирали трудо-

любивых провинциальных жителей и в то же время завидовали им, а когда у остгота не было, чем кормиться, он по старому обыкновению прибегал к войне и к грабежу. Теодорих желал (по крайней мере он сам это заявил) жить в спокойствии, неизвестности и покорности на границах Скифии до тех пор, пока византийский двор не склонил его, при помощи блестящих и обманчивых обещаний, напасть на одно союзное племя готов, принявшее сторону Василиска. Он выступил в поход из своего лагеря в Мизии, полагаясь на формальное уверение, что, прежде чем он достигнет Адрианополя, ему доставят большой обоз со съестными припасами и подкрепления из восьми тысяч всадников и тридцати тысяч пехотинцев, а стоявшие лагерем в Гераклее азиатские легионы будут содействовать его военным операциям. Взаимное недоверие помешало исполнению этого плана. Продвигаясь внутрь Фракии, сын Феодемира находил негостеприимную пустыню, а следовавшие за ним готы, стесненные в своих движениях множеством лошадей, мулов и повозок, заблудились среди утесов и пропастей горы Сондис, куда их завели вероломные проводники; там им пришлось выдерживать нападения и выслушивать оскорбительные упреки Триариева сына Теодориха. Этот лукавый соперник короля остготов обратился с высоты соседнего холма к валамирам с речью, в которой клеймил их вождя оскорбительными названиями мальчишки, безумца, клятвопреступного изменника и врага своего рода и соего племени. "Разве вам неизвестно, - восклицал сын Триария, - что политика римлян всегда стремилась к тому, чтобы истреблять готов одних другими? Разве вы не понимаете, что на того из нас, который выйдет победителем из этой противоестественной борьбы, обрушится, и поделом обрушится, их непримиримая ненависть? Где те воины, мои и твои одноплеменники, вдовы которых оплакивают утрату своих мужей, павших жертвами твоего безрассудного честолюбия? Где те сокровища, которыми обладали твои солдаты в то время, как, увлекшись твоими обещаниями, они впервые покинули свои жилища, чтобы стать под твое знамя? У каждого из них было в ту пору по три или по четыре коня; теперь они следуют за тобой по фракийским пустыням пешком, точно рабы; а ведь те храбрецы, которых ты соблазнил надеждой, что они будут отмеривать золото четвериками, такие же вольные и благородные люди, как и ты сам".

Слова, так хорошо приспособленные к характеру готов, звывали громкие выражения неудовольствия, и сын Феодемира, из опасения быть всеми покинутым, нашелся вынужденным перейти на сторону своих собратьев и последовать примеру римского вероломства¹²⁾.

Несмотря ни на какие превратности фортуны, Теодорих всегда был одинаково благоразумен и мужествен - и тогда, когда он угрожал Константинополю во главе союзных готов, и тогда, когда он с небольшим отрядом своих приверженцев отступил к горам и к берегам Эпира. Равновесие между готскими вождями, которое так тщательно поддерживали римляне, было, наконец, уничтожено случайной смертью Триария¹³⁾; тогда весь готский народ признал верховную власть Амалиев, а византийский двор подписал постыдный и невыгодный мирный договор¹⁴⁾. Сенат уже заявил о необходимости избрать между готами какую-нибудь партию, так как содержать их всех государство было не в состоянии; за самую незначительную из своих армий они требовали субсидии в две тысячи фунтов золота и жалованья на тринадцать тысяч человек¹⁵⁾, а исавры, охранявшие не империю, а императора, пользовались, кроме привилегии грабежа, ежегодной пенсией в пять тысяч фунтов. Прозорливый Теодорих скоро заметил, что римляне ненавидят его, а варвары не доверяют ему; до его слуха дошел общий ропот на то, что его подданные выносят в своих холодных лачугах тяжелые лишения, тогда как их король утопает в заимствованной от греков роскоши, и он решился устранить от себя трудный выбор между двумя крайностями - между необходимостью сражаться со своими соотечественниками в качестве защитника интересов Зенона и необходимостью выступить во главе готов врагом императора. Теодорих задумал такое предприятие, которое было достойно и его мужества, и его честолубия, и обратился к императору со следующими словами: "Хотя ваш слуга живет в достатке благодаря вашей щедрости, я прошу вас благосклонно выслушать мое душевное желание! Наследственное достояние ваших предместников - Италия - и даже глава и повелитель мира - Рим - томятся в настоящую минуту под жестоким и тираническим управлением наемника Одоакра. Прикажите мне выступить против тирана во главе моих национальных войск. Если я погибну, вы избавитесь от дорого вам стоящего и беспокойного союзника; если же, с по-

мощью Божией, я буду иметь успех, я буду от вашего имени и для вашей славы руководить решениями римского сената и управлять той частью республики, которая будет избавлена от рабства моими победоносными армиями". Предложение Теодориха было принято и, быть может, даже внушено византийским двором. Но формула этого поручения или разрешения была, как кажется, составлена с такой предусмотрительной двусмысленностью, которую можно было истолковывать сообразно с исходом предприятия, так что оставалось нерешенным, в качестве ли наместника, вассала или союзника восточного императора будет царствовать завоеватель Италии¹⁶⁾.

И репутация вождя, и заманчивость предприятия воспламенили умы варваров; к валамирам стали толпами присоединяться готы, как те, которые уже состояли на императорской службе, так и те, которые поселились в провинциях империи, и каждый отважный варвар, знавший по слухам, как богата и красива Италия, готов был идти на самые опасные предприятия, лишь бы достигнуть обладания такой волшебной страной. На поход Теодориха следует смотреть как на переселение целого народа; вслед за готами ехали их жены, дети, престарелые родители и самые ценные пожитки, а о том, как велик был следовавший за их армией обоз, можно составить себе некоторое понятие из того факта, что во время войны в Эпире они потеряли только в одном сражении две тысячи повозок. Для своего пропитания готы рассчитывали на запасы зернового хлеба, который обращался их женами в муку при помощи ручных мельниц, на молоко и мясо от своих стад крупного и мелкого скота, на случайные продукты охоты и на контрибуции, которые они надеялись собрать с тех, кто попытался бы воспрепятствовать их наступательному движению или отказал бы им в дружеском содействии. Несмотря на эти предосторожности, они едва избегли мучительного голода во время перехода в семьсот миль, предпринятого среди суровой зимы. Со времени упадка римского могущества Дакия и Паннония уже не представляли роскошного зрелища многолюдных городов, хорошо возделанных полей и удобных больших дорог; там снова водворились варварство и разорение, а занявшие вакантную провинцию племена болгар, гепидов и сарматов препятствовали движениям неприятеля и вследствие своей природной свирепости, и

вследствие настоятельных просьб Одоакра. Теодориху пришлось одерживать много негромких, хотя и кровопролитных, побед, прежде чем он превозмог своим искусством и непоколебимым мужеством все препятствия и, спустившись с Юлийских Альп, развернул свои победоносные знамена на границах Италии¹⁷⁾.

Одоакр был не такой соперник, которым можно бы было пренебрегать; он уже занял во главе сильной армии выгодную и хорошо известную позицию на реке Изонцо подле развалин Аквилеи; но служившие в этой армии независимые *королли*¹⁸⁾ или вожди пренебрегали обязанностями субординации и благоразумными требованиями осмотрительности. Дав своей измученной кавалерии непродолжительный отдых, Теодорих смело напал на неприятельские укрепления; остготы сражались за обладание Италией с большим пылом, чем защищавшие ее наемники, и наградой за первую победу было приобретение Венецианской провинции до самых стен Вероны. Неподалеку от этого города, на крутых берегах быстрого Адижа, Теодориха остановила новая армия, усиленная прибывшими к ней подкреплениями и не упавшая духом от первого поражения; борьба была более упорна, но ее исход был еще более решителен; Одоакр бежал в Равенну, Теодорих подступил к Милану, а разбитые войска приветствовали своего победителя громкими выражениями уважения и преданности. Но их непостоянство или вероломство скоро поставило Теодориха в крайне опасное положение; его авангард, при котором состояло несколько готских графов, неосторожно положился на одного дезертира, был заведен в засаду и истреблен близ Фаэнцы вследствие этой двойной измены проводника; Одоакр снова взял верх, а сильно укрепившийся в своем лагере близ Павии Теодорих нашелся вынужденным просить помощи у своих единоплеменников - живших в Галлии вестготов. Всех этих подробностей, полагаю, достаточно, чтобы удовлетворить самых страстных любителей войны, и я не очень сожалею о том, что неясность и неполнота сведений не дают мне возможности более подробно описать бедственное положение Италии и ход упорной борьбы, которая была доведена до окончательной развязки дарованиями, опытностью и мужеством короля готов. Перед самым началом битвы под Вероной Теодорих вошел в палатку своей матери¹⁹⁾ и сестры и потребовал, чтобы в этот день, который он считал са-

мым праздничным днем своей жизни, - они надели на него те богатые украшения, которые были приготовлены их собственными руками. "Наша слава, - сказал он, - обоюдна и нераздельна. Вас все знают за мать Теодориха, а я должен сам доказать, что я достойный потомок тех героев, от которых веду мое происхождение". Жена или наложница Феодемира напоминала своим мужеством тех германских матерей, которые ценили честь своих сыновей гораздо дороже их жизни; рассказывают, что в одном неудачном сражении обратившись в бегство готы увлекли вместе с собой самого Теодориха, но что его мать встретила беглецов у входа в лагерь и своими благородными упреками заставила их снова устремиться на неприятеля²⁰⁾.

От Альп до самых отдаленных оконечностей Калабрии Теодорих стал царствовать по праву завоевания; вандалские послы передали ему остров Сицилию, как законно принадлежащую ему часть его королевства, а сенат и народ заперли ворота Рима перед спасавшимся бегством узурпатором и приветствовали в Теодорихе избавителя Рима²¹⁾. Одна Равенна благодаря своим естественным и искусственным укреплениям выдерживала осаду, продолжавшуюся около трех лет, а своими смелыми вылазками Одоакр нередко вносил в лагерь готов смерть и смятение. Но в конце концов недостаток съестных припасов и невозможность рассчитывать на какую-либо помощь заставили этого несчастного монарха преклониться перед ропотом его подданных и мятежными криками его солдат. Через посредство Равеннского епископа был заключен мирный договор. Остготы вступили в город, а враждовавшие между собой короли под присягой условились управлять италийскими провинциями с равной и нераздельной властью. Нетрудно было предвидеть, к чему приведет такое соглашение. По прошествии нескольких дней, проведенных в притворных выражениях радости и дружбы, Одоакр был убит на торжественном банкете рукой или по меньшей мере по приказанию своего соперника. Заранее были разосланы тайные приказания, которые были с точностью исполнены; вероломные и жадные наемники были повсюду преданы смерти в один и тот же момент и без всякого с их стороны сопротивления, а Теодорих был провозглашен готами королем с запоздалого, вынужденного и двусмысленного согласия восточного императора. Низвергнутого тирана, по

обыкновенно, обвиняли в составлении заговора; но о его невинности и о виновности победителя²²⁾ ясно свидетельствует выгодный мирный договор, на который не согласился бы без тайного намерения его нарушить тот, на чьей стороне была сила, и которого не стал бы нарушать тот, кто был бессилен. Нежелание делиться своей властью и зло, причиняемое внутренними раздорами, могли бы в этом случае служить более приличным оправданием и смягчить суровый приговор над таким преступлением, которое было необходимо для того, чтобы доставить Италии то благосостояние, которым она наслаждалась при следующем поколении. Виновника этого благосостояния превозносили при его жизни и в его собственном присутствии как церковные, так и светские ораторы²³⁾; но история (в его время она безмолвствовала) не оставила нам беспристрастного описания ни тех событий, в которых обнаружились доблести Теодориха, ни тех недостатков, которыми омрачались эти доблести²⁴⁾. До нас дошел только один письменный памятник его славы - сборник публичных посланий, написанных от имени короля Кассиодором; но эти послания не заслуживают того слепого доверия, каким до сих пор пользовались²⁵⁾. В них описаны не столько существенные особенности, сколько внешние формы Теодорихова управления, и мы тщетно старались бы познакомиться с непритворными убеждениями варвара из декламации и ученой болтовни софиста, из выраженных римскими сенаторами пожеланий, из черновых копий с официальных бумаг и из тех неопределенных заявлений, которые при каждом дворе и при всяком случае исходят из уст осмотрительных министров. Для славы Теодориха служат более надежной опорой спокойствие и благоденствие тридцатитрехлетнего царствования, единодушное уважение современников и глубоко запечатлевшееся в умах готов и италийцев воспоминание о его мудрости и мужестве, о его справедливости и человеколюбии.

Раздел италийских земель, из которых Теодорих раздал третью часть своим солдатам, ставится ему в *лестный* для него упрек, как единственная несправедливость, какую он совершил в течение всей своей жизни. Но и для этой меры могли служить оправданием примеры Одоакра, права завоевателя, правильно понимаемые интересы италийцев и священная обязанность доставить средства существования цело-

му народу, который переселился в отдаленную страну, положившись на данные ему обещания²⁶⁾. Под управлением Теодориха и под прекрасным небом Италии число готов скоро разросло до двухсот тысяч человек²⁷⁾, а всю цифру готского населения нетрудно определить, присовокупив соразмерное число женщин и детей. Этому захвату земель, часть которых, вероятно, и без того не была никем занята, было дано благовидное, но неподходящее название *гостеприимства*; эти непрошенные гости рассеялись по Италии, а земельный участок каждого варвара соответствовал своими размерами его знатности или официальной должности, числу его последователей и количеству его рабов и домашнего скота. Различие между людьми благородного происхождения и плебеями было признано законным²⁸⁾; но земля каждого вольного человека была освобождена от налогов, и он пользовался той неоценимой привилегией, что подчинялся лишь законам своей страны²⁹⁾. Ради моды и даже ради собственного удобства, завоеватели скоро усвоили более изящную одежду туземцев; но они все еще держались своего родного языка, а их презрение к латинским школам поддерживалось самим Теодорихом, который удовлетворял их предрассудки или свои собственные, когда утверждал, что ребенок, дрожавший при виде розги, никогда не будет в состоянии без страха смотреть на меч³⁰⁾.

Нищета иногда заставляла римских уроженцев усваивать свирепые нравы, от которых мало-помалу отвыкали богатевшие и приучавшиеся к роскоши варвары³¹⁾; но эти обоюдные заимствования не находили поощрения в политике монарха, старавшегося поддерживать разобщение между италийцами и готами тем, что первым из них предоставлял мирные занятия, а на вторых возлагал обязанности военной службы. С этой целью он поощрял трудолюбие своих подданных и сдерживал запальчивость, но старался не ослаблять воинственного духа солдат, которым была поручена охрана общественной безопасности. Эти последние пользовались своими землями и бенефициями как платой за службу; при первом звуке военных труб они были готовы выступить в поход под предводительством своих местных начальников, и вся Италия была разделена на несколько кварталов правильно организованного военного лагеря. Службу во дворце и на границах войска несли по выбору или по очереди и за всякий уси-

ленный труд награждались увеличением жалованья и единовременными подарками. Теодорих объяснил своим храбрым ратным товарищам, что владычество сохраняется теми же средствами, какими приобретается. По его примеру они упражнялись в искусстве владеть не только копьем и мечом, которые были орудиями их побед, но также метательными снарядами, к которым сначала относились с большим пренебрежением, а ежедневные упражнения и ежегодные смотры готской кавалерии представляли живое подобие настоящей войны. Твердая, хотя и не очень строгая, дисциплина приучала к скромности, повиновению и воздержанности, и готы научились щадить народ, уважать законы, понимать обязанности членов гражданского общества и отвыкать от варварской привычки к судебным поединкам и личной мести³²⁾.

Между западными варварами торжество Теодориха возбудило общее смятение. Но лишь только они убедились, что он довольствуется своими завоеваниями и желает мира, их страх уступил место уважению, и они стали прибегать к его могущественному посредничеству, которое постоянно имело целью прекращение их внутренних раздоров и смягчение их нравов³³⁾. Послы, приезжавшие в Равенну из самых отдаленных стран Европы, восхищались его мудростью, роскошью³⁴⁾ и любезностью, и, если он иногда принимал от них в дар рабов или оружие, белых коней или редких животных, он давал взамен или солнечные часы, или водяные часы, или музыкантов, а по этим подаркам галльские монархи могли составить себе некоторое понятие об искусстве и трудолюбии его итальянских подданных. Его жена, две дочери, сестра и племянница соединяли его узами родства³⁵⁾ с королями франков, бургундов, вестготов, вандалов и тюрингов и способствовали поддержанию в великой западной республике если не гармонии, то равновесия³⁶⁾. Трудно проследить по мрачным лесам Германии и Польши переселения герулов - свирепого народа, пренебрегавшего употреблением лат и не позволявшего вдовам переживать мужей, а престарелым родителям - упадок физических сил³⁷⁾. Король этих диких воинов искал дружбы Теодориха и был возведен в звание его сына с соблюдением варварских обрядов военного усыновления³⁸⁾. Эсты и ливонцы приходили с берегов Балтийского моря, чтобы положить добываемый на их родине янтарь³⁹⁾ к

стопам монарха, слава которого побудила их предпринять через неведомые для них страны опасное путешествие в тысячу пятьсот миль. С той страной⁴⁰⁾, откуда готское племя вело свое происхождение, Теодорих поддерживал частые и дружеские сношения; жители Италии носили богатые собольи меха⁴¹⁾, которые привозились из Швеции, а один из царствовавших в этой стране королей, после своего добровольного или вынужденного отречения от престола, нашел гостеприимное убежище в Равеннском дворце. Он стоял во главе одного из тринадцати многолюдных племен, возделывавших ту небольшую часть великого скандинавского острова или полуострова, которой иногда давали неопределенное название Фулы (Туле). (В 40-м примечании английский издатель отозвался с большим, но неоправданным скепсисом о сообщениях древних авторов о плавании Пифея в IV в. до н. э. к о. Туле (Stra. V. 5.5; Plin. Hist. nat. IV. 104). Современная наука относится с большим доверием к этим данным, хотя мнения ученых расходятся в локализации Туле: Исландия, Шетландские острова и Средняя Норвегия (см., например: Хенниг Р. Неведомые земли. Пер. с нем. М., 1961, т. 1, с. 185-190). Открытия Пифея отодвинули границу ойкумены более чем на 1500 км на север.) Эта северная страна была населена или по меньшей мере исследована до шестьдесят восьмого градуса северной широты, где для жителей полярного круга солнце непрерывно светит во время летнего солнцестояния в продолжение сорока дней, а во время зимнего солнцестояния ни разу не показывается в течение такого же числа дней⁴²⁾. Продолжительный мрак, который причиняло его отсутствие, был печальной эпохой скорби и тревог, продолжавшейся до той минуты, когда взобравшиеся на горную вершину посланцы возвещали жителям равнины о появлении первых лучей света и о радостном наступлении дня⁴³⁾.

Жизнь Теодориха представляет редкий и достохвальный пример варвара, вложившего свой меч в ножны среди блеска побед и в полном цвете своих физических сил. Его тридцатитрехлетнее царствование было посвящено на дела гражданского управления, а войны, в которые он иногда по неволе вовлекался, оканчивались скоро или усилиями его полководцев, или дисциплиной его войск, или содействием его союзников, или страхом, который внушало его имя. Он подчинил строгой и правильной системе управления не доставляв-

шие никаких выгод страны - Рецию, Норик, Далмацию и Паннонию, от устьев Дуная и территории баварцев⁴⁴⁾ до маленького королевства, основанного гепидами на развалинах Сирмия. Его благоразумие не позволяло ему оставлять оплот Италии в руках таких слабых и буйных соседей, а его справедливость могла заявлять притязания на находившиеся под их гнетом земли или как на составную часть своего королевства, или как на отцовское наследие. Величие подданного, которого называли изменником потому, что его предприятие увенчалось успехом, возбудило зависть в императоре Анастасии, и на границе Дакии вспыхнула война вследствие того, что король готов оказал свое покровительство (таковы превратности человеческих судеб) одному из потомков Аттилы. Генерал Сабиниан, славившийся и своими личными заслугами, и заслугами своего отца, выступил в поход во главе десяти тысяч римлян, а съестные припасы и оружие, наполнявшие длинный ряд повозок, роздал самым диким между болгарскими племенами. Но на полях близ Марга восточная армия была разбита более малочисленной армией готов и гуннов; цвет и даже будущие надежды римских армий были безвозвратно уничтожены, а Теодорих приучил своих солдат к такой сдержанности, что богатая добыча, отбитая у неприятеля, лежала нетронутой у их ног до тех пор, пока их вождь не подал сигнала к грабежу⁴⁵⁾. Раздраженный этой неудачей византийский двор отправил двести кораблей и восемь тысяч человек для опустошения берегов Калабрии и Апулии; эта армия осадила древний город Тарент, прекратила торговлю и земледелие в наслаждавшейся благоденствием стране и отплыла обратно к Геллеспону, гордясь своей хищнической победой над жителями, которых она все еще считала своими *римскими* братьями⁴⁶⁾. Это отступление, вероятно, было ускорено военными приготовлениями Теодориха; он окружил берега Италии флотом из тысячи легких судов⁴⁷⁾, построенных с невероятной быстротой, и за свое мужество был скоро награжден прочным и почетным миром. Он поддерживал своей мощной рукой равновесие на Западе, пока оно не было нарушено честолюбием Хлодвига, и, хотя он не был в состоянии оказать помощь своему опрометчивому и несчастному родственнику, королю вестготов, он спас остатки его семейства и его народа и остановил франков в их победоносном наступлении. Я не намерен ни входить в новые подробности об

этих военных событиях, ни повторять старые⁴⁸⁾, так как это всего менее интересные события Теодорихова царствования; я ограничусь упоминанием о том, что алеманны прибегали к его покровительству⁴⁹⁾, что он строго наказал бургундов⁵⁰⁾, осмелившихся вторгнуться в его владения, и что взятие Арля и Марселя открыло ему свободное сообщение с вестготами, которые уважали в его лице и своего национального покровителя, и опекуна над его внуком, малолетним сыном Алариха. Под этим почтенным титулом король Италии восстановил в Галлии преторианскую префектуру, уничтожил в Испании некоторые злоупотребления гражданских властей и принял ежегодную дань и выражения придворной покорности от местного военного губернатора, благоразумно отказавшегося прибыть в Равеннский дворец, где его жизнь не была бы в безопасности⁵¹⁾. Владычество готов утвердилось от Сицилии до Дуная, от Сирмия или Белграда до Атлантического океана, и сами греки признавали, что Теодорих царствовал над лучшей частью Западной империи⁵²⁾.

Дружные усилия готов и римлян могли бы надолго упрочить благоденствие, которым наслаждалась в ту пору Италия, а отличительные достоинства тех и других могли бы, при взаимном соревновании, мало-помалу создать из свободных граждан и просвещенных воинов новый народ, который был бы первой из всех наций. Но высокая заслуга исполнения или подготовки такого переворота не была уделом Теодорихова царствования; ему недоставало или дарований законодателя, или благоприятных условий для законодательной деятельности⁵³⁾, и, между тем как он позволял готам наслаждаться их грубой свободой, он рабски подражал учреждениям и даже злоупотреблениям политической системы, введенной Константином и его преемниками. Из деликатного уважения к старым и уже почти совершенно заглухшим римским предрассудкам он, в качестве монарха варварского происхождения, отказался от титула, багряницы и диадемы императоров, но присвоил себе, вместе с наследственным титулом короля, prerogативы императоров во всей их сущности и полноте⁵⁴⁾. Его послания к восточному императору были почтительны и двусмысленны; он напыщенным слогом восхвалял гармонию между двумя республиками, превозносил свою собственную систему управления, которая, по своему сходству с системой, введенной на Востоке, упрочивала

единство и нераздельность империи, и требовал для себя такого же первенства над всеми царствовавшими на земле королями, какое он скромно признавал за личностью или рангом Анастасия. О единстве Востока с Западом ежегодно свидетельствовали их правители тем, что избирали с общего согласия двух консулов; но назначавшийся по выбору Теодориха итальянский кандидат, как кажется, утверждался в своем звании Константинопольским монархом⁵⁵). Равеннский дворец, в котором жил король готы, был верным отражением того, как был организован двор Феодосия или Валентиниана. Преторианский префект, римский префект, квестор, государственный министр (*Magister Officiorum*), государственный казначей и личный государев казначей, обязанности которого ритор Кассиодор описал такими блестящими красками, - все эти должностные лица по-прежнему пользовались властью министров. Считавшиеся менее важными заботы об отправлении правосудия и о финансовом управлении лежали на семи консулярах, трех корректорах и пяти президентах, которые в управлении пятнадцатью итальянскими округами придерживались принципов и даже форм римской юриспруденции⁵⁶). Медленность судебной процедуры сдерживала запальчивость завоевателя или делала ее безвредной; обязанности гражданского управления, вместе со своими почетными отличиями и денежными окладами, возлагались исключительно на итальянских уроженцев, а местное население сохраняло свою национальную одежду и язык, свои законы и нравы, свою личную свободу и две трети своей земельной собственности. Август старался сделать незаметным введение монархической формы правления, а политика Теодориха склонялась к тому, чтобы заставить забыть, что престол был занят варваром⁵⁷). Если его подданные иногда пробуждались из своего сладкого заблуждения, будто живут под римским управлением, то они еще более ценили достоинства готского монарха, который имел достаточно прозорливости, чтобы понимать, в чем заключаются и его собственные интересы, и интересы его подданных, и достаточно твердости, чтобы их отстаивать. Теодорих ценил в других добродетели, которыми сам был одарен, и дарования, которых сам не имел. Либерий был возведен в звание преторианского префекта за свою непоколебимую преданность несчастному Одоакру. Теодориховы министры Кассиодор⁵⁸) и Боэций оза-

рили его царствование блеском своего гения и учености. Касиодор, будучи более благоразумен или более счастлив, чем его сотоварщ, умел сохранить милостивое расположение короля, не изменяя своим собственным убеждениям, и после тридцати лет, проведенных в наслаждении мирскими почестями, спокойно провел столько же лет в Сциллацее, занимаясь в своем уединении делами благочестия и учеными трудами.

В качестве протектора республики, король готов должен был, и из личных интересов, и по чувству долга, стараться расположить к себе и сенат⁵⁹⁾, и народ. Римскую знать он пленял теми же звучными эпитетами и почтительными выражениями, которые когда-то более уместно расточались ее достойным и влиятельным предкам. Народ наслаждался, без всякого страха или опасения, тремя благами, которые обыкновенно выпадают на долю столичного населения, - порядком, достатком и общественными удовольствиями. Что число этого населения уменьшилось, было ясно видно из размера королевских щедрот⁶⁰⁾; тем не менее Апулия, Калабрия и Сицилия наполняли римские житницы продуктами своих жатв; бедным гражданам раздавали в установленном количестве хлеб и мясо, и всякая должность, учрежденная для попечения об их здоровье и благосостоянии, считалась почетной. Публичные зрелища, достаточно блестящие для того, чтобы один греческий посол мог из вежливости отозваться о них с похвалой, представляли бледную и слабую копию с тех великолепных зрелищ, которые устраивались Цезарями; впрочем, искусства музыкальное, гимнастическое и пантомимное еще не были преданы полному забвению; африканские дикие звери еще доставляли бойцам случай выказывать в амфитеатре их мужество и ловкость, а снисходительный гот или терпеливо выносил, или мягко сдерживал вражду между политическими партиями *синих* и *зеленых*, которые так часто предавались в цирке бесчинствам, доходившим до пролития крови⁶¹⁾. На седьмом году своего мирного царствования Теодорих посетил древнюю столицу мира; сенат и народ вышли в торжественной процессии навстречу монарху, в лице которого они приветствовали второго Траяна и нового Валентиниана, а он, со своей стороны, благородно оправдал такое сравнение, не побоявшись произнести публичную речь, в которой обещал справедливое и основан-

ное на законах управление⁶²⁾ и содержание которой он приказал вырезать на бронзовой доске. Во время этой внушительной церемонии Рим осветился последними лучами своей угасавшей славы, а благочестивая фантазия святого, который был очевидцем этой великолепной сцены, могла успокоиться лишь на той мысли, что это великолепие будет превзойдено небесной пышностью Нового Иерусалима⁶³⁾. Во время своего шестимесячного пребывания в Риме король готов приводил римлян в восторг блеском своей славы, своими личными достоинствами и обходительностью и осматривал уцелевшие памятники их прежнего величия с удивлением, которое было так же велико, как и его любопытство. Он ступил ногой завоевателя на вершину Капитолийского холма и откровенно сознался, что каждый день смотрит с новым удивлением на форум Траяна и на его величественную колонну. Театр Помпея даже в своем разрушении казался ему громадной горой, раскопанной, отделанной и украшенной человеческим трудолюбием, а глядя на колоссальный амфитеатр Тита⁶⁴⁾, он рассчитывал, что нужно было исчерпать целую реку золота, чтобы воздвигнуть такое здание. Четырнадцать водопроводов в изобилии снабжали все части города чистой водой; в том числе Клавдиев водопровод, начинавшийся в Сабинских горах на расстоянии тридцати восьми миль от города, достигал вершины Авентинского холма по легкой покатости под сводом из прочно построенных арок. Длинные и просторные своды, которые были выстроены вместо водосточных труб, существовали, по прошествии двенадцати столетий, в своей первоначальной прочности, и подземные каналы Рима многими предпочитались всем его бросающимся в глаза чудесам⁶⁵⁾. Готские короли, которых так неосновательно обвиняли в разрушении древних сооружений, заботились о сохранении памятников покоренного ими народа⁶⁶⁾. Они издавали эдикты с целью воспрепятствовать злоупотреблениям, небрежности и хищничеству со стороны самих граждан, возложили постоянную заботу о поддержании городских стен и публичных зданий на особого архитектора и назначали ежегодно на этот предмет сумму в двести фунтов золота, двадцать пять тысяч кирпичей и доход с таможни Лукринского порта. С такой же заботливостью относились они к металлическим и мраморным изображениям людей и животных. Варвары восхищались пылом тех коней, которые

дали Квириналу его теперешнее название⁶⁷); они с большим тщанием реставрировали бронзовых слонов на *Via sacra*⁶⁸); знаменитая телка работы скульптора Мирона по-прежнему вводила в заблуждение коров, проходивших по площади *Мира*⁶⁹), и на особого чиновника была возложена обязанность охранять произведения искусства, составлявшие, по мнению Теодориха, самое благородное украшение его владений.

По примеру последних императоров Теодорих отдавал предпочтение равеннской резиденции, где собственными руками возделывал фруктовый сад⁷⁰). Всякий раз, как варвары грозили нарушить спокойствие его владений (в которые ни разу не вторгнулся ни один враг), он переезжал со своим двором на северную границу в Верону⁷¹), а сохранившееся на одной медали изображение его дворца представляет самый старинный и самый подлинный образчик готической архитектуры. Эти две столицы, равно как Павия, Сполето, Неаполь и другие итальянские города, были украшены в его царствование великолепными церквями, водопроводами, банями, портиками и дворцами⁷²). Но о благосостоянии его подданных более ясно свидетельствовали оживленные картины труда и роскоши, быстрое увеличение народного богатства и ничем не стесняемое наслаждение им: с наступлением зимы сенаторы покидали тенистые сады Тибура и Пренеста и отправлялись в Байи, пользоваться тамошним теплым климатом и целебными источниками, а из своих вилл, построенных на прочных молах и выдвигавшихся внутрь Неапольского залива, они могли наслаждаться разнообразным зрелищем небес, земель и вод. На восточном берегу Адриатики, в красивой и плодородной Истрии, возникла новая Кампания, которую отделял от равеннского двора удобный морской переезд в сто миль. Богатые произведения Лукании и соседних провинций выменивались у Марцилианского источника во время ежегодной ярмарки, на которую съезжались многочисленные посетители для заключения торговых сделок и для удовлетворения своих влечений к разгулу и к суевериям. В уединении гор. Кома, которое когда-то было оживлено симпатичным гением Плиния, прозрачный бассейн длиною в шестьдесят с лишним миль отражал в своих водах деревенские домики, разбросанные по берегам озера Лария, а склоны возвышавшихся в виде амфитеатра холмов были покрыты виноградниками, оливковыми и каштановыми деревьями⁷³).

Земледелие ожило под сенью мира, а число землепашцев возросло вследствие выкупа пленников⁷⁴). Железные руды Далмации и золотая руда Бруттия тщательно разрабатывались, а Понтинские и Сполетские болота были высушены и возделаны частной предприимчивостью, которая могла ожидать в далеком будущем барышей только в том случае, если бы ничто не нарушало общего благоденствия⁷⁵). Когда погода не благоприятствовала урожаю, принимались меры предосторожности, хотя и редко достигавшие цели, но во всяком случае свидетельствовавшие о заботливости правительства, — устраивались запасные склады зернового хлеба, определялась его высшая продажная цена и запрещался его вывоз за границу; но изобилие продуктов, добывавшихся народным трудолюбием из благодарной почвы, было так велико, что галлон вина иногда стоил в Италии менее трех четвертей пенса, а четверть пшеницы — около пяти шиллингов шести пенсов⁷⁶). Страна, обладавшая такими ценными предметами мены, скоро стала отовсюду привлекать к себе купцов, а Теодорих оказывал поощрение и покровительство таким выгодным сношениям. Он восстановил и расширил сухопутные и морские сообщения между провинциями; городские ворота никогда не запирались — ни днем, ни ночью, и вошедшая в ту пору в обыкновение поговорка, что оставленный в поле кошель с золотом не пропадет, была выражением общего сознания своей безопасности.

Для гармонии, которая должна существовать между монархом и его народом, всегда бывает вредно и нередко бывает пагубно различие исповедуемых ими религий; готский завоеватель был воспитан в арианской вере, а Италия была искренно привязана к Никейскому символу веры. Но религиозные убеждения Теодориха не были заражены фанатизмом, и он благочестиво придерживался еретических верований своих предков, не давая себе труда взвешивать хитрые аргументы богословской метафизики. Довольствуясь тем, что его арианские сектанты пользовались полной веротерпимостью, он основательно считал себя блюстителем публичного культа, а его наружное уважение к суеверию, которое он в глубине души презирал, быть может, приучило его относиться к этим предметам с благотворным равнодушием государственного человека и философа. Жившие в его владениях католики едва ли были довольны внутренним спокойствием Церк-

ви; Теодорих принимал в своем дворце представителей их духовенства с почетом, смотря по их рангу и личным достоинствам; он чтит святость православных епископов Арля и Павии, Цезария⁷⁷⁾ и Епифания⁷⁸⁾ и сделал приличное приношение у гроба св. Петра, не вдаваясь в тщательное исследование верований апостола⁷⁹⁾. Он позволял своим любимцам готского происхождения и даже своей матери по-старому держаться религии св. Афанасия или переходить в нее, и во все его продолжительное царствование не было ни одного случая, чтобы кто-либо из италийских католиков перешел к религии завоевателя по собственному желанию или по принуждению⁸⁰⁾. Не только на туземных жителей, даже на варваров публичный культ производил впечатление своей пышностью и благоустройством; должностным лицам было поставлено в обязанность охранять законные льготы лиц духовного звания и церковной собственности; епископы собирались на свои соборы, митрополиты пользовались своим правом отправлять правосудие, и привилегии алтарей охранялись или умерялись сообразно с духом римской юриспруденции⁸¹⁾. Вместе с обязанностями покровителя Церкви Теодорих присвоил себе и верховную над ней власть, а его твердое управление восстановило или расширило некоторые полезные прерогативы, которыми пренебрегали слабые западные императоры. Ему были хорошо известны значение и влияние римского первосвященника, усвоившего в ту пору почтенное название папы. Спокойствие или восстание Италии могло в некоторых случаях зависеть от характера этого богатого и популярного епископа, заявлявшего притязания на столь обширную власть и на земле, и на небесах и признанного на многочисленном соборе чистым от всяких грехов и стоящим выше всякого земного суда⁸²⁾. Когда трон св. Петра сделался предметом спора между Симмахом и Лаврентием, они предстали, по требованию Теодориха, перед трибуналом арианского монарха, и он утвердил избрание самого достойного или самого покорного из двух кандидатов. В конце своей жизни, в минуту недоверчивости и гневного раздражения, он упредил выбор римлян, назначив и провозгласив нового папу в своем Равеннском дворце. Он кроткими мерами ослабил опасность возникавшего по этому поводу раскола и предупредил взрыв вражды, а последний сенатский декрет

имел целью прекратить скандальные подкупы, происходившие при папских выборах⁸³⁾.

Я с удовольствием вдаюсь в некоторые подробности касательно счастливого положения, в котором находилась Италия; но мы должны сдерживать нашу фантазию и не воображать, что с воцарением готского завоевателя настал измышленный поэтами золотой век и возникла новая порода людей, не знакомых ни с пороками, ни с бедствиями человеческого рода. Эта привлекательная перспектива по временам заволакивалась тучами; мудрость Теодориха иногда попадала на ложный путь; его власть иногда встречала сопротивление, а его последние годы были запятнаны народной ненавистью и патрицианской кровью. В первом порыве дерзкой самоуверенности, которую внушает победа, он попытался отнять у приверженцев Одоакра не только гражданские, но и общечеловеческие права⁸⁴⁾; новый налог, который он намеревался ввести немедленно вслед за причиненными войной бедствиями, задушил бы земледелие, только что начинавшее развиваться в Лигурии; а задуманная в видах общей пользы закупка хлеба усилила бы бедственное положение Кампании. Эти опасные замыслы были расстроены добродетелью и красноречием Епифания и Боэция, с успехом отстаивавших интересы народа в присутствии самого Теодориха⁸⁵⁾; но если слух монарха и был доступен для голоса правды, то не всегда же находился при нем такой святой или такой философ, который осмеливался говорить эту правду. Хитрость италийцев и наглость готов слишком часто употребляли во зло привилегии, которые приобретались вместе с рангом, с должностью или с милостивым расположением монарха, а корыстолюбие одного из племянников короля явно обнаружилось в захвате земель, принадлежавших его тосканским соседям и в данном ему приказании возратить эти земли их законным владельцам. Двести тысяч варваров, внушавших страх даже своему повелителю, жили внутри Италии; они с негодованием подчинялись требованиям общественного спокойствия и дисциплины; бесчинства, которые они совершали во время своих передвижений, всегда оставляли после себя глубокие следы и заглаживались денежными вознаграждениями; а в тех случаях, когда было бы опасно наказывать их за взрывы их врожденной ярости, благоразумие заставляло прикрывать их бесчинства. Когда Теодорих сложил с жителей Лигурии две

трети налогов, он снизошел до объяснения трудностей своего положения и выразил свое сожаление по поводу того, что он вынужден налагать на своих подданных столь тяжелое бремя ради их собственной обороны⁸⁶). Эти неблагодарные подданные никогда не могли искренно примириться с происхождением, с религией и даже с добродетелями готского завоевателя; они позабыли о пережитых бедствиях, а среди благоденствия, которым они пользовались, они еще глубже чувствовали всякую обиду и были более прежнего недоверчивы.

Даже религиозная терпимость, введение которой в христианском мире относится к чести Теодориха, была обременительна и оскорбительна для православного усердия итальянцев. Они не смели нападать на ересь готов, опиравшуюся на военные силы, но их благочестивая ярость могла безопасно обрушиваться на богатых и беззащитных евреев, основавших под покровительством законов торговые заведения в Неаполе, Риме, Равенне, Милане и Генуе⁸⁷). В Равенне и в Риме чернь, раздраженная какими-то пустыми или нелепыми мотивами, стала наносить евреям личные оскорбления, грабить их дома и жечь их синагоги. Правительство, которое отнеслось бы с пренебрежением к таким насилиям, заслуживало бы того, чтобы такие же насилия обрушились на него самого. Было приказано немедленно произвести легальное расследование, и так как зачинщики этих бесчинств скрылись в толпе, то обязанность вознаградить за убытки была возложена на всю общину, а упорных фанатиков, отказывавшихся от взноса своей доли контрибуции, публично наказывали плетью рукою палача. Это вызванное требованиями справедливости наказание раздражило католиков, и они стали превозносить заслуги и терпение этих святых исповедников; с трехсот церковных кафедр стали раздаваться жалобы на гонение церкви, и если капелла Св. Стефана в Вероне была разрушена по приказанию Теодориха, то есть основание полагать, что она была театром какого-нибудь чуда, оскорбительного для его имени и достоинства. На закате своей славной жизни король Италии убедился, что он навлек на себя ненависть того народа, о счастии которого так старательно заботился, и его душа наполнилась негодованием, недоверчивостью и той горечью, которая происходит от безответной любви. Готский завоеватель соблаговолил обезоружить невоинственных итальянских туземцев, запретив им

носить оружие и сделав исключение лишь в пользу небольшого ножа для домашнего употребления. Освободителя Рима обвиняли в заговоре вместе с самыми низкими сыщиками против жизни сенаторов, которых он подозревал в тайных и изменнических сношениях с византийским двором⁸⁸). После смерти Анастасия диадема была возложена на голову слабого старика, но правительственная власть перешла в руки его племянника Юстиниана, уже замышлявшего искоренение ереси и завоевание Италии и Африки. Суровый закон, изданный в Константинополе с целью заставить ариан возвратиться в лоно Церкви из страха наказаний, возбудил основательное негодование в Теодорихе, требовавшем для своих восточных единоверцев такой же снисходительности, какую он так долго оказывал в своих владениях католикам. Во исполнение его непреклонной воли римский первосвященник в сопровождении четырех сенаторов, носивших титул *illustres*, отправился к восточному императору с поручением, последствий которого он должен был опасаться и в случае неудачи, и в случае успеха. Недоверчивый монарх наказал как за преступление за тот почет, который был оказан первому папе, посетившему Константинополь; отказ византийского двора - все равно был ли он сделан в двусмысленных или в положительных выражениях - мог служить оправданием для возмездия, но вызвал мщение, которое превышало самую обиду: для Италии был приготовлен декрет, воспрещавший с назначенного дня отправление католического богослужения. Таким образом, ханжество и собственных подданных, и врагов едва не вовлекло в религиозные гонения такого монарха, который был более всех других проникнут духом религиозной терпимости, и жизнь Теодориха была не в меру продолжительна, так как он дожил до того, что осудил добродетель Боэция и Симмаха⁸⁹).

Сенатор Боэций⁹⁰) был последний из римлян, которого Катон и Цицерон могли бы признать за своего соотечественника. Оставшись богатым сиротой, он получил в наследство родовое имение и почетные отличия аникеев, имя которых с гордостью присваивали себе короли и императоры того времени, а прозвище Манлия свидетельствовало о его действительном или мнимом происхождении от того консула и того диктатора, из которых один отразил галлов от Капитолия, а другой пожертвовал своими сыновьями для блага республики.

ки. Во времена юности Боэций еще не совершенно были заброшены в Риме ученые занятия; до нас дошел экземпляр Вергилия⁹¹⁾ с поправками, сделанными рукой консула, а профессора грамматики, риторики и юриспруденции по-прежнему пользовались, благодаря щедрости готов, своими привилегиями и пенсиями. Но знания, которые можно было почерпнуть из произведений, написанных на латинском языке, не могли насытить его пылкой любознательности, и Боэций, как рассказывают, учился в течение восемнадцати лет в афинских школах⁹²⁾, существование которых поддерживалось в ту пору усердием, ученостью и заботливостью Прокла и его последователей. К счастью, ни рассудок, ни благочестие юного римлянина не заразились безрассудством мистицизма и магии, омрачавшими рощи Академии; он проникнулся духом и придерживался методы своих умерших и живых наставников, пытавшихся согласовать энергичный и прозорливый здравый смысл Аристотеля с благочестивыми мечтаниями и возвышенной фантазией Платона. По возвращении в Рим и по вступлении в брак с дочерью своего друга патриция Симмаха Боэций не прекращал тех же ученых занятий, живя во дворце, где все было из слоновой кости и мрамора⁹³⁾. Он снискал расположение Церкви своей глубокомысленной защитой православных верований против еретических последователей Ария, Евтихия и Нестория и объяснил в особом трактате признаваемое католиками единство трех лиц божества тем, что доказал *безразличие* трех различных, хотя и единосущных, личностей. Ради пользы его латинских читателей его гений снизошел до преподавания начальных оснований греческих искусств и наук. Геометрия Евклида, теорема музыкальных звуков Пифагора, арифметика Никомаха, механика Архимеда, астрономия Птолемея, теология Платона и логика Аристотеля с комментариями Порфирия были переведены и объяснены неутомимым пером римского сенатора. Его одного считали способным описать такие чудеса искусства, как солнечные часы, водяные часы или глобус с изображением движения планет. От этих отвлеченных теорий Боэций спускался или, вернее сказать, возвышался до исполнения обязанностей общественной и семейной жизни; его щедрость облегчала положение бедняков, а его красноречие, которое лезть могла бы сравнить с красноречием Демосфена или Цицерона, всегда тратилось в инте-

ресах невинности и человеколюбия. Прозорливый монарх ценил и награждал такие редкие достоинства; высокое положение Боэция было украшено титулами консула и патриция, а из его дарований было сделано полезное употребление благодаря его назначению на важную должность государственного министра. Несмотря на то что в выборе консулов Восток и Запад участвовали на равных правах, два сына Боэция были назначены в ранней молодости консулами на один и тот же год⁹⁴). В достопамятный день их возведения в это звание они отправились с торжественной помпой из своего дворца к форуму при радостных возгласах сената и народа, а их отец, бывший в ту пору настоящим римским консулом, произнес речь в похвалу своего царственного благодетеля и затем истратил по случаю этого торжества значительные суммы на устройство публичных зрелищ в цирке. Среди всех благ, доставляемых славой и богатством, публичными почестями и личными связями, научными занятиями и сознанием своих превосходств, Боэций мог бы назвать себя счастливым, если бы кто-либо мог присвоить себе этот непрочный эпитет, прежде чем достигнуть крайнего предела человеческой жизни.

Философ, который щедро тратил свои богатства, но скупился в трате своего времени, естественно, не был доступен для тех приманок, которые обыкновенно разжигают в людях честолюбие, — для жажды обогащения и выгодных должностей, и мы можем относиться с некоторым доверием к словам Боэция, когда он утверждает, что неохотно подчинился требованию божественного Платона, чтобы каждый добродетельный гражданин старался избавить государство от владычества пороков и невежества. В доказательство бескорыстия своей общественной деятельности он ссылается на воспоминания своих соотечественников. Своим влиянием он сдерживал кичливость и тиранию королевских чиновников, а своим красноречием спас Павлиана, которого хотели бросить на съедение дворцовым псам. Он всегда скорбел о бедственном положении провинциальных жителей, разоренных государственными поборами и хищничеством влиятельных людей, и нередко помогал им, и только один Боэций имел смелость восставать против тирании варваров, возгордившихся от победы, увлекшихся страстью к наживе и, как он со скорбью замечает, находивших поощрение в безнаказанности. В этой

борьбе, делающей ему большую честь, его мужество возвышалось над сознанием опасности и даже над требованием благоразумия, а из примера Катона нам известно, что чистая и непреклонная добродетель чрезвычайно способна увлекаться предрассудками, воспламеняться энтузиазмом и смешивать личную вражду с общественной справедливостью. Последователь Платона, быть может, преувеличивал недостатки человеческой природы и несовершенства общества, а свободная душа римского патриота могла тяготиться не только владычеством готского короля, как бы оно ни было мягко по своей форме, но даже лежавшим на ней долгом верности и признательности. Но и милостивое доверие Теодориха, и преданность самого Боэция ослабевали по мере того, как приходило в упадок общественное благосостояние, и к государственному министру был приставлен недостойный сотоварищ для того, чтобы разделять с ним власть и наблюдать за ним. В последние мрачные годы Теодорихова царствования, Боэций с негодованием сознавал, что он был раб; но так как во власти его повелителя была лишь его жизнь, он не боялся стоять безоружным перед гневным варваром, дошедшим до того убеждения, что неприкосновенность сената не была совместима с его собственной. Сенатора Албина подвергли обвинению и уже осудили за то, что он, как уверяли, надеялся на восстановление римской свободы. "Если Албин преступник, - воскликнул оратор, - то и сенат, и я сам виновны в том же преступлении. Если же мы невинны, то и Албин имеет право на покровительство законов". Эти законы не подвергли бы наказанию за простое и бесплодное выражение неосуществимого желания, но они оказались менее снисходительными к опрометчивому признанию Боэция, что, зная он о существовании заговора, он не донес бы об этом тирану⁹⁵). Защитник Албина был скоро вовлечен в опасность и, быть может, в виновность своего клиента; их подписи (от которых они отказывались, признавая их подложными) были поставлены под адресом, приглашавшим восточного императора освободить Италию от готов, и три свидетеля почетного ранга, но, вероятно, с позорной репутацией удостоверили, что римский патриций замышлял измену⁹⁶). Но следует полагать, что он был невинен, так как Теодорих лишил его возможности оправдаться и держал его в строгом заключении в павийской цитадели в то время, как на расстоянии пятисот миль от

Павий сенат присуждал самого достойного из своих членов к конфискации его имений и к смертной казни. По требованию варваров недоступные для большинства научные познания философа были заклеены названиями святотатства и магии⁹⁷). Его непоколебимая преданность сенату была объявлена преступной дрожащими голосами самих сенаторов, а неблагодарность этих последних оказалась достойной высказанного Боэцием ожидания или предсказания, что после него уже никто не провинится в таком же преступлении⁹⁸).

В то время как закованный в цепи Боэций ежеминутно ожидал своего смертного приговора или смертной казни, он написал в павийской цитадели сочинение "Об утешениях философии" (*De Consolatione Philosophica*), - неоценимое произведение, которое не было бы недостойно занимать досуг Платона или Цицерона и которому придают особое достоинство варварство того времени и положение автора. Небесная путеводительница, которую он так долго призывал, живя в Риме и в Афинах, внесла луч света в его темницу, внушила ему бодрость и влила в его душевные раны целебный бальзам. Она заставила его сравнить его продолжительное благополучие с его настоящим бедственным положением и извлечь новые упования из превратностей фортуны. Рассудок объяснил ему, как непрочны дары этой фортуны, опыт научил его распознавать их настоящую цену; он пользовался ими без преступлений, мог отказаться от них без сожалений и мог относиться с хладнокровным пренебрежением к бессильной злобе своих врагов, которые не отняли у него счастье, так как не отняли его добродетели. С земли Боэций вознесся умом на небеса, отыскивая *Верхнее Божество*; он проник в лабиринт метафизических понятий о случайности и предопределении, о предведении Божиим и о свободе воли, о времени и вечности и попытался согласовать совершенства божеских атрибутов с видимыми несовершенствами мира нравственного и физического. Такие частью убедительные, частью неясные, частью совершенно непонятные мотивы утешения не могут заглушить природных человеческих чувств. Тем не менее умственный труд заглушает мысль о постигшем несчастье, и тот мудрец, который в состоянии искусно воспользоваться в одном и том же произведении разнообразными ресурсами философии, поэзии и красноречия, бесспорно, уже обладает тем непоколебимым хладнокрови-

ем, которого, по-видимому, старается достигнуть. Незнанию, что его ожидает, этому самому мучительному из всех страданий, был положен конец появлением вестников смерти, которые привели в исполнение и, быть может, превысили бесчеловечные приказания Теодориха. Голову Боэция обернули крепкой веревкой и стягивали эту веревку до того, что его глаза почти совершенно вышли из своих впадин, а то, что его били дубиной, пока он не испустил дух, можно приписать человеколюбивому желанию скорее прекратить его страдания⁹⁹). Но его гений пережил его самого и озарил лучами знания самые мрачные века латинского мира; сочинения философа были переведены самым знаменитым из английских королей¹⁰⁰), а третий из императоров, носивших имя Отона, перенес в более приличную гробницу кости католического святого, которому арианские гонители доставили почести мученичества и репутацию чудотворца¹⁰¹). В последние минуты своей жизни Боэций находил некоторое утешение в той мысли, что жизнь двух его сыновей, его жены и его тестя, почтенного Симмаха, находится вне всякой опасности. Но скорбь Симмаха была несдержанна и, быть может, непочтительна: он осмелился громко оплакивать несправедливую казнь своего друга и, может быть, захотел бы отомстить за нее. Его притащили в цепях из Рима в Равеннский дворец, и подозрительность Феодориха нашла для себя удовлетворение лишь в казни невинного и престарелого сенатора¹⁰²).

Человеколюбие заставляет нас верить всяким рассказам, которые свидетельствуют о расправе, совершаемой человеческой совестью, и о раскаянии королей, а философии хорошо известно, что расстроенное воображение и пришедшие в упадок физические силы способны создавать самые страшные призраки. После добродетельной и славной жизни Теодорих спускался в свою могилу под бременем позора и преступлений; его душа была удручена контрастом настоящего с прошедшим и основательно встревожена незримыми ужасами будущего. Рассказывают, что однажды вечером, в то время как за королевским столом подавали какую-то рыбу с огромной головой¹⁰³), он вдруг воскликнул, что видит гневное лицо Симмаха, его глаза, сверкающие от ярости и жажды мщения, и его рот с длинными острыми зубами, который грозит поглотить его. Монарх тотчас удалился в свою комнату, и, в то время как он дрожал от лихорадочного холода под тя-

желыми одеялами, он в отрывистых словах выразил своему доктору Эльпидию свое глубокое раскаяние в умерщвлении Боэция и Симмаха¹⁰⁴). Его болезнь усиливалась, и после трехдневного кровавого поноса он испустил дух в Равеннском дворце на тридцать третьем или, если считать начиная с вторжения в Италию, на тридцать седьмом году своего царствования. Чувствуя приближение смерти, он разделил свои сокровища и свои провинции между двумя внуками и назначил Рону границей их владений¹⁰⁵). Амаларих был снова введен на испанский престол. Италия вместе со всеми завоеваниями остготов досталась Аталариху, которому было не более десяти лет, но в лице которого чтили последнего представителя рода Амалиев, так как его мать Амаласунта находилась в непродолжительном супружестве за одним из живших в изгнании членов этого царственного рода¹⁰⁶). В присутствии умирающего монарха готские вожди и итальянские сановники поклялись в верности юному принцу и его матери и в ту же страшную минуту выслушали от Теодориха благотворный совет блюсти за исполнением законов, любить римский сенат и народ и поддерживать с приличной почтительностью дружеские сношения с императором¹⁰⁷). Памятник в честь Теодориха был воздвигнут на видном месте, господствовавшем над Равенной, над гаванью и над соседними берегами. Кругообразная капелла диаметром в тридцать футов увенчана куполом из цельного гранита; в центре здания возвышаются четыре колонны, которые поддерживают вазу из порфира, заключающую в себе смертные останки готского короля, и вокруг которых поставлены бронзовые статуи двенадцати апостолов¹⁰⁸). Его душе, быть может, было бы дозволено после некоторого предварительного очищения присоединиться к душам благодетелей человеческого рода, если бы один итальянский пустынный не был, во время одного видения, очевидцем вечных мучений Теодориха¹⁰⁹) и если бы он не засвидетельствовал, что душа этого монарха погружена исполнителями божеского правосудия в Липарский вулкан — одно из объятых пламенем отверстий ада¹¹⁰).

1) Иордан (*de Rebus Geticis*, гл. 13, 14, стр. 629, 630, изд. Grot.) описал происхождение Теодориха, начиная с одного из Anses, или полубогов Гапта, жившего около времени Домициана. Кассиодор, который прежде всех других писателей прославлял царственный род Амали-

ев (Variar, VIII, 5 IX, 25, X, 2; XI, I), считает Теодорихова внука принадлежащим к семнадцатому колену этого рода. Перингскиольд (швед, писавший комментарии к Vit. Theodoric, Cochloeus'a, стр. 271 и сл., Стокгольм, 1699), старается связать эту генеалогию с легендами или традициями своего отечества. (Мы уже объяснили, что название Амалиев (ч. III, стр. 478) имело другое происхождение, более соответствующее и его глубокой древности, и простоте первобытного языка. Все, что говорит о генеалогии этого рода Иордан, баснословно. Письмо Кассиодора к сенату от имени юного короля Аталариха (Var. IX, 25) доказывает, что сообщенные в хронике сведения вымышлены. Автор сам сознается, что он составил генеалогию и опирается на приобретенные им из чтения сведения (lectione discens) о том, о чем готы давно уже позабыли (longa oblivione celatos) и чего они не знали даже по преданию. Для нас остается тайной, где мог он это прочесть, кроме как в своем воображении. - *Издат.*)

2) Вернее сказать - на берегах озера Пельсо (Neusiedler-see), вблизи от Карнунта, почти в том самом месте, где Марк Антонин писал свои размышления. (Иордан, гл. 52, стр. 659. Severin. Pannonia Illustrata, стр. 22. Cellarius, Geograph. Antiq., том I, стр. 350). (По словам Целлария (1, 44), Карнунт находился на том месте, где теперь стоит город Гэмбург, подле слияния Мара (Моравы) с Дунаем, в нескольких милях к северу от озера. Он был в древние времена гораздо более значительным городом, нежели Виндобона, теперешняя метрополия австрийской империи. - *Издат.*)

3) Первые четыре буквы его имени (ΘΕΟΔ) были вырезаны на золотой дощечке; король клал эту дощечку на бумагу и водил пером по скважинам (Anonym Valesian, ad calcem Amm. Marcellin., стр. 722). Этот достоверный факт в совокупности со свидетельством Прокопия или по меньшей мере современных готов (Gothic., кн. I, гл. 2, стр. 311) сильно перевешивает туманные похвалы Эннодия (Sirmond. Opera, том I, стр. 1596) и Феофана (Chronograph., стр. 112).

4) Statura est quae resignet proceritate regnantem. (Эннодий, стр. 1614). Затем Павийский епископ (я разумею то лицо, которое желало быть епископом) хвалит сложение, глаза, руки и пр. своего государя.

5) Сведения о положении остготов и о первых годах жизни Теодориха можно найти у Иордана (гл. 52-56, стр. 689-696) и у Малха (Excerpt. Legat., стр. 78-80), который ошибочно называет его сыном Валамира.

6) Феофан (стр. III) сообщает копию с ее священных посланий к провинциям ... От таких женских притязаний пришли бы в удивление даже рабы *первых* Цезарей.

7) Ч. IV, гл. 36.

8) Suidas, ч. 1, стр. 332, 333, изд. Кюстера.

9) Произведения историков того времени Малха и Кандида утрачены; лишь некоторые извлечения из них или некоторые отрывки сохранились у Фотия (78, 79, стр. 100-102), у Константина Порфирородного (Excerpt. Leg., стр. 78-97) и в некоторых статьях "Лексикона" Свида. Хроника Марцеллина (Imago Historiae) содержит подлинные сведения о царствованиях Зенона и Анастасия, и я считаю моим долгом, быть может, в последний раз признаться, что я многим обязан обширным и тщательно составленным сборникам Тильемона (Hist. des Emp., том VI, стр. 472-652).

10) In ipsis congressionis tuae foribus cessit invasor, cum profugo per te sceptrum redderetur de salute dubitanti. Вслед за тем Эннодий (стр. 1596, 1597, том I, Сирмунд) переносит своего героя (на крылатом драконе!) в Эфиопию, по ту сторону тропика Рака. Свидетельство "Отрывка" Валуа (стр. 717), Либерата (Brev. Eutych., гл. 25, стр. 118) и Феофана (стр. 112) более основательно и разумно.

11) В этом безжалостном обыкновении обвиняют преимущественно *триарийских* готы, которые, как следовало бы полагать, были не таким грубыми варварами, как валамиры; но Феодемирова сына обвиняют в разрушении многих римских городов (Malchus, Excerpt. Leg., стр. 95). (Малх - единственный писатель, свидетельствующий об этом факте, а мы уже ранее видели, как мало можно на него полагаться. Разве есть правдоподобие в том, что готы уродовали пленников, которые были нужны им или для работ, или для того, чтобы быть проданными в рабство, или для того, чтобы уплачивать подати в качестве подданных? Мы уже знаем, как вели себя родственные им племена в войнах, после побед и в делах управления; но мы нигде не находили никаких следов такого отвратительного обыкновения; напротив того, повсюду, где поселялись готы, они приносили с собой благоденствия хорошего управления. Мы скоро увидим, как было благотворно владычество этих самых остготов в Италии. О Малхе мы имеем лишь весьма поверхностное понятие по немногим дошедшим до нас отрывкам его истории, и мы не должны принимать его голословные утверждения за доказательство того, что противоречит уже удостоверенным фактам. - *Издат.*)

12) Иордан (гл. 56, 57, стр. 696), описывая заслуги Теодориха, сознается, что он получал за них награды, но умалчивает о его восстании, о котором Малх передает такие интересные подробности (Excerpt. Legat., стр. 78-97). Марцеллин, находившийся в услужении у Юстиниана и писавший свою хронику (Scaliger. Thesaurus Temporum, ч. 2, стр. 34-57) в четвертое консульство (534 г.) этого императора, обнаруживает свои предубеждения и свое пристрастие, когда говорит: in Graeciam debacchantem... Zenonis munificentia pene pacatus... beneficiis nunquam satlatus, и т. д.

13) В то время как он ездил верхом по своему лагерю на бешеном коне, он упал прямо на острие копья, которое или стояло подле палатки, или было привязано к повозке (Марцеллин, in Chron. Evagr., кн. 3, гл. 25).

14) См. Малха (стр. 91) и Эвагрия (кн. 3, гл. 35).

15) Малх, стр. 85. Только в одном сражении, исход которого был решен искусством и дисциплиной Сабиниана, Теодорих потерял пять тысяч человек.

16) Иордан (гл. 57, стр. 696, 697) сократил обширную историю Кассиодора. Пусть сравнят и постараются согласовать то, что нам сообщает Прокопий (Gothic., кн. 1, гл. 1), "Отрывок" Валуа (стр. 718), Феофан (стр. 113) и Марцеллин (in Chron.).

17) Эннодий описывает и объясняет поход Теодориха (стр. 1598-1602), но напыщенные выражения этого писателя приходится переводить на язык здравого смысла.

18) Tot reges etc. (Ennodius, стр. 1602). Не следует забывать, что титул короля был в большом употреблении и не имел высокого значе-

ния и что итальянские наемники набирались между различными племенами и народами. (Слово *Reges* не следует принимать в узком значении *королей*. Оно имело более широкий смысл даже до времен Эннодия. Цезарь (*De Bell. Gall.*, III, 107, 109) применял его к членам царствовавшего в Египте семейства, и есть основание полагать, что *atavi reges*, от которых Гораций вел происхождение Мецената, были не более как высокопоставленные или знатные этруски. Впоследствии этот титул употребляли, говоря о выдающихся людях. См. Дюканж, V, 426, 428. - *Издат.*)

19) См. Эннодия, стр. 1603, 1604. Так как оратор позволял себе, в присутствии самого короля, говорить о его матери и хвалить ее, то следует полагать, что благородная душа Теодориха не оскорблялась вульгарными упреками в том, что его мать была наложница, а сам он - незаконнорожденный сын.

20) В удостоверение этого анекдота мы можем сослаться на более близкое к нам по времени, но достойное доверия свидетельство Сигония (*Op.*, том I, стр. 580. *De Occident. Imp.*, 1, 15); интересны длинные слова его рассказа. "Уж не желаете ли вы возвратиться туда, откуда вышли?" - сказала она, и при этом указала на его первоначальное убежище, и почти обнажила его.

21) *Hist. Miscell.*, кн. 15: римская история от времен Януса до девятого столетия; это - сокращение произведений Евтропия, Павла Диакона и Феофана, изданное Муратори с рукописей Амвросианской библиотеки (*Script. Rerum Italicarum*, том I, стр. 100).

22) Прокопий (*Gothic.* кн. 1, гл. 1) обнаруживает в этом случае беспристрастие скептика: *phasi... dolerō tropō ekteine* (греч.) (говорят... он коварным образом убил). Кассиодор (*in Chron.*) и Эннодий (стр. 1604) обнаруживают свою искренность и легкоеверие, а свидетельство "Отрывка" Валуа (стр. 718) может служить оправданием для их мнений. Марцеллин выражается языком доведенного до озлобления греческого подданного: *perjuris illectus interfectusque est* (*in Chron.*) (Гиббон не имел основания предполагать, что Одоакр, быть может, пал от руки своего соперника. И без того уже имя Теодориха достаточно запятнано этим актом вероломства, который удостоверяется столькими современными писателями. Дальнейшие подробности жизни Теодориха также свидетельствуют о том, что он не умел воздерживаться от убийств всякий раз, когда его страсти брали верх над более благородными влечениями. Шмидт (II, 280) повторяет это обвинение в самой отвратительной его форме без ссылки на авторитеты. Но по словам почти всех древних историков, говоривших об этом событии, это преступление было совершено по желанию Теодориха, но не его рукой. Выражение *interemit*, которое Кассиодор употребляет в своей "Хронике" и которое Иордан повторяет в такой форме: *hac luce privavit* (гл. 57), не говорит в пользу такого обвинения. А когда он писал, он не имел никаких мотивов для того, чтобы извращать или ослаблять это обвинение. - *Издат.*)

23) Благозвучная и раболепная речь Эннодия была произнесена в Милане или в Равенне в 507 или 508 году (*Sirmond*, том I, стр. 1615). Через два или три года после того оратор был награжден званием Павийского епископа, в котором состоял до самой смерти, приклю-

чившейся в 521 г. (Dupin, Bibliot. Eccles., том V, стр. 11-14. См. Saxii Onomasticon, том II, стр. 12).

24) Лучшими материалами служат для нас случайные намеки, которые мы находим у Прокопия и в "Отрывке" Валуа, который был открыт Сирмундом и напечатан в конце произведений Аммиана Марцеллина. Имя автора неизвестно, а его слог варварский; но в описании различных фактов он обнаруживает такое знакомство с ними, которое может иметь только современник, а между тем он не заражен свойственным современникам пристрастием. Президент Монтескье составил план истории Теодориха; этот сюжет, если смотреть на него издали, может казаться и богатым, и интересным.

25) Лучший издатель Variarum Libri 12, Иоанн Гарретий; (Rotomagi, 1679, in Opp. Cassiodor., 2 vol. in fol.), но эти письма были достойны и требовали такого издателя, как маркиз Сципион Маффеи, который намеревался издать их в Вероне. Эта Barbara Eleganza (по остроумному выражению Тирабоски) никогда не бывает безыскусственна и редко бывает ясна. (Достоверность общего содержания этих посланий подтверждается результатами Теодорихова управления. В них, пожалуй, немало бессодержательных дипломатических заявлений, и Кассиодор иногда вдается в ненужные подробности и в напыщенное педанство; тем не менее в них много ясно описанных фактов и официальных распоряжений, изложенных в такой безыскусственной форме, которая служит ручательством за их достоверность и подлинность. Те немногие строки, в которых говорится о пенсии, назначенной в пользу павшего императора Ромула и его матери (Var., III, 35), носят на себе отпечаток своей неподдельности, а те выражения, в которых говорится о выдаче из государственной казны пособий обедневшим или пострадавшим от войны провинциальным жителям, обнаруживают человеколюбивые мотивы и намерения. К нам не дошло от древних времен другого подобного сборника государственных деловых бумаг или официальных документов, и ни из какого другого источника нельзя извлечь столько удовлетворительных, достоверных и ценных сведений о прошлом. - Издат.)

26) Прокопий, Gothic., кн. I, гл. I. Variarum 2. Маффеи (Verona Illustrata, ч. I, стр. 228), преувеличивает несправедливости готов, которых он ненавидел в качестве знатного итальянца. Плебей Муратори униженно преклоняется перед их притеснениями. (Когда римляне жаловались на захват земельной собственности, совершенный готами по праву завоевания, они забыли, каким путем приобрели эту собственность их предки. Там, где утверждалось владычество римлян, местное население нередко лишалось всей своей земельной собственности. См. "Лекции" Нибура, II, 324. - Издат.)

27) Прокопий, Goth., кн. 3, гл. 4, 21. Эннодий говорит (стр. 1612, 1613) о военном искусстве готов и об их размножении.

28) Когда Теодорих согласился выдать свою сестру за царя вандалов, она отплыла в Африку в сопровождении стражи из тысячи готов благородного происхождения, из которых каждый имел при себе по пяти вооруженных человек свиты (Прокоп. Vand., кн. I, гл. 8). Готская знать, как кажется, отличалась столько же своим благородством, сколько своей храбростью.

29) См. постановление касательно свободы готов: Var. V, 30).

30) Прокопий, Goth., кн. I, гл. 2. Дети римлян учились готскому языку (Var., VIII, 21). То, что нам известно о невежестве готов, не утрачивает достоверности от таких исключений, как Амаласунта, которая могла в качестве женщины учиться, не краснея, или как Феодат, ученость которого возбуждала в его соотечественниках негодование и презрение. (Теодорих полагал, что римляне утратили и мужество, и могущество от чтения и письма, с необходимостью которых его не познакомило его воспитание. Это заблуждение поддерживали и в нем, и в его народе те, которые находили свою выгоду в таком невежестве. - *Издат.*)

31) Теодорих говаривал на основании собственного опыта: "Romanus miser imitatur Gothum; et utilis (dives) Gothus imitatur Romanum (См. "Отрывок" и "Примечания" Валуа, стр. 719).

32) При описании военных порядков, введенных готами в Италии, мне служили руководством письма Кассиодора. (Var. I, 24, 40; III, 3, 24, 48; IV, 13, 14; V, 26, 27; VIII, 3, 4, 25). Их содержание уяснил ученый Маску (Ист. Германцев, кн. XI, 40-44, примечание 14).

33) Касательно того, с какой ясностью и энергией он вел переговоры, см. Эннодия (стр. 1607) и Кассиодора (Var. III, 1-4; IV, 13; V, 43, 44), который заставляет Теодориха выражаться то тоном дружбы, то тоном наставника, то тоном человека, раздражающегося упреками, и т. п.

34) Даже роскошью его стола (Var. VI, 9) и дворца (VII, 5). Желание возбуждать в иностранцах удивление выставлялось за очень основательный мотив для оправдания таких бесполезных издержек и для поощрения тех должностных лиц, на которых были возложены заботы по этим двум предметам.

35) Касательно публичных и семейных уз готского монарха с бургундами см. Var. I, 45, 46, с франками - II, 40, с тюрингами - IV, I, с вандалами - V, I. Каждое из этих писем заключает в себе какие нибудь интересные сведения о политике варваров и об их нравах.

36) С его политической системой можно познакомиться из произведений Кассиодора (Var., IV, 1; IX, 1) и Иордана (гл. 58, стр. 698, 699) и из "Отрывка" Валуа (стр. 720, 721). Почетный мир был постоянной целью Теодориха. (Кассиодор, бесспорно, был очень миролюбивым советником; таким же советником был и Боэций в течение всего времени, пока пользовался влиянием. Письмо (Var. IX, 1), на которое ссылается Гиббон, было написано после смерти Теодориха от имени его юного внука Аталариха. Но оно дышит все той же любовью к миру. Встречающиеся здесь случайные сведения о бургундах дают возможность исправить некоторые противоречивые понятия об этом народе. Тот факт, что Теодорих считал бургундов достаточно сильным народом, чтобы выдать свою дочь за их будущего короля, служит дополнительным доказательством того, что они не были доведены до той ничтожности, о которой говорят некоторые историки. Солнечные часы и водяные часы были посланы в подарок по просьбе их короля Гундобальда и были сделаны для него Боэцием (Var. I, 45 и 46). Арфист (cithaeredus) также был послан в подарок Хлодвигу по его просьбе (magnis precibus expetisset) и был выбран для него Боэцием (Var., II, 39 и 40). В этих письмах, короля франков называют Ludoïn. См. также Var. III, 3 и 4. - *Издат.*)

37) Любознательный читатель может познакомиться с герулами из сочинений Прокопия (Goth. кн. 2, гл. 14), а терпеливый читатель может погрузиться в неясные и мелочные исследования де Бюа. (De-Buat, Hist. des Peuples Anciens, том IX, стр. 348-396). (Как ни были старательны исследования об истории герулов, они никогда не давали удовлетворительных результатов. У тех, кто носил это имя, не было отечества; Целларий не указывает, где именно они жили. Они появлялись по временам повсюду - от Испании до Эльбы, Вислы и Мелотийского залива, а теоретики тщетно пытались доказать, что та страна, в которой они находились в какую-либо данную минуту, была их постоянным местом жительства. Насколько известно, они редко предпринимали войны сами собой, а большей частью сражались или вместе с различными готскими племенами, или в качестве наемников у римских императоров, у которых почти всегда состоял на службе многочисленный отряд этих варваров. Как и когда именно герулы совершенно исчезли, остается неизвестным. Из всего, что положительно о них известно, можно заключить, что они никогда не были отдельным народом; это были отряды авантюристов, составленные из различных племен и поступавшие на службу ко всякому, кто желал их нанять, как нанимали средневековых *condottieri*. Такой роли соответствует и их название. На новейшем немецком языке слово *Heer* значит армия, а на древнем языке готов, на котором писал Ульфилла, это слово имело форму *haarji*. На древнегерманском языке слово *Heervolk* обозначало вооруженный отряд; а в еще более древние времена это слово имело форму *Haarjifolc*; не понимавшие его настоящего значения римляне смягчили это выражение, сделали из него герулов и вообразили, что оно служит названием для отдельного народа. Армия, которую Одокар привел в Италию, состояла именно из таких отрядов, а их готское название было причиной того, что его стали называть королем герулов. Письмо, написанное Кассиодором от имени Теодориха к королю герулов (*Regi Herulorum*) с извещением о его усыновлении и о присылке ему в подарок разного оружия, не похоже на письмо одного государя к другому, а носит характер милостивого обращения к начальнику хотя и независимого, но продажного сборища воинов, которых желательно привлечь к себе на службу путем напоминания о прежней *societas* и о будущих выгодах. См. также гл. 41. - *Издат.*)

38) *Variarum*, IV,2. Кассиодор объясняет характер и формы этого воинского усыновления; но он, по-видимому, только выражает чувства готского короля языком римского красноречия.

39) Кассиодор, ссылающийся на слова Тацита, обращенные к безграмотным дикарям Балтики эстам (*Var.*, V, 2), говорит, что янтарь, которым всегда славилась их берега, был не что иное, как древесная смола, окаменевшая от действия солнечных лучей и очищенная и перенесенная на другое место морскими волнами. Когда химики подвергают это странное вещество анализу, оно дает растительное масло и минеральные кислоты. (Совокупные исследования, геологические и химические, объяснили нам происхождение и свойства янтаря более правильно, чем как понимали их во времена Гиббона. См. *Mantell's Medals of Creation*, ч. 1, стр. 182, изд. 1853. Целларий считал эстов за приморское племя, принадлежавшее к жившим на Висле

венедам. Их название, по-видимому, было латинского происхождения; оно, вероятно, было дано им торговавшими янтарем римлянами и охотно ими принято в угоду постоянным покупателям. После того как они или бежали от своих славянских завоевателей, или слились с ними, это название сохранилось в форме Эстен или Эстонии, которая долго была заморской провинцией Швеции, а впоследствии была присоединена к России. Эсты были единственными обладателями янтаря, который служил для них предметом выгодной торговли. Отправка в Рим послов во времена Теодориха, вероятно, была вызвана не столько политическими, сколько торговыми соображениями, и имела целью восстановить торговые сношения, которые были прерваны во время смут, потрясавших империю. Только этим и можно объяснить почтительное изъявление уважения со стороны столь отдаленного народа, по-видимому поразившее удивлением даже того, к кому оно было обращено. - *Издат.*)

40) Сканция (Scanzia), или Фула, Туле (Thule), описана Иорданом (гл. 3, стр. 610-613) и Прокопием (Goth., кн. 2, гл. 15). Ни готский, ни греческий писатели не посещали этой страны, но имели случай разговаривать с местными уроженцами, в то время как эти последние жили изгнанниками в Равенне или в Константинополе. (Древние были так мало знакомы с северной частью Европы, что нет никакой возможности получить от них какие-либо сведения об этих странах. Пифей так дурачил их своими баснословными рассказами о Фуле, что один из самых прозорливых древних писателей - Полибий относился к его вымыслам с безграничным негодованием и презрением (кн. 34, гл. 5). Тем не менее новейшие писатели напрасно тратили время на бесплодные старания отыскать настоящее место этой страны. Те, которые считали Сканцию за остров, никак не могли бы проникнуть до той широты, где солнце скрывается от глаз в течение сорока дней во время зимнего солнцестояния. Нет возможности поддерживать то мнение, что Скандинавия - та Фула (Туле), о которой говорит Пифей. - *Издат.*)

41) Sapherinas pelles. Во времена Иордана эта красивая порода животных водилась в Suethans, то есть, в теперешней Швеции, но была мало-помалу загнана в восточные страны Сибири. Buffon, Hist. Nat., том XIII, стр. 309-313, изд. in 4-to. Pennant, System of Quadrupeds, ч. 1, стр. 322-328; Gmelin, Hist. Gen. des Voyages, том XVIII, стр. 257, 258; Levesque, Hist. de Russie, том V, стр. 165, 166, 514, 515).

42) В системе или в романе Бальи (Bailly, Lettres sur les Sciences et sur l'Atlantide, том 1, стр. 249-256; том II, стр. 114-139) феникс Эдды и ежегодная смерть и возрождение Адониса и Осириса суть аллегорические символы отсутствия и нового появления солнца в арктических странах. Этот остроумный писатель - достойный ученик великого Бюффона; самый хладнокровный рассудок не мог бы устоять против чар их философии.

43) Autē te thoulitois hē megistē tōn heortōn esti (греч.), - говорит Прокопий. В настоящее время у самоедов Гренландии и Лапландии господствует грубый (но довольно благородный) манихеизм (Hist. des Voyages, том XVIII, стр. 508, 509; том XIX, стр. 105, 106, 527, 528); однако самоеды, по словам Гроция, caelum atque astra adorant,

numina haud aliis iniquiora (de Rebus Belgicis, кн. 4, стр. 338, изд. in folio); от этого мнения не отказался бы и Тацит.

44) См. Hist. des Peuples Anciens, etc, том IX, стр. 255-273, 396-501. Граф de-Buat был французским посланником при баварском дворе; благородная любознательность навела его на изучение местных памятников древности; она-то и была *зародышем* изданных им в двенадцати больших томах сочинений.

45) Касательно военных действий готов на Дунае и в Иллирии можно найти сведения у Иордана (гл. 58, стр. 699), Эннодия (стр. 1607-1610), Марцеллина (in Chron., стр. 44, 47, 48) и Кассиодора (in Chron. и Var., III, 23, 50; IV, 13; VII, 4, 24; VIII, 9-11, 21; IX, 8, 9).

46) Я не могу отказать себе в удовольствии цитировать следующие выражения графа Марцеллина, написанные благородным и классическим слогом: Romanus comes domesticorum, et Rusticus comes scholariorum cum centum armatis navibus, totidemque dromonibus, octo millia militum armatorum secum ferentibus, ad devastanda Italiae littora processerunt ed usque ad Tarentum antiquissimam civitatem aggressi sunt; remensoque mari inhonestam victoriam quam piratico ausu Romani ex Romanis rapuerunt, Anastasio Caesari reportarunt (in Chron., стр. 48). См. Variar., 1, 16; II, 38.

47) См. королевские приказания и инструкции. Var., IV, 15; V, 16-20). Эти вооруженные суда, вероятно, были еще меньше размерами, чем те тысяча судов, которая находилась в распоряжении Агамемнона при осаде Трои.

48) Часть IV, стр. 185-188.

49) Эннодий (стр. 1610) и Кассиодор напоминают от имени короля (Var., II, 41) о благотворном покровительстве, которое Теодорих оказывал алеманнам.

50) (Трудно поверить, что бургунды, давно находившиеся в упорной борьбе со своими могущественными соседями - франками, стали нападать на территорию тестя своего короля. Зедлер смотрит более правильно на это дело, когда говорит, что Теодорих, видя их отчаянное положение, захватил часть их территории в свою пользу (Lexicon, 43, 763). - *Издат.*)

51) О том, что было сделано готами в Галлии и в Испании, мы находим не совсем ясные сведения у Кассиодора (Var., III, 32, 38, 41, 43, 44; V, 39), Иордана (гл. 58, стр. 698, 699) и Прокопия (Goth., кн. 1, гл. 12). Я не намерен ни рассматривать, ни согласовывать многоречивые и противоречивые аргументы аббата Дюбо и графа de-Buat касательно бургундских войн.

52) Theophanes, стр. 113.

53) Прокопий утверждает, что ни Теодорих, ни следовавшие за ним короли Италии не издавали никаких законов. (Goth., кн. 2, гл. 6). Он, вероятно, хотел сказать, что они не издавали никаких законов на готском языке. До нас дошел один латинский эдикт Теодориха, состоящий из ста пятидесяти четырех статей.

54) Изображение Теодориха вырезалось на его монетах, а его скромные преемники довольствовались тем, что прибавляли свое имя к изображению головы царствовавшего императора. (Муратори, Antiquitat. Italiae Medii Aevi, том II, dissert. 27, стр. 577-579. Giannone, Istoria Civile di Napoli (том 1, стр. 166). (Эггель (VIII, 211-215) и Гемфрз

(Humphreys, Coin Collector's Manual, стр. 369, 652, изд. Bohn) описывают многие из монет Теодориха и его преемников. Все эти преемники чеканили множество монет, на которых были только их собственные имена и изображения. Эти монеты считаются за *autonomi* и в большинстве носят странную надпись: *Invicta Roma*. Но есть даже монеты самого Теодориха, на которых вместе с его именем изображена голова или Анастасия, или Юстина I, подобно тому как на монетах его преемников изображали голову Юстиниана. Впрочем, такие свидетельства готской покорности и скромности гораздо менее многочисленны, чем так называемые *autonomi*. - *Издат.*)

55) О добром согласии между императором и королем Италии говорят и Кассиодор (Var., 1, кн. II, 2, 3; IV, 1), и Прокопий (Goth., кн. 2, гл. 6 кн. 3, гл. 21), который превозносит дружбу Анастасия и Теодориха; но в Константинополе и Равенне совершенно иначе понимали индизонимный смысл этого комплимента.

56) К семнадцати провинциям, которые упоминаются в Notitia, Павел Варнефрид (De Reb. Longobard., кн. 2, гл. 14-22) прибавил восемнадцатую, Апеннинскую (Muratori, Script. Rerum Italicarum, том 1, стр. 431-433). Но из них Сардиния и Корсика находились во власти вандалов, а обе Речии, равно как Коттийские Альпы, как кажется, были поставлены под военное управление. Положение четырех провинций, составляющих в настоящее время королевство Неаполитанское, описано у Giannone (том 1, стр. 172, 178) с патриотическим старанием.

57) См. "Историю Готов" Прокопия (кн. 1, гл. 1; кн. 2, гл. 6), "Послания" Кассиодора (во многих местах, но в особенности книги пятую и шестую, в которых помещены *formulae*, или патенты, на различные должности) и "Гражданскую историю неаполитанского королевства" Giannone (том 1, кн. 2, 3). Впрочем, Маффеи (Verona Illustrata, ч. 1, кн. 8, стр. 227) доказывает, что Джанноне ошибается, когда утверждает, что будто в каждый итальянский город назначался готский граф; те же графы, которые находились в Сиракузах и в Неаполе (Var., VI, 22, 23), были командированы туда с временными поручениями.

58) Два итальянца, по имени Кассиодоры, отец (Var., 1, 24, 40) и сын (XI, 24, 25), состояли, один вслед за другим, на службе у Теодориха. Сын родился в 479 г.; его разнообразные послания, писанные в то время, как он был квестором, государственным министром и преторианским префектом, относятся к периоду времени между 509 и 539 годами; потом он жил 30 лет жизнью монаха (Tiraboschi, Storia della Letteratura Italiana, том III, стр. 7-24. Fabricius, Bibliot. Lat. Med. Aevi, том I, стр. 357, 358, изд. Mansi). (Клинтон (F.R. 1, 711) упоминает о четырех поколениях Кассиодоров. Первый из этих *четырёх* Кассиодоров защищал Сицилию против Гензериха. Второй был товарищем Аэтия и послом при Аттиле. Третий был *comes sacrarum* при Одоакре и *patricius* при Теодорихе. Четвертый был секретарем при Теодорихе и при его преемниках и вдовабок к должностям, перечисленным Гиббоном, был также консул Solus A. D. 514. Теодорих был счастлив в своих министрах и, вероятно, много обязан их благоразумным советам благополучием своего царствования. Варвар, который был способен выбирать таких руководителей, уже этим одним заслуживает высокой похвалы. Кассиодор был самым деятельным и самым

опытным из двух его министров; благодаря своему здравому смыслу он усвоил либеральные принципы и философскую точку зрения более развитого, но менее энергичного сотоварища. Послания, которые входят в состав его *Variarum*, представляют редкий сборник подлинных официальных документов, который, так сказать, вводит нас в заседания министров в один из самых интересных периодов, какие встречаются в истории. Гиббон воспользовался этими посланиями с большим искусством. Следует заметить, что, говоря о Кассиодоре, он не упомянул о той утраченной истории, о которой он сказал в главе X, что произведение Иордана "*De Rebus Geticis*" было лишь извлечением из нее. Этот последний, говоря, что он делает извлечение из двенадцати томов одного сенатора, разумел произведение Кассиодора; впрочем, сам Кассиодор не обладал теми сведениями, какие были необходимы для того, чтобы написать хорошую историю готов, а главным образом, он не знал готского языка. По этой-то причине его письмо к вождю герулов (*Var.*, IV, 2) написано по-латыни в том предположении, что послы, которым оно было вручено, переведут его на готский язык. Поэтому, когда он писал о происхождении готов, он руководствовался фантазией, а не сохранившимися у них преданиями. Иордан, который также не был знаком с первоначальными скитаниями своего народа, преклонялся перед ученостью Кассиодора и повторял его заблуждения. В том, что касается более древних событий, эта история не заслуживает большого доверия, а в том, что касается позднейших событий, ее нельзя ставить наряду с теми подробными сведениями, которые мы находим в двенадцати книгах *Variarum*. - *Издат.*)

59) Касательно его изъявлений уважения к сенату, см. *Cochlaeus*, *Vit. Theodor.*, 8, стр. 72-80.

60) Не более ста двадцати тысяч *modii*, или четырех тысяч четвертей (*Anonym. Valesian.*, стр. 721, и *Var.*, 1, 35; VI, 18; XI, 5, 59).

61) Касательно того, с каким вниманием и какою снисходительностью он относился к зрелищам, которые устраивались в цирке, амфитеатре и театре, см. "*Хронику*" и "*Послания*" Кассиодора (*Var.*, 1, 20, 27, 30, 31, 32; III, 51; IV, 51 и четырнадцатое примечание в "*Истории*" Маску), который постарался украсить этот сюжет блестками напыщенной, но довольно привлекательной учености.

62) *Anonym. Vales.*, стр. 721. *Marius Aventicensis* in *Chron.* И по своим общественным заслугам, и по своим личным достоинствам готский завоеватель по меньшей мере настолько же стоит выше Валентиниана, насколько он ниже Траяна. (То, что Теодорих ниже Траяна, было результатом не столько личных свойств, сколько обстоятельств. Если бы первый из них жил во времена последнего и при таких же благоприятных условиях, было бы трудно решить, который из них более велик. - *Издат.*)

63) *Vit Fulgentii* in *Baron. Annal. Eccles. A. D. 500. № 10.*

64) Кассиодор описывает своим пышным слогом форум Траяна (*Var.* VII, 6), театр Марцелла (IV, 51) и амфитеатр Тита (V, 42), и нельзя сказать, чтобы не стоило читать этих описаний. Аббат Бартеlemi высчитал, что по теперешним ценам работы кирпичников и каменщиков обошлись бы для постройки Колизея в двадцать миллионов французских ливров. *Mém. de l'Académie des Inscriptions*, том XXVIII, стр.

585, 586). Но эти работы составляли лишь очень небольшую часть того, что было израсходовано на это громадное здание.

65) Касательно водопроводов и подземных каналов см. Страбона (кн. 5, стр. 360), Плиния (Hist. Nat., XXXVI, 24), Кассиодора (Var., III, 30, 31; VI, 6), Прокопия (Goth., кн. 1, гл. 19) и Нардини (Roma Antica, стр. 514-522). До сих пор остается загадкой, как мог римский король, воздвигнуть такие сооружения.

66) Касательно заботливости готов о зданиях и статуях см. Кассиодора (Var., 1,21,25; II, 34; IV,30; VII, 6, 13, 15) и "Отрывок" Валуа (стр. 721). (Безрассудное разрушение публичных зданий и национальных памятников составляет лишь часть тех оскорбительных обвинений, которые взваливались на наших предков. Но хотя все исследователи признают их неосновательными, клевета была распространена так старательно, что до сих пор трудно искоренить это заблуждение. Все историки свидетельствуют о заботливости, с которой Теодорих охранял благородные произведения искусства, над которыми победа сделала его полным хозяином. Он особенно любил изящную архитектуру и постоянно содержал знающих строителей и надсмотрщиков. В числе этих последних самыми выдающимися были Алозий и Даниил. Первому была поручена (Var., II, 39) починка Апонского фонтана близ Патавия; он, вероятно, был тот самый *custos peritus*, о котором упоминает Кассиодор (Var., VII, 15). Касательно Даниила см. Var., III, 19. Сенатору Симмаху, обнаружившему много искусства и вкуса в возведении своих собственных зданий, был поручен (Var., IV, 51) высший надзор за реставрированием театра Помпея, и на этот предмет были отпущены из государственной казны денежные средства. В гл. 3, стр. 30 и 31, говорится, что префект и сенат были извещены о назначении архитектора Иоанна заведующим работами при исправлении подземных каналов. - *Издат.*)

67) Var., VII, 15. Эти лошади на Monte Cavallo были перевезены из Александрии в бани Константина (Нардини, стр. 188). Аббат Дюбо относится с презрением к их скульптурной работе (*Reflexions sur la Poésie et sur la Peinture*, том I, отдел 39), а Винкельман восхищается ею (Hist. de l'Art., том II, стр. 159). (Утверждали, будто каждая из этих лошадей изображала Буцефала, укрощенного Александром, и что одна из них была работы Фидия, а другая Праксителя. Но первого из этих скульпторов уже не было в живых, когда родился македонский герой, а Плиний при исчислении великих произведений, оставленных этим последним (Hist. Nat., XXXVI, 4), не упоминает о такой статуе. - *Издат.*)

68) Var., X, 10. Это, вероятно, были обломки от какой-нибудь триумфальной колесницы. (*Super, de Elephantis*, II, 10).

69) Прокопий (Goth. кн. 4, гл. 21) рассказывает нелепую историю о телке Мирона, на прославление которой потрачено натянутое остроумие тридцати шести греческих эпиграмм (Antholog., кн. 4, стр. 302-306, изд. Hen. Steph.; Авзон., *Эпигр.* 58-68).

70) См. эпиграмму Эннодия (2, 3, стр. 1893, 1894) касательно этого сада и царственного садовника.

71) О том, как он любил этот город, свидетельствуют эпитет *Verona tua* и легенда героя, носящего варварское имя Дитриха Бернского (*Peringskiold ad Cochlaeum*, стр. 240). Маффеи со знанием дела и с

любовью следит за каждым его шагом в стране, которая была родиной этого писателя (кн. 9, стр. 230-236). (Экгель (VIII, 212) замечает, что Гиббон, будучи введен в заблуждение Сципионом Маффей, назвал изображение Теодорихова дворца медалью, тогда как это очень обыкновенная бронзовая печать, похожая на те, которые дошли до нас от средних веков в значительном числе. Имя Дитриха Бернского, под которым Теодорих является героем древних рассказов, или было германское извращение латинского *Dietericus Veronensis*, или же еще ближе подходило к его настоящему готскому имени. - *Издат.*)

72) См. Maffei, Verona Illustrata, ч. I, стр. 231, 232, 308 и сл. Он приписывает введение готической архитектуры, равно как извращение языка, письменности и пр. не варварам, а самим итальяцам. Ср. его мнение с мнением Тирабоски (том II, стр. 61). (Каково бы ни было происхождение "готической архитектуры", есть много различных точек зрения, не позволяющих считать ее "извращением" какого-либо другого стиля. Она имеет свои отличительные особенности, которые уже сами по себе ставят ее выше греческой во мнении ее поклонников, не подвергая этих поклонников обвинениям в извращении принципов искусства или в неправильности точки зрения. См. искусное изложение этих принципов в Pugin's True Principles of Pointed Achitecture (изд. Bohn, 1853). - *Издат.*)

73) В посланиях Кассиодора прекрасно описаны виллы, климат и местоположение Байи (Var., IX, 6. См. Cluver, Italia Antiq., кн. 4, гл. 2, стр. 1119 и сл.), Истрии (Var., XII, 22, 26) и Кома (Var., XI, 14 делает сравнение с двумя виллами Плиния, IX, 7) (Nullus in orbe sinus. Baia praelucet amoenis - так выражался Гораций, часто бравший сюжетом для своих стихов это любимое место отдохновения римлян. (Carm. 2, 18; 3, 1 и 4. Sat. 2, 4, 32. Epist. 1, 83 и сл.). - *Издат.*)

74) In Liguria numerosa agricolarum progenies (Эннотий, стр. 1678-1680). Св. Епифаний Павийский спас своими молитвами или уплатою выкупа шесть тысяч пленников из рук живших в Лионе и в Савойи бургундов. Такие дела - самые лучшие из всех чудес.

75) Нетрудно уяснить себе политико-экономическую систему Теодориха (см. Anonym. Vales., стр. 721 и Кассиодор in Chron.) касательно: железных руд (Var., III, 23), золотой руды (IX, 3), Понтинских болот (II, 32, 33), Сполетских болот (II, 21), зернового хлеба (I, 34; X, 27, 28; XI, 11, 12), торговли (VI, 7; VII, 9, 23), ярмарки Leucothoe или св. Киприяна в Лукании (VIII, 33), доставки продовольствия (XII, 4), касательно cursus или публичных почтовых сообщений (I, 29; II, 31; IV, 47; VI, 5, VI, 6; VII, 33) и касательно Фламиниевой дороги (XII, 18).

76) LX modii tritici in solidum ipsius tempore fuerunt, et vinum 30 amphoras in solidum (Fragment. Vales.). Из хлебных магазинов раздавали хлеб в зерне в количестве пятнадцати или двадцати пяти modii за одну золотую монету, и цена хлеба всегда была умеренная.

77) См. жизнеописание св. Цезария у Барония, A. D. 508, № 12-14. Король подарил ему триста золотых solidi и серебряный диск весом в шестьдесят фунтов.

78) Ennodius in Vit. St. Epiphani, in Sirmond Op., том 1, стр. 1672-1690. Теодорих оказал некоторые важные милости этому епископу, и обращался к нему за советами в делах мирных и военных.

79) *Devotissimus ac si Catholicus* (Anonum. Vales., стр. 207). Впрочем, его приношение состояло лишь из двух серебряных подсвечников (*cerostrata*), которые весили семьдесят фунтов и по своей ценности были гораздо ниже тех золотых вещей и драгоценных камней, какие можно было видеть в церквах константинопольских и французских (Anastasius in Vit. Pont. in Hormisda, стр. 34, изд. Парижское).

80) Систему веротерпимости, которой он держался во время своего царствования (Ennodius, стр. 1612. Аноним. Vales., стр. 719. Прокопий, Goth. кн. I, гл. 1; кн. 2, гл. 6), можно проследить по "Посланиям" Кассиодора под следующими заголовками: *Епископы* (Var., 1, 9; VIII, 15, 24; XI, 23); *Привилегии* (I, 26; II, 29, 30); *Церковные земли* (IV, 17, 20); *Святыни* (II, 11; III, 47); *Церковная утварь* (XII, 20); *Церковное благочиние* (IV, 44); отсюда также видно, что Теодорих был главой как государства, так и церкви. (Послания, на которые ссылается Гиббон, были написаны в таких выражениях, которые были новы для церковной иерархии и поражали ее удивлением. Первые готские короли, царствовавшие в Италии, хотя и были расположены чтить духовенство и оказывать ему почет, однако старались сдерживать его беспредельную власть и ограничивать его деятельность исполнением религиозных обязанностей. Послание (VIII, 24), адресованное к Clero Ecclesiae Romanae, прямо требует, чтобы эти духовные лица занимались своим делом и не вмешивались в светские дела. - Издат.)

81) Нельзя верить рассказу, будто он приказал отрубить голову одному католическому дьякону, перешедшему в арианскую веру (Theodor. Lector. № 17). Почему Теодориху было дано название Афер? Не происходит ли это слово от *Vafer* (Vales. ad loc.). Это не более как предположение. (Аfare или Affare было средневековое выражение, обозначавшее фермерские или деревенские занятия. Не имело ли это прозвище Теодориха какого-либо отношения к фруктовому саду, который он возделывал своими собственными руками в Равенне? - Издат.)

82) Эннодий, стр. 1621, 1622, 1636, 1638. Его *пасквиль* был одобрен на одном римском соборе и внесен в протокол (*synodaliter*). Бароний, A. D. 503, № 6. Franciscus Pagi in Breviar. Pont. Rom., том I, стр. 242.

83) См.: Кассиодор (Var., VIII, 15; IX, 15, 16), Анастасий (in Symmacho, стр. 31) и восемнадцатое примечание Маску. Бароний, Пажи и большая часть католических ученых свидетельствуют, с гневным ропотом, об этом захвате власти со стороны гота. (Эти послания Кассиодора были написаны после смерти Теодориха от имени молодого короля Аталариха, но, конечно, с одобрения регентши Амаласунты. Первое из них адресовано к римскому сенату с приглашением утвердить папу, избранного покойным монархом; второе адресовано к папе Иоанну II и заключает в себе строгий выговор за взятки, с помощью которых кандидаты на папский престол приобретали голоса сенаторов; третье адресовано к городскому префекту Салвантию с приказанием вырезать на мраморных досках эдикт касательно этих злоупотреблений и ante atrium beati apostoli Petri, in testimonium publicum, collocari. Во втором из этих посланий подвергаются заслуженному порицанию позорные пререкания из-за церковных должностей и бесчестные средства, которые употребляются в дело для

получения этих должностей. Если допустить, что божеская власть могла переходить в руки, запятнанные такими грязными и нечестивыми делами, то нельзя считать взятки и подкуп преступными, когда к ним прибегают для достижения политической власти. - *Издат.*)

84) Он отнял у них - *licentia testandi*, и вся Италия была погружена в скорбь - *lamentabili justitio*. Я желал бы верить тому, что этим наказаниям подвергались лишь мятежники, нарушившие свою клятву в верности; но свидетельство Эннодия (стр. 1675-1678) имеет тем более веса, что он жил и умер в царствование Теодориха.

85) *Ennodius, in Vit. Epiphan.*, стр. 1689, 1690. *Boethius, de Consolatione Philosophiae*, кн. I, прос. 4, стр. 45-47. Уважайте, но взвешивайте страстные увлечения святого и сенатора и подкрепляйте или ослабляйте их жалобы при помощи различных намеков Кассиодора (II, 8; IV, 36; VIII, 5). (Первые два из этих посланий заключают в себе более, чем одни "намек". Там есть такие указания на характер Теодорихова управления, которые делают ему большую честь и заслуживают более подробного упоминания. При одном из этих посланий препровождаются к епископу Северу 1500 *solidi* для раздачи некоторым провинциальным жителям, пострадавшим при проходе армии; другое послание предписывает преторианскому префекту Фавсту вознаградить жителей Коттийских Альп, освободив их от третьего податного обложения (*indictio*). Эти акты справедливости, как кажется, не были вызваны просьбами пострадавших, а были делом правительственной инициативы. - *Издат.*)

86) *Immanium expensarum pondus... pro ipsorum salute ets.*; но это не более как слова.

87) Евреи завели свои колонии в Неаполе (Прокопий, *Goth.*, кн. I, гл. 8), в Генуе (*Var.*, II, 28; IV, 33), Милане (V, 37) и Риме (IV, 43). См также *Basnage, Hist. des Juifs*, том VIII, гл. 7. стр. 254. (В числе мест, которые посещались евреями, ни один автор не называет Венецию. Баснаж не говорит, чтобы в ту пору они завели там свои поселения. Однако уже за сто лет перед тем, как утверждают, этот город был основан и постоянно приобретал все более важное торговое значение. От Кассиодора (*Var.*, XII, 26) мы знаем, что венеты, страдавшие в ту пору от сильного голода, имели так мало внешних торговых сношений, что не могли добыть съестных припасов из других стран и, несмотря на обильные запасы вина в соседней Истрии, не имели кораблей для перевозки этих запасов по своим собственным рекам. Есть еще одно письмо (XII, 24), в котором говорится о Венеции, острова которой, очевидно, принадлежали к континенту и в ту пору были окружены вздымавшимися морскими волнами; *qui nunc terrestres, modo cernitur insularis*. Все это служит дополнительным опровержением раннего возникновения, которое приписывалось этому древнему "дворцу всемирной царицы". - *Издат.*)

88) *Rex avidus communis exitii etc.*; (*Boethius*, кн. I, стр. 59) *rex dolum Romanis tendebat* (Аноним. *Vales.*, стр. 723). Это резкие слова: в них выражается раздражение итальянцев и (я этого опасаюсь) самого Теодориха.

89) Я постарался составить последовательный рассказ из неясных, сжатых и разнородных указаний, которые можно было найти в "Отрывке" Валуа (стр. 722-724), у Феофана (стр. 145), Анастасия (in

Iohanne, стр. 35) и в "Hist. Miscella" (стр. 108, изд. Муратори). Слегка усилить и перефразировать их выражения - не значит исказить их. См. также: Муратори (Annali d'Italia, том IV, сто. 471-478) и "Летописи" и "Требник" (том 1, 259-263) двух Пажи, дяди и племянника.

90) Ле Клерк написал критическую и философскую биографию Аникция Манция Северина Боэция (Bibliot. Choisie, том XVI, стр. 168-275); можно также найти полезные сведения у Тирабоски (том III) и у Фабриция (Bibliot. Latin.). Он родился около 470 года, а умер в 524-м еще не в глубокой старости (Consol. Phil. Metrica 1, стр. 5).

91) Касательно древности и ценности этой рукописи, хранящейся во Флорентийской библиотеке, см. Cenotaphia Pisana (стр. 430-447) кардинала Нориса.

92) Нельзя считать вполне достоверным, что Боэций учился в Афинах (Baronius, A. D. 510, № 3, на основании подложного трактата De Disciplina Scholarum); а восемнадцатилетний срок, бесспорно, слишком длинен; но простой факт посещения Афин подтверждается многими писателями (Brucker, Hist. Crit. Philosoph., том III, стр. 524-527) и словами (впрочем, неясными и двусмысленными) его друга Кассиодора (Var., 1, 45): longe positas Athenas introisti. (Выражения, которые употребляет Кассиодор в этом письме, гораздо более точны и ясно указывают на то, что Боэций учился в Афинах: Atheniensium scholas introisti ut Graecorum dogmata doctrinam feceris esse Romanam. Dibicisti enim, etc. - *Издат.*)

93) Bibliothecae comptos e bore ac vitro parietes etc. (Consol. Phil., кн. 1, pros, 5, стр. 74). В "Посланиях" Эннодия (VI, 6; VII, 13; VIII, 1, 31, 37, 40) и у Кассиодора (Var., 1, 39; IV, 6, IX, 21) есть много доказательств высокого уважения, которым он пользовался в свое время. Известно, что Павийский епископ желал купить старый дом в Милане, принадлежавший Боэцию, а его похвалы, быть может, расточались и принимались в счет уплаты за дом. (Гиббон превратил книжные шкафы из слоновой кости со стеклами во дворец, где все было из слоновой кости и мрамора. Ранние литературные произведения Боэция, и в особенности переведенные им на латинский язык сочинения, которые он привез из Афин, перечислены Кассиодором (Var., 1, 45) с явным одобрением. Боэций находил удовольствие в беседах со своим ученым сотоварищем: delectat nos cum scientibus loqui; в этих словах Кассиодор выражал свои собственные мнения от имени Теодориха (Var., 1, 10). Но в этом случае он сознавал, что имеет дело с человеком, способным критиковать его выражения, и потому сдерживал свою склонность к многословным отвлеченностям. - *Издат.*)

94) Пажи, Муратори и другие писатели утверждают, что сам Боэций был консулом в 510 г., два его сына были консулами в 522 г., а в 487 г. был консулом тоже Боэций - быть может, его отец. Старание доказать, что сам философ Боэций был консулом в 487 году, внесло много сбивчивости в хронологию его жизни. Он говорит о счастье (о прошлом счастье), которое он находил в почестях, личных связях и детях (стр. 109, 110). (Если Боэций родился в 470 г., то как мог он быть "богатым сиротой", имея отца, который был в 487 г. консулом? Гиббон этого не досмотрел, когда рискнул высказать свое предположение. По словам "Пасхальной хроники" и других авторитетов, цити-

руемых Клинтонем (F. R., 1, 740 и II, 205), консулами 522 г. были Симмах и Боэций. - *Издат.*)

95) Si ego scissem tu nescisses. Боэций усвоил ответ (кн. 1, pros. 4, стр. 53) Юлия Кана, который умер смертью философа, описанной в произведении Сенеки "De Tranquillitate Animi", гл. 14.

96) О характере Василия (Var. II, 10, 11; IV, 22) и Опиллиона (V, 41; VIII, 16), которые донесли на Боэция, есть в "Посланиях" Кассиодора сведения, которые не делают им большой чести. В тех же "Посланиях" говорится о Декорате (V, 31), недостойном сотоварище Боэция (кн. 3, pros. 4, стр. 193).

97) О тех, кто провинился в занятии магией, было приказано сделать строгое расследование (Var., IV, 22, 23; IX, 18); некоторые из колдунов, как утверждали в ту пору, спаслись благодаря тому, что навели на своих тюремщиков сумасшествие; я полагаю, что вместо "сумасшествие" было бы правильнее сказать "опьянение".

98) Боэций написал свою собственную "Апологию" (стр. 53), которая едва ли не интереснее его "Утешений". Мы должны довольствоваться общим обзором его почетных отличий, его принципов, испытанных им притеснений и пр. (кн. 1, pros. 4, стр. 42-62) и можем сравнить этот обзор с краткими, но вескими словами, которые находим в "Отрывке" Валуа (стр. 723). Один анонимный писатель (Sinner, Catalog, MSS. Bibliot. Bern., том 1, стр. 287) обвиняет его в делающей ему честь патриотической государственной измене.

99) Он был казнен на Agro Calventiano (Калвензано, между Мариньяном и Павией; Аноним. Vales., стр. 723), по распоряжению графа Тичина или Павии, Евсевия. Место его заключения носит теперь название крестильницы (Baptisterium), которая имеет такую внешнюю форму и такое название, которые даются соборным церквям. Предание, непрерывно сохранявшееся в павийской церкви, не оставляет никаких сомнений насчет этого тождества. Башня, в которой содержался Боэций, существовала до 1584 года, и план ее до сих пор сохранился (Tiraboschi, том III, стр. 47, 48).

100) См. Biographica Britannica, Alfred, том 1, стр. 80, второе издание. Этот труд делает еще более чести Альфреду, если он был исполнен под надзором образованного короля иностранными и домашними учеными, которыми он себя окружал. Касательно репутации, которую пользовались произведения Боэция в средние века, см. Brucker, Hist. Crit. Philosoph. том III, стр. 565, 566.

101) (Надпись, сделанная на его новой гробнице, была сочинена наставником Оттона Третьего, ученым папою Сильвестором II, которого точно так же, как и самого Боэция, называли колдуном вследствие господствовавшего в те времена невежества. Бароний (A. D. 526, № 17, 18) говорит, что католический мученик сам нес в своих руках собственную голову на довольно большом расстоянии; когда одной из мне знакомых дам рассказали подобную басню, она заметила: La distance n'y fait rien; il n'y a que le premier pas qui coute. (Эти слова сказаны г-жой du-Deffand, а сюжетом разговора было чудо, совершенное св. Дионисием (St. Denis). - *Гизо*). (Philippus Burgensis, Suppl. Chron., IX, стр. 85) винил в казни Боэция ариан, а предлагая причислить его к лику святых под именем св. Северина Второго,

придавал этому печальному происшествию характер смешного. - *Издат.*)

102) Боэций хвалит добродетели своего тестя (кн. 1, pros. 4, стр. 59; кн. 2, pros. 4, стр. 118). Прокопий (Goth., кн. 1, гл. 1), "Отрывок" Валуа (стр. 724) и Historia Miscella (кн. 15, стр. 105) единогласно превозносят невинность или святость Симмаха, а по словам одной легенды, его умерщвление равняется по своей преступности заключению папы в тюрьму. (Гиббон забыл указать на свидетельство Кассиодора о том, как все чтити достоинства Симмаха. См. Var., II, 14; IV, 6 и 61. - *Издат.*)

103) Кассиодор, увлекаясь своей фантазией, указывает на разнообразии морской и речной рыбы как на доказательство обширности владений и говорит, что за столом Теодориха подавались рыбы, привезенные с Рейна, из Сицилии и с Дуная (Var. XII, 14). Громадной величины палтус, который был подан за столом Домициана (Ювенал. Satir. 3, 39), был пойман у берегов Адриатического моря.

104) Прокопий, Goth., кн. 1, гл. 1. Однако он мог бы сообщить нам, откуда он узнал эту интересную подробность - от народной молвы или из уст королевского врача.

105) Прокопий, Goth., кн. 1, гл. 1, 2, 12, 13. Этот раздел был сделан Теодорихом, но был приведен в исполнение лишь после его смерти. Regni hereditatem superstes reliquit (Исидор, *Хроника*, стр. 721, изд. Гроц.).

106) Беримунд, происходивший в третьем поколении от короля остготов Германриха, удалился в Испанию, где жил и умер в неизвестности (Иордан, гл. 33, стр. 202, изд. Муратори). См. описание открытия, бракосочетания и смерти его внука Евтариха (гл. 58, стр. 220). Игры, устроенные им в Риме, могли бы сделать его популярным (Кассиодор, in Chron.); но Евтарих был asper in religione (Аноним. Vales, стр. 722, 723).

107) Касательно советов, данных Теодорихом, и взглядов его преемника см. Прокопия (Goth., кн. 1, гл. 1, 2), Иордана (гл. 59, стр. 220, 221) и Кассиодора (Var. VIII, 1-7). Эти послания Кассиодора были триумфом его министерского красноречия.

108) Anonym. Vales., стр. 724. Agnellus de Vitis Pont. Raven. in Muratori Script. Rerum Ital., том II, ч. 1, стр. 67. Alberti, Descrittione d'Italia, стр. 311.

109) Эта легенда рассказана Григорием I (Dialog. IV, 36) и признана за достоверную Баронием (A. D., 526, № 28), а папа и кардинал - такие серьезные ученые, что их мнения могут служить ручательством за *правдоподобие* факта.

110) Сам Теодорих или, вернее, Кассиодор описал трагическим тоном Липарский вулкан (Cluver. Sicilia, стр. 406-410) и Везувий (IV, 50).

Глава XL

Возведение на престол Юстина Старшего. — Царствование Юстиниана. — I. Императрица Феодора. — II. Партии цирка и мятеж в Константинополе. — III. Торговля и шелковые мануфактуры. — IV. Финансы и подати. — V. Воздвигнутые Юстинианом здания. — Церковь Св. Софии. — Укрепления и границы Восточной империи. — Упразднение афинских школ и римского консульства.

Император Юстиниан родился¹⁾ неподалеку от развалин Сарики (теперешней Софии) и происходил от незнатного²⁾ варварского семейства³⁾, жившего в той дикой и неводеланной стране, которая называлась сначала Дарданией, потом Дакийей и, наконец, получила название Болгарии. Его возвышение было подготовлено предприимчивостью его дяди Юстина, который вместе с двумя другими крестьянами одной с ним деревни покинул для военной карьеры более полезные занятия земледелием и скотоводством⁴⁾. Имея в своих сумках лишь небольшой запас сухарей, трое юношей отправились пешком по большой дороге, которая вела в Константинополь, и благодаря своей физической силе и высокому росту были скоро приняты на службу в гвардию императора Льва. При двух следующих императорах счастливый крестьянин достиг богатства и почестей, а его спасение от некоторых опасностей, грозивших его жизни, было впоследствии приписано ангелу-хранителю, пекущемуся о безопасности королей. Продолжительная служба Юстина и его заслуги в войнах с исаврами и персами не спасли бы его имени от забвения, но послужили мотивом для его повышений; в течение пятидесяти лет он мало-помалу возвысился до званий трибуна, графа, генерала, сенатора и был начальником гвардии в момент кризиса, вызванного смертью императора Анастасия. Родственники Анастасия, которых он возвысил из ничтожества и обогатил, были устранены от престола, и властвовавший во дворце евнух Амантий задумал возложить диадему на голову самого покорного из своих любимцев. Чтобы склонить на свою сторону гвардейцев, он поручил их начальнику раздать им щедрые подарки. Но коварный Юстин обратил

эти веские аргументы в свою собственную пользу, и так как никто не осмеливался выступить в качестве претендента на престол, то бывший дакийский крестьянин был облечен в порфиру с единогласного одобрения солдат, знавших его за человека храброго и обходительного, духовенства и народа, считавших его преданным православию, и провинциальных жителей, слепо и безотчетно подчинявшихся выбору столицы. Юстин, прозванный Старшим, в отличие от другого императора, принадлежавшего к тому же роду и носившего такое же имя, вступил на византийский престол, когда ему было шестьдесят восемь лет, и если бы ему не мешали управлять государством по собственному усмотрению, каждый момент его девятилетнего царствования служил бы для его подданных доказательством негодности их выбора. Его невежество было так же велико, как невежество Теодориха, и достоин внимания тот факт, что в веке, не лишенном просвещения, два монарха не умели ни читать, ни писать. Но природные дарования Юстина не могли равняться с дарованиями готского короля; опытность, приобретенная им на военной службе, не сделала его способным управлять обширной империей, и, хотя он не был лишен личного мужества, сознание собственных недостатков естественным образом располагало его к нерешительности, недоверчивости и опасениям во всем, что касалось внутренней или внешней политики. Впрочем, делами управления усердно и честно заведовал квестор Прокл⁵⁾; сверх того, престарелый император нашел для себя опору в дарованиях и честности своего племянника Юстиниана - многообещавшего юноши, которого он оторвал от уединенной деревенской жизни в Дакии и воспитывал в Константинополе, сначала в качестве наследника его личного состояния, а потом в качестве наследника престола.

Так как деньги Амантия были обманным образом употреблены не на тот предмет, на который были назначены, то возникла необходимость лишить его жизни. Эта цель была легко достигнута путем его обвинения в действительном или мнимом заговоре, а судьям было сообщено - в качестве усиливающего его виновность обстоятельства, - что он втайне придерживался манихейской ереси⁶⁾. Амантий был казнен; трое из его товарищей, занимавших во дворце высшие служилые должности, были наказаны или смертью, или ссылкой, а их злосчастный кандидат на императорский престол

был посажен в подземную темницу, забит камнями и с позором брошен в море без погребальных обрядов. Погубить Виталиана было делом и более трудным, и более опасным. Этот готский вождь приобрел популярность тем, что осмелился вести междоусобную войну против Анастасия в защиту православной веры, а после заключения выгодного мира он все еще стоял в окрестностях Константинополя во главе сильной и победоносной армии, состоявшей из варваров. Положившись на данные ему клятвенные обещания, он согласился покинуть эту выгодную позицию и показаться внутри городских стен, рискуя своей личной безопасностью. Между тем городское население, и в особенности партия *синих*, были раздражены против него при помощи коварных интриг, и ему были поставлены в вину даже военные действия, которые он вел с благочестивой целью. Император и его племянник приняли Виталиана как верного и достойного служителя церкви и государства и с признательностью украсили своего любимца титулами консула и военачальника; но на седьмом месяце своего консульства Виталиан был убит семнадцатью ударами кинжала на банкете у императора⁷⁾, а на Юстиниана, к которому перешло все, что осталось после убитого, пало обвинение в умерщвлении единоверца, с которым он незадолго перед тем побратался, вместе участвуя в христианских мистериях⁸⁾. После гибели своего соперника, не отличавшийся никакими военными заслугами Юстиниан был назначен главным начальником восточных армий, во главе которых ему пришлось бы сражаться с врагами государства. Но если бы он стал гоняться за военной славой, он мог бы утратить свою власть над престарелым и слабым дядей, и, вместо того чтобы вызывать рукоплескания своих соотечественников победами над скифами и персами⁹⁾, этот осторожный воин стал искать их милостивого расположения в церквях, в цирке и в константинопольском сенате. Католики были связаны к племяннику Юстина, избравшему между ересями Несториевой и Евтихиевой узкую тропу, которая была про-

* (несторианство (основатель Несторий, Константинополь. патриарх 428-431 гг.) - течение в христианстве, признававшее Христа человеком, который, преодолев человеческую слабость, стал мессией.

Евтихиева ересь - монофизитство, отвергавшее соединение в Христе двух начал - божественного и человеческого: Христу присуща одна природа. Человеческое в Христе было поглощено божественным, а потому он имел лишь кажущуюся плоть. Евтихий, таким образом, признавал Христа не богочеловеком, но только Богом. Учение Евтихия было осуждено как ересь на Константинопольском соборе 448 г. и Халкидонском соборе 451 г. Несторианство было осуждено как ересь на Эфесском соборе 431 г. и Халкидонском соборе 451 г. (антиохийское несторианство).

ложена непреклонным и не допускавшим религиозной терпимости православием¹⁰⁾.

В первые дни нового царствования он старался поддержать и удовлетворить народное возбуждение против памяти покойного императора. После раскола, продолжавшегося тридцать четыре года, он успел смягчить гордость и гнев римского первосвященника и распространить между латинами благоприятный слух о своем почтительном уважении к апостольскому наместнику. Епископские должности восточных церквей были замещены католиками, преданными его интересам; духовенство и монахи были закуплены его щедрыми подарками, а народ приучался молиться за своего будущего государя, которого считал за упование и опору истинной религии. Свое великолепие Юстиниан выказал в необычайной помпе публичных зрелищ - а в глазах толпы это был предмет не менее священный и важный, чем Никейский или Халкидонский символ веры; расходы на его возведение в консульское звание были вычислены в двести восемьдесят восемь тысяч золотых монет; в амфитеатре были выведены на арену за раз двадцать львов и тридцать леопардов, а победителю на скачках цирка был дан экстренный подарок, состоявший из множества лошадей в дорогой конской сбруе. Удовлетворяя вкусы константинопольских жителей и принимая послания иностранных королей, племянник Юстина в то же время старался приобрести расположение сената. Почтенное название этого учреждения, по-видимому, давало его членам право выражать волю народа и определять порядок престолонаследования; при слабодушном Анастасии правительственная власть переродилась в нечто похожее, если не по существу, то по внешней форме, на аристократию, и достигавшие сенаторского звания военные ходили не иначе как в сопровождении своей домашней стражи, состоявшей из ветеранов, которые в момент кризиса могли повлиять силой оружия или возгласами на выбор нового императора. Чтобы закупить сенаторов, щедро расточались государственные сокровища, и они сообщили императору свое единодушное желание, чтобы он соблаговолил усыновить Юстиниана. Но эта просьба, слишком ясно напоминавшая о скорой смерти, возбудила недоверчивость в престарелом монархе, желавшем удержать в своих руках власть, которою он не был способен пользоваться: держась обеими руками за свою императорскую мантию,

Юстин отвечал сенаторам, что так как избрание нового императора доставляет им столь значительные денежные выгоды, то им следовало бы выбрать более престарелого кандидата. Несмотря на этот упрек, сенат украсил Юстиниана царственным эпитетом *nobilissimus*, а его декрет был утвержден дядей из привязанности или из страха. Вследствие неизлечимой раны в бедре и умственные, и физические силы императора скоро пришли в совершенный упадок, так что он не был в состоянии управлять империей без посторонней помощи. Он призвал патриарха и сенаторов и в их присутствии торжественно возложил диадему на голову своего племянника, который отправился вслед за тем из дворца в цирк и был встречен громкими и радостными приветствиями народа. Юстин после этого прожил еще месяца четыре, но с той минуты, как была совершена упомянутая церемония, его считали умершим для империи, которая признала Юстиниана, на сорок пятом году его жизни, законным повелителем Востока¹¹⁾.

Со вступления своего на престол до своей смерти Юстиниан управлял Римской империей в течение тридцати восьми лет семи месяцев и тридцати дней. События его царствования, возбуждающие в нас сильное внимание своим числом, разнообразием и важностью, старательно описаны ритором, который состоял секретарем при Велисарии и который за свое красноречие был возведен в звание сенатора и константинопольского префекта. Смотря по тому, был ли Прокопий бодр духом или раболепен, был ли он в милости или в опале, он¹²⁾ писал то *историю* своего времени, то *панегирик*, то *сатиру*. Восемь книг, в которых рассказаны войны с персами, вандалами и готами¹³⁾ и для которых служат продолжением пять книг Агафия, достойны нашего уважения, как тщательное и успешное подражание аттическим или по меньшей мере азиатским писателям Древней Греции. Он описывал то, что сам видел и слышал, и то, что узнал от других, как солдат, как государственный человек и как путешественник; в своем слоге он постоянно ищет и нередко достигает силы и изящества; его размышления, в особенности в его речах, которые он слишком часто целиком вставляет в свой рассказ, заключают в себе обильный запас политических сведений, а как историк он до такой степени одушевлен благородным желанием восхищать и поучать потомство, что, по-видимо-

му, пренебрегает народными предрассудками и придворной лестью. Сочинения Прокопия¹⁴⁾ читались и высоко ценились его современниками¹⁵⁾; но, хотя он почтительно положил их у подножия трона, Юстиниана должны были оскорбить заключавшиеся в них похвалы герою, который постоянно затмевал славу своего праздного монарха. Благородное сознание своей независимости было заглушено надеждами и опасениями, свойственными рабу, и секретарь Велисария, чтобы заслужить прощение и награду, написал шесть книг об императорских *сооружениях*. Он ловко выбрал блестящий сюжет, дававший ему возможность громко прославлять гений, великолепие и благочестие монарха, который как завоеватель и как законодатель превзошел мелочные добродетели Фемистокла и Кира¹⁶⁾. Обманутые надежды, вероятно, внушили льстецу тайное желание отомстить за себя, а первые проблемски императорской милости, вероятно, побудили его прервать и уничтожить сатиру¹⁷⁾, в которой римский Кир выставлен отвратительным и презренным тираном и в которой император и его супруга Феодора представлены двумя демонами, принявшими человеческую форму для того, чтобы истреблять человеческий род¹⁸⁾. Такие постыдные противоречия, бесспорно, пятнают репутацию Прокопия и ослабляют доверие к его произведениям; тем не менее, если мы отложим в сторону то, в чем изливалась его злоба, мы найдем, что все остальное в его *Анекдотах* и даже в самых скандальных подробностях, иногда слегка упоминаемых в его "Истории", подтверждается и правдоподобием своего содержания, и достоверными свидетельствами современников¹⁹⁾. При помощи этих разнообразных материалов я приступаю к описанию царствования Юстиниана, которое заслуживает того, чтобы мы отвели ему большое место. В настоящей главе я опишу возвышение и характер Феодоры, партии цирка и мирное управление восточного монарха. В трех следующих главах я опишу войны, которые окончились завоеванием Африки и Италии, и буду следить за победами Велисария и Нарсеса, не скрывая ни тщеты их триумфов, ни доблестей их врагов - персидских и готских героев. Здесь и в следующем томе я буду говорить о введенной Юстинианом юриспруденции, о его богословских мнениях, о распрях и сектах, которые и до сих пор еще вносят разлад в восточную церковь, и о реформе римского законодательства, которое или служит ру-

ководством для народов новейшей Европы, или пользуется их уважением.

1. Когда Юстиниан достиг верховной власти, он начал с того, что разделил эту власть с любимой женщиной - знаменитой Феодорой²⁰⁾, необычайное возвышение которой нельзя считать за торжество женской добродетели. В царствование Анастасия забота о диких зверях, содержавшихся в Константинополе партией зеленых, была возложена на уроженца острова Кипра Акакия, которому было дано и соответствовавшее его обязанностям прозвище начальника медведей. Эта почетная должность перешла после его смерти к другому кандидату, несмотря на то что его вдова поспешила запастись новым мужем и готовым для умершего преемником. После Акакия остались три дочери - Комитона²¹⁾, Феодора и Анастасия, из которых самой старшей в ту пору было не более семи лет. Удрученная горем мать вывела их в день торжественного праздника на середину амфитеатра в одежде просительниц; партия зеленых отнеслась к ним с презрением, а партия синих с состраданием, и воспоминание об этом различии в приеме так глубоко запало в душу Феодоры, что впоследствии долго отражалось на управлении империей. По мере того как три сестры достигали расцвета своей красоты, они посвящали себя на публичные и личные забавы византийского населения, а Феодора, сначала появлявшаяся на театральной сцене в качестве прислужницы Комитоны, со складным стулом на голове, наконец получила позволение пользоваться своими дарованиями для своей личной пользы. Она не умела ни танцевать, ни петь, ни играть на флейте; ее дарования ограничивались искусной пантомимой; она особенно отличалась в исполнении шутовских ролей, и всякий раз, как она, надувши свои щеки, жаловалась на нанесенные ей побои комическим тоном и с соответствующей жестикуляцией, весь константинопольский театр оглашался хохотом и рукоплесканиями. Красота Феодоры²²⁾ была предметом более лестных похвал и источником более изысканных наслаждений. Черты ее лица были изящны и правильны; цвет ее лица хотя и был бледноват, но окрашивался натуральным румянцем: всякое душевное волнение немедленно отражалось в ее полных жизни глазах; в ее легкой походке обнаруживалась грация ее гибкого стана, хотя она не была велика ростом, и как любовь, так и лесть могли основательно утвер-

ждать, что ни живопись, ни поэзия не были в состоянии изобразить бесподобную красоту ее форм. Но эту красоту позарила легкость, с которой она выставлялась напоказ перед публикой и употреблялась на удовлетворение сладострастия. Продажные прелести Феодоры были предоставлены на произвол смешанной толпы граждан и иностранцев всякого ранга и всяких профессий; счастливый любовник, которому была обещана ночь наслаждений, нередко бывал вынужден уступить свое место более пылкому или более богатому фавориту, а когда Феодора проходила по улице, от встречи с нею уклонялся всякий, кто желал избежать скандала или соблазна. Рассказывавший ее историю сатирик, не краснея²³⁾, описывал наготу, в которой Феодора не стыдилась появляться на театральной сцене²⁴⁾. Истошив все, что прибавляет к чувственным наслаждениям искусство²⁵⁾, она неблагодарно жаловалась на скупость природы²⁶⁾; но на языке серьезного писателя нельзя подробно говорить ни о ее жалобах, ни о ее удовольствиях, ни о ее утонченных наслаждениях. После того как она была некоторое время предметом и наслаждения, и презрения для столицы, она согласилась сопровождать тирского уроженца Эцебола, назначенного губернатором африканской Пентаполии. Но эта связь была непрочна и непродолжительна; Эцебол удалил от себя дорого стоившую и неверную любовницу; в Александрии она была доведена до крайней нужды, и во время ее трудного переезда в Константинополь каждый из восточных городов восхищался и наслаждался прелестями прекрасной кипрской уроженки, по видимому оправдывавшей свое происхождение с того же острова, который был главным центром поклонения Венере. Неразборчивость Феодоры в ее любовных связях и принятые ею отвратительные предосторожности предохраняли ее от опасности, которой она всего более боялась; тем не менее однажды, и только однажды, она сделалась матерью. Ребенок был сбережен и воспитан в Аравии своим отцом, который сообщил ему перед смертью, что он сын императрицы. Воодушевленный честолюбивыми надеждами, неопытный юноша немедленно отправился в Константинопольский дворец и был допущен в присутствие матери. Так как его никто более не видал даже после смерти Феодоры, то на нее пало позорное подозрение, что смертью сына она заглушила тайну, столь оскорбительную для ее императорской чести.

В то время как положение Феодоры было самое бедственное, а ее репутация была самая позорная, какой-то призрак, явившийся ей во сне или созданный ее фантазией, внушил ей приятную уверенность, что ей суждено сделаться супругой могущественного монарха. В ожидании будущего величия она возвратилась из Пафлагонии в Константинополь, стала разыгрывать роль честной женщины с искусством опытной актрисы, стала снискивать средства существования похвальным трудолюбием, занимаясь прядением шерсти, и стала жить целомудренною одинокою жизнью в небольшом домике, который впоследствии превратила в великолепный храм²⁷⁾. При помощи ли каких-нибудь искусных уловок или вследствие случайности ее красота привлекла и очаровала патриция Юстиниана, который уже самовластно управлял в ту пору империей от имени своего дяди. Быть может, она умела возвысить в его глазах цену тех ласк, которые она так часто расточала людям самого низкого звания, или, быть может, она прибегала сначала к скромным отказам, а потом к чувственным приманкам, чтобы разжигать любовь в сердце человека, который, или вследствие своих врожденных наклонностей, или вследствие благочестия, привык к продолжительным бдениям и к строгой воздержанности. Когда первые восторги Юстиниана стихли, она сохранила над ним свое влияние благодаря более солидным достоинствам своего характера и ума. Он старался облагородить и обогатить предмет своей привязанности; к ее стопам стали сыпаться сокровища Востока, и племянник Юстина решился, быть может из религиозных убеждений, возвести свою любовницу в освященное религией звание законной супруги. Но римские законы решительно запрещали сенаторам вступать в брак с женщинами, опозоренными рабским происхождением или театральной профессией: императрица Лупицина, или Евфимия, родившаяся в варварском семействе, но, несмотря на грубость своего нрава, отличавшаяся безукоризненною добродетелью, отказалась признавать распутную женщину за свою племянницу, и даже суеверная мать Юстиниана Вигиланция, отдававшая справедливость уму и красоте Феодоры, опасалась, чтобы ветреность и наглость этой лукавой любовницы не развратили ее благочестивого сына и не сделались причиной его несчастья. Эти препятствия были устранены непреклонною настойчивостью Юстиниана. Он терпеливо

дождался смерти императрицы, не обратил никакого внимания на слезы матери, которая скоро умерла от огорчения, и издал от имени императора Юстина закон, отменявший издревле установленные стеснительные ограничения. Несчастливым женщинам, опозорившим себя театральной профессией, было дозволено очищать себя *славным раскаянием* (таковы выражения эдикта) и вступать в законный брак с самыми знатными римлянами²⁸). Вскоре вслед за этим разрешением состоялось торжественное бракосочетание Юстиниана с Феодорой; ее положение постоянно возвышалось вместе с положением ее любовника, и лишь только Юстин облек своего племянника в порфиру, Константинопольский патриарх возложил диадему на головы императора и императрицы Востока. Но обычные почести, которые позволялось воздавать супругам монархов согласно со строгими нравами римлян, не могли удовлетворить ни честолюбие Феодоры, ни привязанности Юстиниана. Он возвел ее на престол, как равного с ним и независимого сотоварища в управлении империей, а в верноподданнической присяге, которой требовали от губернаторов провинций, имя Феодоры присоединялось к имени Юстиниана²⁹). Весь Восток преклонился перед гением и фортуной дочери Акакия. Распутную женщину, позорившую константинопольский театр в присутствии бесчисленных зрителей, стали в том же самом городе чтить как императрицу и важные сановники, и православные епископы, и победоносные полководцы, и взятые в плен монархи³⁰).

Кто придерживается мнения, что утрата целомудрия совершенно развращает ум женщины, тот охотно выслушает позорные обвинения, которыми личная зависть и народная ненависть оскорбляли Феодору, умалчивая о ее достоинствах, преувеличивая ее пороки и строго осуждая продажные или добровольные прегрешения юной распутницы. Из стыда или из презрения она нередко уклонялась от раболепных приветствий толпы, не любила показываться в столице и проводила большую часть года внутри дворцов и садов, красиво расположенных вдоль берегов Пропонтиды и Босфора. Часы своего досуга он посвящала столько же предусмотрительной, сколько благодарной заботе о своей красоте, удовольствиям купания и обеденного стола, и продолжительной дремоте по утрам и по вечерам. Ее внутренние апартаменты были наполнены фаворитками и евнухами, интересы и стра-

сти которых она удовлетворяла в ущерб справедливости; самые высокие государственные сановники теснились в ее мрачной и душной прихожей, и, когда после томительного ожидания, наконец, допускались к целованию ног Феодоры, им приходилось выносить, смотря по тому, в каком она была душевном настроении, или безмолвное высокомерие императрицы, или прихотливое легкомыслие комедиантки. Хищническую алчность, с которой она старалась накопить огромные богатства, можно извинить ее опасением, что в случае потери мужа ей не будет иного исхода, как вступить на престол или погибнуть, и, вероятно, не из одного честолюбия, а также из страха она прогневилась на тех двух военачальников, которые имели неосторожность заявить, во время болезни императора, что не намерены подчиняться выбору столичного населения. Но обвинение в жестокосердии, которое так трудно согласовать с более мягкими пороками ее юности, наложило неизгладимое пятно на ее память. Ее многочисленные шпионы ловили и усердно доносили ей о всех поступках, словах или взглядах, которые были оскорбительны для их госпожи. Виновных заключали в особые тюрьмы³¹⁾, недоступные для правосудия, и ходил слух, что их подвергали наказаниям и бичеваниям в присутствии женщины-тирана, которую не трогали никакие мольбы и которая не знала сострадания³²⁾. Некоторые из этих несчастных погибали в пагубных для здоровья подземных темницах, а другие, лишившись физических сил, рассудка и состояния, выпускались на свободу для того, чтобы служить живыми памятниками ее мстительности, которая обыкновенно обрушивалась даже на детей тех, кто навлек на себя ее подозрение или злобу. Сенатора или епископа, присужденного Феодорой к смерти или к ссылке, поручали кому-нибудь из ее надежных приверженцев, а чтобы усилить усердие этого поверенного, императрица обращалась к нему со следующей угрозой: "Клянусь тем, кто живет вечно, что если ты не исполнишь моих приказаний, я велю содрать с тебя кожу"³³⁾.

Если бы религиозные верования Феодоры не были запятнаны ересью, ее примерное благочестие могло бы искупить во мнении ее современников и ее высокомерие, и ее жадность, и ее жестокосердие. Но если она пользовалась своим влиянием для того, чтобы сдерживать императора, когда он увлекался пылом религиозной нетерпимости, то наше время воздаст

должную похвалу ее религии и отнесется очень снисходительно к ее богословским заблуждениям³⁴). Имя Феодоры столько же, сколько имя самого Юстиниана, связано со всеми его благочестивыми и благотворительными учреждениями, а самое благотворное из этих учреждений может быть приписано состраданию императрицы к менее счастливым подругам ее юности, избравшим ремесло проституток по легкомысленному увлечению или под гнетом нужды. Один из дворцов на азиатском берегу Босфора был превращен в великолепный и обширный монастырь, и были назначены достаточные суммы для содержания пятисот женщин, которые были набраны на константинопольских улицах и в притонах разврата. В этом надежном и священном убежище они были обречены на вечное заточение, а благодарность раскаявшихся грешниц к великодушной добродетельнице, избавившей их от порока и нищеты, заставляла позабыть о тех из них, которые с отчаяния бросались в море³⁵). Сам Юстиниан восхвалял благоразумие Феодоры и приписывал изданные им законы мудрым советам своей достопочтенной супруги, которую он считал за дар Божества³⁶). Ее мужество обнаруживалось в то время, когда в народе вспыхивал мятеж, а во дворце все трепетали от страха. Что с момента своего вступления в брак с Юстинианом она не нарушала требований целомудрия, доказывается отсутствием обвинений со стороны непримиримых ее врагов, и, хотя дочь Акакия была пресыщена любовными наслаждениями, все-таки нельзя не отдать справедливость той душевной твердости, которая способна пожертвовать удовольствиями и привычками для удовлетворения более важных требований долга или личного интереса. Желание Феодоры иметь законного сына не сбылось, как она об этом ни молилась, а девочка, которая была единственным плодом ее брачной жизни, умерла в раннем детстве³⁷). Несмотря на эти обманутые надежды, ее владычество было прочно и абсолютно; благодаря искусству или личным достоинствам она сохранила любовь Юстиниана, а их ссоры всегда были губельны для тех царедворцев, которые считали их серьезными. Ее здоровье, быть может, пострадало от распутной жизни, которую она вела в молодости, но оно всегда было деликатно, и доктора предписали ей пользование пифийскими теплыми ваннами. В этой поездке императрицу сопровождали преторианский префект, главный казначей, не-

сколько графов и патрициев и блестящая свита из четырех тысяч человек; большие дороги исправлялись при ее приближении; для ее помещения был выстроен дворец, а в то время как она проезжала по Вифинии, она раздавала щедрые подаяния церквям, монастырям и госпиталям для того, чтобы там молили Небо о восстановлении ее здоровья³⁸). Наконец, она умерла от рака³⁹) на двадцать четвертом году своего супружества и на двадцать втором своего царствования, а ее супруг, который мог бы выбрать взамен развратной комедиантки самую непорочную и самую знатную из восточных девственниц, оплакивал эту потерю как ничем не вознаградимую⁴⁰).

II. В древних публичных зрелищах усматривается одно существенное различие: самые знатные греки выступали в качестве действующих лиц, а римляне были лишь простыми зрителями. Олимпийское ристалище было открыто для богатства, личных достоинств и честолюбия, и если конкурент мог рассчитывать на свое личное искусство и ловкость, он мог идти по стезе Диомеда и Менелая и сам править своими лошадьми на бегу⁴¹). Десять, двадцать, сорок колесниц участвовали в состязании; победитель получал в награду лавровый венок, а его личная слава, слава его семьи и родины воспевалась в лирических стихотворениях, более долговечных, чем памятники из бронзы и мрамора. Но в Риме не только сенатор, но даже не утративший чувства собственного достоинства простой гражданин, постыдился бы выставить в цирке себя или своих лошадей. Игры устраивались на счет республики, должностных лиц и императоров, но вожжи оставались в руках рабов, и если доходы какого-нибудь популярного колесничника иногда превышали доходы адвоката, то на них следует смотреть как на результат народного безрассудства и как на щедрое вознаграждение унижительной профессии. Бега первоначально были не что иное, как состязание между двумя колесницами; возница одной из них был одет в белое платье, а возница другой - в *красное*; впоследствии были введены в употребление еще два цвета - *светло-зеленый* и *голубовато-синий*, а так как бег повторялся двадцать пять раз, то в один и тот же день участвовали в играх цирка по сто колесниц. Существование этих четырех партий скоро было признано легальным; им стали приписывать какое-то таинственное происхождение, а в случайно выбранных ими цве-

тах усмотрели сходство с внешним видом природы в различные времена года - с красноватым блеском Сириуса в летнюю пору, с зимними снегами, с осенним мраком и с приятной для глаз весенней зеленью⁴²⁾. Другое объяснение предпочитало элементы временам года и считало борьбу зеленых с синими за изображение борьбы между землей и морем. Победа той или другой стороны считалась предвестницей хорошего урожая или благополучного плавания, а взаимная вражда между земледельцами и моряками была в некоторых отношениях менее безрассудна, чем слепое увлечение римских жителей, посвящавших свою жизнь и свое состояние тому цвету, который они себе усвоили. Самые мудрые императоры презирали эти безрассудства и потворствовали им; но имена Калигулы, Нерона, Вителлия, Вера, Коммода, Каракаллы и Элиогабала были внесены в списки или *синих* или *зеленых*; они посещали конюшни, принадлежавшие их партии, поощряли ее фаворитов, карали ее антагонистов и снискивали расположение черни тем, что подделывались под ее вкусы. Кровавые и шумные распри постоянно нарушали торжественность публичных зрелищ до последней минуты их существования в Риме, а Теодорих, из чувства справедливости или из личного расположения, вступился за *зеленых*, чтобы оградить их от насилия со стороны одного консула и одного патриция, горячо преданных *синим*⁴³⁾.

Константинополь усвоил не добродетели Древнего Рима, а его безрассудства, и те же самые партии, которые волновали цирк, стали с удвоенной яростью свирепствовать в ипподроме. В царствование Анастасия это народное неистовство усилилось от религиозного рвения, и на одном торжественном празднестве партия *зеленых*, обманным образом скрывшая камни и кинжалы в корзинах, назначенных для фруктов, перебила три тысячи своих *синих* противников⁴⁴⁾. Из столицы эта зараза распространилась по провинциям и городам Востока, и из созданного для забавы различия двух цветов возникли две сильные и непримиримые партии, потрясавшие слабую правительственную власть до самого основания⁴⁵⁾. Народные распри, возникающие из-за самых серьезных интересов или из-за религиозных убеждений, едва ли бывают более упорны, чем эти пустые раздоры, нарушавшие семейное согласие, ссорившие братьев и друзей и вовлекавшие даже редко показывавшихся в цирке женщин в желание

поддержать партию любовника или не исполнить требований мужа. Все законы, и человеческие, и божеские, попирались ногами, и пока партия имела успех, ее ослепленных приверженцев, казалось, не могли тревожить никакие бедствия, ни те, которые постигают частных лиц, ни те, которые обрушиваются на все общество. В Антиохии и в Константинополе снова выступила на сцену демократия со свойственной ей разнузданностью, но без свойственной ей свободы, и поддержка какой-либо партии сделалась необходимой для всякого кандидата, искавшего гражданской или церковной должности. Зеленым приписывали тайную привязанность к семейству или к секте Анастасия; синие были преданы интересам православия и Юстиниана⁴⁶⁾, а их признательный патрон в течение более пяти лет покровительствовал бесчинствам партии, которая бунтовала тогда, когда это было нужно для того, чтобы держать в страхе дворец, сенат и главные города Востока. Возгордившиеся царскою благосклонностью синие, из желания внушать страх, стали носить особую одежду, похожую на одежду варваров; они усвоили манеру Гуннов носить длинные волосы, их широкие платья и узкие рукава, надменную походку и привычку говорить очень громко. Днем они скрывали свои обоюдоострые кинжалы, но по ночам ходили с оружием в руках многочисленными шайками, готовыми на всякое насилие и хищничество. Эти ночные разбойники обирали и нередко убивали своих противников из партии зеленых и даже беззащитных граждан, так что было опасно носить золотые пуговицы и перевязи и показываться поздно вечером на улицах мирной столицы Востока. Их дерзость все возрастала благодаря безнаказанности; они стали врываться в дома и прибегать к поджогам для того, чтобы обеспечивать успех своих нападений или для того, чтобы скрывать следы своих преступлений. Никакое место не было так безопасно или так священо, чтобы в нем можно было укрыться от их насилий; для удовлетворения своего корыстолюбия или личной ненависти они безжалостно проливали кровь невинных; церкви и алтари были осквернены жестокими убийствами, а убийцы хвастались своим искусством наносить смертельную рану одним ударом своих кинжалов. Распутное константинопольское юношество поступало в корпорацию синих, пользовавшуюся привилегией бесчинства; закон безмолвствовал, и общественные узы ослабли; кре-

диторов заставляли отказываться от взысканий, судей - отменять их приговоры, господ - освобождать их рабов, отцов - доставлять средства для мотовства их сыновей, знатных матрон - не противиться сладострастным желаниям их рабов; красивых мальчиков вырывали из рук их родителей, а женщин, если они не предпочитали добровольной смерти, насиловали в присутствии их мужей⁴⁷⁾. Зеленые, будучи доведены до отчаяния преследованиями со стороны своих противников и равнодушием должностных лиц, присвоили себе право самообороны и, быть может, право возмездия; но те из них, которые выходили из борьбы невредимыми, или подвергались смертной казни, или укрывались в лесах и пещерах, где жили добычей, которую хищнически собирали с того самого общества, которое изгнало их из своей среды. Те представители правосудия, которые осмеливались наказывать преступления и презирать мщение синих, делались жертвами своего неблагоразумного усердия: один константинопольский префект спасся бегством и укрылся в иерусалимском святилище; один восточный граф подвергся позорному наказанию плетьюми, а один губернатор Киликии был повешен, по приказанию Феодоры, на могиле двух убийц, которых он осудил за убийство одного из его слуг и за смелое покушение на его собственную жизнь⁴⁸⁾. В общественной неурядице честолюбец может искать опоры для своего возвышения, но монарх обязан и из личных интересов, и по чувству долга поддерживать авторитет законов. Первый эдикт Юстиниана, неоднократно повторявшийся, а иногда и приводившийся в исполнение, возвещал о его твердой решимости защищать невинных и наказывать виновных без всяких различий в их званиях и *цвете*. Несмотря на это, весы правосудия не переставали склоняться на сторону синей партии вследствие тайного пристрастия, привычек и опасений императора; после кажущейся борьбы его правосудие охотно подчинялось неукротимым страстям Феодоры, а императрица никогда не забывала или никогда не прощала обид, нанесенных комедиантке. При своем вступлении на престол Юстин Младший объявил, что будет относиться ко всем с одинаковой и строгой справедливостью и этими словами косвенным образом осудил пристрастие предшествовавшего царствования. "Синие, знайте, что Юстиниана уже нет в живых! Зеленые, знайте, что он еще жив!"⁴⁹⁾

Мятеж, превративший почти весь Константинополь в граду пепла, был последствием взаимной ненависти этих двух партий и их минутного примирения. На пятом году своего царствования Юстиниан справлял празднование январских ид: публичные игры беспрестанно прерывались шумными выражениями неудовольствия со стороны зеленых; до двадцать второго бега император с достоинством хранил молчание; наконец, выйдя из терпения, он произнес несколько резких слов и затем вступил, через посредство глашатая, в самый странный разговор⁵⁰⁾, какой когда, либо происходил между монархом и его подданными. Сначала недовольные были почтительны и скромны в своих жалобах; они обвиняли второстепенных должностных лиц в притеснениях и желали императору долгой жизни и побед. "Дерзкие крикуны, - сказал Юстиниан, - будьте терпеливы и внимательны; евреи, самаритяне и манихеи, молчите!" Зеленые попытались возбудить в нем сострадание. "Мы бедны, мы невинны; нас обижают; мы не смеем проходить по улицам; наше имя и наш цвет повсюду подвергаются преследованиям; мы готовы, государь, умереть; но позволь нам умереть по твоему приказанию и на твоей службе!" Но повторение пристрастных обвинений и гневных оскорбительных слов унизило в их глазах достоинство императорского звания; они отказались от своей верноподданнической присяги, чтобы не быть слугами монарха, отказывающего своим подданным в правосудии; пожалели о том, что Юстинианов отец родился на свет, и заклеили его сына позорными названиями человекоубийцы, глупца и вероломного тирана. "Разве вы вовсе не дорожите вашей жизнью?" - воскликнул разгневанный монарх; тогда синие с яростью вскочили со своих мест; ипподром огласился их громкими угрозами, а их противники, уклонившись от неравной борьбы, наполнили улицы Константинополя сценами ужаса и отчаяния. В эту опасную минуту по городу водили приговоренных префектом к смерти семерых отъявленных убийц из обеих партий и затем отправили их на место казни в предместье Перу. Четверо из них были немедленно обезглавлены; пятый был повешен; но когда повесили двух остальных, они сорвались с веревок и упали на землю; чернь стала рукоплескать их избавлению, а вышедшие из соседнего монастыря монахи св. Конона перевезли их на лодке в свое церковное святилище⁵¹⁾. Так как один из этих преступ-

ников принадлежал к синим, а другой к зеленым, то обе партии были одинаково раздражены - одна жестокосердием своего притеснителя, а другая неблагодарностью своего патрона - и заключили временное перемирие для того, чтобы соединенными силами освободить пленников и отомстить за них. Дворец префекта, выдерживавший напор мятежного сборища, был подожжен; защищавшие его офицеры и стража были умерщвлены, двери тюрем были взломаны, и свобода была возвращена таким людям, которые могли пользоваться ею лишь на пагубу общества. Войска, посланные на помощь гражданским властям, встретили упорное сопротивление со стороны вооруженного сборища, многочисленность и отвага которого ежеминутно увеличивались, а самые свирепые из состоявших в императорской службе варваров - герулы повалили на землю священников, которые, держа в руках мощи святых, неосторожно вмешались в дело с целью прекратить кровопролитную борьбу. Общее смятение усилилось от этого святотатства, и народ с энтузиазмом вступился за дело Божие; с крыш и из окон женщины бросали камни на головы солдат, которые, со своей стороны бросали в дома горящие головни, и пламя пожара, зажженного руками и местными жителями, и иноземцев, беспрепятственно разлилось по всему городу. Оно охватило собор Св. Софии, бани Зевксиппа, часть дворца от первого входа до алтаря Марса и длинный портик от дворца до форума Константина; обширный госпиталь сгорел вместе с находившимися в нем больными; много церквей и великолепных зданий были совершенно разрушены, и огромные запасы золота и серебра или обратились в слитки, или были расхищены. Самые благоразумные и самые богатые граждане бежали от этих сцен ужаса и разорения, переправляясь через Босфор на азиатский берег, и Константинополь был оставлен в течение пяти дней на произвол партий, избравших на этот раз своим лозунгом слово *Ника* (Победи!), которое и обратилось в название этого достопамятного мятежа⁵²⁾.

Пока между партиями господствовал разлад, и торжествующие синие, и упавшие духом зеленые, по-видимому, с одинаковым равнодушием взирали на беспорядки в делах управления. Теперь они стали сообща нападать на злоупотребления в отправлении правосудия и в управлении финансами и стали громко указывать, как на виновников общественных

бедствий, на двух ответственных министров, хитрого Трибониана и корыстолюбивого Иоанна Каппадокийского. Во время внутреннего спокойствия ропот народа был бы оставлен без всякого внимания, но к нему отнеслись с предупредительностью в такую минуту, когда город был объят пламенем; квестор и префект были немедленно удалены от должностей и замещены двумя сенаторами, отличавшимися незапятнанною честностью. Сделав эту уступку общественному мнению, Юстиниан отправился в ипподром для того, чтобы публично сознаться в своих заблуждениях и принять от своих признательных подданных изъявления раскаяния; но они не полагались на его обещания, хотя он и подкреплял свои слова торжественной клятвой над святым Евангелием, и, испуганный этой недоверчивостью, император торопливо удалился внутрь сильных дворцовых укреплений. Тогда упорство мятежников стали объяснять существованием тайного, вызванного честолюбием, заговора и возникло подозрение, что бунтовщики, в особенности те из них, которые принадлежали к партии зеленых, получали оружие и деньги от Гипатия и Помпея, двух патрициев, которые не могли без унижения своего достоинства забыть, что они были племянники императора Анастасия, но и не могли вспоминать об этом, не подвергая свою жизнь опасности. После того как недоверчивый и легкомысленный монарх то относился к ним с доверием, то подвергал их опале, то снова миловал их, они явились к подножию трона как верные подданные и в течение пятидневного мятежа были задерживаемы, как важные заложники; но в конце концов опасения Юстиниана взяли верх над его благоразумием: он стал смотреть на двух братьев как на шпионов и как на таких людей, которые, быть может, замышляют убийство, и грозно приказал им удалиться из дворца. После бесплодного возражения, что исполнение этого приказания может привести их к невольной измене, они возвратились домой, а утром шестого дня Гипатий был окружен и схвачен народом, который, не обращая внимания на его добродетельное сопротивление и на слезы его жены, перенес своего фаворита на форум Константина и вместо диадемы надел на его голову богатое ожерелье. Если бы узурпатор, впоследствии ссылавшийся в свое оправдание на свою неторопливость, последовал советам сената и разжег ярость толпы, ее первый непреодолимый натиск, быть может, сло-

мил бы сопротивление его дрожавшего от страха соперника и низвергнул бы Юстиниана с престола. Из византийского дворца было свободное сообщение с морем; внизу садовой лестницы стояли наготове корабли, и уже было втайне решено перевезти императора вместе с его семейством и сокровищами в безопасное место, не очень отдаленное от столицы.

Гибель Юстиниана была бы неизбежна, если бы распутница, которую он возвысил с театральных подмостков до престола, не утратила вместе с добродетелями своего пола и свойственной женщинам робости. На совещании, в котором принимал участие Велисарий, одна Феодора выказала героическое мужество; она одна была способна спасти императора от неминуемой опасности и от постыдной робости, не рискуя навлечь на себя впоследствии его ненависть. "Если бы бегство, - сказала супруга Юстиниана, - было единственным средством спасения, я все-таки не прибегла бы к нему. Смерть есть неизбежное последствие того, что мы родились на свет; но тот, кто царствовал, не должен переживать утраты своего достоинства и своей власти. Я молю Небо о том, чтобы никто не видел меня ни одного дня без моей диадемы и пурпуровой мантии и чтобы я более не видела дневного света с той минуты, как перестанут приветствовать меня титулом императрицы. Если вы решитесь - о Цезарь! - бежать, в вашем распоряжении сокровища; посмотрите на море, там стоят ваши корабли; но бойтесь, чтобы желание сохранить вашу жизнь не подвергло вас постыдному изгнанию и позорной смерти. Что касается меня, то я держусь мнения древних, что трон - славная могила". Твердость женщины вдохнула в совещающихся решимость обсудить положение дел и действовать, а мужество скоро находит средства, чтобы выйти из самого отчаянного положения. Разжечь взаимную вражду партий было делом нетрудным, которое могло привести к решительным результатам: синие сами удивлялись преступному безрассудству, вовлекшему их, по поводу ничтожной обиды, в союз с их непримиримыми врагами против снисходительного и щедрого благодетеля; они снова подчинились Юстиниану, а зеленые, вместе со своим новым императором, остались одни в ипподроме. На верность гвардейцев нельзя было полагаться, но военные силы Юстиниана состояли из трех тысяч ветеранов, мужество и дисциплина которых окрепли в войнах персидской и иллирийской. Под предводительством Ве-

лисария и Мунда⁵³⁾ они молча выступили из дворца двумя отрядами, проложили себе путь сквозь узкие проходы, сквозь потухавшее пламя пожара и сквозь разваливавшиеся здания и в одно время вломились с двух противоположных сторон в ипподром. В этом узком пространстве, бесчинная и испуганная толпа не была способна сопротивляться энергичному нападению регулярных войск; синие постарались выказать всю пылкость своего раскаяния тем, что убивали всех без сострадания и без разбора, и в этот день, как полагают, погибло более тридцати тысяч человек. Гипатия стащили с его трона и отвели вместе с его братом Помпеем к императору; они молили Юстиниана о помиловании, но их преступность была очевидна, их невинность была сомнительна, и Юстиниан был слишком напуган, чтобы быть в состоянии миловать. Утром следующего дня два племянника Анастасия вместе с восемнадцатью сообщниками патрицианского и консульского ранга были тайно казнены рукою солдат; их трупы были брошены в море, их дворцы были скрыты до основания, а их имения конфискованы. Даже ипподром был обречен на многолетнее печальное безмолвие; но с возобновлением публичных зрелищ возобновились прежние беспорядки и партии синих и зеленых не переставали причинять тревоги Юстиниану и нарушать спокойствие Восточной империи⁵⁴⁾.

III. После того как Рим сделался столицей варваров, в состав этой империи все еще входили народы, покоренные им по ту сторону Адриатики, до самых пределов Эфиопии и Персии. Юстиниан царствовал над шестьюдесятью четырьмя провинциями и над девятьюстами тридцатью пятью городами⁵⁵⁾; его владения были одарены от природы удобствами почвы, положения и климата, и все усовершенствования человеческих искусств распространялись вдоль побережья Средиземного моря и вдоль берегов Нила, от древней Трои до египетских Фив. Плодородие Египта было большим облегчением для Авраама⁵⁶⁾; та же самая страна, состоявшая из узкой и густонаселенной полосы земли, все еще была способна ежегодно доставлять в Константинополь, для прокормления его населения, двести шестьдесят тысяч четвертей пшеницы⁵⁷⁾, и те же самые сидонские мануфактуры, которые за пятнадцать столетий перед тем были прославлены поэмами Гомера⁵⁸⁾, снабжали своими произведениями столицу Юсти-

ниана. Растительная сила, не истощившаяся от двух тысяч жатв, возобновлялась и удваивалась благодаря искусной обработке, богатому удобрению и своевременному отдыху. Разведение домашних животных было доведено до бесконечного разнообразия. Труды многих поколений создали множество плантаций, зданий и орудий труда и роскоши, более долговечных, чем человеческая жизнь. Предание сохраняло, а опыт упрощал применение механических искусств; общество обогащалось от разделения труда и от удобств обмена, и каждый римлянин жил, одевался и кормился трудом тысячи рук. Изобретение ткачества и пряжи приписывалось, из благочестия, богам. Во все века разнообразные произведения животного и растительного царства, как-то: щетина, кожа, шерсть, лен, хлопок и, наконец, *шелк*, подвергались искусной мануфактурной обработке для того, чтобы прикрывать или украшать человеческое тело; они окрашивались в прочный цвет, и искусная кисть мало-помалу научилась придавать новую цену произведениям фабричного труда. Выбор этих красок⁵⁹⁾, подражавших, тому, что красиво в природе, зависел от вкусов и моды, а темно-пурпуровая краска⁶⁰⁾, которую финикияне добывали из раковин, предназначалась исключительно для священной особы императора и для его дворца, и честолюбивый подданный, осмеливавшийся присвоить себе эту прерогативу верховной власти, подвергался тому же наказанию, какое назначалось за государственную измену⁶¹⁾.

Считаю излишним объяснять читателю, что шелк⁶²⁾ первоначально выходит из внутренностей червяка и что он образует золотистую могилу, из которой червяк вылетает в форме бабочки. До времен Юстиниана в одном только Китае водились черви, которые питаются листьями белого тутового дерева; те, которые питаются листьями сосны, дуба и ясеня, водились в большом числе в лесах и Азии и Европы; но так как уход за ними более труден, а добывание от них шелка менее обеспеченно, то ими повсюду пренебрегали, за исключением только небольшого острова Кеос, лежащего неподалеку от берегов Аттики. Из их волокна делали тонкий газ, и это изделие, придуманное женщиной для лиц ее пола, долго было предметом удивления и на Востоке, и в Риме. Хотя одежды мидян и ассирийцев и возбуждают в нас некоторые догадки, находящиеся в связи с этим предметом, все-таки

Вергилий был самый древний писатель, положительно упомянувший о легком волокне, которое собирается с деревьев серов или китайцев⁶³), а это естественное заблуждение, менее удивительное, чем послуживший для него поводом истинный факт, было мало-помалу исправлено изучением драгоценного червя, который сделался главным виновником роскоши, распространившейся у всех народов. Эту редкую и изысканную роскошь порицали, в царствование Тиберия, самые серьезные из римлян, а Плиний осуждал в напыщенных но энергичных выражениях любостяжение тех, которые проникали до самых отдаленных пределов мира с пагубной целью выставить перед публикой одежды, которые вовсе не прикрывают, и женщин, которые, облекшись в них, кажутся вовсе не одетыми⁶⁴). Одежда, сквозь которую можно было видеть формы тела и цвет кожи, удовлетворяла тщеславие или возбуждала сластолюбивые желания; финикийские женщины иногда обращали плотно сотканые китайские материи в нитки и увеличивали количество этого драгоценного материала тем, что ткали из него более жидкие материи и применяли к нему льняную пряжу⁶⁵).

Через двести лет после Плиния материи из чистого шелка или с примесью других материалов употреблялись только лицами женского пола, пока богатые римские граждане и богатые жители провинций не научились следовать примеру Элиогабала, впервые унизившего достоинство императора и мужчины тем, что стал одеваться как женщина. Аврелиан жаловался на то, что фунт шелка продавался в Риме за двенадцать унций золота; но предложение увеличивалось вместе с требованием, а с увеличением предложения уменьшалась цена. Если случайность или монополия иногда подымали цену даже выше той, какая существовала во времена Аврелиана, зато случалось, что те же самые причины заставляли тирских и беритских фабрикантов довольствоваться девятой частью этой сумасбродной цены⁶⁶). Было признано необходимым издать закон, чтобы установить различие между манерой одеваться комедиантов и манерой одеваться сенаторов, и большая часть шелка, который вывозился с места своей родины, шла на нужды Юстиниановых подданных. Они были еще более близко знакомы с раковиной Средиземного моря, прозванной морским шелковичным червем; тонкое волокно или волос, которым прикрепляется к утесу рако-

вина, дающая жемчуг, обрабатывается в наше время скорее из любознательности, чем для пользы, а сделанные из этого странного материала одежды были подарены римским императором армянским сатрапам⁶⁷⁾.

Товар, имеющий высокую цену при небольшом объеме, способен оплачивать расходы сухопутной перевозки, и караваны проходили в двести сорок три дня через всю Азию, от омывающего Китай океана до берегов Сирии. Персидские купцы⁶⁸⁾, посещавшие ярмарки Армении и Низиба, продавали там шелк римлянам; но эта торговля, страдавшая в мирное время от разных притеснений, вызываемых корыстолюбием и завистью, совершенно прекращалась во время продолжительных войн между соперничавшими монархиями. Персидский царь мог с гордостью причислять Согдиану и даже *Серику* к числу провинций своей империи, но на самом деле его владения ограничивались Оксом, а выгодные сношения его подданных с жившими по ту сторону реки согдоитами зависели от произвола сначала гуннов, а потом турок, господствовавших над этим трудолюбивым народом. Но даже варварское владычество этих завоевателей не искоренило земледелия и торговли в стране, которая считается за один из четырех садов Азии; города Самарканд и Бухара занимали выгодное положение для торговли ее разнообразными произведениями, и их купцы, покупавшие у китайцев⁶⁹⁾ шелк в сыром или в обработанном виде, перевозили этот товар в Персию для продажи римским подданным. В тщеславной столице Китая с согдианскими караванами обходились так же, как со смиренными посольствами плативших дань королей, и, если они возвращались оттуда целыми и невредимыми, это смелое предприятие вознаграждалось громадными барышами. Но трудный и опасный переезд от Самарканда до первого города Шензи требовал не менее шестидесяти, восьмидесяти и даже ста дней; переправившись через Яксарт, караван вступал в степь, а когда бродячие шайки хищников не сдерживались присутствием армии или гарнизона, они не стесняясь грабили и граждан, и путешественников.

Чтобы избежать татарских хищников и персидских тиранов, торговцы шелком отыскивали более южный путь, стали перебираться через горы Тибета, спускаться по Гангу или Инду и терпеливо ожидать в портах Гузерата и Малабара

ежегодно прибывавших туда с Запада судов⁷⁰⁾. Но опасности переезда через степь оказались менее тягостными, чем усталость, голод и потеря времени; такие попытки редко возобновлялись, и единственный европеец, проехавший этим редко посещаемым путем, хвастался, что достиг устья Инда через десять месяцев после своего отъезда из Пекина. Впрочем, океан был открыт для свободных сообщений между всеми народами земного шара. От великой реки до тропика Рака китайские провинции были покорены и цивилизованы северными императорами; в начале христианской эры они были покрыты множеством городов, многочисленными жителями и бесчисленными тузовыми деревьями вместе с их драгоценными обитателями, и если бы китайцы, при своем умении пользоваться компасом, были одарены предприимчивостью греков или финикиян, они могли бы распространить свои открытия по всему южному полушарию. Не мое дело проверять, действительно ли они достигали в своих морских поездках до Персидского залива и до мыса Доброй Надежды, а верить в это я нисколько не расположен; тем не менее по своим усилиям и успехам их предки, быть может, стоят не ниже теперешнего поколения, а сфера их плавания, вероятно, простиралась от Японских островов до Малакского пролива, который можно назвать Столбами Восточного Геркулеса⁷¹⁾. Они могли, не теряя из виду твердой земли, плыть вдоль берегов до крайней оконечности Ахинского мыса, который ежегодно посещали десять или двенадцать судов с продуктами, мануфактурными изделиями и даже с рабочими, вывезенными из Китая; об острове Суматре и о лежащем напротив его полуострове слегка упоминают⁷²⁾ древние писатели, как о странах, богатых золотом и серебром, а упоминаемые в "Географии" Птолемея торговые города могут служить указанием на то, что источником этого богатства были не одни рудники. Суматра отстоит от Цейлона в прямом направлении почти на триста миль; китайские и индийские мореплаватели руководствовались полетом птиц и периодическими ветрами и могли безопасно переплывать через океан на четырехугольных судах, на которых борты скреплялись вместо железа крепкими веревками, свитыми из волокна какаовых деревьев. Цейлон, носивший название Серендиба или Тапробаны, находился во владении двух враждовавших между собою монархов, из которых один владел горами, сло-

нами и блестящими венисами, а другой пользовался более солидными богатствами, доставляемыми промышленностью, внешней торговлей и обширной Тринкемальской гаванью, куда стекались и откуда отплывали флоты Востока и Запада. Торговавшие шелком китайцы запасались во время своих переездов алоем, гвоздикой, мускатными орехами и сандалом и вели ничем не стесняемую и выгодную торговлю с жителями берегов Персидского залива на этом гостеприимном острове, находившемся (как рассказывали) на одинаковом расстоянии от тех и от других. Подданные великого царя превозносили его могущество и великолепие и полагали, что у него нет достойных соперников, а тот Римлянин, который смутил их гордость, сравнив их жалкую монету с золотой медалью императора Анастасия, отплыл в Цейлон на эфиопском корабле в качестве простого пассажира⁷³⁾.

Так как шелк сделался необходимым предметом потребления, то император Юстиниан был озабочен тем, что персы присвоили себе монополию сухопутной и морской доставки этого важного продукта и что за счет его подданных обогащались враги и идолопоклонники. Предприимчивое правительство снова оживило бы египетскую торговлю и плавание по Чермному (Красному) морю, пришедшие в упадок вместе с упадком благосостояния империи, и римские корабли могли бы отправляться для закупки шелка в порты Цейлона, Малакки и даже Китая. Но Юстиниан прибегнул к более скромной мере и обратился с просьбой о помощи к своим христианским союзникам, к жившим в Абиссинии эфиопам, которые незадолго перед тем познакомились с искусством мореплавания, стали заниматься торговлей и приобрели приморский порт Адулис⁷⁴⁾, еще украшавшийся трофеями греческого завоевателя. Плавая вдоль берегов Африки в поисках за золотом, изумрудом и благовонными веществами, они достигли экватора; но они благоразумно уклонились от предложения Юстиниана вступить в невыгодную конкуренцию, в которой перевес был бы на стороне персов, менее отдаленных от индийских рынков. Император терпеливо выносил это разочарование до тех пор, пока одно неожиданное происшествие не привело к исполнению его желаний. Евангелие проповедовалось у индийцев; христиане св.Фомы, жившие на Малабарском берегу, где добывается перец, уже управлялись епископом; на Цейлоне была заведена церковь,

и миссионеры проникали по проложенной торговлей стезе до оконечностей Азии⁷⁵⁾. Два персидских монаха долго жили в Китае, быть может, в городе Нанкине, который был столицей монарха, придерживавшегося иностранных суеверий и принимавшего в ту пору послов с острова Цейлона. Среди своих благочестивых занятий они с любопытством смотрели на обыкновенные одежды китайцев, на шелковые мануфактуры и на мириады шелковичных червей, уход за которыми (и на деревьях, и внутри домов) когда-то считался занятием, приличным для цариц⁷⁶⁾. Они скоро убедились, что перевозить этих недолговечных насекомых было бы невозможно, но что их яички могут размножить их породу в отдаленной стране. Не столько любовь к отечеству, сколько религия и личный интерес, руководили действиями персидских монахов после продолжительного путешествия, они прибыли в Константинополь, сообщили о своем замысле императору и нашли горячее поощрение в подарках и обещаниях Юстиниана. Историки, описывавшие царствование этого монарха, считали поход к подножию Кавказа более достойным подробного рассказа, чем труд миссионеров, которые снова отправились в Китай, обманули недоверчивых туземцев, скрыв яички шелковичных червей внутри палки, и с торжеством принесли в Константинополь эту похищенную на Востоке добычу. Под их руководством из яичек вывелись черви при помощи навозной теплоты; этих червей стали кормить листьями тутового дерева; они стали жить и работать в чужой стране; для их размножения сохранили достаточное число куколок, а для прокормления будущих поколений насадили деревья. Опыт и размышление исправили ошибки, вкравшиеся при первой попытке, и в следующее затем царствование согдианские послы сознавались, что римляне не уступали китайским уроженцам в уходе за шелковичными червями и в обработке шелка⁷⁷⁾ - в чем новейшая Европа превзошла и Китай, и Константинополь. Я не равнодушен к наслаждениям, доставляемым изящной роскошью; тем не менее я с некоторой грустью помышляю о том, что если бы монахи перенесли к нам вместо разведения шелковичных червей искусство книгопечатания, с которым китайцы уже были знакомы в ту пору, то комедии Менандра и целые декады Ливия дошли бы до нас в изданиях шестого столетия. Более обширные сведения о земном шаре по меньшей мере спо-

собствовали бы развитию теоретических знаний; но христиане извлекали свои географические познания из текстов св.Писания, а изучение природы считалось за самое несомненное доказательство неверия. Православная религия ограничивала обитаемый мир *одним* умеренным поясом и приписывала земному шару продолговатую фигуру, которая будто бы имела четыреста дней пути в длину, двести дней пути в ширину, была со всех сторон окружена океаном и покрыта солидным кристаллом небесной тверди⁷⁸⁾.

IV. Подданные Юстиниана были недовольны и своим временем, и своим правительством. Европу наводняли варвары, а Азию монахи; бедность Запада обескураживала торговую и мануфактурную предприимчивость Востока; продукты труда тратились на бесполезных церковных, государственных и военных должностных лиц, и составляющие народное богатство как неподвижные, так и пускаемые в обращение капиталы стали заметным образом уменьшаться. Бережливость Анастасия облегчила общую нужду, и этот благоразумный император накопил огромные богатства в то самое время, как он освобождал своих подданных от самых ненавистных и обременительных налогов. Общая признательность сопровождала отмену *скорбного золота* - личного налога на труд бедняков⁷⁹⁾, который, как кажется, был обременителен более по своей форме, чем по существу, так как цветущий город Эдесса уплатил только сто сорок фунтов золота, собранных в четыре года с десяти тысяч ремесленников⁸⁰⁾. Но щедрость Анастасия сопровождалась такой бережливостью, что в течение своего двадцатисемилетнего царствования он отложил из своих ежегодных доходов громадную сумму в тринадцать миллионов фунт. стерлингов, или в триста двадцать тысяч фунтов золота⁸¹⁾. Племянник Юстина не захотел следовать его примеру и стал расточать накопленные им сокровища. Богатства, находившиеся в распоряжении Юстиниана, были скоро истрачены на подаяния, на постройки, на вызванные честолюбием войны и на заключение позорных мирных договоров. Оказалось, что его доходы не покрывают расходов.

Он стал всеми способами вымогать от своих подданных золото и серебро, которые он без всякого расчета разбрасывал на всем пространстве от Персии до Франции⁸²⁾; его царствование ознаменовалось переходами от расточительности к скупости, от роскоши к бедности или, вернее, борьбою меж-

ду этими крайностями; при его жизни ходил слух о скрытых им сокровищах⁸³⁾, а, когда он умер, его преемнику пришлось уплачивать его долги⁸⁴⁾. И современники, и потомство основательно нападали на такие недостатки; но недовольный народ всегда легковерен; личная ненависть не знает стыда, а тот, кто ищет правды, будет осмотнительно пользоваться поучительными анекдотами Прокопия. Тайный историк рисует только пороки Юстиниана, а его недоброжелательная кисть выставляет эти пороки в самом мрачном цвете. Двусмысленные поступки он приписывает самым низким мотивам, ошибку выдает за преступление, случайность за преднамеренность, действие законов за злоупотребление; минутное пристрастное увлечение он ловко возводит в общий принцип тридцатидвухлетнего царствования; на одного императора он возлагает ответственность за ошибки его должностных лиц, за беспорядки того времени и за нравственную испорченность его подданных, и даже такие ниспосылаемые самой природой общественные бедствия, как моровая язва, землетрясения и наводнения, приписывает князю демонов, злоумышленно принявшему внешний вид Юстиниана⁸⁵⁾.

После этого предостережения я вкратце расскажу анекдоты о жадности и хищничестве Юстиниана под следующими рубриками: I. Юстиниан был так расточителен, что не имел возможности быть щедрым. Поступавшие на службу во дворец гражданские и военные должностные лица занимали невидные места и получали скромное содержание; они достигали по старшинству покойных и хорошо оплачиваемых должностей; ежегодные пенсии доходили до четырехсот тысяч фунт. стерл.; но самые почетные из них были уничтожены Юстинианом, и корыстолюбивые или бедные царедворцы оплакивали эту бережливость как самое позорное унижение для величия империи. Почтовые сообщения, содержание докторов и ночное освещение улиц представляли более общий интерес, и города основательно жаловались на то, что Юстиниан захватил городские доходы, назначенные на эти полезные цели. Он обижал даже солдат, и таков был упадок воинственного духа, что он мог обижать их безнаказанно. Император отказался от уплаты пяти золотых монет, которые обыкновенно выдавались им в награду по прошествии каждых пяти лет, заставил своих ветеранов жить подааниями, и во время войн в Италии и в Персии довел свои армии

до того, что не получавшие жалованья солдаты стали массами покидать свои знамена. II. Его предшественники имели обыкновение прощать недоимки по случаю каких-нибудь счастливых событий их царствования и ставили себе в заслугу отказ от таких взысканий, которые были безнадежны.

"В течение тридцати двух лет, Юстиниан ни разу не оказал такой снисходительности, и многие из его подданных отказались от владения землями, ценность которых была недостаточна для удовлетворения казенных взысканий. Анастасий освободил на семь лет от уплаты налогов те города, которые пострадали от неприятельского нашествия; владения Юстиниана терпели опустошения от персов и от арабов, от гуннов и от славонцев; но дарованное им бесполезное и бессмысленное освобождение от налогов на один только год ограничивалось теми городами, которые были взяты неприятелем". Таковы выражения тайного историка, который положительно отрицает, чтобы жителям Палестины было оказано *какое-либо* снисхождение после восстания Самаритян; это было ложное и гнусное обвинение, опровергаемое достоверным свидетельством, что этой опустошенной провинции было выдано пособие в тринадцать центенариев золота (52 000 фунт. ст.) вследствие ходатайства св. Саввы⁸⁶). III. Прокопий не соблаговолил объяснить, в чем заключалась система податного обложения, опустошавшая землю подобно буре, сопровождаемой градом, и поражавшая жителей подобно моровой язве; но мы сделались бы соучастниками в его злобных нападках, если бы возложили на одного Юстиниана ответственность за то древнее и суровое правило, что весь округ должен уплачивать государству за умерших и за разорившихся. *Annona*, или снабжение армии и столицы зерновым хлебом, была тяжелым и произвольным налогом, быть может вдесятеро превышавшим средства земледельцев, а бедственное положение этих последних еще усиливалось от неправильности весов и мер и от обязанности тратить деньги и труд на перевозку этого хлеба в отдаленные центры. В эпохи неурожая соседние провинции - Фракия, Вифиния и Фригия подвергались экстренным реквизициям; но владельцы, совершившие утомительное путешествие и опасный переезд морем, получали такое неудовлетворительное вознаграждение, что предпочли бы отдать у дверей своих хлебных амбаров и свой хлеб, и издержанные на его перевозку день-

ги. Эти меры предосторожности могли бы служить указанием на нежную заботливость о благосостоянии столицы; тем не менее Константинополь не избег хищнического самовластия Юстиниана. До его царствования входы в Босфор и в Геллеспонт были открыты для свободной торговли и был запрещен только вывоз оружия для варваров. У каждого из этих городских ворот был поставлен претор, в качестве орудия императорского корыстолюбия; на корабли и на привозимые в них товары были наложены тяжелые пошлины; бремя этих поборов легло на несчастных потребителей; бедняки стали страдать от искусственного недостатка в съестных припасах и от чрезмерно высоких цен, и привыкшему рассчитывать на щедрость своих монархов народу нередко приходилось жаловаться на недостаток и воды, и хлеба⁸⁷). Так называемый налог на воздух, или воздушный налог, который не имел другого, более ясного названия, не был установлен никаким законом и не падал ни на какой определенный предмет, заключался в том, что император ежегодно принимал в подарок от своего преторианского префекта 120000 фунт. ст., а способ уплаты этого подарка предоставлялся усмотрению этого могущественного сановника. IV. Но даже этот налог был менее обременителен, чем привилегия монополий, препятствовавшая полезной конкуренции торговцев и облагавшая произвольными пошлинами нужды и роскошь подданных ради незначительных и бесчестных барышей.

Автор "Анекдотов" говорит: "Лишь только императорская казна присвоила себе исключительное право торговать шелком, многочисленный класс людей, состоявший из промышленников Тира и Берита, впал в крайнюю бедность; эти люди или умирали с голоду, или искали убежища в персидских владениях, на неприятельской территории". Одна провинция, быть может, действительно пострадала от упадка мануфактурной промышленности; но в том, что касается шелка, пристрастный Прокопий недосмотрел той неоценимой и долговечной пользы, которую доставила империи любознательность Юстиниана. С такой же осмотрительностью следует относиться к тому факту, что Юстиниан увеличил обыкновенную цену медной монеты на одну седьмую; это изменение цены могло быть вызвано основательными мотивами и, как кажется, было безвредно, так как золотая монета⁸⁸), служившая легальным мерилom для казенных и частных плате-

жей, осталась без подмеси и не возвысилась в цене. V. Обширные права, предоставленные откупщикам государственных доходов для того, чтобы они могли исполнять принятые на себя обязательства, нетрудно выставить в более отвратительном свете и истолковать в том смысле, что откупщики покупали у императора право распоряжаться жизнью и достоянием своих сограждан. Более явная продажа почестей и государственных должностей совершалась во дворце с дозволения или по меньшей мере с тайного одобрения Юстиниана и Феодоры. При этом не имели никакого значения ни заслуги, ни даже протекция, и было полное основание предполагать, что отважный спекулятор, вступавший на государственную службу с целью наживы, находил в ней достаточное вознаграждение за свой позор, за свои труды и свой риск, за долги, которые ему приходилось сделать, и за большие проценты, которые ему приходилось уплачивать. Сознание позора и вреда, причиняемых такой торговлей, наконец пробудили из усыпления дремлющую добродетель Юстиниана, и он попытался оградить бескорыстие своего управления требованием клятвы⁸⁹⁾ и назначением строгих наказаний; но по прошествии года, ознаменовавшегося бесчисленными клятвопреступлениями, его суровый эдикт был отменен и подкуп стал, ничем не стесняясь, употреблять во зло свое торжество над бессилием законов. VI. Граф домашней прислуги Евлалий оставил завещание, в котором объявлял императора своим единственным наследником, с тем, впрочем, условием, чтобы Юстиниан уплатил его долги, выдал кому следует назначенные в завещании суммы, дал трем его дочерям приличное содержание и снабдил их, при выходе замуж, приданным в десять фунтов золота. Но блестящее состояние Евлалия сделалось жертвою пожара, и описанное после смерти имущество не превышало своею стоимостью ничтожной суммы в пятьсот шестьдесят четыре золотых монеты. Подобный случай из греческой истории доставлял императору прекрасный пример для подражания. Он сдержал себялюбивый ропот казначея и оправдал доверие друга: он уплатил долги и выдал назначенные по завещанию суммы; три девушки были воспитаны под надзором императрицы Феодоры, и Юстиниан удвоил размеры приданого, которым довольствовалась привязанность их отца⁹⁰⁾. Человеколюбие монарха (ведь монарх не может быть щедр) имеет некоторое право на одобре-

ние; однако даже в этом добродетельном поступке мы усматриваем то укоренившееся обыкновение вытеснять легальных или естественных наследников, которое Прокопий приписывает царствованию Юстиниана. В подтверждение этого обвинения он называет громкие имена и приводит скандальные примеры; ни вдовам, ни сиротам не было пощады, и дворцовые агенты с выгодой изощрялись в искусстве вымаливать, вымогать и подделывать завещания. Эта гнусная и вредная тирания нарушала спокойствие семейной жизни, и тот монарх, который удовлетворял этим способом свое корыстолюбие, мог легко дойти до того, что стал бы ускорять момент открытия наследства, стал бы считать богатство за доказательство преступности и перешел бы от притязаний на наследство к захвату частной собственности путем конфискаций. VII. К числу различных видов хищничества философу, быть может, будет позволено отнести и обращение богатств язычников и еретиков на пользу православных; но во времена Юстиниана этот благочестивый грабеж осуждали лишь те сектанты, которые делались жертвами его православного корыстолюбия⁹¹⁾.

За этот позор ответственность должна падать на самого Юстиниана; но значительная доля его вины и еще более значительная доля барышей принадлежали министрам⁹²⁾, которые редко возводились в это звание за свои добродетели и не всегда выбиралась между теми, кто был более даровит. Заслуги квестора Трибониана будут оценены по достоинству в той главе, где будет идти речь о преобразовании римского законодательства; но управление Востоком было вверено преторианскому префекту, и Прокопий подкрепил содержание своих "Анекдотов", описав в своей публичной истории гласные пороки Иоанна Каппадокийского⁹³⁾. Знания этого префекта не были вынесены из школ⁹⁴⁾, а писал он так, что с трудом можно было понять содержание написанного; но он отличался врожденной способностью давать самые мудрые советы и вывертываться из самого отчаянного положения. Испорченность его сердца равнялась энергии его ума. Хотя его подозревали в привязанности к магии и к языческим суевериям, он, по-видимому, не боялся ни Бога, ни публичного позора и копил огромные богатства, подвергая тысячи людей смертной казни, ввергая миллионы людей в нищету, разоряя города и наводя ужас на целые провинции. С рассвета и до

той минуты, когда он садился за обед, он усердно заботился о том, как обогатить своего повелителя и самого себя за счет римских подданных; остальную часть дня он проводил в грязных чувственных наслаждениях, а среди ночной тишины его беспрестанно тревожил страх понести заслуженное наказание от руки убийцы. Своими дарованиями, а быть может, и своими пороками он снискал неизменную благосклонность Юстиниана; император неохотно сместил его, уступая перед взрывом народного негодования, и немедленно вслед за победой над мятежниками возвратил прежнюю должность их врагу, который в течение своего десятилетнего тиранического управления доказал им, что несчастье не сделало его более скромным, а лишь разожгло в нем жажду мщения. Их жалобы лишь усилили упорство Юстиниана; но милостивое расположение императора внушило префекту такую наглую самонадеянность, что он осмелился прогневить Феодору, осмелился пренебрегать властью, перед которою все преклоняли колени, и попытался посеять семена раздора между императором и его возлюбленной супругой. Даже сама Феодора нашлась вынужденной скрыть свой гнев, выждать благоприятную минуту и при помощи искусно устроенного заговора сделать Иоанна Каппадокийского орудием его собственной гибели. В такое время, когда Велисарий, не будь он герой, мог бы сделаться бунтовщиком, его жена Антонина, пользовавшаяся тайным доверием императрицы, сообщила дочери префекта Евфемии о мнимом неудовольствии своего мужа; легковверная девушка сообщила своему отцу об этих опасных замыслах, и, хотя Иоанн должен был хорошо знать цену клятв и обещаний, он согласился на ночное свидание с женой Велисария, которое имело вид государственной измены. По приказанию Феодоры были поставлены в засаде гвардейцы и евнухи; они устремились с обнаженными мечами на преступного министра с целью арестовать его или убить; его спасла преданность его свиты, но, вместо того чтобы прибегнуть к императору, который был к нему так милостив и который предупредил его об угрожавшей ему опасности, он малодушно укрылся в святилище одной церкви. Любимец Юстиниана был принесен в жертву супружеской привязанности или домашнему согласию; превращение префекта в священника положило конец его честолюбивым надеждам, но дружба императора смягчила его опалу, и он сохранил, во время

своей ссылки в Кизик, значительную часть своих богатств. Такое неполное отмщение не могло удовлетворить непримиримую ненависть Феодоры; умерщвление епископа Кизикского, который был давнишним врагом Иоанна Каппадокийского, доставило ей приличный предлог, и бывший префект, заслуживший своими преступлениями тысячи смертей, был в конце концов осужден за такое преступление, в котором он не был виновен.

Главный министр, удостоенный высоких отличий консульского и патрицианского звания, был позорно наказан плетьюми, как самый низкий злодей; из всех его богатств ему оставили только разорванный плащ; его привезли на барке в Антинополь (в Верхнем Египте), назначенный местом его ссылки, и бывший восточный префект стал просить милостыню в городах, которые прежде трепетали от страха при одном его имени. В продолжение его семилетнего изгнания изобретательное жестокосердие Феодоры и оберегало его жизнь, и повергало ее постоянным опасностям, а когда смерть императрицы позволила Юстиниану возвратить из ссылки слугу, с которым он расстался против воли, честолюбие Иоанна Каппадокийского должно было удовольствоваться скромными обязанностями священнической профессии. Его преемники доказали подданным Юстиниана, что искусство угнетать может быть усовершенствовано опытом и находчивостью; мошенничества одного сирийского банкира были введены в управление финансами, и примеру бывшего префекта стали старательно подражать и квестор, и государственный казначей, и личный императорский казначей, и губернаторы провинций, и высшие должностные лица Восточной империи⁹⁵).

V. Для возведенных Юстинианом построек служили цементом кровь и достояние его подданных; тем не менее эти великолепные сооружения свидетельствовали о благосостоянии империи и, бесспорно, служили доказательством искусства их строителей. Под покровительством императоров изучались и в теории, и на практике те искусства, которые основаны на знании математики и механики; слава Прокла и Анфемия почти равнялась славе Архимеда, и, если бы чудеса, совершенные этими архитекторами, были описаны интеллигентными очевидцами, они могли бы расширить сферу философских умозрений вместо того, чтобы возбуждать к себе недоверие. Существовало предание, что в Сиракузском порту

зажигательные стекла Архимеда обратили римский флот в пепел⁹⁶); к такому же средству, как уверяли, прибегнул Прокл для того, чтобы уничтожить готские суда в Константинопольской гавани и оградить своего благодетеля Анастасия от смелой предприимчивости Виталиана⁹⁷). Он поставил на городских стенах машину, которая состояла из шестиугольного зеркала, сделанного из шлифованной меди, и из нескольких подвижных полигонов меньшего размера, принимавших и отражавших лучи полуденного солнца, и метал всепожирающее пламя на расстояние, быть может, футов двухсот⁹⁸). На достоверность этих двух необыкновенных фактов набрасывает тень сомнения молчание самых беспристрастных историков, и зажигательные стекла никогда не употреблялись ни для нападения на укрепленные города, ни для их обороны⁹⁹). Однако удивительные эксперименты одного французского философа¹⁰⁰) доказали, что устройство таких зажигательных стекол возможно, а если оно возможно, то я охотнее готов приписать это открытие величайшим математикам древности, чем относить его к заслугам праздной фантазии какого-нибудь монаха или софиста. По другим рассказам, Прокл уничтожил готский флот при помощи серы¹⁰¹): в воображении наших современников слово "сера" тотчас наводит на мысль о порохе, а эту догадку подкрепляет покрытое таинственным мраком искусство Проклова ученика Анфемия¹⁰²).

У одного уроженца города Траллы (в Азии) было пять сыновей, из которых каждый отличался и искусством, и успехом в избранной профессии. Олимпий изучил римскую юриспруденцию и в теории, и на практике. Диоскор и Александр были искусными докторами; но первый из них употреблял свои познания на пользу своих сограждан, тогда как более честолобивый его брат приобретал богатства и известность в Риме. Слава грамматика Метродора и слава Анфемия, который был математиком и архитектором, дошли до слуха императора Юстиниана, который пригласил их переехать в Константинополь, и в то время как один из них преподавал молодому поколению правила красноречия, другой наполнял столицу и провинции более долговечными памятниками своего искусства. Этот последний был побежден красноречием своего соседа Зенона в ничтожном споре, возникшем касательно стен или окон их домов, которые были

смежны; но оратор был, в свою очередь, побежден искусным механиком, коварные, хотя и безвредные, проделки которого неясно описаны невежственным Агафием. Он поставил в одной из комнат нижнего этажа несколько сосудов, или котлов, с водой и прикрыл отверстия каждого из них кожаными трубками, которые суживались на концах и были искусно проведены промеж перекладин и балок соседнего дома. Под котлами был разведен огонь; пар от кипевшей воды проникал внутрь трубок; от усилий сжатого воздуха дом пришел в сотрясение, и его испуганные обитатели, конечно, дивились тому, что испытанное ими землетрясение никем не было замечено в городе. Другой раз друзья, сидевшие за столом у Зенона, были ослеплены невыносимо ярким светом, который блестел в их глазах от зеркал Анфемия; они были поражены шумом, который он производил тем, что приводил в столкновение какие-то мелкие и издававшие звук кусочки; наконец, оратор объявил трагическим тоном сенату, что простой смертный должен преклоняться перед могуществом такого противника, который потрясает землю трезубцем Нептуна и подражает грому и молнии самого Юпитера. Монарх, дошедший в своей склонности к постройкам до вредной и дорого стоившей страсти, поощрял и употреблял в дело дарования Анфемия и его сотоварища Исидора Милетского. Любимые архитекторы Юстиниана представляли свои планы и свои затруднения на его усмотрение и скромно сознавались, что их ученые соображения ничего не стоят в сравнении с интуитивными познаниями или небесным вдохновением такого императора, который постоянно имел в виду счастье своих подданных, славу своего царствования и спасение своей души¹⁰³).

Главная церковь, посвященная основателем Константинополя св. Софии, или вечной Мудрости, была два раза уничтожена пожаром, в первый раз вслед за изгнанием Иоанна Златоуста, во второй раз в день *Ники*, во время мятежа синих и зеленых. Лишь только мятеж прекратился, христианское население стало сожалеть о своей нечестивой опрометчивости; но оно могло бы радоваться этому несчастью, если бы предвидело, как будет великолепен новый храм, к постройке которого горячо приступил благочестивый Юстиниан по прошествии сорока дней¹⁰⁴). Место было очищено от развалин; под постройку было отведено более обширное про-

странство, а так как потребовалось согласие собственников смежной земли, то им было выдано непомерно высокое вознаграждение благодаря горячему нетерпению и трусливой совести монарха. Анфемий составил план, и его гений руководил трудами десяти тысяч рабочих, которым никогда не откладывали далее вечера выдачу жалованья изящными серебряными монетами. Сам император, одевшись в полотняную тунику, ежедневно наблюдал за ходом их работ и поощрял их усердие своим фамильярным обхождением, своей заботливостью и своими наградами. Новый собор Св. Софии был освящен патриархом через пять лет одиннадцать месяцев и десять дней после того, как был заложен его фундамент, и среди происходившего по этому случаю торжества Юстиниан с благочестивым тщеславием воскликнул: "Слава Господу, признавшему меня достойным совершить столь великое дело: я поедбил тебя, о Соломон!"¹⁰⁵⁾ Но не прошло и двадцати лет, как гордость римского Соломона была унижена землетрясением, разрушившим восточную часть здания. Настойчивость того же монарха возвратила зданию его прежнее великолепие, и Юстиниан праздновал, на тридцать шестом году своего царствования, вторичное освящение храма, который и по прошествии двенадцати столетий остается величественным памятником его славы. Архитектура Св. Софии, превращенной в настоящее время в главную мечеть, служила предметом подражания для турецких султанов, и это почтенное здание до сих пор возбуждает страстный восторг в греках и более разборчивую любознательность в европейских путешественниках. На зрителя производит неприятное впечатление несимметричность его полукуполов и идущих откосом сводов; западному фасаду, служащему главным входом, недостает простоты и величия, а по своим размерам здание не может равняться с многими из латинских соборных церквей. Но тот архитектор, который впервые соорудил *воздушный* купол, заслуживает похвалы и за смелость замысла, и за его искусное исполнение.

Освещенный двадцатью четырьмя окнами Софийский собор построен с такими незначительными изгибами, что его углубление равняется лишь одной шестой доле его диаметра; этот диаметр имеет сто пятнадцать футов, а высокий центр здания, где полумесяц заменил крест, перпендикулярно возвышается над мостовой на сто восемьдесят футов. Круг, ко-

торым обнесен купол, легко покоится на четырех крепких арках, а их тяжесть ложится на четыре массивных пилястры, к которым присоединяются с северной и с южной стороны четыре колонны из египетского гранита. Здание имеет форму греческого креста, начертанного внутри четырехугольника; его ширина может быть с точностью определена в двести сорок три фута, а в шестьдесят девять футов можно определить самую большую его длину от находящегося на его восточной стороне святилища до девяти западных дверей, которые ведут в сени, а оттуда в *parthex*, или внешний портик. Этот портик служил скромным убежищем для тех, кто находился под епитимьей. Среднюю и главную часть здания наполняли верующие; но мужчинам не позволялось стоять вместе с женщинами, и для этих последних были отведены верхние и нижние галереи, где они были менее на виду. За северным и за южным пилястрами балюстрада, оканчивавшаяся с каждой стороны тронами императора и патриарха, отделяла среднюю часть храма от хоров, а остальное пространство до подножия алтаря занимали духовенство и певчие. Алтарь - с этим названием мало-помалу освоился слух христиан - находился в восточном углублении и был сооружен в форме полуцилиндра; это святилище сообщалось несколькими дверями с ризницей, с крестильницей и с соседними зданиями, которые предназначались или на поддержание пышности богослужения, или в личное пользование церковнослужителей. Воспоминание о прежних несчастных случаях внушило Юстиниану благоразумное решение употреблять при возведении нового здания дерево только для одних дверей, а строительный материал выбирался для каждой части здания сообразно с тем, что для него требовалось - прочность, легкость или блеск. Пилястры, поддерживавшие купол, были сделаны из громадных глыб плитняка, разрезанных на квадраты и треугольники, скрепленных железными обручами и цементированных смесью свинца с негашеной известью; впрочем, чтобы уменьшить тяжесть купола, его сделали из самого легкого материала - или из пемзы, которая держится на поверхности воды, или из кирпичей с острова Родоса, которые вдесятеро легче обыкновенных сортов этого строительного материала. Весь остов здания был построен из кирпича; но этот грубый материал был обложен снаружи мрамором, а с внутренней стороны и купол храма, и две больших главы, и

шесть глав меньшего размера, и стены здания, и множество колонн, и пол восхищали даже варваров роскошною и разнообразною живописью. Поэт¹⁰⁶⁾, видевший собор Св. Софии в его первоначальном блеске, описал цвета, оттенки и крапины десяти или двенадцати сортов мрамора, яшмы и порфира, созданные в бесконечном разнообразии руками природы и перемешанные одни с другими так, что их можно бы было принять за работу искусного живописца. Торжество Христа украшали остатки добычи, отобранной у язычества, но большая часть этих дорогих материалов была добыта из каменноломен Малой Азии, греческих островов, греческого континента, Египта, Африки и Галлии. Одна благочестивая римская матрона пожертвовала восемь порфировых колонн, которые были поставлены Аврелианом в храме Солнца; восемь колонн из зеленого мрамора было доставлены честолюбивым религиозным рвением эфесских должностных лиц; и те и другие были замечательны своими размерами и красотой; но их фантастические капители нельзя отнести ни к какому разряду архитектуры. Множество украшений и фугур были искусно сделаны из мозаики, и перед глазами суеверных греков были неблагоразумно выставлены изображения Христа, Св. Девы, святых и ангелов, которые были впоследствии обезображены турецким фанатизмом. Соразмерно с святостью каждого предмета драгоценные металлы употреблялись в дело или в тонких листьях, или в массивных кусках. Балюстрада хоров, капители колонн, украшения дверей и галерей были из позолоченной бронзы; блеск купола ослеплял зрителей; в святилище было сорок тысяч фунтов серебра, а священные сосуды и украшения алтаря были из самого чистого золота, усыпанного драгоценными камнями, которым не было цены. Когда строившийся храм еще не возвышался над поверхностью земли на два локтя, на него уже была издержана сумма в сорок пять тысяч двести фунтов, а весь расход простирался до трехсот двадцати тысяч фунтов; читатель может, по своему усмотрению, определять ценность этих фунтов на золото или на серебро, но по самому умеренному расчету вся сумма расходов достигала 1 000 000 фунтов стерлингов. Великолепный храм всегда служить похвальным памятником национального вкуса и национальной религии, и входивший в собор Св. Софии энтузиаст, пожалуй, готов бы был принять его за местопребывание или даже за произведе-

ние Божества; однако как грубо это искусство и как ничтожна эта работа в сравнении с организмом самых гадких насекомых, ползавших на поверхности храма!

Дошедшие до нас подробные описания здания могут считаться за доказательство достоверности рассказов о бесчисленных сооружениях, которые были воздвигнуты Юстинианом и в столице, и в провинциях в более скромных размерах и на менее прочном фундаменте¹⁰⁷). В одном Константинополе и в соседних предместьях он построил двадцать пять церквей во имя Христа, Св. Девы и святых; эти церкви были большей частью украшены мрамором и золотом, а местом их сооружения обыкновенно выбирались или многолюдный квартал, или красивая роща, или морской берег, или какое-нибудь возвышение, откуда были видны оба континента - и Европейский, и Азиатский. Церковь Св. Апостолов в Константинополе и церковь Св. Иоанна в Эфесе, как кажется, были построены по тому же образцу; их главы старались подражать куполам Св. Софии, но алтарь был более разумно поставлен под центром купола в пункте соединения четырех великолепных портиков, более верно изображавших внешнюю форму греческого креста. Иерусалимская Богоматерь могла гордиться храмом, который был воздвигнут ее коронованным поклонником на самом неблагоприятном месте, не доставлявшем архитектору ни удобной почвы для постройки, ни нужных материалов. Пришлось поднять уровень глубокой долины на значительную высоту. Камни из находившейся в соседстве каменоломни обтесывались так, что получали правильную форму; каждый из них клали на особую телегу, запряженную сорока самыми сильными волами, и расширяли дороги для проезда этих громадных тяжестей. Из Ливана были привезены самые высокие кедры для плотничной работы, а из найденного в соседстве красного мрамора были сделаны великолепные колонны, из которых две поддерживали внешний портик и считались самыми огромными во всем мире. Благочестивая щедрость императора разлилась по всей Святой земле, и хотя рассудок должен порицать Юстиниана за постройку или реставрирование моанстырей для лиц обоего пола, однако человеколюбие должно одобрять его за то, что он вырывал колодцы и строил госпитали для измученных богомольцев. Склонность египтян к еретическим заблуждениям не давала им права на царские милости; тем не менее и

в Сирии, и в Африке были приняты некоторые меры для облегчения бедствий, причиненных войнами и землетрясениями, и начинавшие восставать из своих развалин Карфаген и Антиохия имели основание чтить память своего великодушного благодетеля¹⁰⁸). Едва ли не каждый из значащихся в календаре святых был почтен сооружением особого храма; едва ли не каждый из городов империи был облагодетельствован постройкой мостов, госпиталей и водопроводов; но разборчивая щедрость монарха не хотела поддерживать в его подданных склонности к баням и театрам. В то время как Юстиниан трудился для общей пользы, он не терял из виду собственного достоинства и своих удобств. Поврежденный пожаром византийский дворец был реставрирован с небывалой роскошью, а о великолепии всего здания можно составить себе некоторое понятие по прихожей или зале, которую называли *chalse* или бронзовой оттого, что ее двери или потолки были сделаны из этого металла. Купол обширного четырехугольного здания поддерживался массивными колоннами; пол и стены были украшены инкрустацией из разноцветных мраморов - из изумрудно-зеленого лаконийского и из огненно-красного и белого фригийского камня, прорезанного жилками зеленоватого оттенка; мозаическая живопись на куполе и на стенах изображала блеск побед, одержанных в Африке и в Италии. На азиатском берегу Пропонтиды, неподалеку от Халкедона, роскошный дворец и сады Герея¹⁰⁹) служили летней резиденцией для Юстиниана и в особенности для Феодоры. Поэты того времени воспевали редкое сочетание красоты природы с красотами искусства и гармонию звуков, в которой участвовали лесные нимфы, фонтаны и морские волны; однако сопровождавшая двор многочисленная свита жаловалась на неудобство помещений¹¹⁰), а нимф слишком часто тревожил знаменитый *Porphyrio* - кит шириною в десять локтей, а длиною в тридцать, выброшенный на берег близ устьев реки Сангария, после того как он в течение полустолетия с лишним свирепствовал на окружавших Константинополь морях¹¹¹).

Юстинианстроил много укреплений и в Европе, и в Азии, но эти боязливые и бесполезные предосторожности служат в глазах философа доказательством слабости империи¹¹²). От Белграда до Евксинского моря и от слияния Дуная с Савой до его устьев более восьмидесяти крепостей были

воздвигнуты вдоль берегов великой реки. Сторожевые башни были превращены в обширные цитадели; инженеры суживали или расширяли пустые стены сообразно с условиями почвы, и затем там поселяли колонистов или гарнизонных солдат; сильное укрепление охраняло развалины Траянова моста¹¹³⁾, а поставленные по ту сторону Дуная военные посты как будто свидетельствовали о величии римского имени. Но это имя уже не внушало прежнего страха; в своих ежегодных набегах варвары проходили мимо этих бесполезных бастионов, не обращая на них никакого внимания, а пограничные жители, вместо того чтобы спокойно жить под сенью правительственной заботливости, должны были с непрерывной бдительностью сами охранять свои жилища. Юстиниан снова населил обезлюдившие города; те, которые были им вновь основаны, приобрели едва ли заслуженную репутацию неприступных и многолюдных, а место, где родился этот самый тщеславный из всех манархов, сделалось для него предметом признательной заботливости. Ничтожная деревушка *Tauresium* получила название *Yustiniana prima* и сделалась местопребыванием архиепископа и префекта, которому были подчинены семь воинственных иллирийских провинций¹¹⁴⁾; она до сих пор служит резиденцией для начальника турецкого санджака¹¹⁵⁾ под извращенным названием города *Giustendil*, находящегося почти в двадцати милях к югу от Софии. Для земляков императора были в очень короткое время построены собор, дворец и водопровод; общественные и частные здания были приведены в соответствие с величием царской родины, а ее крепкие стены выдерживали при жизни Юстиниана все неискусные нападения гуннов и славонцев. Бесчисленные замки, по-видимому покрывавшие всю поверхность страны в Дакии, Эпире, Фессалии, Македонии и Фракии, иногда замедляли наступательные движения варваров и разрушали их надежды на грабеж. Шестьсот таких фортов были частью вновь построены императором, частью приведены в лучший вид; но есть основание думать, что они большей частью состояли из каменных или кирпичных башен, которые возвышались посреди квадратной или кругообразной площадки, окруженной стеною и рвом, и служили в минуту опасности убежищем для крестьян и для рогатого скота из соседних деревень¹¹⁶⁾. Но эти истощавшие государ-

ственную казну сооружения не могли рассеять основательных опасений Юстиниана и его европейских подданных.

Пользование теплыми минеральными водами Анхиала, во Фракии, было сделано столько же безопасным, сколько оно было полезно для здоровья; но роскошные пастбища Фессалоники доставляли фураж для скифской кавалерии; находившаяся в трехстах милях от Дуная прелестная долина Темпей беспрестанно оглашалась звуками военных труб¹¹⁷⁾, и не было ни одного неукрепленного места, как бы оно ни было отдаленно и уединенно, которое могло бы спокойно наслаждаться благодеяниями мира. Фермопильское ущелье, по-видимому охранявшее независимость Греции, но так часто предававшее ее в руки врагов, было старательно укреплено по распоряжению Юстиниана. Заграждавшая все доступы крепкая стена была проведена от берега моря сквозь леса и долины до самой вершины Фессалийских гор. За валом был поставлен гарнизон из двух тысяч солдат взамен наскоро собиравшейся толпы крестьян; для него были устроены хлебные магазины и водоемы, и из предусмотрительности, внушавшей трусость, которую было желательно предотвратить, были устроены укрепленные места на случай отступления. Разрушенные землетрясением стены Коринфа и разваливавшиеся укрепления Афин и Платеи были исправлены; необходимость предпринимать одну за другой утомительные осады обескураживала варваров, а ничем не защищенные города Пелопоннеса были прикрыты укреплениями Коринфского перешейка. Другой полуостров, лежащий на самой оконечности Европейского материка и носивший название Фракийского Херсонеса, вдается в море на три дня пути и образует вместе с соседними берегами Азиатского континента Геллеспонтский пролив. В промежутках между одиннадцатью многолюдными городами находились высокие леса, прекрасные пастбища и годные для возделывания земли, а простиравшийся на тридцать семь стадий перешеек был укреплен одним спартанским генералом за девятьсот лет до вступления Юстиниана на престол¹¹⁸⁾.

Во времена свободы и мужества самый незначительный вал может предохранить от нечаянного нападения; но Прокций, по-видимому, не сознавал этих преимуществ старого времени, когда восхвалял прочную постройку и двойной бруствер вала, который доходил с обеих сторон до берега моря,

но считался недостаточным для обороны Херсонеса, если бы каждый из городов, и в особенности Галлиполи и Сесть, не был окружен особыми укреплениями. Стена, носившая преувеличенное название *длинной*, представляла сооружение, столь же постыдное по своей цели, сколько похвальное по своему исполнению. Богатства столицы разливались по окрестностям, и прелестная как рай константинопольская территория была украшена роскошными садами и виллами сенаторов и богатых граждан. Но эти богатства служили лишь приманкой для отважных и жадных варваров; жившие в беспечной праздности римляне уводились в плен скифами, а их государь мог видеть из окон своего дворца, как зажженное наглыми врагами пламя пожара разливалось до самых ворот его столицы. Анастасий нашелся вынужденным установить крайнюю границу на расстоянии только сорока миль; длинная стена в шестьдесят миль, построенная им от Пропонтиды до Евкссинского моря, свидетельствовала о его военном бессилии; а так как опасность становилась более грозной, то неутомимая предусмотрительность Юстиниана прибавила к ней новые укрепления¹¹⁹⁾.

После покорения исавров¹²⁰⁾ Малая Азия оставалась и без врагов, и без укреплений. Эти смелые дикари, считавшие за унижение быть подданными Галлиена, сохраняли в течение двухсот тридцати лет свою независимость и свою склонность к грабежу. Самые счастливые в своих предприятиях императоры не решались проникать в неприступные горы исавров и опасались их отчаянного сопротивления; свирепость этих дикарей иногда укрощали подарками, иногда сдерживали страхом, и правительство было доведено до такого унижения, что в центре римских провинций содержало три легиона под начальством военного графа¹²¹⁾. Но лишь только бдительность императоров ослабевала или отвлекалась в другую сторону, легко вооруженные эскадры исавров спускались с гор и обрушивались на мирных и зажиточных жителей Азии. Хотя исавры не отличались ни крепким сложением ни особенной храбростью, нужда внушала им отвагу, а опыт сделал их очень искусными в ведении хищнических войн. Они быстро и без шума устремлялись на беззащитные деревни и города; их летучие отряды иногда проникали до берегов Геллеспонта и Евксинского моря, до ворот Тарса, Антиохии и Дамаска¹²²⁾, а награбленную добычу они

успевали укрыть в своих неприступных горах, когда до римских войск еще не дошли приказание выступить в поход, а отдаленная провинция еще не успела привести в ясность своих потерь. В качестве бунтовщиков и грабителей они были лишены прав, признаваемых за воюющими нациями, и должностным лицам было объяснено особым эдиктом, что суд и наказание исавра даже во время празднования Пасхи есть похвальный акт справедливости и благочестия¹²³). Если взятых в плен исавров превращали в домашних рабов, они вшивались с мечем или с кинжалом в руках в личные ссоры своих господ, и ради общественного спокойствия было признано необходимым запретить домохозяевам принимать таких опасных людей в услужение. Когда их соотечественник Траскалиссей или Зенон вступил на императорский престол, он вызвал к себе на службу сильный отряд верных исавров, которые стали угнетать и двор, и столицу и ежегодно получали за это в награду пять тысяч фунтов золота. Но надежда улучшить свое положение заставила их покидать горы, роскошь ослабила их умственную и физическую бодрость, и, по мере того как они стали привыкать к обществу других людей, они стали утрачивать свою способность наслаждаться свободой в бедности и в одиночестве. После смерти Зенона, его преемник Анастасий отменил выдачу им пенсий, подверг их мстительности раздраженного населения, выслал их из Константинополя и приготовился к войне, из которой для них не было иного исхода, кроме победы или рабской покорности. Один из братьев покойного императора присвоил себе титул Августа; оружие, сокровище и запасы, собранные Зеноном, были употреблены на поддержание его притязаний, а исаврийские уроженцы составляли самую незначительную часть ста пятидесяти тысяч варваров, ставших под его знамя, которое было впервые освящено присутствием боевого епископа. Эти недисциплинированные массы людей были разбиты на равнинах Фригии благодаря мужеству и дисциплине готов; но продолжавшаяся шесть лет война почти совершенно истощила мужество императора¹²⁴). Исавры удалились в свои горы; их крепости были осаждены одна за другою и разрушены; их сообщения с морем были прерваны; самые храбрые из их вождей погибли с оружием в руках; остававшихся в живых вождей влекли в цепи по ипподрому перед тем, чтобы предать смертной казни; колония из молодых исавров

была поселена во Фракии, и остальное население подчинилось римскому правительству. Но только через несколько поколений их нрав применился к условиям рабской зависимости. Их всадники и стрелки из лука наполняли многочисленные селения среди гор Тавра; они не подчинялись обложению налогами, но пополняли армии Юстиниана, а для того чтобы сдерживать их склонность к похищению женщин и убийствам, даны были особые полномочия проконсулу Каппадокии, графу Исаврии и преторам Ликаонии и Писидии¹²⁵⁾.

Если мы обратим наши взоры от тропика к устьям Танаиса, наше внимание остановится, с одной стороны, на мерах предосторожности, которые были приняты Юстинианом с целью сдерживать живших в Эфиопии дикарей¹²⁶⁾, а с другой - на длинной стене, которую он построил в Крыму для защиты поселившейся там дружественной готской колонии из трех тысяч пастухов и воинов¹²⁷⁾. От этого полуострова до Трапезунда восточный берег Евксинского моря охранялся укреплениями, союзами и сходством религиозных верований, а обладание *Лазикой*, носившей у древних название Колхиды, а в наше время известной под именем Мингрелии, скоро сделалось целью важной войны. Трапезунд, впоследствии сделавшийся центром романтической империи, был обязан щедрости Юстиниана церковью, водопроводом и замком, который окружали рвы, вырытые в крепкой скалистой почве. От этого приморского города пограничная линия шла на протяжении пятисот миль до крепости Цирцеция, самого отдаленного пункта, который занимали римляне на берегах Евфрата¹²⁸⁾. По ту сторону Трапезунда, на расстоянии пяти дней пути к югу от этого города, страна покрыта мрачными лесами и утесистыми горами, столь же дикими, хотя и не столько же высокими, как Альпы и Пиренеи. В этом суровом климате¹²⁹⁾ снега редко тают, фрукты зреют поздно и не имеют аромата и даже мед ядовит; самые трудолюбивые земледельцы должны ограничиваться возделыванием нескольких красивых долин, а жившие там пастушеские племена довольствовались для своего пропитания мясом и молоком своего скота. *Халибы*¹³⁰⁾ напоминали и своим именем, и своим характером о железистых свойствах местной почвы и со времен Кира непрерывно занимались войнами и грабежом под названиями то халдейцев, то Заниев. В царствование Юстини-

ана они признали и римского Бога и, римского императора, а для того чтобы сдерживать честолюбивые замыслы персидского монарха, семь крепостей были построены в самых доступных горных ущельях¹³¹).

Главный исток Евфрата выходит из Халибских гор и течет к западу, по-видимому направляясь к Евксинскому морю; за тем, повернув к юго-западу, река протекает под стенами Саталы и Мелитены (укрепления которых были исправлены Юстинианом, так как считались оплотом Малой Армении) и мало-помалу приближается к Средиземному морю, но, натолкнувшись на гору Тавр¹³²), направляет свое длинное и извилистое течение к юго-востоку и к Персидскому заливу. Между лежавшими по ту сторону Евфрата римскими городами, наше внимание останавливают на себе два вновь основанных города, названных по имени Феодосия и некоторых святых мучеников, а также две столицы - Амида и Эдесса, пользовавшиеся во все века исторической известностью. Возводя вокруг них укрепления, Юстиниан сообразовался с тем, какие опасности могли им угрожать. Ров и палисада могли быть достаточны для отражения безыскусственных нападений скифской конницы; но для того, чтобы выдерживать правильную осаду против великого царя, имевшего в своем распоряжении регулярную армию и большие денежные средства, требовались более сложные укрепления. Его искусные инженеры умели подводить глубокие мины и подымать платформы на один уровень с валом; своими военными машинами он разрушал самые солидные амбразуры и иногда посылал на приступ целый ряд подвижных башен, поставленных на спине слонов. В больших восточных городах неудобства местности, а иногда и географического положения возмещались усердием жителей, помогавших гарнизону в защите их отечества и их религии, а приписываемое Сыну Божию обещание, что Эдесса никогда не будет взята неприятелем, внушало ее гражданам отважную самоуверенность и наводило на осаждающих нерешительность и страх¹³³). Второстепенные города Армении и Месопотамии были тщательно укреплены, и на всех пунктах, господствовавших над сухопутными или водяными путями сообщения, были поставлены форты, или построенные солидным образом из камня, или воздвигнутые на скорую руку из глины и кирпича. Юстиниан внимательно изучал условия каждой местности и своим ме-

рами предосторожности иногда навлекал бедствия войны на мирных жителей уединенных долин, связанных между собой интересами торговли и родственными узами и относившихся с полным равнодушием и к международной вражде, и к личным ссорам между монархами. К западу от Евфрата песчаная степь тянется на шестьсот миль с лишним до берегов Черного (Красного) моря. Это необитаемое пространство как будто было предназначено самой природой на то, чтобы служить препятствием для честолюбивых замыслов двух соперничавших империй; до появления Мухаммеда, арабы были страшны только своими разбоями, и внушаемая внутренним спокойствием самоуверенная беззаботность оставила без внимания укрепления Сирии, то есть той части империи, которая более всех других была доступна для неприятельского нашествия.

Но продолжавшееся более восьмидесяти лет перемирие прекратило если не вражду между двумя народами, то по меньшей мере ее пагубные последствия. Посол от императора Зенона сопровождал опрометчивого и несчастного Пероза во время его экспедиции против Непфалитов, или Белых гуннов, которые распросранили свои завоевания от Каспийского моря до самого центра Индии, у которых царский трон был украшен изумрудами¹³⁴⁾ и у которых кавалерию поддерживали выстроенные в ряд две тысячи слонов¹³⁵⁾. Персы были два раза вовлечены в такое положение, в котором их мужество оказывалось бесполезным, а бегство было невозможно, и двойная победа гуннов была довершена при помощи военной хитрости. Гунны отпустили своего царственного пленника после того, как он был вынужден преклониться перед величием варварского монарха, а это унижение едва ли сделалось менее позорным от того, что маги, с иезуитским лукавством, посоветовали Перозу обратить свое внимание в ту сторону, где встает солнце. Слепленный гневом, преемник Кира позабыл и об опасностях войны, и о долге признательности; он возобновил нападение с упрямой яростью и поплатился за это потерей и армии, и жизни¹³⁶⁾. Со смертью Пероза Персия сделалась жертвой внешних и внутренних врагов, и только по прошествии двенадцати лет внутренней неурядицы его сын Кабад, или Кобад, мог что-либо предпринять для удовлетворения своего честолюбия или жажды мщения. Грубая скупость Анастасия послужила поводом или предло-

гом для войны с римлянами¹³⁷). Гунны и арабы стали под знамя персов, а укрепления Армении и Месопотамии или находились в ту пору в развалинах, или еще не были dokonчены. Император поблагодарил губернатора и жителей Мартирополя за скорую сдачу города, который не был в состоянии обороняться с успехом, а сожжение Феодосиополя могло служить оправданием для образа действий его благоразумного соседа. Амида подверглась продолжительной и разрушительной осаде; Кабад потерял в течение трех месяцев пятьдесят тысяч человек, но эта потеря не вознаграждалась никакими надеждами на успех, а маги тщетно извлекали приятное предзнаменование из непристойного поведения женщин, которые, стоя на городском валу, показывали осаждающим самые сокровенные свои прелести. В конце концов персы взобрались среди ночной тишины на одну из самых доступных башен, которая охранялась лишь несколькими монахами, впавшими в усыпление от неумеренного употребления вина после какого-то церковного празднества. На рассвете были приставлены к стенам штурмовые лестницы; личное присутствие Кабады, его суровый повелительный тон и обнаженный меч принудили персов одолеть все препятствия, и, прежде чем он вложил этот меч в ножны, восемьдесят тысяч жителей заплатились своей жизнью за гибель его солдат. После взятия Амиды война продолжалась три года, и несчастные жители пограничных провинций испили до дна чашу причиняемых ею бедствий. Золото Анастасия было предложено слишком поздно; численный состав его войск оказывался ничтожным в сравнении с числом его генералов; страна обезлюдела, и живые были оставлены вместе с мертвыми на съедение диким зверям. Соппротивление Эдессы и незначительность военной добычи расположили Кабада к заключению мира; он продал свои завоевания за громадную цену, и между двумя империями была установлена пограничная линия, отличавшаяся от прежней только тем, что она была обозначена убийствами и опустошением. Чтобы предотвратить повторение таких бедствий, Анастасий решился основать новую колонию, настолько сильную, что она была бы в состоянии не бояться персов и настолько неотдаленную от Сирии, что поставленные в ней войска могли бы охранять всю провинцию одной угрозой наступательного движения. С этой целью был населен и украшен город Дара¹³⁸), находившийся

в четырнадцать милях от Низибя и в четырех днях пути от Тигра; сооружения, возведенные Анастасием на скорую руку, были приведены в лучший вид благодаря настойчивым усилиям Юстиниана, и мы можем, не останавливаясь на других, менее важных военных пунктах, составить себе по укреплениям Дары понятие о том, какова была в ту пору военная архитектура.

Город был окружен двумя стенами, а оставленный между ними промежуток в пятьдесят шагов служил убежищем для скота осажденных. Внутренняя стена отличалась и прочностью, и красотой; она возвышалась над землей на шестьдесят футов, а ее башни имели вышину ста футов; амбразуры, из которых можно было беспокоить неприятеля метательными снарядами, были невелики, но многочисленны; стоявших вдоль городского вала солдат прикрывали двойные галереи, а на вершине башен находилась третья платформа, просторная и безопасная. Внешняя стена, как кажется, была не так высока, но более плотна, а каждую башню охранял четырехугольный бастион. Твердая каменистая почва служила препятствием для подведения мин, а с юго-восточной стороны, где грунт более мягок, усилия саперов были бы остановлены новым сооружением, выдвигавшимся вперед в форме полумесяца. Двойные и тройные рвы были наполнены проточной водой, а в том, что касалось направления течения, были предприняты самые искусные земляные работы с целью снабдить водою жителей, отнять ее у осаждающих и предотвратить естественное или искусственное наводнение. В течение более шестидесяти лет Дара выполняла назначение, для которого была основана и возбуждала зависть в персах, беспрестанно жаловавшихся на то, что сооружение этой неприступной крепости было явным нарушением мирного договора, заключенного между двумя империями.

Лежащие между Евксинским и Каспийским морями Колхида, Иберия и Албания перерезываются во всех направлениях отраслями Кавказских гор, а двое главных *ворот*, или проходов, в направлении от севера к югу часто смешивались и древними, и новейшими географами. Название *Каспийских* или *Албанских* ворот должно относиться к Дербенту¹³⁹⁾ лежащему на небольшой покатости между горами и морем; если верить местным преданиям, этот город был основан греками, а персидские цари укрепили этот опасный для неприятеля

теля проход сооружением молы, двойных стен и железных ворот. *Иберийские* ворота¹⁴⁰⁾ образуются узким проходом сквозь Кавказские горы, имеющим в длину шесть миль; с северной стороны Иберии, или Грузии, он ведет в равнину, простирающуюся до берегов Танаиса и Волги. Над этим важным ущельем господствовала крепость, построенная или Александром, или одним из его преемников; по праву завоевания или наследования она досталась одному гуннскому монарху, который предложил ее за умеренную цену императору; но, в то время как Анастасий колебался, взвешивая расходы и расстояние, в это дело вмешался более бдительный соперник, и Кабад силою завладел Кавказским ущельем. Албанские и Иберийские ворота закрывали скифским всадникам самый короткий и самый удобный путь, а с фронта горы были прикрыты валом Гога и Магога - длинной стеной, возбуждавшей любопытство в арабском халифе¹⁴¹⁾ и в русском завоевателе¹⁴²⁾. По новейшим описаниям, эта стена построена из громадных камней, которые имеют по семи футов в толщину и по двадцати одному футу в длину или в вышину и которые искусно скреплены без помощи железа или цемента; она тянется на расстояние трехсот миль с лишним от берега, где стоит Дербент, и проходит по холмам и долинам Дагестана и Грузии. Можно полагать, что Кабад задумал это предприятие не вследствие внушений свыше, а из политических расчетов и что оно было приведено в исполнение без помощи чудес его сыном, который был так страшен для римлян под именем Хосрова и так дорог для своих восточных подданных под названием Нуширвана. Персидский монарх держал в своих руках ключ к миру и к войне, но во все мирные договоры он вносил условие, что Юстиниан должен участвовать в расходах на содержание укреплений, охранявших и ту и другую империю от вторжений скифов¹⁴³⁾.

VII. Юстиниан упразднил и афинские школы, и римское консульское звание, давшие человечеству столько мудрецов и героев. Правда, эти учреждения уже давно утратили свой первоначальный блеск; тем не менее нельзя не отнести с заслуженным порицанием к жадности и завистливости монарха, руками которого были уничтожены столь почтенные остатки старины.

После своих триумфов над персами афиняне заимствовали философию из Ионии и риторику из Сицилии; эти ученые

занятия сделались наследственным достоянием города, жители которого, в числе почти тридцати тысяч человек мужского пола, сосредоточивали в себе, в течение жизни только одного поколения, гений многих веков и многих миллионов людей. Сознание человеческого достоинства усиливается в нас при одном воспоминании, что Исократ¹⁴⁴⁾ жил в обществе Платона и Ксенофонта, что он присутствовал - быть может, вместе с историком Фукидидом - на первых представлениях Софоклова *Эдипа* и Еврипидовой *Ифигении* и что его ученики Эсхин и Демосфен состязались из-за награды за патриотизм в присутствии Аристотеля - наставника Феофраста, который занимался в Афинах преподаванием в одно время с основателями школ стоической и эпикурейской¹⁴⁵⁾. Богородное юношество Аттики пользовалось благами этого домашнего образования и делилось ими с другими городами без опасения соперничества. Две тысячи учеников посещали лекции Феофраста¹⁴⁶⁾; школы, в которых преподавалась риторика, вероятно, имели еще более учеников, чем школы, в которых преподавалась философия, и быстро сменявшие одни других ученики распространяли славу своих наставников повсюду, где были известны язык и имя греков. Пределы этой известности расширились вследствие побед Александра; искусства Афин пережили их свободу и могущество, а греческие колонисты, поселенные македонянами в Египте и рассеявшиеся по всей Азии, часто пускались в далекое странствование для того, чтобы поклониться Музам в их излюбленном храме на берегах Илисса. Латинские завоеватели почтительно выслушивали поучения от своих подданных и пленников; имена Цицерона и Горация были внесены в списки афинских школ, а после того как там упрочилось римское владычество, уроженцы Италии, Африки и Британии беседовали в рощах Академии со своими соучениками, прибывшими с Востока. Изучение философии и красноречия сродно с той формой народного управления, которая поощряет свободу исследований и подчиняется лишь силе убеждения. В республиках греческой и римской дар слова служил могущественным орудием для патриотизма и для честолюбия, и школы риторики были рассадниками государственных людей и законодателей. Когда свобода публичных прений была уничтожена, оратор мог вступаться за невинность и за правду в почетной адвокатской профессии; он мог употреблять во зло свои даро-

вания в более доходном ремесле панегириста, а старые правила все еще соблюдались и в причудливых декламациях софиста, и в более скромных красотах исторического изложения. Различные системы, с помощью которых пытались объяснить свойства Бога, людей и всей вселенной, возбуждали любознательность в том, кто изучал философию, и он мог, сообразно со своими наклонностями, или сомневаться вместе со скептиками, или все решать вместе со стоиками, или возвышаться до отвлеченных умозрений вместе с Платоном, или придерживаться строгой аргументации Аристотеля. Гордость различных сект устанавливала недостижимый предел для нравственного благополучия и совершенства; но состязание было и блестяще, и благотворно; ученики Зенона и даже ученики Эпикура научились и действовать, и выносить страдания, а смерть Петрония, столько же сколько и смерть Сенеки, была унижением для тирана, которому она доказывала его бессилие. Свет знания не ограничивался внутренностью афинских стен. Жившие в этом городе неподражаемые писатели обращались ко всему человеческому роду; преподаватели переселялись в Италию и в Азию; в более позднюю эпоху Берит сделался центром изучения юриспруденции; астрономию и физику преподавали в Александровском музее; но аттические школы риторики и философии сохраняли свою громкую известность с Пелопоннесской войны до царствования Юстиниана. Хотя Афины и построены на непроизводительной почве, они пользовались чистым воздухом, удобствами для мореплавания и памятниками древнего искусства. Спокойствие этого священного убежища редко нарушалось заботами о торговле или о делах управления, и самый последний из афинян обладал живостью ума, изяществом вкуса и языка, привычкой к общежитию и, по меньшей мере на словах, некоторыми признаками такого же душевного величия, каким отличались его предки. Находившиеся в городских предместьях *академия* платоников, *лицей* перипатетиков, *портик* стоиков и *сад* эпикурейцев были усажены деревьями и украшены статуями, а сами философы, вместо того чтобы запирались в своей школе как в монастыре, поучали среди широких и красивых аллей, которые посвящались в различные часы дня то на умственные упражнения, то на физические. В этих почтенных убежищах еще жил гений их основателей; честолюбивое желание занять место руководи-

теля человеческого разума возбуждало благородное соревнование, а при каждой открывшейся вакансии достоинства кандидата взвешивались просвещенным населением путем свободной подачи голосов. Афинские учителя получали денежное вознаграждение от своих учеников; размер этого вознаграждения, как кажется, доходил от одной мины до одного таланта, соразмерно с искусством преподавателей и с денежными средствами учеников, и даже насмежавшийся над алчностью софистов Исократ требовал в своей школе риторики почти по тридцать фунтов стерлингов с каждого из своих ста учеников. Плата, получаемая за труд, и справедлива, и почетна, однако тот же самый Исократ проливал слезы, когда получил ее в первый раз; Стоик мог бы покраснеть от стыда, когда ему предлагали денежное вознаграждение за то, что он проповедовал презрение к деньгам, и мне было бы неприятно узнать, что Аристотель или Платон до такой степени уклонились от подражания Сократу, что стали применять свои познания на золото. Но закон позволил афинским школам получать в дар или по завещанию умерших друзей земли и дома. Эпикур завещал своим ученикам сады, купленные им за восемьдесят мин, или за двести пятьдесят фунтов стерлингов, и присовокупил к этому капитал, достаточный для их скромного пропитания и для ежемесячных пирушек¹⁴⁷). Оставшееся после Платона состояние послужило фондом для ежегодной ренты, которая мало-помалу возвысилась через восемь столетий с трех золотых монет до тысячи¹⁴⁸). Афинским школам оказывали покровительство самые мудрые и самые добродетельные из римских императоров.

Библиотека, основанная Адрианом, помещалась в портике, который был украшен картинами, статуями и алебастровым потолком и который поддерживали сто колонн из фригийского мрамора. Благодаря великодушию Антонинов профессорам было назначено содержание из государственной казны, и каждый профессор государственного права, риторики, философии платоновской, перипатетической, стоической и эпикурейской стал получать ежегодное жалованье в десять тысяч драхм, или более чем в триста фунтов стерлингов¹⁴⁹). После смерти Марка Аврелия как эти щедрые пожалования, так и присвоения *престолам* знания привилегии, то отменялись, то возобновлялись; то уменьшались, то расширялись; но при

преемниках Константина еще можно отыскать некоторые признаки императорских щедрот, а предпочтение, которое они иногда оказывали недостойным кандидатам, могло внушать афинским философам сожаления о прежней самостоятельности и бедности¹⁵⁰). Достоин внимания тот факт, что Антонины относились с беспристрастной благосклонностью к четырем соперничавшим между собой философским сектам, считая их одинаково полезными или по меньшей мере одинаково безвредными. Сократ сначала был славой своей родины, а потом был причиной падавших на нее обвинений, а первые публичные лекции Эпикура так сильно оскорбили благочестивый слух афинян, что изгнанием и самого Эпикура, и его антагонистов они положили конец бесплодным спорам о свойствах богов. Но в следующем году они отменили свое опрометчивое распоряжение, возвратили школам прежнюю свободу и благодаря опыту нескольких столетий пришли к тому убеждению, что нравственность философов нисколько не страдает от разнообразия их богословских теорий¹⁵¹).

Военные успехи готов были менее пагубны для афинских школ, чем введение новой религии, служители которой считали развитие разума ненужным, решали все вопросы ссылками на догматы веры и осуждали неверующих или скептиков на вечные мучения¹⁵²). Во множестве сочинений, наполненных утомительной полемикой, они доказывали бессилие разума и испорченность сердца, оскорбляли человеческое достоинство в лице древних мудрецов и запрещали философские исследования, столь несовместимые с теориями или по меньшей мере с смирением верующих. Пережившая этот переворот секта платоников, от которой Платон отвернулся бы со стыдом, нелепым образом применяла к возвышенной теории своего основателя суеверия и магию, а так как она оставалась одинокой среди христианского мира, то она питала тайную ненависть к правительству гражданскому и церковному, грозившему ее последователям строгими наказаниями. Почти через сто лет после царствования Юлиана¹⁵³) Проклу¹⁵⁴) было дозволено преподавать философию с кафедры Академии и он выказывал такую необычайную деятельность, что иногда в один и тот же день успевал прочесть пять лекций и написать семьсот стихов. Его проницательный ум исследовал самые отвлече-

ченные вопросы морали и метафизики, и он осмелился изложить восемнадцать аргументов в опровержение христианского учения о сотворении мира. Но в промежутках между своими учеными занятиями он *лично* беседовал с Паном, Эскулапием и Минервой, так как был втайне посвящен в их мистерии и поклонялся их низпровергнутым статуям из благочестивого убеждения, что философ, в качестве гражданина вселенной, должен быть священнослужителем ее разнообразных божеств. Солнечное затмение возвестило его о приближении смерти, а его жизнь, описанная двумя самыми учеными из его последователей вместе с жизнью его ученика Исидора¹⁵⁵), представляет печальную картину вторичного детства человеческого разума. Но то, что снисходительно называли золотой цепью платоновского наследия, существовало в течение сорока четырех лет со смерти Прокла до издания Юстинианова эдикта¹⁵⁶), наложившего навсегда печать молчания на афинские школы и возбудившего скорбь и негодование в тех немногочисленных приверженцах, которые еще были преданы греческой науке и греческим суевериям. Семь связанных между собой узами дружбы философов, не разделявших религиозных верований своего государя, - Диоген и Гермий, Евлалий и Прискиан, Дамаский, Исидор и Симплиций решились искать на чужбине той свободы, в которой им отказывали на их родине. Они слышали и легкомысленно поверили, что Платонова республика осуществилась под деспотическим персидским управлением и что царь-патриот царствовал там над самым счастливым и самым добродетельным из всех народов. Они были скоро поражены естественным открытием, что Персия походила на все другие страны земного шара, что присвоивший себе название философа Хосров был тщеславен, жестокосерден и честолюбив, что ханжество и дух религиозной нетерпимости господствовали в среде магов, что знать была высокомерна, царедворцы были раболепны, а судьи несправедливы, что виновные иногда избегали заслуженного наказания, а невинные нередко подвергались притеснениям. Разочарование философов заставило их оставить без внимания действительные достоинства персов, и они были скандализированы - быть может, более, чем сколько было прилично для их профессии, - многочисленностью жен и наложниц, кровосмесительными браками и обыкновением отдавать мертвых на съедение собакам и

ястребам, вместо того чтобы зарывать их в землю или сжигать. Их раскаяние выразилось в их торопливом возвращении, и они стали громко заявлять, что охотнее умрут на границе империи, но не будут пользоваться сокровищами и милостями варвара. Впрочем, они вынесли из этого путешествия выгоду, которая делает большую честь Хосрву. Он потребовал, чтобы посетившие персидский двор семеро мудрецов не подвергались действию уголовных законов, изданных Юстинианом против его языческих подданных; эта привилегия была внесена, по его настоянию, в мирный договор и охранялась бдительностью этого могущественного заступника¹⁵⁷).

Симплиций и его товарищи окончили жизнь в спокойствии и в неизвестности, а так как после них не осталось учеников, то ими закончился длинный ряд греческих философов, которые, несмотря на некоторые недостатки, имеют полное право на то, чтобы мы считали их за самых мудрых и самых добродетельных между их современниками. Сочинения Симплиция дошли до нас. Его физические и метафизические комментарии на сочинения Аристотеля утратили свой интерес с тех пор, как умы приняли другое направление; но его нравоучительные толкования сочинений Эпиктета сохраняются в публичных библиотеках, как такое классическое произведение, которое способно направлять волю, облагораживать сердце и укреплять разум благодаря внушаемому им основательному доверию к природным свойствам и Бога, и людей.

Почти в то самое время как Пифагор придумал название *философ*, старший Брут ввел в Рим свободу и консульскую должность. Мы уже имели случай упоминать о переворотах, которым подвергалось консульское звание, сначала дававшее огромные права, потом обратившееся в слабый призрак власти и, наконец, сделавшееся пустым титулом. Эти высшие сановники республики избирались народом для того, чтобы пользоваться в мирное и в военное время, в сенате и в военном лагере, такими же правами, какие впоследствии перешли к императорам. Но все, что напоминало об этом древнем звании, долго пользовалось почетом и у римлян, и у варваров. Готский историк полагал, что с возведением в звание консула Теодорих достиг вершины земной славы и земного величия¹⁵⁸): сам король Италии поздравлял ежегодно сменявшихся любимцев фортуны с тем, что они пользуются

внешним блеском верховной власти, не зная ее забот; по прошествии тысячи лет со времени учреждения этой должности монархи римский и константинопольский все еще назначали двух консулов единственно для того, чтобы обозначить год их именем и доставить народу удовольствие празднества. Но эти празднества внушали людям богатым и тщеславным желание превзойти своих предместников, и потому расходы на них мало-помалу возросли до громадной суммы в восемьдесят тысяч фунтов стерлингов, а самые благоразумные сенаторы стали уклоняться от таких бесполезных почестей, которые неминуемо вели к разорению их семейств - чем, я полагаю, и объясняется существование пробелов, которые так часто встречаются в последнем периоде консульских Фастов. Предместники Юстиниана выдавали небогатым кандидатам вспомошествование из государственной казны, но сам Юстиниан из скупости прибегал к более дешевым и более удобным средствам - он советовал кандидатам быть бережливыми и постарался точнее определить размер расходов, сопряженных с возведением в консульское звание¹⁵⁹). Изданный им эдикт уменьшил до семи *процессий*, или зрелищ, число скачек, бегов колесниц, состязаний атлетов, музыкальных и пантомимных представлений и травли диких зверей; а золотые медали, которые прежде разбрасывались щедрою рукой среди народной толпы, возбуждая в ней смятение и поощряя в ней склонность к пьянству, были благоразумно заменены мелкими серебряными монетами. Несмотря на эти благоразумные меры и на пример самого императора, ряд консулов окончательно пресекся на тринадцатом году царствования Юстиниана, который, по своей склонности к деспотизму, вероятно, был доволен мирным исчезновением титула, напоминавшего римлянам об их прежней свободе¹⁶⁰). Однако ежегодное избрание консулов еще сохранялось в памяти народа; он льстил себя надеждой, что оно скоро будет восстановлено; он превозносил любезную снисходительность тех императоров, которые принимали этот титул на первом году своего царствования, и не прежде, как через триста лет после смерти Юстиниана, закон мог упразднить эту устарелую должность, уже совершенно вышедшую из употребления¹⁶¹). Обыкновение отмечать каждый год именем должностного лица было с пользой за-

менено правильным летоисчислением: греки стали вести это летоисчисление с сотворения мира, руководствуясь переводом семидесяти толковников¹⁶²⁾, а латины приняли, со времен Карла Великого, за начало своего летоисчисления рождение Христа¹⁶³⁾.

1) Время его рождения трудно определить с точностью (Ludewig in Vit. Iustiniani, стр. 125); но положительно известно, что он родился в Бедерианском округе, в деревне Tauresium, которую он впоследствии назвал своим именем. (D'Anville, Hist. de l'Acad. etc., том 31, стр. 287, 292).

2) Имена этих родившихся в Дардании крестьян готские и похожи на английские: название Justinian есть перевод слова uprauda (upright); его отец Sebatius (на греко-варварском языке stipes) назывался у себя в деревне Istock (Stock); имя его матери Biglenizia было смягчено и превратилось в Vigilantia.

3) Ludewig (стр. 127-135) старается доказать, что Юстиниан и Феодора имели право носить имя Аникиев; он также старается доказать их родственную связь с тем семейством, от которого ведет свое начало австрийский царствующий дом.

4) См. "Анекдоты" Прокопия (гл.6) с примечаниями Н.Алеманна. Сатирик не стал бы прибегать к неопределенным и приличным выражениям, geïgos, boukolos, suphorbos (греч.), которые употребляет Зонара. Впрочем, что же можно находить унижительного в этих названиях? И какой немецкий барон не стал бы гордиться своим происхождением от Евмея, о котором говорится в "Одиссее"?

5) Его восхваляет за личные достоинства Прокопий (Persic., кн. 1, гл.11). Квестор Прокл был другом Юстиниана и не желал, чтобы император усыновил кого-либо другого.

6) Манихейская - значит Евтихиева. Доказательством этого служат неистовые выражения радости, раздававшиеся в Константинополе и в Тире - в первом из этих городов уже через шесть дней после смерти Анастасия. Первые вызвали казнь евнуха, а вторые были ее одобрением (Бароний, A.D. 518, стр.2, № 15; Fleury, Hist. Ecclés., том VII, стр.200, 205; он придерживается того, что было постановлено на соборах, том V, стр.182,207).

7) Граф de-Vuat очень хорошо объяснил его влияние, характер и намерения (том IX, стр.54-81). Он был правнуком наследственного владельца Малой Скифии Аспара и граф готских foederati во Фракии. Bessi, которые подчинялись его влиянию, тоже, что упоминаемые Иорданом (гл.51) Goth minores.

8) Justiniani patricii factione dicitur interfectus fuisse. (Виктор Тунисский, Chron., in Thesaur. Temp. Scaliger. ч.2, стр. 7). Прокопий (Anecdot. гл.7) называет его тираном, но признает основательность выражения adelpsopistia (греч.), которое хорошо объяснил Алеманн.

9) В своей ранней молодости (plane adolescens) он жил некоторое время при дворе Теодориха в качестве заложника. В подтверждение этого интересного факта Алеманн (ad Procop. Anecdot., гл. 9, стр.34, в 1-м издании) ссылается на рукописную историю Юстиниана,

написанную его наставником Феофилом. Ludewig (стр.143) старается сделать из Юстиниана воина.

10) Далее будет идти речь о том, как вел себя Юстиниан в церковном управлении. См. Барония, A.D. 518-521 и подробную статью, озаглавленную "Justinianus" в указателе к седьмому тому его "Летописей".

11) О царствовании Юстина Старшего можно найти сведения в трех "Хрониках", - Марцеллина, Виктора и Иоанна Малалы (том II, стр.130-150), из которых последний (чтобы ни говорил Hody, Prolegom. № 14, 39, изд.Оксфорд.) жил вскоре после Юстиниана (Jortin's Remarks, etc., ч.IV стр.383); в "Церковной истории" Эвагрия (кн.4, гл.1-3, 9), в "Excerpta" Феодора (Lector. № 37), у Цедрена (стр.362-366) и у Зонары (кн.14, стр. 58-61), который может считаться за оригинального писателя. (Клинтон, F.R. 1, 817, подтверждает мнение Гиббона касательно Малалы. - *Издат.*)

12) О характере произведений Прокопия и Агафия писали: La Mothe le Vayer (том VIII, стр.144-174), Воссий (de Historicis Graecis, кн.2, гл.22) и Фабриций (Bibliot. Graec., кн.5, гл.5, том VI, стр.248, 278). Они иногда обнаруживают религиозное единомыслие и тайную привязанность к язычеству и к философии.

13) В семи первых книгах, из которых две посвящены войне с персами, две - войне с вандалами и три - войне с готами, Прокопий заимствовал от Аппиана разделение провинций и войн; восьмая книга хотя и носит заглавие "Войны с готами", но в сущности не что иное, как наполненное разнообразным содержанием дополнение, которое доходит до весны 553 года; с этого момента рассказ продолжается Агафием и доводится до 559 года (Pagi, Critica, A.D. 579, № 5). (Ioannes Epiphaniensis также продолжал рассказ Прокопия до 592. г. Клинтон, F.R., 1, 801, 841; II. 334. - *Издат.*)

14) Судьба, постигшая литературные произведения Прокопия, была не совсем счастлива. 1. Леонард Аретин украл его книги "de Bello Gothico" и издал от своего собственного имени (Fulgini, 1470; Venet. 1471, apud Janson; Maittaire, Annal. Typograph., том 1, edit. posterior, стр. 290, 304, 279, 299). См. Воссия "de Hist. Lat.", кн.3, гл.5 и слабую защиту в венецианском "Giornale de Letterati", том XIX, стр. 207. 2. Первые латинские переводчики его произведений Christopher Persona (Giornale, том XIX, стр. 340-348) и Raphael de Volaterra (Huet, de Claris Interpretibus, стр.166) изуродовали их и даже не заглянули в манускрипты Ватиканской библиотеки, которая находилась под их надзором (Aleman. in Praefat. Anecdote). 3. Греческий текст был напечатан лишь в 1607 г. аугсбургским Гешелем (Dictionnaire de Bayle, том II, стр.782). 4. Парижское издание, вышедшее в 1663 г. неполно; издатель Claude Maltret, тулузский иезуит, был далеко от луврского печатного станка и от ватиканского манускрипта, из которого, впрочем, извлек некоторые дополнения. Обещанные им комментарии никогда не появлялись в свет. Агафий Лейденский (1594) был хорошо перепечатан парижским издателем с латинским переводом ученого переводчика Бонавентуры Вулкания (Huet, стр 176).

15) Agathias, in Praefat., стр.7,8, кн.4, стр.137. Эваргий кн.4, гл.12. См.также Фотия. код. 63, стр.65.

16) *Kyrou paideia* (говорит он, *Praefat. ad I de Edificiis peri ktismaton*) не что иное, как *Kyrou paidia* - игра слов! В этих пяти книгах Прокопий старается говорить языком христианина и царедворца.

17) Прокопий выдает сам себя (*Praefat. ad Anecd.*, гл. 1,2,5), а Свидас считает "Анекдоты" за девятую книгу (том III, стр.186, изд. Кюстера).

На молчание Эвагрия нельзя ссылаться как на серьезное опровержение. Бароний (A.D. 548, № 24) сожалеет об утрате этой секретной истории; она находилась в ту пору в Ватиканской библиотеке под его собственным надзором и была впервые издана через шестнадцать лет после его смерти с учеными, но пристрастными, примечаниями Николая Алеманна (Lugd. 1623). (Когда Алеманн нашел и издал "Анекдоты", он дал им название *Historia Arcana*. Уже задолго до того было всем известно, что было написано такое сочинение, так как императрица Евдокия упоминала о нем в одиннадцатом столетии. Но содержание его оставалось неизвестным для публики, пока не было обнародовано в Лионе в 1623. Когда оно вышло в свет, иные сомневались в его подлинности, иные не признавали Прокопия его автором. Thomas Rivinus напал на него в своем "*Defensio Justiniani*", а его примеру последовали Бальтазар Бонифаций и Иоанн Эйхель. После продолжительных споров, по-видимому, установилось общее убеждение, - как бы оно ни было неблагоприятно для Прокопия, - что именно его перо писало все эти противоречивые рассказы и что Гиббон был прав, когда стал просеивать сквозь решето критики всю эту разнообразную массу фактов, чтобы извлечь из нее верное понятие о той эпохе и о главных действующих лицах. - *Издат.*)

18) Там говорится, что Юстиниан - осел; что он совершенно похож на Домициана (*Anecd.*, гл.8); что любовники были прогнаны от постели Феодоры соперниками - демонами; что был предсказан ее брак с великим демоном; что один монах видел на троне вместо Юстиниана князя демонов; что находившаяся на дежурстве прислуга видела человека без лица и тело, ходившее без головы и т.д. Прокопий объявляет, что и он сам, и его друзья верили в эти дьявольские истории (гл.12).

19) Монтеские (*Considerations sur la Grandeur et la Decadence des Romains*, гл.20) верит этим анекдотам, так как их содержание соответствует 1) слабости империи и 2) непрочности Юстиниановых законов.

20) Касательно жизни и характера императрицы Феодоры см. "Анекдоты" и в особенности гл.1-5, 9-17, с учеными примечаниями Алеманна, которые всегда следует иметь в виду, даже когда я не указываю на них. (За отсутствием более надежного авторитета, чем авторитет "Анекдотов", следовало бы отбросить самые скандальные подробности о жизни, которую вела Феодора в ранней молодости. Такой низкий разврат слишком возмутителен, чтобы можно было верить ему; его не допустило бы константинопольское население, как бы ни были испорчены его нравы. Трудно поверить, чтобы Юстиниан так возвышал и осыпал почестями женщину, погрязшую в таком разврате, и, хотя нельзя делать серьезных выводов из льстивых выражений дипломатов, все-таки можно усомниться в том, чтобы Амаласунта и Гунделинда, и в особенности первая из них, подписали бы свои име-

на под раболепными и лстивыми выражениями, в которых их министр Кассиодор обращался к Феодоре, - если бы она была таким чудовищем, каким ее описал Прокопий. См. Var., X, 20, 21 и 23. - *Издат.*)

21) Комитона впоследствии вышла замуж за герцога Армении Ситтаса; быть может, этот герцог был отцом императрицы Софии или по меньшей мере Комитона была ее матерью. Упоминаемые некоторыми писателями два племянника Феодоры, быть может, были сыновья Анастасии (Aleman., стр. 30,31).

22) Ее статуя была поставлена в Константинополе на колонне из порфира. Прокопий (de Edif., кн.1, гл.II) описывает в "Анекдотах" ее наружность (гл.10); Алеман., (стр.47) описывает, как она изображена на одной находящейся в Равенне мозаике, которая усеяна жемчугом и драгоценными камнями, и все-таки очень хороша.

23) Алеманн опускает одно место в "Анекдотах" (гл.9) за его нескромность, хотя оно и уцелело в ватиканской рукописи. Этот пропуск не был восполнен, ни в парижском ни в венецианском изданиях. La Mothe le Vayer (том VIII, стр.155) первый указал на эти интересные и неподдельные строки (Jortin's Remarks, ч.IV, стр.366), которые были ему присланы из Рима и впоследствии помещены в "Menagiana" (том III, стр.254-259) вместе с латинским переводом.

24) Упомянув о том, что Феодора надевала узкую перевязь (так как никому не позволялось появляться в театре совершенно нагим), Прокопий говорит далее: *anapopotkyia te en tō edapsel hyptia ekeits. Thetes de tines...krithas aute hyperthen tōn aidolōn egripton as de oi chenes, oi es tonto pareskeuas menoi entynkanon tois ytomasin enthenoe kata mian anelomenoi eistlon* (греч.). Мне рассказывали, что один ученый прелат, теперь уже умерший, очень любил цитировать в разговорах эти слова.

25) Феодора превосходила Криспу Авзония (*Эпигр.71*), которая подражала *capitalis luxus* женщин, живших в Ноле. См.: Квинтилиан, Institut. VII, 6 и Торрентий, ad Horat. Sermon., кн. 1, сат. 2, 5, 101. Она дала знаменитый ужин, во время которого стояли вокруг стола тридцать рабов, а она наслаждалась с десятью молодыми людьми. Ее снисходительность была *всеобщая*.

Et lassata viris, necdum satiata, recessit.

26) Она желала иметь *четвертый* алтарь, на котором могла бы делать возлияния в честь бога любви.

27) Anonym. de Antiquitat. С.Р., кн.3, 132, in Banduri Imperium Orient., том 1, стр.48. Ludewig (стр. 154) основательно полагает, что Феодора не захотела бы доставить бессмертную славу такому дому, в котором царствовало распутство; я также думаю, что она воздвигла великолепный храм на том месте, где она вторично жила в Константинополе более честною жизнью.

28) См. старинный закон в "Кодексе" Юстиниана (кн.5, тит.5, зак. 7; тит. 27, зак. 1); он помещен под 336 и 454 годами. Новый эдикт (изданный в 521 или 522 г., Aleman., стр.38, 96) очень неловко отменяет лишь ту статью, в которой говорит о *mulieres Scenicae, libernae, tabernariae*. См. "Новеллы" 89 и 117 и респикт Юстиниана к епископам на греческом языке (Aleman., стр.41).

29) Клянусь Отцом и Пр., Девой Марией, четырьмя Евангелиями, quae in manibus teneo, и святыми архангелами Михаилом и Гавриилом, puram conscientiam germanumque servitium me servaturum, sacratissimis DDNN. Justiniano et Theodoraе conjugі ejus (Новел. 8, тит. 3). Имела ли бы эта клятва обязательную силу в случае, если бы Феодора овдовела? Communes tituli et triumphі, etc. (Алеман., стр.47, 48).

30) "Let greatness own her, and she's mean no more", etc. Без Варбуртонова критического телескопа я никогда бы не заметил, что это общее описание торжествующего порока было личным намеком на Феодору.

31) Ее тюрьмы, похожие на лабиринт, на преисподнюю (Анекдот., гл.4), находились под дворцом. Мрак благоприятен для жестокости, но он также благоприятен для клеветы и вымыслов.

32) Более забавному бичеванию был подвергнут Сатурнин за то, что сказал, что его жена, принадлежавшая к числу фавориток императрицы, не оказалась атрѣтос (греч.) (Анекдот., гл.17).

33) Per viventem in saecula excoriari te faciam. Anastasius, de Vitis Pont. Roman. in Vigilio, стр.40.

34) Ludewig, стр.161-166. Я отдаю ему справедливость за его человеколюбивые намерения, хотя в его характере и было немного человеколюбия.

35) Сравн. "Анекдоты" (гл.17) с сочинением "de Edific". (кн.1, гл.9). Как различно может быть рассказан один и тот же факт! Иоанн Малала (том II, стр.174, 175) замечает, что в этом случае, или другом подобном, она выпустила на волю и одела на свой счет молодых девушек, которых она выкупила из дома терпимости, заплатив за каждую из них по пяти aurei.

36) Новел., VIII, 1. Это был намек на Феодору. Ее враги - читатели Daemonodora. (Алеман., стр.66).

37) Св.Савва отказался молиться о даровании Феодоре сына, так как он опасался, что этот сын был бы еще более негодным еретиком, чем сам Анастасий (Кирилл, in Vit. St. Sabae, apud Aleman., стр.70, 109).

38) См.Иоанна Малалу, том II, стр.174. Феофан, стр.158. Прокопий, de Edific., кн. 5, гл.3.

39) Theodora Chalcedonensis synodi inimica canceris plaga toto corpore perfusa vitam prodigiose finivit (Victor Tunnunensis in Chron). В этих случаях душа православных не бывает доступна для сострадания. Алеманн (стр.12, 13) видит в словах Феофана eusebōs hekoimēthē (греч.), лишь вежливое выражение, в котором не заметно ни благочестия, ни раскаяния. Однако через два года после смерти Феодоры Павел Силентиарий (Paulus Silentarius, in Proem., V, 58-62) прославлял ее как святую.

40) Так как она притесняла пап и отвергла решения одного собора, то Бароний осыпает ее прозвищами Евы, Далилы, Иродиады и проч. и затем прибегает к словам своего адского лексикона: civis inferni - alumna daemonum - satanico agitata spiritu aestro percita diabolico и пр. (A.D. 548, №2 ч).

41) XXIII кн. "Илиады" представляет живое описание обычаев и страстей, господствовавших на ристалищах этого рода, а также формы и дух этих забав. Много интересных и достоверных сведений об этом

предмете можно найти в "Диссертации об Олимпийских играх" Веста (West, отд. 12-17).

42) Четыре цвета - *albati, russati, prasini, veneti* изображали четыре времени года, по мнению Кассиодора (Var., III, 51), который тратит много остроумия и красноречия на то, чтобы объяснить эту театральную мистерию. Три первые из этих названий можно верно передать словами *белые, красные и зеленые*. Слово *Venetus*, как полагают, соответствует слову *soeruleus*, которое имеет различные значения и неопределенно; в строгом смысле слова оно означает "небо, отражающееся в море", но необходимость и привычка заставляют переводить его словом *синий* (Robert Stephan. sub voce. Spence's Polymetis, стр.228). (Слово *Veneti* - как уже было сказано в главе XXXV - есть латинская форма кельтского слова *Avainach* или *Waterlanders*. Под влиянием лучей южного солнца морские волны всегда имеют лазоревый оттенок; поэтому и название *водяного* цвета употреблялось в цирке для обозначений партии *синих*. Трудно понять, как мог Кассиодор предполагать, что оно имеет какое-либо сходство с *pubila hyems*. В XLV главе мы увидим, что Венеция с ранних пор славилась своей породой скаковых лошадей. Это обстоятельство, быть может, также имело некоторую долю влияния на название, данное цвету партии *синих*. - *Издат.*)

43) Onuphrius Panvinus, de Ludis Circensibus, кн. 1, гл.10,11; семнадцатое примечание к "Истории Германцев" Маску и Alleman. ad c. 7. (Более достоверным свидетельством этого факта и мнения самого Феодориха служит данное этим королем приказание произвести судебное следствие о нападении, при котором погиб один из *Prasini* (Var., 1, 27). В этом приказании Феодорих называет сам себя защитником слабых против сильных. - *Издат.*)

44) Марцеллин in Chron., стр.47. Вместо вульгарного слова *veneta*, он употребляет более изящное выражение *soerulea* и *soerealis*. Бароний (A.D. 501, № 4-6) доволен тем, что *синие* были православными; но Тильмон восстает против этого предположения и не допускает, чтобы человек, убитый в театре, мог быть признан за мученика (Hist. des Emp., том VI, стр.554).

45) Прокопий, Persic., кн. 1, гл.24. Публичный историк не снисходительнее *тайного* историка при описании пороков партий и правительства. Алеманн (стр.26) цитировал прекрасное место из произведений Григория Назианзина, которое доказывает, как сильно укоренилось это зло.

46) О пристрастии Юстиниана к синим (*Анекдоты*, гл.7) свидетельствуют: Эвагрий (Hist. Eccles., кн.4, гл.32), Иоанн Малала (том II, стр. 138, 139) в особенности в том, что касается Антиохии и Феофан (стр.142).

47) Одна женщина (говорит Прокопий), схваченная и почти изнасилованная *Синим*, бросилась в Босфор. Епископы второй Сирии (Aleman., стр.26) оплакивали такое же самоубийство, составляющее позор или славу женского целомудрия. Они называют эту героиню по имени.

48) Сомнительное свидетельство Прокопия (Anecdote., гл.17) подкрепляется менее пристрастным Эвагрием, который подтверждает этот факт и называет собственные имена. О трагической судьбе кон-

стантинопольского префекта рассказывает Иоанн Малала (том II, стр.139).

49) John Malalas, том II, стр.147; однако он признает, что Юстиниан питал особое расположение к синим. Прокопий (Anecd., гл.10), по-видимому, относится к кажущимся ссорам императора и Феодоры с излишней недоверчивостью и деликатностью. См. Aleman., Praefat., стр.6.

50) Содержание этого разговора сохранилось в сочинениях Феофана; из него видно, каким языком выражались жители Константинополя и каковы были их нравы в шестом столетии. В их греческом языке была примесь многих странных и варварских слов, значение и этимологию которых не всегда в состоянии отыскать Дюканж.

51) Касательно этой церкви и этого монастыря см. Ducange C.P. Christiana, кн.4, стр.182.

52) Источниками для описания восстания в день Ники служат Марцеллин (in Chron), Прокопий (Persic., кн.1, гл.26), Иоанн Малала (том II, стр.213-218), "Пасхал. Хрон." (336-340), Феофан (Chronograph., стр.154-158) и Зонара (кн.14, стр.61-63).

53) (По словам Марцеллина, Мунд был гот, а по словам Иордана, он происходил от одного из приверженцев Атиллы. Он пристал к королю Италии Теодориху, по смерти которого вступил на службу к Юстиниану. В 529 г. он был начальником войск в Иллирии и успешно защищал Фракию от нападений болгар. Клинтон, F.R. 1, 722, 752. - Издат.)

54) Марцеллин говорит неопределенно: innumeris populis in circo trucidatis. Прокопий определяет число погибших в тридцать тысяч; по словам Феофана, число убитых доходило до тридцати пяти тысяч, а у более близкого к нам по времени Зонары эта цифра возросла до сорока тысяч. Таково всегдашнее последствие склонности к преувеличиванию.

55) Современник Юстиниана Гиерокл написал Syndechmos (греч.) (Itineraria, стр.631), или описание восточных провинций и городов до 535 года (Wesseling in Praefat. и примеч. к стр. 623 и сл.).

56) См. "Книгу Бытия" (XII, 10) и подробности касательно управления Иосифа. Летописи греков и евреев единогласно свидетельствуют о том, что Египет с глубокой древности пользовался искусствами и плодородием, но эта древность заставляет предполагать длинный ряд усовершенствований, и Варбуртон, будучи почти совершенно сбит с толку еврейской хронологией, громко взывает о помощи к хронологии Самаритян (Divine Legation, ч.III, стр. 29 и сл.). (Хронологические исследования Бунсена (Bunsen) и Лепсия (Lepsius) проникают в историю Египта до 3800 г. до Р.Х. (Letters from Egypt, by Dr.R. Lepsius, стр.499-506, edit. Bohn). Однако переселенцы из этой страны, поселившиеся в Греции почти через 2000 лет после этой эпохи, принесли с собою лишь самые простые искусства и самые первоначальные основы цивилизации. Этот факт не оправдывает притязаний на столь глубокую древность. - Издат.)

57) Восемь миллионов римских modii и сверх того на покрытие расходов перевозки морем контрибуцию в восемь тысяч aurei, от которой подданные были милостиво избавлены. См. тринадцатый эдикт

Юстиниана; для приведенных цифр служит проверкой и подтверждением единогласие текстов греческого и латинского.

58) "Илиада" Гомера, VI, 289. Эти покрывала, *perpoi rampoikilo* (греч.), делались сидонскими женщинами. Но эти слова делают более чести финикийским мануфактурам, чем финикийскому мореплаванию, так как эти покрывала привозились из Финикии в Трою на фригийских судах. (Сидон, бесспорно, славился своими мануфактурами в очень отдаленные времена, но Финикия никогда не была лишена флота, способного перевозить произведения этих мануфактур в другие страны. Сверх того, те покрывала, о которых упоминает Гомер, делались не в Сидоне, а в Трое руками сидонских женщин, привезенных туда Парисом, *Илиада*, VI, 289-291.

В те времена мужчины относились с пренебрежением ко всякой работе, которая требовала ткацкого станка или прялки, и предоставляли ее женщинам, от того-то успехи прядильного искусства и были в древние времена очень медленны. - *Издат.*)

59) См. у Овидия (*de Arte Amandi*, III, 269 и сл.) поэтическое описание двенадцати красок, заимствованных от цветов - от элементов и пр. Впрочем, нет почти никакой возможности выразить словами красивые и разнообразные оттенки цветов, ни тех, которые создаются искусством, ни тех, которые существуют в природе.

60) Благодаря открытию кошенили и пр. наши краски много превосходят краски древних. Их царская пурпуровая краска издавала сильный запах и имела такой же темноватый оттенок, как бычья кровь. *Obscuritas rubens* (говорит Кассиодор, *Var.*, 1,2) *nigredo sanguinea*. Читатель найдет много забавного и интересного в произведении президента Goguet *Origine des Loix des Arts*, ч.2, кн.2, гл.2, стр.184-215. Я не думаю, чтобы его книга где-либо, и в особенности в Англии, пользовалась такой известностью, какой она достойна.

61) Мы уже имели случай приводить исторические доказательства этого факта и могли бы привести еще много других; но самовольные действия деспотизма оправдывались умеренными и для всех обязательными предписаниями закона. (*Кодекс Феодосия*, кн.10, тит. 21, зак.3; *Кодекс Юстиниана*, кн.11, тит.8, зак.5). Позорное разрешение было допущено в пользу танцовщиц (*mimeae*) с некоторыми необходимыми ограничениями (*Кодекс Феодосия*, кн.15, тит.7, зак.11).

62) В истории насекомых (гораздо более удивительной, чем Овидиевы "Метаморфозы") шелковичный червь занимает очень видное место. Описанный Плинием (*Hist Natur.*, XI, 26, 27 с примечаниями двух ученых иезуитов Гардуина и Бротье) шелковичный червь острова Кеос имеет некоторое сходство с тем, какой существует в Китае (*Memoires sur les Chinois*, том II, стр.575-598); но ни наш шелковичный червь, ни белое тутовое дерево не были знакомы ни Теофрасту, ни Плинию. (Аристотель прежде всех упомянул о шелковичном черве. (*De Animal.*, V, 19). Период времени, в который он был введен на острове Кос, или Кеос, дочерью Патуса (*Patous*) Памфилой, как полагают, соответствует той эпохе, когда жил Соломон. - *Издат.*)

63) *Georgic*. II, 121. *Serica quando venerint in usum planissime non scio: suspicor tamen in Julii Caesaris aevo, nam antenon invenio*, - говорит Юст Липсий (*Excursus* 1, ad Tacit. *Annal.*, II, 32). См. Диона Кассия (кн. 43, стр.358, изд. Реймар.) и Павсания (кн. 6, стр.519), который

прежде всех, - хотя и очень странно, - описал китайского червя. (Слова "легкое волокно, которое собирается с деревьев" могли бы относиться и к хлопчатой бумаге, которая принадлежит также к числу восточных продуктов. - *Издат.*)

64) *Tam longinquo orbe petitur, ut in publico matrona transluceat... ut denudet foeminas vestis.* (Плин. VI, 20; XI, 21). Ватсон и Публий Сир уже насмехались в своих сатирах над *toga vitrea, ventus textilis* и *nebula linea* (Горац. *Sermon.* 1, 2, 101, с примечаниями Торрентия и Дасье). (Гиббон спутал или поставил не на своем месте эпитеты и оттого неверно передал выражения Плиния; в сущности он даже впал в бессмыслицу. Он говорит, что материи были прозрачны и что сквозь них было видно женское тело; но о женщинах, которые носили такие платья, нельзя было сказать, что они были вовсе не одеты. Немецкий переводчик строго придерживался ошибок английского подлинника и перевел это место буквально. Гизо перевел его гораздо лучше: *des vetemens qui ne vetissent pas, et des matrones nues, quoique habillées.* - *Издат.*)

65) Касательно употреблявшихся в древности тканей, цветов и названий и касательно употребления шелковых, полушелковых и полотняных одежд, см. глубокомысленное, многоречивое и запутанное исследование великого Салмазия (*Salmasius, in Hist August.* стр.127, 309, 310, 339, 341, 342, 344, 388-391, 395, 513), который не был знаком с самыми обыкновенными мануфактурными произведениями Дижона или Лейдена.

66) *Flavius Vopiscus in Aurelian.*, гл.45, in *Hist. August.*, стр.224. См. *Salmasius ad Hist. Aug.*, стр.392 и *Plinian. Exercitat. in Solinum*, стр.694, 695. "Анекдоты" Прокопия (гл.25, неясно обозначают цену шелка во времена Юстиниана. (По словам Вописка, Аврелиан отказал своей супруге в покупке одного шелкового платья потому, что нашел его цену слишком дорогой. - *Издат.*)

67) Прокопий, *de Edif.*, кн.3, гл.1. Эти *pinnes de me* находится подле берегов Смирны, Сицилии, Корсики и Минорки; сделанная из этого шелка пара перчаток была поднесена в подарок папе Бенедикту XIV.

68) Прокопий, *Persic.*, кн. 1, гл.20; кн. 2, гл.25. *Gothic.*, кн. 4, гл.17. *Menander in Excerpt Legat.*, стр.107. Исидор из Харакса (in *Stathmis Parthicis*, стр.7,8, in *Hudson, Geograph Minor.*, том II) описал пути, которые шли через империю Парфянскую или Персидскую, а Аммиан Марцеллин (кн.23, гл.6, стр.400) перечислил входившие в ее состав провинции.

69) Из слепого восхищения иезуиты перепутали различные периоды китайской истории. *De Guignes (Hist. des Huns.*, том 1, ч.1 в оглавлении, ч.2 в географии; *Memoires de l'Academie des Inscriptions*, тома XXXII, XXXVI, XLII, XLIII) критически расследовал эти периоды; он открыл постоянное улучшение в том, что касается достоверности летописей и уяснил объем монархии до начала христианской эры. Он с любознательностью следил за сношениями китайцев с западными народами; но эти сношения были незначительны, случайны и мало известны, а римляне даже не подозревали того, что Китайская империя была не менее обширна, чем их собственная. (Рассказывают, будто одна китайская принцесса познакомила своих соотечественников с пользой, которую можно извлекать из коконов, за 2400 лет

до начала нашей эры. Нам хорошо известно, что жители Дальнего Востока медленно усваивают всякие нововведения, и одного этого факта уже достаточно для того, чтобы сделать правдоподобными их притязания на очень глубокую древность. В настоящее время их шелк ниже того, какой производится почти во всех странах, заимствовавших у них знакомство с этим производством. Он долго служил у них самым обыкновенным материалом для их одежды, между тем как платья из шерсти были у них предметом роскоши и до происшедшего в последнее время расширения их торговых сношений с Англией обходились им вдвое дороже, чем шелковые. - *Издат.*)

70) О дорогах, ведущих из Китая в Персию и в Индостан, можно составить себе понятие по описаниям Hackluyt и Thevenot, послов Sharokh'a, Anthony Jenkinson'a, отца Greuber'a и др. См. также Hanway's Travels., ч.1, стр.345-357. Английские правители Бенгала недавно исследовали путь через Тибет.

71) Касательно плавания китайцев в Малакку, Ахин и, быть может, до Цейлона см. Renaudot (о двух мусульманских путешественниках, стр.8-11, 13-17, 141-157), Dampier (ч. II, стр.136), Hist. Philosophique des deux Indes (том 1, стр.98) и Hist. Générale des Voyages (том VI, стр.201).

72) Знакомство или, вернее, незнакомство Страбона, Плиния, Птолемея, Арриана, Маркиана и др. со странами, лежащими к востоку от мыса Коморина, окончательно выяснил D'Anville (Antiquité Geographique de l'Inde; в особенности, стр. 161-198). Наши географические сведения об Индии улучшились благодаря торговле и завоеваниям, а майор Rennel расширил их своими превосходными географическими картами и мемуарами. Если он расширит сферу своих исследований с той же прозорливостью критика, какую обнаруживал до сих пор, то он заменит и даже превзойдет первого из новейших географов.

73) Плиний (VI, 24), Solinus (гл.53), Salmas (Plinianae Exercitationes, стр. 781, 782) и большинство древних писателей, говоря о Тапробане, смешивают между собою острова Цейлон и Суматру; Тапробану более ясно описал Cosmas Indicopleustes; но даже христианский топограф преувеличил ее размеры. Сообщаемые им сведения об индийской и китайской торговле оригинальны и интересны (кн.2. стр.138; кн. II, стр.337, 338, изд. Montfaucon).

74) См. Прокопия, Persic. (кн.2, гл.20). Cosmas сообщает интересные сведения о порте Адулис, о находившейся там надписи (Топограф. Christ., кн.2, стр.138, 140-143) и о торговле, которую вели аксумиты вдоль африканского берега Берберии или Цинги (стр.138, 139) до Тапробаны (кн. II, стр. 339). (Аркико - небольшой городок или деревня с 400 домами, на юго-западной стороне залива Массуа, вблизи от Бабельмандебского пролива - как уверяют назывался в древности Адулисом. Он описан в Bruce's Travels (кн. 5, гл.12). Некоторые писатели называют его Erquico. Трофеи, на которые намекает Гиббон, заключались в статуе Птолемея Эвергета и в надписи на ее пьедестале, которую опубликовали: в Риме, в 1631 г., Leo Allatius, и в 1666 г. Thevenot. - *Издат.*)

75) Касательно христианских миссионеров, отправлявшихся в Индию, см. сочинение Cosmas'a (кн.3, стр.178, 179, кн. II, стр.337) и справ. с Asseman., Biblioth. Orient. (том IV, стр. 413-548).

76) Duhalde знакомит нас с открытием, обработкой и общим употреблением шелка в Китае (Description Generale de la Chine, том II, стр. 165, 205-223). Провинция Хекиан более других славилась и количеством, и качеством этого продукта. (Бывший около 1600 года профессором в Иене и в Кобурге, Либавий, говоря De Bombycils в своем Nat. Cult. 2, стр. 2, 69), замечает, что два монаха принесли свое сокровище не из Китая, а из Ассирии, где, по словам Плиния (Hist. Nat. 11, 25-27), шелковичные черви выкармливались в его время. Плиний неверно описал шелковичного червя, которого он никогда не видал и о котором говорит в неясных выражениях. Либавий считает весьма правдоподобным, что шелк, не уступавший китайскому, добывался в Ассирии и что персидские торговцы возвышали ценность своего товара, уверяя что добывают его из далеких стран. Шелковичные черви, вероятно, перешли через Кохинхину в Индию, а оттуда в Персию, точно так же как из Константинополя они мало-помалу переносились все далее и далее на запад. - *Издат.*)

77) Прокопий, кн. 8, Gothic. 4, гл. 17. Theophanes Byzant. apud. Phot. Cod. 84, стр. 38. Zonaras, том II, кн. 14, стр. 69. Pagi (том II, стр. 602) относит это достопамятное нововведение к 552 году. Menander (in Excerpt. Legat., стр. 107) упоминает о восторге согдоитов, а Theophylact Simocatta (кн. 7, гл.9) неясно говорит о двух королевствах, соперничавших между собою в стране шелка (Китае).

78) Cosmas, прозванный Indicopleustes или "индийским мореплавателем", совершил свое путешествие около 522 года и написал в Александрии, между 535 и 547 годами, христианскую топографию (Montfaucon, Praefat., гл. 1), в которой опровергает нечестивое мнение, будто земля есть шар; Фотий читал это сочинение (Cod., 36 стр. 9, 10), в котором выходят наружу и предрассудки монаха, и знания торговца; Melchisedec Thevenot (Relations Curieuses, часть 1) издал на французском и на греческом языках самую интересную часть этого произведения, а в полном составе оно было впоследствии роскошно издано Монфоконом (Nova Collectio Patrum, Париж, 1707, два тома in fol., том II, стр. 113-346). Но издатель, принадлежавший к числу богословов, должен бы был покраснеть от стыда, если бы узнал, что он не усмотрел в авторе привязанности к Несториевой ереси, которую подметил La Croze (Christianisme des Indes, том I, стр. 40-56). (С господствовавшими в ту пору понятиями можно ознакомиться из интересной, хотя и неуместной, лекции об астрономии, которую Кассиодор вставил в сделанное им, в качестве преторианского префекта, распоряжение о назначении пенсии одному уволенному от службы чиновнику. Var. XI, 36. - *Издат.*)

79) Эвагрий говорит об этом (кн. 3, гл. 39, 40) подробно и с признательностью; но он нападает на Зосима за то, что тот клеветал на великого Константина. Анастасий, руководствуясь заднею мыслью, приказал старательно собрать все документы, касавшиеся этого налога; для уплаты этого налога отцы иногда находились вынужденными жертвовать честью своих дочерей (Zosim. Hist., кн. 2, гл. 38, стр. 165, 166, Лейпциг, 1784). Тимофей из Газы сделал подобное проис-

шествие сюжетом трагедии (Suidas, том III, стр. 475), которая содействовала отмене налога (Cedrenus, стр. 35) - хороший пример (если только он достоверен) влияния театра.

80) См. Josua Stylites в Bibliotheca Orientalis Ассемана (том I, стр. 268). Эдесская хроника слегка упоминает об этом поголовном налоге.

81) Прокопий (Anecd., гл. 19) определяет эту сумму по донесениям самих казначеев. Тиберий имел в своем распоряжении *vicies ter millies*, но его владения были гораздо обширнее владений Анастасия.

82) Эвагрий (кн. 4, гл. 30), принадлежавший к следующему поколению, был сдержан и обладал достаточными сведениями, а Зонара (кн. 14, гл. 61), живший в двенадцатом столетии, читал древних писателей с тщанием и мыслил без предубеждений; тем не менее их краски почти так же мрачны, как краски "Анекдотов".

83) Прокопий (Anecd., гл. 30) передает пустые догадки современников. "Смерть Юстиниана, - говорит он, - докажет, был ли Юстиниан богат или беден".

84) Corippus, de Laudibus Justini Aug., кн. 2, 260 и сл., 384 и сл.

"Plurima sunt vivo nimium neglecta parenti,
Unde tot exhaustus contraxit debita fiscus".

Золотые монеты сотнями приносились на руках в ипподром.

"Debita persolvit genitoris, cauta recepti".

85) "Анекдоты" (гл. 11-14, 18, 20-30) содержат в себе много фактов и еще более жалоб. (Lydus de Magistratibus, кн. 3, гл. 40), очевидно принадлежавший к числу людей обманувшихся в своих ожиданиях, утверждает, что "преторианский префект был мало-помалу лишен власти и почестей" и что "это умаление его должности привело к уменьшению жалованья подчиненных ему чиновников". Однако этот самый Лид служил при Иоанне Каппадокийском, который пользовался неограниченной властью над всем Востоком в качестве Юстинианова преторианского префекта и накопил громадные богатства. В поведении и влиянии преемников этого префекта также нет никаких указаний на то, что действительно произошла указываемая Лидом перемена. На Западе, в тот же самый период времени, Кассиодор занимал такую же должность; в послании к сенату, извещающем о его назначении (Var. IX, 25), он выражается таким языком, который дал право бенедиктинским издателям его сочинений назвать этот язык (in Vit., стр. 6) *culmen honoris altissimum*. Во многих из своих посланий (Var. XI, 36, 37) он заботился о денежных интересах своих подчиненных с такою щедростью, которая свидетельствует столько же о достаточности казенных средств, сколько о добрых чувствах того, кто ими заведовал. Эти факты заставляют сомневаться в правдивости Лида, который, как кажется, лишился жалованья, когда в константинопольских канцеляриях вышел из употребления латинский язык. Личное раздражение могло освещать факты так, что легко вводило современников в заблуждение. - *Издат.*)

86) Один центенарий для главного города второй Палестины Скифополя и двенадцать для остальной провинции. Alemap. (стр. 59) добросовестно извлек этот факт из рукописной биографии св. Саввы,

написанной его учеником Кириллом и находившейся в Ватиканской библиотеке, а впоследствии изданной Котелерусом.

87) Иоанн Малала (том II, стр. 232) говорит о недостатке хлеба, а Зонара (кн. 14, стр. 63) о свинцовых трубах, которые были вытащены Юстинианом или его служителями из водопроводов.

88) За один *augcus*, или за одну шестую часть унции золота, он давал, вместо двухсот десяти, только сто восемьдесят *folles*, или унций, медали. Если бы монета стоила менее того, во что она ценилась на рынке, то от этого должен бы был произойти недостаток в мелкой монете. В Англии двенадцать пенсов в медной монете в сущности стоят только семь (Smith's Inquiry into the Wealth of Nations, ч. I, стр. 49). Касательно золотых монет Юстиниана см. Эвагрия (кн. 4, гл. 30).

89) Клятва была составлена в самых внушительных выражениях (Novell.8, тит. 3). Провинившиеся призывали на свою собственную голову *quicquid habent telorum armamentaria coeli*, и участь Иуды, и проказу Гиезия, и трепет Каина, и, сверх того, всевозможные мирские бедствия.

90) Лукиан (in Тохаре, гл. 22, 23, том II, стр. 530) описывает подобный или еще более великодушный образ действий со стороны Евдамида Коринфского, а Фонтенель написал на этот сюжет остроумную, хотя и слабую, комедию.

91) Иоанн Малала, том II, стр. 101-103.

92) Один из них, по имени Анатолий, погиб во время землетрясения - без сомнения, в наказание за свои преступления! Описанные Агафием (кн. 5, стр. 146, 147) народные жалобы были как бы отголоском "Анекдотов". *Allena pecunia reddenda*, о которых говорит Corippus, кн. 2, 381 и сл., не делают чести Юстиниану.

93) С "Историей" Иоанна Каппадокийского и с его характером можно познакомиться из сочинений Прокопия (Persic, кн. 1, гл. 24, 25; кн. 2, гл. 30. Vandal. кн. 1, гл. 13. Anecd., гл. 2, 17, 22). Единогласное свидетельство "Истории" и "Анекдотов" наносит смертельную рану репутации префекта.

94) *ou gar allo ouden es grammatiston phoitōn emathēn hoti mē grammata, kai tauta kaka kakōs grapsai* (греч.), - это выражение очень энергично. (Если такой заведомо необразованный человек мог занимать высшую государственную должность, то по этому можно судить, какими людьми замещались другие общественные должности. - Издат.)

95) Хронология Прокопия отличается неясностью и сбивчивостью; но при помощи Пажи я нахожу возможным установить, что Иоанн был назначен восточным преторианским префектом в 530 году, что он был смещен в январе 532-го, снова назначен ранее июня 533-го, сослан в 541-м и возвращен из ссылки в промежутке времени между июнем 548 года и 1 апреля 549 года. Алеман (стр. 96, 97) приводит список десяти его преемников, из чего видно, что в течение нескольких лет одного и того же царствования эти должностные лица быстро сменялись одни другими.

96) Lucian (in Hippia, гл. 2) и Galen (кн. 3, de Temperamentis, том, 1, стр. 81, изд. Bazil.) относят это сожжение ко второму столетию. Через тысячу лет после того это сожжение выдавали за положительный факт: Зонара (кн. 9, стр. 424) на основании свидетельства Диона

Кассия, Tzetzes (Chilad. II, 119 и сл.), Евстафий (ad Illad. E., стр. 338) и схолиаст Лукиана. См. Фабриция (Bibliot. Graec., кн. 3, гл. 22, том II, стр. 551, 552), которому я более или менее обязан многими из этих ссылок. (Гораздо более правдоподобны рассказы более древних писателей, которые полагали, что вред, нанесенный кораблям Марцелла во время осады Сиракуз, был причинен механическими приспособлениями и разрушительными снарядами, придуманными Архимедом для обороны города. Сиракузы были "колыбелью механического искусства". ("Лекции" Нибура, 2, 12); метательные машины были там изобретены за 150 лет до Пунических войн. - *Издат.*)

97) Зонара (кн. 14, стр. 55) приводит этот факт без всякой ссылки на чье-либо свидетельство.

98) Tzetzes описывает устройство этих зажигательных стекол, которое он, вероятно, вычитал глазами несведущего человека из трактата Анфемия о математике. Ученый и сведущий математик Dupuys недавно издал, перевел и уяснил этот трактат *Peri paradoxōn mechanēmatōn* (греч.). (*Mémoires de l'Académie des Inscriptions*, том XLII, стр. 392-451).

99) Что они не употреблялись при осаде Сиракуз, доказывается молчанием Полибия, Плутарха и Ливия; что они не употреблялись при осаде Константинополя, доказывается молчанием Марцеллина и всех писателей шестого столетия.

100) Не будучи знаком с сочинениями Tzetzes'a и Анфемия, бессмертный Бюффон придумал и устроил зажигательные стекла, с помощью которых мог зажигать толстые доски на расстоянии двухсот футов (*Supplement a l'Hist. Naturelle*, том 1, стр. 399 - 483, изд. in 4). Каких чудес наделал бы его гений для общей пользы, если бы его расходы покрывал монарх и если бы он работал под яркими лучами константинопольского или сиракузского солнца!

101) Иоанн Малала (том II, стр. 120-124) рассказывает этот факт; но он, как кажется, смешивает имена и личности Прокла и Марина.

102) Agathias, кн. 5, стр. 149-152. Заслуги Анфемия, как архитектора, очень превозносят Прокопий (*de Edif.*, кн. 1, гл. 1) и Paulus Silentarius (часть 1, 134 и сл.).

103) См. Прокопия (*de Edificiis*, кн. 1, гл. 1, 2; кн. 2, гл. 3). Он рассказывает о таком сходстве сновидений, которое заставляет предполагать какой,нибудь обман со стороны Юстиниана или со стороны его архитектора. Они оба видели во сне одинаковый план, чтобы остановить наводнение в Даре. Путем откровения император узнал о существовании каменоломни вблизи от Иерусалима (кн. 5, гл. 6); посредством ловкой плутни одного ангела заставили вечно сторожить храм Св. Софии (*Anonym. de Antiq. C.P.*, кн. 4, стр. 70).

104) Среди множества древних и новейших писателей, описывавших великолепие Софийского собора, выделяются и служат для меня руководителями следующие: 1. Четыре оригинальных историка, бывших очевидцами того, что описывали: Procopius (*de Edific.*, кн. 1, гл. 1), Agathias (кн. 5, стр. 152, 153), Paul Silentarius (в поэме из тысячи двадцати шести гекзаметров, *ad calcem Annae Comnen. Alexiad.*) и Evagrius (кн. 4, гл. 31). 2. Два принадлежащих к более позднему времени греческих сочинителей житий святых: George Codinus (*de Origin. C.P.*, стр. 64-74) и анонимный писатель у Banduri (*Imp. Orient.*, том 1,

кн. 4, стр. 65-80). 3. Великий знаток византийской древности Ducange (Comment. ad Paul. Silentiar., стр. 525-598 и С.Р. Christ., кн. 3, стр. 5-78). 4. Два французских путешественника: один из них, по имени Pierre Gyllius (de Topograph. С.Р., кн. 2, гл. 3,4), жил в шестнадцатом столетии; другой, по имени Greolot (Vouage de С.Р., стр. 95-164, Париж, 1680, in 4-to), сообщил план, внешний и внутренний вид Софийского собора, и хотя его план небольших размеров, он, как кажется, более точен, чем план Дюканжа. Я принял и исправил размеры, которые указывает Grelot; но так как ни одному христианину не позволяется теперь взбираться на верхушку здания, то я заимствовал определение его высоты от Эвагрия, проверив указания этого писателя тем, что сообщают Gyllius, Greaves и восточный географ. (Доктор Clarke (Путешествия, ч. 2, стр. 34) узнал по опыту, что путешественник может добыть за восемь пиастров позволение осмотреть храм Св. Софии, но что для посещения других мечетей нужно иметь особый фирман, который, впрочем, нетрудно добыть. - *Издат.*) 105) Храм Соломона был окружен дворами, портиками и пр., но этот знаменитый храм Божий имел не более пятидесяти пяти футов в высоту (если считать египетский или еврейский локоть в двадцать два дюйма), тридцати шести с двумя третями в ширину и ста десяти в длину; он, по словам Prideaux (Connection, ч. 1, стр. 144, folio), был не более маленькой приходской церкви; но не много найдется святилищ, внутренняя ценность которых доходила бы до четырех или пяти миллионов фунтов стерлингов!

106) Paulus Silentarius описал неясным поэтическим языком различные виды камня и мрамора, которые употреблялись для постройки храма Св. Софии (ч. 2, стр. 129, 133 и сл.) 1. *Каристский* мрамор - бледного цвета с железистыми жилками. 2. *Фригийский*, который был двух сортов; оба сорта имели розоватый цвет; но один был с беловатым оттенком, а другой был пурпуровый с серебристыми цветками. 3. *Египетский* порфир с мелкими звездочками. 4. *Зеленый мрамор из Лаконии*. 5. *Карийский* - с горы Иасса, с косыми жилками белыми и красными. 6. *Лидийский* - бледноватого цвета с красными цветочками. 7. *Африканский*, или *мавританский*, - с золотистым или темно-желтым оттенком. 8. *Кельтский* - черного цвета с белыми жилками. 9. *Босфорский* - белый с черными ободочками. Сверх того он называет мрамор *проконнесский*, из которого был сделан пол, *фессалийский*, *мопосский* и др., которые описывает менее подробно. (Когда доктор Clarke посетил храм Св. Софии в 1799 г., он нашел, что внешний вид здания печален. Пол до того осел в сравнении с окружавшею почвой, что при входе в здание нужно было спускаться по длинной лестнице. Купол, который, по словам Прокопия, точно будто держался на золотой цепи, идущей с неба, "имел скорее подземный, чем воздушный, характер", а его внутренность была обезображена хищничеством турок, которые ежедневно обдирали позолоченные плиты, когда-то придававшие собору блестящий вид. Travels ч. 2, стр. 35. - *Издат.*)

107) Шесть книг Прокопия сочинения о "Сооружениях" распределены следующим образом: *первая* книга ограничивается Константинопольскими зданиями, *вторая* посвящена Месопотамии и Сирии, *третья* - Армении и берегам Евксинского моря *четвертая* - Европе;

пятая - Малой Азии и Палестине, *шестая* - Египту и Африке. Италия была позабита или императором, или историком, написавшим свое льстивое сочинение до (A.D. 555) ее окончательного покорения.

108) Когда Антиохия пострадала от землетрясения, Юстиниан выдал ей в пособие сорок пять центенарий золота (180000 ф. стерл.). (Иоанн Малала, II, стр. 146-149).

109) О дворце Феодоры в Геее говорят: Gyllius (de Bosphoro Thracio, кн. 3, гл. II), Aleman. (Not. ad Anecdota, стр. 89, 81, который цитирует несколько эпиграмм из *Антологии*) и Ducange (C.P. Christ., кн. 4, гл. 13, стр. 175, 176).

110) В сооружениях (кн. 1, гл. 11) и в "Анекдотах" (гл. 8-15) видно различие слога, которым выражаются лесть и злоба: но если очистить этот слог и от прикрас, и от грязи, предмет и лесть, и злобы представится в одном и том же виде.

111) Прокопий, кн. 8, 29. Этот кит, вероятно, был случайно занесен туда издалека, так как в Средиземном море киты не водятся. Balaenae quoque in nostra maria penetrant (Плин., Hist. Natur., IX, 2). Между полярным кругом и тропиками китообразные обитатели океана достигают длины в пятьдесят, восемьдесят и даже сто футов (Hist. des Voyages, том XV, стр. 289. Pennant, British Zoology, ч.3, стр. 35).

112) По замечанию Монтеस्कье (том III, стр. 503, Considerations sur la Grandeur et la Decadence des Romains, гл. 20) империя Юстиниана, подобно Франции во времена норманнских нашествий, никогда не была так слаба, как в то время, когда каждая деревня была укреплена.

113) Прокопий утверждает (кн. 5, гл. 6), что развалины моста оставили течение Дуная. Если бы архитектор Аполлодор оставил нам описание своего сооружения, оно разрушило бы баснословные чудеса, описанные Дионом Кассием (кн. 68, стр. 1129). Мост Траяна состоял из двадцати или двадцати двух каменных свай с деревянными арками; река в этом месте не глубока, течение не быстро, а расстояние между берегами не превышает четырехсот сорока трех туазов по мнению Реймара (ad Dion., со слов Marsigli), или пятисот пятнадцати туазов по мнению Анвилля (Geographie Ancienne, том 1, стр. 305).

114) Две Дакии, Mediterranea и Ripensis, Дардания, Превалитана, вторая Мезия и вторая Македония. См. Юстиниана (Novell. 11), который говорит о своих замках, находящихся по ту сторону Дуная и homines semper bellicis sudoribus inhaerentes. (Когда Аврелиан уступил в 270 г. готам настоящую Дакию, находившуюся на севере от Дуная, (см. часть 1, стр. 381), он организовал новую провинцию того же имени к югу от реки для того, чтобы сохранить воспоминание о завоеваниях Траяна. В этой-то провинции и находилась родина Юстиниана. - *Издат.*)

115) D'Anville, Memoires de l'Academie etc., том XXXI, стр. 289, 290; Ricaut, Present State of the Turkish Empire, стр. 97, 316; Marsigli, Stato Militare del Imperio Ottomano, стр. 130. Санджак Giustendil - один из двадцати, входящих в составе Румелии; в его округе сорок восемь займов и пятьсот восемьдесят восемь тимариотов.

116) Эти укрепления можно сравнить с замками Мингрелии (Chardin, *Voyages en Perse*, том 1, стр. 60, 131), с которыми они действительно имеют большое сходство.

117) Долина Темпеи лежит вдоль реки Пеней, между горами Оссою и Олимпом; она имеет только пять миль в длину а ее ширина в некоторых местах не превышает ста двадцати футов. Ее роскошную зелень и красоты изящно описал Плиний (*Hist. Natur.*, кн. 4, 15) и более подробно описал Aelian (*Hist. Var.*, кн. 3, гл. 1).

118) Ксенофонт, *Hellenic.*, кн. 3, гл. 2. После того как нам долго приходилось иметь дело с византийскими риториками, нас освежают правдивость, безыскусственность и изящество аттического писателя. (В то время как лакедемоняне владычествовали над Грецией и вели войну с Персией, их генерал Деркиллида построил в 398 до Р.Х. году ту стену, которая описана Ксенофонтом. Clinton, F. H., II, стр. 92. Достоин внимания тот факт, что по прошествии 2256 лет союзные армии Англии и Франции возводят (1854) такие же укрепления на том же самом месте. - *Издат.*)

119) См. описание длинной стены у Эвагрия (кн. 4, гл. 48). За исключением того, что касается Анхиала, все, что говорится в этой статье, заимствовано из четвертой книги о "Сооружениях" (кн. 3, гл. 7).

120) См. ч. 1, стр. 366. Я иногда упоминал, а чаще умалчивал о набегах исавров, не сопровождавшихся никакими серьезными последствиями.

121) Trebellius Pollio, in *Hist. August.*, стр. 107, живший в царствование или Диоклетиана, или Константина. См. также Panciroli ad Notit. Imp. Orient, гл. 115, 141. См. Код. Феодос., кн. 9, тит. 35, зак. 37 с подробным примечанием Годефруа, том III, стр. 256, 257.

122) Подробные сведения об их набегах можно найти у Филосторгия (*Hist. Eccles.*, кн. 11, гл. 8) и в ученых диссертациях Годефруа.

123) Код. Юстиниана, кн. 9, тит. 12, зак. 10. Их подвергали очень строгим наказаниям - денежным штрафам в сто фунтов золота, лишению всех прав и даже смертной казни. Желание обеспечить общественное спокойствие могло служить мотивом для таких строгостей; но Зенон пожелал обратить мужество исавров в свою личную пользу.

124) Война с исаврами и торжество Анастасия коротко и неясно описаны у Иоанна Малалы (том II, стр. 106, 107), у Эвагрия (кн. 3, гл. 35), у Феофана (стр. 118-120) и в Хронике Марцеллина.

125) Fortes ea regio (говорит Юстиниан) viros habet, nec in ullo differt ab Isauria - хотя Прокопий (*Persic.*, кн. 1, гл. 18) указывает на существенное различие в воинственных наклонностях этих народов; впрочем, в старые времена жители Ликаонии и Писидии защищали свою свободу против великого царя. (Ксенофонт "Отступление десяти тысяч", кн. 3, гл. 2) Юстиниан прибегает к ложной и странной эрудиции, когда говорит о древнем могуществе писидийцев и о Ликаоне, который, после посещения Рима (задолго до Энея) дал Ликаонии свое имя и населил ее (*Novell.* 24, 25, 27, 30).

126) См. Прокопий, *Persic.*, кн. 1, гл. 19.

Воздвигнутый Диоклетианом на острове Элефантине алтарь национального согласия, ежегодного жертвоприношения и клятвенных обетов был разрушен Юстинианом не столько из благоразумных политических расчетов, сколько из религиозного усердия.

127) Прокопий, de Edificiis, кн. 3, гл. 7. Hist., кн. 8, гл. 3, 4. Эти неза-
раженные честолюбием готы отказались следовать за знаменем Те-
одориха. И название, и остатки этого племени сохранялись между
Каффой и Азовским проливом до пятнадцатого и даже шестнадцато-
го столетия (D'Anville, Memoires de l'Academie, том XXX, стр. 240).
Они обратили на себя внимание Бучбес'а (стр. 321-326), но о них
умалчивают и Missions du Levant в своих отчетах (ч.1) и произведе-
ния Tott'a, Peyssonnel'я и др.

128) Касательно географии и укреплений этой границы "Армении см.
сочинения Прокопия "О Персидской войне" и о "Сооружениях" (кн.
2, гл. 4-7; кн. 3, гл. 2-7).

129) Эту местность описал Tournefort (Voyage au Levant, том III, пись-
мо 17, 18). Этот опытный ботаник не замедлил открыть, какое расте-
ние отравляет медь (Плин. XXI, 44,45). Он замечает, что солдаты Лу-
кулла имели полное основание удивляться тамошнему холоду, так
как даже в Эрзерумской равнине иногда выпадает снег в июне, а
жатва редко созревает прежде сентября. Горы Армении лежат ниже
сорокового градуса широты; но в той гористой стране, где я живу,
всем хорошо известно, что стоит подниматься в течение нескольких
часов в гору, чтобы перенестись из климата Лангедока в климат Нор-
вегии, и потому признано за правило, что под экватором на возвы-
шении двух тысяч четырехсот туазов господствует холод полярного
кря (Remond, Observations sur les Voyages de Coxe dans la Suisse,
том II, стр. 104).

130) На тождество или сходство халибов и халдейцев указывают:
Страбон (кн. 12, стр. 825, 826), Cellarius (Geograph. Antiq., том II, стр.
202-204) и Freret (Mem. de l'Academie, том IV стр. 594) Ксенофонт вы-
сказывает в своей "Киропедии" (кн. 3) предположение, что это были
те самые варвары, с которыми он сражался во время своего отступле-
ния (Анабазис, кн. 4). (Ideler (Mathematische und Technische
Chronologie 1, стр. 195-200) держится того мнения, что халдейцы бы-
ли не отдельный народ, а служители вилонского Бела. Ксенофонт,
которому это название было знакомо из произведений Геродота,
как кажется, ошибочно отнес его к халибам и сделал две нации из
одной. Его ошибки в названии стран и рек были извинительны в та-
кое время, когда география Азии была тайной для греков, и они не-
сколько не умаляют его достоинств как писателя. Халибы, как кажет-
ся, жили в той самой стране, которую, по мнению полк. Раулинсона,
занимали иллибы, упоминаемые в надписи в Куйюнджике в числе на-
родов, покоренных Сеннахерибом. Layard, Nineveh and Babylon, стр.
141-142. - Издат.)

131) Прокопий, Persic., кн. I, гл. 15. De Edific., кн. 3, гл. 6.

132) Nil Taurus obstat in nostra maria venturus (Помпоний Мела, III, 8).
Плиний, будучи не только натуралистом, но вместе с тем поэтом оли-
цетворял реки и горы и описывал их борьбу. Касательно течения Тиг-
ра и Евфрата см. превосходный трактат Анвилля.

133) Прокопий (Persic, кн. 2, гл. 12) рассказывает эту историю полу-
скептическим, полусуеверным тоном Геродота. Обещание не входило
в первоначальный вымысел Евсевия, но ведет свое начало по
меньшей мере с 400 года; а на основании двух первых выдумок ско-
ро была построена третья - Veronica (Evagrius, кн. 4, гл. 27). Так как

Эдесса была взята неприятелем, то Тильмон, конечно, стал отвергать действительность обещания (*Mém. Ecclés.*, том I, стр. 362, 383, 617).

134) Они были куплены у купцов Адула, которые вели торговлю с Индией (*Cosmas, Topograph. Christ.*, кн. 11, стр. 339); впрочем, при оценке драгоценных камней, скифские изумруды занимали первое место, бактрианские - второе, а эфиопские - лишь третье (*Hill's Theophrastus*, стр. 61 и сл., 92). Трудно решить, где именно добываются изумруды и каким путем создает их природа; есть также основание сомневаться в том, чтобы мы обладали хотя одним из тех двенадцати сортов изумруда, которые были известны древним (*Goguet, Origine des Lois, etc.*, часть 2, кн.2, гл. 2, art.3). Во время этой войны гунны захватили или, по меньшей мере, Бероз утратил самую лучшую во всем мире жемчужину, о которой Прокопий рассказывает неслепую историю.

135) Индо-скифы не переставали владычествовать со времен Августа (*Dionys. Perieget. 1088* с комментарием Евстафия в *Geograph. Minor. Гудсона*, том IV) до времен Юстина Старшего (*Cosmas, Topograph. Christ.*, кн. 11, стр. 338, 339). Касательно их происхождения и завоеваний см. *D'Anville, sur l'Inde*, стр. 18, 45 и сл., 69, 85, 89. Во втором столетии они владели Ларисой или Гузератом.

136) Касательно гибели Пируза, или Пероза, и ее последствий см. Прокопия (*Persic.*, кн. 1, гл. 3-6), произведения которого можно сопоставить с отрывками "Восточной истории" (*D'Herbelot, Bibliot. Orient.*, стр. 351 и *Teixeira, "История Персии"*, в переводе или сокращении Стевенса, кн. 1, гл. 32, стр. 132-138). Ассеман хорошо выяснил хронологические данные (*Bibliot. Orient.*, том III, стр. 396-427).

137) Войну с персами, происходящую в царствование Анастасия и Юстина, описывали: Прокопий (*Persic.*, кн. 1, гл. 7-9), Феофан (*in Chronograph.*, стр. 124-127), Эварий (кн. 3, гл. 37), Марцеллин (*in Chron.*, стр. 47) и *Josue Stylites (apud Asseman, том 1, стр. 272-281)*.

138) Прокопий подробно и правильно описал Дару (*Persic.*, кн. 1, гл. 10; кн. 2, гл. 13. *De Edific.*, кн. 2, гл. 1-3; кн. 3, гл. 5). См. описание ее положения у *D'Anville (L'Euphrate le Tigre, стр. 53-55)*, хотя этот писатель, как кажется, преувеличивает вдвое промежуточное расстояние между Дарой и Низибом.

139) Касательно этого города и Дербентского ущелья см. *D. Herbelot (Bibliot. Orient.*, стр. 157, 291, 807), *Petit de la Croix (Hist. de Gengiscan, кн. 4, гл.9)*, *Histoire Genealogique des Tatars (том I, стр. 120)*, *Olearius (Vogageen Perse, стр. 1039 - 1041)* и *Corneille le Brune (Vogages, том I, стр. 146, 147)*; мнения этого последнего можно сопоставить с описанием Олеария, который полагал, что стена состояла из раковин и гравия, отвердевших с течением времени.

140) Прокопий, хотя и с некоторой нерешительностью, постоянно называл их Каспийскими (*Persic.*, кн. 1, гл. 10). Теперь это ущелье называется *Tatartora* или Татарскими Воротами (*D'Anville, Geograpfic Ancienne, том II, стр. 119, 120*)

141) Знакомство с ущельями Кавказа и смутные слухи о построенной в Китае стене, как кажется, послужили поводом для рассказов о вале Гога и Магога; один халиф, живший в девятом столетии, верил в существование этого вала и ездил осматривать его (*Geograph.*

Nubliensis, стр. 267-270. Nemoires de l'Academie, том XXXI, стр. 210-219).

142) См. ученую диссертацию Baier'a de muro Caucaseo, in Comment. Acad. Petropol. ann. 1726, том I, стр. 425-463, но при ней нет географической карты или плана. Когда царь Петр I овладел в 1722 г. Дербентом, длина стены была измерена; оказалось, что в ней было три тысячи двести восемьдесят пять русских orgylae, или саженей, каждая в семь английских футов, а всего немного более четырех миль в длину.

143) О фортификациях и мирных трактатах Хосроя, или Нуширвана, можно найти сведения у Прокопия (Persic., кн. 1, гл. 16, 22; кн. 2) и у D'Herbelot (стр. 682).

144) Исократ жил от Олимпиады 86, 1 до 110, 3 (ante Christ. 436 - 338). См. Дионис. Галикарн., том II, стр. 149, 150, изд. Hudson; Плутарх (sive anonymus) in Vit X. Oratorum, стр. 1538-1543, edit. H. Steph. Phot. cod. 259, стр. 1543. (Сколько лучей славы, сосредоточенных в одном блестящем пункте! Однако дело двух тысяч лет было уничтожено в четыре столетия. Вникая в этот контраст, мы невольно задаемся вопросом, что было причиной такой перемены. - Издат.)

145) Meursius в своей Fortuna Attica (гл. 8, стр. 59-73, в томе 1, Opp.) кратко излагает вполне удовлетворительные сведения об афинских школах. Касательно положения города и искусств см. первую книгу Павзания и небольшой трактат Дикеарха (во втором томе Географов Гудсона), писавшего около 117 Олимпиады. Dodwell's Dissertat., sect. 4.

146) Диоген Лаэрт. de Vit. Philosoph., кн. 5, segm. 37, стр. 289.

147) См. завещание Эпикура у Диог. Лаэрт., кн. 10, Segm. 16-20, стр. 611, 612. Одно из посланий Цицерона (ad Familiares, XIII, I) знакомит нас и с несправедливостью Ареопага, и с преданностью эпикурейцев, и с извращенной вежливостью Цицерона, и с той смесью презрения и уважения, с которой римские сенаторы относились к греческой философии и к греческим философам.

148) Damascius in Vit. Isidor. apud Photium. cod. 242, стр. 1054.

149) Lucian (in Eunuch., том II, стр. 350-359, издат. Reitz), Philostratus (in Vit. Sophist., кн. 2, гл. 2) и Dion Cassius, или Xiphilin (кн 71, стр. 1195), а также их издатели Du Soul, Olearius и Reimar, а в особенности Salmasius (ad Hist. August., стр 72). Здравомыслящий философ (Smith's Wealth of Nations, ч. II, стр. 340-374) предпочитал добровольные приношения учащихся постоянному профессорскому жалованью.

150) Brucker, Hist. Crit. Philosoph., том II, стр. 310 и сл.

151) Рождение Эпикура относят к 342 году до Р. X. (Bayle) к Олимпиаде 109, 3. Он открыл в Афинах школу в Олимпиаду 118, 3, то есть за триста шесть лет до начала христианской эры. Упомянутый мною закон против веротерпимости (Athenaeus, кн. 13, стр. 610. Diogen. Laertius, кн. 5, отд. 38, стр. 290. Julius Pollux, IX, 5) был издан или в том же году или в следующем. (Sigonius, Opp., том V, стр. 62. Menagius, ad Diogen. Laert., стр. 204. Corsini, Fasti Attici, том IV, стр. 67, 68). Феофраст, который был главою перипатетиков и учеником Аристотеля, также подвергся изгнанию. (Диоген Лаэртий (X, 14), на основании очень обстоятельных исследований, относит рожде-

ние Эпикура к месяцу Гамелиону Олимпиады 109, 3, который соответствует январю В.С. 341. Время издания Софоклова декрета против философов неизвестно в точности. Некоторые относят его к В.С. 316, то есть за десять лет до прибытия Эпикура в Афины. См. Clinton F.H., II, 169. Феофраст заменил Аристотеля в В.С. 322 и занимал свою кафедру до 287 г. - *Издат.*)

152) Военные успехи готов никоим образом не могли быть пагубны для афинских школ. Мы уже видели (гл. XXX), с каким уважением относился к этим школам Аларих, когда Греция была в его руках. И не религия была причиной их упадка и окончательного закрытия. Ранее уже не раз указывалось на то, что христианство, в первые времена своего возникновения, находило в философии союзницу и помощницу и что ниспровергнувший язычество разум прокладывал путь для религиозных верований. - *Издат.*)

153) Это не воображаемая эра; язычники относили начало своих бедствий к окончанию владычества своих героев. Прокл, рождение которого указано его гороскопом (412 г., февраля 8, в С.Р.), умер через сто двадцать четыре года. A.D. 485 (Marin in Vita Procli, гл. 36).

154) Жизнеописание Прокла, написанное Марином, было издано Фабрицием (Гамбург, 1700, и ad calcem Bibliot. Latin. Лондон, 1703). Suidas (том III, стр. 185, 186), Fabricius (Bibliot. Graec. кн. 5, гл. 26, стр. 449-552) и Brucker (Hist. Crit. Philosoph., том II, стр. 319-326).

155) Жизнеописание Исидора было написано Дамаскием (apud Photium, cod. 242, стр. 1028-1076). См. о последнем веке языческих философов у Бруккера (том II, стр. 341-351). (Эта биография входит в состав всеобщей истории философии и философов, написанной Дамаскием до 526 г. Кроме его сборника сверхъестественных рассказов, о котором Гиббон упоминает в XXXVI главе, он также писал комментарии на произведения Платона и Аристотеля. (Clinton, F.R., I, 743; II, 327). - *Издат.*)

156) О закрытии афинских школ упоминают: Иоанн Малала (том II, стр. 187, sub Decio Cos. Sol.) и анонимная хроника в Ватиканской библиотеке (apud. Aleman., стр. 106).

157) Агафий (кн. 2, стр. 69-71) рассказывает эту интересную историю. Хосров вступил на престол в 531 году и заключил свой первый договор с римлянами в начале 533 г.; этот год всех более соответствует его *зарождавшейся* славе и преклонным летам Исидора (Asseman. Bibliot. Orient., том III, стр. 404. Pagi, том II, стр. 543, 550).

158) Кассиодор, Variarum, послание VI, I. Иордан, гл. 57, стр. 696, изд. Гроц. Quod summum bonum primumque in mundo decus edicitur.

159) См. постановления, которые были изданы Юстинианом (Novell. 105) в Константинополе 5 июля и адресованы к императорскому казначею Стратегию.

160) Прокопий, in Anecd., гл. 26. Aleman., стр. 106. По вычислениям Марцеллина, Виктора, Мария и др., тайная история была написана в восемнадцатом году после консульства Василия, и, по мнению Прокопия, консульская должность была окончательно упразднена.

161) Она была упразднена Львом Философом (Novell. 94, A.D. 886-911). См. Pagi (Dissertat. Hypatica, стр. 325-362) и Ducange (Gloss. Graec., стр. 1635, 1636). Самый титул консула был подвергнут унижению; по словам самого императора, consulatus codicilli... vilescunt.

162) По мнению Юлия Африкана и др., мир был создан первого сентября, за пять тысяч пятьсот восемь лет, три месяца и двадцать пять дней до рождения Христа (см. *Pezron, Antiquité des Temps defendue*, стр. 20-28); это летоисчисление было в употреблении у греков, у восточных христиан и даже у русских до царствования Петра I. Как ни произвольно это летоисчисление, оно ясно и удобно. Из семи тысяч двухсот девяноста шести лет, которые, как полагают, протекли от создания мира, три тысячи прошли в невежестве и мраке; две тысячи баснословны или малоизвестны; тысяча лет принадлежат древней истории, начинающейся вместе с персидской монархией и с республиками Римской и Афинской; тысяча лет прошли с падения римского владычества на Западе до открытия Америки; а остальные двести девяноста шесть лет составляют почти три столетия, принадлежащие более цивилизованному состоянию Европы и человеческого рода. Я предпочитаю этот способ летоисчисления нашей двойственной и сбивчивой манере считать года то до Р.Х. то после Р.Х., (Хронология архиепископа Usher'a (*Annales Vet. Test.*, стр. 1) относит день сотворения мира к воскресенью, 23 октября, за 4004 года до начала христианской эры. - *Издат.*)

163) Летоисчисление, начинавшееся с сотворения мира, было в употреблении на Востоке со времени шестого Вселенского собора (A.D. 681). На Западе христианское летоисчисление было впервые придумано в шестом столетии; оно распространилось в восьмом столетии благодаря влиянию и сочинениям Беды; но лишь в десятом столетии его употребление сделалось легальным и всеобщим. См. *L'Art de verifier les Dates, Dissert. Preliminaire*, стр. 3, 12 и *Dictionnaire Diplomatique*, том I, стр. 329-337, составленный Обществом бенедиктинских монахов.

ГЛАВА XLI

Завоевания Юстиниана на Западе. — Характер Велисария и его первые походы. — Он нападает на Вандальское королевство в Африке и завоевывает его. — Его триумф. — Война с готами. — Велисарий отнимает у них Сицилию, Неаполь и Рим. — Осада Рима готами. — Их отступление и потери. — Взятие Равенны. — Слава Велисария. — Его семейные несчастья и позор.

Когда Юстиниан, почти через пятьдесят лет после падения Западной империи, вступил на престол, владычество готов в Европе и вандалов в Африке получило прочную и, как казалось бы, легальную основу. Права, приобретенные победами римлян, были заменены не менее основательными правами, добытыми мечом варваров, а для удачных хищнических захватов этих последних служили еще более почтенной санкцией время, мирные договоры и клятвы в верности, уже повторенные вторым или третьим поколением покорных подданных. Опыт и христианство разрушили суеверную надежду, что Рим был основан богами для того, чтобы вечно владычествовать над народами земного шара. Но гордые притязания на вечное и неотъемлемое владычество, которых уже не были в состоянии поддерживать его солдаты, настоятельно заявлялись его государственными людьми и законоведами, мнения которых по временам оживали и распространялись в новейших школах юриспруденции. Когда с самого Рима была сдернута императорская порфира, константинопольские монархи присвоили себе священный скипетр монархии в исключительную собственность; они стали требовать, как своего законного наследия, тех провинций, которые были завоеваны консулами или находились во власти Цезарей, и слегка заявляли о своем желании освободить своих западных верноподданных от узурпации еретиков и варваров. Юстиниану было суждено в некоторой мере осуществить этот блестящий замысел. В течение первых пяти лет своего царствования он неохотно вел дорогого стоившую и бесплодную войну с Персией, пока его гордость не подчинилась требованиям его честолюбия и пока он не купил за 440000

фунт. стерлингов временного перемирия, которое, на языке обоих народов, было почтено названием вечного мира. Безопасность его восточных владений дала императору возможность направить его военные силы против вандалов, а внутреннее положение Африки доставляло римской армии благовидный предлог для нападения и обещало ей могущественное содействие¹⁾.

Согласно с завещанием своего основателя, африканское царство перешло путем наследования в прямой нисходящей линии к старшему из вандалских принцев Хильдериху. Благодаря мягкости своего характера этот сын тирана и внук завоевателя придерживался политики, основанной на милосердии и миролюбии, и его восшествие на престол ознаменовалось изданием благотворного эдикта, возвратившего двумстам церквям их епископов и позволившего, не стесняясь, исповедовать религию св. Афанасия²⁾. Но католики приняли с холодной и скоротечной признательностью милость, которая не удовлетворяла всех их притязаний, а добродетели Хильдериха оскорбили предубеждения его соотечественников. Арианское духовенство осмелилось распространять слух, будто он изменил религии своих предков, а армия стала более громко жаловаться на то, что он утратил их мужество. Его послов подозревали в тайных и унижительных переговорах с византийским двором, а один из его военачальников, прозванный вандалским Ахиллесом³⁾, был разбит в сражении с полуодетыми и недисциплинированными маврами. Общее неудовольствие было усилено интригами Гелимера, которому, по-видимому, давали права на престол его возраст, происхождение и военная репутация; он, с согласия всего народа, взял в свои руки бразды правления, а его несчастный государь спустился без всякого сопротивления с престола в тюрьму, где его держали под строгим надзором вместе с его преданным советником и непопулярным племянником, вандалским Ахиллесом. Но снисходительность, с которой Хильдерих отнесся к своим католическим подданным, доставила ему расположение Юстиниана, который был способен сознавать пользу и справедливость религиозной терпимости, когда она могла быть выгодна для его собственной секты; в то время как племянник Юстина еще жил частным человеком, его дружба с Хильдерихом упрочилась благодаря обмену подарков и писем, а сделавшись императором, Юстиниан всту-

пился за интересы царя и друга. Два посла, отправленные один вслед за другим к Гелимеру, убеждали узурпатора раскаяться в измене или по меньшей мере воздерживаться от всяких дальнейших насилий, способных прогневить Бога и римлян; они убеждали его не нарушать законов родства и престолонаследия и позволить дряхлому старику спокойно окончить жизнь или на карфагенском престоле, или в Константинопольском дворце. Раздражение Гелимера или, может быть, его благоразумие побудило его отвергнуть требования, выраженные надменным тоном угрозы и приказания; в оправдание своего честолюбия он заговорил таким языком, какой не привыкли слышать при византийском дворе, и сослался на право свободного народа смещать или наказывать своего высшего сановника, оказавшегося неспособным исполнять обязанности царского звания. После этих бесплодных переговоров с заключенным в тюрьму монархом стали обходиться суровее прежнего и выкололи глаза у его племянника, а жестокосердный вандал, полагавшийся на свои силы и на большие расстояния, стал относиться с презрительными насмешками к пустым угрозам и медленным военным приготовлениям восточного императора. Юстиниан решился или освободить своего друга, или отомстить за его смерть, а Гелимер, со своей стороны, решился удержать в своих руках незаконно присвоенную власть, и, по обыкновению цивилизованных народов, объявлению войны предшествовали с обеих сторон самые торжественные заявления об искреннем желании не нарушать мира.

Слух о войне с африканцами доставил удовольствие лишь тщеславной и праздной константинопольской черни, которая по бедности не платила никаких податей, а по трусости редко подвергалась опасностям военной службы. Но более благоразумные граждане, судившие о будущем по прошлому, припоминали громадные потери людьми и деньгами, понесенные империей от экспедиции Василиска. Войска, отозванные с персидской границы, после того как они выдержали пять трудных кампаний, боялись моря, африканского климата и врага, с которым еще никогда не имели дела. Лица, заведовавшие финансами, взвешивали, насколько это было возможно, расходы африканской войны, размер налогов, которые нужно было придумать и взыскать для покрытия нескончаемых затрат, и опасность поплатиться за недо-

статок ресурсов своей жизнью или по меньшей мере потерей своих доходных мест. Руководствуясь этими эгоистическими соображениями (так как его нельзя подозревать в заботливости об общественной пользе), Иоанн Каппадокийский осмелился, в полном заседании совета, воспротивиться желаниям своего государя. Он сознавал, что для столь важного завоевания нельзя было жалеть никаких расходов, но он настоятельно указывал на то, как неизбежны предстоящие затруднения и как сомнителен исход предприятия. "Вы намереваетесь (сказал префект) осадить Карфаген; сухим путем он отстоит от нас не менее как на сто сорок дней пути, а морем пройдет целый год⁴⁾, прежде нежели вы получите какие-либо известия от вашего флота. Если Африка будет завоевана, ее нельзя будет сохранить без добавочного завоевания Сицилии и Италии. Успех поставит вас в необходимость сделать новые усилия, и только *одной* неудачи будет достаточно для того, чтобы привлечь варваров внутрь вашей истощенной империи". Юстиниан сознавал основательность этого мнения, был смущен непривычной смелостью столь рабски покорного служителя и, вероятно, отказался бы от своих воинственных замыслов, если бы его мужество не ожило при звуках такого голоса, который заглушал все колебания, внушаемые человеческим рассудком. "Я видел видение (воскликнул из коварства или из фанатизма один восточный епископ). На то воля Небес, чтобы вы не отказывались от благочестивого намерения освободить африканскую церковь. Бог брани будет шествовать перед вашим знаменем и разгонять ваших врагов, которые вместе с тем враги его Сына". Император, быть может, охотно поверил этому откровению, столь кстати пришедшему к нему на помощь, а его советники должны были верить поневоле; но восстание, которое было возбуждено приверженцами Хильдериха или последователями Афанасия на границе Вандальского царства послужило для них источником более основательных надежд. Африканский подданный Пуденций втайне уведомил Константинопольское правительство о своей преданности императору, и посланный к нему на помощь небольшой отряд войск снова восстановил в Триполийской провинции римское владычество. Управление Сардинией было поручено храброму варвару по имени Года; он прекратил уплату податей, отказался от повиновения узурпатору и принял в аудиенции Юстиниановых

эmissаров, которые нашли, что он был полным хозяином этого плодородного острова, был окружен своей гвардией и гордо носил внешние отличия царского звания. Силы вандалов уменьшались от раздоров и от взаимного недоверия, а римские армии воодушевлялись гением Велисария - одного из тех героев, с именами которых так хорошо знакомы все века и все народы.

Сципион Нового Рима родился, а может быть, и воспитывался среди фракийских крестьян⁵⁾, не пользуясь ни одним из тех преимуществ, которые способствовали развитию характеров старшего и младшего Сципионов, - ни знатным происхождением, ни хорошим образованием, ни тем соревнованием, которое составляет отличительную особенность политической свободы. Молчание многоречивого секретаря может быть принято за доказательство того, что юность Велисария не представляла никакого сюжета для похвал; он служил в личных телохранителях Юстиниана, без сомнения, храбро и честно, а когда его покровитель сделался императором, он возвысился из служилого звания до командования войсками. После смелого вторжения в Персидскую Армерию, где он делил свою славу с товарищем и где его успешное наступление было остановлено неприятелем, Велисарий отправился в важную крепость Дару, где впервые принял к себе на службу верного помощника в своих подвигах и усердного их историка Прокопия⁶⁾. Перс Мирран приблизился с сорока тысячами своих лучших войск к Даре с целью скрыть ее укрепления и назначил день и час, когда жители должны приготовить ему ванну для того, чтобы он мог освежиться после утомительных усилий победителя⁷⁾. Он встретил противника, который был равен ему по положению благодаря только что полученному титулу главного начальника восточных армий и превосходил его военными познаниями, но уступал ему числом и достоинством своих войск, которые состояли лишь из двадцати пяти тысяч римлян и чужеземцев, отвыкших подчиняться требованиям дисциплины и обескураженных недавними поражениями. Так как плоская равнина Дары не представляла никаких прикрытий, при помощи которых можно бы было приготовить какую-нибудь военную хитрость или устроить засаду, то Велисарий оградил фронт своей позиции глубокой траншеей и провел от нее окопы сначала в перпендикулярном, а потом в параллельном на-

правлении, для того чтобы прикрыть кавалерию, которую он поставил на своих флангах на таких выгодных позициях, что она могла угрожать неприятелю и с боку, и с тылу. В то время как центр римской армии стал подаваться назад, эта кавалерия решила исход сражения своим своевременным и быстрым нападением; знамя Персии преклонилось перед победителем; "бессмертные" обратились в бегство; пехота побросала свои щиты, и восемь тысяч побежденных легли на поле битвы. В следующую кампанию неприятель вторгся в Сирию с той стороны, где были степи, и Велисарий поспешно выступил с двадцатью тысячами человек из Дары для защиты этой провинции. В течение всего лета он разрушал замыслы неприятеля своими искусными маневрами, беспокоил его во время отступления, каждый вечер занимал лагерь, в котором тот стоял накануне, и достиг бы победы без кровопролития, если бы мог сдержать нетерпение своих собственных солдат. В день битвы эти последние не оправдали своих хвастливых обещаний: христианские арабы обратились в бегство вследствие измены или трусости и оставили правый фланг без прикрытия; отряд из восьмисот закаленных в боях гуннов не устоял против более многочисленного неприятеля; обратившимся в бегство исаврам было отрезано отступление; но стоявшая на левом фланге римская пехота была непоколебима, потому что сам Велисарий, сойдя с коня, объяснил ей, что отчаянная неустрашимость была для нее единственным средством спасения. Она стала спиной к Евфрату и лицом к неприятелю; бесчисленные стрелы скользили, не причиняя никакого вреда, по ее плотно сдвинутым щитам; непроницаемый ряд копий остановил неоднократные нападения персидской кавалерии, и после продолжавшегося несколько часов сопротивления все оставшиеся в целости войска были посажены на суда под прикрытием ночной темноты. Персидский главнокомандующий отступил в беспорядке и с позором и его подвергли тяжелой ответственности за то, что он жертвовал жизнью стольких солдат для бесплодной победы. Но слава Велисария не омрачилась от такого поражения, в котором лишь благодаря ему одному его армия спаслась от последствий своей собственной опрометчивости; предстоявшее заключение мира сняло с него обязанность охранять восточную границу, а его поведение во время вспыхнувшего в Кон-

стантинополе мятежа вполне доказало его личную преданность императору.

Когда африканская война сделалась сюжетом народных толков и тайных правительственных совещаний, все римские полководцы избегали, а не искали опасной чести быть назначены главнокомандующим; но лишь только Юстиниан объявил, что отдаст предпочтение самым высоким заслугам, они стали завидовать единодушному одобрению, которое было вызвано выбором Велисария. Нравы византийского двора могли внушать подозрение, что в этом случае права героя нашли тайную поддержку в интригах его жены, прекрасной и хитрой Антонины, попеременно то пользовавшейся доверием императрицы Феодоры, то навлекавшей на себя ее ненависть. Антонина была низкого происхождения; она родилась в семействе колесничников, а ее целомудрие было запятнано самыми гнусными обвинениями. Тем не менее она долго и безусловно властвовала над умом своего знаменитого супруга, и если Антонина не придавала никакой цены достоинству супружеской верности, зато она доказывала благородную преданность Велисария, сопровождая его с неустрашимым мужеством во всех трудностях и опасностях военной профессии⁸⁾.

Приготовления к африканской войне не были недостойны окончательной борьбы между Римом и Карфагеном. Гордость и цвет армии составляли Велисариевы телохранители, которые, в силу существовавшего в ту пору вредного обыкновения, приносили особую присягу в том, что посвящают себя на служение своему патрону. Физическая сила и высокий рост, ради которых они принимались в этот избранный отряд, превосходные качества их лошадей и вооружения и тщательно развитая привычка ко всяким военным упражнениям делали их способными приводить в исполнение все, что внушало их мужество; а их мужество воспламенялось от сознания их почетного положения и от честолюбивого ожидания наград и отличий. Четыреста самых храбрых герулов выступили в поход под знаменем верного и предприимчивого Фары; их неукротимая храбрость ценилась более высоко, чем вялая покорность греков и сирийцев, а подкрепление из шестисот массагетов и гуннов⁹⁾ считалось столь ценным, что их вовлекли в морскую экспедицию при помощи подлога и обмана. Для завоевания Африки были посажены в Констан-

тинополе на суда пять тысяч всадников и десять тысяч пехотинцев; но пехота, которая была набрана большей частью во Фракии и в Исаврии, считалась менее полезной и менее надежной, чем кавалерия, и скифский лук был то оружие, на которое римским армиям приходилось возлагать свою главную надежду. Из похвального желания поддержать достоинство описываемого предмета, Прокопий защищает солдат своего времени от нападений тех суровых критиков, которые утверждали, что это почтенное название должно относиться лишь к тяжеловооруженным воинам древности, и злобно замечали, что слова *стрелок из лука* употребляются у Гомера¹⁰⁾, для выражения презрения. "С таким презрением, быть может, было бы основательно относиться к тем нагим юношам, которые появились пешими на полях Трои и, спрятавшись за каким-нибудь надгробным камнем или за щитом приятеля, натягивали тетеву к своей груди¹¹⁾ и пускали слабой рукой бессильную стрелу. А наши стрелки из лука (продолжает историк) сидят на конях, которыми они управляют с удивительной ловкостью; их голова и плечи защищены каской или щитом; они носят на ногах железные латы, а на теле кольчугу. По правой стороне у них висит колчан, по левой - меч, а когда им приходится вступать в рукопашный бой, они привычной рукой владеют и копьем, и дротиком. У них крепкие и тяжелые луки, из которых они стреляют и при наступлении, и при отступлении во все направления - и в неприятельский фронт, и в его тыл, и в его фланги; а так как они научены натягивать тетеву не к груди, а к правому уху, то не всякие латы так крепки, что могут выдержать удар пущенной ими стрелы". В Константинопольской гавани было собрано пятьсот транспортных судов, которыми управляли двадцать тысяч матросов, взятых из Египта, Киликии и Ионии. Вместимость самых мелких из этих судов можно определить в тридцать тонн, самых больших - в пятьсот, а всех вместе - почти в сто тысяч¹²⁾; в этом хотя и достаточном, но не очень просторном пространстве должны были уместиться тридцать пять тысяч солдат и моряков, пять тысяч лошадей, оружие, машины, военные снаряды и запас воды и провизии, достаточный для переезда, на который требовалось, быть может, месяца три. Те гордые галеры, которые в прежние времена бороздили Средиземное море столькими сотнями весел, уже давно исчезли, а Юстинианов флот эскортировали толь-

ко девяносто два легких бригаantina, которые имели такие прикрытия, что метательные снаряды неприятеля не могли причинять им вреда, и на которых служили гребцами две тысячи самых храбрых и самых сильных константинопольских юношей. История называет двадцать два командира, из которых многие впоследствии прославились в войнах африканских и италийских; но главное командование и на суше, и на море было поручено одному Велисария с неограниченным правом действовать по своему усмотрению так, как мог бы действовать сам император. Отделение профессии моряков от профессии воинов было в одно и то же время и результатом, и причиной тех новейших улучшений, которые введены и в искусство мореплавания, и в искусство ведения морских войн.

На седьмом году Юстинианова царствования и незадолго до эпохи летнего солнцестояния весь флот из шестисот судов выстроился во всем своем воинственном блеске перед окружавшими дворец садами. Патриарх дал свое благословение, император отдал свои последние приказания, труба главнокомандующего подала сигнал к отплытию, и каждый стал с тревожным любопытством искать предзнаменований неудачи или успеха, сообразно со своими опасениями или надеждами. Первый привал был сделан в Перинфе или Гераклее, где Велисарий в течение пяти дней дожидался прибытия фракийских коней, подаренных ему императором. Оттуда флот продолжал свое плавание посреди Пропонтиды; но, в то время как он старался пройти сквозь Геллеспонтский пролив, неблагоприятный ветер задержал его четыре дня в Абидосе, где главнокомандующий выказал замечательную твердость и взыскательность. Два гунна, убившие одного из своих товарищей во время ссоры, происшедшей от пьянства, были немедленно повешены на высокой виселице на глазах всей армии. Соотечественники убийц приняли это наказание за оскорбление их этнического достоинства; они заявили, что не намерены подчиняться раболопным законам империи, а желают пользоваться вольностями Скифии, где небольшая денежная пеня служит наказанием за опрометчивые поступки, вызванные опьянением или раздражением. Их жалобы были благовидны, их протесты были шумны, а римлянам был бы на руку пример бесчинства и безнаказанности. Но авторитет и красноречие главнокомандующего утишили воз-

никавший мятеж; он напомнил собравшимся войскам о требованиях справедливости, о необходимости дисциплины, о наградах за повиновение и воинские доблести и о непростительном поведении убийц, виновность которых, в его глазах, не уменьшалась, а увеличивалась от того, что они имели порочную склонность к пьянству¹³⁾. Во время переезда от Геллеспонта до Пелопоннеса, переезда, который был совершен греками, после осады Трои, в четыре дня¹⁴⁾, флотом Велисария руководила передовая галера, которую узнавали днем по красному цвету ее парусов, а ночью по горевшим на ее мачте факелам. В то время как флот плыл между островами и огибал мысы Малей и Тенар, на лоцманов была возложена обязанность наблюдать за тем, чтобы столь многочисленные суда подвигались вперед в надлежащем порядке и на приличном одно от другого расстоянии; так как ветер дул благоприятный и несильный, то усилия лоцманов увенчались успехом и войска благополучно высадились в Мефоне, на берегу Мессении, чтобы отдохнуть от утомительного плаванья. Здесь им пришлось узнать на опыте, как облеченное властью корыстолюбие может играть жизнью тысяч людей, мужественно жертвующих собою для общей пользы. В силу существовавшего обыкновения хлеб или сухари римских солдат два раза ставились в печь, и солдаты охотно отказывались от одной четверти веса, которая шла на усушку при вторичном печении. С целью обратить в свою пользу этот ничтожный барыш и сбережение топлива префект Иоанн Каппадокийский приказал слегка печь муку на том же огне, на котором грели воду для константинопольских бань, и когда открыли мешки, там оказалось рыхлое и покрытое плесенью тесто. Употребление этой нездоровой пищи в жарком климате и в жаркое время года скоро породило эпидемическую болезнь, от которой умерло пятьсот солдат. Здоровье армии было восстановлено усилиями Велисария, который запасся в Мефоне свежим хлебом и смело выразил свое обоснованное и человеколюбивое негодование; император обратил внимание на эти жалобы, похвалил главнокомандующего, но оставил префекта безнаказанным.

Из Мефонского порта лоцманы провели флот вдоль западных берегов Пелопоннеса до острова Закинфа, или Занте, прежде чем предпринять переезд в сто миль через Ионическое море (по их мнению, крайне опасный). Так как насту-

пил штиль, то на этот медленный переезд было употреблено шестнадцать дней, и даже самому главнокомандующему пришлось бы страдать от мучительной жажды, если бы предусмотрительная Антонина не запаслась водой в стеклянных бутылках, которые она глубоко зарыла в песок в такой части корабля, куда не могли проникать солнечные лучи. Наконец, войска нашли безопасное и гостеприимное пристанище в гавани Кавкана¹⁵⁾, на южном берегу Сицилии. Готские офицеры, управлявшие островом от имени дочери и внука Теодориха, исполнили данное им опрометчивое приказание принять Юстиниановых солдат как друзей и союзников; они в избытке снабдили армию провизией и помогли ей ремонтировать кавалерию¹⁶⁾, а Прокопий скоро возвратился из Сиракуз с точными сведениями о положении вандалов и об их намерениях. Его донесения побудили Велисария поторопиться началом военных действий, а попутный ветер оказал содействие благоразумному нетерпению главнокомандующего. Флот потерял из виду Сицилию, прошел мимо острова Мальты, издали увидел самые выдающиеся оконечности Африки, проплыл вдоль ее берегов при сильном северо-восточном ветре и, наконец, бросил якорь у мыса Капут-Вада на расстоянии почти пяти дней пути к югу от Карфагена¹⁷⁾.

Если бы Гелимер знал о приближении неприятеля, он отложил бы до другого времени завоевание Сардинии и позаботился бы о своей личной безопасности и о безопасности своих владений. Отряд из пяти тысяч солдат и флот из ста двадцати галер присоединились бы к остальным военным силам вандалов, и потомок Гензериха мог бы застигнуть врасплох и уничтожить неприятельский флот, состоявший из неспособных к сопротивлению тяжелонагруженных транспортных судов и из легких бригаantin, по-видимому способных лишь к быстрому бегству¹⁸⁾. Велисарий втайне трепетал от страха, прислушиваясь, во время переезда, к тому, как солдаты поощряли друг друга громко высказывать свои опасения; они надеялись отстоять свою воинскую честь, если им удастся высадиться на берег, но, не краснея, сознавались, что, если бы им пришлось подвергнуться нападению на море, у них не достало бы мужества для того, чтобы бороться в одно время и с ветром, и с морскими волнами, и с варварами¹⁹⁾. Зная их чувства, Велисарий решил воспользоваться первым удобным случаем, чтобы высадить их на африканский берег, и

благоразумно отверг на военном совете предложение направить флот и армию прямо в Карфагенский порт. Через три месяца после отплытия из Константинополя благополучно совершились и высадка на берег людей и лошадей, и выгрузка оружия и военных снарядов, а на каждом из кораблей, расставленных в форме полукруга, была оставлена стража из пяти солдат. Остальные войска расположились на берегу моря лагерем, который они, по старому обыкновению, обнесли рвом и валом, а открытие источника пресной воды, утолившей жажду римлян, внушило им суеверную уверенность в успехе предприятия. На следующий день утром солдаты стали грабить соседние сады; наказав виновных, Велисарий воспользовался в столь решительную минуту этим ничтожным фактом для того, чтобы преподать своим войскам принципы справедливости, воздержанности и здравой политики. "Когда я взялся покорить Африку, - сказал главнокомандующий, - я рассчитывал не столько на многочисленность или на мужество моих войск, сколько на дружественное расположение туземцев и на их неугасаемую ненависть к вандалам. Вы одни в состоянии разрушить эти надежды: если вы будете хищнически захватывать то, что можно купить за ничтожную цену, ваши насилия примирят с вандалами их врагов, и все они вступят между собой в необходимый и священный союз против тех, кто вторгнулся в их отечество". Эти увещания были подкреплены введением строгой дисциплины, благотворные последствия которой скоро почувствовали на себе и оценили сами солдаты. Вместо того чтобы покидать свои жилища и скрывать свои запасы зернового хлеба, жители стали снабжать римлян провизией в достаточном количестве и за умеренную цену; гражданские власти стали исполнять свои обязанности от имени Юстиниана, а духовенство, из религиозных убеждений или из личных интересов, стало деятельно вступаться за права католического императора. На долю небольшого городка Суллекта²⁰⁾, находившегося на расстоянии одного дня пути от лагеря, выпала та честь, что он первый отворил свои ворота и снова признал над собою власть императоров; более значительные города Лепт и Адрумет последовали этому примеру при приближении Велисария, который достиг, не встречая никакого сопротивления, дворца вандальских царей в Грассе, находившегося на расстоянии пятидесяти миль от Карфагена. Измученные римляне нашли

там приятный отдых среди тенистых рощ, освежающих воздух фонтанов и плодовых деревьев, а предпочтение, которое отдает Прокопий этим садам перед всеми, какие он видел на Востоке и на Западе, может быть приписано или прихотливому вкусу историка, или его утомлению.

После того как три поколения вандалов прожили в достатке и в наслаждениях теплого климата, суровые доблести этого народа исчезли и он мало-помалу сделался самым сластолюбивым из всех народов земного шара. В своих виллах и садах, достойных того, чтобы их называли персидским именем *земного рая*²¹⁾, варвары наслаждались прохладой и роскошью, а после ежедневного пользования ваннами садились за стол, за которым им подавали все, что можно было найти самого изысканного на суше и в морях. Их шелковые одеяния, развевавшиеся как у мидян, были вышиты золотом; любовь и охота были главными занятиями их жизни, а в свои свободные часы они развлекались пантомимами, бегом колесниц и театральными представлениями, заключавшимися в музыке и в танцах.

Во время десяти или двенадцатидневного перехода Велисарий бдительно следил за скрывавшимися от его глаз врагами, из опасения неожиданного нападения. Пользовавшийся его доверием заслуженный офицер Иоанн Армянин шел впереди во главе авангарда из трехсот всадников; шестьсот массагетов прикрывали на некотором расстоянии левый фланг, а флот плыл вдоль берега, редко теряя из виду армию, которая ежедневно подвигалась вперед миль на двенадцать и помещалась на ночь или внутри сильно укрепленного лагеря, или внутри тех городов, которые оказывали ей дружеское гостеприимство. Гелимер растерялся и пришел в ужас при известии о приближении римлян к Карфагену. Он попытался продлить войну до возвращения испытанных в бою войск, которые отправились, под начальством его брата, завоевывать Сардинию, и скорбел о непредусмотрительной политике своих предков, которые, разрушив укрепления Африки, не оставили ему иного ресурса, кроме опасной необходимости дать генеральное сражение под стенами столицы. Завоевавшие Африку пятьдесят тысяч вандалов размножились - не включая их жен и детей - до ста шестидесяти тысяч человек, способных носить оружие, и если бы эти силы были воодушевлены мужеством и единомыслием, они могли бы уничто-

жить слабые и измученные римские войска, лишь только эти последние успели высадиться на берег. Но приверженцы заключенного в тюрьму царя были более расположены исполнять требования Велисария, чем препятствовать его успехам, а между гордыми варварами было немало таких, которые прикрывали свое отвращение к войне под более благовидным названием ненависти к узурпатору. Тем не менее авторитет и щедрые обещания Гелимера доставили ему возможность собрать сильную армию, а составленный им план военных действий был задуман не без некоторого знания военного дела. Его брату Аммату было послано приказание собрать все находившиеся в Карфагене войска и атаковать авангард римской армии на расстоянии десяти миль от города; его племянник Гибамунд должен был напасть с двумя тысячами всадников на левое крыло неприятеля, в то время как втихомолку следовавший за Велисарием сам царь напал бы на неприятельский арьергард, заняв такую позицию, что римская армия не могла бы ожидать помощи от своего флота и даже потеряла бы его из виду. Но опрометчивость Аммата оказалась гибельной и для него самого, и для его отечества. Он атаковал неприятеля ранее условленного часа, опередил своих замешкавшихся солдат и был смертельно ранен после того, как собственноручно положил на месте двенадцать из своих самых отважных противников. Его вандалы спаслись бегством в Карфаген; дорога, на протяжении почти десяти миль, была усеяна убитыми, и трудно было поверить, чтобы триста римлян могли перебить столько людей. Племянник Гелимера был разбит, после непродолжительной борьбы, шестьюстами массагетами, несмотря на то что его армия была втрое с лишним более многочисленна; но каждый скиф воодушевлялся примером своего вождя, который с гордостью пользовался наследственной привилегией ехать верхом впереди всех и пускать в неприятеля первую стрелу. Тем временем сам Гелимер, ничего не зная о случившемся и заблудившийся в лабиринте горных проходов, прошел мимо римской армии, не заметив ее, и очутился на том самом месте, где пал Аммат. Он оплакал участь своего брата и Карфагена, напал с непреодолимой яростью на шедшие к нему на встречу эскадроны и, может быть, одержал бы решительную победу, если бы не приостановил нападение и не потратил дорогое время на благочестивое, но бесплодное исполнение

своих обязанностей к мертвым. В то время как он падал духом, исполняя печальный обряд, в его ушах раздался звук трубы Велисария, который, оставив в лагере Антонину и всю свою пехоту, устремился вперед во главе своих телохранителей и остальной кавалерии для того, чтобы остановить обращенные в бегство войска и загладить следы первой неудачи. В этом беспорядочном сражении едва ли было место для дарований искусного полководца; оно кончилось тем, что царь бежал перед героем, а вандалы, привыкшие сражаться лишь с маврами, оказались неспособными противостоять оружию и дисциплине римлян²²).

Гелимер торопливо отступил к Нумидийской пустыне; но он был вскоре вслед за тем обрадован известием, что данное им тайное приказание умертвить Хильдериха вместе с заключенными в тюрьму его приверженцами было в точности исполнено. Мстительность тирана оказалась полезной лишь для его врагов. Смерть законного государя возбудила в народе сострадание; его жизнь поставила бы победоносных римлян в затруднительное положение, и наместник Юстиниана, благодаря преступлению, в котором он был невиновен, избавился от прискорбной необходимости или нарушить правила чести, или отказаться от своих завоеваний.

Когда смятение прекратилось, различные отряды римской армии сообщили один другому подробности сражения, и Велисарий раскинул свой лагерь на поле победы, которому дали латинское название *decimus* оттого, что там стоял десятый милевой столб от Карфагена. Из благоразумного опасения, чтобы вандалы не устроили какой-нибудь засады и не воспользовались своими последними ресурсами для нового сражения, он выступил на следующий день в боевом порядке, остановился вечером перед воротами Карфагена и дал на ночь отдых войскам, для того чтобы город не сделался, среди мрака и беспорядка, жертвой солдатского своеволия и чтобы сами солдаты не сделались жертвами какой-нибудь устроенной в городе засады. Но так как опасения Велисария были внушены хладнокровной и неустрашимой осмотрительностью, то он скоро убедился, что может безопасно положиться на миролюбие и дружественное расположение столичного населения. Карфаген осветился бесчисленными факелами в знак общей радости; цепи, защищавшие вход в гавань, были сняты; городские ворота растворились, и население с призна-

тельностью приветствовало своих освободителей, приглашая их вступить в город. О поражении вандалов и об освобождении Африки карфагенские жители узнали накануне дня св. Киприана, в то время как церкви уже были разукрашены и освещены для празднества в честь мученика, которого они приучились чтить, в течение трехсотлетнего суеверного поклонения, почти как местное божество. Ариане, сознававшие, что их владычеству настал конец, уступили храм католикам, которые освободили своего святого из рук нечестивцев, исполнили священные обряды и громко провозгласили символ веры Афанасия и Юстиниана. В течение только одного грозного для вандалов часа каждая из двух враждебных партий очутилась точно в таком положении, в каком прежде того находились ее противники. Присмиревшие вандалы, так еще недавно предававшиеся порочным наклонностям завоевателей, стали искать скромного убежища в церковном святилище; а испуганный сторож подземной дворцовой тюрьмы выпустил на свободу восточных купцов, стал просить покровительства у бывших арестантов и указывал им сквозь отверстие в стене на паруса римских кораблей. После того как сообщения между флотом и армией были прерваны, командиры судов медленно и осторожно подвигались вперед вдоль берегов, пока не достигли Гермейского мыса, где получили первые известия о победе Велисария. Придерживаясь данных им инструкций, они намеревались стать на якорь почти в двадцати милях от Карфагена; но более опытные моряки отговорили их, указав на опасность прибрежной стоянки и на признаки приближающейся бури. Так как они еще не знали о совершившемся перевороте, то они отклонили опрометчивое предложение силой прорвать цепь, которой был защищен вход в Карфагенскую гавань, и только соседний порт города Мандракия и его предместье пострадали от хищничества одного офицера низшего ранга, нарушившего приказа-ния своих начальников и затем совершенно их покинувшего. Затем императорский флот, пользуясь попутным ветром, прошел сквозь узкий проход Голетты и занял безопасную позицию на глубоком и обширном Тунисском озере, почти в пяти милях от столицы²³⁾. Лишь только Велисарий узнал о его прибытии, он дал приказание немедленно высадить на сушу большую часть матросов, для того чтобы они приняли участие в его триумфе и увеличили в глазах местного насе-

ления число римлян. Прежде чем позволить им войти в ворота Карфагена, он обратился к ним с речью, которая была достойна и его самого, и важности данной минуты: он убеждал их не пятнать славу его военных подвигов и не забывать, что вандалы были тираны, а *они* освободители африканцев, к которым должны впредь относиться с уважением, как к добровольным и преданным подданным их общего государя. Римляне шли по городским улицам сомкнутыми рядами и готовыми к бою на случай появления неприятеля; введенный главнокомандующим строгий порядок внушил им обязанность повиновения, и в таком веке, когда обычаи и безнаказанность поощряли к злоупотреблению победой, гений одного человека обуздал страсти победоносной армии. Не было слышно ни угроз, ни жалоб; торговля не прекращалась в Карфагене; в то время как Африка меняла повелителя и систему управления, лавки оставались открытыми для покупателей, а после того как было расставлено достаточное число часовых, солдаты скромно разошлись по отведенным для них квартирам. Велисарий поселился во дворце, воссел на трон Гензериха, стал принимать и распределять отнятую у варваров добычу, даровал жизнь молившимся о пощаде вандалам и постарался загладить вред, причиненный в предшествовавшую ночь предместью Мандракия. Высших офицеров он пригласил на ужин, который по своей обстановке и роскоши походил на царский пир²⁴).

Победителю почтительно прислуживали бывшие придворные должностные лица побежденного монарха, а в те минуты, когда самые беспристрастные из гостей превозносили счастье и заслуги Велисария, его завистливые льстецы тайно обливали своим ядом всякое его слово или движение, способное внушить недоверие завистливому монарху. Только один день был потрачен на эту выставку величия, которая, быть может, не была бесплодной, если была устроена с целью произвести впечатление на умы населения; но деятельный Велисарий, и среди блеска победы не забывавший о возможности неудачи, уже решил, что римское владычество в Африке впредь не должно зависеть ни от случайностей войны, ни от расположения населения. Только в пользу карфагенских укреплений вандалы сделали исключение из своего обыкновения все разрушать; но вследствие их беззаботности и небрежности эти укрепления во время их девяностопятилетне-

го владычества мало-помалу обращались в развалины. Более благоразумный завоеватель с невероятной быстротой привел в надлежащий вид городские стены и рвы. Его щедрость поощряла рабочих; солдаты, матросы и граждане соперничали одни с другими в этой благотворной работе, а Гелимер, не осмелившийся riskовать своей личной безопасностью внутри неукрепленного города, с удивлением и отчаянием взирал на строившуюся неприступную крепость.

После потери своей столицы этот несчастный монарх попытался собрать остатки армии, которая не была уничтожена в предшествовавшей битве, а лишь рассеялась в разные стороны. Жажда грабежа привлекла под знамя Гелимера толпы мавров; он раскинул свой лагерь на полях Буллы, на расстоянии четырех дней пути от Карфагена, стал угрожать столице, которую лишил возможности пользоваться водопроводом, обещал щедрое вознаграждение за каждую голову римлянина, делал вид, будто щадит личность и собственность своих африканских подданных, и завел тайные переговоры с арианскими сектантами и с служившими в римской армии в качестве союзников гуннами. При таких обстоятельствах известие о завоевании Сардинии лишь усилило в нем сознание его бедственного положения; он с глубокой горестью помышлял о том, что это бесполезное предприятие лишило его пяти тысяч самых храбрых солдат, и со стыдом и скорбью прочел радостные письма своего брата Занона, выражавшего горячую уверенность, что, по примеру своих предков, царь уже наказал опрометчивых римлян за их нашествие. "Увы! брат мой, - отвечал ему Гелимер, - Небеса перестали благоприятствовать нашему несчастному племени. В то время как вы завоевали Сардинию, мы потеряли Африку. Лишь только Велисарий появился во главе ничтожной кучки солдат, и вандалов покинули и мужество, и счастье. Ваш племянник Гибамунд и ваш брат Аммат погибли вследствие трусости тех, кто их окружал. И наши кони, и наши корабли, и сам Карфаген, и вся Африка во власти неприятеля. А между тем вандалы предаются позорному покою в ущерб своим женам и детям, своему достоянию и свободе. Нам остались только поля Буллы и надежда на вашу храбрость. Оставьте Сардинию и спешите к нам на помощь, чтобы восстановить наше владычество или погибнуть вместе с нами". По получении этого послания Занон сообщил печаль-

ное известие самым знатным вандалам, но из предосторожности скрыл его от туземного населения Сардинии. Войска отплыли из Кальярийской гавани на ста двадцати галерах, бросили на третий день якорь у берегов Мавритании и поспешили присоединиться к армии, стоявшей лагерем в Булле. Встреча была печальна: два брата обнялись и молча расплакались; они не расспрашивали один другого о победах, одержанных в Сардинии, и о неудачах, понесенных в Африке; они ясно сознавали свое бедственное положение, а отсутствие их жен и детей служило печальным доказательством того, что они или убиты, или находятся в плену. Вандалов, наконец, пробудили из их усыпления воззвания царя, пример Занона и неминуемая опасность, угрожавшая их владычеству и их религии. Все люди, способные носить оружие, выступили на бой, и число их возрастало с такой быстротой, что, прежде чем они достигли Трикамерона, отстоящего от Карфагена почти на двадцать миль, они могли похвастаться - вероятно, не без некоторого преувеличения, - что они были вдесятеро многочисленнее римской армии. Но этой армией командовал Велисарий, а так как он признавал ее превосходства, то допустил варваров напасть на нее в такую минуту, когда она этого не ожидала.

Римляне мгновенно выстроились в боевом порядке; небольшая речка прикрывала их фронт; первую линию составляла кавалерия, которую поддерживал Велисарий, находившийся в центре во главе пятисот телохранителей; пехота была поставлена в некотором отдалении во второй линии; массагеты занимали отдельную позицию, и бдительный главнокомандующий внимательно следил за ними, зная, что нельзя положиться на их преданность и что они всегда готовы перейти на сторону победителя. Историк рассказал нам, а читатель сам легко может дополнить содержание речей²⁵⁾, в которых начальники двух армий развивали самые подходящие к их положению аргументы с целью объяснить своим солдатам необходимость победы и внушить им презрение к жизни. Занон стал в центре во главе тех войск, с которыми ходил завоевывать Сардинию, и, если бы все собравшиеся вандалы отличались такой же, как они, неустрашимостью, трон Гензериха не был бы ниспровергнут. Бросив в неприятеля свои дротики и метательные снаряды, они обнажили свои мечи и стали ожидать нападения; римская кавалерия троекратно

переходила через реку; она была три раза отражена, и борьба поддерживалась с обеих сторон с одинаковым упорством до той минуты, когда Занон был смертельно ранен, а Велисарий развернул свое знамя. Гелимер отступил к своему лагерю; гунны приняли участие в его преследовании, и победители стали собирать добычу с трупов убитых. Впрочем, на поле битвы было отыскано не более пятидесяти убитых римлян и восьмисот убитых вандалов - так незначительно было кровопролитие сражения, положившего конец существованию целого народа и передавшего в другие руки верховную власть над Африкой.

Вечером того же дня Велисарий повел свою пехоту в атаку на неприятельский лагерь, а Гелимер доказал своим малодушным бегством, как были неосновательны его недавние слова, что для побежденного смерть - спасение, жизнь - бремя, а позор - единственное несчастье, которого он должен бояться. Его удаление совершилось втайне; но лишь только вандалы узнали, что их царь покинул их, они поспешно рассеялись в разные стороны, помышляя лишь о своей личной безопасности и не заботясь ни о чем, что дорого или ценно для человеческого сердца. Римляне без сопротивления вошли в лагерь, и самые дикие сцены своеволия были прикрыты ночным мраком и смятением. Они безжалостно убивали каждого попадавшегося им под руку варвара; вдовы и дочери побежденных сделались жертвами солдатской разнузданности или в качестве богатых наследниц, или в качестве красивых наложниц, и даже сама алчность была почти насыщена запасами золота и серебра, накопленными путем завоеваний или бережливостью в долгий период благосостояния и внутреннего спокойствия. При этих неистовых поисках добычи даже состоявшие при Велисарии войска отложили в сторону свою обычную осмотрительность и почтительность. Упиваясь развратом и грабежом, они обыскивали, или небольшими партиями или поодиночке, окрестные поля, леса, горы и пещеры в предположении, что там могло быть скрыто что-нибудь ценное; обремененные добычей, они покидали свои ряды и бродили без проводников по большой дороге, которая вела к Карфагену, и если бы обращенный в бегство неприятель осмелился вернуться, очень немногим из победителей удалось бы спастись. Велисарий, глубоко сознававший и позор, и опасность такой неурядицы, провел на поле победы

тревожную ночь; на рассвете он водрузил свое знамя на возвышенном месте, собрал своих телохранителей и ветеранов и мало-помалу восстановил в лагере сдержанность и повиновение. Римский главнокомандующий заботился не только о том, чтобы победить варваров, оказывавших сопротивление, но и о том, чтобы спасти жизнь тех из них, которые изъявили покорность. Вандалов, искавших убежища в церквах, он принял под свое покровительство, приказал отобрать у них оружие и подвергнуть их поодиночке тюремному заключению, чтобы они не могли нарушать общественного спокойствия и вместе с тем не могли бы сделаться жертвами народной ярости. Отправив небольшой отряд в погоню за Гелимером, он прошел со всей своей армией расстояние в десять дней пути до Hippo Regius'a, уже не обладавшего мощами св. Августина²⁶⁾. Ввиду неблагоприятного времени года и достоверного известия о том, что царь вандалов бежал в недоступную страну мавров, Велисарий прекратил бесплодное преследование и решил провести зиму в Карфагене. Оттуда он отправил к императору одного из своих высших офицеров с донесением, что в течение трех месяцев он довел до конца покорение Африки.

Велисарий говорил правду. Оставшиеся в живых вандалы без сопротивления отдали свое оружие и отказались от своей свободы; окрестности Карфагена подчинились Велисарии при первом его появлении, а слух об одержанной им победе мало-помалу подчинил его власти и более отдаленные провинции. Город Триполи остался верен добровольно выраженной им преданности к императору; Сардиния и Корсика сдались офицеру, который держал в своих руках, вместо меча, голову храброго Занона, а острова Майорка, Минорка и Ивика согласились на прежнюю смиренную зависимость от африканского правительства. Царственный город Кесария, который мы могли бы принять за теперешний Алжир, если бы не искали большей точности в географических указаниях, находился в тридцати днях пути к западу от Карфагена; на дороге, которая вела туда сухим путем, занимались грабежом мавры, но морской путь был свободен, а римляне были теперь хозяевами на море. Один деятельный и смелый трибун доплыл до пролива и занял город Септем, или Цейту²⁷⁾, построенный на африканском берегу напротив Гибралтара; это отдаленное место было впоследствии украшено и

укреплено Юстинианом, тщеславному честолюбию которого, как кажется, льстила мысль, что его владычество простирается до Геркулесовых Столбов. Он получил известие о победе в ту минуту, как готовился издать пандекты римского права; из благочестия или из зависти император воздал хвалу Благости Божией и лишь втайне признал заслуги счастливого полководца²⁸⁾. В нетерпении уничтожить светскую и духовную тиранию вандалов он безотлагательно приступил к восстановлению неограниченного владычества католической церкви. Ее юрисдикция, ее богатства и привилегии, составлявшие едва ли не самую существенную часть епископской религии, были восстановлены и расширены его щедрой рукой; отправление арианского богослужения было прекращено; сходки донатистов были запрещены²⁹⁾, и состоявший из двухсот семнадцати епископов Карфагенский собор³⁰⁾ признал вполне справедливым это благочестивое возмездие. Нельзя допустить, чтобы в таком важном случае много епископов принадлежало к числу неявившихся, а так как на прежних соборах они были вдвое или даже втрое более многочисленны, то отсюда ясно виден упадок и Церкви, и государства. В то время как Юстиниан выступал в качестве поборника веры, он питал честолюбивую надежду, что его победоносные полководцы скоро расширят узкие пределы его владений до тех размеров, которые существовали перед вторжением мавров и вандалов; поэтому он приказал Велисария назначить пятерых *герцогов*, или военных начальников, на самые важные военные посты - в Триполи, Лепт, Цирту, Кесарию и Сардинию - и сообразить, какое число *на-латинских, или пограничных*, войск могло бы быть достаточно для охранения Африки. Вандальское царство не было недостойно присутствия преторианского префекта, и для управления семью провинциями под его гражданской юрисдикцией были назначены четыре консула и три президента. Число подчиненных им офицеров, чиновников, рассыльных или ассистентов было с точностью определено, а именно: триста девяносто шесть должны были состоять при самом префекте и по пятидесяти при каждом из его заместителей; а точное распределение жалованья и наград клонилось скорее к обеспечению прав служащих, чем к предотвращению злоупотреблений. Существование этих должностных лиц могло быть обременительно для народа, но они не оставались праз-

дными, так как при новом правительстве, заявлявшем намерение воскресить свободу и равенство Римской республики, возникало бесконечное множество споров о правах собственности и владения.

Завоеватель спешил собрать со своих африканских подданных обильную дань и позволил им, даже в третьем колене родства и в боковых линиях, предъявлять свои права на дома и земли, несправедливо отнятые у их предков вандалами. После отъезда Велисария, действовавшего на основании чрезвычайных и временных полномочий, не было назначено особого начальника армии, но должность преторианского префекта была возложена на лицо военного звания; власти гражданская и военная были соединены, по принятому Юстинианом обыкновению, в лице главного администратора, и представителю императора как в Италии, так и в Африке скоро было дано название экзарха³¹⁾.

Однако завоевание Африки нельзя было считать законченным до тех пор, пока ее прежний государь не попался живым или мертвым в руки римлян. Из опасения неудачи Гелимер дал тайное приказание перевезти часть его сокровищ в Испанию, так как надеялся найти безопасное убежище при дворе короля вестготов. Но эти планы были разрушены случайностью, изменой и неукротимым преследованием со стороны его врагов, которые воспрепятствовали его отплытию от берегов Африки и загнали несчастного монарха вместе с кучкой его приверженцев в неприступные Папуанские горы³²⁾, внутрь Нумидии. Там он был со всех сторон окружен войсками Фара, честность и воздержанность которого были предметом общих похвал, в особенности потому, что эти качества редко встречались в среде герулов, самого развратного из варварских племен. Его бдительности Велисарий поручил эту важную задачу, и после смелой попытки взобраться на горы, стоившей ему сто десять солдат, Фара выжидал в течение всей зимы, чтобы лишения и голод оказали свое влияние на ум вандальского царя. От привычки жить в роскоши и находить в успехах промышленности и в накопленных богатствах средства для удовлетворения всех своих прихотей, Гелимер низошел до бедного образа жизни мавров³³⁾, который был сносен только для них самих благодаря их незнакомству с лучшими условиями существования. В своих шалашах, сделанных из глины и хвороста, не имевших выхода для дыма и

не впускавших света, они спали на земле, или, быть может, на овчинах, вместе со своими женами, детьми и домашним скотом. Они едва прикрывали свое тело грязными одеждами; им не было знакомо употребление хлеба и вина, и эти голодные дикари пожирали почти сырыми овсяные или ячменные лепешки, слегка пропеченные под пеплом. Здоровье Гелимера должно было пострадать от этих чрезмерных и непривычных лишений, каковы бы ни были причины, заставлявшие его подвергать себя этим лишениям; его бедственное положение усиливалось от воспоминаний о прежнем величии, от оскорблений, которые ему приходилось ежедневно выносить от его покровителей, и от основательного опасения, чтобы легкомысленные мавры не соблазнились обещаниями награды и не нарушили обязанностей гостеприимства. Зная, в каком он находится положении, Фара обратился к нему с человеколюбивым и дружеским письмом: "Подобно вам (писал начальник герулов), и я принадлежу к числу необразованных варваров, но я говорю то, что внушают мне здравый смысл и честное сердце. К чему продолжаете вы бесплодное сопротивление? К чему губите вы и себя самого, и свое семейство, и свой народ? Не из любви ли к свободе и не из отвращения ли к рабству? Увы! мой милейший Гелимер, вы уже находитесь теперь в самом низком рабстве у презренного мавританского племени. Не лучше ли было бы жить в бедности и в рабстве в Константинополе, вместо того чтобы царствовать абсолютным монархом над Папуанской горой? Не считаете ли вы за унижение быть подданным Юстиниана? Велисарий его подданный, и я сам, не будучи ниже вас по рождению, не стыжусь того, что признаю над собою власть римского императора. Этот великодушный монарх даст вам богатые поместья, место в сенате и звание патриция: таковы его милостивые намерения, и вы можете вполне положиться на слово Велисария. Пока Небо обрекает нас на страдания, терпение есть добродетель; но оно превращается в слепое и бессмысленное отчаяние, если мы отвергаем предлагаемое нам избавление". "Я не могу не сознавать (отвечал царь вандалов), как добросердечен и благоразумен ваш совет. Но я никак не могу решиться поступить в рабство к несправедливому врагу, внушившему мне непримиримую ненависть. Я никогда не оскорблял его ни словом, ни делом; тем не менее он выслал на меня, не знаю откуда, какого-то

Велисария, который низвергнул меня с престола в эту пучину бедствий. Юстиниан человек и монарх; неужели он не боится, чтобы его самого не постигли такие же превратности фортуны? Я не в состоянии более писать; я задыхаюсь от скорби. Прошу вас, мой милый Фара, пришлите мне лиру³⁴⁾, губку и кусок хлеба". От вандальского посланца Фара узнал о причинах такой странной просьбы. Африканский монарх давно уже не отведывал хлеба; его глаза стали гноиться от утомления и от непрерывных слез, и он желал развлечь себя, распевая с аккомпанементом лиры печальную историю своих собственных несчастий. В Фаре заговорило чувство сострадания, и он послал три необыкновенных подарка, которых у него просили; но то же чувство сострадания заставило его усилить бдительность часовых для того, чтобы склонить осажденного на такое решение, которое было бы и выгодно для римлян и спасительно для него самого. В конце концов необходимость и рассудок заставили Гелимера прекратить его упорное сопротивление; посланец Велисария подтвердил от имени императора торжественное обещание личной безопасности и приличного содержания, и царь вандалов спустился с горы. Первое публичное свидание произошло в одном из карфагенских предместий, и пленный монарх, подойдя к своему победителю, разразился хохотом. Толпа могла подумать, что от чрезмерной скорби Гелимер лишился рассудка; но более интеллигентные наблюдатели полагали, что столь неуместная при его грустном положении веселость была выражением той мысли, что тщеславная и скоротечная выставка человеческого величия не стоит серьезного внимания³⁵⁾.

Это презрение скоро оправдалось на новом примере той вульгарной истины, что лесть льнет к власти, а зависть - к выдающимся личным достоинствам. Начальники римской армии вообразили, что они могут соперничать с героем. В своих тайных донесениях они со злорадством утверждали, что завоеватель Африки, полагаясь на свою славу и на преданность населения, замышлял воссесть на трон вандалов. Юстиниан слишком терпеливо выслушивал эти обвинения, а его молчание происходило скорее от зависти, чем от доверия. Правда, Велисария было позволено, по его собственному усмотрению, или оставаться в завоеванной провинции, или возвратиться в столицу; но перехваченные письма и близкое

знакомство с характером монарха привели его к убеждению, что ему предстоит одно из двух - или рисковать своей жизнью и поднять знамя мятежа, или же смутить своих врагов своим появлением и своей покорностью. Невинность и мужество решили его выбор: он поспешно посадил на суда своих телохранителей и пленников, взял с собою свои сокровища и совершил морской переезд так благополучно, что прибыл в Константинополь прежде, нежели туда пришло достоверное известие об его отплытии из Карфагенского порта. Столь прямодушная честность рассеяла опасения Юстиниана; общая признательность зажала рот зависти и еще более раздражила ее, и третий завоеватель Африки удостоился почестей триумфа - такой церемонии, которой никогда еще не видывал Константинополь и которую Древний Рим предназначал, со времен царствования Тиберия, лишь для чествования победоносных Цезарей³⁶⁾. От Велисариева дворца шествие направилось по главным улицам столицы к ипподрому, и этот достопамятный день был чем-то вроде возмездия за причиненные Гензерихом обиды и чем-то вроде искупления за вынесенные римлянами унижения. Поэтому случаю были выставлены напоказ все национальные сокровища, трофеи воинской роскоши и трофеи изнеженности, богатое оружие, золотые троны и парадные колесницы, на которых ездила царица вандалов, массивные сервизы царских банкетов, драгоценные камни, изящные статуи и вазы, более существенные сокровища, состоявшие из золота, и священные сосуды иудейского храма, которые после долгого странствования по разным местам, были почтительно сложены в христианской церкви в Иерусалиме. Длинный ряд самых знатных вандалов неохотно выставлял напоказ высокий рост и мужественную осанку этих варваров. Гелимер медленно шел впереди: он был одет в пурпуровую мантию и держал себя с царственным величием. Ни одна слеза не скатилась из его глаз, и не было слышно ни одного вздоха; но его высокомерие или его смирение находило тайное утешение в словах Соломона³⁷⁾, которые он неоднократно повторял: "Суета! Суета! Все суета!" Вместо того чтобы воссесть на колеснице, запряженной четырьмя конями или слонами, скромный победитель шел пешком во главе своих храбрых ратных товарищей; быть может, благоразумие заставило его отклонить почет, слишком блестящий для подданного, а его благородная душа

имела полное право относиться с пренебрежением к тому, что было столько раз запятнано самыми низкими тиранами. Блестящая процессия вступила в ипподром, была приветствована возгласами сената и народа и остановилась перед троном, на котором Юстиниан и Феодора воссели для того, чтобы принять изъявления верноподданничества от пленного монарха и от победоносного героя. И тот и другой исполнили обычный обряд поклонения: они пали ниц и почтительно прикоснулись подножия престола, на котором восседали никогда не обнажавший своего меча монарх и танцевавшая на театре проститутка; чтобы сломить упорство Гензерихова внука, пришлось прибегнуть к легкому насилию, и сам Велисарий, как он ни был привычен к раболепию, вероятно, в глубине своей души, был возмущен этой церемонией. Немедленно вслед за тем он был назначен консулом на следующий год, и его вступление в эту должность походило по своей пышности на вторичный триумф; его курульные кресла несли на своих плечах пленные вандалы, а простонародью щедро раздавали военную добычу, золотые чаши и богатые перевязи.

Но самой лучшей для Велисария наградой было точное исполнение договора, за который он поручился царю вандалов своею честью. Религиозные убеждения привязанного к арианской ереси Гелимера были несовместимы со званиями сенатора или патриция, но он получил от императора обширное поместье в провинции Галатии; низвергнутый монарх удалился туда со своим семейством и со своими приверженцами и жил там в спокойствии, достатке и, быть может, довольстве³⁸). С дочерьми Хильдериha обходились с почтительной нежностью, на которую им давали право их возраст и несчастья; Юстиниан и Феодора приняли на себя почетную обязанность воспитать и обогатить женское потомство великого Феодосия. Из самых храбрых вандальских юношей были организованы пять эскадронов кавалерии, которые усвоили имя своего благодетеля, а в войнах с Персией поддерживали репутацию своих предков. Но эти редкие исключения, служившие наградой за знатность происхождения или за храбрость, не объясняют нам, какова была участь народа, который, перед непродолжительной и некропролитной войной доходил числом более чем до шестисот тысяч человек. После удаления короля и знати раболепная толпа, быть может, ку-

пила личную безопасность отречением от своего национального характера, от своей религии и языка, а ее выродившееся потомство могло мало-помалу исчезнуть в массе африканских подданных. Однако даже в наше время один любознательный путешественник отыскал в самом центре мавританских племен людей с белым цветом лица и с длинными белокурыми волосами, указывающими на их происхождение от какой-нибудь северной расы³⁹⁾; а в старину существовало убеждение, что самые отважные из вандалов спаслись бегством от владычества римлян и от всяких с ними сношений и что они наслаждались в одиночестве свободой на берегах Атлантического океана⁴⁰⁾. Африка, над которой они властвовали, превратилась для них в тюрьму, так как они не надеялись и даже не желали возвратиться на берега Эльбы, где их менее предприимчивые соотечественники все еще бродили по своим родным лесам. Те из них, которые были трусливы, были бы не с состоянием преодолеть трудностей плавания по неизвестным морям и вынести борьбу с варварами, с которыми им пришлось бы встречаться на пути; а те, которые были похрабрее, не захотели бы выставять перед своими соотечественниками свою нищету и свой позор, не захотели бы описывать царство, которого они лишились, и требовать своей доли из скромного наследства, от которого они почти единогласно отказались в более счастливую эпоху своей жизни⁴¹⁾. В стране между Эльбой и Одером несколько многолюдных деревень Лузации населены вандалами: они до сих пор сохраняют свой язык, свои нравы и чистоту своей крови, выносят, не совсем терпеливо, иго саксонцев или пруссаков и повинуются с тайной и добровольной преданностью потомку своих древних царей, которого по одежде и состоянию нетрудно смешать с самым последним из его вассалов⁴²⁾. Название и место жительства этих несчастных людей могли бы быть приняты за доказательство того, что они одного происхождения с завоевателями Африки. Но в виду того что они говорят на славянском диалекте, их, как кажется, скорее следует считать за последний остаток новых колоний, заменивших настоящих вандалов, которые уже разбрелись или были истреблены во времена Прокопия⁴³⁾.

Если бы Велисарий захотел нарушить долг верноподданного, он мог бы сослаться - наперекор самому императору - на неизбежную необходимость спасти Африку от врага еще бо-

лее свирепого, чем вандалы. Происхождение мавров покрыто мраком; они не были знакомы с искусством письма⁴⁴). Границы их страны не могут быть с точностью определены; для ливийских пастухов был открыт континент, которому не было пределов; их переселениями руководили перемены времен года и необходимость в пастбищах, а их грубые шалаши и скудная домашняя утварь передвигались с места на место так же легко, как их оружие, их семьи и их домашний скот, состоявший из баранов, волов и верблюдов⁴⁵). Под строгим управлением римлян они держались в почтительном отдалении от Карфагена и от морских берегов; под слабым владычеством вандалов они проникли в города Нумидии, заняли морское побережье от Танжера до Кесарии и безнаказанно раскинули свой лагерь в плодородной Бизакийской провинции. Военное могущество и искусное поведение Велисария обеспечили нейтралитет мавританских принцев, честолюбие которых было польщено тем, чтобы на них возлагали от имени императора внешние отличия царского звания⁴⁶). Их поразили удивлением быстрые успехи Велисария, и они дрожали от страха в присутствии победителя. Но известие о его скором отъезде рассеяло опасения этого дикого и суеверного народа; благодаря многочисленности своих жен они несколько не заботились о личной безопасности отданных ими в заложники детей, а когда римский главнокомандующий выезжал из Карфагенского порта, он слышал плач провинциальных жителей и мог видеть пламя зданий, зажженных маврами. Несмотря на это, он не изменил принятого решения и, оставив лишь часть своих телохранителей в подкрепление слабым гарнизонам, поручил главное начальство над находившимися в Африке войсками евнуху Соломону⁴⁷), который доказал, что он не был недостойным преемником Велисария. В первую кампанию мавры застигли врасплох и отрезали несколько небольших отрядов, находившихся под начальством двух заслуженных офицеров; но Соломон быстро собрал свои войска, выступил с ними из Карфагена, проник внутрь неприятельской территории и в двух больших сражениях положил на месте шестьдесят тысяч варваров. Мавры рассчитывали на свою многочисленность, на быстроту своих передвижений и на свои неприступные горы, а вид и запах их верблюдов, как рассказывали, привели в замешательство римских всадников⁴⁸).

Но лишь только этим всадникам было дано приказание спешиться, они нашли, что это ничтожное препятствие достойно смеха; лишь только римские колонны стали взбираться на горы, они поразили полуодетых и незнакомых с дисциплиной дикарей блеском своего оружия и правильностью своих маневров; тогда неоднократно оправдалось предсказание местных пророчиц, что мавры будут побеждены *безбородым* неприятелем. Победоносный евнух удалился от Карфагена на тринадцать дней пути для того, чтобы предпринять осаду горы Авразия⁴⁹⁾, считавшейся и цитателю, и садом Нумидии. Этот ряд возвышенностей, составляющий ветвь высоких Атласских гор, представляет внутри окружности в сто двадцать миль редкое разнообразие почвы и климата; промежуточные долины и возвышенные равнины покрыты роскошными пастбищами, никогда не высыхающими ручьями и плодами, отличающимися необыкновенным ароматом и необыкновенной величиной. Эту очаровательную пустыню украшают развалины Ламбезы - римского города, в котором когда-то стоял целый легион солдат и было сорок тысяч жителей. Ионийский храм Эскулапия окружен мавританскими хижинами, а посреди амфитеатра, под тенью коринфских колонн пасется скот. Над уровнем гор перпендикулярно возвышается утес, на котором африканские князья укрывали своих жен и свои сокровища, и у арабов существовала поговорка, что только тот, кто в состоянии есть огонь, осмелится напасть на крутые скалы горы Авразия и на ее негостеприимных обитателей. Евнух Соломон два раза пускался на такое отважное предприятие: в первый раз он отступил с некоторыми потерями, а во второй раз почти совершенно истощились и его терпение, и его съестные припасы, и он был бы вынужден еще раз отступить, если бы не дал воли запальчивой храбрости своих войск, которые, к удивлению мавров, взобрались на гору, взяли неприятельский лагерь и достигли вершины Геминийского утеса. Для охраны этого важного приобретения и для напоминания варварам об их поражении там была воздвигнута цитадель, а так как Соломон продолжал свое наступательное движение в западном направлении, то давно утраченная провинция Мавританская Ситифи была снова присоединена к Римской империи. Война с маврами продолжалась в течение нескольких лет после отъезда Велисария; но лавры, которые он предоставил пожинать своему

преданному заместителю, можно по справедливости считать плодами его собственной победы.

Опыт, вынесенный из прошлых заблуждений, иногда может служить руководством для отдельных личностей в их зрелом возрасте, но он редко приносит пользу следующим поколениям. Древние народы, не заботившиеся о безопасности одни других, были поодиночке побеждены и поработены римлянами. Этот страшный урок мог бы навести западных варваров на мысль, что им следует заблаговременно сговориться и общими силами воспротивиться ненасытному честолюбию Юстиниана. Однако прежняя ошибка повторилась и привела к прежним последствиям: и те готы, которые жили в Италии, и те, которые жили в Испании, не сознавая приближавшейся опасности, с равнодушием и даже с радостью взирали на быстрое уничтожение вандальского владычества. Когда царствовавший в Испании, род пресекся, на испанский престол вступил храбрый и могущественный вождь Феуд, уже прежде того управлявший Испанией от имени Теодориха и его малолетнего внука. Под его начальством вестготы осадили на африканском берегу крепость Цейту; но в то время как они беспечно проводили день субботний в делах благочестия, спокойствие их лагеря было нарушено вылазкой гарнизона, и сам король с трудом и с опасностью для своей жизни вырвался из рук нечестивых врагов⁵⁰). Это случилось незадолго перед тем, как его гордость и озлобление были удовлетворены прибытием посольства от несчастного Гелимера, который умолял испанского монарха помочь ему в его бедственном положении. Но вместо того чтобы подчинить свои низкие страсти требованиям великодушия и благоразумия, Феуд убаюкивал послов обещаниями до тех пор, пока не был втайне извещен о взятии Карфагена; тогда он отослал послов, давши им двусмысленный и презрительный совет справиться у себя дома о действительном положении Вандалов⁵¹).

Благодаря тому что итальянская война тянулась очень долго, наказание вестготов замедлилось, и Феуд умер, не вкусив плодов своей ошибочной политики. После его смерти скипетр Испании сделался поводом для междоусобной войны. Самый слабый из претендентов искал покровительства Юстиниана и из желания удовлетворить свое честолюбие подписал договор, пагубный для самостоятельности и сча-

стью своего отечества. Несколько городов на берегах океана и Средиземного моря были заняты, с его разрешения, римскими войсками, которые потом отказались возвратить то, что им было уступлено, как кажется, в виде обеспечения или залога за долг; а так как эти войска постоянно получали подкрепления из Африки, то они держались в своих неприступных позициях с пагубной целью раздуть между варварами междоусобицы и религиозные распри. Прошло семьдесят лет, прежде нежели удалось вырвать эту засевшую в сердце монархии мучительную занозу, а пока императоры удерживали в своей власти какую-либо часть этих отдаленных и бесполезных владений, они могли из тщеславия вносить Испанию в список своих провинций, а преемников Алариха - в число своих вассалов⁵²⁾.

Ошибка властвовавших в Италии готов была менее извинительна, чем ошибка их испанских собратьев, а их наказание было более скоро и более ужасно. Из желания отомстить за личные обиды, они дали самому опасному из своих врагов возможность уничтожить самого надежного из своих союзников. Одна из сестер великого Теодориха была выдана замуж за африканского царя Фразимунда⁵³⁾; по этому случаю вандалам была уступлена в Сицилии крепость Лилибей⁵⁴⁾, а принцессу Амалафриду сопровождала воинственная свита из тысячи дворян и пять тысяч готских солдат, которые выказали свою храбрость в войнах с маврами. Эти союзники слишком высоко ценили свою службу, на которую вандалы, быть может, смотрели с пренебрежением; они с завистью взирали на то, что их окружало, а к завоевателям относились с презрением; но взрыв их действительного или мнимого заговора был предотвращен их истреблением; готы не были в состоянии сопротивляться, а заключенная в тюрьму Амалафрида вскоре вслед за тем умерла таинственной смертью, возбуждавшей сильные подозрения. Красноречивому перу Кассиодора было поручено обвинять вандальский двор в бесчеловечном нарушении международных законов; но над мщением, которым он грозил от имени своего государя, вандалы могли безнаказанно насмехаться, пока Африку охраняло море, а у готов не было флота. Ослепленные бессильной скорбью и негодованием, готы с радостью узнали о приближении римлян, снабдили флот Велисария в сицилийских портах всем, что было ему нужно, и скоро были обрадованы или встревожены

поразительным известием, что их жажда мщения удовлетворена в такой мере, какой они не ожидали или, быть может, не желали. Их дружескому содействию император был обязан приобретением Африки, и они имели полное основание ожидать, что им возвратят бесплодный утес, так еще недавно отделенный от острова Сицилии, для того чтобы служить свадебным подарком. Они были скоро разочарованы высокомерным посланием Велисария, возбудившим в них поздние и бесплодные сожаления. "Город и мыс Лилибей (писал римский главнокомандующий) принадлежали вандалам, и я требую их уступки по праву завоевания. Вашей покорностью вы можете заслужить милостивое расположение императора, а вашим сопротивлением вы прогневите его и возбудите войну, которая окончится лишь вашей гибелью. Если вы принудите нас взяться за оружие, мы будем бороться не для того, чтобы снова вступить в обладание одним городом, а для того, чтобы выгнать вас из всех провинций, которые вы несправедливо отняли у их законного государя". Народ, состоявший из двухсот тысяч солдат, мог бы отвечать улыбкой на пустые угрозы Юстиниана и его представителя; но в Италии господствовал дух раздора и взаимного недоброжелательства, и готы неохотно выносили позор женского управления⁵⁵⁾.

Регентша и королева Италии⁵⁶⁾ Амаласунта связывала узамы родства два самых знаменитых варварских рода. Ее мать, сестра Хлодвига, происходила от длинноволосых королев из дома *Меровингов*⁵⁷⁾, а царственный род *Амалиев* был прославлен в одиннадцатом поколении ее отцом, великим Теодорихом, который мог бы облагородить своими личными достоинствами самое незнатное происхождение. Пол его дочери устранял ее от готского престола; но его нежная заботливость о своем семействе и о своем народе отыскала последнего представителя царской семьи, предки которого нашли для себя убежище в Испании, - и счастливый Евтарих был внезапно возведен в звание консула и принца. Он недолго наслаждался прелестями Амаласунты и надеждой вступить на престол, а его вдова, после смерти своего мужа и своего отца, сделалась опекуней над своим сыном Аталарихом и правительницей Италии. Ей было в ту пору около двадцати восьми лет, а ее умственные и физические совершенства достигли полного расцвета. Ее красота, которая, по мнению самой Феодоры, могла бы состязаться за обладание сердцем какого-

нибудь императора, была одушевлена благородным умом, предприимчивостью и решимостью. Воспитание и опыт развили ее дарования; ее философские познания не внушали ей тщеславия, и, хотя она выражалась с одинаковым изяществом и легкостью и на греческом, и на латинском, и на готском языках, дочь Теодориха хранила на совещаниях своих министров скромное и непроницаемое молчание. Подражая добродетелям своего отца, она возвратила своим подданным то благосостояние, которым они наслаждались в его царствование; вместе с тем она старалась заглаживать ошибки его преклонных лет и заглушить мрачные воспоминания о последних годах его жизни. Она возвратила детям Боэция и Симмаха их отцовское наследство; кротость ее души была так велика, что она никогда не позволяла подвергать ее римских подданных какому-либо телесному наказанию или денежному взысканию и относилась с благородным пренебрежением к жалобам готов, которые по прошествии сорока лет все еще смотрели на туземных жителей Италии или как на своих рабов, или как на своих врагов. Ее благотворные распоряжения были внушены ей мудростью Кассиодора и были прославлены его красноречием; она искала и снискала дружбу императора, и все европейские государства уважали величие готского престола и в мирное, и в военное время. Но в будущем счастье и самой королевы и всей Италии зависело от воспитания ее сына, который по своему происхождению должен был готовиться к исполнению несходных и почти несовместимых обязанностей начальника варварского лагеря и первого сановника цивилизованной нации. С десятилетнего возраста⁵⁸⁾ Аталариха старательно обучали искусствам и наукам, которые могли быть полезны для римского монарха или могли служить украшением его ума, а на трех всеми уважаемых готов была возложена обязанность вливать в душу их юного короля принципы чести и добродетели. Но когда ученик не сознает пользы образования, ему становятся невыносимы стеснения, налагаемые на него наставниками, а заботливость королевы, доходившая, вследствие материнской привязанности, до тревожной взыскательности, раздражала неговорчивый нрав и ее сына, и его подданных.

Во время одного торжественного празднества, на которое готы съехались в Равеннский дворец, царственный юноша выбежал из апартаментов своей матери и со слезами гордо-

сти и гнева жаловался на то, что он был прибит в наказание за свое упорное непослушание. Варвары пришли в негодование от нанесенного их монарху оскорбления; они стали обвинять регентшу в заговоре против его жизни и против его прав на престол и повелительным тоном потребовали, чтобы внук Теодориха был избавлен от унижительного повиновения женщинам и педантам и был бы воспитан, как доблестный гот, в обществе себе равных и в славном невежестве своих предков. Этим грубым требованиям, будто бы выражавшим желание всего народа, Амаласунта была вынуждена подчинить и свой рассудок, и самые дорогие желания своего сердца. Король Италии занялся пьянством, женщинами и грубыми деревенскими забавами, а презрение, с которым этот неблагодарный юноша стал относиться к матери, ясно обнаруживало замыслы его любимцев, которые были ее личными врагами. Окруженная домашними недоброжелателями, Амаласунта вступила в тайные переговоры с императором Юстинианом, получила от него уверения в дружеском приеме, а между тем отослала на хранение в Эпир, в город Диррахий, сокровище из сорока тысяч фунтов золота. И для ее репутации, и для ее личной безопасности было бы гораздо лучше, если бы она отказалась от борьбы с недовольными варварами и удалилась в Константинополь, где могла жить в покое и в довольстве. Но она увлеклась честолюбием и жадой мщения, и, в то время как ее корабли стояли на якоре внутри гавани, она ожидала известий об удаче преступления, которое ее страсти оправдывали или одобряли, как удовлетворение правосудия. Трое самых опасных недовольных были удалены поодиночке на границы Италии под предлогом возложенного на них поручения или военного командования; они были умерщвлены ее тайными агентами, а кровь этих знатных готов доставила королеве-матери неограниченную власть над равеннским двором и навлекла на нее заслуженную ненависть свободного народа. До сих пор она оплакивала поведение своего сына; но ей скоро пришлось оплакивать его невозвратимую утрату, а смерть, постигшая Аталариха в шестнадцатилетнем возрасте вследствие его невоздержанной жизни, оставила его мать без всякой твердой опоры или легальной власти.

Вместо того чтобы подчиниться законам своей родины, признававшим за основное правило, что право на престол не

может переходить по наследству *от копы к прялке*, дочь Теодориха возымела неисполнимое на практике намерение разделить внешние отличия верховной власти с одним из своих двоюродных братьев, а самую сущность этой власти удержать в своих собственных руках. Этот двоюродный брат принял ее предложение с глубоким уважением и с притворной признательностью, и красноречивый Кассиодор известил сенат и императора, что Амаласунта и Феодат вступили на италийский престол. По своему происхождению (его мать была сестра Теодориха) Феодат не имел особых прав на такое отличие, а Амаласунта остановила на нем свой выбор потому, что презирала его за жадность и малодушие, которые лишили его любви италийцев и уважения варваров. Но его раздражало заслуженное им презрение; притеснения, которым он подвергал своих тосканских соседей, были заглажены справедливой королевой и навлекли на него ее укоры, а готские вожди, действовавшие сообща, потому что все они были одинаково виновны перед королевой и все одинаково ее ненавидели, старались расшевелить его нерешительную и робкую натуру. Лишь только были разосланы поздравительные письма, королеву Италии заключили в тюрьму на небольшом острове озера Болсены⁵⁹ и после непродолжительного там содержания задушили ее в ванне по приказанию или по наущению нового короля, который научил своих буйных подданных, как проливать кровь их монархов.

Юстиниан с удовольствием взирал на раздоры готов, а предложенное им, в качестве союзника, посредничество служило прикрытием и пособием для честолюбивых замыслов завоевателя. Его послы потребовали, на публичной аудиенции, уступки крепости Лилибея, выдачи десяти беглых варваров и уплаты вознаграждения за разграбление одного небольшого городка на иллирийской границе; но они втайне вели переговоры с Феодатом, склоняя его к уступке Тосканской провинции, и убеждали Амаласунту выпутаться из ее опасного и тревожного положения путем добровольной уступки Италийского королевства. Пленная королева нашлась вынужденной подписать притворное и раболепное письмо; но посланные в Константинополь римские сенаторы рассказали всю правду насчет ее бедственного положения, и Юстиниан через посредство нового посла стал энергично ходатайствовать за ее жизнь и свободу. Однако тайные инструкции

того же сановника были составлены в интересах жестокосердной и завистливой Феодоры, которая опасалась присутствия и чар более красивой соперницы⁶⁰): своими коварными и двусмысленными подстрекательствами он ускорил совершение преступления, которое было так выгодно для римлян⁶¹), выразил при известии о смерти Амаласунты скорбь и негодование и объявил от имени своего государя вечную войну против вероломного убийцы. В Италии, точно так же как и в Африке, вина узурпатора, по-видимому, оправдывала нападение Юстиниана; но заготовленные им военные силы были бы недостаточны для покорения могущественного королевства, если бы их малочисленность не была восполнена громким именем, гением и искусством героя. При особе Велисария состоял избранный отряд телохранителей, которые служили верхом и были вооружены копьями и щитами; его кавалерия состояла из двухсот гуннов, трехсот мавров и четырех тысяч союзников, а пехота состояла лишь из трех тысяч исавров. Держась такого же направления, как и в свою первую экспедицию, римский консул бросил якорь перед Катанией, в Сицилии, с целью привести в ясность, как велики оборонительные средства этого острова, и затем решить, можно ли попытаться завоевать его или же следует спокойно продолжать плавание к берегам Африки. Он нашел плодородную страну и дружески расположенное население. Несмотря на упадок земледелия, Сицилия все еще снабжала Рим хлебом; фермеры были освобождены от обременительного военного постоя, и готы, вверившие защиту острова его жителям, имели некоторое основание жаловаться на их измену и неблагодарность; вместо того чтобы просить и ожидать помощи от короля Италии, жители Сицилии охотно отвечали на первые требования Велисария изъявлениями покорности, и эта провинция, бывшая первым плодом Пунических войн, была снова присоединена к Римской империи, от которой так долго была отторгнута⁶²). Только стоявший в Палермо готский гарнизон попытался сопротивляться; но после непродолжительной осады его заставили сдаться при помощи оригинальной военной хитрости. Велисарий ввел свои корабли в самую глубь гавани, приказал прикрепить к самым вершинам мачт лодки при помощи веревок и блоков и наполнил эти лодки стрелками, которые с этой высоты господствовали над городским валом. После этой неумолимой, хотя и вполне успешной

кампании, завоеватель с торжеством вступил в Сиракузы во главе своих победоносных войск и раздавал народу золотые медали в тот день, когда он так блестяще закончил год своего консульства. Он провел зимний сезон во дворце прежних королей среди развалин греческой колонии, когда-то имевшей в окружности двадцать две мили⁶³); но весной, перед наступлением праздника Пасхи, опасный мятеж африканских войск заставил его приостановить дальнейшее исполнение своих замыслов.

Карфаген был спасен появлением Велисария, внезапно высадившегося на берег с тысячью телохранителей. Две тысячи солдат, на преданность которых нельзя было полагаться, снова стали под знамя своего прежнего главнокомандующего, и он без всяких колебаний прошел более пятидесяти миль, отыскивая неприятеля, к которому обнаруживал притворное сострадание и презрение. Восемь тысяч мятежников были объаты ужасом при его приближении; они были при первой атаке разбиты наголову благодаря искусству вождя, и эта бесславная победа могла бы восстановить в Африке внутреннее спокойствие, если бы победитель не был торопливо отозван в Сицилию для укрощения мятежа, вспыхнувшего в его отсутствие в его собственном лагере⁶⁴). Бесчинство и неповиновение были общим недугом того времени; только один Велисарий был одарен способностью и повелевать, и исполнять чужие приказания.

Хотя Феодат происходил из рода героев, он не был знаком с искусством войны и чувствовал отвращение к ее опасностям. Хотя он изучал произведения Платона и Цицерона, философия не очистила его души от самых низких ее наклонностей - от корыстолюбия и трусости. Он достиг престола неблагодарностью и убийством и при первой угрозе врага унизил и свое собственное достоинство, и достоинство народа, уже презиравшего своего недостойного монарха. Будучи напуган недавним примером Гелимера, он уже воображал, что его влекут в цепях по улицам Константинополя; страх, который внушало имя Велисария, усиливался от красноречия византийского посла Петра, и этот смелый и хитрый адвокат убедил Феодата подписать договор, который был так позорен, что не мог доставить прочного мира. Было условлено, что в своих приветственных возгласах римский народ будет произносить имя императора прежде имени готского ко-

роля и что всякий раз, как будет где-либо поставлена бронзовая или мраморная статуя Феодата, по правую от нее сторону будет поставлено божественное изображение Юстиниана. Вместо того чтобы возводить других в звание сенаторов, король Италии впредь должен был искать этого звания для самого себя и без согласия императора не имел права приводить в исполнение над священниками и сенаторами приговоров о смертной казни или о конфискации их имуществ. Бессильный монарх отказался от обладания Сицилией, предложил ежегодно доставлять, в знак свой зависимости, золотую корону весом в триста фунтов и обещал высылать, по требованию своего государя, на службу империи вспомогательное войско из трех тысяч готов. Удовлетворенный этими необыкновенными уступками, Юстинианов агент поспешил возвратиться в Константинополь; но едва успел он доехать до Альбанской Виллы⁶⁵), как был отозван встревоженным Феодатом; тогда между королем и послом произошел разговор, который стоит того, чтобы быть цитированным во всей своей оригинальной наивности: "Думаете ли вы, что император утвердит этот договор?" - "Может быть". - "Если он не захочет утвердить, что из этого выйдет?" - "Война". - "Будет ли такая война справедлива или благоразумна?" - "Без всякого сомнения, потому что каждый будет действовать сообразно со своим характером". - "Что вы хотите этим сказать?" - "Вы - философ, а Юстиниан - римский император: последователю Платона было бы неприлично проливать кровь многих тысяч людей из-за личной вражды, а преемник Августа стал бы отстаивать свои права и силою оружия возвратил бы империи ее прежние провинции". Этого довода, быть может, не было достаточно для того, чтобы убедить, но было достаточно для того, чтобы встревожить и смирить слабодушного Феодата: он скоро дошел до самого скромного предложения - уступить свою власть над готами и италийцами за ничтожную пенсию в 48 000 фунт. стерл. и провести остаток своей жизни в невинных занятиях философией и земледелием. Оба договора он вручил послу, взявши с этого последнего ненадежное клятвенное обещание, что второй из этих договоров не будет предъявлен до тех пор, пока первый не будет решительно отвергнут. Развязку нетрудно было предвидеть. Юстиниан потребовал, чтобы готский король отрекся от престола, и получил его отречение. Неутомимый поверенный императора

возвратился из Константинополя в Равенну с подробными инструкциями и с любезным письмом, в котором император превозносил мудрость и великодушие короля-философа, соглашался на уплату просимой пенсии и обещал такие почести, какими только мог пользоваться подданный и католик; однако окончательное исполнение договора было благоразумно отложено до той поры, когда оно могло бы быть поддержано присутствием и авторитетом Велисария. Но в этот промежуток времени два римских полководца, вступившие в провинцию Далмацию, были разбиты и умерщвлены готскими войсками. Слепое и постыдное отчаяние Феодата внезапно перешло в неосновательную и пагубную самоуверенность⁶⁶⁾, и он осмелился принять с угрозами и с пренебрежением Юстинианова посла, который потребовал исполнения данных обещаний и приведения его подданных к присяге и смело отстоял принадлежавшую его званию привилегию личной неприкосновенности. Приближение Велисария рассеяло эти самообольщения гордости, а так как первая кампания⁶⁷⁾ был употреблена на завоевание Сицилии, то Прокопий относит вторжение в Италию ко второму году *Готской войны*⁶⁸⁾.

Оставив достаточные гарнизоны в Палермо и в Сиракузах, Велисарий посадил в Мессине свои войска на суда и высадился, без всякого сопротивления, на противоположном берегу у города Регия. Один готский принц, женатый на дочери Феодата, стоял там с армией, которой было поручено охранять вход в Италию; но он, без всяких колебаний, последовал примеру своего государя, не исполнявшего ни своих общественных, ни своих семейных обязанностей. Вероломный Эбермор перешел со своими приверженцами в римский лагерь и был отправлен в Константинополь, для того чтобы наслаждаться там рабскими придворными отличиями⁶⁹⁾. Флот и армия Велисария прошли от Регия до Неаполя вдоль берега моря около трехсот миль, почти ни на минуту не теряя друг друга из виду. Жители Бруттия, Лукании и Кампании, питавшие отвращение и к имени готов, и к их религии, нашли благовидное для себя оправдание в том, что не было возможности защищать их развалившиеся городские стены; солдаты Велисария платили настоящую цену за съестные припасы, которые доставлялись им в изобилии, а местные землепашцы и ремесленники прервали свои мирные занятия только из

желания посмотреть на новых пришельцев. Выросший в большую и многолюдную столицу Неаполь долго сохранял язык и нравы греческой колонии⁷⁰⁾, а выбор Вергилия прославил эту очаровательную местность, привлекавшую к себе тех, кто любил спокойствие и серьезные занятия вдали от шума, копоты и стеснительной роскоши Рима⁷¹⁾. Лишь только Велисарий обложил город и с моря, и с сухого пути, он принял в аудиенции депутатов от местного населения, которые убеждали его пренебречь недостойным его славы завоеванием, сразиться с готским королем в генеральном сражении и после победы требовать, в качестве хозяина столицы, покорности от всех подвластных Риму городов. "Когда я вступаю в переговоры с моими врагами, - отвечал римский главнокомандующий с высокомерной усмешкой, - я имею обыкновение давать, а не выслушивать советы: впрочем, я держу в одной руке неизбежную гибель Неаполя, а в другой такой же мир и такую же свободу, какими наслаждается теперь Сицилия". Из опасения, чтобы не пришлось потратить на осаду много времени, он согласился на самые снисходительные условия, в точном исполнении которых служила порукой его честь; но жители Неаполя разделялись на две партии, и те из них, которые принадлежали к греческой демократии, воспламенялись, слушая речи своих ораторов, которые с энергией и не без основания уверяли, что готы накажут их за измену и что сам Велисарий будет уважать их за преданность их государю и за их мужество. Впрочем, их совещания не были совершенно свободны: над городом властвовали восемьсот варваров, жены и дети которых содержались в Равенне в качестве заложников за их верность, и даже евреи, которые были и богаты, и многочисленны, сопротивлялись с бешенством фанатизма, опасаясь введения притеснительных для их религии законов Юстиниана. Даже в более позднюю эпоху окрестность Неаполя⁷²⁾ измерялась только двумя тысячами тремястами шестьюдесятью тремя шагами⁷³⁾; его укрепления охранялись непроходимыми пропастями и морем; когда неприятель завладевал водопроводами, воду можно было доставать из колодцев и родников, а запасов продовольствия было достаточно для того, чтобы истощить терпение осаждающих. По прошествии двадцати дней терпение самого Велисария почти совершенно истощилось и он примирился с печальной необходимостью снять осаду для

того, чтобы успеть до наступления зимы двинуться на Рим и на готского короля. Но его вывело из затруднительного положения отважное любопытство одного исавра, который осмотрел высохший канал одного водопровода и втайне донес, что там можно пробуровать проход, через который вооруженные солдаты могут в один ряд проникнуть в самую середину города. Когда эта работа была втайне окончена, человеколюбивый главнокомандующий в последний раз и по-прежнему без всякого успеха обратился к осажденным с предостережениями от неминуемой опасности, рискуя, что его тайна будет открыта. В темную ночь четыреста римлян проникли внутрь водопровода, взобрались по привязанной к оливковому дереву веревке в дом или в сад одной жившей в одиночестве женщины, затрубили в свои трубы, захватили врасплох часовых и проложили путь для своих товарищей, которые взобрались со всех сторон на городские стены и открыли городские ворота. Всевозможные преступления, которые общественное правосудие признает заслуживающими наказания, совершались по праву завоевания; гунны отличались своим жестокосердием и своими святотатствами; один Велисарий появлялся на улицах и в церквах Неаполя для того, чтобы смягчать бедствия, о которых он предупреждал. "Золото и серебро, - восклицал он неоднократно, - составляют справедливую награду за вашу храбрость. Но не трогайте жителей; они христиане, они молят о пощаде, они теперь подданные вашего государя. Отдайте детей родителям, жен мужьям и вашим великодушием докажите им, от каких друзей они так упорно отказывались". Город был спасен добродетелями и авторитетом своего завоевателя⁷⁴⁾, и когда неаполитанцы возвратились домой, они нашли некоторое утешение в том, что спрятанные ими сокровища были целы. Состоявший из варваров гарнизон вступил в императорскую службу; Апулия и Калабрия, избавившись от ненавистного присутствия готов, признали над собою верховную власть Юстиниана, а историк подвигов Велисария оставил нам интересное описание клыков Калидонского вепря, которые еще показывались в ту пору в Беневенте⁷⁵⁾.

Верные своему государю неапольские солдаты и граждане ожидали своего спасения от такого монарха, который оставался праздным и почти равнодушным зрителем их гибели. Феодат укрылся за стенами Рима, между тем как его кавале-

рия прошла сорок миль по Аппиевой дороге и расположилась лагерем на Понтинских болотах, которые незадолго перед тем были высушены и благодаря проведению канала в девятнадцать миль длины превращены в превосходные пастбища⁷⁶). Но главные военные силы готов были разбросаны по Далмации, в земле венетов и по Галлии, а их слабоумный король был смущен неудачным исходом ворожбы, по-видимому предвещавшим падение его владычества⁷⁷). И самые низкие рабы способны укорять несчастного господина в ошибках и в малодушии. Сознававшие свои права и свою силу варвары занимались среди праздной лагерной жизни тем, что, не стесняясь, порицали поведение Феодата; они объявили, что он недостоин своего происхождения, своего народа и своего престола и с единогласного одобрения подняли на щитах своего военачальника Витигеса, выказавшего свою храбрость в иллирийской войне. При первом известии об этом происшествии низложенный монарх попытался избавиться бегством от правосудия своих соотечественников; но его преследовало мщение за личную обиду. Один гот, которого Феодат оскорбил в его любовной привязанности, настиг беглеца на Фламиниевой дороге и, не обращая никакого внимания на его малодушные вопли, умертвил его в то время, как он лежал распростертым на земле, подобно жертве (по выражению историка) у подножия алтаря. Воля народа дает самое лучшее и самое безукоризненное право царствовать над ним; но такова была сила существовавшего во все века предрассудка, что Витигес нетерпеливо желал возвратиться в Равенну для того, чтобы принудить дочь Амаласунты вступить с ним в брак и тем доставить ему хоть слабую тень наследственного права на престол. Немедленно был созван народный совет, и новый монарх примирил нетерпеливых варваров с унижительной предосторожностью, которая казалась тем более благоразумной и необходимой, что поведение его предшественника возбуждало общее неодобрение. Готы согласились отступить перед победоносным неприятелем, отложить до следующей весны наступательные военные действия, собрать свои разбросанные военные силы, отказаться от своих дальних владений, а оборону самого Римаверить преданности его жителей. Один престарелый воин, по имени Левдерис, был оставлен в столице с четырьмя тысячами солдат, то есть с таким слабым гарнизоном, который мог бы служить

подмогой для усердия римлян, но не был в состоянии противиться их желаниям. Умами населения внезапно овладел религиозный и патриотический энтузиазм; оно с неистовством заявило, что впредь апостольский престол не должен быть оскверняем владычеством ариан или дозволением исповедовать их религию, что северные варвары впредь не должны попираť ногами гробницы Цезарей, и, не соображая того, что Италии придется снизить на степень подчиненной Константинополю провинции, стали требовать восстановления императорской власти, в котором видели начало новой эры свободы и благоденствия. Депутаты от папы и от духовенства, от сената и от народа пригласили Юстинианова наместника принять от них добровольную присягу в верности и вступить в город, который отворит перед ним свои ворота. Укрепив только завоеванные им Неаполь и Кумы, Велисарий прошел двадцать миль до берегов Вултурна, осмотрел остатки древнего величия Капуи и остановился в том пункте, где сходятся дороги Латинская и Аппиева. Несмотря на то что по построенной цензором Аппием дороге постоянно ездили в течение девяти столетий, она не утратила своей первобытной красоты, и нельзя было найти ни одной трещины в широких гладких камнях, из которых была так солидно построена эта хотя и узкая, но прочная дорога⁷⁸). Однако Велисарий предпочел Латинскую дорогу, которая была дальше от моря и от болот и шла вдоль подножия гор на протяжении ста двадцати миль. Его противники исчезли: когда он вступил в город через Азинарские ворота, гарнизон удалился по Фламиниевой дороге, не подвергаясь преследованию, и город избавился от ига варваров после шестидесятилетней рабской зависимости. Один Левдерис - из гордости или с досады - не захотел следовать за беглецами, и этот готский вождь был отправлен в качестве победного трофея вместе с ключами Рима к подножию Юстинианова трона⁷⁹).

Первые дни, совпадавшие с временем празднования старинных Сатурналий, были посвящены взаимным поздравлениям и выражениям общей радости, а затем католики стали готовиться, без всякого с чьей-либо стороны соперничества, к предстоявшему празднованию Рождества Христова. В своих коротких сношениях с героем римляне получили некоторое понятие о тех добродетелях, которые история приписывала их предкам; для них послужило назидательным приме-

ром уважение, которое Велисарий оказывал преемнику св.Петра, а введенная им строгая дисциплина доставила им, среди военных тревог, все благодения внутреннего спокойствия и правосудия. Они радовались его быстрым военным успехам, подчинившим ему всю окрестную страну до Нарни, Перузии и Сполето; но и сенат, и духовенство, и утративший мужество народ пришли в ужас, когда узнали, что он решился и скоро будет вынужден выдержать осаду против всех военных сил готской монархии. В течение зимы Витигес готовился к борьбе деятельно и с успехом. Из своих грубых жилищ и из дальних гарнизонов готы собрались в Равенну для защиты своего отечества, и так было велико их число, что, после того как была отправлена целая армия на помощь Далмации, под королевским знаменем выступили в поход сто пятьдесят тысяч воинов. Готский король распределил между ними оружие и коней, богатые подарки и щедрые обещания, сообразно с рангом или с личными достоинствами каждого; он двинулся по Фламиниевой дороге, не захотел тратить время на бесполезную осаду Перузии и Сполето, миновал неприступный утес, на котором стоит Нарни, и остановился в двух милях от Рима подле Мильвийского моста. Этот узкий проход был защищен башней, и Велисарий рассчитывал, что для постройки нового моста потребуются дней двадцать. Но трусость поставленных в башне солдат, частью спасшихся бегством, частью перешедших к неприятелю, разрушила его ожидания и подвергла его самого самой неминуемой опасности. Во главе тысячи всадников римский главнокомандующий вышел из Фламиниевых ворот с целью отыскать место для выгодной позиции и осмотреть положение неприятельского лагеря; он предполагал, что варвары еще не перешли Тибра, но был внезапно окружен и атакован их бесчисленными эскадронами. Судьба Италии зависела от его жизни, а дезертиры указывали на бывшую под ним в этот достопамятный день гнедую лошадь⁸⁰⁾ с белой мордой, и со всех сторон раздались крики: *цельтесь в гнедую лошадь*. Каждый лук был натянут, и каждый дротик был направлен с желанием попасть в эту цель, и тысячи людей повторяли и исполняли это приказание, не зная его настоящего мотива. Самые смелые из варваров приближались на такое расстояние, что могли вступать в более достохвальный бой мечами и копьями, и похвалы неприятеля почтили смерть знаменосца Визанда⁸¹⁾,

который не покидал своего передового поста до тех пор, пока не получил тринадцать ран - быть может, от руки самого Велисария. Римский главнокомандующий был силен, расторопен и ловок; во все стороны он наносил тяжелые и смертельные удары; его верные телохранители не уступали ему в мужестве и оберегали его особу, и готы обратились в бегство перед героем, лишившись тысячи человек. Римляне имели неосторожность преследовать их до самого лагеря и, не будучи в состоянии выдержать напора многочисленных неприятельских сил, отступили к городским воротам сначала тихим шагом, а потом с торопливостью; эти ворота были заперты для того, чтобы остановить бегущих, а общее смятение усилилось от распространившегося слуха, будто Велисарий убит. Действительно, его лицо было неузнаваемо от покрывавших его пота, пыли и крови; его голос охрип, и его физические силы почти совершенно истощились; но его мужество было по-прежнему непоколебимо; он умел внушить такую же бодрость своим упавшим духом боевым товарищам, и их последняя атака была такая отчаянная, что обратившиеся в бегство варвары вообразили, будто из города устремилась на них полная свежих сил новая армия. Тогда Фламиниевы ворота отворились для *настоящего* триумфа; но не прежде, как осмотревши все посты и сделавши все нужные распоряжения для обеспечения общественной безопасности, Велисарий склонился на убеждения жены и друзей и подкрепил свои силы пищей и сном. С тех пор как было усовершенствовано военное искусство, военачальникам редко приходится или даже вовсе не позволяется выказывать личную храбрость, которая требуется от солдат, и пример Велисария можно поставить наряду с редкими примерами Генриха IV, Пирра и Александра.

После этого первого и неудачного испытания сил своего противника вся готская армия перешла через Тибр и приступила к осаде, продолжавшейся до ее окончательного отступления более года. Каковы бы ни были размеры Рима, создаваемые фантазией, точные вычисления географа определяют его окружность в двенадцать миль и триста сорок пять шагов, и эта окружность, за исключением приращений со стороны Ватикана, была неизменно одна и та же со времен Аврелианова триумфа до мирного, но бесславного царствования современных нам пап⁸²⁾. Но в дни величия Рима все про-

странство внутри его стен было наполнено зданиями и жителями, а тянувшиеся вдоль больших дорог многолюдные предместья были похожи на лучи, устремлявшиеся во все стороны из одного общего центра. Невзгоды смыли своим потоком эти внешние прикрасы и даже оставили обнаженной и пустынной значительную часть семи холмов. Тем не менее Рим, при своем тогдашнем положении, мог выставить более тридцати тысяч годных для военной службы мужчин⁸³⁾, которые, несмотря на свое незнакомство с дисциплиной и с военными упражнениями, были большей частью так закалены происходящими от бедности лишениями, что были способны сражаться за свою родину и свою религию. Предусмотрительность Велисария не пренебрегла этим важным ресурсом. Для его солдат служили пособием усердие и исправность жителей, которые бодрствовали в то время, как *они* спали, и работали в то время, как *они* отдыхали; он принял на службу самых храбрых и самых бедных римских юношей, добровольно предложивших ему свои услуги, и отряды горожан иногда фигурировали на незанятых постах вместо настоящей армии, занятой в это время исполнением более важных обязанностей. Но всего более он рассчитывал на ветеранов, сражавшихся под его начальством в войнах персидской и африканской, и хотя это храброе войско уменьшилось до пяти тысяч человек, он решился защищать со столь ничтожными силами окружность в двенадцать миль против армии из ста пятидесяти тысяч варваров. В городских стенах, которые были частью вновь построены, частью реставрированы Велисарием, еще можно отличить материалы старой постройки⁸⁴⁾, а укреплениями был окружен весь город, за исключением сохранившегося до сих пор промежутка между воротами Pincia и Flaminia, который был оставлен суеверными готами и римлянами под надежной охраной апостала Петра⁸⁵⁾. Стенные зубцы, или бастионы, имели форму острых углов; широкий и глубокий ров охранял доступ к валу, а помещавшимся на валу стрелкам из лука помогали военные машины - balista, или самострелы в виде дуги, метавшие в неприятеля коротенькие, но очень тяжелые стрелы, и opaggi, или дикие ослы, которые наподобие пращи метали камни и ядра громадной величины⁸⁶⁾. Поперек Тибра была перекинута цепь; арки водопроводов были сделаны непроходимыми, а мола, или гробница Адриана⁸⁷⁾, была впервые приспособлена к тому, чтобы

служить цитаделью. Это почтенное здание, в котором хранился прах Антонинов, состояло из кругообразной башни, возвышавшейся над четырехугольным фундаментом; оно было покрыто снаружи белым паросским мрамором и было украшено статуями богов и героев, и всякий любитель изящных искусств со скорбью вздохнет, когда узнает, что произведения Праксителя или Лисиппа снимались со своих высоких пьедесталов и бросались в ров на головы осаждающих⁸⁸). Защиту каждых городских ворот Велисарий поручил особому доверенному лицу с благоразумным и не допускавшим возражений приказанием: как бы ни была велика тревога, ни за что не покидать своего поста и полагаться на заботливость главнокомандующего в том, что касалось безопасности Рима. Громадной готской армии было недостаточно для того, чтобы окружить со всех сторон обширный город; из четырнадцати городских ворот она обложила только семь - от Пренестских ворот до Фламиниевой дороги, и Витигес разделил свои войска на шесть лагерей, каждый из которых был обнесен рвом и валом. На тосканской стороне реки, на поле или в окружности Ватикана, был устроен седьмой лагерь с целью господствовать над Мильвийским мостом и над плаванием по Тибру; но готы с благочестием приближались к соседней церкви Св. Петра, и исповедовавший христианскую религию неприятель относился в течение всей осады с особым уважением к жилищу св. апостолов. В века военного могущества, всякий раз, как сенат декретировал завоевание какой-нибудь отдаленной страны, консул возвещал об открытии военных действий тем, что отворял с торжественной церемонией двери храма Януса⁸⁹). Так как в настоящем случае война велась внутренняя, то такое предупреждение было бы излишним, да и самая церемония была отменена введением новой религии. Но бронзовый храм Януса все еще возвышался на форуме и был таких размеров, что в нем могла помещаться лишь статуя бога, которая имела пять локтей в высоту и изображала человеческую фигуру с двумя лицами - одним, обращенным к востоку, а другим, обращенным к западу. Двойные двери были также сделаны из бронзы, а бесплодное усилие повернуть их на их заржавленных петлях обнаружило скандальную тайну, что некоторые из римлян еще придерживались суеверия своих предков.

Осаждающие употребили восемнадцать дней на то, чтобы запастись всеми орудиями для нападения, какие только были придуманы в древности. Фашины были заготовлены для того, чтобы заваливать рвы, а лестницы для того, чтобы взбираться на городские стены. Вывезенные из лесов громадные деревья послужили материалом для сооружения таранов; их оконечности были покрыты железом; они висели на веревках, и каждое из них приводили в движение пятьдесят солдат. Высокие деревянные башенки двигались на колесах или на цилиндрах и представляли обширную платформу, достигавшую одного уровня с валом. Утром девятнадцатого дня готы напали на город на всем пространстве от Пренестских ворот до Ватикана; семь готских колонн двинулись на приступ, имея при себе военные машины, а выстроившиеся на валу римляне с недоверием и тревогой внимали утешительным уверениям главнокомандующего. Лишь только неприятель подошел ко рву, Велисарий пустил в него первую стрелу, и таковы были его сила и ловкость, что эта стрела пронзила насквозь самого передового из варварских вождей. Вдоль городских стен раздались одобрительные и победные возгласы. Он пустил вторую стрелу, и она так же метко попала в цель и вызвала такие же радостные возгласы. Затем римский главнокомандующий дал стрелкам приказание целиться в запряженных в боевые машины волов; эти животные тотчас покрылись смертельными ранами; машины, переставши двигаться, сделались бесполезными, и стоившие стольких трудов замыслы готского короля были разрушены в одну минуту. После этой неудачи Витигес продолжал, или делал вид, что продолжает, атаку Саларийских ворот, для того чтобы отвлечь внимание своего противника от своих главных сил, которые энергично напали на Пренестские ворота и на находившуюся в трех милях от них гробницу Адриана. Стоявшие вблизи от этих ворот двойные стены Vivarium'a⁹⁰⁾ были невысоки и местами разваливались, а укрепления вокруг гробницы охранялись незначительным гарнизоном; готов воодушевляла надежда победы и добычи, и если бы им удалось овладеть хоть одним укрепленным пунктом, гибель римлян и самого Рима была бы неизбежна. Этот опасный день был самым славным днем в жизни Велисария. Среди тревоги и общего смятения, он ни на минуту не терял из виду общего плана атаки и обороны; он следил за переме-

нами ежеминутно происходившими в положении сражающихся, пользовался каждой представлявшейся выгодой, лично появлялся повсюду, где грозила опасность, и своими хладнокровными, решительными приказаниями внушал бодрость подчиненным. Упорная борьба продолжалась с утра до вечера; готы были повсюду отражены, и каждый из римлян мог бы похвастаться, что он одолел тридцать варваров, если бы для этого поразительного численного неравенства между осаждающими и осажденными не служили противовесом личные достоинства одного человека.

Тридцать тысяч готов, по признанию их собственных вождей, пали в этой кровопролитной битве, а число раненых было равно числу убитых. Они шли на приступ такими густыми массами, что ни один из пущенных в них дротиков не пропал даром, а, в то время как они отступали, городские жители принимали участие в их преследовании и безнаказанно наносили удары в спину бегущих врагов. Велисарий тотчас выступил из городских ворот, и, между тем как его солдаты превозносили его имя и воспевали одержанную победу, неприятельские осадные машины были обращены в пепел. Так велики были потери готов и наведенный на них страх, что с этого дня осада Рима превратилась в томительную и нерадивую блокаду; а римский главнокомандующий беспрестанно тревожил их неожиданными нападениями и в частых с ними стычках убил у них более пяти тысяч самых храбрых солдат. Их кавалерия не умела владеть луком; их стрелки сражались пешими, а при таком разделении своих сил они не были способны бороться с противниками, копья и стрелы которых были одинаково страшны и издали, и вблизи. Велисарий с необыкновенным искусством пользовался всякой благоприятной случайностью, а так как он сам выбирал и пункт, и время для нападения, так как он то ускорял атаку, то подавал сигнал к отступлению⁹¹⁾, то посланные им эскадроны редко возвращались с неудачей. Эти мелкие успехи внушали нетерпеливую горячность солдатам и жителям, начинавшим тяготиться осадой и не страшиться опасностей генерального сражения. Каждый плебей стал считать себя за героя, а пехота, которой, со времени упадка дисциплины, предназначалась лишь второстепенная роль, стала заявлять притязания на старинные почетные отличия римских легионов. Велисарий хвалил свои войска за их мужество, не одобрял их самоуве-

ренности, согласился на их требования и приготовился загладить следы поражения, которое он один имел смелость считать возможным. В Ватиканском квартале римляне одержали верх, и, если бы они не потратили ничем не вознаградимых минут на разграбление неприятельского лагеря, они могли бы овладеть Мильвийским мостом и напасть на готскую армию с тылу. На другой стороне Тибра Велисарий прошел от ворот Пинчио до Саларийских. Но его армия, вероятно состоявшая не более как из четырех тысяч человек, была едва заметна на обширной равнине; она была со всех сторон окружена и подавлена свежими массами неприятеля, беспрестанно приходившими на помощь к прорванным рядам варваров. Храбрые начальники пехоты, не умевшие одерживать побед, легли на поле сражения; торопливое отступление было прикрыто предусмотрительным главнокомандующим, а победители повернули назад при виде покрытого воинами городского вала. Слава Велисария не была запятнана этим поражением, а тщеславная самоуверенность готов оказалась не менее полезной для его замыслов, чем раскаяние и скромность римских войск.

С той минуты как Велисарий решился выдержать осаду, он приложил все свое старание к тому, чтобы предохранить Рим от голода, который был еще более страшен, чем оружие готов. Из Сицилии были привезены экстренные запасы зернового хлеба; все, что принесла жатва в Кампании и в Тоскане, было отобрано на продовольствование столицы, и права частной собственности были нарушены под тем не допускавшим возражения предлогом, что это делалось в видах сохранения общественной безопасности. Нетрудно было предвидеть, что неприятель завладеет водопроводами, и приостановка водяных мельниц была первым неприятным последствием осады, которое было устранено тем, что в самой середине реки поставили на якорях большие суда и прикрепили к ним жернова. Дно реки скоро было завалено древесными пнями и трупами; тем не менее принятые римским главнокомандующим предосторожности оказались столь удачными, что воды Тибра не переставали приводить в движение мельницы и поить жителей; более отдаленные кварталы добывали воду из домашних колодцев, а с тем неудобством, что пришлось отказаться от публичных бань, осажденный город мог примириться безропотно. Значительная часть Рима, находящаяся

между Пренестскими воротами и церковью Св. Павла, никогда не была обложена готами; их набеги сдерживались усердием мавританских войск; плавание по Тибру и сообщение по дорогам Латинской, Аппиевой и Остийской оставались открытыми и безопасными для доставки в город хлеба и скота и для удаления жителей, искавших убежища в Кампании или в Сицилии. Не желая тратить свои запасы на тех, чье присутствие было совершенно бесполезно, Велисарий приказал немедленно выслать из города женщин, детей и рабов, потребовал от своих солдат, чтобы они отпустили всех состоявших при них мужчин и женщин, и объявил, что впредь солдатское содержание будет выдаваться наполовину съестными припасами, наполовину деньгами. Для принятых им предосторожностей послужила оправданием общая нужда, усилившаяся с той минуты, как готы заняли две важных позиции неподалеку от Рима. Вследствие того что неприятель завладел портом, или, как его теперь называют, городом Порто, он лишился ресурсов, которые извлекал из местности, лежащей вправо от Тибра, и самых удобных сообщений с морем, и он со скорбью помышлял о том, что, будь он в состоянии отрядить только триста человек, этот слабый отряд, вероятно, был бы в состоянии удержаться в тамошних неприступных укреплениях. В семи милях от столицы, промеж дорог Аппиевой и Латинской, два главных водопровода скрещивались и вслед за тем снова скрещивались, огораживая своими прочными и высокими арками со всех сторон защищенную местность⁹²⁾, на которой Витигес разбил лагерь для семи тысяч готов с целью перехватывать обозы, шедшие из Сицилии и Кампании. Римские хлебные амбары мало-помалу опустели; окрестная местность была опустошена огнем и мечом; те скудные припасы, которые удавалось добыть путем торопливых экскурсий, или служили наградой за храбрость, или продавались богачам; в корме для лошадей и в хлебе для солдат никогда не было недостатка; но в последние месяцы осады жителям пришлось выносить неизбежные последствия недостатка в съестных припасах - нездоровую пищу⁹³⁾ и заразные болезни. Велисарий видел их страдания и скорбел о них; но он предвидел, что их преданность поколеблется, а их неудовольствие усилится, и внимательно следил за ними. Невзгоды рассеяли мечты римлян о величии и свободе и научили их той прискорбной истине, что для их благо-

получия почти все равно, будет ли носить их повелитель готское или латинское имя. Наместник Юстиниана выслушал их основательные жалобы, но с презрением отверг мысль о бегстве или о капитуляции; он отвечал положительным отказом на их нетерпеливые требования решительной битвы, постарался успокоить их обещанием, что скоро придут надежные подкрепления, и принял нужные меры, чтобы предохранить и самого себя, и город от последствий их отчаяния или измены. Два раза в месяц он перемещал офицеров, которым была поручена охрана городских ворот; чтобы ближе следить за тем, что делалось на городском валу, то рассылались патрули, то переменялся пароль, то зажигались фонари, то играла военная музыка; часовые были расставлены по ту сторону рва, и надежная бдительность собак восполняла менее надежную преданность людей.

Было перехвачено письмо, в котором уверяли короля готов, что прилегающие к Латинской церкви Азинарские ворота будут втайне отворены для его войск. Несколько сенаторов, уличенных или только подозреваемых в измене, были отправлены в ссылку, а папе Сильверу было приказано явиться к представителю его государя в главную квартиру, помещавшуюся во дворце Пинчио⁹⁴). Лица духовного звания, сопровождавшие своего епископа, были задержаны в первом или втором апартаменте⁹⁵), и Сильвер был один допущен в присутствие Велисария. Завоеватель Рима и Карфагена скромно сидел у ног Антонины, полулежавшей на великолепном диване; главнокомандующий молчал, но упреки и угрозы раздались из уст его высокомерной супруги. С наместника Св. Петра, уличенного и достойными доверия свидетелями, и собственной подписью, сняли его папское облачение; его одели в платье простого монаха и немедленно отправили морем в дальнюю ссылку на Восток. По приказанию императора римское духовенство приступило к избранию нового епископа и, после торжественного взывания к Святому Духу, остановило свой выбор на диаконе Вигилии, который купил папский престол, давши взятку в двести фунтов золота. Это святокупство считали выгодным для Велисария, а потому и приписывали его вине; но герой исполнял приказания своей супруги; Антонина старалась угодить императрице, а Феодора расточала свои сокровища в тщетной надежде, что

новый папа будет относиться враждебно или равнодушно к Халкедонскому собору⁹⁶).

Велисарий известил императора письмом о своей победе, о своем опасном положении и о своем твердом намерении продолжать начатое дело. "Согласно с данными вами приказами, мы вступили во владения готов и подчинили вашей власти Сицилию, Кампанию и город Рим; но позор, которому подвергла бы нас утрата этих завоеваний, был бы более велик, чем доставленная ими слава. До сих пор мы успешно боролись с массами варваров, но их многочисленность может в конце концов одержать над нами верх. Победа есть дар Провидения, но репутация царей и полководцев зависит от успеха или неуспеха их предприятий. Позвольте мне говорить совершенно свободно: если вы желаете, чтобы мы были живы, присылайте нам съестных припасов; если вы желаете, чтобы мы побеждали, присылайте нам оружие, лошадей и людей. Римляне приняли нас как друзей и освободителей; но при нашем теперешнем бедственном положении или они заплатят за свое доверие, или мы сделаемся жертвами их вероломства и ненависти. Что касается лично меня, то я посвятил мою жизнь вашей службе; от вас зависит решить, будет ли, при таком положении дел, моя смерть полезна для славы и благополучия вашего царствования". Это царствование, быть может, было бы одинаково благополучно, если бы миролюбивый повелитель Востока воздержался от завоевания Африки и Италии; но так как Юстиниан искал славы, то он сделал несколько слабых и мешкотных усилий, чтобы поддержать и выручить из беды своего победоносного полководца. Мартин и Валериан привели подкрепление из тысячи шестисот славян и гуннов, а так как эти войска отдыхали в течение всей зимы в греческих городах, то у них ни люди, ни лошади нисколько не пострадали от усталости морского переезда, и они показали свою храбрость в первой вылазке против осаждающих. Около времени летнего солнцестояния Евталий высадился в Террачине с большими денежными суммами, назначенными на уплату жалованья войскам; он осторожно подвигался вперед по Аппиевой дороге и вошел со своим обозом в Рим через Капенские ворота⁹⁷) в то время, как Велисарий с противоположной стороны города старался отвлечь внимание готов энергичной и удачной вылазкой. Римский главнокомандующий искусно воспользовался при-

бытием этих благовременных подкреплений и внушил превеличенное мнение об их силе; они воодушевили солдат и жителей если не мужеством, то по меньшей мере надеждами. Историк Прокопий был командирован с важным поручением собрать войска и припасы, какие можно было добыть в Кампании или которые могли быть присланы из Константинополя; а вскоре вслед за секретарем Велисария отправилась и сама Антонина⁹⁸⁾; она смело пробралась сквозь неприятельские посты и возвратилась с подкреплениями, присланными с Востока на помощь ее мужу и осажденному городу. Флот с тремя тысячами исавров бросил якорь сначала в Неапольской бухте, а потом близ Остии. Две тысячи лошадей с лишним, частью собранных во Фракии, были высажены на берег у Тарента и вместе с пятьюстами солдатами, пришедшими из Кампании, и целой вереницей повозок, нагруженных вином и крупчатой мукой, прошли по Аппиевой дороге из Капуи до окрестностей Рима. Войска, прибывавшие и сухим путем, и морем, сошлись у устья Тибра. Антонина созвала военный совет: было решено, что при помощи парусов и весел можно будет плыть против течения, а готы воздержались от нападения из опасения прервать переговоры, ведение которых Велисарий поддерживал с коварным умыслом. Они легкомысленно поверили, что видели лишь авангард флота, покрывавшего Ионическое море, и передовые войска армии, покрывавшей равнины Кампании, а это заблуждение было поддержано высокомерным тоном главнокомандующего, когда он принимал в аудиенции послов Витигеса. Изложив все соображения, которые говорили в пользу Витигеса, эти послы заявили, что ради восстановления мира они готовы отказаться от обладания Сицилией. "Император не менее великодушен, - возразил его наместник с презрительной усмешкой, - в вознаграждение за уступку того, чем вы уже не владеете, он отдает вам старинную провинцию империи - он отказывается в пользу готов от владычества над Британским островом". С такой же твердостью и с таким же пренебрежением Велисарий отвергнул предложение дани; но он позволил готским послам отправиться в Константинополь, чтобы узнать из уст самого Юстиниана о своей участи, и с притворной неохотой согласился на трехмесячное перемирие с зимнего солнцестояния до весеннего равноденствия. Благоразумие не позволяло полагаться ни на клятвы варваров, ни на

выдачу ими заложников; но сознание римского главнокомандующего, что перевес был на его стороне, выразилось в размещении его войск. Лишь только страх или голод принудил готов очистить Альбу, Порто и Центумцеллы, их место было немедленно занято римскими войсками; гарнизоны в Нарни, в Сполето и в Перузии были усилены, и семь готских лагерей были мало-помалу стеснены со всех сторон так, что подверглись бедствиям осады. Молитвы миланского епископа Дация и его странствования для богомолья не остались бесплодными: он добыл тысячу фракийцев и исавров и послал их на помощь к Лигурии, восставшей против своего арианского тирана.

В то же время племянник Виталиана Иоанн Кровожадный⁹⁹⁾ был отправлен с двумя тысячами отборных всадников сначала в Альбу, к берегам Фуцинского озера, а потом на границы Пицены, к берегам Адриатического моря. "В этой провинции (сказал ему Велисарий) готы оставили свои семейства и свои сокровища без всякой охраны, не подозревая, что им может угрожать опасность. Они, без всякого сомнения, нарушат перемирие; пусть же они почувствуют на себе ваше присутствие, прежде нежели дойдет до них слух о вашем наступательном движении. Щадите италийцев; не оставляйте у себя в тылу ни одного укрепленного неприятелем пункта и сохраните в целости добычу для равного и общего дележа. Было бы несправедливо (прибавил он улыбаясь), если бы, в то время как мы трудимся над истреблением трутней, наши более счастливые ратные товарищи захватили и съели весь мед".

Все племя остготов собралась для нападения на Рим и истощило почти все свои силы на его осаду. По словам одного интеллигентного очевидца, по меньшей мере одна треть их громадной армии погибла в частых и кровопролитных сражениях, происходивших под стенами города. Дурная репутация и пагубное влияние летнего воздуха уже в ту пору могли быть приписаны упадку земледелия и уменьшению народонаселения, а страдания, которые пришлось выносить от голода и от заразных болезней, усиливались от небрежности самих готов и от недоброжелательства местных жителей. В то время как Витигес боролся с неудачами, в то время как он колебался, что предпочесть - позор или совершенную гибель, семейные заботы ускорили его отступление. Дрожавшие от страха по-

сланцы уведомили короля готов, что Иоанн Кровожадный распространял опустошение от Апеннинских гор до Адриатического моря, что хранившиеся в Пицене богатая добыча и бесчисленные пленники были отправлены внутрь укреплений Римини и что этот грозный вождь разбил его дядю, угрожал его столице и путем тайных сношений, склонил к измене его жену - высокомерную дочь Амаласунты. Однако, прежде чем отступить, Витигес сделал последнюю попытку взять город или штурмом, или врасплох. В одном из водопроводов удалось открыть тайный проход; два жителя Ватикана, соблазнившись щедрыми подарками, обещали напоить пьяными стражу Аврелиановых ворот; предполагалось напасть на городские стены по ту сторону Тибра в таком месте, которое не было укреплено башнями, - и варвары двинулись с факелами и штурмовыми лестницами на приступ ворот Пинчио. Но все замыслы неприятеля были разрушены неустрашимой бдительностью Велисария и его отряда ветеранов, которые, даже в минуты самой большей опасности, не дали повода сожалеть об отсутствии их ратных товарищей, и готы, утратив всякую надежду на успех и страдая от недостатка съестных припасов, стали громко требовать, чтобы их выпустили по домам, прежде нежели истечет срок перемирия и прежде нежели снова соберется вся римская кавалерия. Через год и девять дней после начала осады когда-то сильная и победоносная армия сожгла свои палатки и в беспорядке обратно перешла через Мильвийский мост. Но этот переход не совершился безнаказанно: отступавшие густыми массами готы теснились в узком проходе и падали в Тибр или от страха, или под ударами преследовавшего их неприятеля, и римский главнокомандующий, выйдя за ними в погоню из ворот Пинчио, нанес им немало позорных и смертельных ран. Длинные ряды хворых и упавших духом варваров медленно тащились по Фламиниевой дороге, с которой им иногда приходилось сворачивать в сторону для того, чтобы избежать встречи с римскими гарнизонами, охранявшими большую дорогу, которая вела в Римини и в Равенну. Однако эта обращенная в бегство армия еще была так сильна, что Витигес мог отрядить десять тысяч человек, для защиты тех городов, потеря которых была бы для него особенно чувствительна, и мог дать столько же человек своему племяннику Ураие с поручением наказать возмущившийся Милан. Во главе своих глав-

ных военных сил он предпринял осаду города Римини, отстоявшего от готской столицы лишь на тридцать три мили. Невысокий вал и неглубокий ров защитили осажденный город от неприятеля благодаря искусству и мужеству Иоанна Кроважадного, который разделял с простыми солдатами их трудности и опасности и на менее блестящем поприще соперничал с воинскими дарованиями своего великого начальника. Устроенные варварами башни и тараны он сделал бесполезными; их нападения он отразил, а томительная блокада, которая довела гарнизон до самого крайнего голода, дала время собрать и выслать римские войска. Флот, завладевший врасплох Анконой, отплыл вдоль берегов Адриатического моря на выручку осажденного города. Евнух Нарсес высадился в Пизцене с двумя тысячами герулов и пятью тысячами самых храбрых солдат, присланных с Востока. Он силой проложил себе путь сквозь Апеннины; десять тысяч ветеранов обошли горы под предводительством самого Велисария, и новая армия, лагерь которой освещался бесчисленными огнями, *по-видимому*, стала подвигаться вперед по Фламиниевой дороге. Пораженные удивлением и отчаянием, готы прекратили осаду Римини и бросили свои палатки, свои знамена и своих вождей, и Витигес, который или сам подал пример обращения в бегство, или последовал примеру других, остановился только тогда, когда нашел убежище за стенами и болотами Равенны.

Эти стены и несколько крепостей, неспособных помогать одна другой, были все, что оставалось от готской монархии. Итальянские провинции приняли сторону императора, а его армия, мало-помалу разросшаяся до двадцати тысяч человек, могла бы легко и скоро довершить завоевание Италии, если бы она не была ослаблена раздорами римских вождей. Перед окончанием осады Рима Велисарий запятнал свою безупречную репутацию непонятным и неосмотрительным актом жестокосердия. Военный губернатор города Сполето Константин задержал преданного императору итальянца Президия в то время, как тот спасался бегством из Равенны в Рим, и отнял у него, несмотря на то что он укрылся в церкви, два меча, обделанных в золото и украшенных драгоценными камнями. Лишь только миновала опасность, Президий принес жалобу на того, кто его обобрал и оскорбил: эта жалоба была уважена, но приказание возвратить отобранные ве-

щи не было исполнено гордым и жадным ответчиком. Раздраженный проволочками, Президий имел смелость остановить лошадь Велисария в то время, как тот проезжал по форуму, и с мужеством гражданина потребовал покровительства римских законов. Честь Велисария была задета; он созвал военный совет, заявил о неповиновении подчиненного ему офицера и вследствие сделанного ему дерзкого возражения нашелся вынужденным позвать своих телохранителей. При виде этих последних Константин вообразил, что настала его последняя минута, обнажил свой меч и бросился на главнокомандующего, который ловко увернулся от удара и был защищен своими друзьями; телохранители обезоружили бешеного офицера, увлекли его в соседнюю комнату и казнили или, вернее, умертвили по самовольному распоряжению Велисария¹⁰⁰). Этот опрометчивый акт насилия заставил позабыть о преступлении Константина; отчаянное положение и смерть этого храброго офицера были втайне приписаны мстительности Антонины, и каждый из его товарищей, сознававший свою виновность в таких же хищничествах, опасался той же участи. Их зависть и недовольство сдерживались страхом, который наводили на них варвары; но когда они убедились, что победа скоро будет на их стороне, они стали подстрекать могущественного соперника на вражду с завоевателем Рима и Африки. С должности дворцового служителя и заведующего личными доходами императора евнух Нарсес внезапно возвысился до командования армией, а дарования героя, впоследствии сравнившие его по заслугам и по славе с Велисарием, сначала лишь затрудняли ведение войны с готами. Вожаки партии недовольных приписывали его благоразумным советам спасение города Римини и убеждали Нарсеса принять самостоятельное и отдельное командование. Хотя письмо Юстиниана и предписывало ему исполнять приказания главнокомандующего, но опасная оговорка — *насколько это может быть полезно для государственной службы* предоставляла некоторую свободу мнений осмотрительному фавориту, так еще недавно удостоившемуся священного и фамильярного разговора со своим государем. При пользовании этим неопределенным правом евнух постоянно был другого мнения, чем Велисарий, а после того как он неохотно согласился на осаду Урбино, он покинул ночью своего сотоварища и отправился завоевывать Эмилию. Свирепые и

грозные герулы были привязаны к Нарсесу узами личной преданности¹⁰¹); десять тысяч римлян и союзников склонились на убеждения выступить в поход под его начальством; все недовольные воспользовались этим удобным случаем, чтобы отомстить за действительные или воображаемые личные обиды, а остальные войска Велисария были разделены и рассеяны на всем пространстве от Сицилии, где они стояли гарнизонами, до берегов Адриатического моря. Его искусство и настойчивость превозмогли все препятствия: Урбино был взят; осада городов Фезулы, Орвието и Авксима была начата и велась с энергией, а евнух Нарсес был в конце концов отозван для внутренней службы во дворец. Тогда все раздоры прекратились, все недовольные смирились под кроткою властью римского главнокомандующего, которому даже враги не могли отказывать в своем уважении, и Велисарий преподал своей армии благотворный урок, что военные силы государства должны составлять одно целое и должны быть воодушевлены одною мыслью. Однако в промежуток времени, потраченный на эти раздоры, готы успели оправиться, римляне пропустили лучшее время года, Милан был разрушен, а на северные провинции Италии обрушились потоком франки.

Когда у Юстиниана зародилось намерение завоевать Италию, он отправил послов к королю франков и убеждал его, во имя общности их государственных и религиозных интересов, помочь ему в священной войне с арианами. Готы, еще более нуждавшиеся в посторонней помощи, прибегнули к более красноречивым аргументам и тщетно пытались купить уступкой земель и деньгами если не дружбу, то по меньшей мере нейтралитет легкомысленного и вероломного народа¹⁰²). Но лишь только победы Велисария и восстание италийцев поколебали владычество готов, самый могущественный и самый воинственный из Меровингских королей, Феодоберт Австрийский, согласился оказать им косвенное содействие. Незадолго перед тем поступившие в его подданство бургунды перешли в числе десяти тысяч человек через Альпы, не дожидаясь согласия своего государя, и присоединились к войскам, которые были посланы Витигесом с поручением наказать возмущившийся Милан. После упорной осады столица Лигурии была взята голодом, а сдавшийся на капитуляцию римский гарнизон был принужден удовольствоваться тем, что ему было обеспечено безопасное отступление.

ние. Православный епископ Даций, вовлекший своих соотечественников в восстание¹⁰³⁾ и в гибель, спасся бегством и отправился искать при византийском дворе¹⁰⁴⁾ роскоши и почета; но миланское духовенство, вероятно принадлежавшее к арианской ереси, было перебито у подножия своих алтарей защитниками католического вероисповедания. Триста тысяч жителей мужского пола, как рассказывают, лишились жизни¹⁰⁵⁾; женщины и самая дорогая добыча были представлены бургундам, дома или по меньшей мере стены Милана были скрыты до основания. В последние минуты своего владычества готы отмстили за себя разрушением города, который занимал второе место после Рима и по своей обширности и зажиточности, и по великолепию своих зданий, и по многочисленности своего населения, а Велисарий был единственный человек, скорбевший об участи своих покинутых и преданных друзей. Ободренный этим удачным нашествием, Феодеберт нахлынул следующей весной на равнины Италии с армией из ста тысяч варваров¹⁰⁶⁾. Только сам король и несколько состоявших при нем избранных воинов ехали верхом и были вооружены копьями, а пехотинцы, не имевшие ни луков, ни дротиков, носили лишь щиты, мечи и обоюдоострые боевые секиры, которые превращались в их руках в смертоносное и всегда попадавшее в цель оружие. Италия была объята ужасом при известии о нашествии франков; и готский монарх, и римский главнокомандующий ничего не знали об их намерениях; оба они с надеждой и с трепетом искали дружбы этих опасных союзников.

Внук Хлодвиг скрывал свои замыслы до тех пор, пока не обеспечил для себя переход через По по Павийскому мосту, и, наконец, обнаружил их, напавши почти одновременно и на римский лагерь, и на готский. Вместо того чтобы действовать сообща, и римляне, и готы обратились в бегство с одинаковой торопливостью, а плодородные, хотя и мало населенные, провинции Лигурия и Эмилия были оставлены на произвол бесчинствовавших варваров, которые не находили нужным сдерживать свою ярость, так как не намеревались ни заводить там поселений, ни делать прочных завоеваний. В числе разрушенных ими городов особенно пострадала Генуя, которая в ту пору еще не была построена из мрамора, а избиение многих тысяч жителей, согласно с установившимся обычаем всех завоевателей, как кажется, не возбудило тако-

го ужаса, как идолопоклонническое принесение в жертву женщин и детей, которое было безнаказанно совершено в лагере христианнейшего короля. Если бы историку не была известна та печальная истина, что в этих случаях первые и самые жестокие страдания выпадают на долю людей невинных и беспомощных, то он мог бы порадоваться бедственному положению победителей, которые, будучи окружены роскошными дарами природы, не имели ни хлеба, ни вина и были вынуждены пить воду из реки По и питаться мясом зачумленного скота. Кровавый понос уничтожил треть их армии, а громкие жалобы подданных Феодоберта, горевших нетерпением обратно уйти за Альпы, побудили его почтительно выслушать кроткие увещания Велисария. Галльские медали увековечили воспоминание об этой бесславной и опустошительной войне, а не обнажавший своего меча Юстиниан принял титул победителя франков. Меровингский монарх оскорбился тщеславием императора; он притворился, будто сожалеет о постигшем готов несчастье, и его коварное предложение вступить с ними в союз было подкреплено обещанием или угрозой перейти Альпы во главе пятисот тысяч человек. Его проекты завоеваний были безграничны и, быть может, сумасбродны. Король Австразии грозил Юстиниану, что накажет его и дойдет до ворот Константинополя¹⁰⁷⁾; дикий бык¹⁰⁸⁾ сшиб его с ног и убил¹⁰⁹⁾, в то время как он охотился в бельгийских или германских лесах.

Лишь только Велисарий избавился от своих внешних и внутренних врагов, он направил все свои усилия к тому, чтобы довершить покорение Италии. Во время осады города Озимо главнокомандующий был обязан спасением своей жизни одному из своих телохранителей, который загородил его от летевшей стрелы и поплатился за свое самопожертвование потерей руки. Готы, занимавшие в числе четырех тысяч человек Озимо и державшиеся в Фезулах и в Коттийских Альпах, долее всех других сохранили свою независимость, а их мужественное сопротивление, которое почти совершенно истощило терпение завоевателя, доставило им его уважение. Из предосторожности он отказал им в свободном пропуске, которого они просили с целью присоединиться к своим товарищам, находившимся в Равенне; но в силу почетной капитуляции они сохранили по меньшей мере половину своих богатств и получили право или спокойно удалиться в свои по-

местья, или поступить на императорскую службу для участия в войне с персами. Масса людей, еще служивших под знаменем Витигеса, далеко превышала своим числом римскую армию; но ничто не могло заставить готского короля выйти из-за его равеннских укреплений - ни просьбы, ни угрозы, ни опасное положение самых преданных его подданных. Действительно, этих укреплений нельзя было взять ни искусством, ни силой, и когда Велисарий обложил столицу, он скоро убедился, что только голодом можно сломить упорство варваров. Главнокомандующий бдительно наблюдал за тем, чтобы осажденные не могли иметь никаких сообщений ни морем, ни сухим путем, ни по фарватеру реки По, а его понятия о нравственности не помешали ему расширить права войны до того, что он отравлял воду¹¹⁰⁾, которую пили осажденные¹¹¹⁾, и поджигал их хлебные магазины¹¹²⁾. В то время как он был деятельно занят блокадой Равенны, его поразило удивлением прибытие из Константинополя двух послов с мирным договором, под которым Юстиниан имел неблагоразумие подписаться, не посоветовавшись с тем, кому был обязан победой. В силу этого постыдного и непрочного соглашения Италия и готские сокровища делились на две части, и провинции, лежавшие по ту сторону По, предоставлялись вместе с королевским титулом преемнику Теодориха. Послы поспешили исполнить свое благотворное поручение; Витигес, которого ожидал неизбежный плен, с восторгом принял неожиданное предложение королевской короны; готы заботились не столько о своей чести, сколько об удовлетворении голода, а роптавшие на продолжительность войны римские военачальники выразили свою готовность исполнить волю императора. Если бы Велисарий был одарен только мужеством солдата, лавры были бы вырваны из его рук робкими и завистливыми советниками; но в эту решительную минуту он выказал величие души настоящего государственного человека и решился принять на себя одну опасную ответственность за свое благородное неповиновение. Когда каждый из его военачальников письменно изложил свое убеждение, что осада Равенны невозможна и бесплодна, главнокомандующий, отвергнув договор о разделе и объявил, что Витигес будет отправлен в цепях к стопам Юстиниана. Готы удалились в смятении и страхе: этот решительный отказ лишил их единственной подписи, к которой они могли

относиться с доверием, и внушил им основательное опасение, что их прозорливому врагу хорошо известно, до какого они дошли отчаянного положения. Они стали сравнивать славу и счастливую судьбу Велисария с бессилием своего злосчастного короля, а это сравнение навело их на оригинальный проект, на который и Витигес был вынужден согласиться с притворной готовностью.

Раздел ослабил бы могущество готов, а изгнание оскорбило бы их честь; поэтому они предложили положить оружие, отказаться от своих сокровищ и сдать укрепления Равенны с тем условием, что Велисарий откажется от повиновения императору, уважит выбор готов и примет вполне заслуженный им титул короля Италии. Если бы обманчивый блеск диадемы и мог поколебать преданность такого верного подданного, его благоразумие должно было предвидеть последствия свойственного варварам непостоянства, а его рассудительное честолюбие должно было предпочитать верное и почетное положение римского главнокомандующего. Даже спокойствие и видимое удовольствие, с которыми он выслушал предложение изменить своему государю, могли быть истолкованы в неблагоприятном для него смысле. Но наместник Юстиниана сознавал чистоту своих намерений: он вступил на темный и извилистый путь для того, чтобы довести готов до добровольного изъявления покорности, и благодаря своей искусной политике убедил их в готовности исполнить их желание, не связав себя никакою клятвой или обещанием, что исполнит ненавистный для него договор. Готские уполномоченные назначили день, в который будет сдана Равенна; наполненный съестными припасами флот вступил желанным гостем в самую глубь Равеннского порта; городские ворота растворились перед мнимым королем Италии, и Велисарий, не встречая ни одного врага, с торжеством прошел по улицам неприступного города¹¹³). Римляне изумлялись своей удаче; многочисленные толпы высоких и сильных варваров стыдились своего малодушия, а энергичные готские женщины плевали в лица своим сыновьям и мужьям, осыпая их горькими упреками за то, что они не умели отстоять своих владений и своей свободы против этих южных пигмеев, достойных презрения и по своей малочисленности, и по своему маленькому росту. Прежде нежели готы успели прийти в себя от удивления и потребовать исполнения их боязливых ожиданий, по-

бедитель уже так упрочил свою власть над Равенной, что не опасался ни их раскаяния, ни их восстания. Витигес, как кажется попытавшийся спастись бегством, был задержан в своем дворце под почетным караулом¹¹⁴); цвет готской молодежи был отобран для поступления на императорскую службу; остальные жители были разосланы по своим мирным жилищам в южных провинциях, а колония из итальянцев снова населила обезлюдивший город. Примеру добровольно покинувшейся столицы последовали не только те города и деревни, которыми римляне еще не успели завладеть, но и те, до которых они еще не успели добраться, а независимые готы, еще оборонявшиеся в Павии и в Вероне, желали только одного - сделаться подданными Велисария. Но его непоколебимая честность не позволила ему принимать от них присягу иначе как в качестве Юстинианова наместника, и он несколько не оскорбился упреком их депутатов за то, что предпочел быть рабом, а не королем.

После вторичной победы Велисария зависть снова стала наушничать. Юстиниан внял ее голосу, и герой был отозван. "Ведение остальных военных действий против готов недостойно его личного присутствия; благосклонный монарх горит нетерпением наградить его заслуги и воспользоваться его мудрыми советами, и он один способен защитить Восток от бесчисленных армий Персии". Велисарий понял, что под этими словами скрывалось недоверие, сделал вид, будто находит указанный в них предлог основательным, отплыл из Равенны с добычей и трофеями и доказал своей готовностью повиноваться, что такое внезапное отозвание было столько же несправедливо, сколько оно могло впоследствии оказаться неблагоразумным. Император оказал Витигесу и его более знатной супруге почетный и любезный прием, а так как готский король исповедовал религию св. Афанасия, то он получил вместе с богатыми поместьями в Азии звание сенатора и патриция¹¹⁵). Всякий мог безопасно любоваться крепким сложением и высоким ростом юных варваров, преклонявшихся перед величием императорского престола и обещавших проливать свою кровь на службе своего благодетеля. Юстиниан приказал положить сокровища готской монархии на хранение в Византийском дворце. Льстивым членам сената иногда позволяли поглазеть на это великолепное зрелище, но оно тщательно скрывалось от глаз толпы, а завоеватель

Италии без ропота и, быть может, без сожаления отказался от вполне заслуженных почестей вторичного триумфа. Действительно, его слава стояла выше всякой пышной церемонии и даже в то раболопное время, уважение и восторженные похвалы его соотечественников восполняли то, что было бесцветного и притворного в придворной лести. Всякий раз как он появлялся на улицах и в публичных местах Константинополя, Велисарий останавливал на себе и очаровывал все взоры. Его высокий рост и величественная осанка вполне отвечали общему понятию о том, каким должен быть герой; его благосклонность и приветливость придавали смелости самому последнему из его сограждан, а сопровождавшая его военная свита не мешала ему быть более доступным, чем в те дни, когда он готовился к битве. Семь тысяч всадников, отличавшихся необыкновенной красотой и храбростью, состояли на службе при главнокомандующем и содержались на его собственный счет¹¹⁶). Их неустранимость проявлялась и в рукопашных схватках, и в дни сражений, когда они стояли в самых передовых рядах армии, и обе стороны признавали, что во время осады Рима телохранители Велисария одни справились с сонмищами варваров. Самые храбрые и самые надежные из взятых в плен неприятелей постоянно увеличивали их число, и служившие в свите Велисария пленники из вандалов, мавров и готов соперничали с римлянами в личной преданности своему начальнику. Благодаря тому что он соединял щедрость со справедливостью, он снискал любовь солдат, не утратив преданности народа. Больным и раненым он помогал лекарствами и деньгами; но для них были еще более благотворны посещения их главнокомандующего и его ласковое обхождение. Утрата оружия или коня немедленно заглаживалась, а каждый ратный подвиг награждался богатым и почетным подарком запястья или ожерелья, который был тем более ценен, что свидетельствовал об одобрении Велисария. Он был дорог для землепашцев, потому что они жили под сенью его знамен в спокойствии и достатке. Римские армии не только не разоряли страну, через которую проходили, но обогащали ее, а введенная в их лагерях дисциплина была так строга, что солдаты не смели ни сорвать с дерева одного яблока, ни проложить тропинку по засеянному полю. Велисарий был целомудрен и воздержан. Среди раздолья военной жизни никто не мог похвастаться тем, что видел его

напившимся допьяна; самые красивые готские и вандальские пленницы были готовы к его услугам; но он отворачивал свои взоры от их прелестей, и никогда никто не мог заподозрить мужа Антонины в нарушении супружеской верности. Свидетель и историк его подвигов заметил, что среди опасностей войны он был отважен без опрометчивости, осторожен без трусливости, то медлителен, то тороплив сообразно с требованиями данной минуты, что в самых затруднительных положениях он воодушевлялся искренней или притворной надеждой на успех, а при самых блестящих успехах был сдержан и сдержан. Благодаря этим достоинствам он стоял наряду с древними знатоками военного искусства или даже превосходил их. Победа не покидала его ни на море, ни на суше. Он покорил Африку, Италию и соседние с ними острова, отвел в плен преемников Гензериха и Теодориха, наполнил Константинополь собранною в их дворцах добычей и в течении шести лет возвратил императорам половину провинций, принадлежавших Западной империи. По славе и заслугам, по богатству и могуществу он был первым из римских подданных и не имел соперников; голос зависти мог только преувеличивать опасность столь высокого положения, а император мог похвалиться своей собственной прозорливостью, умевшей распознать и употребить в дело дарования Велисария.

Во время триумфальных шествий римляне имели обыкновение ставить позади триумфальной колесницы раба для того, чтобы этим напоминать победителю о превратностях фортуны и о несовершенствах человеческой природы. В своих "Анекдотах" Прокопий принял на себя эту низкую и неблагодарную роль. Великодушный читатель, быть может, отбросит от себя эту сатиру; но рассказанные в ней факты благодаря своей очевидной достоверности останутся в его памяти, и он должен будет поневоле сознаться, что слава и даже добродетели Велисария были запятнаны распутством и жестокосердием его жены и что герой был достоин такого названия, которое не может сорваться с пера благопристойного историка. Мать Антонины¹¹⁷⁾ была театральная проститутка, а ее отец и дед занимались в Фессалонике и в Константинополе низкой, хотя и доходной, профессией колесничников. Она была то подругой императрицы Феодоры, то ее соперницей, то прислужницей, то любимицей, сообразно с теми переме-

нами, которые происходили в судьбе их обеих; этих распутных и честолюбивых женщин сблизили однородные удовольствия; их поссорила зависть, внушенная их пороками, и в конце концов их помирило участие в одних и тех же преступлениях. До своего вступления в брак с Велисарием Антонина уже имела одного мужа и множество любовников; сын от ее первого брака, по имени Фотий, уже был в таких летах, что мог отличиться при осаде Неаполя. Лишь на закате своих лет и своей красоты¹¹⁸⁾ Антонина отдалась позорной привязанности к одному молодому фракийцу. Феодосий был воспитан в еретических верованиях Евномия; он был первый солдат, вступивший на корабль перед отплытием в Африку; его крещение и его счастливое имя были приняты за предзнаменование благополучного плавания, и духовные родители¹¹⁹⁾ новообращенного Велисарий и Антонина приняли его, путем усыновления, в свою семью. Прежде чем флот достиг берегов Африки, это священное родство превратилось в чувственную любовь, и так как Антонина скоро вышла из всяких границ в своей нескромности и несдержанности, то римский главнокомандующий был единственный человек, ничего не знавший о своем позоре. Во время своего пребывания в Карфагене, он нечаянно застал двух любовников в подземной комнате вдвоем, очень оживленными и почти совершенно раздетыми. Его глаза запылали гневом. "С помощью этого молодого человека (сказала бесстыдная Антонина) я прятала наши самые ценные вещи, для того чтобы о них не узнал Юстиниан". Молодой человек снова оделся, а снисходительный супруг согласился не верить свидетельству своих собственных глаз. Служанка Антонины Македония вывела Велисария из его приятного и, быть может, добровольного заблуждения, в то время как он находился в Сиракузах: взявши с него клятву, что он ручается за ее безопасность, она привела двух служанок, которые, точно так же как и она сама, часто бывали свидетельницами прелюбодеяний Антонины. Поспешное бегство в Азию спасло Феодосия от расправы оскорбленного мужа, который уже дал одному из своих телохранителей приказание умертвить его; но слезы Антонины и ее притворные ласки убедили легковерного героя в ее невинности, и он унизился до того, что, не внимая ни требованиям чести, ни голосу собственного рассудка, отвернулся от неосторожных друзей, которые осмелились усомниться в цело-

мудрии его супруги или доносить на нее. Мстительность преступной жены была непримирима и кровожадна: исполнитель ее безжалостных приказаний втайне арестовал несчастную Македонию и других двух свидетельниц; у них вырезали языки, их обнаженные тела изрубили в мелкие куски и бросили эти бранные останки в море подле Сиракуз. Опрометчивое, хотя и основательное, замечание Константина, что "следовало бы наказать скорее уличенную в прелюбодеянии женщину, чем молодого человека", глубоко запало в душу Антонины, и через два года после того, когда отчаяние побудило этого офицера восстать против своего начальника, ее кровожадные настояния решили и ускорили его смертную казнь. Даже своему сыну Фотию она не простила выраженного им негодования; его ссылка подготовила возвращение ее любовника, и Феодосий соблаговолил принять настоятельное и почтительное приглашение завоевателя Италии. Управляя с неограниченною властью домом Велисария и исполняя важные - как мирные, так и военные¹²⁰⁾ - поручения, юный фаворит очень скоро нажил состояние в четыреста тысяч фунтов стерлингов. По возвращении в Константинополь страсть Антонины была по меньшей мере такая же пылкая и несдержанная, как и прежде. Но страх, благочестие и, быть может, пресыщение внушили Феодосию более серьезное намерение. Опасаясь столичных пересуд и нескромной нежности Велисариевой жены, он вырвался из ее объятий и, удалившись в Эфес, обрил свою голову и укрылся в святилище монашеской жизни. Отчаяние новой Ариадны было так сильно, что едва ли могло бы быть оправдано даже смертью ее супруга. Она плакала, рвала на себе волосы и оглашала дворец своими воплями, что "она лишилась самого дорогого из друзей, самого нежного, самого преданного и самого трудолюбивого друга". Но ее горячие настояния, подкрепленные просьбами самого Велисария, не могли вызвать святого монаха из его Эфесского убежища. Не прежде как по выступлении главнокомандующего в поход против персов, Феодосий склонился на убеждения возвратиться в Константинополь, и короткий промежуток времени между отъездом Велисария и отъездом самой Антонины был без всяких стеснений посвящен любви и удовольствиям.

Философ может с прискорбием взирать на немощи женской натуры, от которых он не терпит никакого существен-

ного вреда и даже может прощать их; но тот муж, который сознает и все-таки выносит в лице своей жены свой собственный позор, достоин презрения. Антонина преследовала своего сына с непримиримой ненавистью, и даже в лагере по ту сторону Тигра храбрый Фотий¹²¹⁾ не мог избавиться от ее тайных преследований. Выведенный из терпения и нанесенными ему обидами, и бесчестьем, которое падало на все семейство, он, в свою очередь, заглушил в себе внушаемые самой природой чувства привязанности и раскрыл перед Велисарием гнусность женщины, нарушавшей все обязанности матери и супруги. Судя по удивлению и негодованию римского главнокомандующего можно полагать, что его прежняя легковёрность была искренна: он упал к ногам сына Антонины, умоляя его поступать не так, как требует его происхождение, а как требует долг, и оба они поклялись перед алтарем отомстить за себя и взаимно друг друга поддерживать. Владычество Антонины над умом Велисария ослабело вследствие ее отсутствия, а когда она явилась к нему после его возвращения с персидской границы, то он, в первом порыве скоропреходящего гнева, приказал арестовать ее и угрожал ее жизни. Фотий был более стоек в своей решимости мстить и менее склонен к примирению: он бежал в Эфес, вынудил от пользовавшегося доверием его матери евнуха полное признание ее виновности, задержал Феодосия и его сокровища в церкви Св. апостола Иоанна и заключил своего пленника в одну из уединенных крепостей Киликии, отложив на время его смертную казнь. Такое дерзкое нарушение общественной справедливости не могло остаться безнаказанным, и Антонина нашла заступницу в императрице, милостивое расположение которой снискала незадолго перед тем, помогая ей подвергнуть опале одного префекта и отправить в ссылку, а затем и лишить жизни папу. По окончании кампании Велисарий был отозван; он, по своему обыкновению, беспрекословно подчинился императорскому приказанию. Он не чувствовал расположения к восстанию; его повиновение хотя и не было согласно с требованиями чести, но соответствовало желаниям его сердца, а когда этот нежный супруг обнял свою жену по приказанию императрицы и, быть может, в ее присутствии, он был готов простить или просить прощения. Доброта Феодоры приготовила для его подруги еще более ценный подарок. "Дорогая моя патрицианка (сказала она), я

нашла жемчужину, которой нет цены; такой до сих пор еще не видел ни один смертный; я хочу, чтобы этой драгоценностью любовалась и владела моя подруга". Лишь только в Антонине разгорелось любопытство и нетерпение, двери спальни растворились и она увидела своего любовника, который был разыскан в своем тайном заключении усердием евнухов. Ее безмолвный восторг разразился пылкими выражениями признательности и радости, и она стала называть Феодору своей царицей, благодетельницей и спасительницей. Эфесского монаха окружили во дворце роскошью и всем, что могло удовлетворять его честолюбие; но, вместо того чтобы получить главное начальство над римскими армиями, как это было ему обещано, он испустил дух от утомления в самом начале любовного свидания. Скорьбь Антонины могла найти для себя облегчение лишь в страданиях ее сына. Юноша, который был по своему рангу консуляр и не пользовался крепким здоровьем, был без судебного разбирательства наказан так, как наказывали злодеев и рабов; но такова была неустрашимость Фотия, что он вынес бичевание и пытку, не нарушив клятвенного обещания, данного Велисария. После этой бесплодной жестокости, в то время как Антонина пиновала с императрицей, ее сын был заключен в подземной тюрьме, где было одинаково темно и днем, и ночью. Он два раза спасался оттуда бегством и находил убежище в самых уважаемых константинопольских церквах - в храме Св. Софии и в церкви Богоматери; но его тираны были столько же равнодушны к религии, сколько они были недоступны для сострадания, и беспомощного юношу два раза силою отрывали от подножия алтарей и отправляли в темницу, несмотря на громкие протесты духовенства и народа. Его третья попытка была более успешна. После трехлетнего тюремного заключения пророк Захария или какой-то друг из простых смертных указал ему средство спастись бегством; он увернулся от шпионов и от телохранителей императрицы, добрался до святого гроба в Иерусалиме и поступил в монахи, а после смерти Юстиниана игумену Фотию было поручено восстановить согласие между египетскими церквами и ввести в них правильные порядки. Сын Антонины вынес все, что может придумать личная ненависть, а ее покорный супруг обрек сам себя на более сильные душевные страдания, нарушив свое обещание и покинув своего друга.

В следующую кампанию Велисария снова послали воевать с персами; он спас Восток, но оскорбил Феодору и, может быть, самого императора. Болезнь Юстиниана вызвала слухи о его смерти, а римский главнокомандующий, предполагавший, что такой исход болезни неизбежен, стал выражать свои мысли вольным языком гражданина и солдата. Разделявший его мнения его сотоварищ Бузес лишился своего ранга, свободы и здоровья вследствие гонений императрицы; но опала Велисария была смягчена и уважением к его личности, и влиянием его жены, которая, быть может, желала смирить, но, конечно, не желала погубить того, с кем была так тесно связана ее собственная судьба. Даже его отозвание было прикрашено уверениями, что жалкое положение Италии улучшится от одного присутствия ее завоевателя. Но лишь только он возвратился, одиноким и беззащитным, на Восток была отправлена комиссия с приказанием захватить его сокровища и найти доказательства его преступности; служившие под его личным знаменем телохранители и ветераны были распределены между начальниками армии, и даже евнухи пожелали иметь свою долю в этом дележе его военной прислуги. Когда он проезжал по улицам Константинополя с немногочисленной и бедно одетой свитой, эта скромная обстановка возбуждала в народе удивление и сострадание. Юстиниан и Феодора приняли его с холодной неблагодарностью, раболепная толпа царедворцев - с наглостью и презрением, и он дрожащими шагами направился вечером к своему пустынному дворцу. Притворное или действительное нездоровье задержало Антонину внутри ее апартаментов, и она с презрительным молчанием удалилась в соседнюю с ее комнатами галерею, между тем как Велисарий бросился на постель и в агонии скорби и страха ожидал смерти, к которой так часто относился с пренебрежением под стенами Рима. Много времени спустя после солнечного заката его уведомили о прибытии посланца от императрицы, и он с тревожным любопытством открыл письмо, которым решалась его участь: "Вы, конечно, сами хорошо знаете, как велика ваша вина передо мной. Я признательна Антонине за ее услуги. Благодаря ее заслугам и ее заступничеству я дарую вам жизнь и позволяю вам удержать часть ваших сокровищ, которые по справедливости могли бы быть конфискованы в пользу государства. Выразите вашу признательность кому следует, и пусть

она впредь обнаруживается не на словах, а в вашем поведении". Я не решаюсь считать за правду и не знаю, как описать восторг, с которым герой, как рассказывают, принял это унижительное помилование. Он пал к стопам своей жены, целовал ноги своей спасительницы и клялся, что всегда будет признательным и покорным рабом Антонины. Из принадлежавших Велисария сумм был удержан денежный штраф в размере ста двадцати тысяч фунтов стерлингов, и он принял на себя главное начальство в итальянской войне вместе со званием графа или начальника царских конюшен. Когда он выезжал из Константинополя, и между его друзьями, и даже в народе высказывалось убеждение, что, лишь только он будет на свободе, он перестанет скрывать свои настоящие чувства и что его жена, Феодора и, может быть, сам император сделаются жертвами основательной мстительности добродетельного бунтовщика. Но эти ожидания не оправдались, и несокрушимые терпеливость и преданность Велисария оказались или *ниже* или *выше* того, чего можно было ожидать от мужчины¹²¹).

1) Прокопий последовательно и изящно описал весь ход войны с вандалами (кн. 1, гл. 9-25; кн. 2, гл. 1-13); я был бы очень доволен, если бы всегда мог иметь такого руководителя. Тщательно изучив весь греческий подлинник, я считаю себя вправе заявить, что к латинскому и французскому переводам Гроция и Кузена нельзя относиться с полным доверием; а между тем президента Кузена нередко осыпали похвалами, а Гуго Гроций принадлежал к числу первоклассных ученых в веке просвещения.

2) См. Ruinart, Hist. Persecut. Vandal., гл. 12, стр. 589. Самым надежным авторитетом из всех, на какие он ссылался, было жизнеописание св. Фульгенция, написанное одним из учеников этого святого, переписанное почти целиком в летописях Барония и вошедшее в состав нескольких больших сборников (Catalog. Biblot. Bunavianae, том I, часть 2, стр. 1258).

3) За какие душевные или физические достоинства было ему дано это прозвище? За ловкость, за красоту или за храбрость? На каком языке вандалы читали Гомера? Не на языке ли германцев? У латинов было четыре перевода сочинений Гомера (Fabric., том I, кн. 2, гл. 3, стр. 297); однако, несмотря на похвалы Сенеки (Consol., гл. 26), они, как кажется, более успешно подражали греческим поэтам, чем переводили их. Впрочем, имя Ахиллеса могло сделаться известным и популярным даже среди необразованных варваров.

4) *Целый год!* Какое нелепое преувеличение. Завоевание Африки можно считать оконченным 14 сентября 533 г. Юстиниан говорит о нем в предисловии к своим "Институтам", которые были изданы 21 ноября того же года. Этот расчет можно бы было основательно от-

нести к нашим владениям в Индии - если считать время, потребное на поездку туда и назад.

5) *Örmetō de ho Belisarios ek Germanias, he Thrakōnte kai Illirion metaksy keltai* (греч.) (Прокон. Vandal. кн. 1, гл. II. Aleman., Not. ad Anecd., стр. 5). Итальянцы могли без труда отвергать германское тщеславие упоминаемой Гифанием местности Вельсера, заявлявшей притязание на то, что она была родиной Велисария; но я не мог отыскать ни в одном - ни светском, ни церковном - списке провинций и городов той Германии, которую он называет главным городом Фракии. (Прокопию было известно положение Фракии, находившейся у самых ворот Константинополя. Западной границей этой провинции была река Нест, между тем как Иллирия простиралась на восток не далее реки Савы. Между этими двумя провинциями лежала та часть Мезии (см. Heeren's Manners, стр. 324, 325), которая была долго населена готами, и там Прокопий поместил Германию, о которой знал по слухам. Так как Велисарий вторгся в Италию из Сицилии, а, покидая ее, отплыл из Равенны, то его секретарь не имел случая проезжать через страны, лежащие между морями Адриатическим и Евксинским. Если великий полководец и не был германского происхождения, все-таки весьма вероятно, что в своей юности он развивался под влиянием готов, подобно многим другим выдающимся личностям того времени. По мнению фон Гаммера, имя Велисария есть славянское слово *Belitzar*, белый царь, и он родился в иллирийской деревне, которая до сих пор носит название Германии. Трудно поверить, чтобы "фракийский крестьянин" получил славянское имя и еще более трудно поверить, чтобы ему дали прозвище "белого царя". Германия, о которой здесь идет речь, была, как кажется, не что иное, как *Germanicus Vicus*, находившийся, по словам Целлария (1.918), на Дунае вблизи от Регенсбурга (*Ratisbon*). Германия, о которой говорит Прокопий, очевидно была не иллирийская деревня или город, а страна, которую он, по недостатку географических познаний, помещал между Иллирией и Фракией. - *Издат.*)

6) Две первые персидские кампании Велисария верно и подробно описаны его секретарем (*Persic.*, кн. 1, гл. 12-18).

7) (Прокопий (*De Bell. Pers.*, 1, 13) делает из слова *Mirrhane* персидский почетный титул, который был дан Перозу. А впоследствии (кн. 2, гл. 30) он употребляет это слово как собственное имя начальника Петры. - *Издат.*)

8) О происхождении и характере Антонины идет речь и в "Анекдотах", гл. 1, и в примечаниях Алеманна, стр. 3.

9) (Массагеты и гунны не одно и то же. История упоминает о массагетах, которые оттесняли кельтских кимвров к западу за несколько веков до того, как впервые сделалось известным имя гуннов (см. Геродот, кн. 1, гл. 6, 15, 16; кн. 4, гл. 1, 11, 12; но эти главы требуют тщательного изучения). Они были ветвью великой готской расы. Начальная частица их имени исстари обозначала *соединенные силы*; ее можно найти во всех языках и даже в новейшем слове *mass*. После того как они проникли в Европу, их имя получило латинскую форму и их стали называть мезами; а так как римляне застали их живущими на южном берегу Дуная, то и вся провинция получила название Мезии. Нам известно, что во времена Овидия эта местность была насе-

лена готами, которые еще жили там во времена Ульфила, а вследствие того и язык, на которой он переводил св. Писание, был назван мезо-готским. Отсюда возникло ошибочное мнение, что народ получил свое название от местности, на которой поселился, между тем как он дал этой местности свое имя. Этим именем Прокопий называл тех из них, которые служили в армии Велисария, или же смешал с ними наемный отряд гуннов с противоположного берега Дуная. Но басни, которые он рассказывает о них, должны быть отнесены к другим племенам и к более отдаленной эпохе. - Издат.)

10) См. предисловие Прокопия. Противники стрельбы из лука могли бы сослаться на упреки Диомеда (Илиада, XI, 385 и сл.) и на слова Лукана: *permittere vulnera ventis* (VIII, 384); однако римляне не могли относиться с пренебрежением к стрелам парфян, а во время осады Трои Пандар, Парис и Тевкр пронизывали своими стрелами тех высокомерных воинов, которые издевались над их женственным и детским физическим бессилием.

11) Илиада, IV, 123. Как сжато, как верно и как красиво все это описание. Я как будто вижу позу стрелка из лука и слышу, как скрипит лук.

12) Из слов Прокопия можно заключить, что вместимость самых больших судов была в пятьдесят тысяч *medimni*, или в три тысячи тонн (так как *medimnus* весил сто шестьдесят римских фунтов, или сто двадцать *avoir du poids*). Я придерживался более основательного толкования, предположив, что под аттическим стилем Прокопия скрывался легальный и общепринятый *modius*, составляющий шестую часть *medimnus*'а (Hooper's Ancient Measures, стр. 152 и сл.). Противоположная и поистине странная ошибка вкралась в одну из речей Динарха (*contra Demosthenem*, in Reiske Orator. Graec., том IV, ч. II, стр. 34). Тем, что Кузен низвел число судов с пятисот на пятьдесят и перевел *medimnoi* словом *mines*, или фунты, он великодушно допустил для всего императорского флота вместимость в пятьсот тонн! Неужели ему никогда не случалось мыслить?

13) Я где-то читал, что один греческий законодатель налагал удвоенное наказание за преступления, совершенные во время опьянения; но, как кажется, все согласны в том, что это делалось не из нравственных, а из политических мотивов.

14) Или даже в три дня, так как в первый вечер они стали на якорь у соседнего острова Тенедоса, на следующий день прибыли в Лесбос, на третий были у мыса Евбеи, а на четвертый достигли Аргоса (Гомер, *Одис.*, III, 130-183. Wood's Essay on Homer, стр. 40-46). Один пират прибыл из Геллеспонта в Спарту в три дня (Ксенофонт, *Hellen*, кн. 2, гл. 1).

15) Кавкана, находящаяся неподалеку от Камарины, отстоит от Сиракуз по меньшей мере на пятьдесят миль (на триста пятьдесят или четыреста стадий). Cluver. *Sicilia Antiqua*, стр. 191.

16) Прокопий, *Gothic.*, кн. 1, гл. 3. *Tibi tollit hinnitum apta quadrigis equa*, - на сицилийских пастбищах Гросфа. (Горац., *Sarm.* 2. 16). *Agrarar... magnanimum quondam generator equorum*. (Верг., *Энеида*, 3, 704). В этой стране были вскормлены кони Ферона, победы которых обессмертил Пиндар. (Сицилия, сколько нам известно, не славилась породой своих лошадей. Своим плодородием она пользовалась для того, чтобы снабжать римлян зерновым хлебом, фруктами и роскош-

ными припасами для стола. Даже в более раннюю эпоху - как это говорит сам Гиббон в одном из примечаний к главе XLV - кони Дионисия Сиракузского, выигравшие для него столько призов на Олимпийских играх, были выращены не в Сицилии, а в Венеции. В оде, на которую здесь сделана ссылка, Гораций действительно рассказывает своему другу, что вокруг него ржали *Siculae* вассалы, но он не говорит, что кони, запрягавшиеся четверней в его колесницу, ржали на его сицилийских пастбищах. - *Издат.*)

17) Прокопиев *Carut-Vada* (где Юстиниан основал впоследствии город - *de Edific.*, кн. 6, гл. 6) называется у Страбона мысом Аммона, у Птолемея - *Brachodes*, у новейших писателей - *Caraudia*; это - вдающаяся в море длинная и узкая полоса земли (*Shaw's Travels*, стр. 111).

18) Эти "легкие бригадины", без сомнения, были те *Naves Liburnae*, о которых приходилось не раз упоминать, как о самой любимой и самой полезной составной части римского флота. В настоящем случае Гиббон отозвался о них с чрезмерным презрением. - *Издат.*)

19) Один из центурионов Марка Антония выразил, хотя и с большим мужеством, такое же отвращение к морю и к морским сражениям (*Плутарх, in Antonio*, стр. 1730, изд. *Hen. Steph.*).

20) Суллект, быть может, то же, что *Turris Hannibalis* - старинное здание, которое в настоящее время равняется своими размерами Лондонской башне. Для движения Велисария на Лепт, Адрумет и пр. служат иллюстрацией: поход Цезаря (*Hirtius de Bello Africano*, с Анализом *Gulchardt'a*) и путешествия *Shaw* (стр. 105-113) по той же местности.

21) Дворец шаха в Исфагане может дать понятие об этих земных раях, название и образец которых мы заимствовали из Персии (*Voyage d'Olearius*, стр. 774). Самую лучшую их модель можно найти в греческих романах (*Longus, Pastoral*, кн. 4, стр. 99, 101. *Achilles Tatius*, кн. 1, стр. 22, 23).

22) Армия Велисария состояла главным образом из наемных варваров, которых он приучил к римской дисциплине и к римской стратегии. Но сравнительное бессилие вандалов, предки которых одерживали верх над неприятелем, получившим еще лучшую военную подготовку, происходило от нравственного растления, которое, как мы уже видели ранее (гл. XXXI), начинало обнаруживаться после их тридцатилетнего пребывания в Африке. А после того как они были хозяевами страны в течение ста лет, те самые причины, которые ранее того вредно на них влияли, стали влиять еще сильнее прежнего и довели их почти до такого же беспомощного и безнадёжного состояния, в каком находился завоеванный ими народ. - *Издат.*)

23) Окрестности Карфагена - и моря, и суша, и реки, изменили с тех пор свой внешний вид почти настолько же, насколько изменилось все, что было сделано человеческими руками. Перешеек, на котором был построен город, теперь входит в состав твердой земли; гавань обратилась в бесплодную равнину, а озеро, или *stagnum*, обратилось в болото, посреди которого есть водное пространство глубиной в шесть или семь футов. *D'Anville, Géographie Ancienne*, том III, стр. 82. *Shaw, Travels*, стр. 77-84. *Marmol, Description de l'Afrique*, том II, стр. 465 и *Thuanus* 58, 12, том III, стр. 334.

24) От слова Delphi произошло слово Delphicum, которым обозначали треножник и на греческом, и на латинском языке, а по легкопонятной аналогии то же название стали давать в Риме, Константинополе и Карфагене тем залам, в которых давались царские банкеты (Прокопий, *Vandal.*, кн. 1, гл. 21. *Ducange, Gloss. Graec.*, стр. 277. *Delphikon, ad Alexiad.*, стр. 412).

25) В этих речах всегда отражается дух времени, а иногда и характер действующих лиц. Я указал в сжатом виде на их содержание, отбросив декламацию.

26) Мощи св. Августина были перенесены африканскими епископами в место их ссылки - в Сардинию (500 г.). В восьмом столетии существовало общее убеждение, что король лангобардов Лютитпранд перевез эти мощи (721 г.) из Сардинии в Павию. В 1695 году жившие в этом городе августинские монахи *нашли* каменный свод, мраморную гробницу, серебряный гроб, шелковый саван, кости, кровь и пр., и, может быть, надпись "Agostino" готическими буквами. Но против этого полезного открытия восстали и здравый смысл, и зависть (*Baronius, Annal. A.D. 725, № 2-9. Tillemont, Mém. Ecclés.*, том XIII, стр. 944. *Montfaucon, Diarium Ital.*, стр. 26-30. *Muratori, Antiq. Ital. Medii Aevi*, том V, диссерт. 58, стр. 9; этот последний написал на этот предмет особый трактат, прежде появления декрета епископа Павийского и папы Бенедикта XIII).

27) *ta tés politeias prooimia* (греч.) - так выражается Прокопий (*de Edific.*, кн. 6, гл. 7). Цейта, которую впоследствии разорили португальцы, расцвела под более благотворным владычеством арабов; она отличалась своей аристократией и дворцами, земледелием и мануфактурами (*L'Afrique de Marmol*, том II, стр. 236).

28) См. второе и третье Предисловия к Дигестам или Пандектам, общенародованные в 533 г., декабря 16. Юстиниан или, вернее, Велисарий, приобрел право на титулы *Vandalicus* и *Africanus*; но титул *Gothicus* был усвоен преждевременно, а титул *Francicus* был ложен и оскорбителен для великого народа.

29) См. подлинные акты у Барония (*A.D. 535, № 21-54*). Император хвастается своим собственным милосердием по отношению к еретикам, *cum sufficiat eis vivere*.

30) Dupin (*Geograph. Sacra Africana*, стр. 59; *ad Optat. Milev.*) отмечает и оплакивает это уменьшение числа епископов. В более счастливые для Церкви времена он насчитал шестьсот девяносто епископов; но как ни были невелики епархии, они едва ли все существовали одновременно.

31) Законы, изданные Юстинианом для Африки, объяснил его германский биограф. (*Код.*, кн. 1, тит. 27, *Novell. 36, 37, 131. Vit. Justinian.*, стр. 349-377).

32) Анвилль полагает (том III, стр. 92 и *Tabul. Imp. Rom. Occident.*), что Папуанские горы находились вблизи от *Hippo Regius* и неподалеку от моря; но это положение трудно согласовать с продолжительным преследованием по ту сторону Гиппона и со словами Прокопия (кн. 2, гл. 4): *entois Noumidias eschatols*: (греч.)

33) Shaw (*Travels*, стр. 220) очень подробно описал нравы бедуинов и кабулов; по языку этих последних видно, что они происходят от мавров; но как изменились и как цивилизовались эти дикие нового вре-

мени! Съестных припасов у них вдоволь, а хлеб составляет их обыкновенную пищу.

34) Прокопий называет этот инструмент лирой; но арфа, как кажется, была более национальным инструментом. Венанций Фортунат говорил о музыкальных инструментах: *Romanusque Lyrâ tibi plaudat, Barbarus harpâ.*

35) Геродот изящно описал странное влияние скорби на другого царственного пленника - Псамметиха Египетского, который плакал от самого ничтожного из постигших его несчастий и молчаливо выносил самое ужасное (кн. 3, гл. 14). Велисарий мог бы изучить свою роль на свидании Павла Эмилия с Персеем; но он едва ли читал сочинения Ливия и Плутарха, а его великая душа, конечно, не нуждалась в руководителе.

36) После того как титул императора утратил свое старинное военное значение, а римские *ауспиции* были упразднены христианством (см. La Bletterie, *Mem. de l'Academie*, том XXI, стр. 302-332), можно было с меньшей непоследовательностью награждать триумфами простых военачальников.

37) Если только "Экклезиаст" действительно был произведением Соломона, а не был, подобно поэме Приора, благочестивым и нравоучительным произведением позднейшего времени, написанным от имени Соломона на тему его раскаяния. Этого последнего предположения придерживается ученый и свободномыслящий Гроций (*Opp. Theolog.*, том 1, стр. 258); действительно, и в "Экклезиасте" и в "Притчах" видны такая широта мысли и такая опытность, каких едва ли можно было ожидать от иудея или от царя.

38) В "Велисарии" Мармонтеля царь и завоеватель Африки сходятся, ужинают и разговаривают, не узнавая друг друга. Конечно, один из недостатков этого романа заключается в том, что не только сам герой, но даже все, хорошо его знавшие в лицо, как-будто утратили и зрение, и память.

39) Shaw, стр. 59. Однако, так как Прокопий (кн. 2, гл. 13) говорит об одном жившем среди Атласских гор племени, отличавшемся белизной кожи и белокурыми волосами, то этот феномен (замеченный также между жителями Андов в Перу, Buffon, том III, стр. 504) может быть объяснен возвышенностью почвы и температурой воздуха.

40) Равеннский географ (кн. 3, гл. II, стр. 129-131, Париж, 1688) описывает Мавританию *Gaditana* (напротив Кадикса), *ubi gens Vandalorum, a Belisario deviota in Africa, fugit, et nunquam comparuit.*

41) Только один голос заявил протест, и Гензерих отослал назад германских вандалов, не давши им никакого положительного ответа; но африканские вандалы насмеялись над его осмотрительностью и делали вид, будто презирают бедную жизнь среди их родных лесов (Прокопий, *Vandal.*, кн. 1, гл. 22).

42) Со слов великого курфюрста (в 1687 г.) Толлий описал тайную царскую власть и мятежный дух бранденбургских вандалов, которые могли выставить пять или шесть тысяч солдат с несколькими пушками (*Itinerar. Hungar.*, стр. 42, *apud Dudos, Hist. de la Monarchie Française*, том 1, стр. 182, 183). Есть основание не доверять не курфюрсту, а самому Толлию.

43) Прокопий (кн. 1, гл. 22) ничего не понимал в этом вопросе. В царствование Дагоберта (630 г.) славянские племена сорбов и венедов уже жили на границах Тюрингии (Mascou, Ист. Германцев, XV, 3-5). (Гиббон полагался на Mascou, который писал в такое время, когда еще не были добыты точные сведения о варварском состоянии Европы. Германия была большой дорогой, по которой совершались переселения народов, а различные племена смешивались там одни с другими так, что иногда нет никакой возможности отличить одно от другого.

Таким образом смешивались и принимались за одно племя три различных племени - венеды, вандалы и венды. Первые были кельтские Avarnach, жившие на Висле, получившие свое название от своей родины и впоследствии смешавшиеся с соседним населением. Вторые были готским племенем, игравшим такую важную роль в истории, а третьи принадлежали к славянам, вступившим в Германию во времена императора Гераклия, почти в начале седьмого столетия. К этой последней расе принадлежали гунны, равно как болгары и авары. Свободное пространство, оставленное многочисленными колониями, переселившимися туда, где когда-то существовала Римская империя, было скоро занято дальними племенами, мало-помалу передвигавшимися к центру цивилизации и к источнику военной добычи. Таким путем сарматские племена заменили готов в обладании различными территориями в восточной и северо-восточной частях Германии. В числе их находились венды и оботриты, о которых упоминалось в главе XXX. Так называемые вандалы, жившие в Бранденбурге и говорившие на славянском наречии, очевидно, были потомки древних вендов. - *Издат.*)

44) Саллюстий считает мавров за остатки армии Геракла (de Bell. Jugurth., гл. 21), а Прокопий (Vandal., кн. 2, гл. 10) - за потомков тех хананеян, которые спаслись бегством от разбойника Иисуса Навина. Прокопий ссылается на две колонны с финикийскими надписями. Я допускаю существование двух колонн, сомневаюсь в достоверности надписей и отвергаю эту генеалогию.

45) Вергилий (Georgic., III, 339) и Помпоний Мела (1, 8) описывают бродячую жизнь африканских пастухов, похожую на образ жизни арабов и татар; а Shaw (стр. 222) может считаться за лучшего комментатора произведений и поэта, и географа. (Этих безграмотных дикарей не следует смешивать с древними маврами, жившими в Мавритании. См. гл. XXXIII. Пустынные места среди Атласских гор и лежавшие к югу от них выжженные солнцем степи, без сомнения, были местом пребывания грозных варваров, делавших опустошительные нашествия на возделанные земли более умеренного пояса, когда их не сдерживала чья-либо мощная рука. Но это не были пастухи, описанные Вергилием и Помпонием Мелой, которые имели некоторые сведения об узкой полосе земли, лежащей вдоль северных берегов, но ничего не знали об остальной Африке. Мавры, о которых говорит Прокопий, вероятно, имели более общего с живущими в настоящее время внутри страны неграми, чем с самыми дикими из племен, живших на берегах Средиземного моря. Он впал в одно из свойственных ему заблуждений касательно этих дикарей. Узнавши, что они жили по ту сторону горы Авразия, в Забе (на их языке это слово оз-

начает юг), или в безымянной стране, лежащей в этом направлении, он спутал это название с тем, что знал по слухам о Северо-Западной Африке, сделал из него провинцию Римской империи, называвшуюся Mauritania Prima и дал ей столицей неизвестный город Sitiphis. К географическим указаниям таких писателей следует относиться с большой осмотрительностью. - *Издат.*)

46) В этих случаях давали скипетр, корону или шапку, белую мантию, украшенные фигурами туники и обувь; на всем этом были украшения из золота и серебра; впрочем, эти драгоценные металлы принимались не менее охотно в форме монеты (Прокопий. *Vandal.*, кн. 1, гл. 25.)

47) О том, как Соломон управлял Африкой, и о его военных подвигах рассказывает Прокопий (*Vandal.*, кн. 2, гл. 10-13, 19 - 20). Соломон был отозван, а потом снова получил ту же должность; свою последнюю победу он одержал на тридцатом году Юстинианова царствования (539 г.). Несчастье, случившееся с ним в детстве, сделало его евнухом (кн. 1, гл. II): другие римские генералы носили большие бороды (кн. 2, гл. 8).

48) Об этой врожденной антипатии лошадей к верблюдам свидетельствуют древние писатели (Ксенофонт, *Киропед.*, кн. 6, стр. 438; кн. 7, стр. 483-492, изд. Hutchinson; Polyæn *Stratagem.* VII, 6; Плиний, *Hist. Nat.*, VIII, 26; Aelian, *de Natur. Animal.*, кн. 3, гл. 7); но ежедневный опыт доказывает противное, а жители Востока, которым это должно быть лучше всех известно, смеются над этим наблюдением (*Voyage d'Olearius*, стр. 553).

49) Прокопий прежде всех описал гору Авразий (*Vandal.*, кн. 2, гл. 13; *de Edific.*, кн. 6, гл. 7). Его рассказ можно сопоставить с тем, что пишут: Leo Africanus (*dell'Africa*, parte 5, in Ramusio, tom. I fol. 77 recto), Marmol (том II, стр. 430) и Shaw (стр. 56-59). (В предисловии к своим путешествиям (стр. 28) Брюс рассказывает, что он посетил эту гору, которая носит у Птолемея название горы Ауда или Аура, а теперь называется у турок Jibbel Aures. По его словам, это "ряд самых крутых обрывов, какие только есть в Африке"; там он нашел племя, называвшееся Neardie. Подобно жившим вокруг него кабилам, оно сохраняло свою дикую независимость, свои грубые нравы и свое свирепое мужество; этот народ красивее всех других, живущих к югу от Британии; у него рыжие волосы и голубые глаза. Брюс считал этих людей за потомков тех вандалов, владычество которых над Африкой было ниспровергнуто Велисарием (См. здесь же, прим. 39). Они помнили, что их предки были христиане; но эту черту можно бы было отнести и к другим племенам, жившим там в это время. Множество развалин с латинскими надписями указывали место, где находилась древняя Ламбеза. Знаток Востока, француз Langles полагал, что находящаяся на юге от Феца гора Eyre - то же, что гора Авразий. - *Издат.*)

50) Исидор, *Chron.*, стр. 722, изд. Гроц. Mariana, *Hist. Hispan.*, кн. 5, гл. 8, стр. 173. Впрочем, по словам Исидора, осада Цейты и смерть Феуда должны быть отнесены к 536, 548 гг., а крепость защищали не вандалы, а римляне.

51) Прокопий, *Vandal.*, кн. 1, гл. 24. (Тогдашняя история Испании очень мало известна. После смерти Алариха II, приключившейся в

507 г. (см. главу XXXVIII), Теодорих поручил Феуду охранять престол малолетнего Амалариха. Это поручение Феуд исполнял с точностью до смерти несовершеннолетнего короля в 531 году; тогда бывший регент, или опекун, сам вступил на престол и царствовал до 548 года. Неизвестно в точности, какие мотивы побудили его предпринять осаду Септы (Цейты) и когда именно он начал эту осаду. По словам Марианы, она предшествовала поражению вандалов и была предпринята им в помощь. Послы Гелимера ехали очень долго и прибыли на место уже тогда, когда до Феуда дошло известие о падении Карфагена. Феуд скрыл это известие от послов, а на своем возвратном пути они были взяты в плен римлянами. Clinton F. R., 1, 726; II, 145. Mariana, V, 8. - *Издат.*)

52) См. подлинную "Хронику" Исидора; также пятую и шестую книгу "Истории Испании" Марианы. После того как вестготы снова вступили в лоно католической церкви, их король Свинтила окончательно выгнал римлян (621-626).

53) О бракосочетании и участии Амалафриды рассказывает Прокопий (Vandal., кн. 1, гл. 8, 9), а Кассиодор (Var. IX, 1) излагает жалобы ее царственного брата. Ср. "Хронику" Виктора Тунисского.

54) Либибей был построен карфагенянами (*Олимп.*, 95. 4), а во время первой Пунической войны оба воюющих народа старались им овладеть, так как он занимал очень крепкую позицию и имел прекрасную гавань.

55) Ср. следующие места в сочинениях Прокопия: Vandal., кн. 2, гл. 5; Gothic., кн. 1, гл. 3.

56) Касательно управления и характера Амаласунты см. Прокопия (Gothic., кн. 1, гл. 2-4, и "Anecdote.", гл. 16 с примечаниями Алеманна), Кассиодора (Var. 8-11, 1) и Иордана (de Rebus Geticis, гл. 59 и de Successione Regnorum in Muratori, том 1, стр. 241).

57) Бракосочетание Теодориха с сестрой Хлодвиг Аудефледой может быть отнесено к 495 году, то есть оно состоялось вскоре после завоевания Италии (De Buat, Hist. des Peuples, том IX, стр. 213). Бракосочетание Евтариха с Амаласунтой было отпраздновано в 515 году (Кассиод. in Chron., стр. 453).

58) Прокопий говорит, что когда умер Теодорих, его внуку Аталариху было около восьми лет. Кассиодор, авторитет которого имеет в этом случае большой вес, обоснованно прибавляет к этому возрасту два года - *infantulum adhuc vix decennem*.

59) Это озеро, носящее в настоящее время название Болсены, называлось в ту пору или *Vulsiniensis* или *Tarquiniensis*, по имени двух неподалеку лежащих городов Этрурии. Оно окружено беловатыми утесами и изобилует рыбой; на нем живут во множестве дикие птицы. Плиний Младший (Epist. 2, 96) говорит о двух покрытых лесом островах, плававших на его поверхности; если это вымысел, то нельзя не подивиться легковерию древних; если же это правда, то нельзя не подивиться небрежности наших современников. Впрочем, со времен Плиния эти острова могли прикрепиться к одному месту вследствие новых и постоянных наносов.

60) (Амаласунты уже не было в живых, когда этот новый посол, по имени Петр Фессалоникский, прибыл в Италию; стало быть, он не мог втайне содействовать ее умерщвлению. "Но нет ничего неправ-

доподобного в том, - говорит Sainte-Croix, - что Феодора завела какую-нибудь преступную интригу с Гунделиндой, так как эта жена Феодата писала ей письмо, в котором просила ее покровительства и уверяла ее в доверии, с которым и она сама, и ее муж всегда относились к ее прежним обещаниям" (Кассиодор, *Variar.*, кн. X, гл. 20, 21). Касательно Амаласунты и виновников ее смерти Sainte-Croix написал прекрасную диссертацию, которая помещена в "*Archives Littéraires*", издаваемых Вандербургом, № 50, том XVII, стр. 216. - Гизо.)

61) Впрочем, Прокопий подрывает доверие к своему собственному свидетельству (*Anecd.*, гл. 16), признаваясь, что в своей публичной истории не говорил правды. См. письма королевы Гунделинды к императрице Феодоре (*Var.*, X, 20, 21, 23) и обрат. внимание на подозрительные слова *de illa persona* и т. д., а также на тщательно обработанный комментарий *de Buat* (том X, стр. 177-185). (В приведенном выше примечании Гизо опустил из виду тот факт, что Петр был дважды послан из Константинополя в Италию. Возвращаясь из первой из этих поездок, он взял с собою два письма (*Var.*, X, 19 и 20), в последнем из которых Гунделинда неясно говорит о полученных ею посланиях, которые важнее того, что заключалось в письмах. Затем следует сомнительное место, на которое указал Гиббон. Эти таинственные выражения не оставляют никакого сомнения в том, что или сам Петр, или кто-либо из его свиты был снабжен тайными словесными инструкциями касательно одной особы, имя которой не было написано; все заставляет думать, что эта особа была Амаласунта. Нельзя предполагать, чтобы Кассиодор и Прокопий сговорились писать неправду, а первый из них, вероятно, и не понимал, что он писал в качестве секретаря под диктовку королевы. Таким образом, эти два писателя объясняют и подкрепляют один другого, а из их единомыслия можно сделать тот вывод, что смерть Амаласунты произошла после первого посольства Петра. Второе посольство имело иной характер и вывело наружу два письма (*Var.*, X, 22, 23), которые написаны в ином и гораздо более смиренном тоне. - *Издат.*)

62) Касательно завоевания Сицилии сравн. рассказ Прокопия с жалобами Тотилы (*Gothic.*, кн. 1, гл. 5; кн. 3, гл. 16). Готская королева незадолго перед тем оказала помощь этому неблагодарному острову (*Var.*, IX, 10, 11).

63) Древнее величие и великолепие пяти сиракузских кварталов описаны: Цицероном (*in Verrem*, actio 2, кн. 4, гл. 52, 53), Страбоном (кн. 6, стр. 415) и д'Орвиллем (*Sicula*, том II, стр. 174-202). Реставрированный Августом новый город суживался со стороны острова.

64) Прокопий (*Vandal.*, кн. 2, гл. 14, 15) так ясно описывает возвращение Велисария в Сицилию (стр. 146, изд. Hoeschelii), что я удивляюсь странной ошибке и упрекам одного ученого критика (*Oeuvres de la Mothe le Vayer*, том VIII, стр. 162, 163).

65) Древняя Альба была разрушена в первые века существования Рима. На том же самом месте или по меньшей мере неподалеку от него возникали одни за другими: 1) вилла Помпея и пр.; 2) лагерь преторианских когорт; 3) новейший город Альбанум, или Альбано (Прокоп. *Goth.*, кн. 2, гл. 4. Cluvier, *Ital. Antiq.*, том II, стр. 914).

66) Одна сивилла поспешила изречь предсказание: *Africa capta mundus cum nato peribit*; издатель оракулов *Opsoraеus* обнародовал на никому не понятном языке это предсказание, отличавшееся зловещей двусмысленностью (*Gothic.*, кн. 1, гл. 7). Иезуит *Maltret* обещал написать на этот сюжет комментарий; но все его обещания оказались неосновательными и бесплодными.

67) В своей хронологии, представлявшей в некоторой степени подражание хронологии Фукидида, Прокопий начинает с каждой весны счет годов Юстинианова царствования и готской войны; его первая эра совпадает с 1 апреля 535 года, а не 536-го, как говорится в "Летописях" Барония (*Pagi, Crit.*, том II, стр. 555, с которым соглашаются Муратори и издатели Сигония). Однако в некоторых случаях мы не в состоянии согласовать числа Прокопия ни с его собственными произведениями, ни с *Хроникой* Марцеллина.

68) Прокопий описывает первую войну с готами до взятия в плен Витигеса (кн. 1, гл. 5-29; кн. 2, гл. 1-30; кн. 3, гл. 1). С помощью Сигония (*Opp.*, том 1, de *Imp. Occident.*, кн. 17, 18) и Муратори (*Annali d'Italia*, том V) я прибавил к этому описанию несколько дополнительных подробностей.

69) Иордан, de *Rebus Geticis*, гл. 60, стр. 702, изд. Гроц и том I, стр. 221. Муратори, de *Success. Regn.*, стр. 241.

70) Нерон (по словам Тацита, *Annal.* XV, 33) *Neapolim quasi Graecam urbem delegit* (представлял Неаполь как бы греческим городом). Через сто пятьдесят лет после того, во времена Септимия Севера, Филострат восхвалял эллинизм неаполитанцев: *Icon.*, кн. 1, стр. изд. Олар.

71) Римские поэты Вергилий, Гораций, Силий Италийский и Стаций воспевали спокойствие, которым можно было наслаждаться в Неаполе (*Cluvier, Ital. Antiq.*, кн. 4, стр. 1149, 1150). В одном изящном послании (*Sylv.*, кн. 3, 5, стр. 94-98, изд. Markland) Стаций задает себе трудную задачу, стараясь уговорить свою жену, чтобы она отказалась от удовольствий Рима и переехала в это мирное уединение.

72) Это измерение было сделано Рожером I после завоевания Неаполя (1139 г.), из которого он сделал столицу своего нового королевства (*Giannone, Istoria Civile*, том II, стр. 169). Этот город, занимающий третье место в христианской Европе, имеет в настоящее время по крайней мере двенадцать миль в окружности (*Jul. Caesar. Saraccii Historia Neapol.* кн. 1, стр. 47) и содержит сравнительно с занимаемым им пространством более жителей (триста пятьдесят тысяч), чем какой-либо другой из известных нам городов.

73) Здесь идет речь не о геометрических, а об обыкновенных шагах в двадцать два французских дюйма (*D'Anville, Itinerales*, стр. 7, 8); две тысячи триста шестьдесят три шага не составляют и одной английской мили.

74) Папа Сильвер укорял Велисария за это избиение. Велисарий снова населил Неаполь и перевез колонии африканских пленников в Сицилию, Калабрию и Апулию (*Hist. Miscell.*, кн. 16, in Муратори, том 1, стр. 106, 107).

75) Беневент был построен племянником Мелеагра Диомедом (*Cluvier*, том II, стр. 1195, 1196). Охота на Калидонского вепря есть изображение жизни дикарей (*Ovid. Metamorph.*, кн. 8). Тридцать или

сорок героев нападали соединенными силами на свинью; эти дикие животные (я говорю не о свинье) ссорились с женщиной из-за головы убитого зверя.

76) Клювье странным образом смешивает Decennovium с рекой Уфентом (том II, стр. 1007). На самом деле это был канал в девятнадцать миль, который шел от Forum Appii до Террачины и по которому Гораций отплыл ночью. Decennovium, о котором упоминают Лукан, Дион Кассий и Кассиодор, был сначала уничтожен, потом реставрирован и наконец, совершенно заброшен (D'Anville, *Analyse de l'Italie*, стр. 185 и сл.).

77) Один еврей удовлетворил свое презрение и свою ненависть ко всем без различия христианам тем, что запер в отдельных тесных помещениях три кучки свиней, в каждой из которых было по десяти штук, и поставил над ними надписи: "Готы", "Греки", "Римляне". В первой кучке почти все свиньи оказались издохшими, во второй - почти все оказались живыми, в третьей - одна половина свиней умерла, а другая потеряла свою щетину. Это была довольно верная эмблема того, что случилось.

78) Bergler (*Hist. des Grands Chemins des Romains*, том I, стр. 221-228, 440-444) описывает ее постройку и материалы, а D'Anville (*Analyse d'Italie*, стр. 200-213) определяет ее географическое направление.

79) Скорее по ходу событий, чем по сведениям, которые доставляет нам извращенный или искаженный вставками текст Прокопия, можно с уверенностью определить год, в котором Велисарий в первый раз отнял Рим у варваров (536); *месяц* (декабрь) указан Эвагрием (кн. 4, гл. 19), а днем можно принять *десятое* число на основании не совсем надежного свидетельства Никифора Каллиста (кн. 17, гл. 13). Этими точными хронологическими указаниями мы обязаны усилиям и прозорливости Пажи (том II, стр. 559, 560). (По словам Клинтона (F. R. I, 766), Велисарий вступил в Рим 9 декабря. Пажи был введен в заблуждение латинским переводом Эвагрия - *Издат.*)

80) Гнедая, или рыжая, лошадь называлась у Греков psallos, у варваров - balan, у Римлян - spadix. Honesti spadices, - говорит Вергилий (Georgic., кн. 3, 72, с примечаниями Martin и Heyne.) Греч. Spadix или греч. Balon означает ветвь пальмового дерева, название которого phoinix есть синоним слова *красный* (Aulus Gellius, 2, 26). (Греческое название пальмовой ветви Balon или Bals было превращено римлянами в Bagus, или baius; этим словом обыкновенно обозначали в более поздние времена лошадь этой масти. Ducange, I, 930. Это название, вероятно, было извращено готами или вместо них Прокопием в balan, если только они употребляли его при жизни этого писателя. - *Издат.*)

81) Я принимаю слово bandalarios (греч.) не за собственное имя, а за название должности знаменосца; оно, как кажется, происходит от bandum (vexillum) - варварского слова, усвоенного и греками, и римлянами (Павел Диакон, кн. I, гл. 20, стр. 760. Grot. Nomina Gothica, стр. 575. Ducange, Gloss. Latin., том 1, стр. 539, 540). (Дюканж (Gloss. 1, 974) говорит, что усвоенное римлянами слово было bandus, от готского band, и означало hominum turba, sub certo duce vel vexillo collecta. Поэтому vexillum стали называть словом banderia или banera, которое употребляется у нас в форме banner, а знаменосца

стали называть *banderarius*. Прокопий, как кажется, изменил это последнее слово в *bandalarius*. В другом месте (*De Bell. Vand.* 2, 10) он говорит, что римляне дали название *bandophorus* Руфину, который был *vexillifer*, или знаменосцем, в армии, посланной против Гелимера. - *Издат.*)

82) В "*Mémoires de l'Académie*" за 1756 год (том XXX, стр. 198-236) d'Anville поместил план Рима в более узком, но гораздо более точном размере, чем тот, который он составил в 1738 г. для истории Роллена. Опыт пополнил его научные познания, и, вместо того чтобы пользоваться топографией России, он руководствовался новой и превосходной географической картой Нолли. Старинное измерение Плиния в тридцать миль следует сократить на восемь. Легче извернуть смысл текста, чем отодвинуть холмы или здания.

83) В 1709 году Labat (*Voyages en Italie*, том III, стр. 218) насчитал в Риме сто тридцать восемь тысяч пятьсот шестьдесят восемь христианских душ и сверх того восемь или десять тысяч евреев, - у которых, должно быть, вовсе не было душ. В 1763 году население Рима превышало сто шестьдесят тысяч.

84) Проницательный взор Нардини (*Roma Antica*, кн. 1, гл. 8, стр. 31) различил там *tumultuarie opere di Belisario*.

85) Трещина и наклонность, замеченные Прокопием в верхней части стены (*Goth.* кн. 1, гл. 13), видны и до сих пор (*Donat. Roma Vetus*, кн. 1, гл. 17, стр. 53, 54).

86) Липсию (*Opp.*, том III. *Polioret.* кн. 3) было незнакомо это ясное и замечательное указание Прокопия (*Goth.* кн. 1, гл. 21). Машина называлась *onagros* (греч.), дикий осел или *calcitrando* (*Hen. Steph. Thesaur. Linguae. Graec.*, том II, стр. 1340, 1341; том III, стр. 877). Я видел очень замысловатую ее модель, придуманную и сделанную генералом Мелвиллем и подражающую древнему искусству или даже превосходящую его.

87) Прокопий (кн. 1, гл. 25) прежде всех и лучше всех описал этот мавзолей, или молу; он возвышался над городскими стенами ... На большом плане Нолли каждая из его сторон имеет двести шестьдесят английский футов. (Нибур ("*Лекции*" 3.235) говорит: "В древнем Риме не было более колоссального здания, чем *Moles Hadriani*, о которых нам известно, что в средние века еще была цела башня со всеми своими надписями. Прокопий рассказывает, что статуя императора была снята во время осады Рима готами. Разрушители башни сделали все, что могли; но громадные массы камня до сих пор остаются на своем месте так, что в настоящее время это - самое громадное здание из всех оставленных древностью и даже величественное в своем полуразрушенном состоянии". Кстати будет заметить, что разрушителем здания был защитник Рима, а не осаждавшие город готы. - *Издат.*)

88) Пракситель был особенно искусен в изображении Фавнов, а его образцовым произведением был тот Фавн, который находился в Афинах. В настоящее время в Риме более тридцати подобных изображений. Когда ров Св. Ангела был вычищен при Урбане VIII, работники нашли спящего Фавна, находящегося теперь во дворце Барберини; но у этой прелестной статуи отломаны нога, бедро и правая рука (Винкельман, *Hist. de l'Art*, том II, стр. 52, 53; том III, стр. 265).

89) Прокопий всех лучше описал храм традиционного божества Лациума Януса. (Heune, Excurs. 5 ad кн. 7 "Энеиды".) Во времена Ромула и Нумы это были городские ворота (Nardini, стр. 13, 256, 329). Вергилий описал древний обряд открытия храма и как поэт, и как антикварий (в своих "Лекциях" (1. 187) Нибур так объясняет назначение древнего храма Януса: "Старый Рим стоял на Палатинском холме, а Ромуловское Ротондум было окружено не стенами, а валом и рвом. В то время на Квиринале и на Тарпейских утесах стоял Сабинский город, у которого также было свое *Помериум*. Между двумя валами и рвами шла дорога - *Vix Sacra*. На ней стояла застава - *Janus Quirini*, которая имела две лицевые стороны - одну со стороны римского города, а другую со стороны сабинского; эта застава запиралась в мирное время, для того чтобы между двумя городами не было никаких сношений; но она отпиралась во время войны, потому что эти города были обязаны по договору помогать один другому". - *Издат.*)

90) *Vivarium* был угол в новой стене, огороженный со всех сторон для содержания диких зверей (Прокопий, Goth. кн. 1, гл. 23). Это место еще заметно у Нардини (кн. 4, гл. 2, стр. 159, 160) и на большом плане Рима, изданном Нолли.

91) Касательно римских труб и разнообразной манеры трубить можно найти сведения в сочинении Липсия "*de Militia Romana*" (Opp., том III, кн. 4. Dialog. 10, стр. 125-129). Велисарий последовал совету Прокопия подавать сигнал к атаке медными трубами кавалерии, а сигнал к отступлению сделанными из кожи и легкого дерева трубами пехоты (Goth., кн. 2, гл. 23).

92) Прокопий (Goth. кн. 2 гл. 3) позабыл назвать эти водопроводы, и ни в сочинениях Frontinus'a, Fabretti и Eschinard'a (*de Aquis* и *de Agro Romano*), ни на ландкартах Lameti и Cingolani нет никаких ясных указаний на это двойное скрещивание в столь близком расстоянии от Рима. В семи или восьми милях от города (в пятидесяти стадиях), на пути к Альбано, промеж дорог Латинской и Аппиевой, видны остатки водопровода (вероятно, Септимиева), состоящие из ряда (длиною в шестьсот тридцать шагов) арок, имеющих двадцать пять футов в высоту...

93) Они делали сосиски... из мяса мулов, которое было вредно для здоровья, если эти животные пали от заразной болезни. Впрочем, в Болонье ее знаменитые сосиски, как говорят, делаются из ослиного мяса (*Voyages de Labat*, том II, стр. 218).

94) Названия и дворца, и холма, и близлежащих ворот происходили от племени сенатора Пинчия. Некоторые остатки храмов и церквей разбросаны в саду францисканцев в *Trinita del Monte* (Nardini, кн. 4, гл. 7, стр. 196. Eschinard, стр. 209, 210, старый план Buffalino и большой план Nolli). Велисарий поселился промеж ворот *Pincia* и *Salaria* (Прокоп., Goth., кн. 1, гл. 15).

95) Из упоминания *opritum et secundum velum*, как кажется, следует заключить, что Велисарий, даже во время осады, держал себя как представитель императора и соблюдал пышный церемониал Византийского дворца.

96) Об этом святотатстве Прокопий (Goth. кн. 1, гл. 25) упоминает в немногих словах и неохотно. Рассказы Либерата (*Breviarium*, гл. 22) и Анастасия (*de Vit. Pont.*, стр. 39) характеристичны, но пристрастны.

Послушайте, с каким омерзением говорит об этом кардинал Бароний (A.D. 536, № 123; A.D. 538, № 4 -20): *portentum, facinus omni execratione dignum*.

97) Старинные Капенские ворота были перенесены при Аврелиане на то место, где находятся в наше время ворота св. Себастиана, или поблизости от него (см. план Нолли). Это замечательное место было освящено рощей Эгерии (Эгерия - итальяйская нимфа одноименного источника и супруга второго римского царя Нумы Помпилия, который именно по ее совету провел в Риме своего рода религиозные реформы. После смерти Нумы Эгерия превратилась в источник. - *Прим. ред.*), воспоминаниями о Нуме, триумфальными арками, гробницами Сципионов, Метелов и пр.

98) В выражениях Прокопия слышится зависть... (Goth. кн. 2, гл. 4). А между тем речь шла о женщине.

99) Анастасий (стр. 40) сохранил эпитет *Sanguinarius*, который мог бы сделать честь тигру.

100) Это происшествие описано в публичной истории Прокопия (Goth., кн. 2 гл.8) скромно или осторожно, а в "Анекдотах" (гл.7) со злорадством или без стеснений; но Марцеллин или, вернее, продолжатель его хроники набрасывает на смерть Константина подозрение в предумышленном убийстве. Этот Константин оказал полезные услуги в Риме и в Сполето (Прокоп., Goth., кн.1, гл. 7, 14); но Алеманн смешивает его с другим Константином, который был *comes stabuli*.

101) После его отъезда они отказались от службы, продали готам своих пленников и свой рогатый скот и поклялись, что впредь никогда не будут сражаться против них. Прокопий делает интересное отступление для описания нравов и приключений этих кочевников, часть которых окончательно переселилась в Фулу (о. Туле. - *Ред.*) или в Скандинавию (Goth., кн. 2, гл. 14, 15). (В этом отступлении Прокопий нагромоздил столько басен и вымыслов, что оно не может считаться за заслуживающее доверия подспорье к истории герулов. Об их происхождении он знает только то, что они пришли из-за Дуная. В их приключениях нет ничего такого, что не могло бы случиться с отрядами *кондотьеров*, с которыми они, как полагают, имели большое сходство (гл. XXXIX), а прежде чем поверить их переселению в Фулу, следует доказать действительное существование этого удивительного острова, превосходящего своими размерами Британию вдесятеро. Прокопий наполняет свой рассказ удивительными подробностями касательно этого острова и тем внушает недоверие к другим своим рассказам. - *Издат.*)

102) *La Mothe-Le-Vayer* (том VIII, стр. 163-165) оскорбился этим обвинением целого народа в вероломстве (Прокоп., Goth., кн. 2, гл. 25); из его критики произведений греческого писателя можно бы было заключить, что он никогда их не читал.

103) Бароний одобряет его измену и оправдывает католических епископов - *qui ne sub heretico principe degant omnem lapidem movent*. Поистине полезная предосторожность! Более благоразумный Мура-тори (*Annali d'Italia*, том V, стр. 54) намекает на виновность в клятвопреступлении и по крайней мере порицает *неблагоразумие* Дация.

104) Св. Даций имел более успеха в борьбе с чертями, чем в борьбе с варварами. Он путешествовал с многочисленной свитой и занимал в Коринфе обширный дом (Baronius, A.D. 538, № 89; A.D. 539, № 20.)

105) Myraides triakonta (греч.) (Сравн. Прокопия, Goth., кн. 2 гл. 7, 21). Однако нет возможности поверить, чтобы там было такое многочисленное население, и хотя Милан считается вторым или третьим городом Италии, он не должен сетовать на нас, если мы отбросим в этой цифре ноль. И Милан, и Генуя оправились менее чем через тридцать лет (Paul. Diacon., de Gestis Langobard., кн. 2, гл. 38). (Это примечание должно поколебать наше доверие к древним историкам, когда они приводят какие-либо цифры или определяют размеры победы или поражения. - *Издат.*)

106) Кроме Прокопия, который, быть может, не в меру доброжелательствовал римлянам, см. "Хроники" Мария и Марцеллина, Иордана (In success. Regn. in Muratori, том 1, стр. 241) и Григория Турского (кн. 3, гл. 32, во втором том "Historiens de France"). Григорий полагает, что Велисарий был разбит, а Эмоин (de Gestis Franc., кн. 2, гл. 23, в томе III, стр. 59) говорит, что он был убит франками. (Автор или компилятор сочинения "de Gestis Francorum" был бенедиктинский монах, живший в аббатстве Fleury sur la Loire. После его смерти, какой-то анонимный писак продолжал его историю и делал в первой части много вставок. Все это произведение наполнено неточностями и бессмыслицами, на некоторые из которых указали: Pasquier в своих "Recherches" (кн. 5, гл. 27) и Le Comte (Annal. Ap. 654, п. 25-27. - *Издат.*)

107) Agathias, кн. 1, стр. 14, 15. Греческий историк полагает, что если бы ему и удалось склонить на свою сторону или покорить живших в Паннонии гепидов или лангобардов, он все-таки погиб бы во Фракии.

108) Я не намерен блуждать в лабиринте различных пород и названий - зубров, буйволов, бизонов, африканских оленей, диких быков и пр. (Buffon, Hist. Nat., том XI и приложение, том III, VI); могу только заметить, что в шестом столетии в обширных Вогецких лесах в Лотарингии и в Арденнских горах охотились за какими-то дикими породами рогатого скота, который был громадной величины (Григ. Тур., том II, кн. 10, гл. 10, стр. 369).

109) Король бросил в быка свое копьё; тогда бык повалил на его голову дерево, и он испустил дух в тот же день. Таков рассказ Агафия; но подлинные французские историки (том II, стр. 202, 403, 558, 667) приписывают его смерть лихорадке.

110) Во время осады Ауксимуа он сначала старался разрушить старинный водопровод, а затем стал бросать в воду мертвые тела, вредные растения и негашеную известь, которая (по словам Прокопия, кн. 2, гл. 29) прежде называлась titonos (греч.) ,а потом hasbestos (греч.) Но Galen в "Dioscorides" и Lucian употребляют эти два слова как синонимы (Hen. Steph. Thesaur. Ling. Graec., том III, стр. 748).

111) При ясном философском взгляде на этот предмет, ограничение прав войны должно представляться чем-то похожим на бессмыслицу и на противоречие. Сам Гроций теряется в бесплодном старании установить различие между jus naturae и jus gentium, между отравле-

нием и заражением. На одну сторону весов он кладет некоторые места из произведений Гомера (Одис. I. 259 и пр.) и Флора (кн. 2, гл. 20, № 7, ult.), а на другую - примеры Солона (Pausanias, кн. 10, гл. 37) и Велисария. См. его капитальное сочинение "De Jure Belli et Pacis", кн. 3, гл. 4, отд. 15-17 и в переводе Барбейрака том II, стр. 257 и пр. Тем не менее я признаю пользу и обязательную силу такого словесного или письменного соглашения, которое запрещало бы некоторые способы ведения войны. См. клятву Амфикионов у Эсхина, de Falsa Legatione.

112) Готы подозревали, что Матасуинта была соучастницей в этом поджоге, который, быть может, случайно произошел от молнии.

113) Равенна была взята не в 540 году, а в самом конце 539 года, а ошибку Пажи (том II, стр. 569) исправил Муратори (Annali d'Italia, том V, стр. 62), который доказывает на основании подлинного акта, написанного на папирусе (Antiquit. Italiae Medi Aevi, том II, dissert. 32, стр. 999-1007. Maffei, istoria Diplom., стр. 155-160), что мирные и свободные сношения между Равенной и Фаэнцой были восстановлены прежде 3 января 540 года.

114) Он был задержан Иоанном Кровожадным; но ему дали в Basilica Julii клятву или торжественное обещание, что его жизнь не подвергается опасности (Hist. Miscell., кн. 17, in Muratori, том I, стр. 107). Рассказ Анастасия (in Vit. Pont., стр. 40) не ясен, но правдоподобен. Маску ("Ист. Германцев", XII, 21) говорит, со слов Монфокона, об освященном щите, на котором изображено взятие Витигеса в плен и который находится в настоящее время в коллекции г-на Ланди в Риме.

115) Витигес прожил в Константинополе два года и imperatoris in affectu convictus (или conjunctus) rebus excessit humanis. Его вдова Матасуинта вышла замуж за патриция Германа, от которого имела сына, который также назывался Германом и также был патрицием; этим браком она связала узами родства род Аникиев с родом Амалиев (Иордан, гл. 60, стр. 221, in Muratori, том I).

116) Прокопий, Goth., кн. 3, гл. 1. Живший в одиннадцатом столетии французский монах Эмоин добыл и извратил некоторые достоверные сведения о Велисарии; он упоминает от имени Велисария о двенадцати тысячах pueri или рабов quos propriis alimus stipendiis и, кроме того, о восемнадцати тысячах солдат (Historiens de France, том 3. De Gestis Franc., кн. 2, гл. 6, стр. 48).

117) Несмотря на свое старание, Алеманн прибавляет очень мало нового к четырем первым главам "Анекдотов", которые всех более интересны. В этих странных "Анекдотах" одна часть может считаться заслуживающей доверия потому, что она правдоподобна, а другая - потому что она неправдоподобна. Первая состоит из таких фактов, о которых Прокопий должен был иметь точные сведения, а вторая из таких которые он едва ли мог выдумать.

118) Прокопий (Anecd., гл. 4) намекает на то, что, когда Велисарий возвратился в Италию (543 г.), Антонине было шестьдесят лет. Делая некоторую натяжку, мы могли бы придать его фразе более изящную конструкцию и отнести эту цифру к тому времени, когда он писал (559 г.); это было согласно с тем указанием, что Фотий достиг возмужалости (Gothic., кн. 1, гл. 10) в 536 году.

119) Ср. описание войны с вандалами (кн. 1, гл. 12) с "Анекдотами" (гл.1) и с тем, что говорит Алеманн (стр. 2, 3). Этот способ усыновлять путем крещения был снова введен в обыкновение Львом Философом.

120) В ноябре 537 г. Фотий арестовал папу (Liberat. Brev., гл. 22, Pagi, том II, 562). В конце 539 года Велисарий посылал Феодосия... в Равенну с важным и выгодным поручением (Goth., кн. 2 гл.18).

121) Феофан (Chronograph., стр. 204) говорит, что его звали Photinus и что он был зять Велисария; а со слов Феофана говорят то же самое "Historia Miscella" и Анастасий.

122) Продолжатель "Хроники" Марцеллина выразил в немногих приличных словах существенное содержание "Анекдотов": *Belisarius de Oriente evocatus, in offensam periculumque Incurrens grave, et invidiae subiacens, rursus remittitur in Italiam* (стр. 54).

ГЛАВА XLII

Положение варварских стран. — Поселение лангобардов на Дунае. — Славянские племена и их нашествия. — Происхождение турок, их могущество и посольства. — Бегство авар. — Персидский царь Хосров I, или Ануширван. — Его благополучное царствование и войны с римлянами. — Война в Колхиде, или Лазике. — Эфиопы.

При оценке личных достоинств того или другого человека мы соображаем с теми свойствами, которые присущи всем людям вообще. Подвиги гения или добродетели, как в практической жизни, так и в умозрительной, измеряются не столько своей действительной высотой, сколько тем, насколько они возвышаются над уровнем века и страны, так что тот же самый высокий рост, который показался бы незначительным среди гигантов, показался бы необычайным среди пигмеев. Леонид и его триста товарищей пожертвовали своею жизнью при защите Фермопил, но это достопамятное самопожертвование было подготовлено и, так сказать, обеспечено воспитанием, которое они получили в детстве, в юношестве и в зрелом возрасте, и каждый спартанец стал бы скорей одобрять, чем превозносить, такое исполнение долга, на которое были одинаково способны и он сам, и восемь тысяч его сограждан¹⁾. Великий Помпей мог надписать на своих трофеях, что он разбил в генеральных сражениях два миллиона неприятелей и взял тысячу пятьсот городов на пространстве между Меотийским заливом и Черным (Красным) морем²⁾; но его орлам указывала путь фортуна Рима; народы, которые ему покорялись, были побеждены своим собственным страхом, а непобедимые легионы, которыми он предводительствовал, воспитались в привычке побеждать и в соблюдении упроченной веками дисциплины. Ввиду этого личность Велисария следует ставить выше всех героев древних республик. Его недостатки проистекали от нравственной испорченности его времени, но его добродетели принадлежали ему самому; они были ему даны или природой, или размышлением; он возвысился сам, без наставников и без соперников, а вверенные ему военные силы были до такой степени

несоразмерны с тем, что ему поручали исполнить, что единственными выгодами на его стороне были те, которые он мог извлекать из гордости и самомнения своих противников. Под его предводительством, подданные Юстиниана нередко оказывались достойными названия римлян; но высокомерные готы, делавшие вид, будто стыдятся вступать в борьбу за обладание Италией с народом, состоящим из трагических актеров, пантомимов и пиратов³⁾, давали им презрительное название греков, обозначавшее отсутствие воинских доблестей. Действительно, климат Азии всегда был менее благоприятен, чем климат Европы, для развития воинственных наклонностей; многочисленные восточные страны были обессилены роскошью, деспотизмом и суевериями, а монахи обходились там дороже солдат и были многочисленнее этих последних. Регулярная армия императоров когда-то доходила до шестисот сорока пяти тысяч человек, а во времена Юстиниана она уменьшилась до ста пятидесяти тысяч, и даже эти военные силы могли бы считаться значительными, если бы они не были разбросаны небольшими отрядами на морях и на суше - по Испании и Италии, по Африке и Египту, вдоль Дуная, по берегам Евксинского моря и по границам Персии. Денежные средства граждан истощились, а солдат все-таки не получал своего жалованья; его бедственное положение облегчалось тем, что ему давали злобное дозволение грабить и жить в праздности; а запоздавшее жалованье задерживалось и присваивалось теми бесчестными агентами, которые извлекают выгоды из войны, не тратя своего мужества и не подвергая себя никаким опасностям. Бедствия, постигавшие общество и частных людей, доставляли рекрутов для армий; но в поле и в особенности в присутствии неприятеля состав этих армий всегда оказывался неполным. Упадок народного мужества возмещался ненадежной преданностью и беспорядочною службой варварских наемников. Даже чувство воинской чести, так часто переживавшее утрату доблестей и свободы, почти совершенно угасло. Военачальники, число которых возросло до небывалых в прежние времена размеров, заботились только о том, как бы помешать успеху своих сотоварищей или замарать их репутацию, а собственный опыт привел их к тому убеждению, что их личные заслуги могут возбудить в императоре зависть, но что он отне-

сется с благосклонною снисходительностью к их ошибкам и даже к их преступлениям⁴⁾.

В таком веке триумфы Велисария, а потом триумфы Нарсеса блистали таким ярким блеском, которому давно уже не было ничего подобного; но позор и общественные бедствия набрасывали на эти триумфы самую мрачную тень. В то время как наместник Юстиниана покорял владения готов и вандалов, император⁵⁾, который хотя и был честолюбив, но был труслив, старался вооружить одних варваров против других, прибегал к лести и к обману, чтобы разжигать их распри и своей терпеливостью и щедростью вызывал их на повторение прежних насилий⁶⁾. Ключи от Карфагена, Рима и Равенны были поднесены их завоевателю в то время, как Антиохия была разрушена персами и Юстиниан трепетал за безопасность Константинополя.

Даже победы Велисария над готами оказались вредными для государства, так как они ниспровергли преграду, которая охраняла империю со стороны Верхнего Дуная и которую так усердно поддерживали Теодорих и его дочь. Чтобы защищать Италию, готы очистили Паннонию и Норик, которые были ими оставлены в мирном и цветущем положении; римский император предъявил свои права на обладание этими провинциями, а действительная над ними власть была предоставлена тому, кто прежде всех попытался бы захватить ее силой. На противоположном берегу Дуная равнины Верхней Венгрии и возвышенности Трансильвании были заняты, со смерти Атиллы, племенами гепидов, которые преклонялись перед военным могуществом готов и презирали, конечно, не золото римлян, но тайные мотивы, из-за которых им ежегодно уплачивались денежные субсидии. Эти варвары немедленно заняли покинутые готами укрепления Дуная и водрузили свои знамена на стенах Сирмия и Белграда, а насмешливый тон их оправданий усиливал оскорбление, которое они нанесли достоинству империи. "Ваши владения, о Цезарь, так обширны, а ваши города так многочисленны, что вы постоянно ищите таких народов, которые могли бы уступить эти бесполезные владения путем мирного соглашения или вследствие войны. Гепиды - ваши храбрые и верные союзники; если же они заранее вступили в обладание приготовленным для них подарком, то они этим лишь доказали свое основательное доверие к вашей щедрости". Для их само-

надеянности послужил оправданием тот способ мщения, к которому прибегнул Юстиниан. Вместо того чтобы отстаивать права монарха, на котором лежит обязанность охранять своих подданных, император пригласил чужестранцев вторгнуться в лежавшие между Дунаем и Альпами римские провинции и поселиться в них; таким образом, честолюбию гепидов были противопоставлены зараждавшееся могущество и постоянно увеличивавшаяся слава лангобардов⁷⁾. Извращенное название *ломбардов* было введено в тринадцатом столетии в употребление потомками этих диких воинов - итальянскими купцами и банкирами; но их первоначальное название было лангобарды и служило выражением их манеры носить особенно длинные бороды. Я не намерен ни опровергать, ни доказывать их скандинавское происхождение⁸⁾; я также не намерен следить за странствованиями лангобардов по неизвестным странам и за их необыкновенными приключениями. Около времен Августа и Траяна луч света начал разгонять мрак, покрывавший их прошлое, и первые сведения об их существовании относятся к тому времени, когда они жили между Эльбой и Одером. Будучи еще более свирепы, чем германцы, они старались поддерживать наводившее ужас убеждение, будто их головы имеют форму собачьих голов и будто они пьют кровь своих врагов, убитых на поле сражения. Их малочисленность восполнялась тем, что они усыновляли самых храбрых рабов, и, несмотря на то что они были окружены могущественными соседями, они умели без посторонней помощи отстаивать свою гордую независимость. Во время бури, разразившийся над Севером и смывшей с лица земли столько имен и народов, маленький челнок лангобардов удержался на поверхности воды; они мало-помалу спустились к югу и к Дунаю и, по прошествии четырехсот лет, снова выступили на сцену с прежним мужеством и с прежнею славой. Их нравы не утратили прежней свирепости. Умерщвление царственного гостя было совершено в присутствии и по приказанию королевской дочери, которую тот оскорбил на словах и разочаровал своим маленьким ростом; а брат убитого, король герулов, обложил лангобардов данью в наказание за это преступление. Несчастья пробудили в них чувства скромности и справедливости, а жившие в южных провинциях Польши герулы были наказаны за наглость пользования своими успехами тем, что понесли решительное по-

ражение и окончательно рассеялись в разные стороны⁹⁾. Победы лангобардов доставили им дружбу императора, и они перешли, по просьбе Юстиниана, через Дунай для того, чтобы покорить - согласно с заключенным трактатом - города Норика и крепости Паннонии. Но склонность к грабежу скоро увлекла их за черту указанных им широких границ; они достигли вдоль берегов Адриатического моря до Диррахия, а их грубая фамильярность доходила до того, что они проникали в города и в дома своих римских союзников, чтобы забирать вырвавшихся из их рук пленников. Лангобарды отклоняли от себя ответственность за эти неприязненные действия, приписывая их самовольству каких-нибудь искателей приключений, а император их извинял; но им скоро пришлось выдержать более серьезную борьбу, длившуюся тридцать лет и окончившуюся лишь после совершенного истребления гепидов. Эти два народа нередко защищали свои интересы перед тронем константинопольского монарха, а лукавый Юстиниан, для которого все варвары были почти одинаково ненавистны, постановлял пристрастные и двусмысленные приговоры и, чтобы продлить борьбу, оказывал им запоздалую и неудовлетворительную помощь. Военные силы обеих сторон были очень значительны, так как лангобарды, выведившие на поле сражения несколько *мириад* воинов, просили покровительства римлян, ссылаясь на то, что они слабее своих противников. И те и другие были неустрашимы; тем не менее личная храбрость так ненадежна, что обе армии были внезапно поражены паническим страхом; они бежали одна от другой, и среди пустой равнины остались лишь их короли, окруженные своими телохранителями.

Было заключено непродолжительное перемирие; но в них снова разгорелась взаимная ненависть, а вследствие их желания загладить свое постыдное бегство следующее сражение было более прежних упорно и кровопролитно. Сорок тысяч варваров погибли в решительной битве, которая уничтожила множество гепидов, направила в другую сторону опасения и заискивания Юстиниана и впервые обнаружила дарования юного лангобардского принца и будущего завоевателя Италии Альбоина¹⁰⁾.

Дикие племена, которые, во времена Юстиниана, жили или бродили на равнинах России, Литвы и Польши, могут быть разделены на две большие семьи - на *болгар*¹¹⁾ и *сла-*

вян. Первые из них, по словам греческих писателей, достигали берегов Евксинского моря и Меотийского залива и получили свое название от гуннов, от которых вели свое происхождение, и нам нет надобности снова рисовать безыскусственную и хорошо известную картину татарских нравов. Они были смелыми и ловкими стрелками; они пили молоко своих кобыл и ели мясо своих быстроногих и неустомимых коней; их стада крупного и мелкого скота следовали за их передвижными лагерями или, вернее, руководили этими передвижениями; никакая страна не была слишком далека или недоступна для их нашествий, и, хотя им было незнакомо чувство страха, они умели спастись бегством от неприятелей. Племя разделилось на два могущественных и враждовавших одно с другим племени, которые старались вредить одно другому с братской ненавистью. Они горячо ссорились из-за милостивого расположения или, вернее, из-за подарков императора, а один посол, получивший из уст своего безграмотного государя лишь словесные инструкции, отличал эти два племени одно от другого теми же особенностями, какими природа отличила преданную собаку от хищного волка¹²⁾. Болгары всех наименований чувствовали одинаковое влечение к римским богатствам; они присваивали себе какое-то неопределенное господство над всем, что носило имя славян, а их быстрое наступательное движение могло быть остановлено лишь Балтийским морем и чрезвычайным холодом и бедностью северных стран. Но та же самая раса славян, как кажется, во все века удерживала за собою господство над теми же самыми странами. Их многочисленные племена, как бы они ни были отдалены одно от другого или как бы ни была сильна между ними вражда, говорили одним языком (который был груб и необработан) и распознавались по своему наружному сходству; они не были так смуглы, как татары, и, как по своему росту, так и по цвету лица, имели некоторое сходство с германцами. Четыре тысячи шестьсот их деревень¹³⁾ были разбросаны по теперешним провинциям России и Польши, а их хижины строились на скорую руку из неотесанных бревен, так как на их родине не было ни камня, ни железа. Эти хижины строились или, вернее, скрывались в глубине лесов, на берегах рек или на краю болот, и мы сделаем им честь, если сравним их с постройками бобров; подобно этим последним, они имели по два выхода - один на су-

шу, а другой в воду, для того чтобы облегчать бегство их диких обитателей, которые были менее опрятны, менее трудолюбивы и менее общительны, чем те удивительные четвероногие. Своим грубым довольством славяне были обязаны не столько своему трудолюбию, сколько плодородию почвы. Их овцы и рогатый скот были крупны и многочисленны, а поля, которые они засеивали пшеницей и птичьим просом¹⁴⁾, доставляли им, вместо хлеба, грубую и менее питательную пищу. Хищничество соседей заставляло их закапывать в землю свои сокровища, но лишь только появлялся между ними чужеземец, они охотно делились с ним тем, что имели, и, несмотря на некоторые дурные черты в своем характере, отличались целомудрием, терпеливостью и гостеприимством. Они чтили за верховное божество невидимого громовержца. Рекам и нимфам воздавались второстепенные почести, а народный культ состоял из клатвенных обетов и жертвоприношений.

Славяне находили унижительным повиновение деспоту, монарху или даже должностному лицу; но их опытность была так ограничена, а их страсти так непреклонны, что они не были в состоянии ввести у себя одинаково для всех обязательные законы или организовать систему народной обороны. Преклонным летам и храбрости оказывалось в некоторой степени добровольное уважение; но каждое племя или селение имело вид самостоятельной республики, и так как никто не хотел повиноваться, то сила была в руках тех, кто умел убеждать. Они сражались пешими и почти нагими и не носили никаких оборонительных доспехов, кроме тяжелого щита; оружием для нападения служили для них лук, колчан с маленькими отравленными стрелами и длинная веревка, которую они ловко закидывали издали и затягивали на неприятеле в петлю. В сражениях пехота славян была страшна быстротою своих движений, своей ловкостью и смелостью: они плавали, ныряли и могли долго оставаться под водой при помощи выдолбленных тростниковых палочек, сквозь которые вдыхали в себя воздух, так что нередко устраивали засады в реках или в озерах. Но это были подвиги, приличные лазутчикам и мародерам, а с военным искусством славяне были вовсе не знакомы; их имя не пользовалось известностью, а их завоевания были бесславны¹⁵⁾.

Я набросал в общих чертах легкий очерк славян и болгар, не пытаясь определить их взаимные границы, которых сами варвары в точности не знали и которыми они нисколько не стеснялись в своих передвижениях. Их значение измерялось тем, как далеко они жили от границ империи, а равнины Молдавии и Валахии были заняты славянским племенем антов¹⁶⁾, которое доставило Юстиниану возможность прибавить к его титулам еще один блестящий эпитет¹⁷⁾. Против этих антов были воздвигнуты Юстинианом укрепления на Нижнем Дунае, и он постарался приобрести союзников в народе, жившем в той самой местности, через которую направлялся поток северных варваров и которая занимала пространство в двести миль между горами Трансильвании и Евксинским морем. Но у антов не было ни сил, ни охоты сдерживать ярость этого потока и легковооруженные славяне из сотни различных племен шли по стопам болгарских всадников, почти ни на шаг от них не отставая. Уплата одной золотой монеты за каждого солдата обеспечивала им безопасное и удобное отступление через владения гепидов, в руках которых была переправа через Верхний Дунай¹⁸⁾. Надежды или опасения варваров, их единодушие или вражда, замерзание или мелководье рек, желание присвоить себе обильную жатву или обильный сбор винограда, благосостояние или бедственное положение римлян - вот те причины, которые вызывали однообразное повторение ежегодных нашествий¹⁹⁾, недостаточно интересных, чтобы служить сюжетом для подробного описания, но губительных по своим последствиям. Тот же самый год и, быть может, тот же самый месяц, в котором сдалась Равенна, ознаменовался таким страшным нашествием гуннов или болгар, что оно почти совершенно изгладило воспоминания об их прежних набегах. Они рассеялись на всем пространстве от предместий Константинополя до Ионийского залива, разрушили тридцать два города или укрепленных замка, срыли Потидею, которую построили афиняне и которую осаждал Филипп, и перешли обратно через Дунай, влача привязанными к хвостам лошадей сто двадцать тысяч Юстиниановых подданных. В следующем нашествии они пробились сквозь стену Фракийского Херсонеса, уничтожили и жи-

лица, и их обитателей, смело переправились через Геллес-понт и возвратились домой с награбленной в Азии добычей. Другой отряд, который римляне приняли за сонмище варваров, беспрепятственно проник от Фермопильского ущелья до Коринфского перешейка, а история отнеслась к окончательному падению Греции как к такому мелочному событию, которое недостойно ее внимания. Укрепления, которые император возводил для защиты своих подданных, конечно на их счет, служили лишь к тому, что обнаруживали слабость других, незащищенных пунктов, а стены, которые выдавались лестью за неприступные, или были покинуты своими гарнизонами, или были взяты варварами приступом. Три тысячи славян, имевших смелость разделить на два отряда, обнаружили слабость и бедственное положение империи в это богатое триумфами царствование. Они перешли через Дунай и через Гебр, разбили римских полководцев, осмелившихся воспротивиться их наступлению, и безнаказанно ограбили города Иллирии и Фракии, из которых каждый имел достаточно оружия и жителей, чтобы раздавить эту ничтожную кучку неприятелей. Как бы ни казалась достохвальной такая отвага славян, она была запятнана крайней и предумышленной жестокостью, с которой они обходились со своими пленниками. Они, как рассказывают, сажали этих пленников на кол, или сдирали с них кожу без различия званий, возраста и пола, или били их дубинами до тех пор, пока они не умирали, или запирали их в какое-нибудь просторное здание и там сжигали их вместе с той добычей и тем рогатым скотом, которые могли бы затруднить передвижения этих варварских победителей²⁰). Более беспристрастные рассказы, быть может, уменьшили бы число этих ужасных деяний и смягчили бы то, что в них было самого отвратительного; а в иных случаях для них, может быть, могли бы служить оправданием безжалостные законы возмездия.

При осаде Топира²¹), который довел славян до иступления своим упорным сопротивлением, они умертвили пятнадцать тысяч жителей мужского пола, но пощадили женщин и детей; самых ценных пленников они обыкновенно берегли для того, чтобы употреблять их на работы или требовать за них выкупа; эта рабская зависимость была не особенно обременительна, и пленников скоро выпускали на свободу за уме-

ренную плату. Но Прокопий, в качестве Юстинианова подданного или историка, выражавший свое справедливое негодование в форме жалоб и упреков, положительно утверждал, что в течение тридцатидвухлетнего царствования каждое *ежегодное* нашествие варваров уничтожало двести тысяч жителей Римской империи. Все население европейской Турции, почти в точности соответствующей объему Юстиниановых провинций, едва ли составляет те шесть миллионов людей, которые оказываются в итоге этого неправдоподобного вычисления²²⁾. Среди этих покрытых мраком общественных бедствий Европа почувствовала сотрясение от переворота, который впервые познакомил ее с именем турок и с существованием турецкой нации. Тот, кто положил основание могуществу этого воинственного народа, был, подобно Ромулу, вскормлен волчицей и благодаря ей оставил после себя многочисленное потомство, а изображение этого животного на турецких знаменах сохраняло воспоминание или, вернее, давало понятие о басне, которая была выдумана, без всякого предварительного уговора, и латинскими пастухами, и скифскими. Хребет гор, находящийся на одинаковом расстоянии в две тысячи миль от морей Каспийского, Ледовитого, Китайского и Бенгальского, составляет центр Азии и едва ли не самую высокую ее возвышенность, а на языках различных народов он носит названия Имауса, Кафа²³⁾, Алтая, Золотых гор и Земного пояса. Склоны гор были богаты минералами, а турки, составлявшие самый презренный разряд рабов великого хана геугов, ковали²⁴⁾ там железо для военных потребностей. Но их рабство могло продолжаться только до тех пор, пока не появился между ними отважный и красноречивый вождь, убедивший своих соотечественников, что то же самое оружие, которое они ковали для своих повелителей, могло сделаться в их собственных руках орудием свободы и победы. Тогда они вышли из своих гор²⁵⁾, за добрый совет наградили своего вождя скипетром, а ежегодная церемония, заключавшаяся в том, что монарх и дворяне поочередно ударяли кузнечным молотом по раскаленному куску железа, напоминала следующим поколениям о низкой профессии и об основательной гордости их предков. Их первый вождь, по имени Бертезена, выказал их храбрость и свою собственную в успешной борьбе с соседними племенами; но когда он осмелился просить у великого хана руки его дочери, это дерзкое

предложение раба и ремесленника было отвергнуто с презрением. Эту обиду загладил более блестящий брачный союз с одной китайской принцессой, а решительная битва, окончившаяся почти совершенным истреблением геугов, утвердила в Татарии более грозное владычество турок. Они владывались над Севером, но их неизменная привязанность к тем горам, среди которых жили их предки, была с их стороны сознанием того, что их завоевания были бесплодны. Царский лагерь редко раскидывался так далеко, что терялись из виду Алтайские горы, из которых вытекает река Иртыш, для того чтобы орошать богатые пастбища, на которых калмыки²⁶⁾ разводят самых крупных во всем мире овец и быков. Почва там плодородна, а климат мягок и умерен; эта благодатная страна не знала ни землетрясений, ни моровой язвы; трон императора был обращен к Востоку, а золотой волк, сидевший на верхушке копья, по-видимому, охранял вход в палатку. Один из преемников Бертезены соблазнился роскошью и суевериями китайцев, но простой здравый смысл одного из его варварских советников отклонил его от намерения строить города и храмы. "Турки, - сказал он, - не равняются своим числом и десятой части жителей Китая. Если мы в состоянии не поддаваться им и избегать встречи с их армиями, это благодаря тому, что мы не имеем постоянных жилищ и бродим с места на место, занимаясь войной и охотой. Если мы сильны, мы подвигаемся вперед и завоевываем; если мы слабы, мы отступаем и скрываемся. Если же турки запрутся внутри городских стен, потеря одного сражения уничтожит их могущество. Бонзы поучают только терпению, смирению и отречению от мира. Но это не религия героев". Они охотнее усваивали учение Зороастра; но большая часть племени придерживалась, без всякой критической проверки, тех мнений или, вернее, тех обрядов, которые были ей завещаны предками. Почести жертвоприношений оказывались лишь верховному Божеству; поклонение воздуху, огню, воде и земле выражалось пением грубых гимнов, а их духовенство извлекало некоторые денежные выгоды из умения ворожить. Их неписанные законы были строги и беспристрастны: воровство наказывалось взысканием вдесятеро; прелюбодеяние, измена и убийство наказывались смертью; но никакое наказание не считалось достаточно строгим за редкую и неизгладимую виновность в трусости. Так как покоренные турками

народы шли вместе с ними на войну, то они с высокомерием считали миллионами людей и лошадей, составлявших их кавалерию; действительно, в одной из их армий было налицо четыреста тысяч воинов, и менее чем через пятьдесят лет они стали то мириться, то воевать и с римлянами, и с персами, и с китайцами. То, что говорится о форме и положении соприкасавшейся с их северными границами страны, которая была населена охотниками и рыболовами, ездившими в санях на собаках и строившими свои жилища почти под землей, могло бы заставить думать, что эта страна была Камчатка. Турки не были знакомы с астрономией; но наблюдения, произведенные одним ученым китайцем при помощи восьмифутового гномона, доказывают, что лагерь их царя находился под сорок девятым градусом широты и что в своем наступательном движении они достигали трех или по меньшей мере десяти градусов полярного круга²⁷⁾. Между победами, которые были одержаны ими на юге, самой блестящей была победа над непфалитами, или белыми гуннами, — образованным и воинственным народом, который владел торговыми городами Бухарой и Самаркандом, победил персидского монарха и распространил свои завоевания вдоль берегов и, быть может, до самого устья Инда. В западном направлении турецкая кавалерия доходила до Меотийского залива. Она переходила через этот залив по льду. Их хан, живший у подножия Алтая, приказал приступить к осаде города Босфора²⁸⁾, который добровольно признал над собой верховную власть Рима и владетели которого когда-то были союзниками Афин²⁹⁾. С восточной стороны турки нападали на Китай, лишь только замечали, что энергия китайского правительства начинала ослабевать, а история того времени рассказывает нам, что они скашивали ряды своих терпеливых врагов, как скашивают коноплю или траву, и что мандарины перевозили мудрость того императора, который отразил этих варваров золотыми копьями. Обширность этой варварской империи побудила турецкого монарха разделить свою власть с тремя подчиненными монархами одной с ними крови; но они скоро нарушили долг признательности и верноподданнической преданности. Завоеватели впали в изнеженность от роскоши, которая не бывает пагубна только для народов трудолюбивых; китайское правительство, из политических расчетов, подстрекало побежденные племена к восстановлению

их независимости, и могущество турок продержалось только в течение двухсот лет. В южных странах Азии турки снова сделались славны и могущественны в более поздние времена, но царствовавшие над ними династии могут быть оставлены нами в покое забвения, так как их история не имеет никакой связи с упадком и разрушением Римской империи³⁰⁾.

Быстро подвигаясь вперед в своем победоносном наступлении, турки покорили племя угров, или вархонитов, жившее на берегах реки Тиля, которую прозвали Черной по причине ее темных вод и окружавших ее мрачных лесов³¹⁾. Угорский хан был убит вместе с тремястами тысячами своих подданных, и тела убитых были разбросаны на протяжении четырех дней пути; оставшиеся в живых их соотечественники признали верховенство турок, у которых просили пощады, и только небольшая их часть, состоящая тысяч из двадцати воинов, предпочла изгнание рабству. Эти воины направились вдоль хорошо им знакомых берегов Волги, поддерживали заблуждение народов, принимавших их за Авар, и стали наводить ужас под этим несправедливо присвоенным знаменитым названием, которое, впрочем, не спасло от турецкого ига тех, кому оно принадлежало по праву³²⁾. После длинного и успешного похода новые авары достигли подножия Кавказских гор в стране аланов³³⁾ и черкесов, где впервые услышали рассказы о богатстве и бессилии Римской империи. Они смиренно упрашивали своего союзника, князя аланов, указать им дорогу к этому источнику богатств, а их посол был перевезен, с дозволения губернатора Лазики, по Евксинскому морю в Константинополь. Все столичное население высыпало на улицы и смотрело с любопытством и страхом на странную наружность этих варваров, их длинные волосы, заплетенные в косы, которые висели у них на затылках, были красиво перевязаны лентами, но их манера одеваться, по-видимому, была заимствована от гуннов. Когда они были допущены на аудиенцию к Юстиниану, главный из их послов, по имени Кандиш, обратился к римскому императору со следующими словами: "Могущественный монарх, вы видите перед собой представителей самого сильного и самого многочисленного из всех народов - непобедимых непреодолимых авар.

Мы желаем посвятить себя вашей службе: мы способны победить и истребить всех врагов, которые в настоящее время нарушают ваш покой. Но мы желаем получить в уплату за наш союз и в награду за нашу храбрость дорогие подарки, ежегодные субсидии и обладание доходными землями". Во время прибытия этого посольства Юстиниан уже был более тридцати лет императором и перешел за семидесятипятилетний возраст; подобно его телу, его ум ослабел и одряхлел, и завоеватель Африки и Италии не заботился о будущей пользе своего народа, помышляя лишь о том, как бы дожить свой век, хотя бы и бесславно, но спокойно. В тщательно обдуманной речи, он сообщил сенату о своем намерении не обращать внимания на нанесенное оскорбление и купить дружбу авар, а сенаторы, подобно китайским мандаринам, одобрили несравненную мудрость и предусмотрительность своего государя. Чтобы пленить варваров, их немедленно снабдили различными предметами роскоши - шелковыми одеяниями, мягкими и роскошными постелями, обделанными в золото цепями и ожерельями. Довольные таким любезным приемом послы выехали из Константинополя, а один из императорских телохранителей, по имени Валентин, был вслед за тем отправлен, также в качестве посла, в их лагерь, находившийся у подножия Кавказских гор. Так как и их истребление, и их военные успехи были бы одинаково выгодны для империи, то Валентин убеждал их напасть на владения врагов Рима, а при помощи подарков и обещаний их нетрудно было склонить к удовлетворению их самой сильной страсти.

Эти спасавшиеся от турок беглецы перешли через Танаис и через Борисфен и смело проникли внутрь Польши и Германии, нарушая все международные законы и злоупотребляя правами победителей. Не прошло и десяти лет, как их лагеря были раскинута на берегах Дуная и Эльбы, несколько болгарских и славянских племен были ими стерты с лица земли, а остатки побежденных подчинились им в качестве данников и вассалов. Их царь, носивший название хагана, все еще делал вид, будто желает жить в дружбе с императором, а Юстиниан намеревался поселить их в Паннонии для того, чтобы сдерживать с их помощью возрастающее могущество лангобардов. Но добродетель или измена одного авара обнаружила тайную вражду и честолюбивые замыслы его соотечественников, и они стали громко жаловаться на робкую и недовер-

чивую политику константинопольского правительства, которое задерживало их послов и не выдавало оружия, которое им было дозволено купить в столице империи³⁴⁾.

Перемену, которая, по-видимому, произошла в намерениях императора, можно приписать прибытию послов от тех, кто победил авар³⁵⁾. Огромное расстояние, ограждавшее побежденных от преследования, не ослабило мстительности турок: турецкие послы, следовавшие за беглецами по пятам до Яика, Волги, Кавказских гор, Евксинского моря и Константинополя, наконец, предстали перед преемником Константина с просьбой не вступаться за мятежников и беглецов. Даже интересы торговли имели некоторую долю влияния на эти замечательные переговоры, и согдоиты, бывшие в ту пору данниками турок, воспользовались этим удобным случаем, чтобы проложить к северу от Каспийского моря новый путь для ввоза китайского шелка в Римскую империю. Персы, предпочитавшие морской путь мимо острова Цейлона, задержали бухарские и самаркандские караваны и с презрением сожгли шелк, который они везли; некоторые из турецких послов умерли в Персии, как полагали, вследствие отравления, и великий хан позволил своему верному вассалу, князю согдоитов Маниаху, предложить византийскому правительству союз против их общих врагов. Маниах и его сотоварищи отличались от грубых северных дикарей богатством своих одеяний и привезенных подарков, которые были плодами азиатской роскоши; их письма, написанные скифскими буквами на скифском языке, доказывали, что этот народ уже обладал зачатками научных познаний³⁶⁾; они перечислили завоевания турок и предложили их дружбу и военную помощь, а за их искренность служили ручательством страшные проклятия, которые они призывали на себя и на своего повелителя Дизабула (на случай если бы они провинились в вероломстве). Греческий монарх обошелся с послами отдаленного и могущественного монарха с любезным гостеприимством; вид шелковичных червей и ткацких станков разрушил планы согдоитов; император отказался, или сделал вид, что отказывается, от сношений с беглыми аварами; но он принял предложенный турками союз, и утвержденный императором мирный договор был отвезен римским уполномоченным к подножию Алтайских гор. При преемниках Юстиниана согласие между двумя народами поддерживалось путем частых

и дружеских взаимных сношений; великий хан позволял самым любимым из своих вассалов следовать его примеру, и те сто шесть турок, которые посетили по различным мотивам Константинополь, выехали оттуда на родину в одно время. О продолжительности и длине этого переезда из Византии к Алтаю мы не имеем никаких сведений, да и трудно было бы проследить путь, который шел по неизвестным степям, горам, рекам и болотам Татарии; но до нас дошло интересное описание приема, оказанного римским послам в царском лагере. После того как послов подвергли очищению при помощи огня и курения ладана, согласно с обыкновением, еще сохранявшимся при сыновьях Чингиза, им дозволили предстать перед лицом Дизабула. В долине Золотой Горы они нашли великого хана сидящим в своей палатке на креслах, которые стояли на колесах и в которые можно было в случае надобности впрячь лошадь. Лишь только они поднесли привезенные ими подарки, которые были переданы на руки заведовавших этой частью должностных лиц, они изложили цветистым языком желания римского императора, чтобы победа всегда увенчивала военные предприятия турок, чтобы их владычество было продолжительно и счастливо и чтобы тесный союз, без взаимной зависти или обмана, вечно существовал между двумя самыми могущественными на земле народами. Ответ Дизабула был такой же дружественный, а затем послы сели рядом с ним за пиршество, которое продолжалось большую часть дня; палатка была окружена шелковыми занавесями, а за столом подавали какой-то татарский напиток, походивший на вино по меньшей мере тем, что причинял опьянение. На следующий день угощение было более роскошно; во второй палатке были шелковые занавеси с вышитыми на них различными фигурами, а царское седалище, чаши и вазы были из золота. Третий павильон был утвержден на колоннах из позолоченного дерева.

Кровать из чистого и массивного золота стояла на четырех павилинах, сделанных из того же металла, а перед входом в палатку были поставлены из чванства повозки, доверху наполненные блюдами, чашами и статуями из цельного серебра и превосходной работы, свидетельствовавшими скорее о храбрости, чем об искусстве их владельцев. В то время как Дизабул вел свои армии к границам Персии, его римские со-

юзники следовали в течение нескольких дней за передвижениями турецкого лагеря и были отпущены лишь после того, как им доставили случай воспользоваться на деле их правами старшинства над послом великого царя, нарушавшим спокойствие пиршества своими громкими и невоздержанными жалобами. Могущество и честолюбие Хосрова поддерживали согласие между турками и римлянами, владения которых соприкасались с двух сторон с его владениями; но эти два отдаленные один от другого народа скоро стали руководствоваться своими собственными интересами, позабывая исполнять обязанности, наложенные на них клятвенными обещаниями и мирными трактатами. В то время как преемник Дизабула справлял похороны своего отца, его приветствовали послы от императора Тиверия, которые прибыли с предложением вторгнуться в Персию и с хладнокровием выслушали гневные и, быть может, основательные упреки этого надменного варвара. "Вы видите десять моих пальцев (сказал великий хан, прикладывая свои пальцы ко рту). Римляне говорят столькими же языками, но это языки обмана и вероломства. Со мной вы говорите одним языком, с моими подданными другим и вводите поочередно все народы в заблуждение вашим лукавым красноречием. Вы втягиваете ваших союзников в войны и в опасности, пользуетесь их усилиями и затем относитесь с пренебрежением к вашим благодетелям. Возвращайтесь скорее домой, передайте вашему повелителю, что турки не способны ни говорить ложь, ни прощать ее другим и что он скоро понесет наказание, которое заслужил. В то время как он ищет моей дружбы в лстивых и притворных выражениях, он снизошел до того, что вступил в союз с моими беглыми вархонитами. Если я соглашусь выступить в поход против этих презренных рабов, они задрожат от страха при одном свисте наших бичей и будут как муравьи раздавлены под ногами моей бесчисленной кавалерии. Мне хорошо известна дорога, по которой они вторгнулись в наши владения, и меня нельзя обмануть притворными уверениями, будто Кавказские горы служат для римлян неприступным оплотом. Мне известно направление и Днестра, и Дуная, и Гебра; самые воинственные народы не устояли в борьбе с турками, и все страны, освещаемые солнцем от его восхода и до его заката, составляют мои на-

следственные владения". Несмотря на эти угрозы, сознание обоюдной пользы скоро восстановило согласие между турками и римлянами, но гордость великого хана пережила его озлобление, и, когда он известил своего друга, императора Маврикия, об одном важном завоевании, он назвал сам себя повелителем семи человеческих рас и господином над семью странами³⁷⁾.

Между азиатскими монархами нередко возникали споры о том, кто из них имеет право носить титул царя всего мира; но эти споры лишь доказали, что этот титул не может принадлежать ни одному из тех, кто предъявлял на него свои права. Владения турок граничили Оксом или Гионом, а *Туран* отделялся этой великой рекой от его соперника *Ирана*, или Персии, которая на менее обширном пространстве, как кажется, располагала более значительными военными силами и вмещала в себя более многочисленное население. Персы, попеременно то нападавшие на турок и римлян, то отражавшие их нападения, все еще управлялись Сассанидами, вступившими на престол за триста лет до воцарения Юстиниана. Современник Юстиниана Кобад, или Кобад, был счастлив в войне, которую вел с императором Анастасием, но его царствование было потрясено междоусобицами и религиозными раздорами. Он был одно время пленником в руках своих подданных, потом жил в изгнании среди врагов Персии, наконец, получил свободу благодаря тому, что пожертвовал честью своей жены, и снова вступил на престол при опасном содействии наемных варваров, убивших его отца. Персидская знать опасалась, что Кобад никогда не простит тех, кто были виновниками его изгнания, и даже тех, кто были виновниками его вторичного воцарения. Народ был введен в заблуждение и возбужден фанатизмом Маздака³⁸⁾, который проповедовал общность жен и равенство всех людей, а между тем предоставлял своим приверженцам самые богатые земли и самых красивых женщин. Преклонные лета персидского монарха были отравлены этими бесчинствами, для которых служили поощрением его собственные законы и его собственный пример³⁹⁾, а его опасения еще усилились вследствие задуманного им плана изменить естественный и обычный порядок наследования в пользу его третьего и самого любимого сына, так громко прославившегося под именами

Хосрова и Ануширвана. Чтобы возвысить этого юношу в мнении народа, Кобад обратился к императору Юстину с просьбой усыновить его; желание сохранить мир побудило византийский двор согласиться на эту странную просьбу, и Хосров мог бы приобрести благовидное наследственное право на престол своего римского усыновителя. Но бедствия, которые могли от этого произойти, были предотвращены благодаря советам квестора Прокла: было возбуждено затруднение касательно того, по какому обряду должно совершиться усыновление - по гражданскому или по военному⁴⁰⁾; переговоры были внезапно прерваны, и сознание этой обиды глубоко запало в душу Хосрова, который уже достиг берегов Тигра на своем пути в Константинополь. Его отец недолго пережил это разочарование в своих надеждах; завещание покойного монарха было прочитано в собрании дворян, и могущественная партия, приготовившаяся к этому событию, возвела на персидский престол Хосрова с нарушением прав первородства. Он занимал этот престол в течение сорокавосьмилетнего благополучного царствования⁴¹⁾, и *справедливость* Ануширвана служила у восточных народов во все века темой для восторженных похвал.

Но справедливость царей, в их собственном мнении и даже в мнении их подданных, допускает полный простор для удовлетворения личных страстей и интересов. Добродетели Хосрова были добродетели завоевателя, который в выборе между миром и войной или увлекается честолюбием, или подчиняется требованиям благоразумия, который считает величие нации за ее благоденствие и хладнокровно жертвует жизнью многих тысяч людей для славы или даже для забавы одного человека. А за то, как справедливый Ануширван управлял своими домашними делами, он, по нашим понятиям, заслуживает названия тирана. Его два старших брата были лишены своих прав на престол; с этой минуты они жили не то как близкие родственники монарха, не то как простые подданные, постоянно опасаясь за свою жизнь и постоянно внушая опасения своему повелителю; как из страха, так и из жажды мщения, они могли вовлечься в восстание; виновник их несчастий нашел достаточными самые слабые доказательства заговора, и Хосров обеспечил свое спокойствие, приказав умертвить этих несчастных принцев вместе с их родственниками и приверженцами. Один старый заслуженный воен-

чальник из сострадания спас и выпустил на свободу одного невинного юношу; этот человеколюбивый поступок был выведен наружу его сыном и перевесил все его заслуги, заключавшиеся в покорении двенадцати народов под власть Персии. Усердие и благоразумие Мебода прочно утвердили диадему на голове Хосрова; но он однажды отложил исполнение царского повеления, пока не окончит смотр войскам, которым был занят в ту минуту; ему немедленно приказано стать у железного треножника, который возвышался перед воротами дворца⁴²⁾, а всякий, кто вздумал бы помочь осужденному или только приблизиться к нему, подвергался смертной казни. Мебод томился там несколько дней, прежде чем узнал о приговоре, постановленном непреклонной гордостью и хладнокровной неблагодарностью Кобадова сына. Но народ, в особенности на Востоке, охотно извиняет и даже одобряет жестокосердие, которое обрушивается на самых высокопоставленных людей - на этих рабов честолюбия, которые добровольно обрекают себя на то, чтобы жить улыбками своенравного повелителя и погибать от нахмуривания его бровей. Ануширван, или Хосров, заслужил название *Справедливого*, потому что исполнял законы, которых не имел желания нарушать, и наказывал за преступления, которые оскорбляли его личное достоинство и вместе с тем причиняли вред частным лицам. Его управление было твердо, взыскательно и беспристрастно. Первым делом его царствования было преследование опасного учения об общности, или равенстве, владения; земли и женщины, незаконно захваченные последователями Маздака, были возвращены их законным владельцам, и умеренное наказание фанатиков или обманщиков подкрепило семейные права его подданных. Вместо того чтобы возлагать слепое доверие на одного любимого министра, он поручил четверем визирям управление четырьмя большими провинциями империи, Ассирией, Мидией, Персией и Бактрианой. При назначении судей, префектов и советников он старался срывать маску, которую обыкновенно носят в присутствии царей; он желал заменять природными дарованиями случайные преимущества происхождения и богатства; он энергично высказывал намерение отдавать предпочтение тем, которые носят бедняков в своем сердце, и изгонять лихоимство из судилищ, как из-

гоняют собак из храмов магов. Свод законов первого Артаксеркса был снова введен и опубликован для руководства должностных лиц, но лучшей гарантией честности этих последних была угроза немедленного наказания. Тайные и публичные царские агенты следили тысячами глаз за их поведением и подслушивали тысячами ушей все, что они говорили, а провинции от пределов Индии до пределов Аравии освещались частыми посещениями монарха, который старался подражать быстрому и благотворному течению своего брата - солнца. Он полагал, что образование и земледелие должны быть двумя главными предметами его забот. В каждом из персидских городов сироты и дети бедняков содержались и воспитывались на государственные средства; дочерей выдавали замуж за самых богатых людей одного с ними звания, а сыновей, сообразно с их способностями, или научали какому-нибудь ремеслу, или определяли на более почетную службу. Разоренным деревням Хосров выдавал пособия; крестьянам и фермерам, которые не имели средств возделывать свои земли, он раздавал скот, семена и земледельческие орудия, а редкие и неоценимые запасы свежей воды бережливо охранялись и искусно распределялись по безводной персидской территории⁴³).

Благосостояние его владений было плодом и доказательством его добродетелей; его пороки были последствием восточного деспотизма; но в продолжительном соперничестве между Хосровом и Юстинианом преимущества и личных достоинств, и фортуны почти всегда были на стороне варвара⁴⁴).

Славившийся своей справедливостью Ануширван славился также своей ученостью, и те семеро греческих философов, которые приезжали в его столицу, были привлечены туда и введены в заблуждение странным известием, будто на персидский престол вступил последователь Платона. Неужели они воображали, что монарх, ревностно занимавшийся то войнами, то делами управления, будет с таким же искусством, как они сами, подвергать обсуждению отвлеченные и темные вопросы, которыми занимались на досуге в афинских школах? Неужели они могли надеяться, что философские принципы будут руководить жизнью и обуздывать страсти деспота, который с детства привык считать свою абсолютную и прихотливую власть за единственное указание нравственных обязанностей⁴⁵)? Знания Хосрова были с виду блестящи,

а в сущности поверхностны; но его пример пробудил любознательность в даровитом народе, и свет знаний разлился по персидским владениям⁴⁶⁾.

В Гонди-Сапоре, неподалеку от славного города Сузы, была основана медицинская академия, мало-помалу превратившаяся в школу поэзии, философии и риторики⁴⁷⁾. Были составлены летописи монархии⁴⁸⁾, и в то время как новая и достоверная история могла бы служить и для монарха, и для народа источником полезных поучений, мрак первых веков был разукрашен гигантами, драконами и баснословными героями восточных сказок⁴⁹⁾. Всякий ученый или самонадеянный иностранец обогащался от его щедрот и удостоивался чести лично с ним беседовать; он великодушно награждал одного греческого доктора⁵⁰⁾ тем, что отпустил на волю три тысячи пленников, а искавшие его милостей софисты были крайне раздражены богатством и наглостью их более счастливого соперника Урания. Ануширван верил в религию магов или по меньшей мере относился к ней с уважением, и в истории его царствования можно найти некоторые следы религиозных преследований⁵¹⁾. Однако он позволял самому себе, ничем не стесняясь, сравнивать догматы различных сект, а богословские диспуты, на которых он часто председательствовал, ослабляли авторитет духовенства и просвещали умы народа. Произведения самых знаменитых греческих и индийских писателей были переведены, по его приказанию, на персидский язык, который был так мягок и изящен, что Мухаммед советовал употреблять его в раю, хотя невежественный и самонадеянный Агафий и заклеил его эпитетами дикого и неблагозвучного⁵²⁾. Тем не менее греческий историк имел полное основание удивляться тому, что нашли возможность перевести все сочинения Платона и Аристотеля на такой иностранный язык, который не был подготовлен к выражению вольностей и отвлеченностей философских исследований, и хотя философские доводы Стагирина могли быть одинаково темны или одинаково понятны на всех языках, но драматические приемы и разговорная аргументация Сократова ученика⁵³⁾, по-видимому, были неразрывно связаны с грацией и изяществом его аттического слога. Среди своих поисков за всем, что могло способствовать распространению просвещения, Анушир-

ван узнал, что нравоучительные и политические басни древнего брамина Пильпея хранились с заботливым уважением в числе сокровищ индийских царей. Доктор Пероз был втайне отправлен на берега Ганга с поручением во что бы то ни стало добыть это драгоценное произведение. Благодаря своей ловкости он добыл копию с этих басен, благодаря своей учености старательно перевел их на персидский язык, и произведение Пильпея читалось вслух в присутствии Ануширвана и его дворян и всех приводило в восторг⁵⁴). Индийский подлинник и персидский перевод уже давно утрачены; но этот почтенный памятник старины сохранился благодаря любознательности арабских калифов, ожил на новейших языках — персидском, турецком, сирийском, еврейском и греческом — и путем переводов был переложен на новейшие языки Европы. В своей теперешней форме басни Пильпея не дают нам никакого понятия о характере, нравах и религии индусов, а по своим внутренним достоинствам они не могут равняться ни с изящной сжатостью Федра, ни с безыскусственной грацией Ла Фонтена. Пятнадцать нравоучительных и политических изречений объясняются целым рядом басен; но изложение сбивчиво, рассказ слишком растянуть а нравоучения тривиальны и бестолковы. Тем не менее брамину принадлежит та заслуга, что он *придумал* для вымысла такую приятную форму, которая прикрывает наготу истины и, быть может, смягчает для царского слуха неприятность нравоучений. С той же целью предостеречь царей, что они сильны только силой своих подданных, те же индийцы выдумали игру в шахматы, которая была введена в Персии также в царствование Ануширвана⁵⁵).

При вступлении Кобадова сына на престол его государство было в войне с преемником Константина, но семейные заботы побудили его согласиться на перемирие, за которое Юстиниан готов был дорого заплатить. Хосров видел римских послов у своих ног. Он принял одиннадцать тысяч фунтов золота в уплату за *вечный*, или бессрочный, мир⁵⁶); при этом были урегулированы некоторые взаимные обязательства; персидский царь взял на себя охрану Кавказского прохода, а срытие Дары было приостановлено с условием, что эта крепость никогда не будет служить резиденцией для начальника восточных армий. Честолюбие императора деятельно воспользовалось мирным промежутком времени, которого оно

так горячо домогалось: его завоевания в Африке были первыми плодами заключенного с Персией мирного договора, а алчность Хосрова была удовлетворена значительной долей карфагенской добычи, на которую его послы заявляли притязания тоном шутки и под видом дружбы⁵⁷). Но трофеи Велисария не давали покоя великому царю, который с удивлением, завистью и страхом узнал, что после трех быстро окончившихся кампаний, Юстиниану покорились Сицилия, Италия и даже Рим. Будучи неопытен в искусстве нарушать мирные договоры, он стал втайне подстрекать своего отважного и хитрого вассала Альмондара. Этот арабский принц, живший в Гире⁵⁸), не был включен в мирный договор и не прекращал военных действий против своего соперника, начальника племени гассанитов, который был союзником империи. Спор шел из-за большого овечьего загона, находившегося в степи к югу от Пальмиры. Подать, которая уплачивалась с незапамятных времен за право пасти там овец, по видимому, свидетельствовала о правах Альмондара, а гассаниты ссылались на латинское название *strata*, вымощенная дорога, как на неоспоримое доказательство верховенства и трудов римлян⁵⁹). Каждый из двух монархов вступался за своего вассала, а поддерживаемый Персией араб, не дожидаясь результатов медлительного и нерешительного третейского разбирательства, обогатил свой передвижной лагерь добычей и пленниками, захваченными в Сирии. Вместо того чтобы силой отражать нападения Альмондара, Юстиниан попытался подкупом склонить его к измене, а между тем созывал со всех концов земли племена эфиопские и скифские, склоняя их к вторжению во владения его соперника. Но помощь таких союзников была слаба и ненадежна, а когда эти подстрекательства сделались всем известны, они послужили оправданием для жалоб готов и армян, почти одновременно обратившихся к Хосрову с просьбами о защите. Потомков Аршака, которые еще были многочисленны в Армении, уговорили отстаивать последние священные остатки их национальной свободы и наследственных прав, а послы Витигеса втайне пробрались через римскую территорию для того, чтобы объяснить Хосрову, какая страшная и почти неизбежная опасность угрожала итальянскому королевству. Их настояния были единодушны, вески и успешны. "Мы являемся перед твоим престолом в качестве ходатаев как за наши собст-

венные интересы, так и за твои. Честолюбивый и вероломный Юстиниан хочет быть единственным властителем всего мира. С тех пор как был подписан вечный мир в ущерб свободе всего человеческого рода, этот монарх, называющий себя твоим союзником, но действующий как твой недруг, оскорблял и своих друзей, и своих врагов и покрыл всю землю кровью и разорением. Разве он не посягнул на привилегии Армении, на независимость Колхиды и на дикую свободу Тцанийских гор? Разве он не захватил с такой же жадностью город Босфор на берегу холодного Меотийского залива и долины с пальмовыми деревьями на берегу Черного (Красного) моря? Мавры, вандалы и готы были покорены им одни за другими, и каждый из этих народов оставался равнодушным зрителем гибели своих соседей. Воспользуйся, царь, этой благоприятной минутой; Восток остается без всякой защиты, в то время как армии Юстиниана и его знаменитый полководец заняты на дальнем Западе. Если ты будешь колебаться и медлить, Велисарий скоро возвратится со своими победоносными войсками с берегов Тибра к берегам Тигра, и Персии останется одно жалкое утешение, что она будет поглощена империей после всех⁶⁰). Эти аргументы легко убедили Хосрова последовать такому примеру, которого он не одобрял; но жаждавший военной славы персидский монарх гнушался бездействия своего соперника, который рассылал свои кровожадные приказания, спокойно живя в безопасном Византийском дворце.

Каковы бы ни были обиды, на которые мог жаловаться Хосров, он во всяком случае употребил во зло доверие, основанное на мирном договоре, и только блеском своих побед мог прикрыть заслуженные им упреки в притворстве и вероломстве⁶¹). Собранная на равнинах Вавилона персидская армия благоразумно обошла укрепленные города Месопотамии и подвигалась вперед вдоль западных берегов Евфрата, пока маленький, но многолюдный город Дура не осмелился оказать сопротивление великому царю. Ворота Дуры растворились благодаря измене или успешному нападению врасплох, и лишь только Хосров запятнал свой палаш кровью жителей, он отпустил Юстинианова посла с поручением уведомить его повелителя, в каком месте он оставил врага римлян. Завоеватель все еще старался заслужить похвалы за свое челове-

колюбие и справедливость, и, когда он увидел, что одну знатную матрону силой тащили по земле вместе с ее ребенком, он стал вздыхать, плакать и взывать к божескому правосудию, чтобы оно наказало того, кто был виновником таких страданий. Однако с толпы пленников, состоящей из двенадцати тысяч человек, он потребовал выкупа в двести фунтов золота; епископ соседнего города Сергиполя поручился за уплату этой суммы, а в следующем году безжалостная жадность Хосрова взыскала штраф за неисполнение обязательства, которое было принято на себя епископом из великодушия, но которого не было возможности выполнить. Он проник внутрь Сирии; но слабый неприятельский отряд исчез при его приближении и разрушил его ожидание победных лавров, а так как персидский монарх не мог рассчитывать на то, что завоеванная страна останется в его владении, то он выказал во время этого нашествия низкие и хищнические наклонности грабителя. Он осадил один за другим Гиераполь, Беррею, или Алеппо, Апамею и Халкиду; эти города откупились золотом и серебром соразмерно со своей силой и богатством, а их новый повелитель потребовал точного исполнения условий капитуляции, которых сам не соблюдал. Будучи воспитан в религии магов, он без всяких угрызений совести извлекал денежные выгоды из святотатства и, сняв с кусочка настоящего Креста Господня золото и драгоценные камни, великодушно возвратил оголенную святыню благочестивым апамейским христианам. Не более как за четырнадцать лет перед тем Антиохия была разрушена землетрясением; но эта царица Востока восстала из своих развалин под новым названием Феополя, благодаря щедрости Юстиниана, а беспрестанно строившиеся новые здания и постоянно возраставшее население уже успели изгладить воспоминания об этом недавнем несчастье. С одной стороны город защищали горы, а с другой - река Оронт; но над самой доступной его стороной господствовала значительная возвышенность: из непростительного опасения обнаружить перед неприятелем свою слабость надлежащие предосторожности не были приняты, а племянник императора Герман не захотел рисковать своей особой и своим достоинством внутри стен осажденного города. Жители Антиохии унаследовали от своих предков легкомыслие и склонность к на-

смешкам; их ободрило неожиданное подкрепление из шести тысяч солдат; они отвергли предложение нетяжелой капитуляции и с высоты городского вала оскорбляли великого царя своими невоздержанными криками. На его глазах бесчисленные толпы персов взобрались по штурмовым лестницам на приступ; римские наемники спаслись бегством через противоположные ворота Дафны, а мужественное сопротивление антиохийских юношей лишь увеличило бедствия их родины. В то время как Хосров спустился с горы в сопровождении Юстиниановых послов, он жалобным голосом скорбел об упорстве и гибели этого несчастного населения; но резня продолжалась с неослабавшей яростью, и, по приказанию варвара, город был предан пламени. Правда, Антиохийский собор остался цел — но он был этим обязан не благочестию завоевателя, а его корыстолюбию; более почтенное исключение было сделано в пользу церкви Св. Юлиана и той части города, где жили послы; некоторые отдаленные улицы уцелели благодаря переменившемуся направлению ветра, а оставшиеся неповрежденными городские стены послужили убежищем для жителей, но скоро навлекли на них новые несчастья. Фанатизм обезобразил украшения Дафны, но Хосров дышал более чистым воздухом среди ее рощ и фонтанов, а находившиеся в его свите идолопоклонники могли безнаказанно приносить жертвы нимфам этого изящного уединения. В восемнадцати милях от Антиохии река Оронт впадает в Средиземное море. Надменный перс посетил границу своих завоеваний и, выкупавшись один в море, принес благодарственную жертву солнцу или, вернее, тому творцу солнца, которому поклонялись маги. Если этим актом суеверия он оскорбил предрассудки сирийцев, зато он пленил их благосклонным и даже напряженным вниманием, с которым присутствовал на играх в цирке, а так как Хосров слышал, что *синюю* партию поддерживал император, то его безусловное приказание обеспечило победу за *зеленым* колесничником.

Введенная в его лагере дисциплина служила более солидным утешением для жителей, и они тщетно ходатайствовали за помилование одного солдата, слишком верно подражавшего хищничеству справедливого Ануширвана. Наконец, утомившись, хотя и не насытившись, собиранием в Сирии

добычи, он стал медленно подвигаться к Евфрату, построил временный мост неподалеку от Барбалисса и посвятил три дня на то, чтобы перевести свою многочисленную армию на другую сторону реки. Возвратившись домой, он основал на расстоянии одного дня пути от Ктесифонского дворца новый город, название которого увековечило соединенные имена Хосрова и Антиохии. Сирийские пленники нашли там здания, напоминавшие им и по своей внешней форме, и по своему положению их родные жилища; для них были построены бани и великолепный цирк, и колония музыкантов и колесничников перенесла в Ассирию развлечения греческой столицы. Благодаря великодушию царственного основателя этим счастливым изгнанникам была дана благородная привилегия: им было дано странное право отпускать на волю тех рабов, которых они признавали своими родственниками. Затем честолюбие или, вернее, корыстолюбие Хосрова прельстилось прежде всего Палестиной и священными сокровищами Иерусалима. Константинополь и дворец Цезарей уже не казались ему неприступными или недостижимыми, и его ненасытная фантазия уже покрывала Малую Азию персидскими войсками, а Черное море персидскими кораблями.

Эти надежды могли бы осуществиться, если бы завоеватель Италии не был своевременно отозван для защиты Востока⁶²). В то время как Хосров приводил на берегах Евксинского моря в исполнение свои честолюбивые замыслы, Велисарий во главе армии, не получавшей жалованья и не знакомой с дисциплиной, стал лагерем по ту сторону Евфрата в шести милях от Низиба. Он надеялся, что путем искусных военных маневров ему удастся завлечь персов вне стен их неприступной крепости и что, победив их в открытом поле, он или отрежет им отступление, или войдет в городские ворота вместе с обращенными в бегство варварами. Он проник на персидскую территорию на расстояние одного дня пути, овладел крепостью Сисораной и послал ее губернатора вместе с восемьюстами избранными всадниками служить императору в его итальянской войне. Дав Арете и его арабам подкрепление из тысячи двухсот римлян, он приказал им переправиться через Тигр и истребить жатву в Ассирии - плодородной провинции, уже давно не испытывавшей бедствий войны. Но планы Велисария были расстроены упрямством Ареты, который не возвращался в лагерь и не доставлял никаких изве-

ствий о своих операциях. Тревожные ожидания не позволяли римскому главнокомандующему двинуться со своего места; время действовать прошло; горячее солнце Месопотамии возбудило лихорадочный жар в крови его европейских солдат, а неподвижно стоявшие в Сирии солдаты и офицеры высказывали притворные опасения за безопасность своих беззащитных городов. Однако эта диверсия уже принесла хорошие плоды тем, что заставила Хосрова поспешно возвратиться назад, и если бы искусство Велисария было поддержано дисциплиной и храбростью его войск, его военные успехи могли бы удовлетворить пылкие желания публики, ожидавшей от него взятия Ктесифона и освобождения захваченных в Антиохии пленников. По окончании кампании он был отозван неблагодарным правительством в Константинополь, но следующей весной положение сделалось столь опасным, что ему возвратили доверие и снова назначили его главнокомандующим; герой был торопливо отправлен на почтовых, почти без всякой свиты, для того чтобы отразить вторжение в Сирию своим именем и своим присутствием. Римские полководцы, в числе которых находился один племянник Юстиниана, заперлись из страха внутри стен Гиераполя. Но вместо того чтобы следовать их трусливым советам, Велисарий приказал им следовать за ним в Европу, где он намеревался собрать все свои силы и затем предпринять против врага то, что внушит ему Господь. Он так стойко держался на берегах Евфрата, что Хосров не решился двинуться в Палестину, а с послами или, вернее, со шпионами персидского монарха Велисарий обошелся и с хитростью, и с достоинством. Равнина между Гиераполем и рекой была покрыта эскадронами кавалерии, состоящими из шести тысяч высоких и сильных солдат, которые занимались охотой, по-видимому несколько не опасаясь приближения неприятеля. На противоположном берегу реки послы видели тысячу армянских всадников, по-видимому охранявших переправу через Евфрат. Палатка Велисария была из самого грубого полотна, и вся ее обстановка соответствовала вкусам воина, пренебрегавшего восточной роскошью. Народы, служившие под его знаменами, были размещены вокруг его палатки в искусном беспорядке. Фракийцы и иллирийцы стояли во фронте герулы и готы в центре, а вдали виднелись мавры и вандалы, казавшиеся очень многочисленными благодаря тому, что были расставлены ре-

джими рядами на большом пространстве. Их мундиры были легки и не стесняли их движений: один солдат держал в руке плеть, другой - меч, третий - лук, четвертый, быть может, боевую секиру, а вся картина обнаруживала неустрашимость войск и бдительность начальника. Хосров был введен в заблуждение ловкостью Юстинианова наместника и напуган его гениальными дарованиями. Сознывая личные достоинства своего противника, но не имея точных сведений о его военных силах, он побоялся дать решительное сражение в отдаленной стране, откуда, быть может, ни один перс не возвратился бы домой, чтобы рассказать о случившемся. Великий царь поспешил обратно перейти через Евфрат, а Велисарий ускорял его отступление, делая вид, что хочет помешать намерению, которое было так спасительно для империи и которому едва ли могла бы воспрепятствовать стотысячная армия. Зависть могла нашептывать невежеству и гордости, что общественному врагу дозволили спастись невредимым: но победы над вандалами и готами были менее блестящи, чем эта не стоившая ни одной капли крови победа, в которой ни фортуна, ни солдатская храбрость не могли присвоить себе ни малейшей доли из славы главнокомандующего. Когда Велисарий был вторично отозван из Персии для ведения войны в Италии, стало вполне ясно, как велики были его личные достоинства, восполнявшие недостаток дисциплины и мужества. Пятнадцать полководцев, у которых не было никакого хорошо обдуманного плана, провели сквозь горы Армении тридцатитысячную римскую армию, которая не обращала внимания на сигналы и самовольно покидала свои ряды и знамена. Четыре тысячи персов, укрепившихся в лагере подле Дуба, почти без боя обратили в бегство это бесчинное сборище; римляне побросали по дороге свое бесполезное оружие, а их лошади падали от изнеможения под торопливыми беглецами. Но сражавшиеся на стороне римлян арабы одержали верх над своими соотечественниками, сражавшимися на стороне персов; армяне снова подчинились верховной власти императоров; города Дара и Эдесса отразили неожиданный приступ и выдержали правильную осаду, и бедствиям войны положили конец бедствия моровой язвы. Словесное или письменное соглашение между двумя монархами стало охранять спокойствие на восточной границе, и Хосров ограничился ведением военных действий в Колхиде, или Ла-

зике, которые были слишком подробно описаны историками того времени⁶³).

Самая большая длина Евксинского моря⁶⁴) от Константинополя до устья Фасиса может быть определена девятью днями пути, или семьюстами милями. От Иберийского Кавказа - хребта гор самого высокого и самого утесистого во всей Азии, эта река течет с такой извилистой быстротой, что на небольшом пространстве через нее перекинуты сто двадцать мостов. Она делается спокойной и судоходной лишь подле города Сарапаны, в пяти днях пути от реки Кира, которая выходит из тех же гор, но течет в противоположном направлении до впадения в Каспийское море. Близкое расстояние между этими двумя реками ввело в обыкновение или по меньшей мере подало мысль перевозить драгоценные индийские товары вниз по Оксу, через Каспийское море, вверх по Киру и затем по Фасису в Евксинское море и в Средиземное. Так как Фасис принимает в себя все потоки, которые текут по Колхидской равнине, то он хотя и становится глубже, но течет медленнее. У своего устья он имеет шестьдесят шести-футовых саженей глубины и полмили в ширину, но посреди его фарватера возвышается небольшой, покрытый лесом, островок: его воды, отложив из себя землянистые или металлические осадки, текут по поверхности морских волн и уже не могут подвергаться порче. На протяжении ста миль, из которых сорок можно проезжать на больших судах, Фасис прорезывает знаменитую Колхиду⁶⁵), или Мингрелию⁶⁶), которая защищена с трех сторон Иберийскими, или Армянскими, горами и тянется вдоль морского берега на расстоянии почти двухсот миль от окрестностей Трапезунда до Диоскуриады и земли черкесов. И почву, и климат смягчает чрезмерная влажность; кроме Фасиса и его притоков двадцать восемь рек вливают в море свои воды, а глухой звук, который слышен, когда ударяют ногой в землю, по-видимому, указывает на существование подпочвенных каналов между морями Евксинским и Каспийским. На полях, засеваемых пшеницей или ячменем, земля так рыхла, что не может выдерживать употребление сохи; но мелкое зерно (gom), похожее на пшено или на кишнецовое семя, служит обыкновенной пищей для народа, а хлебом питаются лишь князь и его дворяне. Жители получают там от виноградников более того, что собирают с полей, и как толщина ствола виноградников, так и

качество вина свидетельствует о такой растительной силе, которая может обходиться без помощи человеческих рук. Та же самая растительная сила постоянно стремится к тому, чтобы покрыть всю страну густыми лесами; деревья, которые растут на горах, и лен, который растет на равнинах, в избытке доставляют материал для постройки судов; и дикие, и домашние животные - лошади, волы и свиньи размножаются там очень быстро, а название фазана свидетельствует о том, что родиной этой птицы были берега Фасиса. Золотые руды на юге от Трапезунда, которые до сих пор разрабатываются со значительной выгодой, были предметом спора между Юстинианом и Хосровом, и нет ничего неправдоподобного в предположении, что жилки этого драгоценного металла тянутся вокруг холмов, хотя жители Мингрелии или пренебрегают этими скрытыми под землей сокровищами, или молчат о них из предосторожности. Вода, заключающая в себе частички золота, тщательно пропускается сквозь бараньи кожи или сквозь овечью шерсть; но этот способ, быть может послуживший поводом для сочинения баснословной сказки, дает слабое понятие о богатствах, которые извлекались из девственной почвы усилиями и предприимчивостью древних царей. Их серебряные дворцы и золотые апартаменты заходят за пределы того, чему можно верить; но молва об их богатствах, как рассказывают, возбудила в аргонавтах отважную жадность⁶⁷⁾. Предание, по-видимому, не без некоторого основания, гласило, что Египет поселил на берегах Фасиса ученых и образованных колонистов⁶⁸⁾, которые ткали холсты, строили корабли и изобрели географические карты. Изобретательность новейших писателей покрыла перешеек между Евксинским и Каспийским морями⁶⁹⁾ цветущими городами и народами, а из некоторого сходства в климате и в торговых занятиях один писатель с пылким воображением не колеблясь решил, что Колхида была Голландией древних народов.

Но богатства Колхиды блещут лишь сквозь мрак догадок или преданий, а ее подлинная история представляет однообразную картину невежества и бедности. Если на рынке Диоскуриады⁷¹⁾ говорили на ста тридцати языках, то это были грубые диалекты стольких же диких племен или семейств, живших без всяких между собой сношений в долинах Кавказских гор, а разъединенность жителей, уменьшая значе-

ние их неблестящих столиц должна была увеличивать число этих последних. При теперешнем положении Мингрелии деревни состоят из кучки хижин, обнесенных деревянными заборами; крепости находятся в глубине лесов; главный город Кита (Cyta), или Котата (Cotatis), состоит из двухсот домов, но один только царь так богат, что может иметь каменный дом. Двенадцать кораблей из Константинополя и около шестидесяти барок, нагруженных продуктами местной промышленности, ежегодно становятся на якоре у берега, а список вывозимых из Колхиды товаров значительно увеличился с тех пор, как местные жители могли предлагать только рабов и кожи взамен зернового хлеба и соли, которые они покупали у подданных Юстиниана. Нельзя отыскать никаких следов искусств, познаний или мореплавания древних обитателей Колхиды; немногие из греков желали или осмеливались идти по стопам аргонавтов, и даже следы существования египетской колонии исчезают при более внимательном наблюдении. Обряд обрезания исполняют только живущие по берегам Евксинского моря мусульмане, а курчавые волосы и смуглый цвет лица уже не обезображивают самую красивую из человеческих рас. Именно в соседних странах - в Грузии, Мингрелии и земле черкесов природа создала, по крайней мере по нашему мнению, образец красоты в формах тела, в его цвете, в правильных чертах лица и в красивой осанке⁷²). Сообразно с назначением обоих полов, мужчины, по-видимому, созданы там для деятельности, а женщины для любви, а постоянная доставка женщин с Кавказа облагородила кровь и улучшила породу южных азиатских народов. Из собственно так называемой Мингрелии, составляющей лишь часть древней Колхиды, долгое время вывозили по двенадцати тысяч рабов в год. Число пленников или преступников не могло удовлетворять такого ежегодного спроса; но простой народ находится в рабской зависимости от своих господ; обман и хищничество остаются безнаказанными в стране, где нет никаких законов, и злоупотребления властей гражданской и отцовской постоянно наполняют рынки товаром. Торговля⁷³), которая ставит людей на один уровень с рогатым скотом, может способствовать умножению браков и увеличению населения, так как большое число детей обогащает их жадных и бесчеловечных родителей. Но этот грязный способ обогащения неизбежно должен отравлять народные нра-

вы, уничтожать чувства чести и долга и почти совершенно заглушать природные инстинкты; *христиане* Грузии и Мингрелии самые развратные из всех народов, а их дети, которых они продают в самом нежном возрасте в рабство чужеземцам, уже умеют с ранних лет подражать хищничеству своих отцов и распутству своих матерей. Однако при самом грубом невежестве местные уроженцы одарены необыкновенной живостью ума и ловкостью в физических упражнениях, и, хотя по недостатку единодушия и дисциплины они не в состоянии бороться с более могущественными соседями, они во все века отличались своей отвагой и неустрашимостью. В армиях Ксеркса они служили пешими, а их вооружение состояло из кинжала или из дротика, из деревянной каски или щита, сделанного из сырой кожи. Но на их собственной родине они большей частью служат в коннице; самый последний из крестьян гнушается пехотной службой; у воинственных дворян нередко состоят на службе до двухсот всадников, а в свите мингрельского князя насчитывается более пяти тысяч всадников. Правление Колхиды всегда было наследственным-монархическое, а власть монарха ограничивается лишь буйством его подданных. Когда эти подданные были готовы повиноваться, он мог выступать в поход с многочисленной армией; но трудно поверить, чтобы в одном только племени суанов было двести тысяч воинов или чтобы число жителей Мингрелии доходило в настоящее время до четырех миллионов⁷⁴).

Уроженцы Колхиды хвастались тем, что их предки остановили победоносное наступление Сезостриса, а поражение египтян менее неправдоподобно, чем его успешный поход до самого подножия Кавказских гор. Они покорились Киру, не сделав никаких достопамятных усилий для защиты своей независимости, следовали в отдаленных войнах за знаменем великого царя и доставляли ему раз в каждые пять лет самые лучшие продукты своей страны - сто мальчиков и столько же девочек⁷⁵). Однако он принимал этот *подарок* точно так же, как принимал золото и эбеновое дерево из Индии, ладан от арабов или негров и слоновую кость из Эфиопии: жители Колхиды не были подчинены управлению сатрапа, и они, как на словах, так и на деле, не переставали пользоваться национальной независимостью⁷⁶). После упадка персидского владычества, царь Понта Митридат присоединил Колхиду к

своим обширным землям, которыми владел на берегах Евксинского моря, а когда туземцы осмелились просить его дать им в цари его сына, он заковал честолюбивого юношу в золотые цепи и послал вместо него одного из своих служителей. Преследуя Митридата, римляне дошли до берегов Фасиса, а их галеры поднимались вверх по реке, пока не достигли лагеря Помпея и его легионов⁷⁷⁾. Но сенатор, а впоследствии императоры не хотели обращать эту отдаленную и бесполезную страну в римскую провинцию. В промежутке времени между Марком Антонием и Нероном семейству одного греческого риторa было дозволено царствовать над Колхидой и над соседними с ней странами, а когда род Полемона⁷⁸⁾ пресекся, сохранивший его имя Восточный Понт простирался лишь до окрестностей Трапезунда. Находившиеся вне этих пределов укрепления Гисса, Апсара, Фасиса, Диоскуриады или Севастополя и Пития охранялись конными и пешими отрядами, а шесть князей Колхиды получили свои диадемы от наместников Цезаря. Один из этих наместников, оратор и философ Арриан, осмотрел и описал берега Эвксинского моря в царствование Адриана. Гарнизон, которому он делал смотр близ устья Фасиса, состоял из четырехсот отборных легионных солдат; благодаря кирпичным стенам и башням, двойному рву и поставленным на валу военным машинам эта крепость была неприступна для варваров; но новые предместья, построенные купцами и ветеранами, требовали, по мнению Арриана, возведения внешних укреплений⁷⁹⁾. Когда силы империи стали слабеть, стоявшие в Фасисе римляне были или отозваны, или прогнаны, а племя лазов⁸⁰⁾, потомки которого говорят на чужестранном языке и живут по берегу моря близ Трапезунда, утвердило свое владычество над древней Колхидой и дало ей свое имя. Могущественный сосед, утвердивший свое владычество над Иберией путем побед и мирных договоров, скоро лишил лазов их независимости. Царь Лазики, сделавшийся вассалом персидского монарха, получил из его рук свой скипетр, а преемники Константина одобрили оскорбительные притязания персов, будто бы основанные на факте владения с незапамятных времен. В начале шестого столетия влияние римских императоров снова стало преобладать вследствие введения христианской веры, которую жители Мингрелии исповедуют до сих пор с приличным усердием, не понимая

догматов своей религии и не соблюдая ее постановлений. После смерти своего отца Заф был возведен в царское звание по милости персидского монарха; но благочестивый юноша питал отвращение к религиозным обрядам магов и отправился искать в Константинопольском дворце православного крещения, знатной жены и союза с императором Юстином. На царя Лазики возложили диадему, а на его плаще и тунике, сделанных из белой шелковой материи с золотыми каймами, было вышито изображение его нового покровителя, который старался смягчить раздражение персидского двора и оправдать восстание Колхиды ссылкой на требования гостеприимства и религии. В интересах обеих империй на жителей Колхиды была возложена обязанность охранять ущелья Кавказских гор, а построенная там стена в шестьдесят миль длины охраняется в настоящее время мингрельскими мушкетерами, которые сменяются ежемесячно⁸¹⁾.

Но жадность и честолюбие римлян скоро извратили смысл этого почетного союзного договора. Лазов лишили звания союзников и стали беспрестанно напоминать им и на словах, и на деле об их зависимости. По ту сторону Ансара, на расстоянии одного дня пути от этого города, в их глазах стали строить крепость Петру⁸²⁾, которая господствовала над приморскими странами, лежащими к югу от Фасиса. Вместо того чтобы находить защиту в мужестве иноземных наемников, Колхида сделалась жертвой их своеволия; выгоды, доставляемые торговлей, были превращены в низкую и стеснительную монополию, и вследствие преобладающего влияния Юстиниановых чиновников туземному владельцу Губазу остался лишь призрак верховной власти. Обманутые в своих расчетах на добродетели христиан, лазы возымели некоторое доверие к справедливости неверующего. Полагаясь на тайное обещание, что их послы не будут выданы римлянам, они открыто обратились к Хосрову с просьбой не отказать им в дружбе и в покровительстве. Прозорливый монарх тотчас понял, как было бы для него полезно и важно обладание Колхидой, и задумал план завоевания, за который взялся, через тысячу лет после того, самый мудрый и самый могущественный из его преемников шах Аббас⁸³⁾. Его честолюбие воспламенилось при мысли, что из Фасиса будет выходить в море персидский флот, что в его руках будут торговля и плавание на Евксинском море, что он опустошит берега Понта и

Вифинии, что он поставит в затруднительное положение и, может быть, атакует Константинополь и что он убедит европейских варваров помогать ему во всем, что будет предпринимать против общего врага всего человеческого рода. Под предлогом войны со скифами он втихомолку довел свои войска до границ Иберии; проводники из уроженцев Колхиды ожидали их, чтоб указать им путь сквозь леса и вдоль пропастей Кавказских гор, а одна узкая тропинка была с большими усилиями так расширена, что по ней могли проходить всадники и даже слоны. Губаз поверг и свою особу, и свою диадему к стопам персидского царя; его подданные подражали покорности своего государя, а когда стены Петры были расшатаны, римский гарнизон избежал ярости последнего приступа, сдавшись на капитуляцию. Но лазы скоро убедились, что своим нетерпением они навлекли на себя еще более тяжелые бедствия, чем те, от которых желали спастись. Монополия соляная и хлебная действительно была уничтожена, но благодаря только тому, что этих ценных продуктов вовсе не оказалось. Власть римского законодателя уступила место кичливости восточного деспота, взиравшего с одинаковым презрением и на тех рабов, которых он возвысил, и на тех царей, которых он унизил перед ступенями своего трона. Усердие магов ввело в Колхиде поклонение огню; их религиозная нетерпимость возбудила рвение в христинском населении, а предрассудки, внушенные природой или воспитанием, были оскорблены нечестивым обычаем персов складывать тела усопших родственников на вершине высокой башни для того, чтобы они служили пищей для ворон и ястребов⁸⁴). Замечая, что ненависть к нему все усилится, замедляя исполнение его великих замыслов, справедливый Ануширван дал тайное приказание умертвить царя лазов, перевезти жителей в какую-нибудь отдаленную страну и поселить на берегах Фасиса преданных ему и воинственных колонистов. Бдительная недоверчивость жителей Колхиды предусмотрела и предотвратила угрожавшую им гибель. Их изъявления раскаяния были благосклонно приняты Юстинианом не столько из милосердия, сколько из благоразумия, и он командировал Дагистея во главе семи тысяч римлян и тысячи занов с приказанием прогнать персов с берегов Евксинского моря.

Осада Петры, безотлагательно предпринятая римским военачальником при содействии лазов, составляет одно из самых замечательных военных предприятий того времени. Этот город стоял на крутом утесе, висевшем над морем, и сообщался с твердою землею крутою и узкою тропинкою. Так как доступ к городу был труден, то нападение на него казалось почти невозможным; персидский завоеватель усилил укрепления, построенные Юстинианом, а менее неприступные места были прикрыты дополнительными укреплениями. В этой важной крепости предусмотрительный Хосров сложил запасы всякого рода оружия, достаточные для того, чтобы вооружить не только гарнизон и самих осаждающих, но впятеро более значительное число людей. Запасов муки и соленых съестных припасов было заготовлено на пять лет; недостаток в вине был восполнен уксусом и крепким напитком, который извлекали из хлебного зерна, а тройной водопровод оставался невредим, так как неприятель даже не подозревал о его существовании. Но самой надежной защитой Петры была храбрость тысячи пяти-сот персов, отражавших все приступы римлян, в то время как эти последние втайне проводили подкоп сквозь более мягкие слои почвы. Стена, которую поддерживали легкие временные подпоры, висела в воздухе и грозила падением, но Дагистей откладывал решительное нападение до тех пор, пока ему не назначат приличной награды за его успех, а в город прибыли подкрепления, прежде нежели его посланец успел возвратиться из Константинополя. Персидский гарнизон уменьшился до четырехсот человек, между которыми было не более пятидесяти здоровых и не раненых; но таково было их непреклонное мужество, что они скрывали от неприятеля свои потери, безропотно вынося вид и запах гнивших трупов своих тысячи ста товарищей. После прибытия подкреплений бреши были торопливо заткнуты мешками, наполненными песком; мина была засыпана землею; новая стена была построена на срубах из прочного дерева и свежий гарнизон из трех тысяч человек приготовился выдержать вторичную осаду. И осаждающие, и осажденные выказали в этом случае много искусства и стойкости и извлекли немало полезных указаний из воспоминаний о своих прошлых ошибках. Был изобретен новый стенолом, отличавшийся легкостью своей конструкции и необык-

новенной силой ударов; его перевозили с места на место и приводили в действие руками сорока солдат, а когда камни были расшатаны от его ударов, солдаты вырывали их из стены длинными железными зацепами. С этих стен постоянно сыпался град стрел на головы осаждающих, но эти последние терпели еще более вреда от горячего состава, в который входили сера и горная смола и который жители Колхиды могли не без некоторого основания называть *маслом Медеи*. Из шести тысяч римлян, взбравшихся на вал по штурмовым лестницам, впереди всех был их полководец, семидесятилетний ветеран Бесса; отвага их вождя, его смерть и крайняя опасность воодушевили войска нерешимой решимостью победить, и своим численным превосходством они сломили сопротивление персидского гарнизона, не ослабив его мужества. Участь этих храбрецов заслуживает того, чтобы мы описали ее более подробно. Из них семьсот погибли во время осады, а две тысячи триста были налицо, чтобы защищать брешь. Тысяча семьдесят погибли от огня и меча во время последнего приступа, а из взятых в плен семисот тридцати только восемнадцать не носили на себе почетных ран. Остальные пятьсот бросились в цитадель, обороняли ее без всякой надежды на какую-либо помощь извне и отвергали все предложения выгодной капитуляции с условием поступления на римскую службу, пока не погибли среди пламени. Они умерли, исполняя приказания своего государя; а такой пример преданности и неустранимости должен был поощрять их соотечественников на такие же блестящие подвиги и внушать им ожидание более блестящих результатов. Приказание немедленно срыть укрепления Петры свидетельствовало о том, что такая оборона поразила победителя удивлением и внушила ему опасения за будущее.

Спартанец стал бы восхвалять этих геройских рабов за их доблести и пожалел бы об их участи, но вялые военные действия римлян и персов и удачи то тех, то других не могут приковывать внимание потомства к подножию Кавказских гор. Войска Юстиниана одерживали более частые и более блестящие победы; но военные силы великого царя постоянно пополнялись новыми подкреплениями и, наконец, достигли того, что в них было восемь слонов и семьдесят тысяч человек с включением двенадцати тысяч скифских союзников и трех тысяч с лишним дилемитов, добровольно спустивших-

ся с возвышенностей Гиркании и одинаково страшных как на дальнем расстоянии, так и в рукопашных схватках. Эта армия, торопливо и не без потерь, сняла осаду с города Археополя, имя которого было придумано или извращено греками, но она заняла ущелья Иберии, поработила Колхиду, покрыв ее своими фортами и гарнизонами, поглотила скудные средства пропитания, какие оставались у населения, и довела царя лазов до того, что он спасся бегством в горы. В римском лагере не было ни преданности, ни дисциплины, а самостоятельные военачальники, облеченные одинаковою властью, оспаривали друг у друга первенство в пороках и в злоупотреблениях. Персы безропотно исполняли приказания одного начальника, слепо исполнявшего инструкции своего верховного повелителя. Их главнокомандующий отличался между восточными героями своей мудростью в делах управления и своей храбростью на полях сражений. Преклонные лета Мермерозса и недуги, отнявшие у него употребление обеих ног, не ослабляли не только его умственной, но даже его физической деятельности, и, когда его носили на носилках перед фронтом его войск, он внушал страх врагам и основательное доверие персам, всегда побеждавшим под его начальством. После его смерти главное начальство перешло к Накорагану - надменному сатрапу, который на совещании с императорскими военачальниками имел смелость заявить, что он располагает победой так же безусловно, как кольцом, которое у него на пальце. Эта самоуверенность была естественной причиной и предвестницей постыдного поражения. Римляне были мало-помалу оттеснены к берегу моря, а их последний лагерь, раскинутый на берегах Фасиса на развалинах греческой колонии, был со всех сторон защищен сильными укреплениями, рекой, Евксинским морем и флотом галер. Отчаяние внушило им единодушие и вдохнуло в них мужество; они отразили приступ персов, а Накораган спасся бегством или перед тем, как десять тысяч самых храбрых его солдат легли на поле сражения, или после того. Он ускользнул из рук римлян, для того чтобы попасть в руки своего повелителя, от которого не мог ожидать пощады и который жестоко выместил на нем свой собственный ошибочный выбор; с несчастного главнокомандующего содрали кожу, набили ее так, что она получила человеческую форму, и поставили эту фигуру на возвышении в предостережение тем, на кого впос-

ледствии будет возложена забота о славе и могуществе Персии⁸⁵). Однако благоразумный Хосров стал мало-помалу приостанавливать ведение военных действий в Колхиде в основательном убеждении, что нет возможности покорить или по меньшей мере удержать в своей власти отдаленную страну наперекор желаниям и сопротивлению ее жителей. Преданность Губаза выдержала самые тяжелые испытания. Он терпеливо выносил лишения, живя среди дикарей, и с презрением отвергал все заманчивые предложения персидского двора. Царь лазов был воспитан в христианской вере; его мать была дочь сенатора; в своей молодости он служил десять лет *силентиарием*⁸⁶) (заседателем в тайном совете) при византийском дворе, а недополученное им жалованье было мотивом как его жалоб, так и его преданности. Но продолжительные лишения вынудили его рассказать всю правду, а правда была непростительной обидой для полководцев Юстиниана, которые, желая продлить эту разорительную войну, щадили его врагов и попирали ногами его союзников. Их злонамеренные донесения убедили императора, что его вероломный вассал замышляет вторичную измену; у Юстиниана выманили приказ, отослать его пленником в Константинополь, вставили в этот приказ предательскую оговорку, что в случае сопротивления его можно убить, и Губаз был умерщвлен на дружеском совещании, на которое он отправился безоружным, не подозревая что ему могла угрожать какая-либо опасность. В первые минуты ярости и отчаяния жители Колхиды готовы были пожертвовать и своей страной, и своей религией для удовлетворения своей жажды мщения, но благодаря влиянию и красноречию нескольких более благоразумных людей, они согласились на спасительную отсрочку: победа, одержанная на берегах Фасиса, снова заставила бояться военного могущества римлян, а император пожелал смыть со своего имени обвинение в столь гнусном убийстве. Судье сенаторского ранга было поручено произвести следствие о поведении царя лазов и его смерти. Он появился на высоком трибунале окруженным представителями правосудия и исполнителями судебных приговоров: это необыкновенное дело разбиралось в присутствии зрителей из обоих народов с соблюдением всех форм гражданского судопроизводства, и оскорбленному народу было доставлено некоторое удовлет-

ворение тем, что самые мелкие из преступников были осуждены и казнены⁸⁷⁾.

В мирное время персидский царь постоянно искал предлога для войны, но лишь только начиналась война, он выражал свое желание заключить прочный и почетный мир. В то время как военные действия были в самом разгаре, между двумя монархами шли обманчивые переговоры, а Хосров выказывал такое превосходство над Юстинианом, что, в то время как он обходился с римскими послами дерзко и презрительно, его собственным послам оказывали при императорском дворе небывалые почести. Преемник Кира изображал из себя величие Восточного Солнца и милостиво позволял своему младшему брату Юстиниану царствовать над Западом с бледным и отраженным блеском Луны. Этой причудливой манере выражаться соответствовали пышность и красноречие одного из царских камергеров - Исдигуна. Жена и дочь посла ехали вместе с ним в сопровождении многочисленных евнухов и верблюдов; в его свите находились два сатрапа, носившие золотые диадемы; его охраняли пятьсот всадников, выбранных между самыми храбрыми персами, и римский губернатор Дары не хотел впустить в город более двадцати таких воинственных и неблагонадежных гостей. После того как Исдигун представился императору и передал привезенные подарки, он провел в Константинополе десять месяцев, не вступая в обсуждение каких-либо важных вопросов. Вместо того чтобы жить безвыходно в своем дворце и получать пищу и воду из рук смотрителя, персидский посол получил дозволение ездить по городу без надсмотрщиков или сторожей, а свобода, с которой его прислуга сводила знакомства и занималась своими делами, оскрбляла предрассудки такого века, когда международные законы исполнялись очень строго и не допускали доверчивости или предупредительности⁸⁸⁾. Благодаря небывалой снисходительности его переводчик, принадлежавший к разряду тех служителей, существование которых игнорировал римский судья, садился за столом Юстиниана рядом со своим господином, а расходы на путешествие и на содержание посла можно определить в тысячу фунтов золота. Однако неоднократно возобновлявшиеся усилия Исдигуна привели лишь к заключению временного перемирия, которое всякий раз покупа-

лось на деньги византийского двора и возобновлялось по его настояниям. Только по прошествии многих лет, проведенных в бесполезном опустошении неприятельских владений, Юстиниан и Хосров утомились войной и пожелали провести спокойно свою старость. На совещании, происшедшем на границе их владений, каждая сторона выставляла могущество, справедливость и миролюбивые намерения своего государя, нисколько не рассчитывая на то, что ей поверят; но необходимость и обоюдные интересы продиктовали условия мирного договора, который был заключен на пятидесятилетний срок, был тщательно изложен на языках греческом и персидском и был удостоверен приложением печатей двенадцати переводчиков. Была установлена свобода торговли, и религии, и были определены ее границы; на союзников императора и великого царя были распространены те же выгоды и те же обязательства, и были приняты самые тщательные предосторожности с целью предупреждать или прекращать случайные споры, которые могли возникать на границах двух соперничавших народов. После двенадцатилетней войны, которая была очень опустошительна, хотя и велась довольно вяло, границы двух империй остались без перемен, и Хосров согласился отказаться от своих опасных притязаний на обладание Колхидой и зависевшими от нее странами. Хотя он был богат накопленными на Востоке сокровищами, он все-таки исторгнул от римлян обязательство уплачивать ему ежегодно по тридцати тысяч золотых монет, а незначительность этой суммы доказывала, что это было не что иное, как позорная уплата дани. На одном из более ранних совещаний уполномоченный Юстиниана, упомянув о колеснице Сезостриса и о колесе Фортуны, заметил, что взятие Антиохии и нескольких сирийских городов чрезмерно усилило тщеславие и честолюбие варварского царя. "Вы ошибаетесь, - возразил ему скромный перс, - царь царей и повелитель человеческого рода смотрит с презрением на такие мелкие завоевания, и из десяти народов, побежденных его непреодолимыми армиями, он считает римлян всех менее страшными"⁸⁹). По словам восточных писателей, владения Ануширвана простирались от Ферганаха в Трансоксиане до Йемена, или Счастливой Аравии. Он усмирил гирканских мятежников, покорил на берегах Инда

провинции Кабул и Заблестан, сломил могущество евфалитов, окончил турецкую войну почетным миром и принял дочь великого хана в число своих законных жен. Победоносный и уважаемый всеми азиатскими монархами, он давал в своем Маденском, или Ктесифонском, дворце аудиенции послам со всего мира. Их подарки или даннические приношения, заключающиеся в оружии, богатых одеяниях, драгоценных камнях, рабах и благовонных веществах, униженно складывались у подножия его трона, и он соблаговолил принять от индийского царя десять центнеров алоевого дерева, девушку в семь локтей вышины и ковер, который был мягче шелка и, как говорят, был сделан из кожи какой-то необыкновенной змеи⁹⁰).

Юстиниана упрекали за его союз с эфиопами на том основании, что он будто бы хотел ввести диких негров в семью цивилизованных народов. Но находившихся в дружеских сношениях с Римской империей аксумитов, или абиссинцев, не следует смешивать с коренными африканскими уроженцами⁹¹). Рука природы сплоснула носы негров, покрыла их головы косматой шерстью и окрасила их кожу в неизгладимый черный цвет. Но желтоватый цвет лица абиссинцев, их волосы, осанка и овал лица ясно свидетельствовали о том, что они были колонией арабов; это происхождение подтверждалось сходством языка и нравов, воспоминаниями о давнишнем переселении и близостью расстояния между противоположными берегами Черного (Красного) моря. Христианство возвысило этот народ над уровнем африканского варварства⁹²); его сношения с Египтом и преемниками Константина⁹³) познакомили его с зачатками искусств и наук, его корабли разъезжали для торговли до острова Цейлона⁹⁴), а Негусу, или верховному владельцу Абиссинии, были подчинены семь королевств. Независимость гомеритов (химьяритов), владевших богатой и счастливой Аравией, была впервые нарушена вышедшим из Эфиопии завоевателем, который предъявлял права, будто бы доставшиеся ему по наследству от сабейской царицы⁹⁵), и честолюбие которого было освящено религиозным рвением. Евреи, будучи влиятельны и предприимчивы в своем изгнании, овладели умом князя гомеритов (химьяритов) Дунаана. Они уговорили его отомстить за

притеснения, которым подвергали их несчастных собратьев императорские постановления: несколько римских купцов подверглись оскорблениям, и некоторые из живших в Негре⁹⁶⁾ христиан удостоились венца мучеников⁹⁷⁾. Находившиеся в Аравии христианские церкви просили защиты у абиссинского монарха. Негус переправился через Чермное (Красное) море с флотом и с армией, лишил доброжелателя евреев и владений, и жизни и пресек существование царского рода, владевшего в течение двух с лишним тысяч лет теми отдаленными странами, из которых получают мирра и ладан. Завоеватель немедленно провозгласил торжество Евангелия, потребовал присылки православного патриарха и выказал такую горячую преданность Римской империи, что у Юстиниана родилась надежда направить торговлю шелком через Абиссинию и возбудить арабов к войне с персидским царем. Ноннос, принадлежавший по своему рождению к поколению послов, был командирован императором с этим важным поручением. Он благоразумно отказался от самой короткой, но самой опасной дороги, которая шла по песчаным степям Нубии, поднялся вверх по Нилу, переехал через Чермное (Красное) море и благополучно высадился в африканском порту Адулисе. От Адулиса до главного города Аксума не более пятнадцати миль в прямом направлении; но извилистые горные проходы задержали посла две недели, а во время своего проезда по лесам он видел множество диких слонов числом приблизительно до пяти тысяч. По его словам, столица была обширна и многолюдна, а *деревня* Аксум до сих пор отличается тем, что в ней коронуются монархи и что в ней есть развалины христианского храма и шестнадцать или семнадцать обелисков с греческими надписями⁹⁸⁾. Но Негус давал ему аудиенцию в открытом поле, сидя на высокой колеснице, в которую были запряжены четыре великолепно убранных слона; а кругом его стояли его приближенные музыканты. Он был одет в полотняное платье с такой же шапкой и держал в руке два дротика и легкий щит, и, хотя его одежда едва прикрывала его наготу, его варварская роскошь обнаруживалась в золотых цепях, ожерельях и браслетах, украшенных жемчугом и драгоценными камнями. Юстинианов посол стал на колени; Негус поднял Нонноса, обнял его, приложился губа-

ми к императорской печати, прочел императорское послание, принял предложение римского союза и, размахивая своим оружием, объявил поклонникам огня непримиримую войну. Но он отклонил предложение касательно торговли шелком, а его воинственные угрозы, несмотря на уверения и, может быть, на желания абиссинцев, улетучились без всяких последствий. Гомериты (химьяриты) не были расположены покидать свои ароматические рощи для того, чтобы таскаться по песчаным степям, и не желали, после всех этих лишений, сразиться с могущественным народом, который никогда не наносил им никаких обид. Эфиопский царь не только не был способен расширять сферу своих завоеваний, но даже не был способен охранять свои владения. Раб одного жившего в Адулисе римского торговца, по имени Абраха захватил верховную власть над гомеритами; африканские войска соблазнились прелестью климата и Юстиниан стал искать дружбы узурпатора, который признал его верховенство, согласившись уплачивать незначительную дань. После многих лет благополучного царствования, владычество Абрахи было ниспровергнуто перед воротами Мекки; его детей персидский завоеватель оставил без всяких средств существования, и эфиопы были окончательно выгнаны с Азиатского континента. Эти малоизвестные и давнишние события не лишены некоторой связи с упадком и разрушением Римской империи. Если бы христианское государство удержалось в Аравии, Мухаммед был бы уничтожен при самом начале своей деятельности, и Абиссиния предотвратила бы переворот, который изменил и политическое и религиозное положение целого мира⁹⁹).

1) Если бы читатель справился с произведениями Геродота (кн. 7, гл. 104, 134), он шел бы в этом чтении не труд, а удовольствие. Разговор между Ксерксом и Демаратом близ Фермопил представляет одну из самых интересных и самых нравоучительных сцен в истории. Служивший в персидской армии знатный спартанец со скорбью и раскаянием взирал на доблести своих соотечественников.

2) Эту надменную надпись можно найти у Плиния (Hist. Natur., VII, 27). Немногим людям пришлось испытать такое полное упоение славы и такое унижение, а Ювенал (*Сатир.* 10) не мог указать более поразительного примера превратностей фортуны и тщеты человеческих желаний.

3) Мы придаем этому последнему эпитету Прокопия слишком благородный смысл, переводя его словами "пираты". Его вернее перевести словами "морские разбойники", то есть люди, обиравшие других с целью причинить вред или оскорбление (Демосфен, *contra Conon.*, in Reiske, *Orator. Graec.*, том II, стр. 1264).

4) См. третью и четвертую книги "Готской войны": эти злоупотребления были так велики, что автор "Анекдотов" не мог бы преувеличить их.

5) Agathias, кн. 5, стр. 157, 158. Он относит это слабодушие императора и бессилие империи к тому времени, когда Юстиниан уже был в преклонных летах; но, увы! Юстиниан никогда не был молод.

6) Эта зловредная политика, в которой Прокопий (*Anecd.* гл. 19) винит императора, обнаруживается в послании Юстиниана к одному скифскому принцу, который был способен оценить ее по достоинству. *Agan promêthê kai hagchinouotaton* (греч.), говорит Агафий (кн. 5, стр. 170, 171)

7) *Gens Germana feritate ferocior*, - говорит Веллей Патеркул о лангобардах (II, 106). - *Langobardos paucitas nobilitat. Plurimis ac valentissimis nationibus cincti non per obsequium sed praellis et periclitando tuti sunt* (Тацит, *de Moribus German.* гл. 40). См. также Страбона (кн. 7, стр. 446). По мнению лучших географов, они жили по ту сторону Эльбы в епископстве Магдебургском и в средней Бранденбургской мархии; это положение гармонирует с патриотическим замечанием графа Гертцбурга, что варварские завоеватели большей частью выходили из тех стран, которые до сих пор дают рекрутов прусским армиям. (Готовность подчиняться авторитетам была причиной того, что имя лангобардов издавна производили от их длинных бород. Более прозорливая критика недавно доказала, что название этого народа происходило от того, что ему служила оружием боевая секира с длинной рукояткой (см. Latham's *Germania of Tacitus*, стр. 139). Слово *Barthe*, происходящее от *baerja*, *baren* (поражать), было древним германским названием топора или секиры (*Adelung, Worterbuch*, 1. 659, 2. 1095, 3. 971). Поэтому "*Lange barthen*" были длинные секиры, которые сохранились до позднейших времен в уменьшенном размере *алебард*. Над родовым именем, которое было дано тем, кто носил это оружие, изоощряли свою прозорливость: Лейбниц в своих "*Брауншвейгских Древностях*", Фон Лудвиг в своем "*Жизнеописании Юстиниана*", Шпангенберг и многие другие. Их мнимое скандинавское происхождение Павел Варнефрид присовокупил к многочисленным баснословным рассказам его времени о существовавшем по ту сторону Балтийского моря рассаднике племен. Многие из писателей сомневались в том, были ли лангобарды первоначально особым племенем или только вооруженными отрядами других племен, так как их находили между свевами, вандалами, герулами, готами и даже саксами. Тацит (*Ger. 40*), слышавший только об их имени мог ошибочно принять это имя за название народа. Нет возможности с точностью указать их первоначальное место жительства. Когда они в конце концов соединились в целое и стали прокладывать себе путь на юг, им пришлось пробираться сквозь такие местности, население которых сначала попыталось задержать их наступательное движение, а потом само приняло участие в их предприя-

тии. Таким образом, когда Альбоин проник в Италию, под его начальством находились не только его собственные подданные - *Langebarden*, но также смешанные отряды из свевов, из жителей Паннонии и Норика и даже из болгар. Нибур ("Лекции", 3.230.287) полагал, что ютунги, которые появлялись на сцене действия лишь во времена Галлиена, были "царствующей династией лангобардов". Но это название было лишь иной формой слова *Gruthungi* или *Guthungi*; см. третий том этой "Истории", стр. 207. - Издат.)

8) Павел Варнефрид, прозванный Диаконом, доказывает, что готы и лангобарды были скандинавского происхождения; его мнение опровергает Ключье (*Germania Antiq.* кн. 3, гл. 26, стр. 102 и сл.), который был родом пруссак, но за него вступается Гроций (*Prolegom. ad Hist. Goth.* стр. 28 и сл.), который был шведским посланником во Франции.

9) В рассказе Павла Варнефрида есть два факта (кн. 1, гл. 20), которые имеют некоторую связь с нравами этого народа. 1. *Dum ad tabulam luderet* - в то время как он играл в шашки. 2. *Camporum viridantia lina*. Возделывание льна заставляет предполагать, что там существовали разделение собственности, торговля, земледелие и промышленность.

10) Я пользовался, не задавая себе труда их согласовать, теми сведениями, которые находятся у Прокопия (*Goth.* кн. 2, гл. 14; кн.3, гл. 33, 34; кн. 4, гл. 18, 25), у Павла Варнефрида (*de Gestis Langobard.* кн. 1, гл. 1-23, in *Muratorii Script. Rerum Italicarum*, том 1, стр. 405-419) и у Иордана (*de Success. Regnorum*, стр. 242). Терпеливый читатель может извлечь некоторые сведения из сочинений Маску ("Ист. Германцев" и "Примеч." 23) и деБюа (*Hist. des Peuples etc.*, том IX-XI).

11) Я заимствовал название болгары от Эннодия (in *Panegyri. Theodorici*, Opp. *Sirmond.* том 1, стр. 1598, 1599), от Иордана (*de Rebus Geticis*, гл. 5, стр. 194 и *de Regn. Successione*, стр. 242), от Феофана (стр. 185) и из "Хроник" Кассиодора и Марцеллина. Название гунны слишком неопределенно; племена, называвшиеся куттургурами и уттургурами, были слишком незначительны; к тому же эти названия слишком неблагозвучны.

("Болгары, составлявшие, по словам византийских историков, отрасль угров (*Thunmann*, "История народов Восточной Европы", стр. 36), но имевшие гораздо более сходства с турками (*Engel*, "Истор. Герм.", XXIX, 252, 298), без сомнения, получили свое название от той реки, по берегам которой обыкновенно жили. Их первоначальное место жительства, называвшееся Великой Болгарией, орошалось Волгой. Неподалеку от Казани сохранились остатки их столицы. После того они жили на берегах Кубани и, наконец, на Дунае; там они подчинили своей власти, около 500 года, живших на Нижнем Дунае сербских славян. Они, в свою очередь, были покорены аварами, от ига которых освободились в 635 году. В то время в состав их владений входили куттургуры; это были остатки гуннов, поселившихся близ Меотийского залива. Придунайская Болгария, прежде входившая в состав этого обширного государства, долго наводила страх на Византийскую империю". *Malte-Brun*, том 1, стр. 351. - Гизо).

(К этому следует присовокупить, что третьим коренным европейским поколением были славяне, или славонцы, которых греки называли савроматами, а римляне сарматами. На их собственном языке

их имя значит "покрывшиеся славой". Болгары составляли часть или племя этого рода. Шлецер согласен с этим (*Nordische Geschichte*, стр. 1. 240) и говорит, что древний народ этого имени происходил от турок. Пока могущество Рима сдерживало готов, славяне также спокойно жили вдоль Волги и по берегам Каспийского моря, распространяясь в направлении к Карпатским горам и к Висле. Но когда перед ними очистились свободные пространства, они стали малу-малу передвигаться к Европе. Размеры той страны, по которой они расселились, указываются до сих пор сохранившимися названиями. Находящаяся к югу от Венгрии Славония в настоящее время образует провинцию, заключающуюся между Дунаем, Савой и Дравой, а в прежние времена она вмещала в себе всю Кроацию, Далмацию, Румынию, Сербию и Болгарию. На берегах Балтийского моря и Немана, местности вокруг Мемеля и Тильзита носят название *Schlaunen* или *Sclavonien*. Им также принадлежала значительная территория в северных и восточных частях Германии. Они разделялись на три главных племени - на вендов, антов и чехов, которые подразделялись на более мелкие племена. В числе этих последних были и болгары. Они пришли из окрестностей Казани (в Азиатской России); о том, что они там когда-то долго жили, свидетельствуют развалины и надписи, найденные в деревне *Bolgharu* (*Ersh* и *Gruber*, 14. 2). От них, по всей вероятности, получила свое название Волга. Эта река была известна Птолемею, Помпонию Меле и Аммиану Марцеллину под именем *Rha*; на это ссылается Целларий (2. 755), который, впрочем, допускает, что римляне имели очень мало сведений о том, что делалось к северу от Каспийского моря. Татары называли ее *Edel*, а армяне *Thamar*. Болгары выступили на сцену задолго перед тем, как она получила название Волги. - *Издат.*

12) Прокопий (*Goth.* кн. 4, гл. 19). Это словесное поручение (в котором этот монарх сам себя признавал за безграмотного варвара), изложено Прокопием в форме послания, стиль которого дик, цветист и оригинален.

13) Эта сумма есть итог особого списка с отрывка интересной рукописи 550 года, которая была найдена в миланской библиотеке. Граф *de-Buat* (том XI, стр. 69-189) изощрял свое терпение над неясной географией того времени. Французский министр часто совсем сбивается с пути среди пустыни, в которой ему нужно бы было иметь при себе проводников саксонского и польского.

14) *Panicum, millium*. См. *Columella*, кн. 2. гл. 9, стр. 430, изд. *Gesner*. Плин. *Hist. Natur.* 18, 24, 25. Сарматы приготавливали из пшена кашу, прибавляя к нему кобылье молоко или кобыльей крови. При разнообразии наших земледельческих продуктов пшеном кормят кур, а не героев. См. Диксионеры *Botamea* и *Miller'a*. (Пшено и просо не были пищей одних болгар; ими обыкновенно питались в древние времена. В особенности просо, по словам Плиния (18,25), было любимой пищей народов, живших на берегах Евксинского моря, и употреблялось в большом количестве в Аквитанской Галлии; на юге от По его также употребляли в пищу итальянцы, которые примешивали к нему бобы. Землепашам запрещалось сеять и пшено, и просо между виноградными и фруктовыми деревьями, так как и то и другое истощало почву. - *Издат.*)

15) Касательно названия, положения и нравов славян до нас дошли от шестого столетия подлинные сведения, которые можно найти у Прокопия (Goth. кн. 2, гл. 26; кн. 3, гл. 14) и у императора Мавриция, или Маврикия (Stratagemat. кн. 2, гл. 5 apud Mascou, Annotat. 31). Это произведение Маврикия, сколько мне известно, было напечатано лишь в конце Шефферова издания Арриановой "Тактики", вышедшего в Упсале в 1664 г. (Fabric. Bibliot. Graec. кн. 4, гл. 8, том III, стр. 278); это - очень редкая книга, и я никак не мог добыть ее.

16) Antes eorum fortissimi... Taysis qui rapidus et vorticosus in Histri fluenta furens devolvitur. (Иордан, гл. 5, стр. 194, изд. Муратори. Прокопий, Goth. кн. 3, гл. 14 и de Edific. кн. 4, гл. 7). Однако тот же самый Прокопий говорит, что готы и гунны жили в соседстве с Дунаем (De Edific. кн. 4, гл. 1). (В этом случае Прокопий, быть может, был прав, потому что в Мизии еще были готы, которых еще не успели выгнать оттуда, а гунны еще жили к северу от Дуная. - *Издат.*)

17) Титул Anticus, употреблявшийся Юстинианом при издании законов и в надписях, был усвоен его преемниками; благочестивый Ludewig in Vit. Justinian. стр. 515) находит его заслуженным. Он приводил в замешательство средневековых цивилистов.

18) Прокопий. Goth., кн. 4, гл. 25.

19) По словам Прокопия, одно из нашествий гуннов произошло одновременно с появлением кометы; здесь, может быть, идет речь о той комете, которая появилась в 531 году (Persic. кн. 2, гл. 4). Агафий (кн. 5, стр. 154, 155) заимствовал от своего предшественника некоторые факты, относящиеся к более ранней поре.

20) Прокопий описывает и преувеличивает жестокости славян (Goth. кн. 3, гл. 29, 38). В том, что касается их кроткого и великодушного обращения с пленниками, мы можем сослаться на авторитет императора Маврикия, который писал немного позже (Stratagem. кн. 2, гл. 5). (Разве человеческая натура не есть самый лучший, в этом случае, авторитет? Бесплодное уничтожение принадлежащей нам собственности никогда не было в нашей натуре. Раб был более дорог для владельца, чем конь или вол, которого он выкармливал и за которым ходил с нежной заботливостью. Подобно этим животным и рабы пользовались хорошим обращением, которое обуславливалось если не человеколюбием, то по меньшей мере личными выгодами владельца. - *Издат.*)

21) Топир находился подле Филипп во Фракии или в Македонии, напротив острова Фаса, в двенадцати днях пути от Константинополя (Cellarius, том 1, стр. 676, 840). (Прокопий, вероятно, находился при Велисарии на Востоке или на Западе в то время, как совершались эти события. Избиение, совершенное, по его словам, в Топире, заставляет предполагать такое многочисленное население, которое совершенно несоразмерно с объемом города, едва упоминаемого историей или едва обозначенного на географических картах. Этот город был так мало известен, что Птолемей помещает его не на берегу моря, а внутри континента, и его иногда смешивали с находившимся на берегах Эпира Добером, теперешней Диброй. Cellarius (81.1057). Маленький турецкий городок Рузю в Румынии занимает теперь место древнего Топира. - *Издат.*)

22) Если верить свидетельству слишком склонных к порицаниям "Анекдотов" (гл.18), эти нашествия довели лежавшие к югу от Дуная провинции до такого положения, что они были похожи на пустыни Скифии.

23) У некоторых писателей встречается выражение: от Кафа до Кафа; при более рациональных географических познаниях эти слова, быть может, следовало бы перевести так: от Имауса до Атласских гор. Согласно с религиозной философией мусульман, гора Каф стоит на изумруде, отблеск которого придает небесам лазуревый оттенок. Гора одарена чувственной жизнью в своих корнях, или нервах, а их вибрации, совершающиеся по приказанию Божию, производят землетрясения. (D'Herbelot, стр. 230, 231). (Татары давали Имаусу название Матега и Бельгий, а монголы называли его Делангером и Де Нангракутом. Следы одного из этих названий видны у Тафенталена в названии Делагир, а у Гумбольдта в названии Давалагири ("Картины Природы", стр. 70, изд. Bohn). Длинная цепь этих гор разделяет ту страну, которой древние давали неопределенное название Скифии, на две части - на Внутренний и Внешний Имаум, а одна из их далеко раскинувшихся ветвей составляла северную границу Индии, а теперь называется Гималайскими горами. Те, которые работали в рудокопях Имауса, назывались турками, потому что на их языках это слово обозначало грубых, необразованных людей, или простых рабочих. Когда они сделались независимым народом, это название сделалось для них таким ненавистным, что они отбросили его и стали называть себя мослемами или мусульманами. - *Издат.*)

24) Сибирские железные руды самые лучшие в мире и самые обильные; в южных частях этой страны русские в настоящее время разрабатывают более шестидесяти таких руд. (Strahlenberg, "Ист. Сибири", стр. 342, 387. Voyage en Sibirie, par l'Abbe Chappe d'Auteroche, стр. 603-608, изд. in 12-то, Амстердам, 1770). Турки предлагали римлянам покупать у них железо, но римские послы с непонятными упорством держались убеждения, что это была плутня и что в их стране не было железа (Menander, in Excerpt. Leg., стр. 152).

25) Из Иргана-кона (Абулгази-хан; "Генеалогическая история татар", ч.2, гл.5, стр.71-77; гл. 15, стр.155). Сохранявшееся у монголов предание о четырехстах пятидесяти годах проведенных ими в горах, согласно с китайскими периодами истории гуннов и турок (De Guignes, том 1, ч. 2, стр. 376) и с рассказами о двадцати поколениях, начиная с возникновения их могущества и до времен Чингиса.

26) Страна, где прежде жили турки, а теперь живут калмыки, хорошо описана в "Генеалогической истории", стр. 521-562. Интересные примечания французского переводчика расширены и приведены в порядок во второй части английского перевода.

27) Visdelou, стр. 141, 151. Хотя этот факт в сущности относится к второстепенному племени, лишь впоследствии сделавшемуся известным, однако я счел возможным поместить его здесь.

28) Прокопий, Persic. (кн.1, гл.12; кн.2, гл.3). Peyssonnel (Observations sur les Peuples Barbares, стр. 99, 100) определяет расстояние между Каффой и древним Босфором в шестнадцать длинных татарских миль.

29) В одном из своих мемуаров (Mem. de L'Academie des Inscriptions, том VI, стр. 549-565) de Boze поместил список древних царей и медалей Киммерийского Босфора. В одной из речей Демосфена (In Reiske, Orator. Graec., том 1, стр. 466, 467) говорится о признательности Афин.

30) Извлеченные из китайских источников сведения о первой Турецкой империи и о происходивших в ней переворотах заимствованы мною от De Guignes (Hist des Huns, том 1, ч.2, стр. 367-462) и от Visdelou (Supplement a la Bibliotheque Orient. d'Herbelot, стр. 82-114). Menander (стр. 108-164) и Theophylact Simocatta (кн.7, гл.7, 8) собирали отрывочные сведения, какие можно было найти у греческих и римских писателей.

31) По словам "De Guignes" (том 1, ч.2, стр. 58 и 352), река Тиль, или Тула, - небольшой, но благотворный степной поток, впадающий в Орон, Селингу и пр. См. Bell, "Поездка из Петербурга в Пекин" (ч. II, стр.124); однако его собственное описание Keat'a, по которому он спустился до Оби, напоминает имя и особенности "черной реки" (стр. 139).

32) Theophilact, кн.7, гл.7,8. Однако его *настоящих* авар не мог отыскать даже de Guignes; а кто же был знаменитее тех авар, которых он называет *ложными*? Право спасавшихся бегством угров на это этническое название признано самими турками (Menander, стр.108). Автор ученой статьи, помещенной в Ersch und Grubers Allg. Encyc. (6, 509), говорит, что авары происходили от того народа, который был известен древним под именем аоров. По словам Страбона (кн.II стр.753), они жили по берегам Каспийского моря, к востоку от Ра, или Волги (стр.773), и распространились до Танаиса (это, вероятно, была колония из переселенцев). За сто лет перед тем, как он писал, их царь Спадин помогал Митридатову сыну Фарнаку. Но они предпочитали торговые занятия военным. Их верблюды водились в Бактриану и приносили оттуда индийские и вавилонские товары, которые шли на удовлетворение нужд европейцев. Во времена Плиния, в то время как они еще не покидали своего первоначального места жительства на берегах Каспийского моря (Hist. Nat. 6,18), их отпрыски достигали окрестностей Дуная (4, 18 и 25) и соприкасались с Дакией, с Мезией и с гетами. Существует также предположение, что это были те самые Adorsi, которые, по словам Тацита (Ann. 12, гл.15, 16 и 19), были союзниками римлян в их восточных войнах в царствование Клавдия. В конце концов они под именем авар играли видную роль в истории, пока не были покорены в 803 году Карлом Великим; тогда их имя если не совершенно исчезло в Европе, то отчасти только сохранилось в названии венгерцев. В эпоху своего могущества и благосостояния они не утрачивали своих наследственных привычек и были посредниками в деятельной торговле между Константинополем и Германией. Впрочем, новейшие путешественники открыли, что остатки этого народа до сих пор живут на прежних местах. Guldenstadt и Klaproth рассказывают, что в восточной части Кавказа, на одной из рек Левгистана, называющейся Koisu, живет многочисленное племя, которое носит название аоров или авар и отличается от других татар особыми правами и языком. И их округ, и их главный город, в котором 4000 домов, носят название авар. Их вождь носит

титул авархана, и в 1807 году русский император поддерживал дружеские с ним отношения. О том же племени, но не так подробно говорит Шлецер (Nordische Geschichte, 1.523). - *Издат.*)

33) Имя аланов еще встречается в "Генеалогической истории татар" (стр.617) и на географических картах Анвилля. Они воспротивились движению Чингисовых генералов вокруг Каспийского моря и были совершенно разбиты в большом сражении (Hist. de Gongiscan, кн.4, гл.9, стр.447).

34) О посольствах и первых завоеваниях авар можно найти сведения у Менандера (Excerpt. Legat. стр. 99-101, 154, 155), у Феофана (стр. 196) в Historia Miscella (кн. 16, стр. 109) и у Григория Турского (кн. 4, гл.23, 29; в "Historiens de France" том II, стр. 214, 217).

35) Феофан (*Хрон.*, стр.204) и "Hist. Miscella" (кн. 16, стр.110) так, как понимал ее De Guignes (том 1, ч.2, стр. 354), по-видимому, ведут речь о турецком посольстве, отправленном к самому Юстиниану; но посольство Маниаха, отправленное на четвертом году царствования Юстинианова преемника Юстина, положительно было первое посольство, прибывшее в Константинополь (Menander, стр. 108).

36) В окрестностях Иртыша и Енисея русские нашли грубые иероглифические знаки на медалях, гробницах, идолах, утесах, обелисках и пр. (Strahlenberg, "История Сибири", стр. 324, 346, 406, 429). (Докт. Hyde (de Religione Veterum Persarum, стр. 521 и сл.) познакомил нас с двумя азбуками, которые были в употреблении в Тибете и у зыгуров. Я долго питал подозрение, что *все* научные познания скифов и *некоторые*, а может быть, и *многие* из научных познаний индийцев были заимствованы от живших в Бактриане греков. (Эти греки были поселены там Александром в тех городах, которые он построил, когда эта страна подпала под его власть после падения персидского владычества (Страбон. II, стр. 786. Q. Curtius., кн.9.8. Arrian. кн.3. 28; кн.5. 27). Он, вероятно, предполагал, что основанная им на берегах Окса Александрия будет для Востока тем же, чем была для Юга Александрия, построенная на Ниле; но ей недоставало таких же удобств для ведения обширной торговли, и еще более ей недоставало дарований и энергии Птолемея. Впрочем, эта местность орошалась несколькими реками, почва была плодородна, а климат здоров (Arrian., 7, 4). Высказанное Гиббоном в этом примечании предположение, по всей вероятности, основательно. *Настоящие* скифы подвинулись так далеко к западу, что не могли воспользоваться таким источником познаний; у них и нельзя найти каких-либо признаков таких познаний. Но очень правдоподобно, что славяне заимствовали из этого источника некоторые зачатки искусств и знаний. - *Издат.*)

37) Все подробности об этих турецких и римских посольствах, столь интересные для истории человеческих нравов, заимствованы из "Извлечений" Менандера (стр. 106-110, 151-154, 161-164), в которых, к сожалению, часто нет ни порядка ни последовательности.

38) D'Herbelot (Bibliot. Orient. стр.568,929), Hyde (de Religione Vet. Persarum, гл.21, стр. 290, 291), Pocock (Specimen Hist. Arab., стр.70,71), Eutychiuss (Annal., том II, стр.176) Texeira (in Stevens, Hist. of Persia, кн.1, гл.34).

Слух об этом новом законе касательно общности жен, скоро распространился в Сирии (Asseman. Bibliot. Orient., том III, стр. 402) и в Гре-

ции (Прокоп. Persic. кн.1, гл.5). (Или Маздак был одним из тех энтузиастов, которые верят в возможность сделать сразу всех людей добродетельными и счастливыми, или же он был лукавый обманщик, этим способом прикрывавший самые гнусные замыслы. Последнее из этих двух предложений, как кажется, самое правдоподобное. Он принял за основной принцип истину, которая не может быть опровергнута, - что влечение мужчин к богатствам и к женщинам было источником взаимной ненависти, раздоров и войн, причинивших всему миру столько вреда; а отсюда он делал ложный и зловредный вывод, что против этого зла нет другого лекарства, как нераздельное пользование богатствами и ничем не стесняемые чувственные связи между лицами обоего пола. Ануширван, желая положить конец бесчинствам, вызванным такими теориями, стал сдерживать их не умеренными наказаниями, а насилиями. Смертью были наказаны как сам Маздак, так и его последователи, а также все манихеи, которых смешивали с приверженцами этого учения; а невинные дети, родившиеся от этих неразборчивых любовных связей, были отданы в рабство тем более благоразумным людям, которые не увлеклись благовидными софизмами. Жестокости, которые совершались персидским монархом и в этом случае, и во многих других, навлекли на него ненависть его подданных, и хотя услужливые льстецы и раболепные писатели называли его Справедливым, по мнению его подданных, ему был более к лицу эпитет "Кровожадного". - *Издат.*)

39) Он предложил пророку свою собственную жену и свою сестру; но мольбы Ануширвана спасли его мать, и оскорбленный монарх никогда не позабыл унижения, которому подвергалась его сыновья привязанность: *pedes tuos deosculatus* (сказал он Маздаку) *cujus faetor adhuc nares occupat*. (Росcock, Specimen Hist. Arab., стр.71).

40) Прокопий, Persic. кн. 1, гл.II. Не был ли Прокл не в меру предусмотрителен? Не была ли указанная им опасность воображаемой? Предлог был по меньшей мере оскорбителен для такой нации, которая умела читать. Я не думаю, чтобы в Персии был в употреблении какой-либо способ усыновления.

41) На основании того, что говорит Прокопий и Агафий, Пажи (том II, стр. 543, 626) доказал, что Хосров Ануширван вступил на престол на пятом году Юстинианова царствования (A.D. 531, 1 апреля; A.D. 532, 1 апреля). Но Иоанн Малала (том II, 211) указывает правильную хронологию, которая согласна с хронологией греков и восточных жителей. Кабад, или Кобад, после царствования, продолжавшегося сорок три года и два месяца, занемог 8-го и умер 13-го сентября, A.D. 531, имея восемьдесят два года от роду. В летописях Евтихия говорится, что Ануширван царствовал сорок семь лет и шесть месяцев; в таком случае следует полагать, что он умер в марте, A.D. 579.

42) Прокопий, Persic. кн. 1, гл.23. Brisson, de Regn. Pers., стр. 494. Ворота Исфаханского дворца служат или служили сценой для развлечения и для смертной казни (Chardin, Voyage en Perse, том IV, стр. 312, 313).

43) В Персии есть государственный сановник, который называется князем вод. Число колодцев и подземных водопроводов теперь очень уменьшилось, а вместе с тем уменьшилось и плодородие почвы: недавно пропало четыреста колодцев подле Тавриса, а в Хора-

санской провинции их когда-то было сорок две тысячи (Chardin, том III, 99, Tavernier, том 1, стр. 416).

44) Описывая характер и управление Ануширвана, я иногда употреблял подлинные выражения следующих писателей: D'Herbelot (Bibliot. Orient., стр. 680 и сл., по Хондемиру), Eutychius (Annal., том II, стр. 179, 180, которые очень богаты сведениями), Abulpharagius (Dynast. 7, стр. 94, 95 - очень беден сведениями), Tarikh Schikard (стр. 144-150), Texeira (in Stevens, кн. 1, гл. 35), Asseman (Bibliot. Orient., том III, стр. 404 - 410) и abb. Fourmont (Hist. de l'Acad. des Inscriptions, том VII, стр. 325-334), который перевел подложное или подлинное завещание Ануширвана.

45) За тысячу лет до его рождения, персидские судьи публично высказали мнение (Геродот, кн. 3, гл. 31, стр. 210, изд. Wesseling). И этот конституционный принцип не считался за бесполезное и пустое теоретическое правило.

46) Agathias (кн. 2, гл. 66-71) обнаруживает много знаний и сильные предрассудки, когда говорит о положении образования в Персии, о переводах с греческого языка, о философах, софистах, образованности или невежестве Хосрова. (Для познаний Ануширвана и для влияния, которое имел его пример, должны служить мерилom не столько отзывы современных историков, сколько дальнейшие успехи его народа на пути к просвящению. Крайности, в которые впали Маздак и его последователи, вероятно внушили Ануширвану отвращение к учености - чем и можно объяснить холодность, с которой он принял бежавших из Афин философов. Персы и готы были одного происхождения; но эти два племени разошлись в разные стороны в то время, когда и их язык, и их рассудок еще были юны, а затем их развитие шло неодинаковым путем. Готы, пользуясь дикой свободой среди гор и лесов, медленно вырабатывали солидные принципы, а персы, живя в горячем южном климате, достигали скороспелой зрелости более блестящих, но менее солидных способностей. Нечто схожее со складом готского ума можно усмотреть в первоначальных проявлениях персидской интеллигенции, но оно скоро испарилось. Религиозные тенденции, вызванные Зороастром, были извращены магами в средство утверждать их собственное владычество над подавленной интеллигенцией народа. Подобно всякому другому живущему в достатке и честолубивому духовенству, маги поддерживали деспотизм светской власти. Под этим двойным гнетом Персия нишла до самой низкой степени умственного ничтожества. Поэтам и рассказчикам дозволялось давать полную волю их игривой фантазии, но серьезное мышление и вызванные любовью к истине критические исследования были запрещены. - Издат.)

47) Asseman. Bibliot. Orient., том IV, стр. 745-747.

48) "Шахнаме", или "Книга Царей", быть может, содержит оригинальные материалы той истории, которая была переведена на греческий язык Сергием (Agathias, кн. 5, стр. 141), сохранилась после победы мусульман и была переделана стихами в 994 году национальным поэтом Фирдоуси. D'Anquetil (Mem. de l'Academie., том XXXI, стр. 379) и сэр William Jones (Hist. of Nadir Shah, стр. 161).

49) В пятом столетии, армянам было хорошо знакомо имя Рестома или Ростам - героя, сила которого равнялась силе двенадцати сло-

нов (Mose Choronenensis, Hist. Armen. кн. 2, гл. 7, стр. 96, изд. Whiston). В начале седьмого столетия, персидские рассказы о Ростаме и Исфендиаре очень нравились в Мекке (Sale's Koran, гл. 31, стр. 335). Однако Maracci опустил изложение этих Ludicrum novae historiae (Refutat. Alcoran., стр. 544-548).

50) Прокоп. Goth. кн. 4, гл. 10. Стефан Эдесский был любимым греческим доктором Кобада (Persic. кн. 2, гл. 26). Персидские монархи истари выписывали докторов из Греции, а Геродот описал приключения Демокеда Кротонского (кн. 3, гл. 125-137).

51) Ragî, том II, стр. 626. В одном из подписанных им мирных договоров была вставлена делающая ему честь статья касательно веротерпимости в пользу католиков и касательно их похоронных обрядов (Menander, in Excerpt. Legat., стр. 142). Один из сыновей Ануширвана, Нушизад, был христианином, бунтовщиком и мучеником! (D'Herrbelot, стр. 681).

52) Касательно персидского языка и его трех диалектов см. Anquetil (стр. 339-343) и Jones (стр. 153-185). Таков характер, приписываемый Агафием (кн. 2, стр. 66) языку, который славился на Востоке своей поэтической мягкостью.

53) Агафий указывает в особенности на Горгия, Федона, Парменида и Тимея. Renaudot (Fabricius, Bibliot. Graec., том XII, стр. 246-261) не упоминает об этом варварском переводе произведений Аристотеля.

54) Я видел три копии этих басен на трех различных языках: 1. На греческом языке; переводил Simeon Seth (A.D. 1100), с арабского языка; издал Starck в Берлине, в 1697 г., in 12-мо. На латинском языке; этот перевод с греческого языка под названием Sapientia Indorum помещен у Poussin в конце его издания Pachymer'a (стр. 547-620, изд. Roman). 3. На французском языке; перевод с турецкого языка посвящен в 1540 г. султану Солиману. Contes et Fables Indiennes de Pidpai et de Lokmann, par MM. Galland et Cardonne, Paris, 1773, три тома in 12-мо. Wharton (History of English Poetry, ч. 1, стр. 129-131) придерживается более широкого взгляда на этот предмет. (Более точные сведения об этом предмете можно найти в главе XLVI. - Издат.)

55) См. Historia Shahiludii доктора Hyde, Syntagm. Dissertat., том II, стр. 61-69.

56) Вечный мир (Прокопий, Persic., кн. 1, гл. 21) был заключен, или ратифицирован, на шестом году Юстинианова царствования и во время его третьего консульства (A.D. 533, между 1 января и 1 апреля, Ragî, том II, стр. 550). Марцеллин выражается в своей хронике языком Мидян и Персов.

57) Прокопий, Persic., кн. 1, гл. 26.

58) Царь Гиры Альмондар был низложен Кобадом и восстановлен на престол Ануширваном. Его мать была прозвана за свою красоту "Небесной Водой"; это прозвище сделалось наследственным и распространилось из более благородного мотива (щедрость во время голода) на арабских владетелей Сирии (Рососк, Specimen Hist. Arab., стр. 69, 70). (Это независимое арабское государство было основано около 220 года; его основателем был Малек-Бен-Фам-Эласди. В течение четырех с лишним столетий оно управлялось мелкими владетельными князьями под покровительством Персии. В 632 году войска Абу-

бекера завладели им и оно вошло в состав его владений. Главный его город также назывался Гирой; он пришел в упадок, а на его месте стоит теперь Медшид-Али. Об Арете Брюс говорит совершенно иначе в своих "Абиссинских летописях". Об этом еще будет идти речь на следующих страницах этой главы, где Гиббон несколько изменил свое мнение. Касательно Гиры и Медшид-Али см, также главу L. - *Издат.*)

59) Прокопий, *Persic.*, кн.2, гл.1. Нам не известны ни происхождение, ни цель этой *strata* - вымощенной дороги, которая вела на протяжении десяти дней пути из Авраниты до Вавилонии (см. латинское примечание на географической карте Восточной империи Делиля). Весселинг и Анвиль ничего о ней не говорят.

60) Я соединил в одну коротенькую речь то, что говорили Хосрову армянские Арсакиды и готские послы. В своей публичной истории Прокопий, по-видимому, сознает и старается внушить читателям, что настоящим виновником этой войны был Юстиниан (*Persic.*, кн. 2, гл.2, 3).

61) Вторжение в Сирию, гибель Антиохии и пр. подробно и последовательно рассказаны Прокопием (*Persic.*, кн. 2, гл. 5-14). Некоторые дополнительные сведения можно извлечь из произведений восточных писателей: но не они, а сам D'Herbelot (стр.680) должен бы был краснеть от стыда, когда он порицал их за то, что они считали Юстиниана и Ануширвана современниками. D'Anville (*L'Euphrate et le Tigre*) сообщает достаточные и удовлетворительные географические сведения о театре войны.

62) Читая публичную историю Прокопия (*Persic.* кн.2, гл. 16, 18-2, 24-28), мы, за небольшими исключениями, находим основание не доверять злобным намекам "Анекдотов" (гл. 2, 3, с примечаниями Алеманна, которые я всегда имею в виду).

63) Прокопий (*Persic.*, кн.2, гл.15, 17, 28-30. *Gothic.* кн.4, гл.7-16) и Агафий (кн.2-4, стр. 55-132, 141) описывают скучно и длинно войну в Лазике и борьбу римлян с персами на Фасисе.

64) *Periplus*, или плавание вдоль берегов Евксинского моря описано на латинском языке Саллюстием, а на греческом - Аррианом. - 1. Первое из этих сочинений утрачено, но оно было восстановлено *замечательным* усердием первого президента Дижонского парламента де Бросса (*Hist. de la Republique Romaine*, том II, кн. 3, стр. 199-298), который имел смелость принять на себя роль римского историка. Его описание Евксинского моря остроумно составлено из *всех* отрывков подлинника и из *всех* произведений греческих и латинских писателей, у которых Саллюстий мог что-либо заимствовать или которые могли что-либо заимствовать от Саллюстия; а искусное исполнение этого замысла может служить извинением его нелепости. 2. *Periplus* Арриана посвящен императору Адриану (*In Geograph. Minor.* Hudson, том 1); он содержит в себе все, что губернатор Понта видел собственными глазами между Трапезундом и Диоскуриадой, все, что он слышал о промежутке между Диоскуриадой и Дунаем и все, что он знал о промежутке между Дунаем и Трапезундом.

65) Кроме случайных указаний, которые разбросаны в сочинениях древних поэтов, историков и пр., можно обратиться к географиче-

ским описаниям Колхиды, которые находятся у Страбона (кн. II, стр. 760-765) и у Плиния (Hist. Natur., VI, 5, 19 и сл.).

66) Для меня служили руководителями три новейших писателя, описывавшие Мингрелию и соседние страны: 1. Pere Archangeli Lamberti (Relations de Thevenot, ч.1, стр. 31-52 с географической картой), который отличался ученостью и предрассудками миссионера. 2. Chardin (Voyages en Perse, том I, стр. 54, 68-168); его наблюдения основательны, а его собственные приключения в этой стране еще поучительнее его наблюдений. 3. Peyssonel (Observations sur Les Peuples Barbares, стр. 49-51, 58, 62, 64, 65, 71 и сл. и более новый трактат Sur Le Commerce de la Mer Noire, том II, стр. 1-53); он долго жил в Каффе в качестве французского консула; а его ученость имеет менее цены, чем его опытность.

67) Плиний, Hist. Natur., кн.33, 15. Золотые и серебряные руды Колхиды привлекли аргонавтов (Страб. кн.1, стр.77). Chardin, несмотря на пронизательность своего ума, не нашел золота ни в рудах, ни в реках, ни где-либо в другом месте. Однако один мингрельский уроженец лишился руки и ноги за то, что показывал в Константинополе образчики золота, привезенного с его родины. (Все древние писатели единогласно приписывают жителям Колхиды египетское происхождение; но их считают потомками солдат, оставленных там Сезострисом. Эти поселенцы едва ли были учеными и образованными колонистами; на это нет никаких доказательств, точно так же как нет никаких доказательств промышленной и торговой деятельности, за которую можно бы было назвать их отечество "Голландией древних народов". О добывании золота в Колхиде не упоминают ни Геродот, ни Диодор Сицилийский. На свидетельство Страбона нельзя полагаться, так как он сам сознается, что реки Каспийской Иберии, которые, как рассказывали, несли эти желтоватые пески на земли сванов, могли быть ошибочно приняты тем, кто доставил ему эти сведения, за золотосные потоки Западной, или Испанской, Иберии. А когда он перечисляет продукты Колхиды (кн. II, стр.762), он не включает в них те сокровища, которые - как он далее сам говорит - отыскивали аргонавты. Сведения, сообщаемые об этом предмете Плинием, так отрывочны, что не могут иметь большого веса. Правда он указывает на этот округ как на такой, из которого римляне могли получать подати этим драгоценным металлом. Но заимствованное им, по-видимому, от Страбона сведение, что это золото добывалось там на землях сванов, сопровождается очень сомнительным "dicitur" и ссылками на те признаки богатства, которые Гиббон откладывает в сторону как басни, "которые заходят за пределы того, чему можно верить". Легенда о золотом руне, которую классическое благочестие чтит за исторический факт, вероятно, и создала воображаемые богатства страны, которая на самом деле, как кажется, всегда была дикой и бедной. На основании таких-то авторитетов Ариан повторял эту легенду. - Издат.)

68) Геродот, кн.2, гл.104, 105, стр. 150, 151. Диод. Сицил. кн.1, стр.33, изд. Wesseling; Dionys. Perieget. 689 и Eustath. ad Loc. Schollast. ad Apollonium Argonaut., кн.4, 282-291.

69) Montesquieu, Esprit des Loix, кн. 21, гл.6. L'Isthme... couvert de villes et nations qui ne sont plus.

70) Bougainville, *Memoires de l'Academie des Inscriptions*, том XXVI, стр.33, о путешествии Ганнона в Африку и о торговле древних.

71) Греческий историк Тимосфен утверждал: *In eam CCC nationes dissimilibus linguis descendere*; а скромный Плиний довольствуется тем, что прибавляет: *et a postea a nostris CXXX Interpretibus negotis ibi gesta* (VI, 5); но затем слова *nunc deserta* прикрывают множество прежних вымыслов. (Невнимательные читатели, быть может, не заметят, что этим примечанием Гиббон уничтожает доверие ко всему, что рассказывали древние писатели об удивительной торговле Диоскуриады. Такой благоразумный писатель, как Плиний, не должен бы был цитировать историка, который рассказывал ему о трехстах различных языках, на которых говорили в такой неотдаленной местности. Впрочем, смысл его слов, как кажется, был ложно истолкован. Если во времена римского владычества в Диоскуриаде велась такая обширная торговля, что было достаточно занятий для ста тридцати переводчиков, то из этого еще не следует, что каждый из этих переводчиков говорил на особом диалекте. Даже это число грубых диалектов неправдоподобно. Его слова *littora fera nationes tenent* опровергают существование прежней широкой цивилизации: Из того, что говорит Страбон (кн.11), можно заключить, что различные языки, на которых будто бы говорили в Диоскуриаде, употреблялись вовсе не теми, кто занимался торговыми делами.

72) Бюффон (*Hist. Nat.*, том III, стр. 433-437) собрал единоголасные отзывы натуралистов и путешественников. Если во времена Геродота они действительно были *melagchroes* (греч.) и *oulotriches* (греч.) (а он наблюдал за ними очень внимательно), то этот драгоценный факт служит примером влияния, которое климат оказывает на иноземных переселенцев.

73) Один мингрельский посол прибыл в Константинополь с двумястами людьми; но он проедал (продавал) их мало-помалу, пока в его свите не осталось только три человека - один секретарь и два лакея (Tavernier, том 1, стр. 365). Чтобы добыть деньги на покупку любовницы, один мингрельский дворянин продал туркам двенадцать попов и свою жену (Chardin, том 1, стр.66).

74) Страбон, кн.II, стр. 765. Lamberti, *Relation de la Mingrelle*. Однако мы не должны впадать в противоположную крайность Chardin'a, который определяет число населения не более как в двадцать тысяч при ежегодном вывозе двенадцати тысяч рабов; эта несообразность недостойна такого здравомыслящего путешественника.

75) Геродот, кн.3, гл.97. См. в кн.7, гл.79 описание их вооружения и подвигов во время похода Ксеркса в Грецию.

76) Ксенофонт, сражавшийся с уроженцами Колхиды во время своего отступления ("Анабазис", кн.4, стр.320, 343, 348, изд. Hutchinson и Диссертация Foster'a, стр. 53-58, in Spelman's English version, ч. II), называет их *autonomoi* (греч.). До побед Митридата, Аппиан называл их *ethnos areimanes* (греч.) (de Bell. Mithridatico, гл. 15, том 1, стр. 661 последнего и лучшего издания John Schweighaeuser'a, Лейпциг, 1785, три тома in 8°).

77) О завоевании Колхиды Митридатом и Помпеем говорят: Аппиан (de Bell. Mithridat.) и Плутарх (in Vit. Pomp.).

78) Возвышение и падение рода Полемона можно проследить в произведениях следующих писателей: Страбона (кн. 11, стр. 755; кн. 12, стр. 867), Диона Кассия, или Ксифилина (стр. 588, 593, 601, 719, 754, 915, 946, изд. Reimar.), Светония (in Neron., гл. 18, in Vespasian, гл. 8), Евтропия (VII, 14), Иосифа (Antiq. Judae., кн. 20, гл. 7, стр. 970, изд. Havercamp) и Евсевия (Chron. with Scaliger. Animadvers, стр. 196). (По словам самых древних из этих писателей, к которым можно присовокупить Тацита (Hist. 3.47), Полемоны были царями Понта, а не Колхиды, которая, по словам Иосифа, была в ту пору подчинена Ироду. Сын Зенона Анамейского Полемон впервые получил В.С. 39 от Антония часть Киликии; но после удаления Фарнакова сына Дария Понт был отдан в его владение, В.С. 36 (Clinton, F.H. III.428). Действительно, Страбон говорит на стр. 763, что Полемон и его жена Пифодора царствовали в Колхиде, но на стр. 833 он это опровергает, говоря, что они царствовали над жившими в Понте тибаренами (Cellarius, II. 283) и над халдеями (по ошибке вместо халибов). Он также говорит, что их владения не простирались далее Трапезунда и граничили с востока с Колхидой. Город Полемонополь находился в Понте и дал свое имя одной части этой провинции. Агриппа, В.С. 16, дал Полемону в придачу царство Босфорское, а сын Полемона наследовал отцовские владения с разрешения Калигулы, А. D. 38. Но их владычество было лишь номинальное и не продолжалось одного столетия; последний из них уступил свои владения Нерону, который ввел в них римское управление. - *Издат.*)

79) Во времена Прокопия на Фасисе не было римских фортов. Питий и Севастополь были очищены вследствие слуха о приближении персов (Goti., кн. 4, гл. 4), но последний из этих городов был впоследствии занят войсками Юстиниана (de Edif., кн. 4, гл. 7).

80) Во времена Плиния, Арриана и Птолемея лазы составляли особое племя, жившее на северной окраине Колхиды (Cellarius, Geograph. Antiq., том II, стр. 222). Во времена Юстиниана они распространились по всей стране или по меньшей мере владычествовали в ней. В настоящее время они живут вдоль морского побережья в направлении к Трапезунду; это грубый народ, который живет мореходством и говорит на особом языке (Chardin, стр. 149. Peyssonel, стр. 64). Лазы, как рассказывают, пришли с Босфора и поселились в Колхиде. Но никто никогда не слышал о них в окрестностях Босфора, а их имя указывает на их славянское происхождение. *Лаза* на их языке значит *лес*; стало быть они были просто *лесные жители*. В древние времена страна была густо покрыта лесами (Прокоп. de Bell. Pers., 2.15) и новейшие путешественники нашли ее в таком же виде (Chardin, стр. 196). В этих убежищах, вероятно, укрывались *славянские* мародеры, или дезертиры, которые, размножившись там, получили то название, под которым разрослись в целое племя. - *Издат.*)

81) Иоанн Малала, Chron., том II, стр. 134-137. Феофан, стр. 144. Hist. Miscell., кн. 15, стр. 103. Этот факт достоверен, но он, как кажется, должен быть отнесен к более ранней эпохе. Говоря о своем союзе с персами, жившие во времена Юстиниана лазы употребляли такие выражения, которые служат указанием на очень отдаленные

времена. Разве эти слова могли относиться к такому союзу, который был разорван лишь лет за двадцать перед тем?

82) Следы существования Петры сохранились только в произведениях Прокопия и Агафия. Можно отыскать большую часть городов и фортов Лазики, если сравнить их названия и положение с географической картой Мингрелии, которую издал Ламберти.

83) См. интересные письма римского путешественника Pietro della Valle (Viaggi, том II, стр. 207, 209, 213, 215, 266, 286, 300; том III, стр. 54, 127). В 1618, 1619 и 1620 годах он беседовал с шахом Аббасом и настоятельно убеждал его приступить к исполнению плана, который соединил бы Персию и Европу против их общих врагов - турок.

84) См. Геродота (кн. 1, гл. 140), который говорит об этом с недоверием; Larcher (том I, стр. 399 - 401. Notes sur Herodote); Прокопия (Persic., кн. 1, гл. 11) и Агафия (кн. 2, стр. 61, 62). Этот обычай, согласный с Зендавестой (Hyde, de Relig. Pers., гл. 34, стр. 414 - 421), доказывает, что погребение персидских царей (Ксенофонт, "Киропед", кн. 8, стр. 658) есть греческий вымысел и что их гробницы были нечто иное, как кенотафии.

85) Сдирание с живых преступников кожи не могло быть введено в Персии Сапором (Brisson, de Regn. Pers., кн.2, стр.578), и не могло оно быть заимствовано из нелепой сказки о фригийском флейтисте Марсии, на которую легкомысленно ссылается Агафий, как на прецедент (кн.4, стр. 132, 133).

86) В Константинопольском дворце было тридцать силентиариев, которых называли hastati ante fores cubiculi; это был почетный титул, дававший сенаторское звание, но без сенаторских обязанностей. (Код. Феод. кн.6. тит.23. Gothofred. Comment., том II, стр.129).

87) Описанию этого судебного разбирательства Агафий (кн.3, стр. 81-89; кн. 4, стр. 108-119) посвящает восемнадцать или двадцать страниц, наполненных фальшивой и цветистой риторикой. По невежеству или по небрежности он упускает из виду самый сильный аргумент в осуждение царя Лазики - его прежнее восстание. (Эти факты изложены Клинтоном (F.R.I. 802-812) в следующей последовательности: A.D. 554, смерть Мермероза и умерщвление Губаза; A.D. 555, поражение Накорагана на берегах Фасиса; A.D. 556, суд над убийцами Губаза; A.D. 557, отозвание и казнь Накорагана; A.D. 562, заключение мира. - *Издат.*)

88) Прокопий описал, как обходились с иностранными послами при готском дворе в Равенне (Goth. кн.1, гл.7); с таким же недоверием и с такой же строгостью обходились с иностранными послами в Турции (Busbequius, epist. 3, стр. 149, 242 и сл.) в России (Voyage d'Olearius) и в Китае (Рассказ de Lange'a в Путешествиях Bell'я, ч.2, стр.189-311).

89) Переговоры и мирные договоры между Юстинианом и Хосровом подробно описаны Прокопием (Persic., кн.2, гл.10, 13, 26-28; Gothic., кн.2, гл.11,15), Агафием (кн.4, стр.141,142) и Менандером (in Excerpt. Legat., стр.132-147). См. Barbeyrac, Hist. des Anciens Traites, том II, стр. 154, 181-184, 193-200).

90) D'Herbelot, Bibliot. Orient. стр. 680, 681, 249, 295.

91) См. Buffon, Hist. Naturelle, том 3, стр. 449. Тот факт, что арабский отпечаток в чертах и цвете лица сохранялся в абиссинской колонии в

течение трех тысяч четырехсот лет (Ludolph. Hist. et Comment. Aethiopic. кн. 1, гл. 4.), подтверждает догадку, что как климат, так и происхождение влияли на внешние особенности негров соседних стран и им подобных.

92) Португальские миссионеры Alvarez (Ramusio, том I, fol. 204, rect. 274, vers.), Bermudez (Purchas's Pilgrims, ч. II, кн. 5, гл. 7, стр. 1149-1188), Lobo (Relation, etc. par M. le Grand, с пятнадцатью Диссертациями, Париж, 1728) и Tellez (Relation de Thvenot, часть 4) могли рассказывать о новейшей Абиссинии только то, что они видели или выдумали. Ученость Ludolphus'a на двадцати пяти языках (Hist. Aethiopica, Франкфурт, 1681; Commentarius, 1691; Appendix, 1694) дает лишь очень мало сведений о ее древней истории. Однако слава завоевателя Йемена, Каледа, или Эллисфея, превозносится в национальных песнях и легендах.

93) О переговорах Юстиниана с аксумитами, или эфиопами, говорят Прокопий (Persic. кн. I, гл. 19, 20) и Иоанн Малала (том II, стр. 163-165, 193-196). Антиохийский историк цитирует подлинный рассказ посла Нонноса, а Фотий (Biblilot. cod. 3) сохранил один интересный отрывок из этого рассказа.

94) Cosmas Indicopleustes (Topograph. Christian., кн. 2, стр. 132, 138-140; кн. II, стр. 338, 339) интересно описал торговлю аксумитов, которая простиралась до берегов Индии и Африки и до острова Цейлона.

95) Ludolph. Hist. et Comment. Aethiop. кн. 2, гл. 3. (Летописи Абиссинии (Bruce's Travels, кн. 47 и сл.) представляют эти события в ином свете. Эта страна была первоначально населена племенем пастухов и называлась на их языке "Бербер", откуда и произошло наше слово "варвар"; она часто управлялась женщинами. Одна из этих женщин посетила Соломона. Слова "шеба", "саба", "азаб" или "азаба" обозначали юг, так что титул, под которым она известна, обозначал лишь то, с какой стороны она приехала. После своего возвращения домой она отправила своего сына Менилака в Иерусалим для того, чтобы он воспитывался там под руководством своего знаменитого отца. Молодой принц привез оттуда с собою еврейскую колонию, которая обратила его подданных в иудейскую веру. Благодаря этому, они стали приучаться к оседлой жизни и стали заниматься торговлей, которая ввела их в сношения с Аравией и Индией, с одной стороны, а с другой стороны, с более северными странами, которым они доставляли произведения тропических стран. Их государи, называвшиеся нагасхами или найясхами, поселили ради удобств торговли на противоположных берегах Йемена многочисленную колонию, которая под названием гомеритов (химьяритов) оставалась в зависимости от той страны, из которой вышла. После разрушения Иерусалима, некоторые из рассеявшихся в разные стороны евреев поселились в Аравии и образовали несколько мелких независимых государств. Сходство религиозных верований поддержало дружеские сношения между ними и их соседями гомеритами. Но когда эти последние, после обращения Абиссинии в христианство Фрументием, также приняли христианскую веру, то недоверие и взаимное отвращение заменили приветливость и дружбу. Во времена Юстиниана (Брюс говорит Юстина) один абиссинец, ко-

торого арабы называли Карвариатом или Ариатом, а греки Аретой, был христианским правителем Нажирана. Вероятно, в то время как он старался обращать других в свою веру, он попал в руки иудейского царя Ятреба, по имени Финей, и вместе с девяноста товарищами или последователями погиб в огненной пропасти. Его сын, носивший то же имя, и жившие в Нажирани христиане обратились к греческому императору с просьбой о помощи и отмщении. Юстиниан, не имея возможности отрядить войска для этой цели, послал послов к правителю Абиссинии Каледу, который по их настоянию дал приказание губернатору Йемена Абреге употребить находившуюся под его начальством армию на эту священную войну. Финей был разбит, и христиане были ограждены от дальнейших притеснений. Но ни одно из мелких еврейских государств не было покорено. И эти государства, и гомериты существовали до тех пор, пока их независимость не была уничтожена Персией и пока они не были покорены Мехмедом. Таким образом, все эти факты представляют один последовательный рассказ; но греческие историки, которых Гиббон придерживался во многих местах этой главы, разделяют эти события на два сбивчивых и противоречивых рассказа. Имя Ареты упоминается ими в различных случаях, которые нельзя согласовать одни с другими; оттого-то это имя, по-видимому, обозначает у них двух различных людей. Но на деле существовал только один Арета. Византийские писатели, очевидно, повторяли неясные слухи, тогда как в Абиссинии сохранялись достоверные предания. - *Издат.*)

96) Город Негра, или Награн, в Йемене окружен пальмовыми деревьями и стоит на большой дороге, которая ведет из столичного города Сааны в Мекку; он находится от первого из этих городов на расстоянии десяти дней караванного пути на верблюдах, а от второго на расстоянии двадцати дней пути (Абульфеда, "Описание Аравии", стр. 52).

97) Мученическая смерть владельца Негры св. Ареты и трехсот сорока его товарищей разукрашена в легендах Метафраста и Никифора Каллиста, списанных Баронием (A.D. 522, № 22-66; A.D. 523, № 16-29) и опровергается с ничего не разъясняющим усердием Баснажем (Hist. des Juifs, том XII, кн. 8, гл. 2, стр. 333-248), который изучал положение евреев в Аравии и в Эфиопии.

98) Альварец (in Ramusio, том I, fol. 310, vers. 221, vers.) видел цветущее состояние Аксума в 1520 году - *luogo molto buono e grande*. В том же столетии Аксум был razoren вследствие нашествия турок. Осталось в целости не более ста домов; но воспоминание о его прежнем величии сохраняется благодаря тому, что там коронуются цари (Ludolph. Hist. et Comment., кн. 2, гл. II). (Название Аксум было греческой формой названия Агзааб, которое, на языке пастушеских племен, означало *главный город* (Bruce, II, 387). Он был сожжен в 1535 году жившими в Аделе маврами, с которыми вел неудачную войну абиссинский царь Давид. - *Издат.*)

99) О переворотах, происходивших в Йемене в шестом столетии, рассказывают: Прокопий (Persic. кн. I, гл. 19,20), Theophanes Byzant. (apud. Phot. cod. 63, стр. 80), St. Theophanes (in Chronograph., стр. 144, 145, 188, 189, 206, 207, у которого множество странных

промахов), Pocock (Specimen Hist. Arab., стр. 62, 65), D'Herbelot (Bibliot. Orientale, стр. 12, 477) и Sale (*Предварительное рассуждение и Коран*, гл. 105). О восстании Абраха упоминает Прокопий, а его падение есть исторический факт, хотя рассказы о нем очень туманны вследствие примеси чудес. (Так как Гиббон полагается на свидетельства, не всегда согласные с более достоверными сведениями, то он делает совершенно фантастическое предположение, говоря о той случайности, которая могла бы служить препятствием для успехов Мухаммеда. Брюс приписывает успехи арабов другим причинам, о которых будет говорено в своем месте. - *Издат.*)

ГЛАВА XLIII

Восстания в Африке. — Тотила восстанавливает владычество готов. — Рим взят готами и снова отнят у них. — Окончательное покорение Италии Нарсесом. — Слава остготов совершенно угасает. — Поражение франков и алеманнов. — Последняя победа, опала и смерть Велисария. — Смерть Юстиниана и его характер. — Кометы, землетрясения и моровая язва.

Сделанный нами обзор событий, совершавшихся на пространстве между Дунаем и Нилом, постоянно свидетельствовал о слабости римлян, и мы имеем полное основание удивляться тому, что они пытались расширять империю, не будучи в состоянии защищать и прежних ее границ. Но войны, завоевания и триумфы Юстиниана были немощными и пагубными усилиями старости, которые истощают последние остатки ее энергии и ускоряют окончательный упадок ее жизненных сил. Он гордился тем, что возвратил республике Африку и Италию; но бедствия, которыми сопровождалось удаление Велисария, обнаружили бессилие завоевателя и довершили гибель этих несчастных стран.

Юстиниан ожидал, что его новые территориальные приобретения удовлетворят его корыстолюбие так же щедро, как они удовлетворили его гордость. Алчный министр финансов следовал за Велисарием почти по пятам, а так как старые списки плательщиков податей были сожжены вандалами, то он давал полную волю своей фантазии, оценивая слишком высоко состояния африканцев и произвольно облагая их податями¹⁾.

Увеличение налогов, собиравшихся в пользу жившего вдалеке монарха, и отобрание всех коронных земель скоро вывели жителей из радостного упоения; но император не обращал внимания на сдержанные жалобы народа; он пробудился из своего усыпления и встревожился только тогда, когда узнал о неудовольствии армии. Многие из римских солдат женились на вдовах и дочерях вандалов. На основании двойного права завоевания и наследства, они требовали в собственность те земли, которые были отведены Гензерихом

его победоносным войскам. Они с пренебрежением выслушивали холодные и внушенные эгоизмом увещания своих офицеров, которые доказывали им, что щедрость Юстиниана возвысила их из прежнего дикого или рабского состояния, что они уже обогатились африканской добычей, — теми сокровищами, рабами и движимостью, которые они отняли у варваров, и что древнее и законное достояние императоров будет употребляться на поддержание того самого правительства, которое будет охранять и их собственную безопасность, и полученное ими вознаграждение. Мятеж втайне разжигали тысяча солдат, большей частью герулов, преданных арианскому учению и действовавших по наущению арианского духовенства, — и ничем не стесняющийся фанатизм придавал святость делу клятвоступников и бунтовщиков. Ариане оплакивали гибель своей Церкви, более ста лет господствовавшей в Африке, и были основательно раздражены законами завоевателя, запрещавшими им крестить их детей и исполнять какие-либо религиозные обряды. Те вандалы, которые были выбраны Велисарием, большей частью позабыли и свою родину, и свою религию среди почестей, приобретенных службою на Востоке. Но небольшой их отряд, состоявший из четырехсот человек, воодушевившись благородным мужеством, принудил матросов везти их в другую сторону в то время, как они были в виду острова Лесбоса; они пристали на короткое время к берегам Пелопоннеса, затем стали на мель у пустынного африканского берега и смело водрузили на горе Авразии знамя независимости и восстания. Между тем как стоящие в провинциях войска отказывались исполнять приказания своих начальников, в Карфагене был составлен заговор против жизни Соломона, с честью занимавшего место Велисария, и ариане из благочестия решились принести тирана в жертву у подножия алтаря во время торжественного празднования Пасхи. Страх или угрызения совести помешали убийцам взяться за кинжалы, но терпеливость Соломона придавала смелости недовольным, и по прошествии десяти дней в цирке вспыхнул неистовый мятеж, свирепствовавший в Африке в течение десяти лет с лишним. Грабеж города и избиение всех без разбора жителей были приостановлены только наступлением ночи, усыплением и опьянением; губернатор и

вместе с ним семеро человек, в числе которых находился историк Прокопий, спаслись бегством в Сицилию; две трети армии были вовлечены в измену, и восемь тысяч инсургентов, собравшихся на полях Буллы, избрали своим вождем простого солдата, по имени Стотца, обладавшего в высшей степени дарованиями бунтовщика. Его красноречие было способно, под маской свободы, руководить страстями его равных или по меньшей мере разжигать их. Он возвысил себя до одного уровня с Велисарием и с племянником императора, осмелившись померяться с ними на поле сражения; он был разбит, но победившие его полководцы были вынуждены сознаться, что Стотца был достоин защищать более правое дело и начальствовать с более законной властью. Будучи побежден на поле сражения, он выказал свою ловкость в ведении переговоров; он вовлек целую римскую армию в нарушение данной ею присяги, а ее начальники, положившиеся на его вероломные обещания, были по его приказанию умерщвлены в одной из нумидийских церквей. Когда истощились все ресурсы, доставляемые силой или коварством, Стотца удалился с несколькими бесстрашными вандалами в пустыни Мавритании, вступил в брак с дочерью одного варварского владетельного князя и избежал преследования врагов, распутивши слух о своей смерти. Личное влияние Велисария, высокое положение, мужество и хладнокровие Юстинианова племянника Германа и энергичное и удачное вторичное управление евнуха Соломона восстановили дисциплину в лагере и на время поддерживали внутреннее спокойствие Африки. Но пороки византийского двора отзывались на этой отдаленной провинции; войска жаловались на то, что они не получали жалованья и служили там бессменно, а лишь только общественная неурядица назрела, Стотца ожил и появился с оружием в руках у ворот Карфагена. Он пал в единоборстве, но в предсмертной агонии он улыбнулся, когда ему сказали, что пущенный им дротик попал прямо в сердце его противника. Пример Стотцы и уверенность, что в случае удачи простой солдат может сделаться царем, воспламенили честолюбие Гонтара, и, в силу тайного договора, он обязался разделить Африку с маврами, если они помогут ему вступить на карфагенский престол. Слабый

Ареобинд, неспособный управлять ни в мирное, ни в военное время, был возведен в звание экзарха благодаря своей женьтибе на племяннице Юстиниана. Он был внезапно низвергнут взбунтовавшимися телохранителями, а его униженные мольбы возбудили в безжалостном тиране не сострадание, а презрение. Процарствовав тридцать дней, сам Гонтар был заколот на банкете рукой Артабана, и очень странным кажется тот факт, что верховная власть Римской империи над Карфагеном была восстановлена армянским принцем, происходившим из царского рода Аршакидов. В заговоре, направившем меч Брута в грудь Цезаря, все подробности интересны и важны в глазах потомства, но виновность или заслуга этих преданных своему государю или взбунтовавшихся убийц могла интересовать лишь современников Прокопия, которые по своим надеждам или опасениям, по дружбе или по неприязни, сами были заинтересованы в переворотах, совершавшихся в Африке²).

Эта страна быстро опускалась в то варварство, из которого была выведена финикийскими колониями и римскими законами, и каждая ступень внутреннего разложения отмечалась какой-нибудь прискорбной победой варварства над цивилизацией. Хотя мавры³) не имели понятия о справедливости, они не выносили угнетения; их бродячая жизнь и беспредельные степи охраняли их от военных предприятий и от притязаний завоевателя, а опыт уже доказал, что ни их клятвы, ни оказанные им милости не могли считаться поруками за их преданность. Напуганные победой при горе Авразии, они на время покорились; но если они уважали личность Соломона, зато ненавидели и презирали гордость и невоздержанность двух его племянников Кира и Сергия, которым их дядя неблагоразумно поручил управление провинциями Триполийской и Пентапольской. Одно мавританское племя раскинуло свой лагерь под стенами Лепта с целью возобновить союз и принять от губернатора обычные подарки. Избранные им восемьдесят депутатов были впущены в город в качестве друзей, но, по легкому подозрению в заговоре, были умерщвлены за столом у Сергия; тогда призыв к войне и к мщению раздался по всем долинам Атласских гор, от обоих Сиртов до Атлантического океана. Личная обида и несправедливая казнь или умерщвление брата сделали Антала врагом римлян. Свою

храбрость он уже ранее того выказал в поражении, которое нанес вандалам; его понятия о справедливости и его благоразумие были тем более замечательны, что он был родом мавр, и, в то время как он обращал город Адрумет в груды пепла, он хладнокровно убеждал императора, что внутреннее спокойствие Африки может быть обеспечено отозванием Соломона и его недостойных племянников. Экзарх вывел свои войска из Карфагена, но на расстоянии шести дней пути от этого города, в окрестностях Тебеста⁴⁾, он был поражен многочисленностью и грозным видом варваров. Он предложил мирный договор, искал примирения и обещал, что свяжет себя самыми торжественными клятвами. "Какими клятвами может он себя связать? - прервали раздраженные мавры. - Не будет ли он клясться на Евангелии, которое считается Священной книгой у христиан? На этой самой книге его племянник Сергий клялся перед нашими восьмьюдесятью невинными и несчастными соотечественниками. Прежде чем вторично полагаться на нее, мы желаем проверить, будет ли она в состоянии наказать клятвопреступника и отмстить за свою собственную честь". За ее честь отомстили на полях Тебеста смерть Соломона и совершенная гибель его армии. Прибытие свежих войск и более искусных военачальников скоро сдержало наглость мавров; семнадцать мавританских князей пали в одной и той же битве, а сомнительная и временная покорность их племен вызвала необузданные выражения радости со стороны константинопольского населения. Беспрестанные нашествия уменьшили африканскую провинцию до одной трети величины Италии; тем не менее римские императоры в течение более ста лет владычествовали над Карфагеном и над плодоносными берегами Средиземного моря. Но и победы, и неудачи Юстиниана были одинаково пагубны для человеческого рода, и таково было опустошение Африки, что во многих местностях путешественник мог странствовать целые дни, не встретив ни одного ни друга, ни недруга. Племя вандалов исчезло; оно когда-то состояло из ста шестидесяти тысяч воинов, не включая в это число детей, женщин и рабов. Число мавров, погибших в ожесточенных войнах, было несравненно более значительно, а климат, внутренние распри и ярость варваров вымещали эту резню на римлянах и на их союзниках. Когда Проко-

пий в первый раз высадился на африканском берегу, он восхищался многолюдностью городов и деревень, деятельно занимавшихся торговлей и земледелием. Менее чем через двадцать лет эта оживленная сцена превратилась в безмолвную пустыню; богатые граждане бежали в Сицилию и в Константинополь, и тайный историк смело утверждал, что войны и управление Юстиниана стоили Африке пять миллионов людей⁵⁾.

Зависть византийского двора не позволила Велисарии довершить завоевание Италии, а его внезапный отъезд ободрил готов⁶⁾, уважавших его за гений, за добродетели и даже за те похвальные мотивы, которые побудили Юстинианова подданного обмануть их и отвергнуть их предложения. Они лишились своего короля (это была не важная потеря), своей столицы, своих сокровищ, всех провинций от Сицилии до Альп и военной силы из двухсот тысяч варваров, снабженных великолепными лошадьми и оружием. Однако еще не все было потеряно, пока Павию обороняли тысяча готов, которых воодушевляли чувство чести, любовь к свободе и воспоминание об их прежнем могуществе. Главное начальство было единогласно предложено храброму Ураие, и только в его глазах несчастья его дяди Витигеса не позволяли ему принять предложенный пост. По его совету выбор пал на Гильдибальда, к личным достоинствам которого присоединялась тщетная надежда, что его родственник, испанский монарх Февд, вступится за близкие ему интересы готского племени. Его военные успехи в Лигурии и в Венетии, по-видимому, оправдывали этот выбор; но он скоро доказал, что был неспособен ни простить оказанное ему благодеяние, ни превзойти великодушие своего благодетеля. Супругу Гильдибальда глубоко оскорбляли красота, богатство и гордость жены Ураии, и смерть этого добродетельного патриота возбудила негодование вольного народа. Один отважный убийца привел в исполнение приговор недовольных, отрубив во время пира голову Гильдибальда; иноземное племя ругиев присвоило себе право избрания, а племянник последнего короля Тотила готов был, из жажды мщения, отдаться в руки римлян вместе со стоявшим в Тревиго гарнизоном. Но храброго и образованного юношу без большого труда убедили предпочесть готский престол службе у Юстиниана, и лишь только

выбранный ругиями узурпатор был удален из павийского дворца, Тотила сделал смотр всем военным силам народа, состоявшим из пяти тысяч солдат, и решился восстановить готское владычество в Италии.

Облеченные одинаковой властью одиннадцать военачальников, которые заменили Велисария, не позаботились об окончательном истреблении слабых и разрозненных готов, пока не были выведены из своего бездействия успехами Тотилы и упреками Юстиниана. Ворота Вероны были втайне отворены перед Артабазом, который находился во главе одной сотни персов, состоявших на императорской службе. Готы бежали из города. На расстоянии шестидесяти стадий римские военачальники остановились для распределения добычи. В то время как они спорили между собою, неприятель заметил, как незначительно число победителей: персы были тотчас подавлены более многочисленным неприятелем, и только тем, что Артабазу удалось спрыгнуть с городской стены, он спас свою жизнь, которой лишился через несколько дней после того от копья варвара, вызвавшего его на единоборство. Двадцать тысяч римлян встретились с армией Тотилы подле Фаэнцы и на возвышенностях Мугелло, принадлежавшего к флорентинской территории. Пылкому мужеству вольных людей, сражавшихся из-за того, чтобы обратно завоевать свою родину, было противопоставлено вялое хладнокровие наемных войск, не обладавших даже теми достоинствами, которые даются привычкой к дисциплине и к повиновению. При первой атаке они покинули свои знамена, побросали свое оружие и рассыпались в разные стороны с такой торопливостью, которая уменьшила понесенные ими потери, но увеличила позор их поражения. Король готов, стыдившийся низкой трусости своих противников, подвигался быстрыми шагами вперед по пути чести и победы. Тотила перешел через По, прошел сквозь Апеннины, отложил до другого времени завоевание Равенны, Флоренции и Рима и, пройдя по самой середине Италии, приступил к осаде или, вернее, к блокаде Неаполя. Римские военачальники заперлись в занятых ими городах, обвиняли один другого в общей беде, но не посмели воспрепятствовать его предпринятию. Но император встревожился при известии о бедственном положении его итальянских владений и об угро-

жавшей им опасности и поспешил отправить на выручку Неаполя флот, состоявший из галер, и отряд фракийских и армянских солдат. Эти войска высадились в Сицилии, которая отдала в их распоряжение свои обильные запасы провизии; но медлительность нового начальника, который был неопытный в военном деле гражданский чиновник, продлила страдания осажденных, а незначительные и запоздалые подкрепления, которые он пытался им пересылать, перехватывались вооруженными судами, которые были поставлены Тотилой в Неапольской бухте. Главного из римских офицеров притащили с накинутаю на его шею веревкой к подножию городской стены, откуда он дрожащим голосом уговаривал жителей просить, подобно ему, пощады у победителя. Они попросили перемирия, обещая сдать город, если в течение месяца никто не придет к ним на помощь. Вместо одного месяца отважный варвар дал им три в основательной уверенности, что голод сократит назначенный для капитуляции срок. После покорения Неаполя и Кум готский король овладел провинциями Луканией, Апулией и Калабрией. Он довел свою армию до ворот Рима, раскинул свой лагерь в Тибуре, или Тиволи, в двадцати милях от столицы и спокойно предложил сенату и народу сравнить тиранию греков с благодеяниями готского управления.

Быстрые успехи Тотилы можно частью приписать перемене, произведенной в чувствах итальянцев трехлетним опытом. По приказанию или по меньшей мере от имени католического императора их духовный отец папа⁷⁾ был отторгнут от римской церкви и кончил жизнь на пустынном острове от голода или от руки убийцы⁸⁾. Добродетели Велисария уступили место разнообразным или, вернее, однообразным порокам одиннадцати начальников Рима, Равенны, Флоренции, Перузии, Сполето и т. д., которые злоупотребляли своей властью для удовлетворения своих похотей и своего корыстолюбия. Забота об увеличении государственных доходов была возложена на хитрого дельца, по имени Александр, который долго на практике изучал в византийских школах искусство обманывать и притеснять и которого прозвали Psalliction'ом (ножницами)⁹⁾, потому что он очень ловко уменьшал размеры золотых монет, не изменяя их внешнего вида. Вместо того чтобы дожидаться восстановления спокойствия и возобновления мирных занятий, он обложил собственность граждан тя-

желыми налогами. Но и те взыскания, которые он налагал, и те, которыми угрожал в будущем, были менее гнусны, чем строгие преследования, которым он самовольно подвергал и личность, и собственность всех тех, кто под владычеством готских королей принимал какое-либо участие в собирании и расходовании государственных доходов. Те из Юстиниановых подданных, которые были избавлены от угнетений этого рода, страдали от последствий небрежного снабжения армии, которую Александр обирал и презирал, и грабежи, которым предавались нищие и голодные солдаты, заставляли жителей ожидать спасения от добродетелей варвара. Тотила¹⁰⁾ был целомудрен и воздержан, и ни один из его друзей или недругов не имел повода раскаяться в том, что положился на его слово или на его милосердие. Итальянским земледельцам была приятна прокламация, в которой готский король приглашал их не прекращать их полезных занятий и быть уверенными, что, если они будут уплачивать подати в обыкновенном размере, они будут ограждены от бедствий войны храбростью и дисциплиной его армии. Он нападал поочередно на все укрепленные города, и, лишь только они сдавались, он срывал укрепления с целью предохранить жителей от бедствий новой осады, лишит римлян тех ресурсов, которые извлекались ими из умения защищать крепости, и разрешить продолжительную ссору двух наций более справедливым и более благородным способом - битвой в открытом поле. Римские пленники и дезертиры охотно поступали на службу к щедрому и приветливому врагу; рабов привлекало положительное и ненарушимое обещание, что их не выдадут их владельцам, и тысяча павийских солдат разрослись в лагере Тотилы в новый народ под прежним названием готов. Тотила добросовестно исполнял условия капитуляции и никогда не пользовался выгодами, которые мог бы извлечь из двусмысленных выражений или из непредвиденных событий. Неапольский гарнизон сдал город с тем условием, что ему доставят средства уехать морем; противные ветры помешали его отъезду; тогда его снабдили лошадьми, съестными припасами и видом на свободный пропуск до ворот Рима. Жены сенаторов, захваченные в своих виллах в Кампании, были возвращены своим мужьям без всякого выкупа; посягательство на честь женщин

безжалостно наказывалось смертью, а в своих благотворных распоряжениях касательно диеты изнуренных голодом жителей Неаполя завоеватель принял на себя роль человеколюбивого и заботливого врача. Из чего бы ни проистекали добродетели Тотилы - из здоровой политики, из религиозного принципа или из человеколюбивых инстинктов, они были одинаково достойны похвалы; он часто обращался с речами к своим войскам и постоянно внушал им, что пороки нации неизбежно ведут к ее гибели, что победа бывает плодом не одних воинских достоинств, но и нравственных и что как монарх, так и его народ должны отвечать за те преступления, которые они оставляют безнаказанными.

И друзья, и недруги Велисария с одинаковой настойчивостью требовали его возвращения в Италию для спасения завоеванной им страны и возложенное на ветерана-главнокомандующего поручение вести войну с готами было в одно и то же время и доказательством доверия, которое он внушал, и чем-то вроде ссылки. Живя рабом Константинопольского дворца, после того как был героем на берегах Евфрата, Велисарий неохотно взялся за трудную задачу поддержать свою репутацию и загладить ошибки своих преемников. Море было открыто для римлян: корабли и войска были собраны в Салоне неподалеку от Диоклетианова дворца; в Поле, в Истрии, Велисарий дал отдых своей армии и сделал ей смотр; затем, обогнув берега Адриатического моря, вошел в Равеннскую гавань и разослал по подвластным ему городам не подкрепления, а приказания. В своей первой публичной речи он обратился к готам и к римлянам от имени императора, на время отложившего завоевание Персии и внявшего мольбам своих итальянских подданных. Он слегка указал на причины и на виновников недавних бедствий, постарался устранить опасение наказаний за прошлое и надежду безнаказанности в будущем и не столько с успехом, сколько с усердием, пытался соединить всех подчиненных ему лиц узами привязанности и повиновения. Он говорил им, что его всемилостивейший монарх Юстиниан расположен прощать и награждать и что из собственного интереса и из чувства долга они должны вразумлять своих соотечественников, вовлеченных в заблуждение коварными происками узурпатора. Но ни один человек не покинул знамени готского короля. Вели-

сарий скоро убедился, что он прислан для того, чтобы быть праздным и бессильным свидетелем славы юного варвара, и написал к императору следующее письмо, верно и живо изображающее скорбь его благородной души: "Всемиловейший государь! Мы прибыли в Италию, не имея с собой ничего, что нужно для войны, - ни людей, ни лошадей, ни оружия, ни денег. Во время нашего проезда по селениям Фракии и Иллирии мы с крайним трудом собрали около четырех тысяч рекрутов, у которых нет одежды и которые не привычны ни к владению оружием, ни к лагерным упражнениям. Солдаты, которых я нашел в этой провинции, недовольны, запуганы и совсем упали духом; при слухе о приближении неприятеля они соскакивают со своих лошадей и бросают свое оружие. Податей собирать нельзя, потому что Италия находится в руках варваров; а так как мы не имеем средств платить, то мы не имеем права ни приказывать, ни даже давать советы. Могу вас уверить, августейший государь, что большая часть ваших войск уже покинула свои знамена и перешла на сторону готов. Если бы война могла быть доведена до конца присутствием одного Велисария, то вы имели бы основание быть довольными, так как Велисарий находится в Италии. Но если вы желаете победить, то для этого требуется совершенно иная подготовка; без войск титул главнокомандующего есть пустое название. Было бы полезно возвратить мне моих ветеранов и моих личных телохранителей. Я могу начать кампанию только по прибытии достаточного числа легких и тяжеловооруженных войск, и не иначе как за наличные деньги вы можете привлечь на службу сильный отряд гуннской кавалерии, который нам положительно необходим"¹¹). Один из пользовавшихся доверием Велисария офицеров был отправлен из Равенны с поручением скорее собрать и привести подкрепления; но это поручение осталось неисполненным, и сам посланец задержался в Константинополе выгодным бракосочетанием. Выведенный из терпения проволочками и обманутый в своих ожиданиях, римский главнокомандующий переехал обратно через Адриатическое море и стал дожидаться в Диррахии прибытия войск, которые медленно набирались между подданными и союзниками империи. После их прибытия его военные силы все еще оказывались недостаточными для освобожде-

ния Рима, который был со всех сторон обложен войсками готского короля. Так как для прохода по Аппиевой дороге, которая была покрыта варварами, требовалось дней сорок, то Велисарий, благоразумно уклонявшийся от битвы, предпочел безопасный и скорый пятидневный переезд морем от берегов Эпира к устью Тибра.

После того как Тотила овладел второстепенными городами средней Италии частью силой, частью путем мирных соглашений, он со всех сторон окружил древнюю столицу с целью взять ее не приступом, а голодом. Ветеран готского происхождения, по имени Бесса, и угнетал римлян из жадности, и охранял их своим мужеством, защищая всю обширную окрестность городских стен гарнизоном из трех тысяч солдат. Из народной нужды он извлекал денежные выгоды и втайне радовался продолжительности осады. Магазины, как оказалось на деле, были наполнены хлебом для того, чтобы он обогащался. Папа Вигилий из чувства человеколюбия закупил в Сицилии большие запасы зернового хлеба и отправил их морем; но нагруженные этими запасами суда спаслись от варваров для того, чтобы попасть в руки жадного правителя, который оставил для прокормления солдат очень незначительную часть прибывшего хлеба, а все остальное распродал богатым римлянам. За один медимн, или пятую часть четверти пшеницы, платили по семи золотых монет; быка, случайно отбитого у неприятеля, продавали за пятьдесят таких монет; по мере того как голод усиливался, эти необычайные цены еще возвышались и вовлекали в соблазн наемников, которые из денежных выгод сами себя лишали своей порции провианта, несмотря на то что она была едва достаточна для поддержания их жизненных сил. Безвкусная и нездоровая смесь, в которой было втрое более отрубей, чем пшеницы, утоляла голод бедных людей; они мало-помалу дошли до того, что стали питаться дохлыми лошадьми, собаками, кошками и мышами и стали с жадностью бросаться не только на траву, но даже на крапиву, которая росла среди городских развалин. Толпа людей, похожих на привидения, - бледных, истощенных голодом, изнуренных болезнями и доведенных до отчаяния, - окружила дворец правителя, тщетно убеждала его, что на господине лежит обязанность содержать его рабов, и смиренно умоляла или

снабдить их средствами пропитания, или позволить им спастись бегством, или немедленно подвергнуть их смертной казни. Бесса отвечал им с безжалостным хладнокровием, что кормить подданных императора было невозможно, высылать их из города было бы небезопасно, а казнить их было бы незаконно. Однако пример одного из их сограждан мог бы послужить для них доказательством того, что право умереть не может быть отнято у них тираном. Глубоко растроганный плачем пятерых детей, тщетно просивших у него хлеба, этот несчастный приказал им следовать за ним, подошел со спокойным и безмолвным отчаянием к одному из мостов Тибра и, закрыв руками лицо, бросился в реку на глазах своего семейства и римских жрителей. Богатым и малодушным гражданам Бесса¹²⁾ продавал разрешения на выезд; но эти беглецы большей частью или умирали на больших дорогах, или попадали в руки летучих варварских отрядов. Тем временем лукавый правитель старался успокоить недовольных римлян и внушить им надежду спасения, распуская слух, будто с самого дальнего Востока к ним спешат на помощь флоты и армии. Более основательным утешением послужило для них известие, что Велисарий высадился в гавани, и, не справляясь о том, как велики его силы, они твердо положились на человеколюбие, мужество и искусство великого полководца.

Предусмотрительный Тотила воздвиг препоны, которые были достойны такого противника. В девяноста стадиях от города, в самом узком месте Тибра, он соединил оба берега толстыми бревнами во форме моста, построил на этом мосту две высокие башни, поставил там гарнизоном самых храбрых готов и снабдил их огромными запасами метательных снарядов и машин. Доступ к мосту и к башням был защищен крепкой и толстой железной цепью, а концы цепи на двух противоположных сторонах Тибра охранялись многочисленными отрядами отборных стрелков из лука. Задуманный Велисарием способ прорваться сквозь эту преграду и спасти столицу представляет блестящий пример его отваги и искусства. Его кавалерия выступила из порта по большой дороге, для того чтобы мешать движениям неприятеля и отвлекать его внимание. Его пехота и провизии были помещены на двухстах больших барках, а на каждой барке было устроено высокое щитообразное

прикрытие из толстых досок, в которых было пробито множество небольших отверстий для метательных снарядов. Во главе этого флота два плотно прицепленных один к другому больших корабля поддерживали плавающую башню, которая господствовала над башнями, поставленными на мосту, и была снабжена зажигательными снарядами из серы и горной смолы. Все эти суда двинулись под личным начальством главнокомандующего против течения реки. Цепь не устояла от их тяжести, а готы, охранявшие берега реки, частью были убиты, частью обращены в бегство. Лишь только флот достиг главной преграды, зажигательное судно тотчас прицепилось к мосту; одна из башен сгорела вместе с двумястами готами; нападающие огласили воздух победными возгласами, и Рим был бы спасен, если бы искусный план Велисария не был расстроен дурным поведением его подчиненных. Он заблаговременно послал Бессе предписание содействовать его военным операциям вылазкой, а одному из своих помощников, по имени Исаак, дал положительное приказание стоять неподвижно в порту. Но Бесса из корыстолюбия не двинулся с места, а Исаак из юношеской запальчивости вовлекся в гибельную для него борьбу с более многочисленным неприятелем. До Велисария дошли преувеличенные слухи об этом поражении: он приостановился, в первый и единственный раз во всей своей жизни обнаружил нерешительность и замешательство и неохотно подал сигнал к отступлению, для того чтобы защитить свою жену Антонину, свои сокровища и единственную гавань, которая была в его власти на тосканском берегу. От сильной душевной тревоги с ним сделалась лихорадка, грозившая опасностью его жизни, и участь Рима, которому уже неоткуда было ожидать помощи, была поставлена в полную зависимость от милосердия или от гнева Тотилы. Продолжительность военных действий разожгла национальную ненависть; арианское духовенство было с позором выгнано из Рима; архидиакон Пелагий, ездивший в готский лагерь для переговоров, возвратился без успеха, а у одного сицилийского епископа, ездившего туда же в качестве папского посла или нунция, были отняты обе руки за то, что он осмелился говорить ложь для пользы Церкви и государства.

Голод ослабил и физические силы, и дисциплину римского гарнизона. От умиравшего с голоду населения нельзя было ожидать никакого содействия, и свойственная торгашам бесчеловечная алчность окончательно взяла верх над бдительностью правителя. Четыре часовых из исавров, пользуясь тем, что их товарищи спали, а их офицеров не было на месте, спустились по веревке со стены и предложили готскому королю впустить его войска в город. Их предложение было принято холодно и с недоверием; они возвратились целыми и невредимыми; два раза они возобновляли свои посещения; местность была два раза осмотрена; заговор сделался известен, но на него не обратили внимания, а лишь только Тотила изъявил свое согласие, исавры сняли запоры с Азинарских ворот и пустили готов. Эти последние стояли в боевом порядке до рассвета, из опасения обмана или засады; но войска Бессы уже обратились в бегство вместе со своим начальником, а когда короля уговаривали воспрепятствовать их отступлению, он благоразумно возразил, что ничто так не приятно для глаз, как вид бегущего неприятеля. Патриции, у которых еще были лошади, как-то Деций, Василий и др., сопровождали правителя; другие, в числе которых историк называет Олибрия, Ореста и Максима, укрылись в храме Св. Петра; но его уверение, будто в столице осталось только пятьсот человек, внушает некоторое недоверие к точности или его рассказа, или его подлинника. Лишь только дневной свет обнаружил полную победу готов, их монарх отправился из благочестия к гробнице князя апостолов; но в то время как он молился перед алтарем, двадцать пять солдат и пятьдесят граждан были умерщвлены в преддверии храма. Архидиакон Пелагий¹³⁾ предстал перед ним с Евангелием в руках: "Государь, пощади твоего служителя". "Пелагий, - сказал Тотила с презрительной улыбкой, - ваше высокомерие унижается теперь до того, что говорит языком просителя". "Я действительно проситель, - возразил осторожный архидиакон. - Богу угодно, чтобы мы были вашими подданными, а в качестве ваших подданных мы имеем право на ваше милосердие". Его смиренные мольбы спасли жизнь римлян, и целомудрие девиц и матрон было ограждено от ярости солдат. Но после того как самая ценная добыча была отложена в королевское казнохранили-

ще, солдаты были награждены правом грабежа. В домах сенаторов находились большие запасы золота и серебра, а преступная и позорная алчность Бессы, как оказалось, трудилась лишь на пользу завоевателя. Во время этого переворота сыновья и дочери римских консулов испытали ту нищету, к которой они прежде того относились или с презрением, или с состраданием; они бродили по городским улицам в лохмотьях и просили, быть может безуспешно, хлеба перед воротами своих наследственных дворцов. Богатства дочери Симмаха и вдовы Боэция, Рустикианы, были великодушно употреблены на облегчение бедствий, вызванных голодом. Но варваров раздражил против нее слух, будто она убеждала народ ниспровергать статуи великого Теодориха, и жизнь этой почтенной матроны была бы принесена в жертву памяти Теодориха, если бы Тотила не уважил ее происхождения, ее добродетелей и даже самого мотива ее мстительности. На следующий день он произнес две публичных речи; в одной он поздравлял готов с победой и давал им полезные предостережения; в другой он обратился к сенаторам, как к самым низким рабам, упрекал их в вероломстве, безрассудстве и неблагодарности и сурово объявил им, что их имения и почетные звания должны по всей справедливости перейти к его боевым товарищам. Однако он простил их за мятеж, а сенаторы, в знак благодарности за его милосердие, разослали своим арендаторам и вассалам циркуляры, в которых строго приказывали покинуть знамена греков, спокойно возделывать свои земли и учиться у своих господ повиновению готскому монарху. Он был неумолим в том, что касалось самого города, так долго задерживавшего его победоносное шествие; по его приказанию третья часть стен в разных местах была разрушена; были заготовлены зажигательные снаряды и машины, для того чтобы сжечь или разрушить самые величественные памятники старины, и весь мир был поражен удивлением при появлении рокового декрета, приказывавшего превратить Рим в пастбище для скота. Настоятельные и разумные увещания Велисария приостановили исполнение этого приказания; он убеждал варвара не пятнать свою славу разрушением памятников, которые были славой мертвых и наслаждением для живых, и Тотила последовал совету врага оставить в целости Рим, как укра-

шение его владений или как самый лучший залог внутреннего спокойствия и примирения. После того как он объявил послам Велисария о своем намерении пощадить Рим, он поставил в ста двадцати стадиях от города армию для наблюдения за движениями римского главнокомандующего. С остальными войсками он направился в Луканию и в Апулию и занял на вершине горы Гаргана¹⁴⁾ один из лагерей Ганнибала¹⁵⁾. Сенаторы были принуждены следовать за ним в числе его свиты и затем были размещены по крепостям Кампании; граждане вместе со своими женами и детьми рассеялись по местам своей ссылки, и Рим представлял в течение сорока дней безлюдную и мрачную пустыню¹⁶⁾.

Потеря Рима была скоро заглажена одним из тех военных предприятий, которые, смотря по тому, каков их исход, обыкновенно называются или опрометчивостью, или героизмом. После удаления Титилы римский главнокомандующий вышел из порта во главе тысячи всадников, разбил наголову неприятельские отряды, пытавшиеся остановить его наступление, и посетил с чувством скорби и уважения обезлюдившие улицы *вечного* города. Решившись удержаться на посту, на который были обращены взоры всего мира, он созвал большую часть своих войск под знамя, водруженное им на Капитолии; прежних жителей снова привлекли туда любовь к родине и надежда найти там пропитание, и ключи Рима были вторично отосланы к императору Юстиниану. Та часть городских стен, которую разрушили готы, была снова построена из грубого и разнородного материала; ров был снова выкопан; по большой дороге были во множестве разбросаны железные клинья¹⁷⁾, для того чтобы портить ноги неприятельских лошадей, а так как новых ворот нельзя было скоро построить, то вход охранялся спартанским валом из самых храбрых солдат. По прошествии двадцати пяти дней Титила возвратился форсированным маршем из Апулии, для того чтобы отомстить за нанесенный ему вред и позор. Велисарий приготовился к его нападению. Готы ходили три раза на приступ и каждый раз были отражены; они потеряли цвет своей армии; королевское знамя едва не попало в руки неприятеля, и слава Титилы померкла вместе с блеском его военных успехов. Все, чего можно ожидать от искусства и мужест-

ва, было сделано римским главнокомандующим; теперь уже зависело от Юстиниана сделать энергичное и своевременное усилие, чтобы окончить войну, которую он предпринял из честолюбия. Нерадение или, может быть, бессилие монарха, презиравшего своих врагов и завидовавшего тем, кто оказывал ему услуги, продлило бедственное положение Италии. После продолжительного молчания он прислал Велисария приказание оставить в Риме достаточный гарнизон и отправиться в провинцию Луканию, жители которой, воспламенившись православным рвением, свергли с себя иго своих арианских завоевателей. Герой, которого не были в состоянии одолеть варвары, был побежден в этой унижительной борьбе проволочками, неповиновением и трусостью своих собственных подчиненных. Он отдыхал на своих зимних квартирах в Кротоне, будучи вполне уверен, что два прохода сквозь возвышенности Лукании охраняются его кавалерией. Вероломство или бессилие предало эти проходы в руки неприятеля, и готы стали так быстро наступать, что Велисарий едва успел переехать на берег Сицилии. Наконец, флот и армия были собраны для защиты Рускиана, или Россано¹⁸⁾, - крепости, находившейся в шестидесяти стадиях от развалин Сибариса и служившей в ту пору убежищем для знатных жителей Лукании. При первой попытке римский флот был рассеян бурей. При второй попытке он приблизился к берегу; но возвышенности были усеяны стрелками, пристань охранялась рядами копьеносцев, а готский король с нетерпением ожидал битвы. Завоеватель Италии со вздохом удалился и затем томился в бесславном бездействии, пока посланная в Константинополь за подкреплениями Антонина не исходатайствовала для него, после смерти императрицы, позволения вернуться.

Пять последних кампаний Велисария могли бы ослабить зависть его соперников, взоры которых были ослеплены и оскорблены блеском его прежней славы. Вместо того чтобы освободить Италию от готов, он блуждал как беглец вдоль берега, не смея ни проникнуть внутрь страны, ни принять дерзкие и неоднократные вызовы Тотилы на бой. Однако в глазах тех немногих людей, которые были способны отличать способ ведения дела от его успеха и сравнивать орудия исполнения с возложенной задачей, он выказал себя еще более

великим знатоком военного дела, чем в то счастливое время, когда он привел двух пленных царей к подножию Юстинианова трона. Мужество Велисария не ослабело от старости; его благоразумие сделалось более зрелым от опытности, но его нравственные достоинства - человеколюбие и справедливость, как кажется, пострадали под гнетом трудных обстоятельств. Скупость или бедность императора принудила его уклониться от того образа действий, который доставил ему любовь и доверие итальянцев. Чтобы вести войну, он угнетал Равенну, Сицилию и всех верных подданных империи, а его строгость к Иродиану побудила этого или несправедливо оскорбленного, или виновного офицера отдать Сполето в руки неприятеля. Жадность к деньгам, от которой Антонина иногда отвлекалась любовными делами, теперь всецело властвовала над ее сердцем. Сам Велисарий всегда сознавал, что в эпоху нравственной испорченности богатство служит подпорой и украшением для личных достоинств, и трудно допустить, чтобы, пятная свою честь для общественной пользы, он не отложил часть добычи в свой личный доход. Герой спасся от меча варваров, но его ожидал по возвращении кинжал заговорщиков¹⁹⁾.

После того как Артабан наказал африканского тирана, он стал жаловаться на неблагодарность правительства, живя в богатстве и в почестях. Он стал искать руки Преекты, племянницы императора, который желал наградить ее освободителя; но Феодора из благочестия считала его первый брак непреодолимым препятствием. Он гордился своим царским происхождением; льстецы разжигали в нем эту гордость, а заслуга, которой он чванился, доказала, что он был способен на отважные и кровожадные подвиги. Было решено убить Юстиниана; но заговорщики отложили исполнение своего замысла до того времени, когда можно будет захватить в Константинопольском дворце безоружного и беззащитного Велисария. Не было ни малейшей надежды поколебать его испытанную преданность, и они основательно опасались мстительности или, вернее, расправы ветерана, который мог скоро собрать во Фракии, армию, для того чтобы наказать убийц и, может быть, воспользоваться плодами их преступления. Эта отсрочка дала достаточно времени и для искреннего раскаяния: Артабан и его сообщники были приговорены сенатом к смерти; но

чрезмерная снисходительность Юстиниана ограничилась их нестрогим задержанием внутри дворца до той минуты, когда он простил им это гнусное покушение на его престол и на его жизнь. Если император прощал своих врагов, то он должен был радушно обнять друга, победы которого не могли быть позабыты и который стал еще более для него дорог с той минуты, как подвергся одной с ним опасности. Велисарий отдыхал от своих трудов на высоком посту военного начальника Востока и графа дворцовой прислуги, и самые старые консулы и патриции почтительно уступали первенство ранга несравненным достоинствам первого из римлян²⁰). Первый из римлян все еще был рабом своей жены; но эта основанная на привычке и на привязанности покорность сделалась менее унижительной, когда смерть Феодоры очистила ее от более низкого влияния страха. Их дочь и единственная наследница их состояния Иоаннина была помолвлена за Анастасия - внука или, вернее, племянника императрицы²¹), которая употребила свое посредничество на то, чтобы скрепить их юношескую привязанность законными узами. Но после смерти Феодоры родители Иоаннины передумали, и честь, а может быть, и счастье их дочери было принесено в жертву мстительности бесчувственной матери, которая расстроила брак, прежде чем он был освящен церковным обрядом²²).

Перед отъездом Велисария из Италии Перузия была осаждена готами и лишь немногие города оставались во власти римлян. Равенна, Анкона и Кротон еще не сдавались варварам, и когда Тотила стал искать руки одной из французских принцесс, он был задет за живое основательным возражением, что король Италии будет достоин этого титула только тогда, когда его признает королем римский народ. Для защиты столицы в ней было оставлено три тысячи самых храбрых солдат. Они убили губернатора, которого подозревали в присвоении монополии, и отправили к Юстиниану депутацию из лиц духовного звания с заявлением, что, если он не простит им этого насилия и не выдаст недоплаченного жалованья, они немедленно примут заманчивые предложения Тотилы. Но их новый начальник (по имени Диоген) снискал их уважение и доверие, и рассчитывавшие на легкую победу готы встретили энергичное сопротивление со стороны солдат и жителей, терпеливо

выносивших и потерю порта, и прекращение подвоза провианта, который доставлялся морем. Осада Рима, быть может, была бы снята, если бы щедрость Тотилы не вовлекла в измену нескольких корыстолюбивых исавров. В темную ночь, в то время как звуки готских труб раздавались с противоположной стороны, они без шума отворили ворота Св. Павла; варвары устремились внутрь города, и обратившиеся в бегство гарнизону было отрезано отступление, прежде нежели он успел укрыться в Центумцеллах. Воспитанный в школе Велисария солдат Павел, родом из Киликии, отступил с четырьмястами людей к молу Адриана. Они отразили готов, но скоро убедились, что им грозит голод, а их отвращение к конине внушило им отважную решимость сделать отчаянную вылазку, которая решила бы их судьбу. Но их мужество ослабело, когда им предложили выгодную капитуляцию: поступая на службу к Тотиле, они получали недоплаченное жалованье и сохраняли свое оружие и своих лошадей; их начальники, ссылавшиеся на похвальную привязанность к жившим на Востоке женам и детям, были с честью отпущены домой, а более четырехсот неприятелей, укрывшихся в церковных святилищах, были пощажены великодушным победителем. Тотила уже не обнаруживал намерения разрушать здания Рима²³⁾, считая этот город за столицу готского королевства; и сенаторам, и прежним жителям было позволено возвратиться на их родину; средства продовольствия были доставлены им в изобилии, и Тотила, облекшись в мирное одеяние, присутствовал на устроенных им в цирке конных скачках. В то время как он старался развлекать народ, четыреста судов готовились к перевозке его войск. Овладев городами Регием и Тарентом, он переехал в Сицилию, которая была для него предметом непримиримой ненависти, и увез с острова все золото и серебро, все земные продукты и бесконечное множество лошадей, овец и быков. Сардиния и Корсика подверглись одинаковой участи с Италией, и флот из трехсот галер дошел до берегов Греции²⁴⁾. Готы высадились в Коркире и на древней Эпирской территории; они проникли до Никополя, который был памятником победы Августа, и до Додоны²⁵⁾, когда-то славившейся оракулом Зевса (у Э. Гиббона - "Юпитера". - *Ред.*). При каждом новом успехе благоразумный варвар снова заявлял Юстиниану о своем

желании заключить мир, хвалил согласие, в котором жили их предшественники, и предлагал употребить военные силы готов на службу империи.

Юстиниан не внимал мирным предложениям, но в то же время относился с небрежением к войне, и вялость его темперамента в некоторой мере ослабляла упорство его страстей. Из этого благотворного усыпления император был пробужден папой Вигилием и патрицием Цетегом, которые предстали перед его троном и умоляли его от имени Бога и народа снова предпринять завоевание и освобождение Италии. При выборе командующих он руководствовался частью прихотью, частью здравомыслием. Флот и армия отплыли на выручку Сицилии под предводительством Либерия; но уже после его отъезда было сделано открытие, что он и недостаточно молод, и недостаточно опытен, и он не успел еще достигнуть берегов острова, когда его догнал назначенный ему преемник²⁶). Место Либерия занял заговорщик Артабан, которого возвели из тюремного заключения в высокое военное звание в том предположении, что признательность будет возбуждать в нем мужество и поддерживать его преданность. Велисарий отдыхал под сенью своих лавров, и главное начальство над армией было поручено племяннику императора Герману²⁷), которого долго затирали при завистливом дворе из-за его высокого положения и личных достоинств. Феодора оскорбила его, нарушив его права гражданина в том, что касалось брака его детей и завещания его брата, и, хотя его поведение было чисто и безупречно, Юстиниану не нравилось, что он умел снискать доверие недовольных. Вся жизнь Германа могла служить примером слепого повиновения; он благородно отказался унижать свое имя и свой характер участием в партиях цирка; степенность его нрава смягчалась простодушной веселостью, а свои богатства он употреблял на то, чтобы без всякого интереса помогать бедным и отличившимся заслугами друзьям. Он уже выказал свою храбрость в победах над славянами на Дунае и над мятежниками в Африке; известие о его назначении оживило надежды итальянцев, и ему втайне сообщили, что множество римлян покинут, при его приближении, знамя Тотилы. Благодаря своему вторичному браку с внучкой Теодориха Маласунтой Герман снискал располо-

жение самих готов, и они неохотно шли сражаться с отцом царственного ребенка, который был последним представителем рода Амалиев²⁸⁾. Император назначил ему большое содержание; Герман пожертвовал на это предприятие своим собственным состоянием; двое его сыновей были популярны и деятельны, и он так скоро и успешно организовал свою армию, что превзошел все ожидания. Ему позволили выбрать несколько эскадронов фракийской кавалерии; и ветераны, и юноши из Константинополя и со всей Европы добровольно поступали к нему на службу, а его репутация и его щедрость привлекали к нему варварских союзников из самого центра Германии. Римляне дошли до Сардики; славянская армия обратилась в бегство при их приближении; но через два дня после того замыслы Германа окончились его болезнью и смертью. Однако оживление, которое он внес в итальянскую войну, не переставало приносить полезные результаты. Приморские города Анкона, Кротона, Центумцеллы выдерживали приступы Тотилы. Сицилия была покорена благодаря усилиям Артабана, а готский флот был разбит вблизи от берегов Адриатического моря. Оба флота были почти одинаково сильны, так как в каждом из них было от сорока семи до пятидесяти галер; победа склонилась на сторону греков благодаря их знанию морского дела и ловкости, а суда так плотно сцеплялись одни с другими, что только двенадцать готских галер уцелели от этого неудачного сражения. Готы делали вид, будто пренебрегали морским делом, в котором они были несведущи; но их собственный опыт подтвердил основательность правила, что тот, кто властвует на море, будет властвовать и на твердой земле²⁹⁾.

После смерти Германа на устах каждого вызвало улыбку странное известие, что главное начальство над римскими армиями поручено евнуху. Но Нарсес³⁰⁾ принадлежит к числу тех немногих евнухов, на которых это несчастное название не навлекло ни общего презрения, ни общей ненависти. В его слабом и тщедушном теле таилась душа государственного человека и полководца. Его молодость прошла за ткацким станком и за прялкой, в заботах о хозяйстве и в удовлетворении требований женской роскоши; но, в то время как его руки были заняты, он втайне развивал способности своего энергичного и прозорливого ума. Не имея никакого понятия о том, чему учат в школах и в военных лагерях, он учился во

дворце притворяться, льстить и убеждать, а когда он занял такую должность, что мог иногда вступать в разговор с самим императором, Юстиниан с удивлением выслушивал умные советы своего камергера и личного казначея³¹⁾. Поручения, которые Нарсес часто исполнял в качестве посла, обнаружили и развили его дарования. Он водил армию в Италию, приобрел на практике знакомство с военным делом и со страной и осмелился состязаться с гением Велисария. Через двенадцать лет после его возвращения из Италии ему было поручено довершить завоевание, которое не было доведено до конца величайшим из римских полководцев. Вместо того чтобы увлечься тщеславием или соревнованием, он положительно заявил, что, если ему не дадут достаточных военных сил, он ни за что не согласится рисковать ни своей собственной репутацией, ни славой своего государя. Юстиниан сделал для фаворита то, в чем, может быть, отказал бы герою: готская война снова разгорелась из своего пепла, а приготовления к ней не были недостойны древнего величия империи. Ключ от государственного казнохранилища был отдан в руки Нарсеса для устройства магазинов, для набора рекрутов, для закупки оружия и лошадей, для выдачи недоплаченного жалованья и для привлечения на свою сторону беглецов и дезертиров. Войска Германа еще не покидали своих знамен; они стояли в Салоне в ожидании нового начальника, а всем известная щедрость евнуха Нарсеса создала целые легионы из подданных и союзников империи. Король лангобардов³²⁾ исполнил или превысил наложенные на него по договору обязательства, доставив две тысячи двести самых храбрых своих воинов, которых сопровождали три тысячи человек их воинской прислуги. Три тысячи герулов сражались конными под начальством своего наследственного вождя Филемута, а благородный Арат, освоившийся с нравами и с дисциплиной римлян, вел отряд ветеранов той же национальности. Дагисфей был выпущен из тюрьмы для того, чтобы принять начальство над гуннами, а внук и племянник великого царь Кобад шел в царской диадеме во главе своих верных персов, связавших свою судьбу с судьбой своего князя³³⁾. Пользуясь неограниченной властью в силу данных ему полномочий и еще более в силу того, что снискал безусловную преданность войск, Нарсес провел свою

многочисленную и храбрую армию от Филиппополя до Салоны и оттуда вдоль восточного берега Адриатического моря до пределов Италии. Затем его наступательное движение было приостановлено. Восток не был в состоянии доставить достаточное число судов для перевозки такого множества людей и лошадей. Франки, захватившие среди общего смятения большую часть Венецианской провинции, отказывали друзьям лангобардов в свободном пропуске. Верону занимал Тей с отборными готскими войсками; этот искусный вождь разбросал по всей окрестной стране срубленные деревья и затопил ее³⁴⁾. В этом затруднительном положении один опытный офицер придумал средство, которое было тем более верно, что казалось очень смелым; он советовал осторожно вести римскую армию вдоль морского берега, между тем как идущий впереди ее флот будет устраивать плашкотные мосты через устья рек Тимава, Бренты, Адига и По, впадающих в Адриатическое море к северу от Равенны. Нарсес провел в этом городе девять дней, собрал остатки итальянской армии и двинулся к Римини с целью принять дерзкие вызовы неприятеля на бой.

Благоразумие заставляло Нарсеса действовать быстро и решительно. На его армию были потрачены последние силы государства; каждый день увеличивал громадную сумму его расходов, а подчиненные ему войска различных народов могли из непривычки к дисциплине или от утомления обратить свое оружие одни против других или против своего благодетеля. Те же самые соображения должны были, напротив того, сдерживать горячность Тотилы. Но он знал, что духовенство и население Италии желали нового переворота; он примечал или подозревал быстрые успехи измены и решился поставить существование готского королевства в зависимость от одной битвы, во время которой храбрых воодушевляла бы неминуемая опасность, а недовольных сдерживало бы незнание их собственной многочисленности. Выступив из Равенны, римский главнокомандующий наказал стоявший в Римини гарнизон, прошел по прямому направлению через возвышенности, окружающие Урбино, и снова вступил на Фламиниеву дорогу в девяти милях по ту сторону пробуравленного утеса, - такого, созданного и искусством, и природой препятствия, которое могло бы остановить или замедлить его наступатель-

ное движение³⁵⁾. Готы собрались в окрестностях Рима; они немедленно выступили навстречу более многочисленному неприятелю, и обе армии приблизились одна к другой на расстояние ста стадий между Тагиной³⁶⁾ и гробницами галлов³⁷⁾. Высокомерное послание Нарсеса предлагало не мир, а помилование. В своем ответе готский король заявил о решимости или умереть, или победить. "Какой день, - спросил посланец, - назначаете вы для битвы?" "Восьмой день", - отвечал Тотила; но на другой день рано утром он попытался напасть врасплох на врага, который подозревал обман и был готов к бою. Десять тысяч герулов и лангобардов, храбрость которых уже была испытана, а верность была сомнительна, были поставлены в центре. На каждом крыле было поставлено по восьми тысяч римлян; правое охраняла кавалерия гуннов, левое прикрывали тысяча пятьсот отборных всадников, назначение которых состояло в том, чтобы сообразно с ходом сражения или охранять отступление своих ратных товарищей, или окружить фланг неприятельской армии. Со своего поста впереди правого крыла евнух проехал вдоль рядов, выражая и голосом, и взглядом уверенность в победе, побуждая солдат наказать преступления и безрассудство кучки хищников и показывая им золотые цепи, ожерелья и браслеты, которые будут служить наградой за воинские доблести. Успешный исход единоборства был принят ими за предзнаменование успеха и они с удовольствием смотрели на мужество пятидесяти стрелков, выдерживавших на небольшом возвышении троекратную атаку готской кавалерии. Отделенные одна от другой только двойным расстоянием выстрела из лука, обе армии провели утро в страшном ожидании битвы, и римляне подкрепили свои силы пищей, не расстилая на своей груди кирас и не разнуздывая лошадей. Нарсес ожидал, чтобы готы начали бой, а Тотила медлил, пока не подошло подкрепление из двух тысяч готов. Между тем как король старался выиграть время, ведя бесплодные переговоры, он выказал свою физическую силу и ловкость на небольшом пространстве, разделявшем две армии. Его оружие было в золотой оправе; его пурпуровое знамя развевалось от ветра; он бросил вверх свое копье, поймал его правой рукой, перебросил его в левую руку, сам перекинулся назад, потом снова выпрямился и заста-

вил своего коня выделять все алюры и маневры манежной езды. Лишь только прибыли подкрепления, он удалился в свою палатку, оделся и вооружился, как простой солдат, и подал сигнал к бою. Первая линия, состоявшая из кавалерии, двинулась вперед скорее отважно, чем осмотрительно, и оставила позади себя пехоту, стоявшую во второй линии. Она скоро очутилась между рогами полумесяца, которые образовались от постепенного сближения правого неприятельского крыла с левым, и на нее со всех сторон посыпался град стрел из четырех тысяч луков. Ее горячность и даже ее опасное положение побудили ее устремиться вперед на рукопашный и неравный бой, в котором она могла употреблять в дело только свои копья против такого врага, который с одинаковым искусством владел всякого рода оружием. Благородное соревнование воодушевляло римлян и их варварских союзников, а Нарсес, спокойно следивший за их усилиями и направлявший их, не знал, за кем признать право на высшую награду за храбрость. Готская кавалерия, не ожидавшая такого сопротивления, пришла в расстройство, не выдержала неприятельского напора и бросилась назад, а пехота, вместо того чтобы направить на нее свои копья или раздвинуть перед нею свои ряды, была растоптана ногами лошадей. Шесть тысяч готов были без всякого сострадания умерщвлены на поле битвы при Тагине. Асбад, родом гепид, настиг их короля, при котором было только пять человек свиты. "Пощадите короля Италии", - закричал один из них громким голосом, и Асбад пронзил своим копьем Тотилу. За этот смертельный удар немедленно отомстили преданные готы; они перевезли своего умирающего монарха за семь миль от места его гибели, и его последние минуты не были отравлены присутствием неприятеля. Сострадание укрыло его бранные останки под скромной гробницей, но римляне не были удовлетворены своей победой до тех пор, пока не увидели собственными глазами труп готского короля. Его украшенная драгоценными камнями шляпа и его окровавленная одежда были поднесены Юстиниану посланцами, известившими императора об одержанной победе³⁸).

Лишь только Нарсес исполнил долг благочестия перед Тем, кто дарует победы, и перед своей личной покровительницей Святой Девой³⁹), он похвалил, наградил и отпу-

стил лангобардов. Эти отважные варвары обращали селения в пепел и насиловали матрон и девственниц на алтарях; за их отступлением внимательно следил сильный отряд регулярных войск, препятствовавший повторению таких бесчинств. Победоносный евнух прошел через Тосканскую провинцию, принял от готов изъявления покорности, выслушал радостные приветствия, а во многих местах и жалобы итальянцев и окружил стены Рима остатками своей грозной армии. Вокруг этих обширных стен он наметил для самого себя и для каждого из своих помощников пункты для действительного или притворного нападения, а между тем втайне высмотрел удобное и незащищенное место, сквозь которое можно было проникнуть в город. Ни укрепления Адрианова мола, ни укрепления порта не могли долго задерживать завоевателя, и Юстиниан еще раз получил ключи от Рима, которые в его царствование были пять раз отняты неприятелем или снова отбиты⁴⁰). Но освобождение Рима не завершило бедствия римского населения. Варварские союзники Нарсеса слишком часто смешивали привилегии мирного и военного положения; отчаяние спасавшихся бегством готов нашло некоторое утешение в кровавом отмщении, и отправленные за По в качестве заложников триста юношей из самых знатных семейств были безжалостно лишены жизни преемником Тотилы. Участь, постигшая сенат, представляет достопамятный пример превратностей человеческой жизни. Из тех сенаторов, которых Тотила изгнал с их родины, некоторые были освобождены одним из Велисариевых подчиненных и перевезены из Кампании в Сицилию, а остальные или были так виновны, что не полагались на милосердие Юстиниана, или были так бедны, что не могли достать лошадей для бегства до берега моря. Их собратья томились пять лет в нищете и в изгнании; победа Нарсеса вновь оживила их надежды; но их преждевременному возвращению в столицу воспрепятствовала ярость готов, и все крепости Кампании обагрились патрицианской кровью⁴¹). Учрежденный Ромулом сенат окончил свое существование по прошествии тринадцати столетий, и, хотя римская знать все еще присваивала себе сенаторский титул, не много можно найти следов публичных совещаний сената или его легальной организации. Перенеситесь за шестьсот лет назад и по-

смотрите на земных царей, просивших тоном рабов или вольноотпущенников аудиенции у римского сената⁴²⁾!

Но война с готами еще не была окончена. Самые храбрые из них удалились за По и единогласно выбрали Тея в преемники своего убитого вождя и в мстители за его смерть. Новый король тотчас отправил послов с поручением вымолить или, вернее, купить помощь франков и стал щедро расточать для общественной безопасности сокровища, хранившиеся в Павийском дворце. Остальные королевские сокровища находились под охраной его брата Алигерна в Кумах, в Кампании; но этот укрепленный Тотилой замок был со всех сторон окружен войсками Нарсеса. Готский король быстро и незаметно прошел от Альп до подножия горы Везувий, чтобы помочь брату; он увернулся от бдительности римских военачальников и раскинул свой лагерь на берегах Сарна, или Draco⁴³⁾, который, вытекая из Нуцерии, впадает в Неапольский залив. Река разделяла две армии; шестьдесят дней прошли в незначительных и бесплодных стычках, и Тей держался на этой важной позиции до тех пор, пока не был покинут флотом и пока не стал терпеть недостатка в продовольствии. Он неохотно поднялся на вершину Лактарианской горы, куда римские доктора посылали со времен Галена своих пациентов пользоваться здоровым воздухом и пить молоко⁴⁴⁾. Но готы скоро приняли более мужественное решение - спуститься с горы, отпустить на волю своих коней и умереть с оружием в руках вольными людьми. Король шел впереди, держа в правой руке копье, а в левой широкий щит; одной он положил на месте первого встретившегося врага, другой защищался от ударов, которые были со всех сторон направлены в него. После того как сражение продолжалось несколько часов, его левая рука устала от тяжести двенадцати дротиков, висевших на его щите. Не двигаясь с места и не прекращая борьбы, он громко приказал прислуге принести ему новый щит; но в ту минуту как с одной стороны он оставался ничем не прикрытым, стрела поразила его на смерть. Он пал, и воткнутая на копье его голова возвестила миру, что готское королевство перестало существовать. Но его смерть лишь воодушевила его боевых товарищей, давших клятву умереть вместе со своим вождем. Они бились до тех пор, пока не спустился на землю мрак. Они от-

дышали, лежа на своем оружии. Бой возобновился на рассвете и продолжался с неослабевавшей энергией до вечера второго дня. После проведенной в отдыхе второй ночи недостаток воды и смерть самых храбрых товарищей побудили готов принять выгодную капитуляцию, на которую готов был согласиться благоразумный Нарсес. Им было предоставлено право жить в Италии в качестве подданных и солдат Юстиниана или переселиться в какую-нибудь не зависящую от империи страну и взять с собою часть своих богатств⁴⁵⁾. Однако и верноподданническая присяга, и переселение были отвергнуты тысячью готов, ушедших до подписания договора и совершивших смелое отступление в Павию. И мужество, и положение Алигерна побуждали его не оплакивать смерть своего брата, а подражать его примеру; будучи сильным и ловким стрелком из лука, он пронзил одной стрелой и кольчугу, и грудь своего противника, а благодаря своим воинским дарованиям он более года оборонял Кумы⁴⁶⁾ от римлян. Эти последние расширили подземелье⁴⁷⁾ Сивиллы, устроили там громадных размеров мину, и при помощи горючих материалов уничтожили временные подпорки; тогда стена и ворота Кумы провалились в подземелье, которое обратилось в глубокую и непроходимую пропасть. Алигерн остался один на обломке утеса, не утратив своего мужества, но, хладнокровно обсудив безнадежное положение своей родины, нашел, что более чести быть другом Нарсеса, чем рабом франков. После смерти Тея римский главнокомандующий разделил свою армию на отряды с целью завладеть итальянскими городами; Лукка выдержала продолжительную и упорную осаду, и таково было человеколюбие или благоразумие Нарсеса, что, несмотря на неоднократное вероломство жителей, он не воспользовался своим правом умертвить их заложников. Он отпустил этих заложников невредимыми, а их признательное усердие положило конец упорному сопротивлению их соотечественников⁴⁸⁾.

Перед тем как была взята Лукка, на Италию обрушился новый поток варваров. Над австразийцами, или восточными франками, царствовал слабый юноша, внук Хлодвиги Феодобалд. Его опекуны отнеслись холодно и неблагосклонно к великолепным обещаниям готских послов. Но храбрость воинственного народа одержала верх над трусливой политикой

двора; два брата, герцоги алеманнов Лотарь и Буккелин⁴⁹⁾, выступили в качестве вождей для войны с Италией, и семьдесят пять тысяч германцев спустились осенью с Рецийских Альп в Миланскую равнину. Авангард римской армии стоял вблизи от По под предводительством отважного герула Фулкариса, воображавшего, что личная храбрость была единственной обязанностью и единственным достоинством военачальника. В то время как он шел по Эмилиевой дороге, не соблюдая в своих войсках никакого порядка и не принимая никаких предосторожностей, скрывшиеся в засаде франки внезапно вышли из пармского амфитеатра: его войска были застигнуты врасплох и разбиты наголову; но их вождь не хотел спастись бегством и до последней минуты своей жизни утверждал, что смерть для него менее страшна, чем гневный взор Нарсеса. Смерть Фулкариса и отступление оставшихся в живых военачальников вывели склонных к восстанию готов из их нерешительности; они поспешили стать под знамя своих освободителей и впустили их в те города, которые еще оборонялись от римлян. Завоеватель Италии открыл свободный путь перед непреодолимым потоком варваров. Они прошли мимо стен Цезены и отвечали угрозами и упреками на предостережение Алигерна, что готские сокровища не в состоянии вознаграждать их за труд. Две тысячи франков сделались жертвами искусства и мужества самого Нарсеса, вышедшего из Римини во главе трехсот всадников для того, чтобы наказать их за разбои, которыми они занимались во время своего наступательного движения. На границах Самния два брата разделили свою армию. С правым крылом Буккелин отправился собирать добычу с Кампании, Лукании и Бруттия; с левым - Лотарь стал грабить Апулию и Калабрию. Они прошли вдоль берегов Средиземного и Адриатического морей до Регия и до Отранто, и пределом их опустошительного наступления были крайние оконечности Италии. Франки, будучи христианами и католиками, довольствовались простым грабежом и лишь случайно вовлекались в убийства. Но церкви, которые были пощажены их благочестием, были ограблены нечистивыми руками алеманнов, приносивших лошадиные головы в жертву богам родных лесов и рек⁵⁰⁾; они обращали в слитки или оскверняли священные сосуды и обгаряли разрушенные раки святых и алтари кровью верующих. Буккелином руководило честолюбие,

а Лотарем корыстолюбие. Первый замышлял восстановление готского королевства, а второй, давши брату обещание, что скоро придет к нему на помощь, возвратился прежней дорогой назад, чтобы сложить по ту сторону Альп награбленные сокровища. Их армии уже сильно пострадали от перемены климата и от заразных болезней, а германцы предавались веселью по случаю сбора винограда, и их собственная неводержанность в некоторой мере отомстила за бедствия, которые они причинили беззащитному населению.

С наступлением весны стоявшие гарнизонами в городах императорские войска собрались в числе восемнадцати тысяч человек в окрестностях Рима. Зиму они не провели в бездействии. По приказанию и по примеру Нарсеса они ежедневно занимались военными упражнениями пешком и верхом и приучались повиноваться звуку военных труб и исполнять все движения и эволюции пиррической пляски. От берегов пролива, отделяющего Италию от Сицилии, Буккелин стал медленно подвигаться к Капуе с тридцатью тысячами франков и алеманнов, поставил деревянную башню на мосту Казилина, прикрыл себя с правой стороны рекой Вултурном и оградил остальную часть своего лагеря стеной из острых кольев и повозками, колеса которых были вкопаны в землю. Он с нетерпением ожидал возвращения Лотаря, увы, не зная, что его брат никогда не возвратится и что этот вождь вместе со своей армией погиб от странной болезни⁵¹⁾ на берегах озера Бенака, между Трентом и Вероной. Знамена Нарсеса скоро приблизились к Вултурне, и Италия стала с трепетом ожидать исхода этой решительной борьбы. Дарования римского главнокомандующего обнаруживались едва ли не более всего в тех спокойных военных операциях, которые предшествуют боевой тревоге. Своими искусными маневрами он лишил варвара подвоза съестных припасов, отнял у него те выгоды, которые он мог извлечь из господства над мостом и рекой, и принудил его подчиниться воле противника в том, что касалось выбора места и дня сражения. Утром этого важного дня, в то время как армия уже выстроилась в боевом порядке, один из вождей герулов убил своего слугу за какую-то ничтожную вину. Из чувства справедливости или из гневного раздражения Нарсес потребовал к себе убийцу и, не слушая его оправдания, приказал казнить его смер-

тью. Даже в том случае если жестокосердный варвар нарушил законы своей нации, это самовольное наказание было столько же несправедливо, сколько оно казалось неблагоприятным. Герулы пришли в негодование и остановились; но римский главнокомандующий, не стараясь смягчить их раздражение и не дожидаясь, какое они примут решение, громко объявил, среди звука военных труб, что, если они не поспешат занять свой пост, они лишатся почестей победы. Его войска были поставлены⁵²⁾ растянутым фронтом: с боков стояла кавалерия, в центре - тяжеловооруженная пехота, в арьергарде - стрелки из лука и пращники. Германцы подвигались вперед остроконечной колонной в форме треугольника или клина. Они пробились сквозь слабый центр Нарсеса, который принял их с улыбкой в эту гибельную западню и приказал стоявшей на флангах кавалерии окружить их с боков и сзади. Массы франков и алеманнов состояли из пехоты: у каждого из них висел на боку меч и щит, а для нападения они употребляли тяжелую секиру и загнутый крючком дротик, которые могли быть страшны только в рукопашном бою или на близком расстоянии. Отборные римские стрелки, посаженные на коней и покрытые броней, безопасно окружили эту неподвижную фалангу, восполняли свою немногочисленность быстротою своих движений и пускали свои стрелы в массу варваров, которые, вместо кирас и шлемов, носили широкие меховые или полотняные одежды. Варвары остановились; ими овладел страх; их ряды смешались, а герулы, предпочтя славу мщению, неистово устремились в эту решительную минуту на голову колонны. Их вождь Синбал и готский принц Алигерн выказали необыкновенную храбрость, а их пример побудил победоносные войска довершить гибель неприятеля мечами и копьями. Буккелин и большая часть его армии погибли на поле сражения или в водах Вултурна, или от руки рассвирепевших крестьян; однако трудно поверить, что победа⁵³⁾, от которой спаслись только пять алеманнов, могла быть куплена смертью только восьмидесяти римлян. Уцелевшие от войны семь тысяч готов обороняли крепость Кампсу до весны следующего года, и каждый посланец Нарсеса привозил известие о взятии итальянских городов, имена которых были извращены невежеством и тщеславием греков⁵⁴⁾. После битвы при Казилине

Нарсес вступил в столицу; оружие и сокровища, отбитые у готов, франков и алеманнов, были выставлены напоказ; солдаты с гирляндами в руках прославляли своими песнями победителя, и Рим сделался в последний раз свидетелем чего-то похожего на триумф.

После шестидесятилетнего владычества престол готских королей был занят равеннскими экзархами, заменявшими римского императора и в мирное, и в военное время. Их сфера власти скоро была ограничена небольшой провинцией, но сам Нарсес, который был первым и самым могущественным из экзархов, управлял в течение почти пятнадцати лет всем Италийским королевством. Подобно Велисарию, он заслуживал той чести, чтобы на него обрушились зависть, клевета и опала; но любимец - евнух или умел сохранить доверие Юстиниана, или умел запугивать и сдерживать неблагодарных и трусливых царедворцев тем, что стоял во главе победоносной армии. Впрочем, Нарсес снискал преданность войск не путем малодушной и вредной снисходительности. Позабывая уроки прошлого и не заботясь о будущем, они употребляли во зло свое благополучие и спокойствие. В городах Италии слышалось шумное веселье пирующих и танцующих; плоды победы тратились на чувственные удовольствия, и не оставалось ничего другого, говорит Агафий, как заменить щиты и шлемы сладкозвучной лютней и громадной чаркой для вина⁵⁵). В благородном обращении к солдатам, от которого не отказался бы любой из римских ценсоров, евнух порицал их за эти бесчинства и пороки, пятнавшие славу армии и угрожавшие ее безопасности. Солдаты устыдились и смирились; дисциплина была восстановлена; укрепления были исправлены; защита каждого из главных городов и начальство над стоявшими там войсками были поручены особому герцогу⁵⁶), и бдительность Нарсеса обнимала все обширное пространство от Калабрии до Альп. Остатки готской нации частью очистили страну, частью смешались с местным населением; франки, вместо того чтобы отмщать за смерть Буккелина, отказались без борьбы от своих итальянских завоеваний, а взбунтовавшийся вождь герулов Синбал был побежден, взят в плен и повешен на высокой виселице по приказанию справедливого и неумолимого экзарха⁵⁷). После волнений, сопровождавших продолжительную бурю,

гражданское положение Италии было урегулировано прагматической санкцией, которую император обнародовал по просьбе папы. Юстиниан ввел свою собственную юриспруденцию в западные школы и суды: он подтвердил акты Теодориха и его ближайших преемников; но все, что было исторгнуто силой или подписано из страха во время узурпации Тотилы, было отменено и уничтожено. Правительство ввело умеренную систему управления, которая имела целью согласить права собственности с давностью владения, денежные требования государства с бедностью народа и прощение преступлений с интересами добродетели и общественного порядка. Под управлением равеннских экзархов Риму было отведено второстепенное место. Впрочем, сенаторам сделали снисхождение, дозволив им посещать их поместья, находившиеся в Италии, и беспрепятственно приближаться к подножию Константинопольского престола; введение правильных весов и мер было поручено папе и сенату, а жалованье законоведам и докторам, ораторам и грамматикам было назначено с той целью, чтобы в древней столице не угасал или снова зажегся светильник знаний. Но Юстиниан тщетно издавал милостивые эдикты⁵⁸⁾, а Нарсес тщетно старался исполнять его желания, вновь строя города и в особенности церкви. Власть королей действует всего успешнее, когда дело идет о разрушении, а двадцать лет войны с готами окончательно разорили и обезлюднили Италию. Еще во время четвертой кампании, когда за соблюдением дисциплины наблюдал сам Велисарий, пятьдесят тысяч земледельцев умерли от голода⁵⁹⁾ в небольшом Пиценском округе⁶⁰⁾, а принимая в буквальном смысле свидетельство Прокопия, мы приходим к заключению, что понесенная Италией потеря людьми превышает ее теперешнее число жителей⁶¹⁾.

Я желал бы верить тому, что Велисарий искренно радовался триумфу Нарсеса, но не решусь этого утверждать. Впрочем, из сознания совершенных им самим подвигов он мог научиться без зависти уважать личные достоинства соперника; к тому же отдых престарелого воина увенчался последней победой, спасшей и императора, и столицу. Для варваров, ежегодно посещавших римские провинции, служила такой сильной приманкой надежда на добычу и на субсидии, что они нисколько не падали духом от случайных поражений. В тридцать вторую зиму Юстинианова царствования Дунай

замерз на значительную глубину. Заберган стал во главе болгарской кавалерии, и за его знаменем последовали разноплеменные толпы славян. Варварский вождь перешел, не встречая сопротивления, через реку и через горы, рассеял свои войска по Македонии и по Фракии и, имея при себе не более семи тысяч всадников, дошел до длинной стены, построенной для защиты константинопольской территории. Но произведения человеческих рук не могут выдерживать нападений самой природы; недавнее землетрясение расшатало фундамент стен, а военные силы империи были заняты на дальних границах в Италии, Африке и Персии. Семь *школ*⁶²⁾ (так назывались роты гвардейцев или домашних войск) были увеличены в своем составе, так что в них насчитывалось пять тысяч пятьсот человек, а обыкновенными местами их стоянок были мирные азиатские города. Но храбрых армян мало-помалу заменили ленивые граждане, которые покупали этим способом освобождение от обязанностей общественной жизни, не подвергая себя опасностям военной службы. Между этими солдатами было немного таких, которых можно бы было уговорить выйти за городские ворота, и не было ни одного, который не покинул бы поля сражения, если бы только имел достаточно сил, чтобы убежать от болгар. Доставленные беглецами известия преувеличивали число и свирепость врагов, которые будто бы насиловали посвященных Богу девственниц и бросали новорожденных детей на съедение собакам и ястребам; толпа поселян, просивших пищи и защиты, усилила смятение жителей, а Заберган раскинул свой лагерь в двадцати милях от Константинополя⁶³⁾, на берегу небольшой речки, опоясывающей Меланфий и затем впадающей в Пропонтиду⁶⁴⁾. Юстиниан струсил, а те, которые знали его только в его старости, делали утешительное предположение, что он *утратил* живость и энергию своей молодости. По его приказанию золотые и серебряные сосуды были вынесены не только из тех церквей, которые находились в окрестностях Константинополя, но даже из тех, которые находились в городских предместьях; дрожавшие от страха зрители усыпали городской вал; под золотыми воротами толпились бесполезные генералы и трибуны, а сенат разделял с народом и его труды, и его страх.

Но взоры монарха и народа были обращены на престарелого ветерана, который, чтобы спасти общество от неминуемой

опасности, снова облекся в доспехи, в которых вступил в Карфаген и оборонял Рим. Он поспешно набрал лошадей из императорских конюшен, от частных людей и даже из цирка; имя Велисария возбудило соревнование и между старцами, и между молодежью, и он стал лагерем в виду победоносного неприятеля. Благодаря его предусмотрительности и усилиям поселян лагерь был обнесен рвом и валом, так что можно было провести спокойную ночь; чтобы скрыть от неприятеля малочисленность своих военных сил, он приказал зажечь бесчисленные огни и подымать облака пыли; его солдаты внезапно перешли от упадка духом к самоуверенности, и, между тем как десять тысяч голосов требовали битвы, Велисарий скрывал свое убеждение, что в решительную минуту он мог бы положиться лишь на стойкость трехсот ветеранов. На другой день утром болгарская кавалерия начала атаку. Она была поражена воинственными возгласами громадной массы людей, блеском оружия и дисциплиной стоявших во фронте войск; с обоих флангов на нее напали из лесов стоявшие там в засаде неприятельские отряды; ее передовые бойцы пали от руки престарелого героя и его телохранителей, а быстрота ее маневров оказалась бесполезной вследствие энергичного нападения римлян и быстроты, с которой они ее преследовали. В этом сражении болгары потеряли только четыреста всадников (так быстро было их бегство); но Константинополь был спасен, а Заберган понял, что имеет дело со знатоком военного искусства и отступил на почтительное расстояние. Но он имел многочисленных друзей среди близких к императору людей, и Велисарий неохотно подчинился требованиям зависти и самого Юстиниана, не дозволившим ему довершить освобождение своего отечества. Когда он возвратился в город, народ, еще сознававший, как велика была опасность, приветствовал его выражениями своей радости и признательности, которые были поставлены в вину победоносному полководцу. Но когда он вошел во дворец, царедворцы безмолвствовали, император холодно обнял его, не поблагодарив ни одним словом, и он смешался с толпою придворных рабов. Однако его слава произвела такое глубокое впечатление на умы народа, что Юстиниан, которому было в ту пору семьдесят шесть лет, решился удалиться почти на сорок миль от столицы, для того чтобы лично осмотреть работы, предпринятые для исправления длинной

стены. Болгары провели в бездействии лето на равнинах Фракии, но их неудачная попытка проникнуть в Грецию в Херсонес расположила их к заключению мира. Угроза умертвить попавших в их руки пленников ускорила уплату большого выкупа, а удаление Забергана было ускорено полученным им известием, что на Дунае строятся двуносовые суда с целью пресечь ему отступление. Опасность была скоро позабыта, а праздные горожане развлекались на досуге разрешением вопроса, что выказал в этом случае их монарх - мудрость или малодушие⁶⁵).

Почти через два года после последней победы Велисария, император возвратился из своей поездки во Фракию, предпринятой или для поправления здоровья, или по делам управления, или из благочестивых мотивов. Юстиниан страдал болью в голове, а приказание никого не впускать подало повод к слухам, что он умер. Прежде чем настал третий час дня, в лавках булочников был расхищен весь хлеб, все дома заперли свои двери и каждый стал готовиться к уличным беспорядкам, согласно с тем, что внушали ему надежды или опасения. Сенаторы, которыми также овладели страх и недоверие, были созваны в девятом часу и, по их требованию, префект объехал все городские кварталы, приказывая повсюду зажигать иллюминацию в знак мольбы о выздоровлении императора. Волнение стихло, но всякая неожиданная случайность обнаруживала и бессилие правительства, и мятежный дух населения; гвардейцы были готовы бунтовать всякий раз, как их переводили на другие квартиры или опаздывали с уплатой их жалованья; часто повторявшиеся бедствия от пожаров и землетрясений служили поводом для бесчинств; ссоры между синими и зелеными, между православными и еретиками переходили в кровавые драки, и Юстиниан, в присутствии персидского посла, краснел и за себя, и за своих подданных. Помилования из прихоти и наказания по личному произволу еще более раздражали тех, кто был утомлен и недоволен столь продолжительным царствованием; во дворце составилась заговор и - если только мы не введены в заблуждение именами Марцелла и Сергия, - в нем действовали заодно и самый добродетельный из царедворцев, и самый порочный. Они назначили момент для приведения в исполнение своего замысла; они воспользовались правами своего ранга, чтобы присутствовать на императорском банке-

те, а их черные невольники⁶⁶⁾ были расставлены на лестнице и в портиках для того, чтобы возвестить о смерти тирана и возбудить мятеж в столице. Но неосторожность одного из сообщников спасла ничтожный остаток Юстиниановой жизни. Заговорщики были отысканы и арестованы; у них нашли скрытые под платьем кинжалы; Марцелл сам лишил себя жизни, а Сергия силой вытащили из святилища, в котором он укрылся⁶⁷⁾. Из раскаяния или из желания спасти свою жизнь он обвинил двух офицеров, состоявших при свите Велисария, а пытка заставила этих последних заявить, что они действовали согласно с тайными инструкциями своего патрона⁶⁸⁾. Потомство едва ли могло бы поверить, что герой, отвергший во цвете своих лет предложения, вполне удовлетворявшие и честолюбие, и жажду мщенья, мог унизиться до того, что задумал убить своего государя, которого он не мог долго пережить. Его приверженцы спешили спастись бегством; но он мог бежать только с тем, чтобы поднять знамя восстания, а он уже достаточно жил и для природы, и для славы. Велисарий предстал перед высшим советом не столько со страхом, сколько с негодованием; после его сорокалетней службы император предрешил его виновность, и эта несправедливость была освящена присутствием и авторитетом патриарха. Жизнь Велисария пощадили из милости, но на его состояние был наложен секвестр, и его держали с декабря по июль под арестом в его собственном дворце. В конце концов его невинность была доказана; ему возвратили и свободу, и прежний почет, а почти через восемь месяцев после его освобождения его постигла смерть, которую, быть может, ускорили раздражения и скорбь. Имя Велисария никогда не умрет, но вместо погребальных почестей, монументов, статуй, которых он был вполне достоин, я узнаю от тогдашних историков, что император немедленно конфисковал его сокровища, состоявшие из добычи, отнятой у готов и у вандалов. Впрочем, приличная часть этих богатств была оставлена его вдове, а так как на душе Антонины было много грехов, то она посвятила остальную часть своей жизни и своего состояния на основание монастыря. Таков безыскусственный и достоверный рассказ об опале Велисария и о неблагодарности Юстиниана⁶⁹⁾. А то, что его лишили зрения и что зависть довела его до необходимости просить милостыню, говоря: "Подайте копеечку генералу Велисарию!", было вымыслом

позднейших времен⁷⁰⁾, который пользовался не столько доверием, сколько сочувствием, потому что служил поразительным примером превратностей фортуны⁷¹⁾.

Если император был способен радоваться смерти Велисария, то он вкушал это низкое удовольствие только в течение восьми месяцев, которые были последним периодом тридцативосьмилетнего царствования и восьмидесятитрехлетней жизни. Не легко обрисовать характер монарха, который не был самой выдающейся личностью своего времени; однако признания его недруга Прокопия могут считаться самым надежным удостоверением его личных достоинств. Прокопий с злорадством указывает⁷²⁾ на сходство Юстиниана с бюстом Домициана, однако добавляет, что он был хорошо сложен, что его щеки были покрыты румянцем и что у него было приятное выражение лица. Доступ к императору был не труден; он с терпением выслушивал, что ему говорили, был вежлив и приветлив в разговоре и умел сдерживать гневное раздражение, которое свирепствует с такой разрушительной силой в душе деспотов. Прокопий хвалит его душевное спокойствие для того, чтобы можно было обвинить его в хладнокровном и сознательном жестокосердии; но в том, что касается заговоров против его власти и его жизни, более беспристрастный судья одобрит справедливость Юстиниана или будет восхищаться его милосердием. Он отличался добродетелями домашней жизни - целомудрием и воздержанностью; но беспристрастная любовь к женской красоте причинила бы менее вреда, чем его супружеская привязанность к Феодоре, а его воздержанный образ жизни был регулирован не благоразумием философа, а суевериями монаха. Он ел мало и не долго сидел за столом; в большие посты он довольствовался водой и овощами, а его здоровье было так крепко и его благочестие так пылко, что он нередко проводил по два дня и по две ночи без всякой пищи. С такой же точностью была определена продолжительность сна. После часового отдыха деятельность души пробуждала тело, и Юстиниан, к удивлению своих камергеров, гулял или занимался до рассвета⁷³⁾. Благодаря такому деятельному образу жизни он удлинял время, которое мог посвящать приобретению знаний и делам управления, и его можно бы было основательно упрекнуть в том, что своим мелочным и неуместным усердием он вносил путаницу в общий строй своей администрации. Император считал себя му-

зыкантом и архитектором, поэтом и философом, законовелем и богословом, и хотя ему не удалось примирить христианские секты, зато его труды по части юриспруденции служат благородным памятником его ума и предприимчивости. В управлении империей он был менее мудр и менее счастлив: его царствование ознаменовалось множеством общественных бедствий; народ был угнетен и недоволен; Феодора злоупотребляла своим влиянием; дурные министры, один вслед за другим, заглушали в нем голос рассудка, и подданные Юстиниана не любили его, а когда он умер, не жалели о нем. Любовь к славе глубоко вкоренилась в его душе; но он нисходил до того жалкого честолюбия, которое ищет титулов, почестей и похвалы современников, и, в то время как он старался удивить римлян, он утрачивал их уважение и любовь. План завоевания Африки и Италии был смело задуман и приведен в исполнение, а благодаря своей прозорливости Юстиниан заметил в лагере дарования Велисария и внутри дворца дарования Нарсеса. Но имя императора затмевается именами его победоносных генералов, и Велисарий еще жив для того, чтобы укорять своего государя в зависти и в неблагодарности. Человечество превозносит с пристрастным увлечением гений тех завоевателей, которые сами становятся во главе своих подданных и ведут их на поле сражения. Но Филипп II и Юстиниан отличались тем черствым честолюбием, которое находит наслаждение в войне и уклоняется от опасностей, которые можно встретить на поле сражения. Тем не менее колоссальная бронзовая статуя изображала императора на коне готовым выступить в поход против персов в одежде и доспехах Ахиллеса. На большой площади, перед храмом Св. Софии, этот монумент был поставлен на бронзовой колонне, которую поддерживал каменный пьедестал с семью ступеньками, а стоявшую на этом месте колонну Феодосия, в которой было семь тысяч четыреста футов серебра, Юстиниан из корыстолюбия и из тщеславия приказал перенести на другое место. Его преемники были более справедливы или более снисходительны к его памяти: в начале четырнадцатого столетия старший Андроник исправил и украсил его конную статую; после падения империи победоносные турки расплавили ее и наделали из нее пушек⁷⁴).

Я закончу эту главу подробностями о кометах, землетрясениях и чуме, наводивших изумление и ужас во времена Юстиниана.

I. На пятом году его царствования, в сентябре месяце, в течение двадцати дней была видна в западной части неба комета⁷⁵⁾, испускавшая свои лучи в северном направлении. Через восемь лет после того, в то время как солнце находилось в созвездии Козерога, другая комета появилась в созвездии Стрельца; ее размер постоянно увеличивался; головой она была обращена к востоку, хвостом к западу и была видима в течение сорока дней с лишним. Народы, смотревшие на нее с удивлением, ожидали войн и бедствий от ее пагубного влияния, и эти ожидания в избытке оправдались на деле. Астрономы, которым были незнакомы свойства этих блестящих светил, скрывали свое невежество, выдавая их за носящиеся в воздухе метеоры; только немногие из них усвоили простую мысль Сенеки и халдейцев, что это не что иное, как планеты, отличающиеся более длинным оборотом и менее правильным течением⁷⁶⁾. Время и наука оправдали догадки и предсказания римского философа: телескоп открыл перед глазами астрономов новые миры⁷⁷⁾, и оказалось, что в течение того непродолжительного времени, с которым их знакомят история и вымыслы, одна и та же комета была видима на земле *семь* раз после равных промежутков времени, длившихся по пятьсот семидесяти пяти лет. *Первое*⁷⁸⁾ ее появление относится к 1767 году до начала христианской эры и современно с отцом греческой древности Огигесом; им объясняется сохраненное Варроном предание, что в царствование Огигеса планета Венера переменяла свой цвет, величину, внешний вид и течение; это было чудо, беспримерное в прошлом и не повторявшееся в следующие века⁷⁹⁾. На *второе* появление, происшедшее в 1193 году до Р.Х., не совсем ясно указывает басня об Электре, седьмой из Плеяд, число которых уменьшилось на шесть со времен Троянской войны. Эта нимфа, бывшая женой Дардана, не могла перенести гибели своей страны; она отказалась от участия в танцах своих сестер, покинула зодиак, переселилась к северному полюсу и благодаря своим растрепанным волосам получила название *кометы*. *Третий* период оканчивается 618 годом до Р.Х., который в точности совпадает с появлением страшной кометы Сивиллы и, быть может, Плиния, которая показалась на за-

паде за два поколения до царствования Кира. *Четвертое* появление, происшедшее за сорок четыре года до Рождения Христа, было самое блестящее и самое важное. После смерти Цезаря, длинноволосая звезда была видима в Риме и у разных народов, в то время как происходили игры, устроенные юным Октавианом в честь Венеры и своего дяди. Народ полагал, что она несла на небеса божественную душу диктатора; Октавиан, из политических расчетов, поддерживал это мнение и освятил его своим благочестием, между тем как его суеверие втайне считало эту комету предвестницей его собственного величия⁸⁰). *Пятое* появление, как было уже ранее замечено, произошло на пятом году Юстинианова царствования, то есть в 531 г. после Р.Х. Достоин внимания тот факт, что как за этим появлением кометы, так и за предшествовавшим следовала, - хотя и после более продолжительного промежутка времени, - замечательная бледность солнечных лучей. *Шестое* появление, происшедшее в 1106 году, было занесено в европейские и китайские хроники, а так как то была горячая пора Крестовых походов, то и христиане, и магометане могли с одинаковой основательностью предполагать, что комета была предвестницей истребления неверующих. *Седьмое* появление произошло в 1680 году на глазах людей, живших в веке Просвещения⁸¹). Философия Бейля рассеяла разукрашенный музой Мильтона предрассудок, будто комета "стряхивала с своих отвратительных волос моровую язву и войну"⁸²). Ее направление по небесному пространству проследили с замечательным искусством Flamstead и Cassini, а Bernoulli, Newton и Halley, при помощи своих математических познаний, уяснили законы ее движения. При восьмом появлении, которое должно произойти в 2355 году, выводы этих ученых, быть может, будут проверены астрономами какой-нибудь столицы, возникшей на теперешних сибирских или американских необитаемых пустынях.

II. Приближение кометы могло бы причинить вред шару, на котором мы живем, или совершенно разрушить его; но перемены, которые до сих пор происходили на поверхности этого шара, всегда были последствием вулканических извержений и землетрясений⁸³). Свойства почвы могут служить указанием тех стран, которые всех более подвержены этим страшным сотрясениям, так как эти сотрясения происходят

от подземного огня, а этот огонь бывает результатом соединения и брожения железа и серы. Определение времени и последствий этих явлений, по-видимому, находится вне той сферы, в которую может проникать человеческая любознательность, и философ будет благоразумно воздерживаться от предсказания землетрясений, пока не сочтет капель воды, которые, тихо процеживаясь, падают на горючий материал и пока не измерит пещер, которые усиливают своим сопротивлением взрывы запертого в них воздуха. Не задавая себе труда отыскивать причины этих явлений, историк ограничится указанием тех эпох, в которые эти бедствия случались редко или часто, и заметит, что эта лихорадка нашего шара свирепствовала с необыкновенной силой в продолжение всего Юстинианова царствования⁸⁴). Каждый год этого царствования был отмечен возобновлением землетрясений, из которых одно было так продолжительно, что потрясло Константинополь в течение сорока дней с лишним и имело такое огромное протяжение, что подземные удары чувствовались на всей поверхности земного шара или по меньшей мере на всей поверхности Римской империи. Какая-то внутренняя сила то толкала вперед, то приводила в сотрясение; мгновенно разверзались громадные бездны; огромные и тяжелые тела взбрасывались на воздух; море то выходило из своих берегов, то удалялось от них, а одна гора, оторванная от Ливана⁸⁵) и брошенная в волны, послужила молой для новой Ботрийской⁸⁶) гавани, в Финикии. Удар, приводящий в сотрясение муравейник, может обратить в прах мириады насекомых; но нельзя не сознаться, что человек старательно подготовил свою собственную гибель. Постройка обширных городов, способных вместить внутри своих стен целую нацию, почти осуществила желание Калигулы, чтобы у римского народа была одна голова. Рассказывают, что двести пятьдесят тысяч людей погибли в Антиохии от землетрясения, случившегося в такое время, когда праздник Вознесения привлекал в город толпы пришлого люда. Потери, понесенные Беритом⁸⁷), были не так велики числом, но более ценны. Этот город, стоявший на берегу Финикии, славился своей школой правоведения, которая открывала верный путь к богатствам и почестям; все зарождавшиеся таланты того времени развивались в этой школе, и от землетрясения погибло немало юношей, которые могли сделаться бичами или защитниками своего

отечества. При таких бедствиях архитектор становится врагом человеческого рода. Хижина дикаря или палатка араба может быть опрокинута без всякого вреда для того, кто в ней живет, и перуанцы имели полное основание смеяться над безрассудством своих испанских завоевателей, тративших так много денег и труда на то, чтобы строить свои собственные гробницы. Дорогие мраморы патриция обрушиваются на его собственную голову; под развалинами публичных и частных зданий погибает целый народ, а бесчисленные огни, необходимые для пропитания и для мануфактур большого города, производят и распространяют пожар. Вместо того чтобы встречать сочувствие, которое могло бы служить для них утешением или помощью, пострадавшие делаются жертвами пороков и страстей, дающих себе волю в расчете на безнаказанность; неустрашимая алчность грабит расшатанные дома; мстительность пользуется этой благоприятной минутой и бросается на свою жертву, и земля нередко поглощает убийцу или похитителя женской чести в тот самый момент, когда он совершает преступление. Суеверие примешивает к действительной опасности воображаемые ужасы, и, хотя ожидание смерти иногда пробуждает в душе добродетельные чувства или раскаяние, испуганный народ более склонен ожидать конца мира или смягчать раболепными приношениями гнев мстительного Божества.

III. Эфиопия и Египет во все века считались первоначальными источниками и рассадниками чумы⁸⁸). При влажном, теплом и неподвижном воздухе эта африканская лихорадка зарождается от гниения трупов и в особенности от громадного количества саранчи, которая одинаково губельна для человеческого рода и живой, и мертвой. Моровая язва, обезлюдившая землю во времена Юстиниана и его преемников⁸⁹), появилась в первый раз в окрестностях Пелузия, между Сирбонидской топью и восточным рукавом Нила. Оттуда она распространилась в двух направлениях - в направлении к востоку по Сирии, Персии и Индии и в направлении к западу по африканскому побережью и затем по Европейскому континенту. Весной следующего года Константинополь страдал от этой язвы в течение трех или четырех месяцев, и Прокопий, наблюдавший за ее развитием и симптомами глазами доктора⁹⁰), выказал почти такое же искусство и тщание, какими отличалось Фукидидово описание афинской чумы⁹¹).

Зараза иногда давала о себе знать видениями, которые создавало расстроенное воображение, и ее жертва считала себя обреченной на смерть, лишь только слышала угрозу или чувствовала прикосновение невидимого призрака. Но в большинстве случаев люди занемогали в постели, на улице или во время своих обычных занятий лихорадкой, которая вначале была такая легкая, что ни в пульсе, ни в цвете лица больного не было никаких признаков приближавшейся опасности. Или в тот же день, или в один из следующих двух дней опасность обнаруживалась в опухоли желез, в особенности в паху, под мышками и под ушами; а когда эти распухшие или вздувшиеся места лопались, внутри их находили уголек или черное зернышко величиной с чечевичное. Если эти опухоли достигали настоящей зрелости или нагноения, то этот естественный способ удаления вредной материи спасал больного. Если же они оставались твердыми и сухими, то очень скоро делалась гангрена и на пятый день больной обыкновенно умирал. Лихорадка часто сопровождалась летаргией или бредом; тело больного покрывалось черными прыщами или нарывами, которые были предвестниками скорой смерти, а у тех, у кого по слабости сложения сыпь не могла выступать наружу, после рвоты кровью следовало воспаление кишок. Для беременных женщин зараза обыкновенно была смертельна; однако один ребенок был вынут живым из утробы умершей матери, а три матери пережили смерть зародышей, зараженных чумой. Юношеские годы были самыми опасными, а женский пол заражался не так легко, как мужской; но зараза поражала без разбора людей всякого звания и всякой профессии, а многие из тех, которые спаслись от нее, лишились языка, не будучи уверенными, что болезнь не возвратится к ним вновь⁹²). Константинопольские доктора были и усердны, и искусны; но они были сбиты с толку разнообразием болезненных симптомов и упорством болезни: одно и то же медицинское средство давало противоположные результаты, и исход лечения опровергал их предсказания смерти или выздоровления. Не соблюдалось никакого порядка ни при похоронах, ни при распределении мест в могильных склепах; у кого не осталось ни друзей, ни прислуги, тот лежал непогребенным на улице или в своем опустевшем доме, и одному должностному лицу было дано право собирать кучи мертвых тел, перевозить их за город сухим путем или

водой и зарывать в глубоких ямах. Сознание собственной опасности и страдания окружающих пробудили в душе самых порочных людей нечто похожее на раскаяние, но с возвращением здоровья в них оживали прежние страсти и привычки; тем не менее философия должна отвергнуть замечание Прокопия, что жизнь этих людей охранялась особой милостивой заботливостью фортуны или провидения. Он позабыл или, может быть, намеренно умалчивал о том, что чума не пощадила самого Юстиниана; но воздержанный образ жизни императора, подобно тому как это было с Сократом, может считаться за более рациональную и более почтенную причину его выздоровления⁹³). Во время его болезни одежда граждан служила выражением для их скорби, а их нерадение и упадок духа были причиной того, что в столице Востока обнаружился голод.

Заразительность есть неразлучная принадлежность чумы, которая, путем вдыхания, переходит от зараженных ею людей в легкие и в желудок тех, кто к ним приближается. Философы сознавали эту истину и из страха были крайне осторожны, между тем как народ, который так легко создает вымышленные ужасы, отвергал существование столь серьезной опасности⁹⁴). Впрочем, сограждане Прокопия убедились из нескольких непродолжительных и немногочисленных опытов, что чума не пристает от близких сношений с зараженными⁹⁵), и благодаря этому убеждению больные пользовались уходом друзей и докторов, которые могли бы оставить их в беспомощном одиночестве, если бы руководствовались бессердечной осторожностью. Но пагубная уверенность в своей собственной безопасности, подобно вере турок в предопределение, без сомнения, способствовала распространению заразы, а правительство Юстиниана не было знакомо с теми благотворными предосторожностями, которым Европа обязана своей безопасностью. Не было наложено никаких стеснений на свободные и частые сообщения между римскими провинциями; на всем пространстве от Персии до Франции народы смешивались одни с другими и заражались вследствие войн и переселений, а торговля переносила в самые отдаленные страны зародыши заразы, которые могут сохраняться в тюках хлопчатой бумаги в течение нескольких лет. Способ ее распространения объясняется замечанием самого Прокопия, что она всегда направлялась от морского по-

бережья во внутренность страны, что она посещала одни вслед за другими самые уединенные острова и горы и что те местности, которые спаслись от ее ярости при первом появлении, одни только и делались ее жертвами в следующем году. Ветры, быть может, разносят этот тонкий яд, но, если атмосфера не подготовлена к тому, чтобы впитать его в себя, зараза должна скоро прекращаться в холодных и умеренных климатах. Но такова была повсеместная заразительность воздуха, что чума, появившаяся на пятнадцатом году Юстинианова царствования, не прекращалась и не ослабевала ни от какой перемены времен года. С течением времени ее первоначальная злокачественность уменьшилась и исчезла; зараза то ослабевала, то опять оживала; но не прежде как по истечении пятидесятидвухлетнего периода страшных бедствий, человеческий род снова стал пользоваться здоровьем, а воздух сделался по-прежнему чистым и здоровым. До нас не дошло таких фактов, по которым можно было бы вычислить или даже приблизительно определить число людей, лишившихся жизни в этот период необычайной смертности. Я отыскал только тот факт, что в течение трех месяцев в Константинополе ежедневно умирало сначала по пяти тысяч человек, а потом по десяти, что многие из восточных городов остались совершенно пустыми и что в некоторых местностях Италии жатва и виноград гнили неубранными. Тройной бич, войны, моровой язвы и голода, поражал подданных Юстиниана, и его царствование было той печальной эпохой, когда человеческий род значительно уменьшился числом, а некоторые из самых прекрасных стран земного шара уже никогда не могли поправиться от этого бедствия⁹⁶).

1) При описании возникших в Африке смут я не имел и не желал бы иметь другого руководителя, кроме Прокопия, который был очевидцем достопамятных событий своего времени и, кроме того, тщательно собирал все, что мог узнать от других. Во второй книге "Вандальской Войны" он описывает: восстание Стотцы (гл. 14-24), возвращение Велисария (гл. 15), победу, одержанную Германом (гл. 16-18), вторичное управление Соломона (гл. 19-21), управление Сергия (гл. 22, 23) и Ареобинда (гл. 24), тиранию и смерть Гонтара (гл. 25-28); а в разнообразных портретах, которые он рисует, я не замечаю никаких признаков лести или недоброжелательства.

2) Впрочем, я должен отдать справедливость в том, что он описал живыми красками умерщвление Гонтара. Один из его убийц выразил чувства, достойные римского патриота: "Если я промахнусь, - сказал

Артазир, - убейте меня на месте для того, чтобы пытка не вынудила указания моих сообщников".

3) Прокопий лишь мимоходом упоминает в своих рассказах о войнах с маврами (Vandal., кн. 2, гл. 19-23, 25, 27, 28. Goth. кн. 4, гл. 17); а Феодан прибавляет к этому несколько благоприятных и неблагоприятных фактов, относящихся к последним годам Юстинианова царствования.

4) Теперешний Тибешь в Алжирских владениях. Через него протекает река Сужерасс, впадающая в Медшерду (Баграду). Тибешь до сих пор замечателен своими городскими стенами, построенными из огромных камней (подобно римскому Колизею), фонтаном и рощей ореховых деревьев; страна плодородна, а соседние берберы воинственны. Из одной надписи можно заключить, что дорога из Карфагена в Тебест была построена третьим легионом в царствование Адриана (Marmol, Description de l'Afrique, том II, стр. 442, 443. Shaw's Travels, стр. 64-66). (Это, вероятно, была Типаза, в которой Брюс видел остатки храма, арку и другие обширные развалины, напоминавшие о владычестве римлян. См. Предисловие к его "Путешествиям", стр. 26. - *Издат.*)

5) Прокопий, "Анекд.", гл. 18. Все, что делалось в Африке, подтверждает эту печальную истину. (Печальное положение, до которого была доведена Африка, не было делом двадцати лет; и едва ли можно верить тому быстрому и чрезвычайному уменьшению населения, о котором говорит Прокопий. Внимание читателя уже не раз обращалось на постепенный упадок когда-то цветущей страны. Страшная картина, описанная Прокопием, представляет лишь одну из позднейших фаз общего упадка. Иордан (гл. 33) заканчивает свой краткий рассказ об этих событиях следующими словами: Sic Africa Vandalico Jugo erepta et in libertatem revocata hodie congaudet. Все равно, принадлежат ли эти слова ему самому или Кассиодору, они, по всему вероятно, были вызваны радостью автора по случаю торжества православия над арианством, а потому заслуживают так же мало доверия, как мрачная картина, нарисованная Прокопием. - *Издат.*)

6) Во второй (гл. 30) и в третьей книге (гл. 1-40) Прокопий продолжает описание готской войны с пятого по пятнадцатый год Юстинианова царствования. Так как эти события менее интересны, чем те, которые им предшествовали, то для двойного пространства времени он уделяет вдвое менее места. У Иордана и в Хронике Марцеллина можно найти некоторые дополнительные сведения. Можно также кое-что извлечь из произведений Сигония, Пажи, Муратори, Маску и де Бюа, и я всем этим воспользовался.

7) Римский епископ Сильвер был сначала отправлен в Патару, в Ликии; в конце концов его умили голодом (sub eorum custodia inedia confectus) на острове Пальмарии, 538 г., 20 июня (Liberat. in Breviar. гл. 22. Anastasius in Sylverio. Baronius, A. D. 540, № 2, 3. Pagi in Vit. Pont. том 1, стр. 285, 286). Прокопий (Anecd. гл. I) обвиняет только императрицу и Антонину.

8) Пальмария - небольшой островок напротив Террачины и берега вольсков (Cluvier, Ital. Antiq. кн. 3, гл. 7, стр. 1014).

9) Так как логофет Александр и почти все его гражданские и военные сотоварищи или впали в немилость, или утратили всякое влия-

ние, то в "Анекдотах" (гл. 4, 5, 18) нападки на них не более ожесточенны, чем в "Истории готы" (кн. 3, гл. 1, 3, 4, 9, 20, 21 и сл.).

10) Прокопий (кн. 3, гл. 2, 8 и сл.) охотно отдает полную справедливость достоинствам Тотилы. Римские историки, начиная с Саллюстия и кончая Тацитом, охотно забывали о пороках своих соотечественников, описывая добродетели варваров. (Повсюду, где готы сталкивались со своими цивилизованными противниками, было ясно видно природное превосходство первых. Велисарий одерживал свои победы с помощью варварских союзников, и лишь только его прозорливый ум терял из виду поприще его успехов, тотчас выступали наружу безрассудство и слабоумие тех, в пользу кого он одерживал победы. В три года итальянцы пришли к убеждению, что владычество когда-то страшного врага лучше, чем восстановленное владычество константинопольских тиранов. Если бы Тотила мог спокойно царствовать, он, по-видимому, стал бы держаться тех же принципов управления, которыми руководствовались его предшественники. Декан Мильман цитирует слова св. Мартина, который производит имя Тотилы от *Todilas*, "бессмертный". Быть может, было бы правильное перевести это имя словом "убийственный или гибельный для своих врагов". Но расследование этого вопроса было бы бесполезно, так как это название есть извращение настоящего имени готского короля, который назывался *Badvila*; это имя вычеканено на всех его монетах. *Eckhel, De Num. Vet.* 8, 214. - *Издат.*)

11) Прокопий, кн. 3, гл. 12. Все, что таилось в глубине души героя, вылилось в этом письме; документы этого рода дышат такой искренностью и неподдельностью, что их никак не следует ставить наряду с тщательно обработанными и часто бессодержательными речами, которые встречаются в произведениях византийских историков.

12) Прокопий не скрывает того, что Бесса был очень корыстолюбив (кн. 3, гл. 17, 20). Бесса загладил потерю Рима блестящим завоеванием Петры (*Goth.*, кн. 4, гл. 12), но он перенес свои пороки с берегов Тибра на берега Фасиса (гл. 13), и Прокопий отзывается с одинаковым беспристрастием и о его личных достоинствах, и о его слабостях. Наказание, которому автор романа "Велисарий" подверг того, кто угнетал римлян, более согласно со справедливостью, чем с историей.

13) Во время продолжительного изгнания Вигилия и после его смерти римская Церковь управлялась сначала архидиаконом и затем (555 г.) папой Пелагием, которого не считали безвинным в страданиях его предместника. См. подлинные биографии пап, вышедшие от имени Анастасия (*Murator. Script. Rer. Italicarum*, том III, часть 1, стр. 130, 131), который рассказывает несколько интересных подробностей об осаде Рима и о войнах, которые велись в Италии.

14) Гора Гарган, носящая в настоящее время название *Monte St. Angelo*, находится в Неаполитанском королевстве; она вдается на триста стадий в Адриатическое море (Страб. кн. 6, стр. 436) и во времена невежества славилась явлениями, чудесами и церковью Св. Михаила Архангела. Гораций, который был родом или из Апулии, или из Лукании, видел, как вязы и дубы качались под ревом северных ветров, которые дуют на этом возвышенном берегу (*Carm. II. 9. Epist. II, 1, 201*).

15) Я не могу с точностью указать, где именно находился этот лагерь Ганнибала, но карфагеняне долго и часто ставили лагерь в окрестностях города Арпи (Тит Лив., XXII, 9, 12; XXIV, 3 и сл.).

16) Totila... Romam ingreditur... ac evertit muros, domos, aliquantas igni comburens, ac omnes Romanorum res in praedam accepit, hos ipsos Romanos in Campaniam captivos abduxit. Post quam devastationem, XL aut amplius dies, Roma fuit ita desolata, ut nemo ibi hominum, nisi (nullae?) bestiae morarentur (Marcellin. in Chron., стр. 54).

17) Tribuli были маленькие машинки с четырьмя острями, из которых одно втыкалось в землю, а три остальных торчали кверху или вбок (Прокопий: Gothic., кн. 3, гл. 24. Just. Lipsius, Poliorceticon, кн. 5, гл. 3). Это название заимствовано от tribuli (звездчатого чертополоха) - растения, которое дает колючие плоды, очень часто попадающиеся в Италии (Martin, ad Virgil. Georgic. кн. 153, ч. II, стр. 33). (У латинов слово tribulus первоначально обозначало особый вид чертополоха, вроде того, который растет на наших скалах; Вергилий (Georg. 1. 153) и Плиний (21. 58) причисляли его к тем сорным травам, которые мешают другим полезным растениям. Военное орудие, на устройство которого навело это растение, впоследствии получило у итальянцев название Calziatrappa, а у французов chausse-trappe. По словам Дюканжа (VI, 1251, 1278), название tribulus впоследствии применялось к более широким средствам обороны, называвшимся chevaux-de-frise. Чтобы обозначить действие, причиняющее вред при помощи растения или машины, латини придумали глагол tribulare, от которого произошло и английское слово tribulation. - *Издат.*)

18) Название Roscia (navale Trurlorum) было перенесено через шестьдесят стадий в Рускиан (Rossano) - архиепископство без архиепископа. Республика Сибарисская составляет теперь поместье герцога Кориigliано (Riedesel, "Поездка в Великую Грецию и Сицилию", стр. 166-171). (Новейший город находится в неаполитанской провинции Calabria Citra. Бухта, близ которой он стоит, называется по его имени Golfo di Rossano, а соседний мыс напоминает о старине своим названием Capo di Roscia. - *Издат.*)

19) Прокопий описал (Gothic кн. 3, гл. 31, 32) этот заговор в своей публичной истории с такой свободой и откровенностью, что не имел надобности что-либо прибавлять в своих "Анекдотах".

20) О почестях, которых был удостоен Велисарий, его секретарь рассказывает с видимым удовольствием (Прокоп. Goth. кн. 3, гл 35; кн. 4, гл. 21. Титул stratēgos (греч.) в этом случае неверно переведен словами prefectus praetorio; так как здесь идет речь о лице военного звания, то было бы более правильно сказать magister militum (Ducange, Gloss. Graec., стр. 1458, 1459).

21) Alemannus (ad Hist. Arcanam, стр. 68), Ducange (Familiae Byzant., стр. 98) и Heineccius (Hist. Juris Civilis, стр. 434) считают Анастасия сыном дочери Феодоры, а их мнение подкрепляется ясным свидетельством Прокопия (Anecd., гл. 4, 5... дважды повторено). Тем не менее я должен заметить: 1) что в 547 году Феодора едва ли могла иметь внука, достигшего возмужалости. 2) Что нам ничего не известно об этой дочери и о ее муже. 3) Что Феодора скрывала своих неза-

коннорожденных детей и что если бы у нее был внук, происходивший от Юстиниана, он был бы законным наследником престола.

22) *Hamartēmata* (греч.), или преступления героя в Италии и после его возвращения оттуда, раскрыты *Aparakalyptōs* (греч.) и, вероятно, преувеличены автором "Анекдотов" (гл. 4, 5). Замыслом Антонины благоприятствовала изменчивая Юстинианова юриспруденция. Касательно постановлений о браках и разводах этот император был *trocho versatilior* (Heineccius, *Element. Juris Civil. ad Ordinem Pandect.*, часть IV, № 233).

23) Римляне все еще были привязаны к памятникам своих предков, и, по словам Прокопия (Goth., кн. 4, гл. 22), Энеева галера, имевшая только один ряд весел, двадцать пять футов в ширину и сто двадцать в длину, сохранялась в целости в *navalia*, подле *Monte Testaceo*, у подножия Авентинского холма (Nardini, *Roma Antica*, кн. 7, гл. 9, стр. 466. Donatus. *Roma Antiqua*, кн. 4, гл. 13, стр. 334). Но эта драгоценная древность была неизвестна древним писателям.

24) В этих морях Прокопий безуспешно искал острова Калипсо. Ему показывали в Феакии или Корцире превратившийся в окаменелость корабль Улисса (Одисс. XIII, 163); но он нашел, что это было недавнее сооружение из камней, посвященное одним торговцем Юпитеру Кассию (кн. IV, гл. 22). Евстафий полагал, что это было нечто похожее на утес и было сделано человеческими руками.

25) D'Anville (*Mémoires de l'Acad.*, том XXXII, стр 513-528) очень хорошо объяснил все, что касается Амбракийского залива, но он не мог точно указать, где находилась Додона. Оказывается, что страна, лежащая вблизи от Италии, менее известна, чем пустынные страны Америки. (По словам Страбона (кн. 7), Додона находилась у подножия горы Томара; а между новейшими путешественниками Walpole и Leake были те, которые исследовали ее местоположение. - *Издат.*)

26) Выражение, касающееся Либерия, взято из издания In 4°. В позднейших изданиях, включая и издание Мильмана, ошибочно сказано: "молод и недостаточно опытен"; так не мог выражаться Гиббон о человеке, которого Прокопий называет стариком, достигшим последнего периода человеческой жизни, но неопытным в военном деле... (De Bell. Goth. 3. 39) Это, бесспорно, был тот самый человек, которого Кассиодор два раза так восхвалял перед римским сенатом (Var. П. 16; XI, 1). Теодорих возвел его в звание преторианского префекта и назначил его сына Венанция графом дворцовой прислуги. Он был послан Феодатом в качестве посла в Константинополь, где ему оказали почетный прием как сенатору и как всеми уважаемому человеку (Прокоп. De Bell. Goth. 1.4). После умерщвления Амаласунты, он, вероятно, не пожелал возвращаться в Италию и предложил свои услуги Юстиниану. Несмотря на его преклонные лета, это предложение было принято ради его прекрасной репутации, а благодаря близкому знакомству со страной он был назначен начальником дивизии в армии, которая находилась под главным начальством Германа. - *Издат.*)

27) Касательно Германа можно найти сведения в публичной (Vandal., кн. 2, гл. 16-18. Coth., кн. 3, гл. 31, 32) и в тайной истории Прокопия (Анеkd., гл. 5), а касательно его сына Юстина - у Агафия (кн. 4, стр. 130, 131). Несмотря на двусмысленное выражение Иордана *fratri*

сuo, Алеманн доказал, что он был сын Юстинианова брата. (Иордан, вероятно, был сам автором своей последней главы, в которой находится это выражение. Он, очевидно, был мало знаком с тем, что делалось в Константинополе, а так как он знал по слухам, что у Юстиниана был племянник Герман, то он принял его за сына Германа и отсюда заключил, что отец, носивший то же имя, был брат императора. Прокопий, которому, без сомнения, были хорошо известны эти степени родства, говорит об этом в очень двусмысленных выражениях. Во-первых (De Bell. Goth. 3.37), Герман-отец называется *anepsios* (греч.) Юстиниана, а это слово, по мнению Стефана (Thesaurus ad voc.), может означать и двоюродного брата, и племянника; затем (4, 1) в тексте сказано *kēdestos* (греч.), а это слово означает вообще родство или члена семьи (*affinis*). В одном из предыдущих подстрочных примечаний Гиббон, ссылаясь на авторитет Иордана, говорит о старшем и о младшем Германе без всяких комментариев и правильно называет внуку Теодориха Мафасунтой, тогда как здесь называет ее Маласунтой, смешивая ее с ее родной матерью. А ее сын, родившийся, по словам Иордана, после смерти своего отца, назван здесь "царственным ребенком", с отцом которого готы неохотно шли сражаться. - *Издат.*)

28) *Conjuncta Aniciorum gens cum Amala stirpe, spem ad huc utriusque generis promittit* (Иордан, гл. 60, стр. 703). Он писал в Равенну, когда Тотила был еще жив.

29) Третья книга Прокопия оканчивается смертью Германа (Add., кн. 4, гл. 23-26).

30) Прокопий описывает весь ход второй готской войны и победу Нарсеса (кн. 4, гл. 21, 26-35). Какая великолепная картина! Это был один из шести сюжетов эпической поэмы, над которыми задумался Тассо; он колебался в выборе между завоеванием Италии Велисарием и завоеванием той же страны Нарсесом (Hayley's Works, ч. IV, стр. 70).

31) Родина Нарсеса неизвестна, так как его не следует смешивать с персидским армянином того же имени. Прокопий (Goth. кн. 2, гл. 13) называет его *basilikōn chrematon tamias* (греч.); Павел Варнефрид (кн. 2, гл. 3, стр. 776) называет его *Chartularius*'ом. Марцеллин прибавляет название *Cubi cularius*. В одной надписи на Саларийском мосту ему даны титулы: *Ex-consul, Ex-praepositus, Cubiculi Patricius* (Маску, "Ист. Германц.", кн. 13, гл. 25). Закон, изданный Феодосием против евнухов или вышел из употребления, или был отменен (Annotation 20), но нелепое предсказание римлян еще существовало во всей своей силе (Прокоп., кн. 4, гл. 21). (По недостатку более положительных сведений имя Нарсеса дает нам право считать его за персидского уроженца. Начиная с сына Варана III, жившего во времена Диоклетиана (см. гл. XIII), это имя часто встречается и между Аршакидами, и между Сасанидами, равно как между многими из их знатных подданных; но у других народов оно никогда не встречается. Юстинианов главнокомандующий был одно время книгопродавцом, чем, вероятно, и объясняется данное ему Павлом Варнефридом название *chartularius*. - *Издат.*)

32) Лангобардец Павел Вернефрид с удовольствием описывает помощь, оказанную его соотечественниками, их службу и их почетное

увольнение - *reipublicae Romanae adversus aemulos adjutores fuerant* (кн. 2, гл. 1, стр. 774, изд. Grot). Я удивляюсь тому, что их воинственный король Альбоин не принял личного начальства над своими подданными. (Такой небольшой вспомогательный отряд едва ли стоил того, чтобы сам король принял на себя главное начальство. Привыкши к роли главнокомандующего, он не мог унизиться до второстепенного поста. По словам Прокопия (*De Bell. Goth.* 4. 26), в этом лангобардском отряде было более 5500 человек - 2500 человек высшего ранга и более 3000 низшего. - *Издат.*)

33) Если он не был самозванец, то он был сын слепого Замеса, которого пощадили из сострадания и воспитали при византийском дворе из различных мотивов, основанных частью на политических расчетах, частью на гордости, частью на великодушии (Прокоп., *Persic.*, кн. 1, гл. 23).

34) Во времена Августа и в средние века, все пространство между Аквилеей и Равенной было покрыто лесами, озерами и болотами. Но человек победил природу, и эта страна теперь возделана, благодаря тому, что воды стекают в каналы, окруженные насыпями. См. ученые исследования Муратори (*Antiquitat. Italiae Medii Aevi*, том I, *Dissert.*, 21, стр. 253, 254), основанные на знакомстве с произведениями Витрувия, Страбона, Иродиана, с древними хартиями и с местностью. (Удаление моря от берегов, о котором говорилось в этом томе, также имело влияние на то, что озера и болота превратились в годные для возделывания земли. - *Издат.*)

35) Руководствуясь дорожниками и лучшими новейшими географическими картами, D'Anville (*Analyse de l'Italie*, стр. 147-162) так определил направление Фламиниевой дороги: от Рима до Нарни пятьдесят одна римская миля, до Терни - пятьдесят семь, до Сполето - семьдесят пять, до Фолиньо - восемьдесят восемь, до Нокеры - сто три, до Кальи - сто сорок две, до Интеркизы - сто пятьдесят семь, до Фоссомброна - сто шестьдесят, до Фано - сто семьдесят шесть, до Пезаро - сто восемьдесят четыре, до Римини - двести восемь, то есть почти 189 английских миль. D'Anville не упоминает о смерти Тотилы, а Wesseling (*Itinerar.*, стр. 614) вместо того, чтобы называть поле сражения *Taginas*, дает ему непонятное название *Ptanias* в восьми милях от Нокеры.

36) Плиний упоминает о *Taginae* или, вернее, *Tadinae*; но епископство этого ничтожного города, лежащего в равнине в одной миле от Гвальдо, было соединено в 1007 г. с епископством Нокеры. Воспоминания о старине сохранились в местных названиях: *Fossato* означает "лагерь"; *Capraia* происходит от "Капреи"; *Bastia* - от *Busta Gallorum*. См. Cluverius (*Italia Antiqua*, кн. 2, гл. 6, стр. 615-617), Lucas Holstenius (*Annotat. ad Cluver.*, стр. 85, 86), Guazzesi (*Dissertat.*, стр. 177-277, специально посвященная этому предмету) и географические карты Церковной области и Анконской Мархии, составленные Le Maire'ом и Magini.

37) Сражение при *Busta Gallorum* происходило в 458 году от основания Рима: консул Деций, пожертвовав своею собственной жизнью, обеспечил торжество своего отечества и своего сотоварища Фабия. (Тит Ливий, X, 28,29). Прокопий приписывает эту победу Камиллу, а

его ошибку Ключье заклеил национальным упреком в Graecorum pugnamenta.

38) Theophanes, Chron., стр. 193. Hist Miscell., кн. 16, стр. 108. (Некоторые полагают, что он был смертельно ранен в одной из стычек, предшествовавших битве, что это несчастье было причиной того, что он не мог лично руководить сражением и что это было причиной поражения готов. - *Издат.*)

39) Evagrius, кн. 4, гл. 24. По внушению Святой Девы Нарсес избрал день битвы и дал на этот день пароль (Paul. Diacon., кн. 2, гл. 3, стр. 776).

40) Рим был взят в 536 г. Велисарием, в 546-м Тотилой, в 547-м Велисарием, в 549-м Тотилой и в 552-м Нарсесом. Maltretus по ошибке употребил при переводе слово sextum и впоследствии исправил эту ошибку, но она уже принесла свои плоды, и Cousin вместе со множеством французских и латинских читателей попали в эту ловушку.

41) Сравн. два места Прокопия (кн. 3, гл. 26; кн. 4, гл. 24), которые в совокупности с некоторыми дополнительными указаниями Марцеллина и Иордана, рисуют положение издыхавшего сената.

42) Пример Прузия, в том виде как он описан в отрывках Полибия (Excerpt. Legat. 97, стр. 927, 928), представляет интересное зрелище царственного раба.

43) Прокопиев Дракон (греч.) (Goth. кн. 4, гл. 35), очевидно, Сарн. Cluvier опрометчиво не поверил тексту или извратил его (кн. 4, гл. 3, стр. 1156), но неаполитанец Camillo Pellegrini (Discorsi Sopra la Campania Felice, стр. 330, 331) доказал, на основании старинных документов, что еще в 822 г. эта река называлась Dracontio или Draconcello. (На берегу этой реки стояла несчастная Помпея. Cellarius, 1.677. - *Издат.*)

44) Galen (de Method. Medendi, кн. 5, apud Cluvier, кн. 4, гл. 4, стр. 1159, 1160) описывает возвышенное положение, чистый воздух и питательное молоко горы Лактария, целебные достоинства которой были известны во времена Симмаха (кн. 6, посл. 18) и Кассиодора (Var. XI; 10). От всего этого осталось только название города Lettere. (Кассиодор, выдавая больным официальные разрешения на посещение этой горы для исправления здоровья, обыкновенно вдавался в цветистые описания той местности, которая была так полезна для здоровья. Он восхвалял здоровый воздух, плодородие почвы, богатство растительности, множество стад и питательность тамошнего молока. Lac tam pingue, ut haereat digitis, cum exprimatur in vasis. - Voluptuose bibite, quae saluberrima sentiatis. - *Издат.*)

45) Buat (том XI, стр. 2 и сл.) отправил эти остатки готов в свою возлюбленную Баварию, между тем как другие писатели или хоронили их в горах Ури, или отсылали на их родину, на остров Готландию (Mascou. Annot. 21).

46) Scalliger (Animadvers. in Euseb., стр. 59) и Salmasius (Exercitatio Pliniana, стр. 51, 52) долго спорили о происхождении Кум, которые были самой древней из колоний, основанных греками в Италии (Страб., кн. 5, стр. 372. Велей Патеркул, кн. 1, гл. 4), во времена Ювенала уже обезлюдили (Сатира 3), а теперь находятся в развалинах.

47) Agathias (кн. 1, гл. 21) полагает, что подземелье Сивиллы находилось под городской стеной Кум; он одного мнения с Сервием (ad.

lib. 6, Aeneid.); и мне непонятно, почему *Heune*, превосходно издававший Вергилия, не соглашается с ними (том II, стр. 650, 651). *In urbe media scereta religio!* Но Кумы еще не были построены, и стихи Вергилия (кн. VI, 96, 97) были бы бессмысленны, если бы Эней находился в ту пору в греческом городе. (Отсюда ясно видно, что в историю древнейших времен было внесено много путаницы вследствие того, что вымыслы поэтов принимались за исторические факты. Если верить всему, что говорил Вергилий о Кумах, и принимать его слова за неоспоримое свидетельство, то почему же не верить тому, что Эней спускался там в преисподнюю? И в том и в другом случае свидетельство Вергилия имеет одинаковый вес. Кумы, вероятно, существовали задолго до того времени, к которому относят прибытие Энея в Италию. - *Издат.*)

48) Нелегко согласовать содержание тридцать пятой главы в четвертой книге "Готской войны" Прокопия с первой книгой "Истории" Агафия. До сих пор для нас служили руководителями государственный человек и воин; теперь нам приходится идти по стопам поэта и риторика (кн. 1, стр. 11; кн. 2, стр. 51, издан. Луврское).

49) В описаниях баснословных подвигов Буккелина есть также рассказ о том, что он разбил и убил Велисария, покорил Италию и Сицилию и пр. См. в *Histo riens de France* сочинения Григория Турского (том II, кн. 3, гл. 32, стр. 203) и Эмоина (том III, кн. 2, de Gestis Francorum, гл. 23, стр. 59). (Таковы были материалы, по которым писали то, что в ту пору называлось историей. На легкое верие этих обоих писателей уже неоднократно было указано. - *Издат.*)

50) Agathias говорит об их суевериях тоном философа (кн. 1, стр. 18). В Цуге, в Швейцарии, идолопоклонство существовало еще в 613 году: св. Колумбан и св. Галл были апостолами этой дикой страны, а последний из них основал пустынноическую обитель, которая разрослась в принадлежавшее церкви княжество и в многолюдный город, сделавшийся центром политической свободы и торговли.

51) О смерти Лотаря можно найти сведения у Агафия (кн. 2, стр. 38) и у Павла Варнефрида, прозванного Диаконом (кн. 2, гл. 3, стр. 775). По словам греческого писателя, он приходил в исступление и рвал на куски свое тело. Он грабил церкви.

52) Pere Daniel (*Hist. de la Milice Française*, том I, стр. 17-21) написал вымышленное описание этой битвы отчасти подражая когда-то славившемуся издателю сочинений Полибия Chevalier Folard'y, который приспособлял все военные действия древних к своим вкусам и мнениям.

53) Agathias (кн. 2, стр. 47) сообщил греческую эпигramму в шести строках, написанную по поводу победы Нарсеса, которая сравнивается с битвами при Марафоне и Платеях. Главное между ними различие заключается в их последствиях - ничтожных в первом случае, прочных и блестящих во втором.

54) Вместо названий *Veroia* и *Brincas*, которые употребляются Феофаном или тем, кто переписывал его произведения (стр. 201), следует читать Верона и Бриксия. (Это служит новым доказательством небрежности, с которой записывались в старину собственные имена. Прежде всего, устные предания извращали эти имена и делали из одного названия несколько новых. Сверх того греческие и латин-

ские писатели, из пренебрежения к варварским диалектам, и неправильно понимали, и неправильно записывали те звуки голоса, в которых выражались названия. В довершение всего, невежественные монастырские переписчики неверно переписывали то, что было перед их глазами, и вносили в свои рукописи извращенную номенклатуру, которая и без того уже была неверна. Из одного первоначального названия иногда создавались несколько новых, и древний мир населялся разнообразными племенами в тех местах, где жило только одно племя, так что одно и то же лицо или место неоднократно выступает на сцену под новыми названиями. Поэтому тот, кто желает приобрести основательные сведения о прошлом, должен различать неверные или извращенные названия от тех, которые находятся в ясной связи с ходом исторических событий. - *Издат.*)

55) ...(*Agathias*, кн. 2, стр. 48). В первой сцене *Ричарда III* наш английский поэт превосходно развил эту мысль, хотя и не был обязан ею византийскому историку.

56) Маффеи доказал (*Verona lustrata*, ч. 1, кн. 10, стр. 257-289), наперекор общему мнению, что должность герцогов была учреждена в Италии самим Нарсесом до покорения ее лангобардами. В *Прагматической санкции* (№ 23) Юстиниан ограничивает власть *judies militares*.

57) См. Павла Диакона, кн. 3, гл. 2, стр. 776. Менандер (*in Excerpt. Legat.*, стр. 133) упоминает о восстаниях франков в Италии, а Теофан (стр. 201) намекает на восстания готов.

58) *Прагматическая санкция* Юстиниана, регулирующая гражданские права жителей Италии, состоит из двадцати семи статей; она помечена 15 августа A.D. 554 и адресована к Нарсесу V.J. *Praepositus Sacri Cubiculi* и к Антиоху, *Praefectus Praetorio Italiae*; содержание ее сохранил Julian Antecessor, а в *Corpus Juris Civilis* она помещена после Новелл и Эдиктов Юстиниана, Юстина и Тиверия.

59) Еще большее число людей погибло от голода в южных провинциях, не включая берегов Ионического залива. Вместо хлеба питались желудями. Прокопий видел покинутого ребенка, которого кормила коза. Две женщины пустили к себе в дом семнадцать путешественников, убили их и съели; но восемнадцатый путешественник открыл их преступление и убил их и т.д. (Гиббон, очевидно, сам не верит этим преувеличениям, хотя и рассказывает их серьезным тоном. Как бы ни была сильна апатия, в которую впало население Италии, оно жило в такой стране, где дары самой природы так обильны, что их достаточно для сохранения человеческой жизни. Нет возможности допустить, что люди не хотели протянуть руку, чтобы достать эти дары, и предпочитали умирать с голоду; также нельзя допустить, чтобы женщины предпочли зверское и преступное людоедство невинному и здоровому питанию тем, что давала окружающая природа. Если были дубы с желудями, то были также виноградники, были деревья и кусты, доставлявшие пищу без содействия человеческих рук. В том самом Пицене, в котором, как рассказывают, свирепствовал такой страшный голод, было множество садов, в которых росли фрукты *Pisena rota*, воспетые Горацием (*Sat.*, кн. 2, 3, 272; 4, 70). Такие страшные сцены не могли происходить в такой стране. Конечно, войны всегда сопровождаются опустошениями; упадок энергии ведет к

нищете; но ни меч, ни огонь, ни день никогда не причиняли и десятой доли тех бедствий, о которых рассказывают введенные в заблуждение и склонные ко всему неправдоподобному историки. - *Издат.*)

60) Quinta regio Piceni est; quondam uberrimae multitudinis, CCCLX millia Picentium in fidem P. R. venire (Плин. Hist. Natur. 3, 18). Во времена Веспасиана это древнее население уже уменьшилось числом.

61) Может быть, миллионов пятнадцать или шестнадцать. Прокопий (*Анеkd.*, гл. 18) рассчитывает, что Африка потеряла пять миллионов людей, что Италия была вдвое более обширна и что в ней обезлюдение имело более широкие размеры. Но в своих вычислениях он увлекается раздражительностью и не подкрепляет их достоверными фактами.

62) То, что говорит Прокопий (*Anecd.*, гл. 24, *Aleman.*, стр. 102, 103) об упадке этих военных школ, подтверждается и уясняется Агафием (кн. 5, стр. 159), которого нельзя считать за неприязненного свидетеля.

63) Касательно расстояния, отделяющего Константинополь от Меланфия или Villa Caesariana (Аммиан Марцеллин, XXX, 11), мнения различны: одни определяют его в сто две стадии, а другие в сто сорок стадий (Suidas, том II, стр. 522, 523. Agathias, кн. 5, стр. 158), то есть в восемнадцать или в девятнадцать миль (Itineraria, стр. 138, 230, 323, 332 и "Примечания" Весселинга). Первые двенадцать миль до Регия были вымощены Юстинианом, построившим мост через болото или канал между озером и морем (Прокоп. de Edif., кн. 4, гл. 8).

64) Она называлась Atyras (Помпон. Мела, кн. 2, гл. 2, стр. 169, изд. Voss). У устья реки Юстиниан укрепил город или замок, носивший такое же название (Прокоп. de Edif., кн. 4, гл. 2; Itinerar., стр. 570 и Wesseling). (Suidas, согласно с Целларием (1.1073), называет небольшой форт, находившийся у устья Атира Melantiacum Novale и полагает, что он отстоял от Константинополя в ста двух стадиях. Некоторые считали новейшую Aqua dolce за прежний Атир и полагали, что на его берегах стоит Селивра - древняя Селимбрия, о которой говорят Геродот и Ливий. Но Атир и Меланий были два различных города и были довольно далеко один от другого. Первый из них также очень далек от Константинополя. Dr. Clarke (Travels, ч. 2, отд. 3, стр. 476) употребил полтора дня на переезд из одного в другой. Но на расстоянии трех часов пути от столицы он проезжал через небольшую деревню, которая называется Кучук Чекмадже, Ponte Piccolo, или Маленьким Мостом; эта деревня стоит на берегу Пропонтиды и имеет довольно большой мост с четырьмя арками, перекинутый через реку среди луж и болот. Это место, вероятно, и было сценой последнего военного подвига Велисария. Сэр R. K. Porter (Travels, ч. 2, стр. 768) называет эту деревню Кучук-Чекмаза и говорит, что она стоит у берега моря в четырех часах от Константинополя. - *Издат.*)

65) Война с болгарами и последняя победа Велисария не с достаточной подробностью описаны в многословной декламации Агафия (кн. 5, стр. 154-174) и в очень сухой хронике Феофана (стр. 197, 198).

66) Indous (греч.) - это едва ли были настоящие индийцы; а эфиопы, которым иногда давали название индийцев, никогда не употреблялись древними в качестве телохранителей или прислуги: они были пустым, но дорого стоившим предметом женской и царской роско-

ши (Теренц. *Евнух*, акт 1, сцена 2. Светон. in August., гл. 83 с прекрасным примечанием Казобона in *Calligula*, гл. 57).

67) О Сергии (Vandal., кн. 2, гл. 21, 22; Anecd., гл. 5) и Марцел. (Goth., кн. 3, гл. 32) упоминает Прокопий. См. Феофана, стр. 197, 201. (О том, как дурно вел себя Сергий в Африке и как он усилил этим дурным поведением затруднительное положение своего дяди Соломона, было рассказано в этой главе. - *Издат.*)

68) Алеманн (стр. 3) ссылается на старинную византийскую рукопись, которую напечатал Banduri в *Imperium Orientale*.

69) Об опале Велисария и о возвращении ему прежних милостей можно найти достоверные и оригинальные сведения в отрывке Иоанна Малалы (том II, стр. 234-243) и в очень точной хронике Феофана (стр. 194-204). Цедрен (Compend., стр. 387, 388) и Зонара (том II, кн. 14, стр. 69), по-видимому, колеблются в выборе между истиной, которая устарела, и вымыслом, которому все более и более верили.

70) Источником для этого досужего вымысла, быть может служила вышедшая в двенадцатом столетии литературная смесь монаха Иоанна Tzetzes'a, под названием *Chillads*. (Basil. 1546, ad calcem Lycophront. Colon. Allobrog. 1614, in Corp. Poet. Graec.). В десяти вульгарных или *политических* стихах он рассказывает о слепоте Велисария и о прощении им милостыни (*Chillad* III, № 88, 339-348, in Corp. Poet. Graec, том II, стр. 311).

.....
Этот нравоучительный или романтический рассказ проник в Италию вместе с греческим языком и греческими рукописями; его повторяли в конце пятнадцатого столетия Crinitus, Pontanus и Volaterranus; Alciat нападал на него, защищая честь юриспруденции, а Baronius (A.D. 561, № 2 и сл.), защищал его достоверность, защищая честь церкви. Однако сам Tzetzes читал в других хрониках, что Велисарий не терял зрения и что ему были возвращены и почести, и состояние.

71) В Риме, в вилле Боргезе, есть статуя, изображающая мужчину в сидячем положении с протянутой вперед рукой; она слывет в простонародье за статую Велисария; ее можно с большим основанием считать за изображение Августа в тот момент, как он умиливает Немезиду (Winckelman, *Hist. del'Art.*, том III, стр. 266). *Ex nocturno visuetiam stipem, quotannis, die certo, emendicabat a populo, cavam manum asses porrigentibus praebens.* (Светон. in August. гл. 91, с превосходным примечанием Казобона).

72) Тацит (in *Vit. Agricol.*, гл. 45) слегка насмехается над *rubor*'ом (красным цветом лица) Домициана; на эту особенность также указывают Плиний Младший (*Papadur.*, гл. 48) и Светоний (in *Domitian.*, гл. 18 и *Casaubon ad locum*). Прокопий (Anecd., гл. 8) высказывает безрассудную уверенность, что только один бюст Диоклециана сохранился до шестого столетия.

73) О прилежании и познаниях Юстиниана свидетельствуют не столько похвалы, высказанные Прокопием (Gothic., кн. 3, гл. 31; de *Edific.*, кн. 1; *Proem.*, гл. 7), сколько его откровенные разоблачения (Anecd., гл. 8, 13). См. подробный Index Алеманна и биографию Юстиниана, написанную Ludwig'ом (стр. 135-142).

74) См. в С.Р. Chiristiana Дюканжа (кн. 1, гл. 24, № 1) ряд подлинных свидетельств - начиная с Прокопия, жившего в шестом столетии, и кончая Gyllius'ом, жившим в шестнадцатом столетии.

75) О первой комете упоминают Иоанн Малала (том II, стр. 190, 219) и Феофан (стр. 154), о второй - Прокопий (Persic., кн. 2, гл. 4). Но я сильно сомневаюсь в их тождестве. Бледность солнечных лучей (Vandal., кн. 2, гл. 14) Феофан относит к другому году (стр. 158).

76) Седьмая книга "Натуральных Вопросов" Сенеки обнаруживает, в том что касается теории планет, философский ум. Однако не следует наивно придавать неопределенному предсказанию, *veniet tempus* и пр. значение действительного открытия.

77) Астрономы могут изучать произведения Ньютона и Галлея, а я извлек мои скромные сведения из статьи Comete, помещенной во французской энциклопедии д'Аламбером.

78) Честный, благочестивый и склонный к химерам Whiston вздумал объяснять бывший при Ное потоп (за две тысячи двести сорок два года до Р.Х.) появлением той же кометы, потопившей землю своим хвостом.

79) В диссертации Freret (Memoires de l'Académie des Inscriptions, том X, стр. 357-377) мы находим счастливое сочетание философии с ученостью. Воспоминание о появлении кометы во времена Огигеса сохранено Варроном (apud Augustin. de Civitate Dei, XXI 8), который ссылается на *nobiles mathematici* Кастора, Диана Неапольского и Адраста Кизикского. О двух следующих появлениях говорится в произведениях греческих мифологов и в подложных книгах Сивилиных стихов.

80) Плиний (Hist. Nat. 2, 23) списывал с подлинного мемориала Августа. Maïran, в своих остроумных письмах к отправившемуся миссионером в Китай Parennin'у, переносит игры и появление кометы с 44-го на 43-й год до Р.Х.; однако меня не вполне убеждают выводы этого астронома (Opusculs, стр. 275-351).

81) Эта последняя комета была видима в декабре 1680 года. Бейль, начавший писать свои *Pensees sur la Comete* в январе 1681 г. (Oeuvres, том 3), нашелся вынужденным прибегнуть к тому аргументу, что *сверхъестественная* комета укрепила бы древних в идолопоклонстве. Bernoulli (см. его *Eloge* у Фонтенеля, том V, стр. 99) был вынужден допустить, что не голова кометы, а ее хвост есть *признак* гнева Божия.

82) "Потерянный рай" вышел в свет в 1667 году, и знаменитые строчки (кн. 2, 708 и сл.), испугавшие цензора, быть может, были намеком на недавнее появление кометы 1664 года, которую наблюдал в Риме Кассини в присутствии королевы Христины (Fontenelle, *Eloge de Cassini*; том V, стр. 338). Обнаружил ли Карл II какие-нибудь признаки любознательности или страха?

83) Касательно причины землетрясений см. Buffon (том 1, стр. 502-536. Supplément à l'Hist. Naturelle, том V, стр. 382-390, изд. in 4-to), Valmont de Bomare (Dictionnaire d'Histoire Naturelle, Tremblemens de Terre, Pyrites), Watson (Chemical Essays, том 1, стр. 181-209).

84) Землетрясения, которые потрясли весь римский мир в царствование Юстиниана, описаны или слегка упомянуты у Прокопия (Goth., кн. 4, гл. 25. Anecdote. гл. 18), Агафия (кн. 2, стр. 52-54; кн. 5, стр. 145-

152), Иоанна Малалы (Chron. том II, стр. 140-146, 176, 177, 183, 193, 220, 229, 231, 233, 234) и Феофана (стр. 151, 183, 189, 191-196). (Геологические исследования обнаружили следы прошедших вулканических извержений в большей части земного шара. Эти извержения мало-помалу суживались в своих пределах и теперь прекратились во многих из тех стран, где они часто случались в раннюю историческую эпоху. К числу таких стран принадлежат Сирия и Малая Азия; землетрясения, постигшие их в царствование Юстиниана, были лишь повторением старых бедствий. В самом конце второго столетия, Иония и соседние с ней страны пострадали от сильных сотрясений, которые чувствовались и в Пелопоннесе. Павзаний (7, 24) упоминает о несчастьях, постигших города Кари и Ликии и остров Родос, а также (2, 7) о гибели Сикиона. Разорение, постигшее в то же самое время Смирну, имело такие большие размеры, что философ Аристид обратился с просьбой о помощи к Марку Антонину, который издержал большие суммы на исправление повреждений. - *Издат.*)

85) Это была крутая гора или перпендикулярно возвышавшаяся остроконечная верхушка горы, между Арадом и Ботрием, названная греками *theōn prosōpon* (греч.), а совестливыми христианами *euprosōpon* или *lithoprosōpon* (греч.) (Полиб., кн. 5, стр. 411. Помпон. Мела, кн. 1, гл. 12, стр. 87, *cum Isaae Voss. Observ. Maundrell, Journey*, стр. 32, 33. Роскок, *Descript.*, ч. 2, стр. 99).

86) Ботрий был основан (ann. ante Chirist. 935-903) Тирским царем Итобалом (Marsham. Canon. Chron., стр. 387, 388). На его месте стоит теперь деревня Патрон, к которой даже не могут приставать корабли.

87) Heineccius (стр. 351-356) описывает школу, великолепие и разрушение Берита, считая все это за существенную составную часть истории римского законодательства. Этот город был разрушен на двадцать пятом году Юстинианова царствования, A.D. 551, июля 9 (Феофан, стр. 192); но Агафий (кн. 2, стр. 51, 52) полагает, что землетрясение произошло после окончания итальянской войны.

88) Я с удовольствием прочел коротенькое, но изящно написанное сочинение Mead'a "О Заразительных Болезнях" (Восьмое издание, Лондон, 1722).

89) О чуме, свирепствовавшей в 542-м и следующих годах (Pagi, Critica, том II, стр. 518), говорят следующие писатели: Прокопий (Persic. кн. 2, гл. 22, 23), Агафий (кн. 5, стр. 153, 154), Эваргий (кн. 4, гл. 29), Павел Диакон (кн. 2, гл. 4, стр. 776, 777), Григорий Турский (том II, кн. 4, гл. 5, стр. 205), который называет ее *Lues Inguinalia*, Виктор Тунииский в своей хронике (стр. 9, *In Thesaur. Temporum*), Марцеллин (стр. 54) и Феофан (стр. 153) в хрониках. (*Lacus Sirbonis* было предметом ужаса для всех древних народов. Оно было баснословным местопребыванием Тифона - злого гения в стольких мифологиях. Под его руслом находились кипучие потоки горной смолы и источники нефти, часто выбрасывавшие наружу бледное пламя и удушливые испарения, которые принимались за дыхание дьявола (Геродот, 2. 6. Плутарх, Anton., гл. 3. Страбон, 16. 762). С течением времени это страшное озеро сузилось до очень небольших размеров (Плин., 5.14). Удалившиеся воды оставили обширное болото или топь, которую ветры осыпали песком с соседних степей и которая была гибельна для тех, кто пытался переходить через нее (Диодор

Сицилийский, 1.30). Из этой топи выходили, во времена Юстиниана, миазмы двух родов. Подвергавшиеся гниению морские ехивiae и копоть от горевшей горной смолы наполняли атмосферу вредными испарениями. Эти испарения вдыхал в себя бедный и неразвитой народ, который жил в грязи и искусственно поддерживал свою энергию употреблением горячительных напитков; эта нравственная зараза не менее физической способствовала зарождению болезней, которые переносились из одной страны в другую с такой разрушительной быстротой. Древнее Сирбонидское озеро если не совсем, то почти совсем исчезло (Cellarius, 2.792). Но его название до сих пор сохранилось на географических картах и обозначает, по-видимому, образовавшиеся в позднее время маленькие болота и озера, которые отделяет от Средиземного моря недавно образовавшаяся отмель. Турки называют это место Себаха Бардуалом или озером Балдуина, потому что этот герой крестоносцев умер, бывши королем Иерусалимским в 1177 г., в соседнем городе Ринокорура, теперешнем Эль-Ариш. Самые новейшие и самые достоверные сведения об этой местности можно найти в Description de l'Egypte, которое было составлено по официальным отчетам о достопамятной французской экспедиции (том XVI, стр. 208). - *Издат.*

90) Dr. Freind. (Hist. Medicin. in Opp., стр. 416-420. Лонд., 1733) полагает, что так как Прокопий знал и уместно употреблял технические названия, то он, должно быть, изучал медицину. Но многие слова, в настоящее время принадлежащие к числу научных терминов, были общеупотребительными на греческом языке.

91) См. Фукидида, кн. 2, гл. 47-54, стр. 127-133, изд. Duker и поэтическое описание той же язвы Лукрецием (кн. 6, стр. 1136-1284). Я обязан докт. Гюнтеру тщательно обработанным комментарием на эту часть Фукидида; это - in 4° в шестьсот страниц (Венец., 1603, apud Iuntas), которое прочел вслух в библиотеке св. Марка доктор и философ Fabius Paullinus Utinensis.

92) Фукидид (гл. 51) утверждает, что заразиться можно было только один раз; но Эваргий, испытавший действие заразы на своем семействе, замечает, что некоторые спасались от первого случая заражения и погибали от вторичного; о том, что зараза могла приставать вторично, свидетельствует и Fabius Paullinus (стр. 588). Я со своей стороны замечу, что мнения докторов об этом предмете несходны и что свойство и ход болезни, быть может, не всегда были одинаковы.

93) Благодаря своей воздержанности Сократ спасся от афинской чумы (Aul. Gellius, Noct. Att., II, I). Dr. Mead полагает, что обитатели монастырей были обязаны своим здоровьем своей замкнутой жизни и своему воздержанию (стр. 18, 19).

94) Mead доказывает, что чума заразительна и в подтверждение этого ссылается на Фукидида, Лукреция, Аристотеля, Галена и на то, что указывает опыт (стр. 10-20); он также опровергает (*Предисловие*, стр. 2-13) противоположное мнение французских докторов, посетивших Марсель в 1720 году. Однако это были недавние и образованные очевидцы моровой язвы, которая в несколько месяцев унесла пятьдесят тысяч жителей (Sur la Peste de Marseille, Paris, 1786) в таком городе, который при своем теперешнем благосостоянии и при своей

торговле имеет не более девяноста тысяч жителей. (Necker, *Sur les Finances*, том I, стр. 231).

95) Положительные утверждения Прокопия опровергаются тем, что Эваргий впоследствии узнал по опыту.

96) Прокопий сначала прибегает к различным риторическим фигурам, говорит о песках, которые лежат на дне моря и т.д. Затем он старается (*Anecdote*, гл. 18) выражаться более определенно и говорить, что в царствование коронованного демона погибли *myriadas*, *myriadan*, *myrias* (греч.). Это выражение неясно и в грамматическом, и в арифметическом отношении; если его перевести буквально, получаются миллионы миллионов. *Alemannus* (стр. 80) и *Cousin* (том III, стр. 178) переводят его словами "двести миллионов", но мне неизвестны их мотивы. Если отбросить слово *myriadas* (греч.), то остальные два слова, *myriadan*, *myrias* (греч.), будут значить мириада мириад, или сто миллионов, и эту цифру нельзя считать совершенно неправдоподобной.

ISBN 978-5-275-01704-5

9 78 5 2 7 5 0 1 7 0 4 5